Б3.3
П-640

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Л. П. ПОТАПОВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ АЛТАЙЦЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
1953

116577

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

9(С 182.1)
П-640

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Л. П. ПОТАПОВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ АЛТАЙЦЕВ

Хр. 16 4577

Горно-Алт[illegible] областная
БИБЛИОТЕКА.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1953

63.3(2Рос.Алт)
П640

Советом Министров СССР автору в 1951 г. присуждена Сталинская премия второй степени за первое издание „Очерков по истории алтайцев“

Ответственный редактор *С. В. Киселев*

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Со времени появления первого издания «Очерков по истории алтайцев» в 1948 г. в науке произошло выдающееся по своему значению событие — выход в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Научное и методологическое значение этого произведения настолько велико, что нет такой отрасли научного знания, которая не испытала бы благотворного влияния его творческих идей. Идейно-теоретическое богатство труда И. В. Сталина по языкознанию долго будет находиться в центре внимания не только языковедов, но и ученых самых различных специальностей, в том числе историков и философов, этнографов и фольклористов, археологов и антропологов.

Руководствуясь идеями и теоретическими положениями упомянутого труда И. В. Сталина, я смог внести ряд важных дополнений и исправлений в текст настоящей книги. Глубокая характеристика, данная И. В. Сталиным империи рабского и средневекового периодов (Кира и Александра Великого, Цезаря и Карла Великого), позволила мне уточнить характер некоторых кратковременных государств азиатских кочевников и прежде всего государства так называемых тюркских каганатов VI—VIII вв. В этом разделе книги мною высказаны некоторые соображения относительно роли и значения рабства у кочевников того времени. Из дополнений, внесенных в первую часть книги, укажу на большой раздел о происхождении алтайцев, а также на подраздел «Алтайцы в составе Улуса Джучия». Наибольшее количество дополнений и уточнений мною внесено в раздел «Социалистическая культура и быт алтайцев». Все они относятся преимущественно к рассмотрению вопросов языка и национальной культуры, а также к характеристике процесса национальной консолидации современных алтайцев.

Настоящее издание моей книги, как и первое, отнюдь не претендует на полное и всестороннее освещение истории алтайцев дореволюционного периода, хотя очерки написаны и расположены в хронологической последовательности. Работа по написанию истории алтайцев еще впереди. Целый ряд важных вопросов дореволюционной истории алтайцев, как например отражение революции 1905 г. на Алтае или события 1916 г., возникшие в связи с мобилизацией алтайцев на тыловые работы, не только еще не исследованы, но по ним даже не выявлен достаточный конкретный материал. Не разработана и периодизация дореволюционной истории алтайцев. Еще менее изучены и разработаны вопросы истории алтайцев за советский период.

Не имея пока возможности ввиду неизученности достаточно полно осветить в ряде очерков советский период в истории алтайцев, я ограничился лишь краткими материалами, которые рассматриваются в заключении книги и не могут считаться исчерпывающими. Роль и значение

в истории алтайцев советского периода настолько велики, что было бы неправильным отвести этому периоду только одну или несколько глав в книге, где трактуются вопросы дореволюционной истории. Подлинная история алтайцев началась с возрождения этой народности в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции. Отсюда изучение и изложение истории алтайцев в советскую эпоху должно быть предметом специальной монографии.

В октябре 1952 г. состоялся XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Его открытию предшествовало опубликование нового теоретического труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», являющегося для данного времени высшим этапом творческого развития марксистско-ленинской теории. Идеи нового труда И. В. Сталина легли в основу работы и решений XIX съезда.

В работе и решениях этого съезда отразилась постоянная забота нашей партии о развитии советской науки. В докладе Г. М. Маленкова сказано: «Учитывая все возрастающее значение науки в жизни нашего общества, партия проявляет повседневную заботу о ее развитии. Советское государство развернуло строительство и оснащение большой сети научно-исследовательских институтов, создало самые благоприятные условия для расцвета науки, обеспечило широкий размах подготовки научных кадров».[1]

Одной из многочисленных иллюстраций к приведенным словам Г. М. Маленкова может служить и факт создания в 1952 г. Горно-Алтайского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Это означает, что в горах Алтая, где до революции бродили полукочевые отсталые племена, благодаря советскому государственному строю и ленинско-сталинской национальной политике социалистическая культура алтайцев достигла такого высокого уровня, который характеризуется наличием собственных научных кадров, что Коммунистическая партия и правительство Советского Союза неустанно заботятся о процветании науки и культуры у всех народов нашей страны, больших и малых. Ныне алтайцы имеют реальную возможность сами изучать свою историю. Это обстоятельство наносит очередной сокрушительный удар по лживым, пропитанным расистскими измышлениями, утверждениям буржуазной науки, для которой алтайцы являлись лишь объектом изучения, да и то только этнографического, ибо буржуазная наука отрицала за алтайцами право числиться в разряде народов «исторических», т. е. имеющих собственную историю.

Исходя из решений XIX съезда, я стремился, в пределах возможности, внести дополнения и изменения в текст уже сверстанной книги.

Мне остается выразить надежду, что читатели не откажут сообщить свои критические замечания по настоящему изданию.

Л. Потапов

---

[1] Г. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 71.

ВВЕДЕНИЕ

1. Расселение алтайцев

Алтайцы — народ, возрожденный к жизни советской властью. Великая Октябрьская социалистическая революция освободила алтайцев от цепей рабства и разбудила их народные силы, томившиеся в течение многих веков то под гнетом различных азиатских ханов, то под игом царизма. В результате практического осуществления ленинско-сталинской национальной политики алтайцы в своей основной массе были выделены в 1922 г. в Ойротскую автономную область, которая в 1948 г. была переименована в Горно-Алтайскую автономную область.

Алтайцы обитают в горах Русского Алтая. Они сложились в настоящее время в единую народность, строящую и развивающую социалистическую культуру.

Ленинско-сталинская национальная политика вывела алтайцев из состояния нищеты, невежества и бесправия на путь социалистического переустройства жизни. Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) и правительство Советского Союза, великий русский народ оказывают алтайцам постоянно и систематически большую практическую помощь в ликвидации их многовековой экономической, культурной и политической отсталости. Теперь среди алтайцев безраздельно господствует социалистический строй и основой народного хозяйства является социалистическое животноводство.

До революции тюркоязычные племена Алтая (включая Кузнецкий Алатау) не имели общего самоназвания, как не имели и единого языка. Они не представляли собой единой народности. В этнографической литературе эти племена обычно объединяли под общим именем «алтайцы». Они распадались на ряд племенных и территориальных групп, говоривших на диалектах двух алтайских тюркских языков. Расселение их на территории Алтая осталось неизмененным до наших дней.

1. Собственно алтайцы, или алтай-кижи, обитают по долинам рек Катуни, Урсула, Семы, Маймы, Чарыша, Кана, Песчаной и др. Большинство этих племен сосредоточено в Онгудайском, Усть-Канском, Усть-Коксинском, Шебалинском, Эликмонарском и Майминском аймаках Горно-Алтайской области. Еще в первой половине XVIII в. их кочевья распространялись на долины рек бассейна Иртыша: Бухтармы, Нарыма и Курчума, а часть их ежегодно на зиму переходила на левый берег Иртыша и кочевала по его притоку Аблайкетке.

2. Теленгиты живут по долинам рек Чуи и Аргута.[1]

---

[1] Ряд ученых отождествлял теленгитов с древним тюркским племенем, фигурировавшим в китайских летописях под именем До-лань-ге, входившим в VI в. в племенное объединение Теле и сыгравшим крупную роль при образовании тюркского каганата. (В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893, стр. 88, 90; G. Schlegel. Die chinesische Inschrift auf dem uigurischen Denkmal in Kara-Balgassun. Mém. Soc. Finno-Ougrienne, t. IX, Helsingfors, 1896, S. 1; Н. А. Аристов. Заметки об

3. Телесы расселены по долинам рек Чулышмана, Башкауса и его притока Улагана.[1] Наименование «телес» относится преимущественно к населению долины Чулышмана, а жители Башкауса именуются

Типы «алтай-кижи», или собственно алтайцев.[2]

термином «улан».[3] Телесы отдельными группами встречаются на р. Чуе у теленгитов и в бассейне Урсула.

этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Живая старина, т. VI, вып. III—IV, 1896, стр. 67.

[1] Племя Телес упоминается в енисейско-орхонских памятниках VIII в., а позднее среди лесных племен Саяно-Алтайского нагорья, подчинившихся Чингис-хану.

[2] Фотографии, помещенные на стр. 3—12, относятся к началу 20-х годов и отражают дореволюционный быт алтайцев.

[3] Этот термин, видимо, произошел от названия р. Улаган, или Улаан. Ср. чуй-кижи, или чуйцы, как называют себя иногда теленгиты, живущие по р. Чуе.

4. Тубалары живут по рекам Большой и Малой Ише, Сары-Кокше, Кара-Кокше, Пыже и Уйменю в Чойском и Турочакском аймаках.

5. Челканцы (шелганы, или лебединцы) населяют долину р. Лебеди и преимущественно ее притока Байгола в Турочакском аймаке.

6. Кумандинцы расселены по р. Бии в Турочакском аймаке. Большинство их живет по этой же реке в Старо-Бардинском и частично Солтонском районах Алтайского края.

Теленгиты.

7. Телеуты обитают по р. Черге и долинам других мелких рек в Шебалинском и в Майминском аймаках Горно-Алтайской области. Большинство же их сосредоточено по рекам Большой и Малый Бочат в Беловском районе Кемеровской области. Часть телеутов, почти совершенно обрусевших, живет и в Чумышском районе Алтайского края по р. Чумышу.

8. Шорцы населяют бассейны рек Кондомы и Мрассы, а гакже верхнее течение р. Томи в Кузнецком Алатау. В административном отношении эта группа алтайцев входит в состав Кемеровской области. Небольшое количество их проживает в Чойском и Турочакском аймаках,

Телесы, или улаганцы.

Тубалары.

где они до недавнего времени были известны как сеок (буквально — «кость»), т. е. род, Шор, или Чор.

Тубаларов, кумандинцев, челканцев и шорцев принято называть общим именем «северные алтайцы».

В русских официальных документах XVII и XVIII вв. и в описаниях путешественников XIX в. алтайцы выступают под названиями «горные калмыки», или «порубежные калмыки», даже «алтайские, или бийские,

Челканец.

калмыки», а чаще всего, особенно телеуты, под именем «белые калмыки», в отличие от джунгаров, или «черных калмыков». Название «калмыки» было совершенно неправильно приписано алтайцам русской администрацией в XVII в., видимо, на основании внешнего физического сходства в типе алтайцев с калмыками и сходства в кочевом образе их жизни. Отождествлять алтайцев с калмыками никак нельзя, ибо калмыки — это западные монголы и говорят они на монгольском языке, в отличие от алтайцев — тюрков, говорящих на тюркских языках. Правда, некоторое время алтайцы официально именовались ойротами, но по этому поводу необходимо заметить, во-первых, что термин «ойрот» применялся к алтайцам неправильно, исторически необоснованно и, во-вторых, что

в широких массах алтайцев термин «ойрот» как этническое наименование не привился. Этот термин неправилен по отношению к алтайцам потому, что он представляет собой алтайское произношение термина «ойрат», настоящее значение которого — западный монгол, или калмык. Ойраты — это западная ветвь монгольского племени, т. е. западные монголы, или калмыки, которые в первой половине XVII в. ушли из районов Алтая в низовья Волги, где и стали известны под названиями

Телеут.

«волжские калмыки» и «астраханские калмыки». Часть их живет в Восточном Туркестане и в западной Монголии (торгоуты, дербеты и др.).

Термин «ойрат» известен в литературе с XII в. Так тогда назывались лесные охотничьи племена Саянского нагорья, говорившие на монгольском языке. После распада монгольской империи Чингис-хана и ликвидации владычества монголов в Китае (1368) монголы делились на восточных, или просто монголов, и западных, называвшихся ойратами. С этого времени термин «ойрат» окончательно закрепился за западными монголами. Тюркское население, сталкивавшееся с ойратами, дало последним наименование «калмак», или «калмык», которое вошло

в русскую историческую и официальную литературу. Таким образом слова «ойрат» и «калмык» получили одинаковое значение.

Из всего сказанного видно коренное различие между монголоязычными ойратами — калмыками и тюркоязычными — алтайцами, а также полная необоснованность применения термина «ойрот» к алтайцам. Правда, в XVII в. и в первой половине XVIII в. алтайцы входили в состав Ойратского, или Джунгарского, государства, но они не являлись его органической частью, а были в нем на положении зависимых и угне-

Телеутка.

тенных племен. Однако этот факт нахождения алтайцев в политической и экономической зависимости от ойратских ханов не дает основания называть алтайцев ойратами, или ойротами.

Следует сделать еще замечание по поводу терминов «белые калмыки», которым в XVII и XVIII вв. называли телеутов, и «черные калмыки», который применяли к настоящим калмыкам, или джунгарам. Это различие в наименовании калмыков привлекло внимание еще ученых XVIII в. Из них Г. Миллер склонен был объяснить это различие цветом лица и различием языка.[1] Георги полагал, что телеуты получили название «белые калмыки» оттого, что они жили вблизи гор, покрытых вечным снегом,

---

[1] Г. Миллер. История Сибири, т. I. М.—Л., 1937, стр. 179.

а Григорий Спасский думал, что это название «придано им для отличия их между собой, либо от образа их жизни и преимущественной верности России одних перед другими: ибо первые (т. е. белые калмыки, — *Л. П.*) имели постоянные жилища и платили исправно ясак, а последние вели кочевую жизнь и частыми набегами обеспокоивали как русские селенья, так и самих белых калмыков».[1] Миллер был прав. Кроме очевидного различия в физическом типе телеутов, у которых монголоидные черты выявлены слабо, что было отмечено нашими соотечественниками уже в XVII в., тогда же была ясна разница и в языке тюркоязычных теле-

Шорцы.

утов и монголоязычных калмыков. В одном из русских документов первой половины XVII в. из собрания Миллера говорится, как служилые люди и их толмачи перекликались с подданными телеутского князя Абака «черных калмыков языком» и «белых калмыков языком».[2]

Возвращаясь к вопросу о различных наименованиях племен Алтая, следует указать, что северных алтайцев в дореволюционной литературе называли еще черневыми татарами.[3] Исключение составляли шорцы, которых называли либо кузнецкими татарами, либо мрасскими и кондомскими татарами по наименованию рек Мрассы и Кондомы, в бассейне которых шорцы обитали. Теленгитов называли в XVIII в. еще

[1] Гр. Спасский. Телеуты, или белые калмыки. Сиб. вестник, ч. XIII, 1821, стр. 218.

[2] Г. Миллер. История Сибири, т. II. М.—Л., 1941, стр. 397. Документ № 306 от 1632 г. сентября 18: «Допросные речи Айдара о плавании по р. Оби к устью Бии и о встречах с калмыками и иными народами».

[3] Черневыми их называли по месту обитания в черни, т. е. в таежной местности

урянхайцами, либо урянхайскими калмыками, что совершенно неправильно. Их называли также и чуйцами, по имени р. Чуи, где они расселены.

2. Источники для изучения алтайцев

Тюркоязычные племена Алтая относились к той категории племен, которая именуется бесписьменной, т. е. не имевшей в прошлом своей письменности. Алтайцы не имеют собственных письменных источников для освещения своего прошлого. Однако это не означает, что письменные источники для восстановления их истории отсутствуют. Существует ряд широко известных письменных источников — китайских, византийских, персидских, русских и др., где встречаются ценнейшие сведения о племенах Алтая. К сожалению, данные эти слишком отрывочны и хронологически ограничены небольшим отрезком времени. При таком положении для изучения жизни алтайцев в историческом разрезе важное значение приобретают археологические и этнографические данные, которые здесь являются первоисточниками. Большое служебное значение в этом отношении имеют также данные фольклора и языка. Отсюда становится ясным, что при изучении алтайцев в историческом плане необходимо пользоваться комплексом указанных источников, в котором тот или иной вид источников может быть ведущим в зависимости от изучаемого периода, а остальные будут служить для проверки достоверности устанавливаемых фактов.

Шорец.

Переходя к рассмотрению археологических источников, относящихся к территории Горного Алтая, приходится сразу же отметить, что, при всей важности их для восстановления исторического прошлого этой большой горной страны и сопредельных с нею районов, к настоящему времени археологические памятники выявлены далеко не достаточно. При кажущемся обилии открытых и зафиксированных археологических памятников на Алтае, их недостаточность сразу становится ясной, как только мы подойдем к рассмотрению их по хронологическим эпохам. Так, совершенно не известны для территории Горного Алтая памятники палеолита, хотя есть серьезные основания предполагать их наличие, например в пещерах по р. Чарышу. Палеолитические памятники обнаружены только в ближайшем к Алтаю северном предгорье, всего в нескольких десятках километров от горного района (у с. Сросток, затем в районе г. Бийска). До сих пор не обнаружены в горном районе и памятники неолита, за исключением одного (имею в виду нижние слои энеолитической стоянки

в устье р. Куюма), достоверность которого может оспариваться. Между тем в предгорьях Алтая эти памятники хорошо известны.[1] Нельзя признать удовлетворительным и положение с выявлением в Горном Алтае памятников эпохи бронзы. Древнейший этап ее, представленный памятниками афанасьевского типа, обнаружен уже в ряде мест Горного Алтая: устье р. Куюма, по р. Урсулу (Туекта, Онгудай) и ее левому притоку Куроте, на Улагане (урочище Арагол и Балыкты-Юл) и на р. Катуни (у с. Коксы). Не найдены еще памятники последующих культурных стадий эпохи бронзы — андроновского и карасукского типов, за исключением отдельных подъемных находок, но не из погребений, хотя последние хорошо известны и частично исследованы для районов, вплотную прилегающих к Горному Алтаю.[2] И только поздние памятники бронзы, а также ранние и последующие памятники эпохи железа известны здесь сравнительно хорошо. К ним в первую очередь нужно отнести курганы времени ранних кочевников (VII в. до н. э.—I в. н. э.), синхроничные скифским памятникам северного Причерноморья. Для Алтая это был период, когда впервые возникло кочевое скотоводство, когда впервые лошадь была использована как верховое животное. Это был период, когда возникла и сложилась своеобразная культура кочевников, коренным образом отличавшаяся от культуры предшествующих стадий развития. Новый способ пастьбы скота сделал возможной совместную жизнь крупных объединений людей, разрушил многовековую изолированность оседлых племен, положил начало возникновению ряда ремесел, связанных с использованием продукции скотоводства. Именно в этот период сложился оригинальный кочевой быт древних скотоводов Алтая, приспособленный для постоянных передвижений. Варьируя и изменяясь, он сделался основной формой быта на многие последующие столетия, сохранившись в главных чертах до нашего времени. Основным видом археологических памятников этого периода является погребение с курганами, а для более поздних периодов эпохи железа (например VII—VIII вв. н. э.) — еще и каменные изваяния в форме человеческих фигур, наскальные изображения, остатки древней оросительной сети. Наиболее существенный материал дают курганы.

Курганы, как отдельные, так и расположенные группами, часто вытянутые цепочкой, под земляными, а чаще каменными насыпями содержат богатый погребальный инвентарь. Инвентарь различается хронологически. Общим характерным признаком его является наличие вместе с покойником верховой лошади.

Погребения ранних кочевников ярко отражают имущественное неравенство, которое проявляется не только в составе погребального инвентаря, но и в размерах, материале и конструкции погребального сооружения. Знатных кочевников хоронили в больших курганах, заключаю-

---

[1] Поздненеолитические памятники найдены, например, по р. Бии (у с. Енисейского), в верхнем течении р. Оби (близ с. Фоминского и др.), в верхнем течении р. Томи (у г. Сталинска) и на Иртыше (близ г. Семипалатинска). Неолитические стоянки и погребения не имеют внешних признаков и обнаруживаются обычно случайно.

[2] Например, андроновские погребения в низовьях р. Бии и особенно в верхнем течении р. Оби (у сел Красный Яр и Быстрый Исток), у д. Иконниково, у д. Клепиковой, а также на левом берегу Иртыша (по р. Кызылсу в районе Семипалатинска). Андроновские могилы на поверхности обычно имеют круг из каменных плит. Памятники карасукского типа (могильники и поселения) известны по р. Оби у с. Фоминского, у с. Камышенки (близ Быстрого Истока), по р. Бии у с. Енисейского, по р. Катуни у с. Суртайского, по р. Томи у г. Сталинска.

щих внутри просторную деревянную камеру сложного устройства, где клали покойника с пышным и разнообразным бытовым инвентарем, в сопровождении оседланных лошадей, количество которых иногда было больше десяти. Среди погребального инвентаря встречаются часто вещи, происхождение или стиль которых раскрывает культурные связи Алтая того времени с юго-западными и восточными областями. На юго-западе эти связи поддерживались с кочевыми племенами Средней Азии: саками и массагетами («юэчжи» китайских летописей), а через них и с ахеменидским Ираном. Восточные связи Алтая ведут к гуннам и Китаю.

Свыше 100 исследованных погребений ранних кочевников, находящихся более чем в 30 пунктах Горного Алтая, хронологически являются разновременными, как убедительно свидетельствует об этом погребальный инвентарь.[1] Среди них пока удалось наметить три последовательных хронологических этапа. В смысле наименования и признаков этих этапов я следую за М. П. Грязновым, глубоко и всесторонне изучившим этот период. Нужно признать, что в основном периодизация, предложенная М. П. Грязновым, является весьма плодотворной рабочей гипотезой, далеко продвинувшей дело изучения этих памятников. Само наименование этого периода «периодом ранних кочевников», принадлежащее также М. П. Грязнову, нельзя не признать удачным. Несмотря на это С. И. Руденко, рассматривая алтайские археологические находки периода ранних кочевников, не только избегает этого термина, но вводит вместо него термин «алтайские скифы».[2] Отрицание наименования «ранние кочевники» у С. И. Руденко, очевидно, связано с тем обстоятельством, что С. И. Руденко не признает алтайских «скифов» за кочевников. Это ясно из ряда его замечаний, где он подчеркивает, что «чисто кочевой образ жизни, без заготовки для скота корма на зиму в природных условиях Алтая немыслим в настоящее время, невозможен был и раньше».[3] Или: «Крупного, такого как в степях, табунного скотоводства с постоянными перекочевками на Алтае никогда не было», и т. д. Не отрицая справедливости замечаний С. И. Руденко по поводу возможной формы кочевания древних кочевников Алтая, которую он определяет как «сезонные перекочевки яйлажного типа», я не могу все же согласиться с тем, чтобы на этом основании не признавать древних алтайцев кочевниками, а их культуру и быт кочевыми. Известно, что кочевой быт имеет различные формы, например постоянное правильное циклическое кочевание со стадами (как у казахов или монголов и теленгитов Кош-Агачского района до революции) в течение всего года, зависящее от поедания корма стадами, расположения водных источников, необходимости укрыться от холодных зимних ветров в защищенных долинах, а также от других постоянно действующих причин. Вместе с этим мы знаем и кочевание сезонное — с зимних пастбищ на летние и обратно (до революции у большинства южных алтайцев), иногда только в вертикальном направлении, как это часто бывает в горах. Имеются и смешанные формы этих вариантов и др. Как бы то ни было, но остается несомненным, что во всех этих случаях мы имеем дело с формами кочевого быта, кочевой культуры, приспособленной к подвижному образу жизни. И если у многих известных нам кочевников наблюдаются некоторые явления, связанные с оседлым бытом (небольшие посевы,

---

[1] Подсчет исследованных памятников произведен М. П. Грязновым.

[2] С. И. Руденко. Скифская проблема и алтайские находки. Изв. АН СССР, серия истории и философии, № 6, 1944, стр. 267.

[3] Там же.

срубное постоянное жилище на зимних пастбищах, около которых обычно и производились посевы), то это обстоятельство ни в какой мере не может служить основанием для отрицания у них кочевого быта. Это положение мы должны применить и к ранним кочевникам Алтая, кочевой облик быта и культуры которых не вызывает никаких сомнений.

Погребения кочевников, содержащие предметы наиболее архаического типа, часть которых генетически связана и с памятниками предшествующей стадии (карасукского типа), относятся к майэмирскому этапу развития культуры на Алтае (VII—V вв. до н. э.), получившему наименование по Майэмирской степи в западном Алтае, где встречаются эти погребения. Они тянутся в виде цепочек больших курганов с земляными насыпями (например под Солонечным белком и в долине р. Солонечной). В других районах Алтая и в предгорьях они отмечены в виде небольших курганов,[1] где покойник лежит с согнутыми ногами, так же как и в погребениях предыдущих этапов (афанасьевского, андроновского, карасукского).

Следующим хронологическим этапом являются памятники пазырыкского типа (V—III вв. до н. э.), названные так по имени группы знаменитых пазырыкских курганов, раскопанных С. И. Руденко. Кроме пяти больших пазырыкских курганов им вскрыто два кургана по р. Каракол (приток Урсула), в местности Баш-адар. Курганы этого типа преимущественно с каменными насыпями. Среди них курганы предводителей кочевых племен резко выделяются своими огромными размерами, сложным устройством срубной деревянной камеры (с полом, потолком, двойными стенами), обилием и богатством погребального инвентаря, количеством захороненных лошадей (в Пазырыке I десять лошадей, в Пазырыке II семь лошадей и т. д.). Затем следуют курганы с меньшими насыпями, состоящими из камня и земли, с более простым устройством погребальной камеры, с захороненными в северной половине могилы одной-двумя лошадьми, с разнообразным, но менее обильным инвентарем. Эти курганы принадлежали, несомненно, богатым, но менее знатным лицам. Таковые курганы на реках Улагане (Арагол, 1929 г.), Урсуле (Туекта, 1937 г.) и Бухтарме (Черново II, 1911 г.).

Наконец к этому же времени относятся и маленькие курганы, представляющие, видимо, захоронения рядовых кочевников. В таких курганах покойник лежит в могиле, выложенной каменными плитами в виде ящика, в небольшом деревянном срубе. Рядом с таким гробом или ящиком погребена лошадь. Инвентарь, сопровождающий покойника, в этих курганах скуден и однообразен.[2]

Богатые погребения пазырыкского периода изобилуют предметами искусства звериного стиля, заслужившими мировую славу, и содержат интереснейшие данные о культурной связи Алтая с Ираном. Исключительно богатый инвентарь этих погребений (особенно пазырыкских) делает возможным восстановление достоверной картины быта древних кочевников Алтая даже в подробностях. Здесь уже встречаются предметы из железа.

Наибольшее количество исследованных памятников ранних кочевников относится к третьему хронологическому этапу (II в. до н. э.—I в. н. э.), названному шибинским (по кургану Шибе). По внешнему

[1] Курган этого типа в горах известен в устье р. Куюма, а в предгорьях в с. Большереченском.

[2] Курганы рядовых кочевников пазырыкского времени вскрыты, например, в черте г. Горно-Алтайска на б. Алферовской улице, на р. Бухтарме (Черново 1, 1911 г.).

виду они представляют собой такие же, как и предыдущие, цепочки больших курганов с каменными насыпями, в которых хоронили знатных кочевников, затем цепочки курганов меньшего размера с насыпями из камня или камня и земли, принадлежащие богатым кочевникам, и большие земляные курганы, обложенные булыжником, расположенные группами, но без определенного порядка, принадлежащие рядовым кочевникам.

В самых больших курганах знатные покойники лежат в выдолбленных из дерева колодах — саркофагах (как и в пазырыкских курганах), находящихся в просторной погребальной деревянной камере. Погребенные здесь снабжены обильным и богатым инвентарем, среди которого часто встречаются вещи китайского происхождения. Со знатным покойником погребались лошади (в Шибинском кургане 14 лошадей) в пышно убранной верховой сбруе. Среди множества украшений часты золотые изделия, различающиеся, как и в Пазырыке I, техникой выполнения. В богатых курганах меньшего размера просторные деревянные камеры устроены проще, саркофаги отсутствуют и покойники лежат на помосте.[1] Здесь с покойником хоронили от двух до пяти лошадей. Золотые украшения в этих курганах также часты и разнообразны. В погребениях рядовых кочевников шибинского периода могилы либо содержат небольшой деревянный сруб, либо только выложены деревом.[2] Покойники в них лежат с подогнутыми ногами; сопровождающий их бытовой инвентарь отличается простотой и состоит из железных, костяных и бронзовых предметов и глиняной посуды в виде кувшинов. В шибинских погребениях распространены изделия из железа.[3]

хр. 16457

Следующая важная группа памятников характеризует период VI—IX вв. н. э., т. е. период господства в восточной части Центральной Азии знаменитого тюркского каганата и его политических наследников — уйгуров. Само возникновение тюркского каганата связывается с территорией Алтая и с кочевавшими на ней тюркоязычными племенами. К этому периоду относятся небольшие каменные курганы с насыпью округлой формы (6—7 м в диаметре). Погребения в них находятся в неглубоких ямах. Обычно костяк лежит в вытянутом положении на спине, обращенным головой на север или восток. Значительное количество таких курганов было раскопано Саяно-Алтайской экспедицией Государственного Исторического музея в 1935 г.[4] Погребальный инвентарь их вместе с инвентарем из погребений известного могильника Кудурге[5] дает большой материал о быте тюрков Алтая того времени и позволяет установить культурные связи Алтая с Китаем. Среди погребального инвентаря очень часто встречаются захороненные с покойником одна-две-три лошади в сбруе и с седлами, близкими по конструкции и

---

[1] Курганы по рекам Караколу и Куроте (притоки р. Урсула), по р. Кану (Яконур, 1939 г.), р. Песчаной, р. Кураю и др.

[2] В районе с. Майма-Черегачак (близ г. Горно-Алтайска), у деревень Быстрянское, Суртайское, Березовка и Сростки и в других местах.

[3] В фундаментальной работе С. В. Киселева «Древняя история южной Сибири» (изд. 2-е, 1951) предложена несколько иная классификация хронологии больших каменных курганов Алтая. Пазырыкские курганы объединены в ней с Шибинским в одну большую хронологическую группу, отнесенную автором к гунно-сарматскому времени (III в. до н. э.—III в. н. э.).

[4] С. В. Киселев. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1935 г. Сов. археология, № 1, 1936.

[5] Могильник расположен по правому берегу р. Чулышмана, близ урочища Кудурге.

Горно-Алтайск
БИБЛИОТЕКА

форме современным алтайским седлам; хорошо представлены вооружение, одежда, украшения, посуда. Большое количество предметов погребального инвентаря дает представление об искусстве древних тюрков Алтая, например: разные украшения из золота и серебра, выполненные различной техникой (поясные и уздечковые наборы), резьба по дереву и кости, гравировка по кости и металлу, тонкий резной рисунок по камню и т. д. На некоторых предметах из этих могил обнаружены орхоно-енисейские надписи.

Но что особенно важно, на что необходимо обратить особое внимание, — это увязка описываемого материала с соответствующими данными китайской летописи. Богатый и разнообразный археологический материал из описываемых могильников является прекрасной документальной вещевой иллюстрацией к описанию быта древних тюрков в китайской летописи. И наоборот, сведения китайского источника династии Тан-шу (618—907) как бы описывают, документируют и датируют указанный материал.

С. В. Киселев, раскопавший большое количество упомянутых курганов, обратил внимание на то, что рядом с богатыми курганами, принадлежавшими, по его терминологии, аристократическому слою тюрков, находились четырехугольные оградки из плит, засыпанные внутри камнями. Около них находились каменные изваяния человека. По мнению С. В. Киселева, эти памятники **«являются жертвенными местами»** (в центре каждой оградки имеется небольшое углубление с золой и углем). Найденные вещи, равно как и форма украшений каменных изваяний, находящихся у восточной стенки площадки, позволяют объединять их с только что описанными курганами в один комплекс. Если эти жертвенные места действительно современны воздвигнутым курганам, то нельзя ли видеть в них символический обряд иной, предшествующей формы погребения богатых покойников у древних тюрков — путем сожжения? Об этой форме погребения, но только для богатых и знатных покойников, нам сообщает летопись Тан-шу. Сожжение покойников хорошо известно примерно для этого же времени и в соседней Хакассии по раскопкам богатых каменных курганов, также произведенным С. В. Киселевым. Наконец этот же способ погребения установил при раскопках на Алтае, в местности Яконур (по р. Кану), и М. П. Грязнов. Из источников известно, что в первой четверти VII в. при тюркском кагане Цзе-ли, или Дуби-хане,[1] обычай сжигания трупов у восточных тюрков стал сменяться погребением в земле с возведением на могиле кургана. Однако характерно, что похороны самого Дуби-хана как знатного лица, закончившего свои дни в плену у китайского императора, были произведены, как сообщает китайская летопись, «по кочевому обычаю» — сожжением.[2] Если это все так, то, может быть, в указанных оградах из плит и производилось символическое сожжение покойника и его погребального инвентаря как дань старой традиции, ревностным охранителем которой является религия.

Чтобы закончить рассмотрение археологических источников, я остановлюсь еще на наиболее поздних памятниках, которые можно отнести к XVII—XIX вв. Эти памятники представляют собой впускные погребения (обычно с конем) в насыпи древних каменных курганов со скудным

---

[1] St. Julien. Documents historiques sur les Tou-kiue. Journ. Asiatique, 6-me série, v. IV, 1861, p. 225.

[2] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, I. М.—Л., 1950, стр. 256.

и однообразным бытовым инвентарем, сходным с ныне бытующим. В других случаях такое погребение заключено в небольшой срубик из жердей, устроенный прямо на земле, где покойник лежит на спине, головой на седле, в сопровождении бытового инвентаря. Срубик этот обычно завален камнями. Вблизи такой могилы находится холмик из камней, в котором погребена лошадь покойного, без седла, но в узде, с удилами во рту и с путами на ногах.

Во всех погребениях, начиная от наиболее ранних и кончая позднейшими, весьма важен антропологический материал. Он имеет большое значение при решении вопроса этногенеза тюркоязычных племен Алтая. К сожалению, этот материал слабо изучен.

Из археологических памятников имеют существенное значение также и наскальные изображения и каменные изваяния в виде человеческих фигур. Они представляют собой реалистические изображения отдельных моментов жизни и быта. Так, например, наскальные изображения рисуют сцены охоты на некоторых зверей, изображения всадников в походном снаряжении, каменные же изваяния дают общее представление о костюме и его отдельных принадлежностях. Особенно интересны круглые каменные изваяния человека, которые ясно показывают даже в деталях внешний облик богатого алтайского тюрка в длиннополой одежде, подпоясанного поясом с набором из металлических украшений, с коротким мечом и кувшинчиком в руках.

С. В. Киселев, которому удалось правильно датировать эти изображения, доказал прямую связь вещей, изображенных на каменных изваяниях, воздвигнутых около «священных площадок», где, по моему предположению, происходило символическое трупосожжение, с вещами, положенными в могилу знатного покойника. Будучи интересными сами по себе, эти памятники, особенно в тех случаях, когда их удается датировать, оказывают значительную услугу в выяснении отдельных явлений и элементов быта древних алтайцев.

Перейдем к источникам письменным. Как уже сказано, вследствие отсутствия собственно алтайских письменных источников, при изучении исторического прошлого алтайцев необходимо пользоваться письменными источниками иного происхождения. Но прежде сосредоточим внимание на той их категории, которая, с одной стороны, является как бы переходным типом от археологического памятника к памятникам письменности, а, с другой стороны, в условном смысле может быть отнесена даже к собственным письменным памятникам алтайских тюрков. Речь идет о знаменитых енисейских и орхонских древнетюркских рунических надписях, высеченных на камнях.[1]

Эти рунические надписи были обнаружены впервые естествоиспытателем Даниилом Мессершмидтом, командированным в Сибирь Петром I в 1718 г. с целью провести ботанические исследования. Ему-то в 1721 г. и посчастливилось открыть первую такую надпись на р. Бее (притоке р. Уйбата), входящей в систему р. Енисея.[2] Однако эти надписи стали известны образованному миру только от Страленберга, который опубликовал репродукции нескольких енисейских надписей, сделанных на

---

[1] См. библиографию о них в «Трудах Троицко-Савско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского Географического общества» (т. XV, вып. 1, 1912).

[2] Эти материалы, как и многие другие, остались у Мессершмидта в рукописи. В. В. Радлов сделал из них извлечение и опубликовал его на русском языке в приложениях к «Сибирским древностям» (вып. 1, СПб., 1888).

могильном камне, на каменной бабе и на обломке бронзового зеркала.[1] С того времени новые находки енисейских надписей производились неоднократно. Они привлекли к себе внимание ряда археологических экспедиций финских ученых, возглавляемых известным финским археологом И. Аспелиным. Последний издал атлас, в котором опубликовал результаты указанных экспедиций, включив и ранние находки, но без расшифровки этих каменописных памятников.[2] Летом этого же года известный русский ученый и путешественник Н. М. Ядринцев, находясь в Монголии в научной командировке от Русского Географического общества, открыл в долине р. Орхона, в урочище Кошо-Цайдаме, два больших каменописных рунических памятника с высеченными надписями, весьма сходными с енисейскими.[3] Это открытие взволновало весь ученый мир и сразу же вызвало две специальные экспедиции в район, где находились памятники. Одна из них, возглавленная финским этнографом и археологом А. Гейкелем, отправилась туда в 1890 г. от имени Финно-угорского общества.[4] Вторая экспедиция была направлена в 1891 г. от Российской Академии Наук, под руководством знаменитого тюрколога акад. В. В. Радлова. В состав этой экспедиции вошли Н. М. Ядринцев и другой известный русский ученый и путешественник Д. А. Клеменц. Русская академическая экспедиция, получившая название Орхонской экспедиции, вписала в историю мировой науки блестящую главу и увековечила свои результаты.[5] Честь дешифровки енисейско-орхонских рунических знаков принадлежит датскому ученому В. Томсену, который составил ключ к их чтению.[6] Пользуясь этим ключом и совершенствуя его, русские ученые, прежде всех В. В. Радлов, первые стали быстро переводить и издавать эти каменописные памятники и заняли ведущее место в их исследовании[7] на фоне большой и кропотливой

---

[1] Ph. Stralenberg. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stokholm, 1730.

[2] Inscriptions de l'Iénissei recueillies et publiées par la Société finlandaise d'archéologie. Helsingfors, 1889.

[3] Это были памятники с надписями на древнетюркском и китайском языках, поставленные китайскими мастерами в 733 и 735 гг. кагану тюрков Бильге (по-китайски — Могилян-хан) и его брату Кюль-Тегину.

[4] Результатом ее явилось издание А. Гейкелем этих памятников (также без расшифровки) под названием «Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise et publiées par la Société finno-ougrienne» (Helsingfors, 1892).

[5] В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, вып. 1—4. СПб., 1892—1893, Сб. трудов Орхонской экспедиции. Т. I. Предварителньый отчет. СПб., 1892.

[6] W. Thomsen. Dechiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de L'Yénissei. Copenhaque, 1894. Русск. перевод В. Розена в Зап. Вост. отд. Русск. Археол. общ., т. VIII, 1894, стр. 327—337. — Позднее Томсен издал эти памятники по-немецки, под названием «Alttürkische Inschriften aus der Mongolei in Ubersetzung und mit Einleitung von Wilhelm Tomsen» (Leipzig, 1921). В рецензии на первое издание настоящей книги А. Н. Бернштам (Сов. этнография, № 3, 1949) без всяких фактических оснований пытается приписать В. В. Радлову честь дешифровки енисейско-орхонской руники, упрекая меня в нежелании зафиксировать приоритет русским ученым. Однако факт дешифровки Томсеном хорошо известен и бесспорен, и иное освещение его означало бы искажение фактов, что советской науке несвойственно. См. об этом также: С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири, стр. 492; С. Е. Малов. Памятник древнетюркской письменности. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 12.

[7] W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, I—III. St.-Petersb., 1894—1895; Сб. трудов Орхонской экспедиции, тт. II—VI. СПб., 1895—1903; W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. Nebst einer Abhandlung von W. Barthold; Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. St.-Petersb., 1897; П. М. Мелиоранский. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках. Журн. Мин. нар. просв., июнь, 1898; W. Radloff. Die alttürkischen

работы, которая велась в этом направлении и западными учеными, специалистами по вопросам истории Центральной Азии.[1]

Енисейско-орхонские памятники, всестороннее исследование которых еще впереди, дают большой документальный материал не только по политической истории древних тюркоязычных племен, составлявших ядро тюркского каганата, но содержат также обильные данные, характеризующие их хозяйственную жизнь, культуру и быт. Они имеют важное значение и непосредственно для Алтая. В них встречаются сведения, имеющие прямое отношение к историческому прошлому тюркоязычных племен Алтая. Так, названия некоторых племен (Телес, Тюргеш, Туба, Кыпчак), упоминающиеся в этих памятниках, сохранились до сего времени в племенных или родовых названиях алтайцев. Отдельные термины родства (ини, ачы, келин) бытуют у алтайцев и поныне с тем же значением. Наконец наименования некоторых божеств (Умай, Йер-Су, Кок-Тенгри) сохранялись в религиозных представлениях современных алтайцев под теми же названиями и с теми же функциями, вплоть до революции. Подобные данные при всей их краткости являются драгоценными для исторического изучения алтайцев. Если к этому еще прибавить, что в могилах Алтая встречаются предметы с енисейско-орхонскими надписями, а исторические сведения в изученных каменописных памятниках взаимно и хорошо согласуются с соответствующими по времени китайскими летописными известиями и с материалом алтайских могильников древнетюркского времени, то станет ясно крупное значение описанной категории источников для изучения алтайцев.

Обращаясь к рассмотрению иноязычных для алтайцев письменных источников, прежде всего отметим общеизвестные восточные источники, в которых сведения об Алтае и его населении приходится собирать по крупинкам. Тем не менее, этими крупинками не только нельзя пренебречь, но без использования их исследование по истории алтайцев просто невозможно. Первое место в этом отношении принадлежит китайским известиям, содержащимся обычно в династийных хрониках.[2] Среди них особенно ценные и относительно подробные сведения заключены в Тан-шу — истории Танской династии, окончательно отредактированной предположительно в IX в. В этом источнике сообщаются ценнейшие данные не только о политической истории алтайских тюрков, об их военных столкновениях и набегах на другие племена, но и данные о способе хозяйства, о материальной культуре (пище, одежде, жилище, вооружении, средствах передвижения и т. д.), о семейных и обществен-

---

Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. St.-Petersb., 1899; W. Radloff. Die Inschrift des Tonjukuk, Fr. Hirth. Nachwort zur Inschriften des Tonjukuk; W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen; П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. Зап. Вост. отд. Русск. Археол. общ., т. XII, 1900; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности.

[1] Fr. Hirth. Über Verfasser und Abschreiber der chinesischen Inschrift an Denkmal des Kol-Tegin. T'oung-Pao, VII, 1896, S. 151—157; J. Marquart. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898 (с предисловием и дополнением В. Банга). — См. также работы Банга, например: W. Bang. Zu den Köktürkischen Inschriften. T'oung-Pao, IX, 1898.

[2] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, I, II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950; St. Julien. Documents historiques sur les Tou-kiue. Journ. Asiatique, 6-me série, IV, 1861; Д. Позднеев. Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899; Ed. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue (turcs) occidenteaux. Сб. трудов Орхонск. экспед., т. VI, 1903; De Groot. Die Hühnen der vorchristlichen Zeit. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Berlin—Leipzig, 1921—1926

ных отношениях, обычном праве, народных знаниях, религиозных представлениях и обрядах (в том числе и похоронных), и др. Данные упомянутой летописи, достоверность которых по большей части хорошо засвидетельствована археологическими находками, по своей относительной полноте и разнообразию имеют первостепенное значение.

Вместе с этим надо обратить внимание на мало кому еще известные сведения, относящиеся к Алтаю и особенно к его восточным соседям — енисейским кыргызам, находящиеся в истории Юаньской (монгольской) династии (1260—1368). Эта история — Юань-ши — имеет летописную часть, так называемую Бень-дзи, написанную по-китайски. Извлечения из нее сделаны и впервые переведены на русский язык, по моей просьбе, старшим научным сотрудником Государственного Эрмитажа В. Н. Казиным, ныне покойным. Как бы кратки ни были эти сведения, они все же обогащают наши скудные материалы.

Кроме китайских письменных источников, некоторые известия о древних тюрках встречаются у византийских писателей — Менандра (VI в.) и Феофилакта Симокатта (VII в.). Они описывают (по официальным данным) все виденное у тюрков византийскими послами, ездившими к тюркам с дипломатической миссией. Эти наблюдения над бытом тюрков, относящиеся к 60—70-м годам VI в., равно как и сами дипломатические миссии византийских послов, представляют также большой интерес для изучения Алтая. Данные этих наблюдений и их значение уже зафиксированы в литературе, поэтому в настоящей работе нет нужды повторять их.[1]

В меньшей степени представляется возможным использовать письменные мусульманские источники. Ряд восточных авторов, например арабский географ Ибн-Хаукаль (IX в.), арабский путешественник Абу-Дулеф (X в.), персидский аноним Худуд-ал-алем («Рукопись Туманского», X в.), персидский географ Гардизи (XI в.) и персидский же историк Джувейни (XIII в.), сообщают ценные сведения о западных или восточных соседях алтайцев (кыпчаках, кимаках, енисейских кыргызах), весьма полезные и при изучении алтайцев. Но о самом Алтае в их работах ничего не сказано. Исключение в этом отношении представляет только знаменитый Рашид-ад-дин, который упоминает о местообитании теленгутов и сообщает случайные и краткие сведения из их быта.[2] Несколько позднее (XVII в.) о теленгутах упоминает хивинский хан историк Абулгази, неправильно причисляя их к ойратам, или калмыкам.

Ценнейшие упоминания об алтайцах имеются в известном памятнике древнемонгольской литературы «Юань-чао-би-ши», или «Сокровенном сказании».[3] Он представляет собой монгольский обыденный сборник, где в рассказе о создании империи Чингис-хана упоминаются и некоторые алтайские племена (телесы, теленгуты). И вообще эта монгольская хроника является едва ли не единственным источником, относящимся к важному этапу в этногенезе тюркоязычных племен Алтая, когда, в связи с образованием империи Чингис-хана, происходило большое перемещение тюркских племен. Алтайцы соприкасались с уделом Джучия

---

[1] Д. Иловайский. Розыскания о начале Руси. М., 1879; Ed. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue (turcs) occidenteaux, p. 233—242.

[2] Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1. Изд. АН СССР, 1952.

[3] С. А. Козин. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г., т. I. М.—Л., 1941. См. также: Палладий Кафаров. Старинное монгольское сказание о Чингис-хане. Перев. с китайского. Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. IV. СПб., 1866.

и испытывали влияние тех новых этнических образований, которые в XIII и XIV вв. формировались в южных степях до Крыма и даже до Дуная и результатом которых было возникновение таких народов, как ногайцы и казахи и др. Все эти известные перемещения тюркских племен, совершавшиеся по соседству с Алтаем, не могли пройти для него бесследно. К этому же периоду относится и начало того проникновения монгольских элементов в тюркскую среду на Алтае, которое сделалось особенно интенсивным в ойратский период (с XV до половины XVIII в.). С этой точки зрения большое значение приобретают для изучения алтайцев «Монголо-ойратские законы».[1] Это уложение было принято на съезде монгольских князей Халхи, Джунгарии и Куку-Нора в 1640 г. Оно оказало влияние на быт алтайцев в пору подчинения их Джунгарии.

Надо сказать несколько слов о западных письменных источниках. Из них отметим известия западноевропейских путешественников и писателей (XIII—XVII вв.). Задача использования их в настоящее время весьма облегчена выходом в свет второго издания превосходной книги М. П. Алексеева «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей».[2] На основании этой сводной работы приходится констатировать, что эти источники не имеют большого практического значения для изучения алтайцев.

Если рассмотренные выше восточные письменные источники при всей их неоспоримой ценности отличаются скудностью сведений о различных сторонах жизни алтайцев, то это положение коренным образом меняется, когда, с определенного хронологического периода, появляются русские письменные источники. Можно только пожалеть о том, что эта обширная группа письменных источников, содержащая обстоятельные и разнообразные исторические материалы, хронологически охватывает небольшой и поздний период истории Алтая (преимущественно первую половину XVIII в.). Если согласиться с теми доводами, которые приводит Д. Н. Анучин при анализе древнего русского сказания «О человецех в восточной стране», то первым русским известием об Алтае и его населении следует считать именно этот источник, относящийся еще к концу XV или началу XVI в.[3] Правда, его полуфантастические описания населения верховьев Оби нельзя признать за достоверные, но видеть в них отражение ранних слухов об этом районе, как это предлагает и Д. Н. Анучин, вполне возможно.

Подлинные же первые сведения по истории и этнографии Алтая, доставляемые русскими письменными источниками, находятся в актовом материале XVII—XVIII вв. Здесь приводятся названия алтайских племен и родов, указывается их местообитание, сообщается фактический материал о процессе включения тюркоязычных племен Алтая в состав Русского государства, о размере и характере ясака, о взаимоотношениях различных племенных групп между собой и с русскими властями, встречаются ценные описания хозяйства и быта этих племен и многое другое.[4]

---

[1] Ф. И. Леонтович. Древний монголо-ойратский или калмыцкий устав взысканий. Одесса, 1879; К. Ф. Голстунский. Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-да-ши. СПб., 1880; В. А. Рязановский. Обычное право монгольских племен, ч. I, Харбин, 1923.

[2] Издана Иркутским областным издательством в 1941 г.

[3] Д. Н. Анучин. К истории ознакомления Сибири до Ермака. М., 1890.

[4] Г. Миллер. История Сибири, т. I, стр. 412, 433—436, 442—443, 445—447, 449, 452—453, т. II, стр. 91—92, 96—101, 262—263, 320—321, 396—397, 410, 486—489,

Упоминания об отдельных племенах Алтая имеются и в литературных источниках по истории: в летописях, в чертежах и описаниях к ним, в географических описаниях.[1] Если в летописях мы находим только наименование отдельных племен и указание на их местообитание, то в географических описаниях можно встретить и этнографические факты. Здесь уместно будет напомнить вывод, к которому пришел один из крупнейших специалистов по источниковедению Сибири — А. И. Андреев при изучении этнографических трудов и материалов XVIII в.[2] Он нашел, что основной группой источников, содержащей ценнейший этнографический материал, являются «сказки» и другие документы служилых людей XVII в. Сообщения этих первых «исследователей» Сибири, как называет их А. И. Андреев, хранятся как в фонде Сибирского приказа, так и в других собраниях сибирских документов. По сравнению с этим материалом только что отмеченная мною категория повествовательных источников имеет, по авторитетному мнению А. И. Андреева, второстепенное значение. К сожалению, эта ценнейшая группа источников не только не опубликована и не исследована, но даже и не описана и поэтому остается трудно доступной при изучении отдельных народов Сибири. Нет никакого сомнения в том, что в ее составе находятся и сведения, относящиеся к Алтаю. На это указывают случайно появляющиеся иногда публикации.[3] Но пока нет никакого описания их, до тех пор не представляется возможным оценить их настоящее значение. Поэтому я закончу рассмотрение русских литературных источников обзором некоторых путешествий в Сибирь, совершенных в XVII—XVIII вв. Из них прежде всего следовало бы назвать путешествие Н. Спафария, который приводит ряд наименований алтайских племен и родов и указывает их местообитание. Однако при этом приходится учитывать, что сам Спафарий в этих местах не был и при описании их пользуется, очевидно, известными ему этнографическими источниками, хотя их и не упоминает.[4]

Из путешественников XVII в., изучавших алтайцев, можно назвать только Лоренца Лянга, неоднократно проезжавшего через Сибирь в Китай в качестве дипломатического или торгового агента русского прави-

---

Акты исторические, изданные Археографической комиссией, т. III, СПб., 1841, стр. 219, 222, 374, 380; т. IV, 1842, стр. 17, 21, 26, 45 и др.; Дополнения к «Актам историческим», т. VII, СПб., 1859, стр. 339 и др.; т. VIII, СПб., 1862, стр. 42; Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. Чтения в Обществе истории и древностей российских, кн. 4-я, 1866; кн. 1-я, 1867. (Указать страницы невозможно за их многочисленностью. В дальнейшем название этого журнала дается сокращенно: Чтение); Сборник кн. Хилкова. СПб., 1879, стр. 188—194 и др.; Русская историческая библиотека, т. VIII, СПб., 1884, стр. 474—476, 536—538, 596—600; Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. I. СПб., 1885, стр. 92—96 и др., кн. II, 1885, стр. 319—322 и др.; Г. Н. Потанин. Исторические акты XVII столетия. Материалы для истории Сибири. Томск, 1890 (например стр. 8—9 или документы № 3, 10, 27 и др.).

[1] См., например: «Чертеж всей Сибири, збиранный в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича»; «Список с чертежа Сибирские земли»; «Описание новые земли, сиречь Сибирского царства», опубликованные в сборнике А. Титова «Сибирь в XVII веке» (М., 1890, стр. 35, 50, 79). См. также: «Сибирские летописи» (Изд. Археограф. комиссии, СПб., 1907) и «Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции» (собрал и издал А. Попов. М., 1869, стр. 401). Ряд племен северного Алтая показан на 14-м и 20-м листах Ремезовского атласа (1701).

[2] А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири XVII в. Л., 1940, стр. 92.

[3] С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии. Л., 1936, стр. 44—49 и др.

[4] А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири XVII в., стр. 105.

тельства. Лоренц Лянг приводит в своих дорожных записках краткие сведения о быте шорцев.[1] Иную картину рисуют нам путешествия XVIII в. и среди них прежде всего знаменитые русские академические экспедиции. Эти экспедиции были задуманы Петром I и положили начало научному собиранию и изучению исторических, этнографических и археологических фактов по народам Сибири. Но прежде, чем обратиться к этим широко известным источникам, я отмечу два менее популярных источника, имеющих прямое отношение к изучению алтайцев. Это, во-первых, путевой журнал капитана Ивана Унковского за 1722—1724 гг., посланного Петром I к джунгарскому хану Цэван-Рабтану.[2] В журнале содержатся ценные и интересные сведения о телеутах. Во-вторых, должна быть названа объемистая рукопись Г. В. де-Геннина «О старых рудных копях и вновь обысканных, где дворянин Акинфий Демидов заводы строил, которые имеются между Томским и Кузнецким дистриктами и между Обью и Иртышом реками, около Убинской и Усть-Каменской и Семипалатинской крепостями. в близости Телеуцкого и Контайшинского рубежей».[3] Эта работа явилась результатом поездки Г. В. де-Геннина в Сибирь в 1723 г. по поручению Петра I «для строения и размножения медных и железных заводов и разных фабрик и для исправления старых заводов». Де-Геннин в своей рукописи пишет и «о телеуцком народе. . . которые живут в горах и за горами каменными». Он кратко описывает хозяйство телеутов, их пищу, религию и даже физический тип («штатур оных, как и прочие татары: широколицые и плоские»).

Возвращаясь к академическим экспедициям в связи с обзором изучения истории, этнографии и археологии Алтая, укажем на вторую академическую экспедицию (1733—1743 гг.), возглавленную Г. Миллером, которая, можно сказать, составила эпоху в науке. Из работ участников экспедиции непосредственно для Алтая имеют ценность труды Миллера и Гмелина (старшего). Миллер, значение труда которого для истории Сибири вообще выявлено работами С. В. Бахрушина и А. И. Андреева,[4] обнаружил, сохранил и опубликовал ряд новых русских письменных источников по истории Алтая. Миллер частично использовал их для своей «Истории Сибири», где им уделено внимание и некоторым племенам Алтая (телеутам, шорцам).[5] У Гмелина же мы находим редкие наблюдения над бытом, например, кузнецких татар, т. е. шорцев.[6] В качестве примера такого наблюдения можно указать на описание примитивного способа плавки железной руды у шорцев на р. Кондоме, которое является и по сию пору едва ли не единственным.[7]

В 70-х годах XVIII в. возобновилось интенсивное изучение народов Сибири Академией Наук, что не могло не отразиться положительным

---

[1] Н. Ф. Катанов. Известия Лоренца Лянга о Сибири. Ежегодн. Тобольск. музея, вып. XIV, 1904.

[2] Посольство к зюнгарскому Хун-тайчжи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы. СПб., 1887.

[3] Извлечения из этой рукописи печатались в «Горном журнале» за 1828 г. (кн. 7—12).

[4] С. В. Бахрушин. Г. Ф. Миллер как историк Сибири. В кн.: Г. Миллер. История Сибири, т. I; А. И. Андреев. Труды Г. Ф. Миллера о Сибири. Там же.

[5] У Миллера имеются и отдельные заметки о шорцах, оставшиеся неопубликованными (История Сибири, т. I, стр. 561).

[6] J. Gmelin. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743, Bd. I—IV Göttingen, 1751—1752.

[7] Там же, т. I, стр. 280—283.

образом и на изучении Алтая. Новая академическая экспедиция начала свою грандиозную деятельность по изучению России и особенно Сибири с 1768 г. Во главе ее находился знаменитый П. Паллас. Из крупнейших участников этой экспедиции, доставивших ей мировую славу, оставили имеющие значение для Алтая труды академики Фальк, Георги и сам Паллас. К сожалению, в трудах Фалька этнографических сведений мало: у него можно найти только случайные замечания по религиозным воззрениям алтайских племен и упоминание о жилище-землянке у телеутов, обитавших по р. Чумышу.[1] У Палласа этнографических данных немного больше; они относятся к некоторым родам шорцев и свидетельствуют о занятии последних охотой на зверей, о собирании ими в пищу корней или стеблей диких съедобных растений, о шаманских верованиях.[2] Гораздо больше материалов у Георги. У него мы находим специальную попытку связного изложения этнографических фактов, касающихся племен Алтая.[3] Описывая телеутов, или теленгутов, и шорцев бассейна Мрассы, Кондомы и верхнего течения Томи, Георги не только излагает засвидетельствованные лично им этнографические факты, но и дает первое этнографическое описание этих племен, используя для него сведения, собранные об этих племенах другими, правда, не отделяя сообщений своих предшественников от собственных. В известной степени Георги может считаться одним из первых исследователей этнографии алтайцев.

Большой интерес также представляют ценные и точные заметки Егора Пестерева, которые он вел в течение 1772—1781 гг., будучи русским пограничным комиссаром среди народов, живших близ китайской границы. Часть этих заметок относится к шорцам, выселившимся на Таштып из долины р. Мрассы около половины XVIII в.[4]

Эти источники представляют собой переход к источникам чисто этнографическим, которые являются наиболее обширной категорией источников для исторического изучения алтайцев. Я не буду пока останавливаться на рассмотрении многочисленных этнографических явлений, бытовавших в жизни тюркоязычных племен Алтая. Я позволю себе только обратить внимание на вещественные этнографические памятники, относящиеся к различным племенам Алтая и хранящиеся в наших музеях. Этот вещевой материал имеет весьма важное значение, так как зачастую отражает ценнейшие этнографические явления, ныне уже навсегда исчезнувшие из жизни алтайцев. Этнографические коллекции по алтайцам наиболее полно представлены в центральных этнографических музеях нашей страны: в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР и Государственном Музее этнографии (б. Этнографический отдел Русского музея) в Ленинграде. В небольшом количестве они имеются также в музеях Сибири. В числе последних нужно назвать Горно-Алтайский областной краеведческий музей, где сохранились остатки некогда большой подробной этнографической коллекции по различным племенам Алтая. Среди этих остатков большой интерес представляет значительное количество шаманских бубен и костюмов. В меньшем количестве предметы по этнографии представлены в музеях Бийска,

---

[1] Записки путешествия акад. Фалька. Полное собрание ученых путешествий по России, изданное Акад. Наук, т. VI. СПб., 1824.

[2] П. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III. СПб., 1788, стр. 489, 508, 515.

[3] И. Георги. Описание обитающих в Российском государстве народов...

[4] Изданы Г. Миллером в «Новых ежемесячных сочинениях» (ч. XXXII) в 1793 г.

[4] Изданы Г. Миллером в «Новых ежемесячных сочинениях» (ч. XXXII) в 1793 г.

Барнаула и Новосибирска. Ценные коллекции по этнографии Алтая хранятся в музее г. Томска.

Обширные коллекции, исчисляющиеся тысячами предметов, разносторонне отражающие жизнь алтайцев, хранятся в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР в Ленинграде. Первые поступления их относятся к концу XIX в. и связаны с именами ученых Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина.[1] Но бóльшая часть сборов экспонатов дореволюционного периода принадлежит известному исследователю Алтая А. В. Анохину, который собрал их в период с 1911 по 1914 г. включительно среди алтайцев, телеутов, кумандинцев, челканцев, тубаларов и шорцев.[2] Среди сборов А. В. Анохина особенное значение имеют коллекции по культу, снабженные ценным описанием предметов. Главная часть собраний этнографических коллекций по алтайцам в этом музее составлена в советский период.[3] Эта работа проделана экспедиционным путем усилиями ряда этнографов-алтаеведов: А. В. Анохина, А. И. Новикова, Н. П. Дыренковой, А. Г. Данилина, Л. Э. Каруновской, Л. П. Потапова и др. Среди перечисленных коллекции сборов А. В. Анохина и А. И. Новикова особенно выделяются по полноте и доброкачественности вещей.[4]

Менее обширные, но также большие собрания этнографических экспонатов находятся и в составе коллекций Государственного Музея этнографии (Ленинград). Первое поступление их сюда (от Г. Н. Потанина) относится к 1902 г.[5] Главным собирателем алтайских этнографических коллекций в дореволюционный период для этого музея явился известный народник, ученый и путешественник Д. А. Клеменц.[6] Основная и бóльшая часть их собрана здесь также в советский период С. И. Руденко, А. Н. Глуховым, А. Г. Данилиным, Л. П. Потаповым.[7] Коллекции по этнографии алтайцев, хранящиеся в Государственном Музее этнографии, представляют собой ценнейший источник для изучения многих сторон быта алтайцев. Среди них выдающийся интерес имеет коллекция, собранная С. И. Руденко и А. Н. Глуховым у телесов (долины рек Чулышмана и Башкауса) и теленгитов (Чуйская, Курайская и Сайлюгемская степи), как по полноте и составу экспонатов, так и потому, что аналогичных экспонатов по этим племенам очень мало в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР. Уникальным является вывезенный полностью А. Н. Глуховым жертвенник (*тайэлга*), сооруженный из березы и шкуры жертвенной лошади.[8] Уникальной является и старинная женская одежда, отражающая возрастное и семейное положение женщины.

Я не имею возможности в настоящем очерке остановиться сколько-нибудь подробно на описании этих коллекций, что потребовало бы много места и что целесообразнее сделать в специальной работе. Я укажу только на то обстоятельство, что в связи с переходом алтайцев к новому, социалистическому быту, сопровождающимся исчезновением многих старых, особенно первобытных, форм материальной культуры, музейные

---

[1] Коллекции №№ 335, 652, 653.
[2] Коллекции №№ 1853, 2014, 2079, 2242, 2334, 2952 и др.
[3] Коллекции №№ 3369, 3645, 3650, 3720, 3973, 5000, 5064, 5065, 5068 и др.
[4] Коллекции №№ 5063, 5064, 5065, 5068, 5069, 5070, 5071, 5072, 5073.
[5] Коллекция № 185.
[6] Коллекции №№ 597, 598, 599, 692 и др.
[7] Коллекции №№ 4227, 4228, 4332, 4335, 4768, 5668 и др.
[8] Коллекция № 4332.

коллекции приобретают значение первостепенного источника для изучения этнографии алтайцев дореволюционного периода. К сожалению, они еще мало вовлечены в круг научных исследований, может быть в силу их малодоступности, а может быть просто в силу того, что о них мало известно, ибо каталогов своих коллекций наши центральные этнографические музеи пока еще не публикуют.

3. Изучение истории Алтая

До Великой Октябрьской социалистической революции изучение истории алтайцев в сущности не велось. Старая наука даже не ставила такой задачи. Это положение нужно объяснить, видимо, распространенностью мнения об отсутствии у племен Алтая собственной истории. В прямой форме и печатно это заявлялось, например, миссионерами, которые писали: «Алтайцы — племя, едва вышедшее из первобытного состояния, не имеющее истории».[1] Такое отрицание историчности племен и народов с отсталой культурой вообще характерно для буржуазной науки и тесно связано с ее стремлением научно обосновать угнетение таких племен и народов со стороны народов «исторических», оправдать их якобы историческое превосходство над угнетенными. Отсутствие попыток к изучению истории алтайцев кажется тем более необоснованным и ненормальным, если вспомнить, что исторический материал для составления истории Алтая имеется в перечисленных выше источниках и не мог не быть известен старым ученым.[2] Я не могу признать за такую попытку те несколько строк, которые посвятил изложению некоторых исторических фактов, относящихся к жизни алтайцев половины XVIII в., Г. Н. Потанин в своих «Дополнениях к „Землеведению Азии“ К. Риттера».[3] Точно так же не может иметь значения связного восстановления исторического прошлого племен Алтая и блестящая догадка Н. А. Аристова, удачно интерпретировавшего легенду летописи Вэй-шу о происхождении тюрков, и некоторые его интересные сопоставления наименований племен Алтая с известиями китайских летописей и данными енисейско-орхонских надписей.[4] Слишком кратки и исторические сведения, излагаемые в работах В. В. Радлова[5] и С. П. Швецова.[6] Следовательно, приходится констатировать, что изучение истории алтайцев в дореволюционное время почти не производилось.

4. Изучение археологии Алтая

Научное археологическое изучение Алтая ведет свое начало с 60-х годов прошлого столетия, когда усилиями В. В. Радлова впервые были произведены довольно большие раскопки курганов.[7] Попытки раска-

---

[1] Отчет Алтайской духовной миссии за 1915 г. Томск, 1916, стр. 59.

[2] Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. Чтения, кн. 4-я, 1866; кн. 2-я, 1868.

[3] Г. Н. Потанин и П. П. Семенов-Тян-Шанский. Дополнения к III т. «Землеведения Азии» К. Риттера. Т. IV. Алтае-Саянская горная система. СПб., 1877, стр. 367—369.

[4] Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Живая старина, т. IV, вып. III—IV, 1896.

[5] W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, II. Leipzig, 1884.

[6] С. П. Швецов. Кочевники Бийского уезда. В кн.: Горный Алтай и его население, т. I. Барнаул, 1900.

[7] W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. II. Русский перевод в: Зап. Русск. Археол. общ., т. VII, 1895. — См. также: А. А. Захаров. Материалы по археологии Сибири. Труды Гос. Истор. музея, вып. I, 1926.

пывать отдельные древние погребения на Алтае были и до Радлова, и краткие сведения о них можно найти в работах Ледебура, Бунге, Гмелина, Менье [1] и др. Но все эти отдельные, случайные раскопки, к тому же произведенные весьма несовершенными приемами, почти лишены научного значения.

В. В. Радлов раскопал большое количество могил позднебронзового и железного периодов, добыв обильный вещевой, иногда уникальный, материал, к сожалению, плохо документированный и обычно недоисследованный. Район археологических раскопок Радлова охватывал долину р. Урсула в современном Онгудайском аймаке, Чуйскую степь Кош-Агачского аймака, Уймонскую степь близ Катанды

Пейзаж Горного Алтая.

в Усть-Коксинском аймаке и Берельскую степь в верхнем течении р. Бухтармы. Кроме того, Радлову мы обязаны и первой классификацией археологических памятников Алтая: он разделил их на памятники бронзового и железного периодов. Несмотря на слишком общий и формальный характер этой классификации, ее научное значение не подлежит сомнению, особенно для своего времени. К заслуге Радлова следовало бы отнести и то, что он первый сделал попытку, хотя и робкую, увязать полученный материал с показаниями китайских династийных хроник о культуре древних обитателей Алтая и Саян. К сожалению, он заключает эту попытку меланхолическими словами, почти лишающими ее значения: «Едва ли окажется когда-либо возможным разрешить вопрос о происхождении древнейших обитателей

---

[1] Результаты раскопок французского археолога Менье опубликованы в «Revue d'Anthropologie» (t. III. Paris, 1874).

Сибири»,[1] пишет он, имея в виду древнейшие племена Минусинской котловины и Алтая. Материал раскопок Радлова на Алтае прочно вошел в арсенал археологической науки, и без учета его, как и без надлежащего объяснения, немыслимы современные научные занятия по археологии Алтая. Большой заслугой Радлова является также его энергичная деятельность по публикации археологического материала Сибири.[2]

Кроме Радлова, можно отметить, пожалуй, только двух исследователей дореволюционного периода, работы которых имеют научное значение в археологическом изучении Алтая.[3] Из них в первую очередь назовем А. В. Адрианова, производившего работы летом 1911 г. в западном Алтае, в системе рек Бухтармы и Нарыма и в других районах юго-западного Алтая.[4] Адрианов исследовал ряд памятников периода ранних кочевников, раскопав 14 курганов, а также описал и некоторые другие памятники — наскальные изображения, каменные изваяния в виде человеческих фигур и проч. Вторым исследователем был финский географ Гранэ, изучавший распространение археологических памятников в горах Алтая в 1909 г.[5]

Перечисленными указаниями, по существу, исчерпываются основные работы по археологическому исследованию Горного Алтая. В этот обзор я не включил археологические раскопки старого времени, производившиеся как в близких, так и более отдаленных предгорьях Алтая. Представляется целесообразным заключить этот раздел ссылкой на археологические коллекции музеев городов Горно-Алтайска, Бийска, Барнаула, Томска, а также на коллекции Государственного Исторического музея в Москве, Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР и Государственного Музея этнографии в Ленинграде.[6] Во всех перечисленных музеях исследователь археологии Алтая найдет не только обширный материал, добытый уже советскими археологами, усилиями которых археологическое изучение Алтая поднято на значительную высоту, но и материал раскопок дореволюционного периода. Из этих последних особенное значение имеет материал, собранный В. В. Радловым, хранящийся в настоящее время в Государственном Историческом музее.

5. Этнографическое изучение алтайцев

Обычно принято относить начало этнографического изучения алтайцев к 20-м и 30-м годам XIX в., когда по Алтаю путешествовали ботаники Ледебур и Бунге (1826) и геолог Гельмерсен (1834).[7] Известно,

[1] W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. II, стр. 143.

[2] См. его многотомные «Сибирские древности» в «Материалах по археологии России», издававшихся Археологической комиссией.

[3] Я не упоминаю здесь археологические материалы и заметки Н. М. Ядринцева как не имеющие существенного значения.

[4] А. В. Адрианов. К археологии западного Алтая. Изв. Археол. комиссии, вып. 62, Пгр., 1916.

[5] J. G. Granö. Archäologische Beobachtungen von meiner Reise in Süd Sibirien und der Nordwestmongolei im Jahre 1909. Journ. Soc. Finno-Ougrienne, XXVIII, Helsingfors, 1912.

[6] См. об этом частично в: A. Heikel. Antiquites de la Sibérie occidentale conservées dans les Musées de Tomsk, de Tobolsk, de Tumen etc. Helsingfors, 1894.

[7] K. F. Ledebour. Reise durch das Altai-Gebirge und die sonngarische kirgisen Steppe im Jahre 1826 unternommen in Begleitung der Herren D. K. A. Meher und D. A. von Bunge, Th. I, Berlin, 1829; Th. II. A. Bunge. Reise im östlichen Theil des Altai-Gebirges. Berlin, 1830; J. Helmersen. Reise nach dem Altai im Jahre 1834. Beiträge zur Kenntnis des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens, Bd. 14, 1848.

что в опубликованных дневниках упомянутых ботаников, особенно у Бунге, содержится немало записей этнографического содержания. Здесь мы найдем описание алтайских зайсанов, с которыми встречался каждый из путешественников по пути своего маршрута. Довольно подробно это описывает Бунге, уделяя внимание и внешнему быту зайсанов, их одежде, жилищу, взаимоотношениям с подчиненным им населением. Но Бунге не ограничивается описанием быта только богатых и знатных алтайцев. От его внимания не ускользает и быт рядовых бедняков алтайцев — скотоводов и охотников,[1] их хозяйство, например мотыжное поливное земледелие,[2]

Научная экспедиция в горах Алтая.

и т. д. Более всего замечаний у Бунге относится к верованиям алтайцев. У него есть заметки о шамане, о шаманском бубне, о камлании и жертвоприношении, об идолах и т. п. Тем не менее, случайные маршрутные наблюдения Ледебура и даже Бунге при всем их обилии и ценности не могут считаться этнографическим описанием алтайцев. В этом отношении больше оснований считать этнографической работу Гельмерсена «Телецкое озеро и телеуты», появившуюся в русском переводе в 1840 г.[3] Правда, при этом нужно учитывать, что под телеутами Гельмерсен описал, собственно говоря, кумандинцев и что эта его работа также не является первой этнографической работой об алтайцах. К этому времени уже вышли из печати две работы нашего просвещенного соотечествен-

---

[1] A. Bunge. Reise im östlichen Theil des Altai-Gebirges, S. 27.
[2] Там же, стр. 135.
[3] Помещена в № 1 «Горного журнала» за 1840 г. и является переводом его «Der Telezkische See und die Teleuten im östlichen Altai» (St.-Petersb., 1838).

ника, неутомимого ученого и путешественника Григория Спасского.[1] Первая из этих статей является настоящей и действительно первой этнографической работой по алтайцам. В ней Григорий Спасский описывает быт телеутов, или теленгутов, довольно широко основываясь как на собственных наблюдениях, так и на известных ему опубликованных материалах (Миллер, Георги). Он пишет о происхождении телеутов, их наружном виде и нравах, о жилище, одежде и пище, о промыслах, о занятиях женщин, причем описание этих сторон жизни дает под отдельными рубриками. Далее он рассматривает образованность телеутов, времяисчисление, веру телеутов, общественное жертвоприношение, частное жертвоприношение, сватовство, калым, похищение жен, свадебные обряды, развод. Г. Спасский стремится не только к четкости и последовательности в своем изложении, но и к его точности. Поэтому он, иногда присоединяясь к Георги по отдельным вопросам этнографического описания телеутов, например о жилище, одежде, нравах, неоднократно поправляет его и полемизирует с ним. Во второй работе, изложенной в форме дневника, Г. Спасский также дает много этнографических сведений. Здесь говорится о занятиях алтайцев охотой, земледелием, скотоводством, о первобытной форме заготовки сена, а также описываются жилище, пища, музыкальные инструменты, шаманские идолы и др.

Таким образом, вопреки принятому мнению, можно утверждать, что этнографическое изучение алтайцев начинается (если иметь в виду XIX в.) с упомянутых работ Г. Спасского, а не с работ Ледебура, Бунге и Гельмерсена. Я могу к этому добавить еще мало известного автора, который вел этнографическое изучение алтайцев в 30-х годах XIX в. Это был бийский исправник Горохов. Его записи под названием «Краткое этнографическое описание Бийских или Алтайских калмыков» были опубликованы в том же 1840 г., когда появился и русский перевод статьи Гельмерсена о «Телецком озере и телеутах».[2] Работа Горохова представляет весьма ценную и обстоятельную статью по этнографии алтайцев для первой трети XIX в. Значительная по размеру, она дает важные сведения по административному делению и управлению алтайцев, по их материальной культуре и хозяйственным занятиям и особенно по семейным отношениям, рождению и воспитанию ребенка, по народным играм и развлечениям, а также по различным религиозным обрядам. Она выгодно отличается от статьи Гельмерсена как содержательностью, так и объемом приведенного фактического материала.

Возвращаясь к этнографическим наблюдениям над алтайцами путешественников первой половины XIX в., необходимо упомянуть известного русского географа и геолога П. А. Чихачева, посетившего Алтай в 1842 г. и издавшего результаты своего путешествия несколько лет спустя в Париже.[3] Его краткие описания встреч с зайсанами и другими должностными лицами алтайцев, отдельные замечания о быте и хозяйстве алтайцев при крайней скудности этнографических известий о племенах центрального и южного Алтая для первой половины XIX в. нельзя упускать из виду.

---

[1] Гр. Спасский. Телеуты и белые калмыки. Сиб. вестник, ч. XIII и XIV, 1821; он же. Путешествие к алтайским калмыкам в 1806 г. Сиб. вестник, ч. III и IV, 1819.

[2] Работа Горохова напечатана в «Журнале Министерства внутренних дел» за 1840 г. (ч. XXXVIII, кн. 10, октябрь, стр. 201—228).

[3] P. Tchihatcheff. Voyage scientifique dans l'Altai oriental et les parties adjacents de la frontiére de Chine. Paris, 1845.

Одним из первых исследователей этнографии тюркоязычных племен Алтая, инициатором научного изучения алтайцев и в отношении языка и в отношении их устной народной литературы явился русский миссионер В. Вербицкий, посвятивший непосредственному изучению алтайцев свыше 30 лет своей жизни. Он глубоко изучил язык и быт различных племен Алтая и не преследовал этим изучением только узких и тенденциозных миссионерских целей. Напротив, В. Вербицкий понимал научное значение своих занятий и широко публиковал результаты наблюдений по этнографии алтайцев уже с конца 50-х годов XIX в. Он был связан с научными кругами Петербурга, Москвы, Казани и Томска и состоял действительным членом Русского Географического общества, членом-сотрудником Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества и членом Томского статистического комитета. Не вдаваясь в характеристику его известных лингвистических работ, высоко оцененных в тюркологии, я упомяну здесь только об его этнографических исследованиях. Перу В. Вербицкого принадлежит множество статей и мелких заметок, разбросанных в различных, преимущественно трудно доступных журналах и газетах. В 1870 г. он издал сборник этих статей в Томске под общим названием «Алтайцы». Этот сборник лег в основу второго его сборника «Алтайские инородцы», явившегося посмертным изданием трудов покойного исследователя.[1] «Алтайские инородцы» доставили популярность В. Вербицкому и как этнографу.

Общей чертой этнографических работ В. Вербицкого нужно считать их описательный характер. Однако его описания отличаются той точностью и глубиной наблюдений, которые позволяют отнести их к ценным материалам по этнографии алтайцев и в настоящее время. Такому качеству их способствовали долголетняя непрерывная жизнь исследователя среди алтайцев, глубокое знание их языка, постоянный интерес к быту и культуре этих племен, трудолюбие и связь его с научными обществами и отдельными учеными. Вербицкий первый ввел в науку совершенно правильное и необходимое разделение племен Алтая на северных и южных по признакам их языка, культуры и быта. Он также первый дал сжатое, обобщенное, но меткое описание особенностей языка, культуры и быта тех и других. В. Вербицкий впервые довольно подробно описал верования алтайцев, опубликовал отрывки их текстов, шаманских камланий, насыщал свои работы терминологией алтайцев, собирал и публиковал образцы народного творчества. Ценность с точки зрения этнографии Алтая представляют опубликованные В. Вербицким дневники его миссионерских поездок. К сожалению, дневники эти публиковались в редких миссионерских журналах — «Православное обозрение», «Православный благовестник» и др. Однако научное значение работ В. Вербицкого по этнографии алтайцев ограничивается фактическими сведениями, собранными им в течение нескольких десятилетий.

В начале 60-х годов, еще при жизни В. Вербицкого, приступил к изучению алтайцев В. В. Радлов, впоследствии знаменитый тюрколог и академик. Он начал свою научную деятельность с изучения алтайцев, впервые отправившись на Алтай летом 1860 г., будучи еще учителем немецкого и латинского языков в Барнаульском высшем горном училище. В это лето Радлов изучал алтайцев бассейна рек Семы, Урсула,

---

[1] В. Вербицкий. Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований. М., 1893.

Катуни и Чуи. На следующий год он посетил кумандинцев, челканцев и тубаларов в бассейне р. Бии и в северо-западных окрестностях Телецкого озера. Он побывал также в эту поездку и у телесов по Чулышману и Башкаусу, и у шорцев верховьев р. Томи и по р. Мрассе. Позднее, в 1865—1870 гг., Радлов посетил Алтай. Результаты научных поездок Радлова были сведены им в книге «Aus Sibirien»,[1] в первом томе которой, помимо общей характеристики и описания родового состава «татар северного Алтая» и «татар собственно Алтая», содержится довольно подробное этнографическое описание алтайцев скотоводческих районов — «алтайских горных калмыков». Далее, в этом же томе, он описывает жизнь и быт телеутов, шорцев, лебединских татар (челканцев), кумандинцев и черневых татар (тубаларов), воспроизводя записи своих дневников путешествия 1861 г. Во втором томе своей книги Радлов, кроме упомянутых выше результатов своих археологических исследований, дает описание «шаманства и его культа», сопровождая его довольно многочисленным текстом шаманских заклинаний, но только в немецком переводе. Не обращаясь к другим работам Радлова, где встречается этнографический материал, и оставляя в стороне уже давно признанные наукой «Образцы народной литературы тюркских племен»,[2] я должен сказать, что этнографическая работа Радлова об алтайцах не потеряла своего научного значения и по сей день в своей фактической части. Однако идейная направленность указанных работ Радлова порочна, антинаучна. Он выступает в них как идеолог великодержавной казенной «науки».

Наблюдая разорение и местами вымирание алтайцев под влиянием колониальной политики царизма в результате разорения их торговцами, Радлов пытается объяснить это биологическим законом борьбы за существование, расовыми свойствами алтайцев как представителей более слабой расы. «Это может причинить боль филантропам, — пишет он, — и огорчить хорошего человека, когда он наблюдает насилие и несправедливость более сильной расы, но таков закон природы, и откровенно нужно признаться: чудные долины Алтая слишком хороши для номадов, которые не умеют поднять богатство края».[3] Совершенно очевидно, что биология понадобилась здесь Радлову для «научного» оправдания колониальной политики царизма. Расой Радлов подменял класс эксплоататоров, борьбой за существование — эксплоатацию и классовую борьбу. Нельзя также примириться со стремлением Радлова затушевать классовое расслоение среди алтайцев, эксплоатацию зайсанско-байской верхушкой своих сородичей и соплеменников, особенно бедняков.[4]

В 1868 г. на Алтае побывал немецкий геолог Котта, приглашенный для исследования рудных месторождений на кабинетских землях. В его большой работе об Алтае среди различных общих дополнений две странички отведены этнографическим заметкам об алтайцах.[5] Заметки эти

---

[1] W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, II.

[2] [Сб.] Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. I. Поднаречия: алтайцев, телеутов, черневых и лебединских татар, шорцев и саянцев. Изд. В. Радловым, СПб., 1866.

[3] W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, S. 285.

[4] См. его «Reise durch den Altai nach dem Telezker See und dem Abakan» (Ermann's Archiv f. wiss. Kunde v. Russland, Bd. XXIII, Berlin 1865, S. 275) и «Aus Sibirien» (Bd. I, S. 286, 302—303, 312).

[5] Cotta. Der Altai, sein geologische Bau und seine Erzlagerstätten. Leipzig, 1871, S. 313—314.

не представляют ценности, и поездка по Горному Алтаю этого видного путешественника может считаться для изучения алтайцев бесследной.

Наибольшие заслуги в этнографическом изучении Алтая за рассматриваемый период нужно признать за сибирскими областниками, за нашими известными путешественниками и учеными — Г. Н. Потаниным и Н. М. Ядринцевым. Просвещенные сибиряки, последователи областнической теории А. П. Щапова — крупного и яркого историка, выросшего на демократических идеях 60-х годов, — они сыграли важную роль в деле изучения алтайцев. Среди многочисленных работ этих исследователей Сибири и Центральной Азии имеются как специальные исследования, так и отдельные части общих работ, посвященные алтайцам.[1] Их усилиями этнография алтайцев в 70—80-х годах была поднята на более высокую ступень. Последнее обстоятельство в отношении алтайцев выступает особенно в работах Н. М. Ядринцева. Описывая быт отдельных племен Алтая, Н. М. Ядринцев подходит к этому вопросу исследовательски более глубоко, чем это необходимо только для описания. Н. М. Ядринцев не только, например, устанавливает различные формы хозяйственного быта алтайцев, но выделяет из них наиболее ранние формы, устанавливает последовательность их развития, намечает переходные ступени. Здесь уже проявляется исторический подход к изучению культуры племен Алтая, стремление наметить ее эволюцию Ядринцев первый научно описал первобытные элементы культуры алтайцев. Этот методологический подход он применял не только при изучении общей картины хозяйственного быта алтайцев, но и к отдельным явлениям материальной культуры, например при изучении типов жилищ, орудий труда, техники земледелия и скотоводства и т. д. Во всех случаях он не только подчеркивает наиболее первобытные элементы и формы их последующего развития, но и располагает их от простого к сложному, исходя из принципа буржуазной эволюционной школы. Однако Н. М. Ядринцев не ограничивается расположением изучаемых явлений в независимые друг от друга эволюционные ряды, как поступали обычно эволюционисты. Напротив, он пытается дать общую картину культуры того или иного племени и, — что особенно ценно, — старается увязать ее с реальной исторической действительностью, отмечая в ней и элементы той или иной конкретной соседней культуры, например монгольской, китайской, русской. При таком подходе к этнографическому изучению алтайцев вполне закономерно привлечение Ядринцевым в работах об алтайцах сравнительного материала по другим народам и, — что также весьма ценно и ново для того времени, — материала археологического.

К широкому сопоставлению этнографических фактов из жизни алтайцев с подобными фактами у других народов прибегает и Г. Н. Потанин (обычно в форме примечаний). В то же время он использует этнографический материал главным образом из русских письменных исторических источников.

---

[1] Г. Н. Потанин и П. П. Семенов-Тян-Шанский. Дополнения кт. IV «Землеведения Азии» К. Риттера: XXXVII. Теленгуты; XLI. Черневые татары (туба); XLII. Телеуты и другие инородцы Кузнецкой степи; XLIV. Шорцы. СПб., 1877; Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, т. IV. СПб., 1883; Н. М. Ядринцев. Об алтайцах и черневых татарах. Изв. Русск. Географ. общ., т. XVII, 1881; он же. Отчет о поездке по поручению Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества в Горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катуни. Зап. Зап.-Сиб. отд. Русск. Географ. общ., кн. IV, 1882; он же. Сибирские инородцы. СПб., 1891; он же. Сибирь как колония. Изд. 2-е, СПб., 1892.

Большое значение исследовательской работы Ядринцева и Потанина заключается еще в том, что они впервые связали изучение этнографии алтайцев с общими проблемами и вопросами истории культуры. С одной стороны, они ввели в исследование этих вопросов материал по этнографии алтайцев, с другой стороны, изложение и освещение алтайского материала рассматривали в связи с общими вопросами истории культуры.

Приведенные краткие замечания по поводу работ Ядринцева и Потанина далеко не исчерпывают их научного значения. Необходимо сказать еще о наиболее важной стороне их печатных работ, связанных с изучением сибирских племен и народов, в том числе и алтайцев. Я имею в виду их идейно-теоретическую сторону и общественное значение.

В самый разгар реакции в области внутренней политики, в годы царствования Александра III, Потанин и особенно Ядринцев проводили в своих работах прогрессивные научные и общественные идеи. Это ярко проявилось в их борьбе за положение так называемых «инородцев». Н. М. Ядринцев в своей известной работе «Сибирские инородцы», где имеется специальная глава «Алтайские тюрки или калмыки», выступил не только как этнограф, но и как исследователь их экономического быта. Он поставил крупный принципиальный вопрос: в чем причины вымирания инородцев? Коренятся ли они в свойствах их расы или в трудных условиях их жизни? Какие причины лежат в основе этих трудных условий? Ядринцев отвечает на эти вопросы в специальной главе «Причины вымирания инородцев и способность их к культуре». Он обрушивается здесь на расовую теорию, называя ее «пагубной теорией» и «предрассудком». Он метко изобличает ее поборников и, в частности, одного из ее творцов, Гобино, в стремлении отнять у низших по культуре племен и народов «общие человеческие свойства и способности», бичует стремление объяснить и оправдать непрерывно ухудшающееся положение таких племен и народов биологическими законами — «борьбой за существование», «естественным отбором».

Ядринцев горячо и убедительно доказывает общность человеческих свойств и разума «инородцев» в сравнении с так называемыми «высшими» народами, их способность к творчеству, культуре. Ядринцев не боится указать, в соответствии с действительностью, на подлинные причины порою бедственного положения «сибирских инородцев», хотя это несомненно било по престижу царского правительства. В противоположность, например, Радлову, который объяснял тяжелое положение алтайцев свойствами их расы, обреченной на вымирание «законами природы», Н. М. Ядринцев видел реальную причину этого в методах колониальной политики царизма. Он указывал на произвол и самовластие царских чиновников на Алтае, на роль русских и алтайских торговцев, превративших торговлю в «наглое хищничество». Ядринцев подчеркивал, что понижение экономического уровня алтайцев, приводящее их порой даже к вымиранию, происходит за счет захвата их земель царскими колонизаторами, а иногда и в результате искусственного или принудительного перевода их на оседлость Алтайской духовной миссией. Бесспорно то, что Ядринцев, как и Потанин, в свое время не побоялся сказать открыто правду о колониальной политике царизма в Сибири и выступил в защиту «инородцев» и как ученый и как представитель прогрессивной части русского общества. Применение научного метода, каким бы он ни был несовершенным, к изучению жизни алтайцев позволило обоим исследователям притти к заключению, что «ни купец, ни миссионер не послужили

доселе в Алтае к распространению оседлости и культуры»[1] и что это «гораздо более сделало крестьянство своим соседством и влиянием».[2]

При всех недостатках и неточностях данной формулы она заключает в себе ту верную мысль, что не царские колонизаторы, а русский народ с его более высокой культурой при непосредственном общении с алтайцами оказывал положительное влияние на культуру последних, на повышение ее уровня.

Положительную характеристику отмеченных выше работ сибирских областников следует дополнить еще одним замечанием. В связи с изложенным может возникнуть вопрос: насколько обоснованной является эта положительная характеристика отдельных работ Ядринцева и Потанина, если учесть, что они все же далеко не удовлетворяют требованиям современного научного знания, тем более, что в нашей советской литературе уже появлялась резкая их критика?[3] Мне кажется, что наша критика их была все же односторонней, не учитывала в полной мере прогрессивные идеи, изложенные в работах Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина и являющиеся выражением передовых научных взглядов того времени. При всех ошибочных исторических построениях и политических заблуждениях эти ученые ставили своей задачей оказать помощь угнетенным племенам и народам. Заключая свою интересную этнографическую работу «Об алтайцах и черневых татарах», Н. М. Ядринцев писал: «Два видных вопроса выдвигаются таким образом в современной жизни инородцев, которым может оказать услугу научное исследование. Это вопросы о причинах обеднения инородцев и о вымирании, то-есть вопрос о их дальнейшем сохранении и вопрос об условиях, при которых совершаются нормальные переходы к оседлости. Внеся эти вопросы в нашу программу исследования инородцев, мы старались связать их с текущей жизнью и современным положением инородческих племен. Мы имеем основание предполагать, что эти вопросы займут впоследствии видное место в связи с судьбой несчастных рас, достойных внимания науки и участия образованного мира».[4]

Само собой разумеется, что положительное значение работ представителей прогрессивной части интеллигенции вовсе не исключает их отрицательных сторон, вытекающих из несовершенства как их общественных взглядов, так и их метода научного исследования.[5] Ядринцев писал и печатал упомянутые работы еще в «период возникновения и упрочения в России теории марксизма, идей марксизма, программных положений социал-демократии».[6] Книга Ядринцева «Сибирские инородцы» была издана за четыре года до появления книги Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», на которой, как указывал В. И. Ленин, «воспиталось целое поколение русских марксистов».[7] Отри-

---

[1] Г. Н. Потанин и П. П. Семенов-Тян-Шанский. Дополнение XXXVII к «Землеведению Азии» К. Риттера, стр. 391.

[2] Н. М. Ядринцев. Сибирские инородцы, стр. 108.

[3] Г. Круссер. Сибирские областники. Новосибирск, 1931.

[4] Н. М. Ядринцев. Об алтайцах и черневых татарах. Изв. Русск. Географ. общ., т. XVII, 1881, стр. 254.

[5] Более подробная критика взглядов сибирских областников дана во введении моей книги «Очерк истории Ойротии» (Новосибирск, 1933), где показана неприемлемость их положений для современного уровня наших научных знаний.

[6] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. 1938, стр. 17.

[7] Там же, стр. 14

цательные, антинаучные построения в исследованиях упомянутых областников вытекали из их народнического мировоззрения, и о них нельзя забывать современному исследователю. Мелкобуржуазная сущность, непонимание исторического процесса, классовых взаимоотношений пропитывают насквозь некоторые не только теоретические утверждения, но даже описания областников. Так, например, описывая гнет и эксплоатацию алтайцев, областники не указывали, какой определенный способ производства порождал такую-то эксплоатацию, такие-то классы. Они не указывали, интересы каких классов сталкивались здесь, кто конкретно был эксплоататором алтайцев и каких именно алтайцев; все ли алтайцы подвергались одинаково эксплоатации или некоторые из них не только не испытывали эксплоататорского гнета, а, напротив, сами эксплоатировали своих соплеменников. Все эти важнейшие социальные вопросы, как и многие другие, областниками или решались неверно, или были замолчаны. Характерно также и то, что, правильно увидев причину тяжелого социально-экономического положения алтайцев, как и других племен и народностей Сибири, в колониальной политике царизма, областники не могли сделать из этого правильных научных выводов. Что же предлагали они в качестве улучшения положения алтайцев или других отсталых народностей?

Естественно было бы ожидать от них предложений о революционных действиях с целью коренного улучшения экономического и политического положения угнетенных народностей. Но буржуазная сущность областничества толкала его теоретиков на другой путь. Ядринцев, например, предлагал в качестве спасительного рецепта для угнетенных просвещение. «В пробуждении инстинкта любознательности духовной жизни, — писал он, — и в сознательном отношении к своему будущему будут лежать залоги сохранения племен от вымирания и гибели». Духовной миссии Ядринцев рекомендовал «вместо свечных заводов и тому подобных заведений» строить «убежища для осиротелых и обессиливших стариков-язычников». Нет нужды удлинять рассмотрение подобных взглядов разбором соответствующих высказываний Г. Н. Потанина, так как его взгляды не расходятся с вышеприведенными. Из этого ясно видно, что, несмотря на прогрессивность для своего времени некоторых работ областников, наши советские исследователи не должны принимать их безоговорочно, некритически.

К 80-м годам относятся этнографические наблюдения над северными алтайцами, проводившиеся А. В. Адриановым. Этот исследователь неоднократно посещал северные районы Алтая и опубликовал в своих путевых дневниках много новых ценных этнографических сведений, преимущественно по шорцам и челканцам.[1]

В 1882 г. в Горный Алтай была послана комиссия по обследованию Алтайского округа. Результатом ее работ явились отчеты и записки участников обследования. Среди них некоторый интерес представляет работа А. Ваганова «Алтайские инородцы», в которой автор рассматривает в общей форме вопрос о землепользовании и землеустройстве Алтая. Отчеты эти, изданные типографски, видимо в крайне незначительном количестве экземпляров, имеются в библиотеке б. Этнографического от-

---

[1] А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны в 1883 г. Зап. Зап.-Сиб. отд. Русск. Географ. общ., кн. VIII, вып. II, Омск, 1886; Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г. Зап. Русск. Географ. общ. по общей географии, т. XI, СПб., 1888.

дела Русского музея, ныне Государственного Музея этнографии в Ленинграде.

Следующим крупным и в этом смысле последним звеном в дореволюционном изучении этнографии алтайцев была работа самого конца XIX в. В 1896 г. побывал на Алтае и собрал новые данные по этнографии и фольклору теленгитов А. Калачев,[1] а летом следующего года Алтай посетил Е. Луценко.[2] Последний отправился на Алтай также к теленгитам с антропологической целью, но, кроме антропологических данных, собрал и опубликовал хороший этнографический материал.[3] Особенного внимания заслуживают его сведения о родовом составе теленгитов, а также данные о родовой администрации.

Однако наибольшее значение имеют исследования С. П. Швецова. В том же 1897 г. С. П. Швецов возглавил статистико-экономическую экспедицию по изучению алтайцев, организованную управлением Алтайского горного округа в связи с предстоящим землеустройством алтайцев. В задачу этой первой плановой экспедиции на Алтай входило выяснение вопроса о численности алтайского населения южной части Бийского уезда и общих условий его жизни. Экспедиция Швецова собрала впервые в истории массовый статистико-экономический материал для характеристики хозяйства алтайцев, как кочевых, так и оседлых. Вместе с этим экспедиция собрала и много этнографических сведений. Весь материал был опубликован в четырех томах под общим названием «Горный Алтай и его население».[4] Основная работа Швецова составляет первый выпуск первого тома этого издания и посвящена алтайцам-кочевникам б. Бийского уезда.

Работа дает обстоятельное описание хозяйства и быта алтайцев, построенное на полевых материалах экспедиции, и обильно насыщена оригинальными статистико-экономическими данными, что выгодно отличает ее от всех предыдущих работ по Алтаю. Ее автор, разделявший народнические взгляды, отразил в ней достоинства и недостатки этого мировоззрения. Зная о намерении царского кабинета провести землеустройство среди алтайцев, главной целью которого было высвобождение огромного земельного фонда за счет отчуждения от алтайцев лучших земель и сдача отобранной земли в аренду казне, С. П. Швецов стремится доказать в этой работе, что алтайцы живут кочевым бытом, что тем самым они не подготовлены к землеустройству. Он выступает, таким образом, в защиту алтайцев от одной из наиболее разорительных форм колониальной политики царизма — земельных притеснений. Но наряду

---

[1] А. Калачев. Поездка к теленгитам на Алтай. Живая старина, т. VI, вып. III—IV, 1896.

[2] Е. Луценко. Поездка к алтайским теленгитам. Землеведение, кн. 1—2, 1898.

[3] До Луценко антропологическое измерение алтайцев при помощи инструментов производил только Ядринцев, да и то в небольшом количестве. Собранные Ядринцевым материалы были обработаны Н. Зографом в статье «Алтайские инородцы по исследованиям Ядринцева» (Изв. Общ. любителей естествознания, т. XI, вып. 3, 1886).

[4] Горный Алтай и его население, т. I, вып. I: С. П. Швецов. Кочевники Бийского уезда. Барнаул, 1900; т. I, вып. II: П. М. Юхнев. Неземледельческие промыслы кочевников Бийского уезда. Барнаул, 1901; т. II: Экономические таблицы. Барнаул, 1901; т. III, вып. I: С. П. Швецов. Переселенческие поселки, образованные в 1878 г. Барнаул, 1900; т. III, вып. II: Оседлые инородцы Бийского уезда. Барнаул, 1902; т. III, вып. III: Заимочники Горного Алтая. Составил Юхнев. Барнаул, 1902; т. III, вып. IV: Кочевники Бийского уезда. Кумандинцы. Экономические таблицы. Барнаул, 1903.

с этим научное значение этой большой работы весьма ослаблено методом обработки статистического материала. Весь этот массовый материал обработан порочным методом, характерным для народников, — методом средних величин. Антинаучный характер этого метода прекрасно доказал В. И. Ленин в своем известном труде «Развитие капитализма в России». Составляя экономические таблицы, рисующие хозяйство кочевников-алтайцев, Швецов строит их не по признаку обеспеченности хозяйств средствами производства, а оперирует средними величинами. В силу этого он умудряется затушевать картину классового расслоения алтайцев и даже не пытается определить подлинный характер их общественных отношений. В полном соответствии с народническими взглядами Швецов идеализирует и крайне преувеличивает значение родового начала у алтайцев и договаривается до того, что у них «никогда не было, как нет и сейчас, разделения на сословия». И все же, даже в таком виде, эта работа Швецова является ценной, во-первых, потому, что она представляет собой первую и единственную солидную работу по экономике алтайцев, во-вторых, потому, что приложенный к ней в виде таблиц огромный статистический материал вполне поддается научной обработке и является надежным экономическим источником для суждения о хозяйственном быте алтайцев в конце XIX в.

С. П. Швецов написал, кроме того, две небольшие этнографические работы по алтайцам, не утратившие своего значения до сего времени.[1]

Работами Швецова заканчивается период довольно интенсивного изучения и публикации материалов по этнографии алтайцев в дореволюционное время.[2] Первые десятилетия XX в., до установления и укрепления Советской власти, оказались в указанном смысле мало продуктивными. Поездки по Алтаю Д. А. Клеменца, собиравшего преимущественно этнографические коллекции для Этнографического отдела Русского музея, не дали сколько-нибудь заметных результатов в отношении публикации этнографического материала.[3] То же нужно сказать и по поводу экскурсий по Алтаю барнаульского ботаника В. И. Верещагина, в опубликованных дневниках которого этнографические факты являются случайностью.[4] Большую собирательскую работу по этнографии различных племен Алтая развернул в это время А. В. Анохин. Но он фиксировал свое внимание главным образом на изучении религиозных верований. Издание его материалов осуществилось уже в советский период изучения Алтая, и о них уместнее будет сказать при рассмотрении этого периода.

Прежде чем закончить обзор этнографического изучения алтайцев за старый период, надо упомянуть о нескольких статьях, относящихся

---

[1] С. П. Швецов. Обычно-правовые воззрения алтайцев и киргиз. Брачные и семейные отношения. Зап. Зап.-Сиб. отд. Русск. Географ. общ., кн. XXV, Омск, 1898; он же. Примитивное земледелие на Алтае. Там же, кн. XXVII, 1900.

[2] В 1908 г. на Алтае работала статистико-экономическая экспедиция Переселенческого управления под руководством чиновника Безуглова, преследовавшая исключительно колонизационные цели. Эта экспедиция также собрала большой материал о составе населения Алтая, его распределении по территории, его экономическом положении и т. д. Но этот материал (в виде одних таблиц) был издан типографским способом всего лишь в нескольких экземплярах, один из которых я случайно обнаружил в Ленинграде.

[3] Д. А. Клеменц. Из впечатлений во время летней поездки в Алтай. Изв. Русск. Географ. общ., т. XI, вып. 5, 1905.

[4] В. И. Верещагин. От Барнаула до Монголии. Путевые заметки. Алтайский сборник, т. IX, Барнаул, 1908.

к кумандинцам и челканцам. Эти статьи являются едва ли не единственными работами, посвященными описанию специально этих племен. Это относится к статье Н. Шерра,[1] посетившего кумандинцев в 1898 г., и к статье Н. Богатырева. Первая из них является общим очерком этнографии кумандинцев. Вторая статья, как видно из ее названия, содержит довольно обстоятельное описание двух важнейших в жизни кумандинцев промыслов.[2] Наконец упомяну и о статьях К. Хильдена, написанных на основании его поездки к челканцам летом 1914 г., когда он, присоединившись к экспедиции финского географа Гранэ, имел возможность лично наблюдать и собирать материалы по этнографии челканцев, которых он называет татарами-лебединцами. В первой работе Хильдена даны антропологические сведения и краткий этнографический очерк.[3] Вторая его работа посвящена шаманству.[4] Обе работы на русский язык не переведены. Значение их для науки невелико.

Я могу заключить настоящий раздел обзора истории изучения Алтая в этнографическом отношении некоторыми общими выводами.

Прежде всего нужно сказать, что старые этнографические работы, выполненные в основном усилиями русских ученых, оказали большую услугу науке в деле изучения алтайцев. Значение этих работ гораздо шире рамок этнографических задач. Они доставили ценный материал и для истории алтайцев и для истории их культуры. В свою очередь изученность Алтая в историческом отношении является значительным вкладом в историю культуры восточной части Центральной Азии. Эти работы указывают на активность русской этнографической науки дореволюционного периода и на связь ее с прогрессивными элементами русского общества. Русские ученые в подавляющем большинстве работали среди алтайцев не как представители казенной науки, не как представители августейшего помещика, в имении которого они изучали закрепощенное население. Они работали здесь как объективные наблюдатели, не стремившиеся прикрасить действительность, которая далеко не способствовала благоприятной репутации распорядителей судьбы алтайских племен. Больше того, многие ученые выступали как друзья, как защитники алтайцев, угнетенных царизмом. Наконец необходимо отметить и точность этнографических наблюдений в публикациях старых работ.

Однако все эти положительные стороны не могут служить основанием для умалчивания о недостатках, а иногда просто об отрицательных моментах упомянутых работ. Сказать о них также необходимо. Эти недостатки проявились в первую очередь в неравномерности изучения алтайцев по племенам. Если так называемые «собственно алтайцы» изучались сравнительно часто и довольно подробно, то этого никак нельзя сказать в отношении, например, челканцев, кумандинцев или даже теленгитов Чуйской степи. Такая же неравномерность проявляется в тематике изучения. Больше всего внимание исследователей и путешественников привлекала обычно внешняя сторона жизни алтайцев

---

[1] Н. Б. Шерр. Из поездки к кумандинцам в 1898 г. Алтайский сборник, т. V, Барнаул, 1903.

[2] Н. Богатырев. Об ореховом и зверовом промыслах кумандинских инородцев. Алтайский сборник, т. IX, Барнаул, 1908.

[3] K. Hilden. Zur Kenntnis der Anthropologie der Altai-Tataren. Of versigt of F. Vet. Societetens Forhandsingar, t. LVIII, 1915—1916.

[4] K. Hilden. Om Shamanismen i Altai, speciellt bland lebed-tatarerna. Terra, Helsingfors, 1916.

благодаря своей первобытности, экзотике. Отсюда родилось довольно много описаний типов жилищ, архаических форм орудий труда, оригинальной одежды и особенно вещевых атрибутов культа (идолы, жертвенники и т. п.). Вместе с тем многие стороны быта алтайцев остались почти не затронутыми не только исследованиями, но даже и поверхностными описаниями. Для этого достаточно указать на область семейно-родовых отношений (системы родства, формы брака и т. д.), на ряд производств и занятий (изготовление войлока, шитье обуви, кожаной посуды, одежды), на охотничий промысел и т. д. Я не говорю уже о таких важнейших и основных моментах жизни алтайцев, как их общественные отношения, социальный строй, которые совершенно выпали из поля внимания ученых того времени. Нельзя не подчеркнуть и описательный характер большинства работ. Данное обстоятельство могло бы и не быть недостатком, если бы описания эти были произведены с достаточной глубиной и обстоятельностью. К сожалению, приходится констатировать, что подавляющее большинство старых описательных этнографических работ написано поверхностно, с явным стремлением подчеркнуть только сугубо архаические и экзотические элементы.

Отсутствие объяснений описываемых явлений весьма понижает научные достоинства многих работ. Старые исследователи не владели научным методом познания и истолкования явлений жизни, между тем как этот метод позволил советским этнографам поднять этнографическое изучение на небывалую научную высоту. При изучении игнорировались социальные, классовые отношения у некоторых алтайских племен. Происходило как бы сознательное замалчивание довольно развитых и оригинальных по форме эксплоататорских отношений внутри самих алтайцев. В связи с этим создавалась совершенно искаженная, антинаучная картина социального строя у различных племен Алтая как строя родового, общинного. Не задерживаясь на этом вопросе, так как ему посвящен ряд страниц в моих опубликованных работах, я перехожу к характеристике изучения Алтая за советский период.

6. Изучение алтайцев за советский период

Основные успехи в изучении истории, археологии и этнографии алтайцев были достигнуты советскими учеными. Исследования Алтая в советский период получили небывалый до тех пор размах и глубину. Советская наука, овладевшая методом марксизма-ленинизма, поднялась на высокий теоретический уровень. Возможности научного исследования расширились. Этому обстоятельству способствовало общее положение науки, пользующейся в нашей стране постоянным вниманием и заботой нашей партии и правительства, большие ассигнования на научную работу, ее плановое развитие в научных учреждениях и высших учебных заведениях, развитие издательской деятельности. Общее развитие советской науки не могло не отразиться благоприятно и на изучении Алтая.

Изучение истории, археологии и этнографии, особенно у племен и народов с отсталой культурой, приобрело у нас большое государственное значение в связи с практическим осуществлением ленинско-сталинской национальной политики, в связи с переходом таких племен и народов к социализму. Нельзя не вспомнить при этом, как еще в 1921 г. И. В. Сталин, говоря о переходе многомиллионного населения различных тюркских народностей от первобытных форм хозяйства в советскую ста-

лию, минуя капиталистический путь развития, настаивал на необходимости изучения и учета всех особенностей экономического состояния исторического прошлого, быта и культуры этих народностей.[1]

Внимание к изучению отдельных племен и народов у нас привлечено также и в связи с общим изучением истории нашей Родины. Именно на фоне таких условий происходило и происходит интенсивное изучение Алтая в наше время. Уже в 1920-х годах, едва только закончилась гражданская война, изучение алтайцев входит в план исследований ряда центральных научных учреждений, в первую очередь в Петрограде. Алтайцев начинает изучать ряд институтов и учреждений Академии Наук СССР, Государственный Университет (этнографическое отделение), Академия истории материальной культуры, крупнейший этнографический музей — б. Этнографический отдел Русского музея. Вскоре в это изучение включились крупные научные учреждения Москвы: Музей народов СССР, Государственный Исторический музей, Московское отделение Академии истории материальной культуры, Научно-исследовательская ассоциация при Коммунистическом университете трудящихся Востока и др. Изучение алтайцев, осуществляемое по плану и программам работы центральных научных учреждений путем экспедиций и научных командировок, его систематичность и материальная обеспеченность вскоре же дали прекрасные результаты. Результаты эти отразили общие благоприятные условия научной работы и прогрессивное развитие исторической науки в нашей стране. Целеустремленность исследования, применение метода исторического материализма как метода познания и истолкования изучаемых явлений, усовершенствованная методика полевой работы и возможность публикации далеко продвинули вперед дело изучения алтайцев, подняли его на высокий научный уровень. Это сказалось прежде всего в том, что история тюркоязычных племен Алтая, лишенных царской официальной наукой права называться историческими, т. е. имеющими свою историю, за советское время стала изучаться. История алтайцев была создана исключительно в советский период, главным образом в результате соединенных усилий этнографов и археологов.[2]

Большие успехи, связанные с открытием памятников мирового значения, выпали на долю археологии Алтая. За истекшие полвека, со времени раскопок Радлова до исследований советских археологов, накопление археологического материала по Алтаю происходило крайне медленно. Напротив, за последние 30 лет работы советских археологов раскопки на Алтае протекали весьма интенсивно. При этом они производились более усовершенствованными и точными приемами исследования, а результаты их подвергались историческому объяснению. Обширные новые археологические материалы рассматривались и исследовались теперь как ценнейший источник для восстановления далекого прошлого населения Алтая. В этом отношении особенно много сделали археологи М. П. Грязнов, Г. П. Сосновский (ныне покойный) и С. В. Киселев. Эти широко подготовленные и крупные знатоки сибирского археологического

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 40—41, 181—194.

[2] Л. П. Потапов. Исторический путь Ойротии. Сов. этнография, № 5—6, 1932; он же. Очерк истории Ойротии. Новосибирск, 1933; он же. Очерки по истории Шории. Л., 1936; он же. Возрожденный народ. Новосибирск, 1942; С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии. М.—Л., 1936. — Работы археологов см. дальше при описании советских археологических исследований по Алтаю.

материала дали стадиальную классификацию алтайского материала. Они ввели исследования этого материала в общепризнанные теоретические рамки.

Наиболее блестящие открытия за указанный период были сделаны Алтайской экспедицией Государственного Музея этнографии. Они явились результатом раскопок Пазырыкского кургана, произведенных С. И. Руденко и М. П. Грязновым в 1929 г., и Шибинского кургана (р. Урсул), раскопанного М. П. Грязновым в 1927 г.[1] Как раскопки, так и исследование этих памятников принадлежат к числу лучших достижений, которыми вправе гордиться советская археология. Обильный и оригинальный материал этих курганов еще долго будет являться предметом самых разносторонних исследований.

Характер настоящего открытия, но отнюдь не неожиданного для советских археологов, приобрели также раскопки другой экспедиции Государственного Музея этнографии, проведенной в 1935 г. под руководством Г. П. Сосновского. Им были обнаружены и исследованы у с. Сростки памятники позднего палеолита.[2] Несколько ранее этого (в 1927 г.) я обнаружил и частично исследовал погребение афанасьевского типа по р. Урсулу, первое погребение этого типа, ставшее известным для территории Горного Алтая. Вскоре работы С. И. Руденко,[3] Г. П. Сергеева,[4] С. В. Киселева [5] и Г. П. Сосновского расширили круг находок этих памятников, что позволило начинать изучение населения Горного Алтая с конца III и начала II тысячелетия до н. э. Стало возможным также выяснить черты культуры древнейших обитателей Алтая, определить время возникновения здесь скотоводства и т. д. В советский же период археологических исследований на Алтае был получен большой и яркий материал по курганам тюркского времени (VII—IX вв.). Работа производилась экспедициями Государственного Исторического музея, Академии истории материальной культуры и Государственного Музея этнографии.

Благодаря исследованиям, преимущественно С. В. Киселева, при участии Л. А. Евтюховой, С. М. Сергеева и др., археология Алтая впервые обогатилась великолепными, иногда уникальными, вещевыми памятниками, освещающими этот интереснейший исторический период в жизни Алтая.[6] При этом С. В. Киселев выступил не только как пионер в смысле открытия указанных памятников, но и как вдумчивый исследователь вопросов истории древних тюрков Алтая.[7] Большое научное значение для истории этого же периода имеет известная работа

---

[1] М. П. Грязнов. Раскопки княжеской могилы на Алтае. Человек, № 2—4, 1928; он же. Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930; он же. Пазырыкский курган. М.—Л., 1937; он же. Первый Пазырыкский курган. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1950.

[2] Г. П. Сосновский. Палеолитическая стоянка у с. Сростки на р. Катуни. Матер. и исслед. по археологии СССР, № 2, Л., 1941.

[3] С. И. Руденко. Погребение человека каменного века в восточном Алтае. Природа, № 5—6, 1926.

[4] Материалы раскопок выставлены в Ойротском краеведческом музее.

[5] С. В. Киселев. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция в 1937 г. Вестник древней истории, № 2 (3), 1938.

[6] С. В. Киселев. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1935 г. Сов. археология, № 1, 1936; он же. Курайская степь и Старо-Бардинский район. Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.—Л., 1941.

[7] См. его фундаментальное исследование «Древняя история южной Сибири» (М., 1951), за которое автор был удостоен Сталинской премии второй степени в 1950 г.

С. И. Руденко и А. Н. Глухова «Могильник Кудырге на Алтае».[1] После Великой Отечественной войны С. И. Руденко продолжил и закончил раскопки группы пазырыкских курганов и обогатил археологическую науку находками мирового значения. Однако большинство этого материала, поступившего на хранение в Эрмитаж, еще не опубликовано.[2]

Даже столь краткое перечисление вновь открытых и исследованных памятников дает представление о ценности и научном значении работы советских археологов на Алтае. Их усилиями получены новые строго документальные исторические источники, которые в соединении с другими видами источников позволяют впервые дать обоснованную периодизацию истории культуры и истории Алтая.

Прекрасные результаты археологического изучения Алтая за советский период приобретают еще большее значение в связи с тем, что за это время за границей не появлялось археологических работ по Алтаю. Исключением является только одно финское издание,[3] представляющее собой публикацию писем и иллюстративных археологических материалов И. Аспелина, собранных им в 1887—1889 гг., во время экспедиции в Сибирь и Монголию. Часть этих материалов относится непосредственно к Алтаю. Приходится указать, что научное значение издания обесценено его тенденциозностью. Это особенно ярко проявилось в предисловии издателя, который пытается сделать Алтай «прародиной» финнов, в надежде поставить и «научно обосновать» вопрос о «Великой Финляндии» — от Алтая до Балтийского моря. Ясное дело, что такая «концепция» ничего общего с наукой не имеет, а служит лишь разжиганию аппетита финских фашистов.

Обратимся теперь к изучению этнографии и истории алтайцев за советский период. В этом отношении также имеются все основания констатировать решающие успехи советских исследователей. Советские этнографы прежде всего весьма расширили и углубили тематику этнографического изучения алтайцев. Общими усилиями они изучили этнографию всех тюркоязычных племен Алтая в ее главных разделах, собрав при этом большой и совершенно новый материал. Особенно много материала было собрано по семейно-родовому строю различных племен Алтая. Эта область жизни алтайцев при изучении их в досоветский период была мало известна. К настоящему же времени работами Н. П. Дыренковой, С. А. Токарева, Л. П. Потапова и др. эта лакуна не только заполнена доброкачественным материалом, но материал этот, несмотря на отдельные ошибки, научно систематизирован и объяснен.[4] Более того, впервые было обращено внимание на изучение общественных отношений у алтайцев. Опираясь на марксистско-ленинскую теорию, советские исследователи изучили конкретные формы общественных отношений у алтайцев, формы собственности на основные средства производства, формы эксплоатации, установили классовое расслоение алтайцев, изучили

---

[1] Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, Л., 1927.

[2] Частично он опубликован в книгах С. И. Руденко «Второй Пазырыкский курган» Л. 1949 и «Горно-Алтайские находки и скифы». М—Л 1952.

[3] Hjalmar Appelgren-Kivalo. Alt-altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931.

[4] Н. П. Дыренкова. Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеутов. Сб. «Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР», Л., 1926; она же. Пережитки материнского рода у алтайских тюрков. Сов. этнография, № 4, 1937; она же. Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков. Сб. «Памяти В. Г. Богораза», М.—Л., 1937; С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии, Л., 1936, Л. П. Потапов. Очерки по истории Ойротии. Новосибирск, 1933; он же. Очерки по истории Шории. Л., 1936; и др.

формы колониальной эксплоатации алтайцев царизмом и поставили на научную почву исследование вопроса роли и значения для истории алтайцев такого события, как включение их в состав русского государства. Впервые был поставлен научно вопрос о роли и значении великого русского народа в истории алтайцев. Внимание исследователей привлекли и такие события из жизни алтайцев, как бурханистское движение, движение 1916 г. Наконец, советские ученые обратились к исследованию советского периода в истории алтайцев и сделали первые шаги в этом направлении. Трудами наших ученых практически доказано, что вполне возможно изучить конкретную историю и таких отсталых в культурном отношении в прошлом племен и народностей, как, например, алтайцы, не имевших собственной письменности, отнесенных дореволюционной буржуазной наукой к категории «доисторических». Для этого необходимо применить комплексное исследование источников (археологических, антропологических, этнографических, письменных исторических, фольклорных и др.). За рассматриваемое время появились как отдельные, так и обобщенные работы и по материальной культуре алтайцев,[1] хотя внимание этнографов к этим вопросам привлечено до сего времени недостаточно. Последнее обстоятельство особенно ярко выступает по отношению к южным алтайцам, в частности к теленгитам. Наряду с этим следует указать еще на один большой раздел этнографии алтайцев, в который наши этнографы внесли основной вклад. Речь идет об изучении религиозных верований алтайцев. Нельзя сказать, чтобы в досоветское время эти вопросы не привлекали внимания исследователей. Наоборот, они вызывали скорее повышенный интерес к ним каждого, кто в той или иной степени изучал алтайцев. И все же эта сторона жизни алтайцев в прошлом была изучена слабо. Это можно утверждать и в том случае, если иметь в виду все сказанное выше по поводу работ Вербицкого и Радлова. Основание для такого утверждения вытекает из сравнения изученности религии алтайцев в прошлом с работами в этой области А. В. Анохина. Публикация их, как и бóльшая часть полевых сборов А. В. Анохина, была осуществлена уже в наше время. Главная его работа — «Материалы по шаманству у алтайцев» — по обилию имеющихся в ней фактических данных является до сегодня основной работой[2] в этой области. А. В. Анохин внес в изложение религиозных верований алтайцев систематичность и четкость, а главное, обогатил науку новыми ценными фактическими данными.

Однако, несмотря на большую ценность указанных работ А. В. Анохина, нельзя не отметить существенных их недостатков: полное отсутствие научного анализа и теоретического осмысления собранного фактического материала, а также неполнота в изучении и изложении не только фактов по многим затронутым вопросам, но и в тематике изучения алтайского шаманства. Это стало особенно ясным, когда начали появляться работы советских этнографов-алтаеведов, вышедшие в свет после

---

[1] А. Новиков. О способе выслеживания лесных пчел у алтайцев с помощью «солонца». Этнограф-исследователь, № 2—3, 1928; Л. П. Потапов. Разложение родового строя у племен северного Алтая. I. Материальное производство. Л., 1935.

[2] А. В. Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев. Л., 1925; он же. Душа и ее свойства по представлению телеутов. Сб. Музея антропол. и этногр. АН СССР, т. VIII, Л., 1929. См. там же: С. Е. Малов. Несколько замечаний к статье А. В. Анохина «Душа и ее свойства по представлению телеутов». — Значительная часть материалов по шаманству у алтайцев, собранных А. В. Анохиным, еще ждет своей публикации. Его архив находится в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР.

опубликования его «Материалов по шаманству алтайцев». Особенностью этих новых работ, посвященных изучению верований алтайцев, явилась их строгая тематическая очерченность, позволившая сосредоточить внимание исследователя на более глубокой разработке изучаемого вопроса. Изучение таких отдельных тем велось часто в сравнительном плане либо среди различных племен Алтая, либо в сопоставлении с аналогичным материалом по другим тюркоязычным племенам и народам Сибири.[1] Такого рода работы весьма расширили и углубили наши знания о религиозных верованиях алтайцев как по отдельным племенам, так и по различным вопросам этих верований. Но упомянутые работы имеют и другое важное значение. Они связали изучение религиозных воззрений алтайцев с общими теоретическими вопросами, например с вопросами генезиса и разных форм религиозных представлений. Отсюда видно, что вопросы религии тюркоязычных племен Алтая в советский период изучались довольно интенсивно. Это вполне естественно. Культурное развитие алтайцев, вызванное условиями жизни советского строя, быстро разрушало их первобытные религиозные воззрения. Поэтому было необходимо как можно скорее и подробнее изучить этот безвозвратно исчезающий памятник старой идеологии, тормозящий культурное развитие алтайцев, но представляющий исторический интерес для науки Таким путем были открыты и изучены совершенно неизвестные ранее в науке об алтайцах религиозные культы (культ медведя, культ гор и т. п.), многочисленные обряды и поверья (обряд изготовления и оживления шаманского бубна, охотничьи поверья и т. д.) и прочие стороны религиозных представлений. Подверглись серьезному изучению новая религиозная форма и культ бурханизма, или так называемая *ак јан* (белая вера), у южных алтайцев. Наиболее основательным изучением бурханизма мы обязаны А. Г. Данилину.[2] В течение неоднократных научных поездок в центры бывшего распространения бурханизма он подробно изучил его культовую и социальную стороны. Большая по объему работа А. Г. Данилина, посвященная этому интересному вопросу, была защищена им в качестве кандидатской диссертации, но, к сожалению, до сих пор остается неопубликованной.

---

[1] Таковы, например, следующие работы: Н. П. Дыренкова. Культ огня у алтайцев и телеутов. Сб. Музея антропол. и этногр., т. VI, Л., 1927; она же. Умай в культе турецких племен. Культура и письменность Востока, кн. III, Баку, 1928, N. Dyrenkova. Bear worship among turkish tribes of Siberia. Proc. of the Twenty-third Intern. Congress of Americanists, 1928; она же. Птица в космогонических представлениях турецких племен Сибири. Культура и письменность Востока, кн. IV, Баку, 1929; Л. Э. Каруновская. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком. Сб. Музея антропол. и этногр., т. VI, Л., 1927; она же. Представления алтайцев о вселенной. Сов. этнография, № 4—5, 1935; Л. П. Потапов. Пережитки культа медведя у алтайских турок. Этнограф-исследователь, № 2—3, 1928; он же. Охотничьи обряды и поверья у алтайских турок. Культура и письменность Востока, кн. V, Баку, 1929; он же. Лук и стрела в шаманстве у алтайцев. Сов. этнография, № 3, 1934; он же. Следы тотемистических представлений у алтайцев. Сов. этнография, № 4—5, 1935. (В двух последних статьях, в отдельных местах. содержится попытка применения палеонтологического анализа Н. Я. Марра к некоторым алтайским терминам. Антинаучность этого приема была мною вскоре же осознана, и в дальнейших работах я от этого отказался), он же. Культ гор на Алтае. Сов. этнография, № 2, 1946; он же. Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая. Труды Инст. этнографии АН СССР, Новая серия, т. I, М.—Л., 1947; D. Zelenin. Ein erotischer Ritus in der Opferungen der altaischen Türken. Intern. Archiv f. Ethnographie, Bd. 29, 1928, № 4/6.

[2] А. Г. Данилин погиб во время войны.

Такова в кратких чертах картина изучения истории и этнографии алтайцев за советский период. Подытоживая ее, можно сказать, что советские ученые подняли изучение этнографии алтайцев на подлинно научную высоту, используя все ценное, что было достигнуто русскими этнографами по Алтаю в дореволюционное время. Таким образом не будет преувеличением сказать, что история и этнография алтайцев впервые встала на прочное фактическое и теоретическое основание в советское время.

Огромную положительную роль в этом сыграли такие исторические работы и документы, как «Замечания» товарищей И. В. Сталина, С. М. Кирова и А. А. Жданова по поводу конспекта учебника истории СССР, опубликованные в 1934 г., и постановления партии и правительства (1934 и 1936 гг.) по поводу преподавания истории, направленные против антимарксистской «школы» Покровского, краткий курс истории Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) целый ряд постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, принятых после окончания Великой Отечественной войны, и новые труды И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР». Эти выдающиеся труды и документы оказали огромное благотворное влияние на развитие советской исторической науки, подняли ее на недосягаемую для буржуазной науки идейно-теоретическую высоту и помогли советской исторической науке занять ведущее место в мировой науке. Рост и успехи советского алтаеведения отразили, таким образом, общие успехи и достижения советской исторической науки. Однако было бы ошибкой не видеть и некоторых отрицательных сторон в советских историко-этнографических исследованиях, посвященных алтайцам. Целый ряд работ по истории и этнографии Алтая содержит крупные ошибки и недостатки, свидетельствующие, в частности, об отдельных проявлениях алтайского буржуазного национализма.

Одним из проявлений этого является идеализация исторического прошлого алтайцев, стремление замолчать классовое расслоение и классовые противоречия в среде алтайцев, попытка представить общество у алтайцев доклассовым, родовым строем, внутри которого нет места эксплоатации и угнетению. При этом наличие эксплоатации и угнетения признается, но приписывается только представителям русских эксплоататорских классов. Наиболее откровенную защиту теория родового строя получила в работах этнографа Н. П. Дыренковой, которая еще в 1926 г. печатно заявляла: «Турецкие (? — *Л. П.*) племена Алтая — алтайцы живут еще до сих пор родовым бытом, основанном на кровном родстве по отцовской линии».[1] Н. П. Дыренкова пытается обосновать свое положение рядом фактов, правда, извращенных. Она пишет: «Старший в роде, служащий до сих пор объединяющим звеном сеока (рода), пользуется уважением сородичей. Он вмешивается в их дела и играет главную роль в хозяйственных и особенно религиозных вопросах жизни сеока».[2] Н. П. Дыренкова замалчивает роль в жизни алтайцев таких социальных типов алтайцев, как зайсан, бай, шаман. Вместо того чтобы показать, что фактическим хозяином в алтайском аиле был зайсан, бай, шаман, торговец и т. п., Дыренкова писала о роли «старшего в роде».

---

[1] Н. П. Дыренкова. Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеутов, стр. 247.

[2] Там же.

Она также голословно утверждала, что «члены одного рода до последнего времени землей пользовались сообща даже в тех местах, где отчасти занимались и земледелием, работали у сородичей вместе по очереди, скот пасся вместе и в более отдаленное время был общей собственностью рода. В недавнее же время лишь близкие сородичи имели общий скот». Наконец, Дыренкова, говоря о «родовой помощи», сожалеет, что «сейчас этот обычай, под влиянием русских, местами выходит из употребления». На деле же этот обычай представлял собой замаскированную под родственную помощь форму эксплоатации, и советская власть вела с ним борьбу.

Теорию родового строя пропагандировал Л. П. Мамет в книге «Ойротия» и другие авторы. Усвоив эту псевдонаучную теорию, некоторые работники Горного Алтая пытались даже объяснить успехи коллективизации не результатами упорной и систематической работы коммунистической партии среди трудящихся алтайцев, а тем, что алтайцы до революции жили «родовым строем» и имели навыки к коллективному труду и быту. Националистическая легенда о родовом строе у алтайцев до революции служила теоретической базой правоуклонистам, отрицавшим наличие кулака-эксплоататора в среде алтайцев. Положительную роль родовым пережиткам в процессе социалистического строительства приписывал и С. А. Токарев.[1]

Особенно яростно защищали теорию родового строя у алтайцев местные буржуазные националисты, пробравшиеся в советский и партийный аппарат. Они злобно клеветали на коммунистическую партию, обвиняя ее в борьбе с якобы несуществующими эксплоататорами-алтайцами в тот период, когда партия вела наступление на эксплоататорские элементы и подготовляла коллективизацию трудящихся алтайцев на основе ликвидации алтайского байства как класса. Извращая действительность, выступая с демагогическими заявлениями, националисты стремились защитить и сохранить алтайских баев в период наиболее ожесточенной классовой борьбы у алтайцев и пытались направить борьбу советской власти только против русских кулацких элементов. Теория родового строя в условиях Горного Алтая была направлена на ревизию генеральной линии нашей коммунистической партии в период коллективизации.

Одной из наиболее ярких по буржуазно-националистической сущности является работа Л. П. Мамета «Ойротия» (1930), в которой он определил бурханизм как национально-освободительное движение. Эта буржуазно-националистическая концепция широко проникла в советскую научную литературу и даже центральную прессу. Ее поддержал также и я в своих ранних работах,[2] пока новые факты, более глубокий научный анализ материала и, особенно, изучение трудов И. В. Сталина не заставили меня не только отказаться от этой антинаучной концепции, но и выступить против нее.[3]

Националистическая сущность книги Мамета выражена также в искажении взаимоотношений русского народа и алтайцев, в проповеди антимарксистских взглядов Покровского и т. д.

---

[1] С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии. М.—Л., 1936, стр. 140—142.

[2] Исторический путь Ойратии. Сов. этнограф., 1932, № 5—6; Очерк истории Ойротии. Новосибирск, 1943.

[3] См. первое издание настоящей книги, глава «Бурханизм».

Буржуазно-националистические извращения нашли место и в освещении вопросов древней истории алтайцев. Показательной в этом отношении является книга С. И. Руденко «Горно-Алтайские находки и скифы», написанная в связи с раскопками автором больших каменных курганов в местностях Пазырык и Баш-адар (Улаганский и Онгудайский районы).[1] Автор заявляет в ней, что в VI—IV вв. до н. э. на Алтае жили скифы, пришедшие сюда с запада и принесшие скотоводство. Скифская культура, по уверению автора, характеризовалась высоким уровнем и была в то время распространена на огромном пространстве от Карпат до Тянь-Шаня, Алтая и Памира. Скифские племена обладали не только общностью культуры, но и говорили будто бы на одном языке. Так было сконструировано, вопреки действительности, новое марровское издание скифской «стадии» культуры. Так как современными наследниками этой культуры С. И. Руденко считает алтайцев, казахов, киргизов, туркмен, якутов и другие тюркоязычные народности, то это объективно приводит автора к поддержке пантюркистского вывода о том, что тюркская культура является одной из древнейших высоких культур, распространенной в свое время на огромной территории. Но такой вывод полностью совпадает с измышлениями турецких буржуазных националистов и ничего общего с наукой не имеет. С. И. Руденко не ограничивается конструированием горно-алтайской скифской культуры, но идеализирует и восхваляет ее. Ссылаясь на материал, добытый из курганов, принадлежавших богатой верхушке кочевников, не различая, что̀ из этих вещей создано самими кочевниками, а что̀ награблено во время набегов, С. И. Руденко восхищается «скифской культурой» и заявляет: «Культура древних горно-алтайцев не была примитивной, и к каким бы ее элементам мы ни обратились, всюду мы убеждаемся в высоком ее уровне» (стр. 251). С. И. Руденко не смущает при этом, что описываемая им «высокая» культура не знала земледелия, не имела письменности, еще не освоила железо и т. д. Не смущают С. И. Руденко и такие варварские обычаи «высокой» культуры, как насильственное захоронение людей с богатым покойником, питье крови и скальпирование убитого врага, как подношение вождю головы убитого врага. С. И. Руденко идеализирует варварскую культуру неумеренным восхвалением изобразительного искусства. Вот примеры таких характеристик: «Прекрасные образцы бесподобного орнаментального искусства воплощают в себе и все совершенство данной техники аппликации и блестящее проявление высокого художественного творчества» (стр. 151—152). «Изобретательность горно-алтайских мастеров была безграничная» (стр. 176). «Шедевры... композиционного искусства» (стр. 179). «Непревзойденный по своей декоративности» (стр. 198) и т. п. С. И. Руденко подходит к оценке варварского изобразительного искусства формально и даже не пытается раскрыть его содержание, рассмотреть в сопоставлении с социальной средой.

Элементы идеализации варварской культуры ранних кочевников Алтая в отношении изобразительного искусства нашли отражение в работах М. П. Грязнова и С. В. Киселева. Я нахожу это и в первом издании настоящей книги.

Некоторую услугу алтайским буржуазным националистам оказал и известный исследователь алтайской филологии Н. А. Баскаков, который

---

[1] Книга издана в 1952 г.

в работе о фольклоре и литературе алтайцев пытался связать генетически устное народное творчество алтайцев с древнетюркскими письменными памятниками.[1] Эта работа содержит утверждение, что далекие исторические предки алтайцев имели высоко развитую культуру, восходящую к древним развитым культурам Ирана, Индии, Тибета и Китая, что, конечно, не соответствует действительности.

Буржуазно-националистические взгляды на историю алтайцев нашли отражение в местной прессе. Заведующий кафедрой языка и литературы Горно-Алтайского учительского института С. Суразаков в статье «Вопросы собирания и изучения устной народной поэзии алтайцев»[2] идеализирует алтайский героический эпос, обходит молчанием наличие в нем феодально-байских произведений, возвеличивающих грабежи и насилия различных ханов. С. Суразаков пытается уверить читателя в некой исключительной чистоте национального алтайского героического эпоса, который якобы не испытывал влияния эпоса соседних народностей, например, монголов. Даже признавая участие в этногенезе алтайцев монгольских племен, С. Суразаков не желает согласиться с тем очевидным фактом, что, ассимилировавшись в алтайской тюркоязычной среде, некоторые монгольские племена и роды обогащали культуру алтайских племен рядом элементов народной монгольской культуры, в том числе и эпосом. С. Суразаков бездоказательно и с излишним «патриотизмом» заявляет, что «монгольские племена не могли внести существенного изменения в культуру алтайцев». Между тем, учитывая исключительно сложное этническое происхождение современных алтайцев (в результате дробления и расхождения, смешивания и скрещивания различных по языку родов, племен и народностей на протяжении двух тысячелетий), претендовать на какую-то исключительную чистоту и древность героического эпоса алтайцев — значит отдавать дань буржуазному национализму. Преподаватель Горно-Алтайского института Я. Бражников, видимо, неожиданно для себя примкнул к взглядам турецких буржуазных националистов по вопросу значения термина «тюрк» в VI—VIII вв., отрицая за ним политическое, классовое значение, признавая тем самым лишь этническое.[3] Он сделал это в целях борьбы с марризмом, но спутал псевдонаучное понятие классовости языка с понятием классовости отдельного термина. Дело в том, что как раз марристы выдавали временные и непрочные военно-административные объединения кочевников (гунны, скифы, тюрки и т. д.), создававшиеся кочевой аристократической знатью в целях завоевания, в целях грабительских войн и набегов, за мощные, с высокой культурой государства. Наименования этих политических объединений (гунны, скифы, тюрки), ядром и организатором которых являлась кочевая аристократия, марристы, как и пантюркисты, выдавали за этнические наименования и распространяли их на многие племена и народности, оказавшиеся в сфере политического господства этих объединений. Таким образом, марризм является одним из идейно-теоретических источников буржуазного национализма. Что касается термина «тюрк», то он первоначально был термином кочевой аристократической верхушки, противопоставлявшей себя рядовым кочевникам, верхушки, именовавшейся, как известно, еще «голубыми тюрками», и в этом смысле был термином клас-

[1] Н. А. Баскаков. Алтайский фольклор и литература. Горно-Алтайский облнациздат, 1948.
[2] Газета «Звезда Алтая» от 12 августа 1950 г., Горно-Алтайск.
[3] Газета «Алтайская правда» от 26 декабря 1952 г., Барнаул.

совым, т. е. термином с определенным классовым содержанием. Этот термин в период тюркского каганата, непрочного военно-административного объединения кочевников, временно распространившего господство на огромную территорию от Китая до Ирана и Византии, являлся термином именно политическим и вовсе не означал того, что многочисленные племена и народности, жившие на этом пространстве, называли себя «тюрками» или были «тюрками» по языку.

Ограничиваясь сказанным по поводу буржуазно-националистических тенденций в вопросах изучения алтайцев, мне хотелось бы подчеркнуть, что эти тенденции хотя и не являются широко распространенным явлением, но все же ослабляют успехи советского алтаеведения. Борьба с любыми проявлениями алтайского буржуазного национализма является одним из участков общей борьбы против буржуазного национализма в советском обществе, и ослабление ее недопустимо.[1]

---

[1] Правильному освещению истории алтайцев вредит и преждевременное забвение фамилий отдельных националистов на том основании, что будто бы они уже забыты народом. Забывать некоторые фамилии еще рано. Это можно видеть хотя бы на таком примере. В заключительной части книги я несколько раз называю фамилию В. И. Анучина как видного сибирского эсера, контрреволюционера и одного из родоначальников алтайского буржуазного национализма. Контрреволюционная деятельность этого крупного националиста настолько забыта, что в нашей советской литературе имя его пропагандируется в связи с великими именами В. И. Ленина и А. М. Горького. Редакция журнала «Сибирские огни» поместила (1947, № 2, стр. 102—106) статью В. И. Анучина под названием «Встречи и переписка с В. И. Лениным», хотя в статье не приведено ни одного письма В. И. Ленина к Анучину. Редакция «Сибирских Огней» не только предоставила страницы журнала для воспоминаний крупного контрреволюционера, но в специальном примечании рекомендовала Анучина советскому читателю таким образом: «В. И. Анучин был высоко образованным человеком, особенно он имел большую эрудицию в вопросах, касающихся Сибири и (!—*Л. П.*) Азии» (стр. 106—107). Редакция умалчивает о его контрреволюционной деятельности, о том, что Анучин был видным эсером и буржуазным националистом, боровшимся с советской властью. Ничего не говорится об общественно-политическом лице Анучина и в других статьях (Сибирские Огни, 1941, № 1; 1946, № 3; Литературный современник, 1940, № 1, и др.), а также в Сибирской Советской энциклопедии, где ему посвящена статья.

Вследствие серьезных ошибок, допущенных редакциями упомянутых изданий, не сумевших отделить имя контрреволюционера Анучина от таких дорогих и близких для сердца советского читателя имен, как В. И. Ленин и А. М. Горький, — политический авантюрист Анучин оказался связанным с памятью великих людей. Все это показывает, что преждевременное забывание некоторых имен недопустима и может нанести прямой вред нашему обществу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АЛТАЙЦЫ ДО ВКЛЮЧЕНИЯ В СОСТАВ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

I. ДРЕВНЕЙШИЕ ОБИТАТЕЛИ АЛТАЯ

Наиболее ранние следы культуры древнейших обитателей Алтая относятся к первой половине II тысячелетия до н. э., т. е. к концу неолита, и представлены здесь археологическими памятниками раннеафанасьевского типа.[1] Такие памятники обнаружены в нижних слоях древнего поселения в устье р. Куюма (правый приток р. Катуни, Эликмонарский аймак). Есть основания думать, что Горный Алтай был заселен значительно раньше, но более ранние памятники человеческой культуры на Алтае пока не найдены, так как поиски в этом направлении велись довольно слабо.[2] Между тем установлено, что в предгорьях Алтая человек жил 15—12 тыс. лет назад. Исследования Г. П. Сосновского обнаружили у с. Сростки остатки лагеря охотников поздней стадии палеолита, где в числе прочих находок была особенно примечательна мастерская для выделки каменных орудий.[3] Первобытные охотники, жившие у Сросток, охотились на диких лошадей и других животных. Они умели сооружать простые шалаши, знали употребление огня, ели мясо в жареном виде, а одежду делали из шкур зверей, раскраиваемых каменными режущими инструментами, сшивая их нитками из сухожилий и употребляя вместо иголки костяную проколку.

Памятники раннеафанасьевского типа показывают, что главным занятием древних насельников долины Катуни близ Куюма являлась охота на зверя, в частности на козулю. Скотоводство у них еще не было известно, о чем говорит полное отсутствие на поселении костей домашних животных. В то время куюмцы пользовались каменными и костяными орудиями и умели лепить от руки грубую глиняную посуду,

---

[1] Получили наименование по типу памятников, открытых впервые в могильнике у Афанасьевской горы, около с. Батеней по р. Енисею.

[2] Палеолитический человек обитал, видимо, и в горах Алтая, по крайней мере в бассейне р. Чарыша. Так, в пещерах по р. Чарышу и некоторым его притокам Гельмерсен обнаружил костные остатки богатой фауны, среди которых было много костей вымерших пород, например: мамонта, носорога, пещерной гиены, лося, исполинского оленя, первобытного быка (тура), зубра, медведя, пещерного льва, дикой лошади и т. д. (G. Helmersen. Beiträge zur Kenntnis der Russland, Bd. XIV. St.-Petersb., 1848; Brandt. Neue Untersuchungen über die in den Altaischen Höhlen aufgefundenen Säugethierreste. Bull. de l'Acad. de St.-Pétersburg, 1871, t. XV, p. 147—202). А. С. Уваров привел некоторые соображения о том, что пещеры эти были обитаемы палеолитическим человеком, который охотился на перечисленных, впоследствии вымерших, животных и оставил скопление этих костей. См. его «Археологию России». Каменный период, т. I (М., 1881, стр. 196—197). Возможно, что специальные исследования Чарышских пещер дадут основания говорить о палеолитическом охотнике в горах Алтая.

[3] Г. П. Сосновский. Палеолитическая стоянка у с. Сростки на р. Катуни. Матер. и исслед. по археологии СССР, № 2, М.—Л., 1941.

украшенную орнаментом в виде овальных ямок, выдавленных каким-то простеньким штампом.

Более поздние памятники афанасьевского типа, найденные в нескольких пунктах Горного Алтая, свидетельствуют уже о значительном техническом прогрессе в культуре первобытных обитателей Алтая.[1] В это время здесь зарождается скотоводство и начинают изготовляться путем холодной ковки первые металлические орудия из меди, хотя большинство орудий труда еще делалось из камня и кости (энеолит).

Судя по сохранившимся костным остаткам, отрытым в местах древних поселений, основным занятием населения продолжала оставаться охота на зверя, как крупного (козуля, марал), так и мелкого (лисица, заяц, хомяк). Мелкого зверя и птиц били, видимо, при помощи лука и стрел. На это указывают находки мелких каменных наконечников стрел. Крупного зверя добывали, вероятно, при помощи ловчих ям, облав и других первобытных приемов.

Возникающее скотоводство имело подсобное значение и сводилось к разведению лошадей и овец, кости которых обнаружены в погребениях Куюмского могильника. Трудно допустить, чтобы скотоводство развилось здесь из приручения стад диких животных, так как природные условия данного района говорят против такого предположения. Скорее всего домашний скот проникал сюда в результате связи населения с северной приалтайской лесостепью и степью, где и могли быть приручены стада диких лошадей и другие виды скота. Вспомним, что дикая лошадь была объектом охоты в предгорьях Алтая в позднепалеолитическое время (палеолитические стоянки у с. Сростки). Разведение лошадей и овец являлось делом более легким и доступным, чем разведение крупного рогатого скота, так как эти животные добывают сами себе корм не только летом, но и зимой из-под снега.

В более раннее время была одомашнена собака, кости которой также найдены при раскопках.

Зарождающееся скотоводство преследовало цель получения мяса для пищи. На это указывает оседлый характер поселений древних обитателей, в хозяйственной жизни которых большее значение имела пешая охота, чем скотоводство. Возможно, что первые скотоводы Алтая лошадью как средством передвижения еще не пользовались. Первобытное скотоводство было весьма ограниченным по размерам, так как прокормить большое количество скота на подножном корму вблизи селения, в узких долинах Алтая, было невозможно. В то же время в жизни первобытных насельников Горного Алтая существенное значение имело собирание в пищу корней и стеблей съедобных растений, а также кедровых орехов.

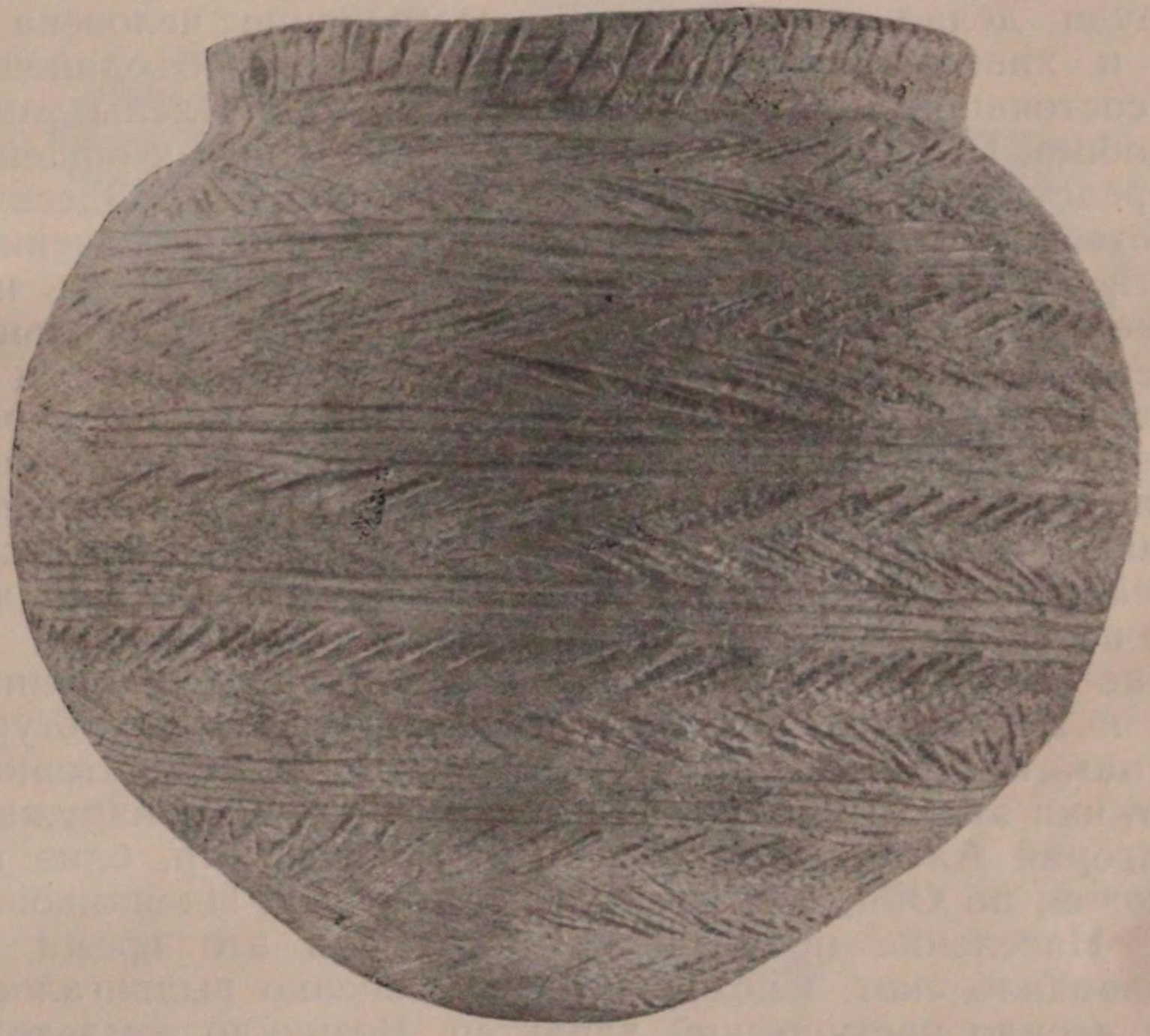
Орудия труда, выделывавшиеся из камня, преимущественно из кремня, отличались достаточным совершенством. На Куюмской стоянке была найдена мастерская таких орудий, среди которых удалось обнаружить как начатые, так и законченные отделкой орудия, а также отходы от их производства в виде многочисленных осколков. Кремень как поделочный материал доставлялся сюда, видимо, из других районов, ибо месторождения его в современном Эликмонарском районе отсутствуют.

---

[1] Находки в устье р. Куюма в Эликмонарском аймаке, по рекам Куроте и Урсулу в Онгудайском аймаке, по рекам Балыкту-Юлу и Араголу в Улаганском аймаке и у с. Кокса.

Деревянные орудия того времени не сохранились. Но они, несомненно, были, потому что на умение обрабатывать дерево указывают деревянные настилы из бревен в афанасьевских могилах.

Весьма важным техническим достижением в культуре насельников Алтая в то время нужно признать изготовление орудий и предметов из меди. В одном из погребений Куюмского могильника был найден медный нож с черенком для насаждения на деревянную рукоятку.[1] В погребениях на р. Урсуле были найдены медные украшения: спиральные височные кольца, пластинки. Литье медных изделий еще не практиковалось.



Глиняный сосуд из погребения афанасьевской культуры в Усть-Куюме.

Гончарная техника все еще была на низком уровне: горшки лепили вручную, обжигали плохо. Отличительным признаком их является однородная форма.

Применение в могилах афанасьевского типа рубленых бревен и коры позволяет говорить о наличии оседлых жилищ, скорее всего землянок, с небольшим срубом и крышей из жердей, покрытых корой.

В рассматриваемое время уже существовали религиозные представления. Свидетельством этому служит определенный погребальный обряд. Хоронили покойников обычно в одиночку, хотя известно и захоронение женщины с ребенком; кроме того, отмечены редкие случаи парного погребения. Хоронили покойника в скорченном положении, с согнутыми ногами, кладя его на бок или на спину. С погребаемым клали горшок с пищей, яйцевидной формы или плоскодонный с прямыми стенками.

---

[1] Коллекции Горно-Алтайского музея.

некоторые орудия труда, украшения. Иногда покойника либо обмазывали, либо посыпали охрой, отчего костяк со временем окрашивался. Все это указывает на наличие у насельников Алтая первобытных верований о загробной жизни человека, представлявшейся, должно быть, по образцу земной.

О социальном строе древнейших обитателей Алтая уверенно можно сказать, судя по уровню развития производительных сил, описанному выше, что это был первобытно-общинный строй. Как каменные орудия, так и лук и стрелы и несовершенные медные орудия не давали возможности древним алтайцам жить и охотиться индивидуально. Такой уровень развития труда делал возможным существование человека в борьбе с природой и хищными животными только при объединении людей в общины, состоявшие, видимо, из родственников. Члены таких общин работали сообща. Разумеется, общий труд приводил и к общей собственности на средства производства и на его продукты. Здесь не было частной собственности на средства производства, за исключением личной собственности на отдельные предметы быта, а может быть и на некоторое оружие; не было ни эксплоатации, ни классов. Могильный инвентарь погребений афанасьевского типа отличается бедностью и однообразием, свидетельствующими об отсутствии имущественного неравенства.

Но, несмотря на первобытное равенство и отсутствие эксплоатации, между отдельными первобытными общинами на Алтае уже были распри и вооруженные столкновения. Красноречивым свидетельством этого является скелет из погребения по р. Ян-Улагану с каменным наконечником стрелы, вонзившейся в спинной позвонок.

В середине II тысячелетия до н. э. на территории современных Западной Сибири и Казахстана развивается более высокая культура, характеризуемая памятниками андроновского типа.[1] На территории Горного Алтая памятники этого типа еще не найдены,[2] но они обнаружены в ряде мест у предгорий Алтая, например: у с. Красный Яр, близ г. Бийска, у д. Клепиковой, по Оби, у с. Быстрый Исток, у д. Иконниково и в других местах. Население приалтайских степей в это время жило уже оседло и разводило скот. Скотоводство постепенно выдвигалось на первое место и носило пастушеский характер. Возникло земледелие, стала известна пшеница, урожай которой снимался при помощи бронзовогс серпа. Охота и рыболовство отступили на второй план. В области первобытной металлургии «андроновцы» достигли нового успеха. Они открыли бронзу, из которой стали изготовлять основные орудия труда и оружие. Орудия и оружие из бронзы быстро вытеснили каменные. Была открыта техника литья. В горах юго-западного Алтая велась первобытная добыча медной руды и олова, необходимых для получения бронзы. В этих древних горных разработках и найдены орудия и предметы андроновского типа (в Калбинском и Нарымском хребтах). В этот период, как и в последующий, относящийся к началу I тысячелетия до н. э., на Алтае и в прилегающих к нему степях полностью господствует первобытно-общинный строй.

---

[1] Получили название по имени д. Андроновой Ачинского района, где они впервые были обнаружены.

[2] В Горно-Алтайском музее есть только один предмет, который можно отнести к андроновскому типу, именно кинжал из желтой бронзы, литой и с повторной ковкой. Где и при каких обстоятельствах он найден, не известно, хотя имеется общее указание о происхождении его из Горного Алтая.

Отдельные, пока еще случайные находки предметов так называемого карасукского типа на Алтае, относящиеся к следующему культурному этапу, дают разнообразный ассортимент орудий и оружия: ножи, кинжалы, короткий меч, наконечники копий, боевые топоры-чеканы, серпы, кирки и т. п. Эти находки указывают не только на дальнейшее развитие древней металлургии на Алтае, но позволяют говорить и о примитивном земледелии, о развитии военного дела, об улучшении приемов обработки металлов.[1] Бронзовые орудия не выковывались холодной ковкой, а от-

Бронзовый котел, найденный на р. Балакчиюл.

ливались в каменных формах; рукоятки некоторых из них заканчивались фигуркой животного. Таким образом в это время возникло и скульптурное литье. Развитие и разнообразие выделываемого в карасукское время оружия отражает развитие военного дела, которое в следующий период культурной жизни древних обитателей Алтая, в связи с возникновением и развитием кочевого образа жизни, превратилось в постоянный промысел.

---

[1] Карасукскими они названы по памятникам этого типа, открытым впервые при раскопках могильников по р. Карасу у с. Батени на р. Енисее. В Горно-Алтайском музее хранится несколько предметов карасукского типа, найденных в Горном Алтае. К ним относятся: бронзовый кинжал, найденный золотоискателями на глубине 1.5 м на р. Яшмеш, впадающей в р. Каракол (Эликмонарский аймак), такой же кинжал из урочища Четь-Улаганского аймака, только заточенный конец его сильно сношен, наконец, кельт из красной меди с петельками, найденный на р. Киндерлю в Эликмонарском аймаке.

II. РАННИЕ КОЧЕВНИКИ АЛТАЯ

Разложение первобытно-общинного строя на Алтае и возникновение классовых отношений в форме первоначального рабства приходится, должно быть, на период с VII в. до н. э. по I в. н. э., когда на Алтае интенсивно развивается скотоводство в кочевой форме, создавшее своеобразную культуру ранних кочевников Алтая, приспособленную к подвижному образу жизни.

Скотоводство на Алтае и в приалтайских степях во II тысячелетии и в конце I тысячелетия до н. э., как уже сказано, имело пастушеский характер.

Древнейшие скотоводы Алтая пасли скот вблизи своих оседлых поселений, занимаясь охотой и рыболовством. Оседлый образ жизни позволял им осваивать только ограниченную территорию для пастьбы скота, находящуюся недалеко от поселения. Последнее обстоятельство в условиях отсутствия заготовки корма весьма ограничивало размеры скотоводства, рост которого при данном уровне развития производительных сил упирался в проблему кормовой базы, особенно зимой. Дальний выпас скота был неудобен при оседлом образе жизни, ибо это затрудняло уход за скотом и использование его продукции. Земледелие было развито слабо и не могло иметь значения для расширения скотоводства.

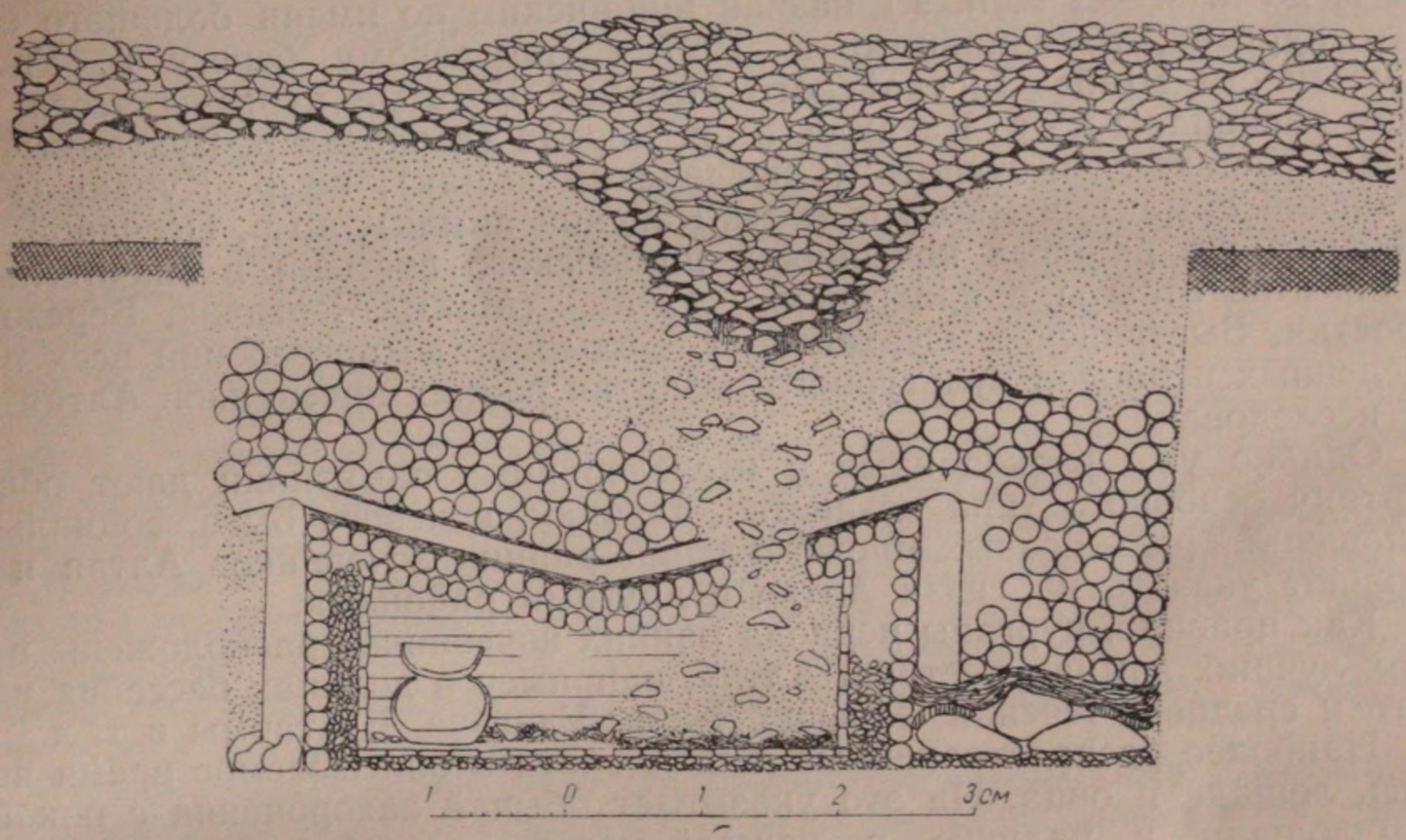
Быстрый технический прогресс скотоводства сделался возможным только с переходом к кочевке со стадом, с освоением лошади как транспортного животного, в первую очередь для верховой езды. Ясно, что это произошло не сразу. Скорее всего, естественное размножение скота нередко вынуждало, в силу недостатка корма вблизи оседлых поселений, посылать стада для выпаса на дальние расстояния, на отгонные пастбища, под охраной и присмотром лиц, выделенных для этого первобытной общиной. Оставшееся в оседлых поселках население в периоды неудачной охоты или рыбной ловли вынуждено было, спасаясь от голода, переселяться временно в места, где кормился скот, так как он становился в такие периоды более постоянным и устойчивым источником питания.

Освоение же новых пастбищ посредством дальнего выпаса скота увеличивало в свою очередь возможность естественного размножения скота, увеличивало размеры скотоводства, расширяло и укрепляло пищевую базу ранних скотоводов Алтая. Так постепенно возрастало значение стад в жизни этих скотоводов как наиболее возможного и удобного источника питания, а сезонное следование за стадами, перегоняемыми с места на место в поисках корма, сделалось необходимым условием их существования, основным видом хозяйства населения Алтая на много веков. Необходимо все же указать, что кочевое скотоводство на Алтае уже во времена его возникновения носило, вероятно, преимущественно сезонный характер, выражавшийся в смене летних пастбищ на зимние, что диктовалось местными природными условиями.

Кочевое скотоводство пастушеских племен, выделившихся из остальной массы варварских племен Алтая и прилегавших к нему районов, явилось первым общественным разделением труда в этом обширном районе, явилось выражением развития производительных сил в рамках первобытно-общинного строя. Кочевое скотоводство открыло более широкие возможности для роста стад, ограниченные только пределами естественного размножения, да все еще большой зависимостью кочевников от природных условий. Кочевое скотоводство доставило такое коли-

чество продуктов кочевникам, которое они не в состоянии были полностью потребить, и создало излишки для обмена с оседлым населением на продукцию оседлого, иногда уже довольно развитого земледельческого хозяйства. Новый способ производства средств существования, в форме кочевого скотоводства, вызвал коренное изменение и всего хозяйственного уклада жителей Алтая этого периода.

Основным источником для изучения периода ранних кочевников Алтая являются археологические памятники, именно погребения, так как кочевники не имели постоянных мест поселения, а на кратковременных стоянках не могло образоваться скопление культурных остатков. В этих погребениях обычно находят, кроме скелетов покойников, много различ-



Разрез могилы в первом Пазырыкском кургане.

ных предметов быта, оружие и скелет лошади в полной сбруе, захороненной с покойником. Последнее обстоятельство является отличительной особенностью погребального обряда ранних кочевников. К настоящему времени, по данным М. П. Грязнова, выявлен археологический материал, относящийся к ранним кочевникам, более чем из 100 раскопанных погребений из 32 различных пунктов Горного Алтая. Хронологически этот материал разбивается на три группы,[1] из которых наиболее древняя группа получила название майэмирского культурного этапа (VII—V вв. до н. э.) по наиболее характерным для него курганам с земляными насыпями, расположенным в Майэмирской степи в западном Алтае. Следующая группа курганов, с каменными насыпями, относится к пазырыкскому культурному этапу (V—III вв. до н. э.), названному по имени знаменитого первого Пазырыкского кургана, раскопанного по р. Ян-Улагану в 1929 г. и получившего мировую известность. I Пазырык имел

---

[1] Классификация этапов культурного развития ранних кочевников Алтая принадлежит известному исследователю археологии Западной Сибири и Алтая проф. М. П. Грязнову.

большую каменную насыпь диаметром 47 м, высотою 1.5 м. Он принадлежал богатому и знатному кочевнику и доставил при раскопке многоценнейших предметов быта и искусств.[1] Богатые курганы пазырыкского времени раскапывались в Араголе по р. Ян-Улагану, по р. Бухтарме. Цепочки курганов этого типа в большом количестве встречаются в Улаганском, Кош-Агачском, Усть-Коксинском аймаках, по р. Бухтарме и в других районах Алтая. Погребения же рядовых кочевников этого времени исследовались в долине р. Бухтармы и по р. Майме, близ г. Горно-Алтайска.

Наконец третья, довольно многочисленная группа курганов, также с каменными насыпями, характеризует третий, наиболее поздний культурный этап в развитии ранних кочевников. Этот культурный этап (II в. до н. э. — I в. н. э.) назван шибинским по имени большого богатого кургана, раскопанного в 1927 г. по левому берегу р. Урсула в местности Шибе Онгудайского аймака.[2] Богатые курганы этого времени раскопаны по р. Катанде, по р. Берели (верховья р. Бухтармы), по рекам Караколу и Куроте (Онгудайский аймак), по р. Кураю (Кош-Агачский аймак), в Яконуре (Усть-Канский аймак), по р. Песчаной. Погребения же рядовых кочевников шибинского времени в значительном количестве отрыты в предгорьях Алтая (Майма-Чергачак, Березовка, Сростки, Быстрянское, Суртайское). Большинство погребений всех перечисленных периодов культурного развития ранних кочевников Алтая еще не исследовано.

Однако уже раскопанные и исследованные памятники дают общую картину основного типа хозяйства, техники, кочевого быта, социальных отношений, религиозных представлений ранних кочевников Алтая и позволяют указать на связи Алтая с другими районами.

Как правило, курганы периода ранних кочевников расположены в местах лучших зимних пастбищ Алтая, например в долинах бассейна верхнего и среднего течения Чарыша, Кана, Улагана, Бухтармы и т. д.

Наиболее распространенным видом скота в описываемое время являлись лошадь и овца. На это указывает обычай захоронения с покойником лошади и наличие в каждой могиле костей овцы и лошади в качестве остатков погребальной пищи. Нахождение в погребениях костей быка говорит о том, что в это время разводили и крупный рогатый скот.

Наряду с вышеприведенным археологические памятники отражают и охоту на зверя, имевшую немаловажное, хотя и подсобное, значение в хозяйстве кочевников. О занятии ею свидетельствуют прежде всего находимые в погребениях различные изделия из рога и кости марала, лося, козули, из клыков дикого кабана (украшения на уздах, найденных в курганах близ с. Туекты и под Солонечным белком), водившегося в Алтае до XIX в. включительно. О том же говорит волос дикого оленя, которым оказались набиты подушки погребальных седел из первого Пазырыкского кургана. Наконец о занятии охотой на ценного пушного зверя свидетельствует одежда из меха горностая, найденная Радловым

---

[1] М. М. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. 1950.

[2] См. коллекцию и опись № 4888 в Государственном Музее этнографии в Ленинграде. Выше уже указано, что С. В. Киселев, опираясь на анализ формы и характер устройства погребальных сооружений в больших каменных курганах и содержания погребального инвентаря, объединяет пазырыкский и шибинский типы памятников в единый тип, который относит к гунно-сарматскому времени.

в Катандинском кургане,[1] находка С. И. Руденко одежды из соболя, белки, горностая в пазырыкских курганах и находка М. П. Грязнова в Шибинском кургане десяти передних верхних зубов соболя (не менее чем от семи животных). Вполне возможно, что в это время существовал обычай брать себе зуб убитого соболя, как это делали совсем недавно и современные алтайцы в отношении кончика носа убитого соболя, который они хранили потом как талисман. К этому можно было бы добавить указание на многочисленные изображения алтайской фауны, встречающиеся в виде украшений в погребальном инвентаре ранних кочевников и выполненные настолько мастерски и реалистически, что такое умение предполагает основательное знакомство художника с оригиналом, что было вполне естественно при распространенности охоты на зверя.

По поводу земледелия нужно сказать, что археологические материалы не дают прямых указаний на существование его у кочевников, хотя имеются данные, говорящие об употреблении ячменя в богатых хозяйствах. Богатые кочевники не могли получать ячмень и от населения северных районов Алтая, где земледелие тогда существовало, ввиду дальности и трудности транспортировки зерна по горным тропам, через ряд высоких хребтов и глубоких бурных рек. Установлено, что 10 лошадей, захороненных в первом Пазырыкском кургане, и 14 лошадей, захороненных в Шибинском, получали в пищу зерно. Но установлено также и то, что даже лучшие лошади (Пазырык I) не были обеспечены кормом в течение круглого года, и еще весной, за пять месяцев до захоронения, они голодали. Стало быть, ячменя хватало не на весь год даже в богатых хозяйствах, к которым необходимо отнести владельцев коней, погребенных в указанных курганах. Однако вполне допустимо, что небольшие посевы ячменя кочевники производили сами близ зимних стоянок скота, урожай снимали глубокой осенью, при возвращении на зимние пастбища; давность в Горном Алтае мотыжного земледелия с посевами ячменя не вызывает сомнения.

В отношении техники у ранних кочевников необходимо отметить, что в это время на Алтае совершился переход от изготовления и употребления бронзовых орудий к орудиям железным. Процесс перехода от бронзы к железу совершался здесь значительно позднее, чем, например, у скифов — кочевников наших южных степей, которые уже к VII в. до н. э. сменили бронзовые орудия на железные. Причины такого запоздания, вероятно, заключались в том, что ранним алтайским кочевникам были известны многочисленные месторождения медных руд на территории современного западного Алтая, которые в соединении с оловом, добывавшимся в Калбинских горах, давали им высококачественную бронзу, не уступавшую по своей твердости появившемуся впервые железу.

Бронзовые орудия ранних кочевников дошли до нас в виде ножей, рукоятка и клинок которых составляют одно целое, в виде топоров и кельтов. Известны также бронзовые тесла, привязанные к рукоятке ремнем.

Из военного и охотничьего оружия археологические раскопки доставили бронзовые втульчатые копья с ланцетовидными наконечниками, литые кинжалы с рельефным орнаментом на рукоятке, боевые чеканы, или клевцы, — ударное боевое оружие, насаживающееся на длинную

---

[1] А. А. Захаров. Раскопки Радлова 1865 г. Труды Гос. Истор. музея, вып. I, М., 1926.

рукоятку, и бронзовые наконечники стрел копьевидной и, позднее (с пазырыкского времени), трехгранной формы. В числе бронзовых изделий, найденных в погребениях ранних кочевников Алтая, имеются еще удила, пряжки и различные украшения сбруи и одежды, зеркала, котлы.[1] Медные изделия бытовали преимущественно в форме украшений: серьги из медной крученой проволоки, бусы и пронизки. Широко использовалось чистое олово для украшений.[2] Железные изделия стали господствующими только с шибинского периода. Они изготовлялись уже с помощью иной техники, именно — ковкой, а не литьем. Характерно, что железные изделия этого времени почти полностью повторяют формы бронзовых. Качество их было низким, ассортимент весьма ограниченным. Наконец для ранних кочевников Алтая характерно широкое распространение золотых изделий, изготовленных с помощью различной техники. Наряду с массивными, литыми предметами в погребениях этого времени встречаются изделия из тонкой золотой проволоки (серьги) или из тонкого листового золота, толщиной всего 15 микронов. Из такого золота вырезались или штамповались, иногда на медной основе, различные фигурки (головки зверей и т. д.). Листовым золотом покрывались различные плоские и рельефные изображения из дерева, железа, меди, бересты (Арагол, Пазырык I, Шибе и другие курганы). Тонкое листовое золото наклеивалось на бересту и кожу (курганы Пазырык, Катанде II, Бухтарма, Каракол, Яконур и др.).[3]

Несмотря на технический прогресс, на освоение железа, ранние кочевники Алтая были довольно ограничены в своих технических возможностях, особенно в металлургии, общий уровень которой был все же очень низким. При том уровне производства трудоемкая горная металлургия не могла быть освоена в такой степени, чтобы полностью покрывать потребность в металлических изделиях. Этим объясняется широкое употребление в качестве поделочного материала рога и кости диких копытных животных (лося, марала, козули) и дерева. К сожалению, из-за плохой сохранности дерева многие предметы из погребений ранних кочевников оказались утраченными для истории. Но, несомненно, дерево широко использовалось в строительной технике; его обрабатывали не только рубкой, но и резьбой и выдалбливанием. Таковы, например, огромные долбленные саркофаги-колоды из курганов Пазырыка и Шибе.

Ранние кочевники знали, хотя в слабой степени, технику производства керамических изделий (посуда, тигли, формы для литья, напряслица). Они знали также применение минеральных и растительных красителей для шерсти (войлока), меха, кожи.

На относительно более высоком уровне находилась обработка материалов животного происхождения, что вполне закономерно. Развив скотоводство, ранние кочевники Алтая получили значительные скопления производственного сырья в виде шерсти, волоса, кожи. Многие виды обработки сырья, доставляемого стадами, сохранившиеся у алтайцев до наших дней, возникли и развились в период ранних кочевников. Уже тогда развитие их достигало столь значительной высоты, что позднее кочевники Алтая не только не смогли переступить этот уровень, но в ряде случаев опустились ниже его. Достаточно указать в качестве примеров,

---

[1] Последние в случайных находках.

[2] Изделия из первого Пазырыкского кургана.

[3] С. В. Киселев в своем труде «Древняя история южной Сибири» предложил довольно убедительное объяснение «золотому веку» на Алтае, связав его с кризисом сбыта алтайского золота в Среднюю Азию.

что вещи, сохранившиеся в Пазырыке I, по определению М. П. Грязнова, дают много образцов различных войлоков, толстых и тонких, из высококачественной, простой и смешанной шерсти, крашеной и естественной окраски и т. д. Иногда качество этого войлока приближается к нашему фетру. Из шерсти овцы и верблюда на ручных примитивных станках выделывали ткань, употреблявшуюся для шитья одежды богатых кочевников. Рядовое население для изготовления одежды, как правило, употребляло выделанные шкуры и кожи диких зверей и домашних животных.

Конь с маской и седлом из Пазырыкского кургана. (Реконструкция).

Характеристику технического уровня ранних кочевников можно закончить указанием на средства передвижения, из которых основным являлась верховая лошадь. В описываемый период было изобретено седло. Древнейшая его форма известна по находкам в первом Пазырыкском кургане. Седло состояло из двух соединенных подушек, набитых шерстью оленя, туго простеганных, и не имело ни деревянной основы, ни стремян. Держалось оно на спине лошади при помощи подпруги с двумя ремнями. Имелся простой нагрудник и подхвостник, прикрепленный к подушкам седла. Узда и удила были первобытного устройства. Из других средств передвижения доподлинно известна только арба, перевозимая быками, с весьма простым, первобытным ярмом, приспособленным к горным условиям. Найденное в I Пазырыке ярмо, по описанию М. П. Грязнова, было сделано так, что между запряженными быками оставалось свободное пространство около 120 см шириной, позволявшее животным, не тесня друг друга, провозить арбу по крутым

косогорам. Сама арба, судя по дошедшим до нас остаткам, была маленькой, двухколесной.

Иным было хозяйство у обитателей тайги в северных районах Алтая. Здесь господствовала охота на зверя. К сожалению, памятников периода ранних кочевников в этих районах не сохранилось, надо полагать потому, что жители тайги этого времени практиковали в прошлом наземный способ погребения, при котором покойника, завернутого в бересту, с положенной с ним утварью хоронили на дереве. При таком способе захоронения, просуществовавшем здесь включительно по XIX в., все положенное с покойником, как и скелет его, полностью разрушалось от времени.

Картину хозяйственной жизни Алтая в рассматриваемый период необходимо дополнить кратким описанием хозяйственной жизни у обитателей северных равнинных предгорий по долинам рек Бии, Катуни и верхнего течения Оби. Здесь жило оседлое население, занимавшееся комплексным хозяйством. Археологические памятники позволяют утверждать, что здесь в это время ведущее значение в хозяйстве принадлежало пастушескому скотоводству и мотыжному земледелию. Охота и рыболовство имели также существенное значение.[1] В этих районах было известно изготовление шерстяных тканей с плетением нитей типа полотна и саржи, известно и изготовление глиняной посуды. Население жило оседло и поддерживало культурную связь с кочевниками горной части Алтая; одной из форм этой связи являлся натуральный обмен. Наряду с этим вероятен также и тот факт, что оседлое население подвергалось нападениям и грабежам со стороны кочевников.

Кочевой образ жизни отразился коренным образом на всем бытовом укладе ранних кочевников Алтая. Это сказалось прежде всего на жилище. Жилище, во всяком случае летнее, строили легким и переносным, покрывая его войлоком, так же как это делали и западные соседи алтайцев — усуни, кочевавшие в Семиречье, или как делали гунны и все поздние кочевники до нашего времени включительно. Стены погребальной камеры в первом пазырыкском погребении, срубленной из бревен, были задрапированы войлоком, что указывает на применение войлока в жилище кочевников. Разумеется, легкие, быстро устанавливаемые жилища покрывали и берестой, и корой лиственниц, и шкурами животных, как это делали недавно и современные алтайцы. Во всяком случае в погребальных сооружениях ранних кочевников береста и кора употребляются в качестве покрытия, и едва ли можно сомневаться, что таким способом покрывались и жилища. Наряду с этим в районах зимних пастбищ устраивались более прочные срубные жилища. Срубная техника, судя по погребальным камерам курганов типа Пазырыка I, Шибе и др., была хорошо известна ранним кочевникам. Они умели строить двойные стены, бревенчатые потолки, досчатые полы и комбинировать различный строительный материал: бревна, полубревна, доски, бересту и т. д. Эта развитая техника срубного дела, видимо, еще не была забыта от прежнего оседлого образа жизни. Позднее кочевники Алтая постепенно ее утратили.

---

[1] Раскопки Большереченское I, по правому берегу Оби (1925); могильник Березовка I; поселение на р. Бии: Енисейская коммуна II, монастырь, скотобойня и на правом берегу Оби Камышская I; Большереченское III; ст. Алтайская I, более поздние (шибинского этапа) поселения в верхних слоях в Большереченском I, в Березовском городище, по р. Оби у д. Клепиковой, на Чудацкой горе и др.

Кочевой образ жизни оказал влияние на характер домашней утвари, на ее размеры, материал, форму. При частых перекочевках большое количество громоздкой утвари из бьющегося материала затрудняло передвижение. Поэтому кочевники вынуждены были иметь небольшое количество утвари, изготовленной из небьющегося, удобного для перевозки материала: кожи, войлока, меха, дерева, — в виде различных мешков, сумок, кожаных сосудов, деревянной посуды и др. Глиняная посуда еще употреблялась, но в очень ограниченном количестве. Форма ее также носит следы приспособляемости к частым передвижениям.

Седло из первого Пазырыкского кургана.

Глиняные сосуды делались с узким и высоким горлом. В таких сосудах жидкость можно было перевозить, не расплескивая. Употреблялись еще и бронзовые котлы для варки пищи.

Основным видом питания у кочевников являлась молочная и мясная пища. Первая преобладала в летний период, вторая — зимой, когда бóльшая часть скота не давала молока. Нам не известно (по археологическим данным), в каком виде употребляли ранние кочевники молочную пищу. Судя по известиям китайской летописи, относящейся к первым векам нашей эры, азиатские кочевники умели делать кумыс и вообще употребляли молоко в кислом виде, как это делали и все позднейшие кочевники. Это вполне понятно, ибо в условиях кочевой жизни молоко сливали в кожаную, деревянную или даже глиняную, никогда не мывшуюся посуду, и предохранить его от скисания не представлялось возможным. Простота и быстрота приготовления жидкой молочной пищи соответствовали кочевому быту; кроме того, при передвижениях жидкая молочная питательная пища летом была весьма

удобна для наездника: кожаная фляга с этой пищей подвешивалась к седлу и, чтобы утолить жажду и голод, не нужно было даже слезать с лошади. Последнее обстоятельство имело большое значение при длительных переездах, походах и т. п. Алтайские кочевники, вероятно, также умели делать кумыс, изобретение которого принадлежит, несомненно, кочевникам. О приготовлении кочевниками кумыса известно уже из сообщений Геродота. В китайской летописи имеется более позднее, относящееся к I в. до н. э., упоминание о существовании кумыса у гуннов.[1] Кочевание было связано с разведением лошадей, как более выносливых и подвижных животных, мясо и молоко которых было сразу же оценено по достоинству. Натолкнуться на изобретение кумыса при кочевом образе жизни было довольно легко. Надоенное кобылье молоко, слитое в кожаный сосуд (мешок из сыромятной кожи), подвергавшееся взбалтыванию при езде в жаркий день, давало кумыс само собой, ибо для этого были все необходимые условия. Постоянное употребление в пищу такого молока и привело к тому, что кумыс стали делать и в стационарных условиях, прибегая для этого к взбалтыванию его руками.

М. П. Грязнов обратил внимание на то обстоятельство, что в некоторых погребениях кочевников встречается по два узкогорлых сосуда, которые содержали в себе при погребении, видимо, два различных напитка.

Можно предполагать, что ранние кочевники Алтая заготовляли молочные продукты впрок в виде кислого сыра и масла. Упоминание об употреблении кочевниками в пищу сыра имеется также в китайской летописи о гуннах.[2] Легко допустить, что на идею сбивания масла ранние кочевники могли натолкнуться, получив масло естественным путем из кислого молока, типа чегеня или айрана, при взбалтывании молока в закрытой посуде во время езды.

Мясо кочевники ели в вареном виде, так как костные остатки мясной пищи, находимые в погребениях, не носят следов обжаривания на огне. Очевидно, в пищу шли также корни, клубни и стебли диких съедобных растений (кандыка, сараны, черемши), различные ягоды, кедровые орехи, в изобилии произрастающие на Алтае, а также некоторые хлебные злаки, например ячмень.

Интересный и редкий материал дали некоторые погребения в отношении одежды ранних кочевников. Большинство населения носило одежду из кожи́ и меха, остатки которой сохранились в ряде курганов. Богатые кочевники носили платье из китайских шелковых тканей. Остатки их сохранились, например, в богатых курганах шибинского времени (курганы Шибе, Каракол и др.). В Катандинском кургане, благодаря мерзлоте, образовавшейся в этой могиле, как и в других могилах каменных курганов пазырыкского и шибинского времени, хорошо сохранился халат на меху.[3] Катандинский халат — одежда на меховой подкладке, узкая в плечах, сильно расширяющаяся к подолу. Часть халата сшита из небольших кусочков меха волосом вверх. Мех

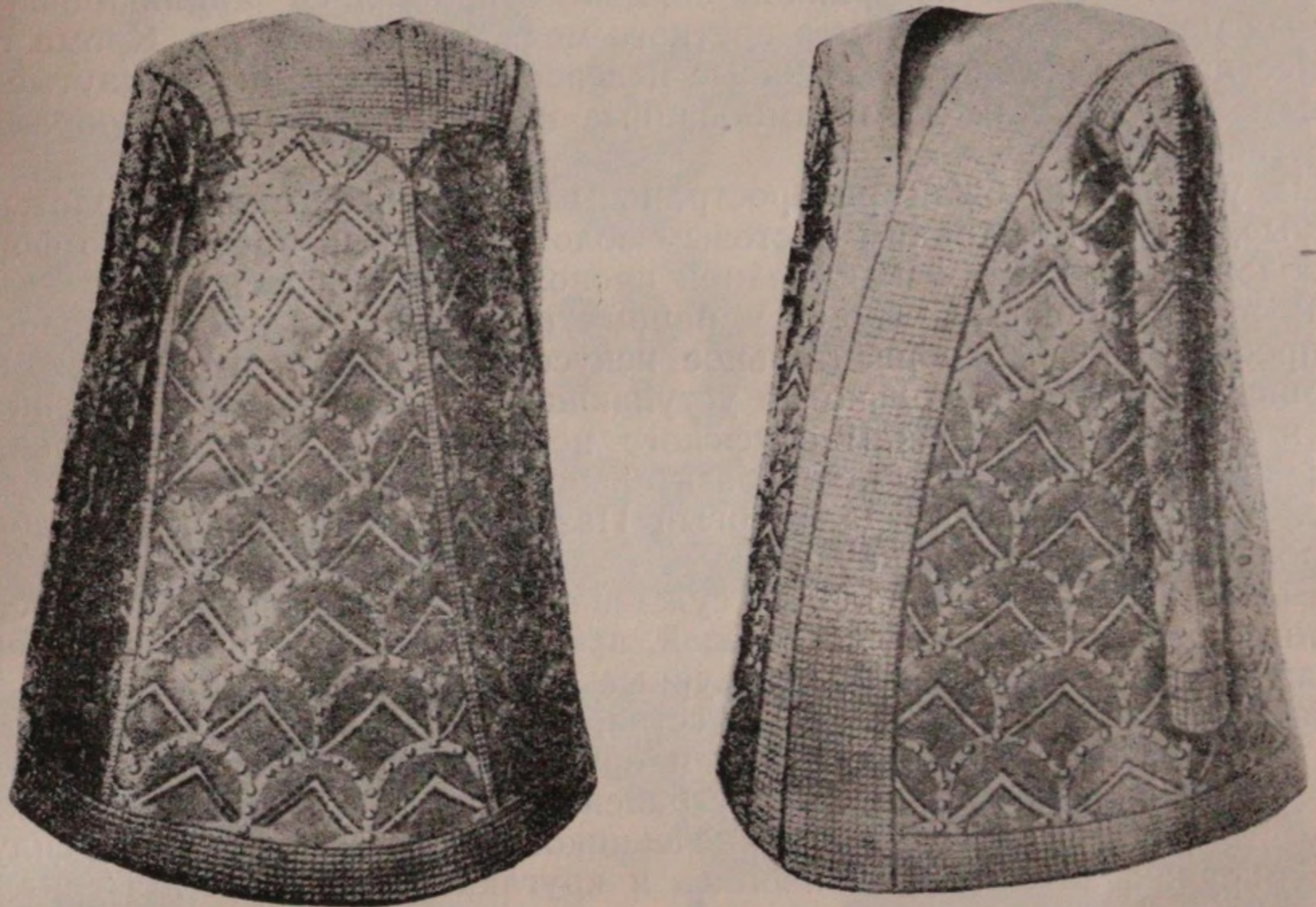
---

[1] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений... I, стр. 58.

[2] Там же. — Это предположение оправдалось. При раскопках второго Пазырыкского кургана в 1947 г. С. И. Руденко обнаружил мешочек с сыром, сохранившимся благодаря курганной мерзлоте.

[3] А. А. Захаров. Раскопки В. В. Радлова 1865 г. Труды Гос. Истор. музея, вып. I, М., 1926; Е. С. Видонова. Катандинский халат. Труды Гос. Истор. музея, вып. VIII, Сб. статей по археологии. М., 1938.

окрашен в зеленоватый и красноватый тона и выложен узором по типу инкрустации. Халат отделан полосами кожи с нашитыми на них деревянными пуговицами, нарезанными из кожи квадратиками и свитым из узких полос кожи шнуром.[1] Халат имеет открытый ворот, запахивающиеся полы (без застежек) и длинные, чрезвычайно узкие рукава, вероятно декоративного значения, так как трудно представить, чтобы в такие рукава можно было продеть руки. Такой халат носили накидывая



Меховой халат из Катандинского кургана.

на плечи, поверх. По сообщению М. П. Грязнова, на одной из блях из сибирской золотой коллекции, хранящейся в Эрмитаже и относящейся к рассматриваемому времени, имеется изображение женщины в шубе описанного покроя, с рукавами, свободно висящими по бокам шубы, в то время как рука женщины высовывается из-под полы.

Художественное оформление катандинского халата в смысле узора, окраски меха, множества простых, хотя и оригинальных, украшений говорит о довольно высокой для своего времени технике весьма своеобразного искусства.

Изучавшая детально этот халат Е. С. Видонова отмечает и другое важное обстоятельство. «Оформление халата, — пишет она, — потребовало, видимо, много рук и самых разнообразных мастеров-техников. Немало труда и времени было истрачено на его создание, что в наше время трудно и учесть. Так, по приблизительному подсчету, одних деревянных пуговиц было накреплено до 8000. Нарезанных квадратиков из

---

[1] Е. С. Видонова. Катандинский халат, стр. 170. — Деревянные пуговицы, так же как и квадратики из кожи, были когда-то покрыты листовым золотом.

кожи крупного размера — около 1000 и более мелких — свыше 2000. Все это делалось для одного лица».

В Катандинском кургане оказалась и другая шуба, иного покроя, напоминающая фрак, также с открытым воротником и без застежек, но короткая, наподобие куртки с длинной спинкой. Рукава у этой шубы нормальной длины и достаточно широкие, чтобы надевать их на руки. Еще больше предметов одежды содержит второй и последующие пазырыкские курганы, раскопанные С. И. Руденко.

Одежда богатых кочевников обильно украшалась аппликацией из разных материалов, например цветного меха, кусочков кожи. Кроме того, на нее нашивались бусы, кожаные и деревянные бляшки, обтянутые листовым золотом, или же штампованные из золота бляшки, изображающие звериные головки.

Из украшений были распространены массивные гривны, золотые и медные, обтянутые тонким листовым золотом, серьги, простые по форме, из золотой, серебряной или медной проволоки и браслеты.

В рассматриваемое время у ранних кочевников Алтая развилось и распространилось изобразительное искусство с характерным для него звериным стилем, не только не уступающее по образности и оригинальности лучшим памятникам скифского искусства из Причерноморья, но даже превосходящее их по выразительности. Особенно обильный материал в этом отношении дал первый Пазырыкский курган, обогативший сокровищницу мировой науки.

Вещественный материал для суждения об изобразительном искусстве ранних кочевников имеется большой, преимущественно в виде орнамента, украшающего бытовые или культурные предметы. Эти дошедшие до нас памятники изобразительного искусства, по М. П. Грязнову, делятся на две группы: изображения зверей и орнамент в виде различных цветов или рисунков. Наиболее распространенными видами изобразительного искусства из погребений ранних кочевников являются барельеф и силуэтный рисунок, затем идут живопись и круглая скульптура. Материалом, на котором делались изображения, служили золото, олово, бронза, железо, дерево, береста, рог, кожа, мех, войлок, конский волос и др. Изображения получались различным способом: литьем, чеканкой, инкрустацией и окраской. Различное сочетание перечисленных материалов и техники изображения — характерная черта этого искусства. Главным сюжетом его являлись изображения животных, как реалистических, так и мифических. Как установлено М. П. Грязновым, изображались в различных композициях шесть реальных зверей: тигр, волк, лось, марал, горный баран (аргали) и горный козел (теке). Из мифических зверей изображались крылатый тигр, многоголовый волк, орел, змей и рыбоподобное чудовище.

Отличительной чертой искусства ранних кочевников, по М. П. Грязнову, кроме выдержанности стиля, нужно признать уменье подчинить композицию изображения форме предмета, уменье расположить изображение животного на предмете любой формы и очертания так, что получается впечатление, что именно изображение породило ту или иную форму предмета. Это достигалось приемами стилизации, использованием всей поверхности предмета, на которой изображение казалось размещенным вполне непринужденно. И если, подчиняя изображение форме предмета, художник оказывался вынужденным изменить ту или иную часть тела животного, придать ему стилизованную форму, то он гармонически изменял пропорции и других частей животного. Аппликация из

кожи или резные деревянные бляхи, изображающие борьбу различных зверей (например тигра, вцепившегося в горло горного барана или

Изображения на седельных покрышках из первого Пазырыкского кургана.

схватившего зубами крупного лося, крылатого тигра, поймавшего за ногу и холку горного козла), выполнены настолько эффектно, что про-

изводят первоначально довольное сильное впечатление. Однако при внимательном изучении этих художественных памятников нетрудно убедиться в том, что несмотря на внешнюю эффектность, экзотичность, изобразительное искусство ранних кочевников Алтая было все-таки искусством варварским, примитивным, в котором большое место занимают приемы штампа, трафарет, своеобразная стандартизация в стиле, смешение реалистических и стилизованных элементов и ограниченность сюжета. Содержание этого искусства до сего времени не изучено и не раскрыто. Но вряд ли можно сомневаться в том, что оно отражает идеологию варварского общества, в которой видное место занимают различные мифологические представления.

Деревянные бляшки от узды из Пазырыкского кургана.

Хорошие образцы художественных изделий ранних кочевников дали и остальные пазырыкские курганы, а также Шибинский, Берельский, Катандинский и др.[1] Вместе с этим весьма важно обратить внимание и на то, что в больших каменных курганах Алтая встречаются узоры, которые близки к некоторым видам современного орнамента южных алтайцев, казахов и киргизов (например роговая пластинка из Шибинского кургана), на что обратил внимание М. П. Грязнов. Истоки дореволюционного народного орнаментального искусства алтайцев, как и некоторых других, не только тюркоязычных народов, следует искать, видимо, в рассматриваемое время на территории Алтая и современного Казахстана.

Труднее судить о верованиях ранних кочевников Алтая. На основании погребального обряда можно предполагать, что древние кочевники Алтая, так же как и позднее, считали смерть переселением человека в потусторонний мир, где человеческая жизнь и деятельность продолжались. Поэтому покойника снабжали всем необходимым: его одевали в лучшие одежды, клали с ним пищу, оружие, лошадей в полной сбруе и т. п. На религиозные воззрения в это время указывают и некоторые мифические персонажи, изображения которых в виде животных известны, например, по погребальному инвентарю Пазырыка I. Почти все они (крылатый тигр, орел, змей, рыбоподобное чудовище) встречались, до нашего столетия включительно, в шаманской мифологии народов Сибири, в частности у алтайцев. Некоторые из этих изображений (орел, змей, рыбоподобное чудовище) помещались на шаманских бубнах в качестве шаманских духов, хотя манера изображения их сделалась крайне примитивной и совершенно несравнимой с художественными образами

[1] Научный анализ алтайского искусства по памятникам пазырыкского типа дал в своей работе С. В. Киселев, пришедший к важным историческим выводам.

этих персонажей периода ранних кочевников. Основным содержанием религиозных представлений был, должно быть, культ природы. Изображений каких-либо идолов, тем более антропоморфных, погребальные памятники ранних кочевников Алтая не содержат. Едва ли можно сомневаться и в том, что в рассматриваемое время в области культа выделился специалист — шаман. Погребение в Катандинском большом кургане, где была найдена одежда с нагрудником (с деревянными подвесками), вероятно, принадлежало шаману. Возможно, что и во втором Пазырыкском кургане, где также была обнаружена (1947) одежда с нагрудником, был захоронен шаман.

В период ранних кочевников на Алтае произошли существенные изменения в общественных отношениях. Кочевое скотоводство как более

Деревянные бляхи из кургана на р. Катуни. (Собрание П. К. Фролова).

прогрессивный способ добывания средств к жизни сделало некоторые племена Алтая скотоводческими и выделило их из более отсталых охотничьих племен, обитавших преимущественно в северных районах. Скотоводческие племена Алтая выделились, благодаря своей возросшей производительности труда, и из варварских племен предгорий Алтая с их комплексным первобытным хозяйством, состоящим из примитивного скотоводства описанного выше типа, охоты, рыболовства и мотыжного земледелия.

Таким образом в это время на Алтае совершилось первое общественное разделение труда, имевшее очень важные последствия. Оно заключалось прежде всего в том, что при новом способе разведения скота стада стали доставлять кочевникам большие излишки продукции как в виде скота, так и в виде различных продуктов скотоводческого хозяйства (мяса, молочных продуктов, кожи, шерсти, ремней, войлока и т. п.). Эти излишки породили регулярный обмен между кочевниками и их близкими и далекими соседями. Скот же у ранних кочевников Алтая находился уже в собственности отдельных, вероятно патриархальных семей, хотя первоначально при возникновении кочевого скотоводства, надо думать, стада являлись собственностью рода. Важным доказательством этому является тот факт, что трупы всех десяти лошадей, полностью сохранившиеся от разложения в насквозь промерзшей и заплывшей льдом могиле первого Пазырыкского кургана, имели на

ушах знаки собственности, причем у всех лошадей эти знаки были различные.

Разведение стад и уход за ними было делом мужчины. Это и обеспечило ему господство в семье в силу решающего значения его высокопроизводительного труда по сравнению с домашней работой женщины. Господство мужчины в семье делало эту семью патриархальной.

Однако патриархальная семья являлась собственником не только скота, сырья и продуктов своего скотоводческого хозяйства, она являлась также собственником всего того, что она получала в порядке обмена на скот и другие виды продуктов хозяйства. Отсюда вытекало и определенное различие в размерах богатства этих отдельных семей, усиливаемое обменом. В курганах пазырыкского и шибинского времени найдены, например, уцелевшие куски китайских шелковых тканей, лаковых изделий, зеркал и других предметов китайского производства. Эти изделия попали сюда в результате обмена и грабежа, скорее всего через гуннские племена, находившиеся в тесных сношениях с Китаем и распространявшие свое влияние на Алтай. На рубеже III и II вв. до н. э. кочевники-гунны образовали мощный союз орд и племен в степях северной Монголии. Политическое влияние этого союза испытывал на себе Китай. Оно простиралось и на Алтай как западную границу гуннской периферии. С запада к Алтаю примыкали усуни, которые образовали в это время союз орд и племен, кочующих по равнинной части Семиречья. Разумеется, как гунны, так и усуни не могли не оказать влияния на политическую, экономическую и культурную жизнь населения Алтая. Вот почему уместно для выяснения социальных отношений у ранних кочевников Алтая привлекать дошедшие до нас некоторые известия летописей о гуннах и усунях.

Основным материалом для определения характера общественных отношений у ранних кочевников Алтая нужно считать все же их погребальные памятники — курганы. Эти памятники прежде всего отразили уже в своем общем характере различие в богатстве отдельных семей, реально существовавшее на Алтае в период сооружения этих курганов. Одни из них, как, например, Пазырык I, Шибинский или Катандинский, представляют собой большие сооружения с богатым и пышным погребальным инвентарем, содержащим много ценных вещей, много лошадей (от 10 до 16). В других погребениях этого времени под скромной каменной насыпью покойник лежит только с одним конем и с самым необходимым количеством подержанных вещей. Различие в характере погребального сооружения и инвентаря показывает, что у ранних кочевников Алтая, наряду с массой рядовых скотоводов, была богатая верхушка, владевшая большими стадами скота, одевавшаяся в дорогие одежды из шелковых тканей, из мехов горностая и соболя (Катандинский курган), украшенные многими сотнями и даже тысячами золотых штампованных бляшек. Богатый погребальный обряд захоронения покойников в сопровождении умерщвляемых лошадей, в пышной, специально сделанной сбруе (пазырыкские курганы), с украшениями из дерева, золота, кожи и т. д., устройство грандиозных погребальных сооружений (погребальные камеры из бревен, потолком, полом, большие каменные насыпи) — все это подчеркивало привилегированное положение богатых кочевников. Их богатство основывалось прежде всего на частной собственности на скот, на захваченную добычу при грабительских набегах.

К сожалению, труднее сказать что-либо достоверное о форме собственности на кочевья, на зимние и летние пастбища у ранних кочевни-

ков Алтая. Однако форму эту можно предполагать в том виде, в каком она существовала у кочевых соседей алтайцев — гуннов, в сферу влияния которых входил тогда Алтай, и усуней. Имеется сообщение о том, что у гуннов кочевья были разделены между князьями — предводителями отдельных племен. «Каждый имел отдельную полосу земли, — констатирует китайская летопись, — и перекочевывал с места на место, смотря по приволью, по траве и воде».[1] Относительно усуней нужно думать то же самое. У них также была отдельная собственность на кочевья, основанная, видимо, на захвате. Об этом можно судить по факту, отмеченному китайской летописью, который говорит, что глава усуней — Цылими, носивший титул гунь-мо, обнародовал, чтобы «никто не смел пасти скот на его пастбищах».[2] Следовательно, вполне логично допустить, что и аристократическая верхушка, предводители племен ранних кочевников Алтая, также распоряжалась кочевьями своих соплеменников и владела пастбищами на основе примитивно захватной и, видимо, наследственной собственности. Последняя была распространена в первую очередь на зимние пастбища как наиболее редкие и важные для кочевников. Предположить это необходимо хотя бы потому, что именно по лучшим зимним пастбищам Алтая протянулись цепочки фамильных курганов богатых семей ранних кочевников. Владея наследственно определенными зимними пастбищами, богатые патриархальные семьи хоронили своих членов на своей территории, образуя таким образом фамильные кладбища.

Обычай захоронения отдельных членов семей на фамильном кладбище отражал реально существовавшее обособление семей в хозяйственную единицу с наследственной собственностью на имущество. В соответствии с указанным обычаем курганы богатых семей периода ранних кочевников на Алтае расположены обычно один за другим, цепочкой, вытянутой с севера на юг. Такие отдельно расположенные цепочки курганов, представляющие фамильные кладбища патриархальной семьи, как правило, одинаковы по размерам и по содержанию погребального инвентаря внутри одной цепочки. Однако если сравнить курганы различных цепочек, то они весьма разнятся в этом же отношении между собою. Это обстоятельство, наблюденное М. П. Грязновым, служит свидетельством наследственной собственности патриархальных семей и означает, по его мнению, что отдельные семьи из поколения в поколение обладали примерно одинаковым богатством, передававшимся по наследству. Но М. П. Грязнов по характеру погребения отмечает и изменения в имущественном положении отдельных семей. Он делает это на примере таких цепочек, где среди равных курганов выделяется один большой, резко отличающийся по размерам каменной насыпи и богатству инвентаря. В таком случае можно говорить, что материальное благосостояние членов одной семьи со временем изменилось, и это также находило отражение в погребальном культе.

Каменные курганы, безмолвные свидетели жизни ранних кочевников, дают основание утверждать еще и то, что в это время богатство уже являлось основой общественной власти. Если экономическая основа ханской власти засвидетельствована для древних тюрков Алтая в китайской летописи для VII в. н. э. («Мало-помалу разбогател лошадьми, почему объявил себя ханом», — повествует летопись, например, о тюркском ка-

[1] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений. . ., II, стр. 156.
[2] Там же, стр. 197.

гане, или хане, Гудулу),[1] то у ранних кочевников Алтая она определялась также не личными качествами человека: умом, смелостью, силою, казалось бы, необходимыми предводителю или вождю племени, а зависела об богатства. Прямым указанием на это является весьма богатое и пышное погребение вождя или главы племени в Шибинском кургане. Как обратил внимание М. П. Грязнов, покойник был глубоким стариком, с позвоночником, пораженным тяжелой болезнью, с разрушенной болезнью челюстью. Нужно ли говорить о том, что такой глубокий инвалид не мог обладать общественной властью в силу своих личных качеств, а между тем весь облик погребения говорит о том, что здесь, как и в первом Пазырыкском кургане, было захоронено лицо, сосредоточившее общественно-политическую власть. Сооружение таких курганов, как Пазырык I и Шибе, не могло быть выполнено силами одной, хотя бы и большой, патриархальной семьи. Для того чтобы вырыть могильную яму в 52 кв. м, как в первом Пазырыкском кургане, не имея железной лопаты, а ковыряя землю мотыгами с наконечниками из трубчатой кости быка, чтобы срубить обширную погребальную камеру с двойными стенами, бревенчатым потолком и досчатым полом бронзовыми узколезвийными топорами, чтобы тщательно выдолбить при помощи тесел гроб-колоду с крышкой длиной в 3.75 м из толстого ствола лиственницы, чтобы насыпать курган из камней объемом около 2000 куб. м, — для всего этого у отдельной семьи не могло хватить сил. Несомненно, что устройство такого погребального сооружения, требовавшего громадной затраты человеческого труда, учитывая состояние техники того времени, могло быть выполнено только благодаря привлечению большого количества людей, видимо всего племени. М. П. Грязновым установлено также, что погребальная сбруя для десяти лошадей, захороненных с покойником в Пазырыке I, была изготовлена различными мастерами и из разного материала. Снаряжение представителя общественно-политической власти в загробный мир составляло обязанность всех семей племени у ранних кочевников Алтая, в том числе и богатых. Подношение даров умершему, отмеченное еще Геродотом для скифов Причерноморья, у ранних кочевников Алтая, должно быть, отражало действительно существовавший обычай подношения даров главе племени.

Можно решительно утверждать, что у ранних кочевников Алтая уже возникли первоначальные формы эксплоатации. Так, факт сосредоточения в частной собственности патриархальной семьи большого количества скота определенно говорит о том, что условия для возникновения эксплоатации здесь вполне созрели, ибо производство у ранних кочевников было уже настолько развито, что они добывали гораздо больше того, чем это требовалось для существования отдельных семей. Несомненно, что обслуживание больших стад (пастьба, доение и т. д.) было не под силу семье, состоявшей из членов-родственников. Рассчитывать на излишнюю рабочую силу в своем племени было нельзя, ее просто не было.[2] Недостающая рабочая сила, потребная для обслуживания больших стад богатых семей, добывалась путем вооруженных набегов на соседей, ближай-

[1] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений. . ., II, стр. 266. — Объединивший кочевников-тюрков Гудулу-хан выступает в древнетюркских енисейско-орхонских рунических надписи под именем Ильтерес-кагана.

[2] Данных о количественном составе стада у богатых кочевников Алтая за рассматриваемый период нет. Однако китайская летопись сообщает про западных соседей алтайцев — усуней, что богатые у них имеют по 4000—5000 лошадей [Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений. . ., II, стр. 190]. Усуни в это время переживали ту же стадию общественного развития, что и ранние кочевники Алтая.

ших или отдаленных, смотря по обстоятельствам. Пленные, добытые во время набегов, уже не убивались и не отдавались за выкуп теми семьями богатых кочевников, где уход за стадами не мог осуществляться наличным составом родственных членов семьи. В таких семьях пленников оставляли в качестве рабов, в качестве рабочей силы. Естественно, что обеспечение рабочей силой укрепляло экономическую основу таких семей и давало им возможность дальше развивать и увеличивать размеры хозяйства, увеличивать их богатство. Вот почему представляется несомненным, что богатая патриархальная семья ранних кочевников алтайцев включала в свой состав не только родственников, но и несвободных членов, не родственников, а попросту рабов. Эту особенность патриархальной семьи подчеркнул Ф. Энгельс, который писал, что наиболее существенными признаками патриархальной семьи являлись включение в нее рабов и отцовская власть.[1] У скотоводов алтайцев, как и у древних семитов, цель такой организации состояла в уходе за стадами. Рабство в это время было известно и у азиатских кочевников, соседей алтайцев. Непосредственное указание на этот счет имеется относительно гуннов, распространявших свое владычество на Алтай. В китайской летописи говорится, что у гуннов «пленные мужчины и женщины поступают в неволю и посему на сраженьи каждый воодушевляется корыстью».[2] Своих пленников гунны оставляли в рабстве или выдавали за выкуп в тех случаях, когда владелец не был заинтересован в пленнике как в рабе.[3]

Таким образом эксплоататорские отношения у ранних кочевников Алтая первоначально возникли на основе патриархального рабства. Трудно предположить, чтобы имущественное неравенство развилось в то время настолько, что оно уже раскололо племена кочевников на взаимно противоположные классы, что значительная часть кочевников уже была полностью разорена и закабалена своими богатыми соплеменниками, что уже развилась эксплоатация бедняков сородичей и соплеменников богатыми скотоводами (хотя зародыши ее несомненно были). В пользу такого предположения нельзя привести веские доказательства. Напротив, имеются данные для того, чтобы утверждать, что такого положения не было, что большинство рядовых кочевников было свободными людьми и имело постоянный источник материального благосостояния, позволявший ему быть в экономическом отношении довольно самостоятельным. Источник этот, кроме разведения скота, заключался в военных набегах, сделавшихся у кочевников постоянным промыслом, разновидностью их труда. Удачные набеги на соседей, оседлых или кочевых, весьма обогащали их участников, несмотря на то что львиная доля добычи шла предводителям, начальникам. Рядовые кочевники также пользовались военной добычей. Об этом говорят некоторые обычаи кочевников рассматриваемого периода, засвидетельствованные китайской летописью относительно гуннов. У последних, гласит летопись, «кто на сражении отрубит голову неприятелю, тот получает... все, полученное в добычу».[4] Вместе с этим здесь говорится и о том, что «кто убитого (своего общинника, — *Л. П.*) приведет с сражения, тот получает все имущество его».[5] Стало быть, военный набег давал возможность личного обогащения его рядовому участнику, если последний проявлял для этого необхо-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 40—42.
[2] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений..., I, стр. 50.
[3] Там же, стр. 103.
[4] Там же, стр. 50.
[5] Там же.

димую активность, предусмотренную в упомянутых обычаях. Набеги создавали личную заинтересованность каждого участника в исходе военного предприятия, и этим, очевидно, и нужно объяснить силу, стремительность, единодушие и согласованность в действии кочевников при набегах. Безусловно, такие обычаи были распространены не только у гуннов, относительно которых имеются документальные данные, но и у других кочевников Центральной Азии, в частности Алтая, ибо они вытекали из самого характера воинственного, подвижного образа жизни.

По поводу общественного строя ранних кочевников Алтая можно сделать следующий вывод: ранние кочевники Алтая переживали ступень разложения первобытно-общинного строя, ступень формирования классовых отношений на основе развития патриархального рабства, рассчитанного, по определению Маркса, на производство «непосредственных жизненных средств» существования, в отличие от настоящей рабовладельческой системы, ориентированной «на производство прибавочной стоимости».[1] Патриархальное рабство «не составляло прямым образом основы производства»[2] и у ранних кочевников Алтая, ибо оно было характерным сравнительно для немногих, для богатых кочевников. Основой же производства здесь являлся труд свободных скотоводов, членов родовой и племенной общины.

Скотоводческое хозяйство и родовой быт у ранних кочевников Алтая очень способствовали живучести патриархально-родовых отношений и представлений, переплетавшихся с возникающими классовыми отношениями в форме патриархального рабства. Переплетение этих патриархально-родовых отношений с отношениями рабовладельческими и составляло основную черту социальных отношений у ранних кочевников Алтая.

В заключение обзора культуры и быта ранних кочевников Алтая необходимо упомянуть о связях Алтая с другими районами. Материал из погребений ранних кочевников говорит о наличии связи Алтая с Китаем и Ираном. Китайские вещи в виде шелковых тканей, лаковых изделий, зеркал и золотых украшений найдены в курганах Шибе, Катанды, Каракола и Яконура. Эти изделия могли проникнуть в Алтай через посредство гуннов, тесно связанных постоянным общением с Китаем, в частности с двором китайского императора. О связях Алтая со Средней Азией, Ираном можно говорить на основании находки лошадей среднеазиатского происхождения в первом Пазырыкском кургане, на основании находки изделий из меха гепарда в том же кургане, наконец на основании иранских элементов (времени Ахеменидов) в изобразительном искусстве древних кочевников Алтая, выявленных М. П. Грязновым. Вполне вероятно, что эти вещи проникли в Алтай через Семиречье, через усуней. Это стало особенно ясно после исследований С. В. Киселева, рассмотревшего большой художественный материал алтайских курганов на широком историческом фоне того времени, в сопоставлении с аналогичным материалом западных и восточных культур. Исследователю на основании этого материала удалось доказать связь ранних кочевников Алтая с юго-западными среднеазиатскими племенами — саками, кочевавшими на обширных пространствах территории современных южного Казахстана и Киргизии, и массагетами (юэджи), кочевавшими между Каспийским и Аральским морями и низовьями Сыр-Дарьи. Через посредство этих племен алтайские связи по линии художественных памятников уходят, с одной стороны, в ахеменидский Иран и к цивили-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX. Капитал, т. III, ч. I, стр. 360.
[2] Там же.

зации древнего Востока, с которыми были связаны упомянутые аборигенные среднеазиатские племена, а с другой стороны, — к эллинистической традиции скифской среды. При этом со «скифским» миром Алтай мог иметь связь и через кочевые племена западной Сибири, южного Приуралья и волго-донских степей. О связях со среднеазиатскими кочевыми аборигенами свидетельствуют не только особенности стиля и техники художественных произведений, но и находки в пазырыкских курганах золотисто-рыжих жеребцов знаменитых «потокровных» даваньских (ферганских) лошадей «небесной породы», изделий из меха гепарда, семени кориандра (Coriandrum sativum L.), пряного и лекарственного растения, родиной которого является Передняя Азия, и т. д. Восточные связи ранних кочевников Алтая уходят в гуннский мир и в Китай. Связь ряда вещей и особенностей погребального обряда больших каменных курганов Алтая с гуннами и Китаем также не подлежит сомнению, особенно в свете исследования С. В. Киселева. Влияние упомянутых связей на культуру ранних кочевников Алтая было настолько велико, что это позволило С. В. Киселеву выделить памятники пазырыкского типа на Алтае как гунно-сарматские. Встает вопрос о характере упомянутых связей Алтая с рядом областей запада и востока. Конечно, частично они осуществлялись в мирной форме, в виде обмена или переселения и смешения разнородного по культуре населения. Однако мы освещаем эти связи обычно односторонне, только как мирные (работы Грязнова, Киселева, Потапова, Руденко). В действительности многие вещи чужого происхождения оказались в курганах Алтая в результате грабительских походов и набегов алтайских кочевников, в результате обложения данью, захвата богатых пленных и выкупа за них и т. п. Только этим и можно объяснить то, что ряд ценных предметов, найденных в алтайских курганах, являющихся произведениями культуры народов Передней Азии, оказались грубо испорченными. Например, роскошный войлочный ковер с изображением богини и предстоящего перед ней воина по-варварски разрезан на части, не считаясь с рисунком, и перешит грубым швом и толстыми нитками. Стриженый ковер, за который, как показал С. И. Руденко, в те времена в Передней Азии платили большие суммы, в порванном месте грубо стянут сухожилиями. Роскошные персидские ткани тонкой работы изрезаны на мелкие куски, не считаясь с их рисунком, и употреблены на изготовление грубого обшитого чепрака. Так, конечно, не обращаются с вещами, за которые дорого заплачено, но так обращаются варвары с награбленными вещами.

Таким образом культура ранних кочевников Алтая, сложившись в период с VII в. до н. э. по I в. н. э., не являлась изолированной и взаимодействовала с цивилизациями Востока и Запада. При этом она сама оказывала влияние на культуру соседних районов, в частности на культуру населения территории восточного Казахстана.

III. АЛТАЙ В СОСТАВЕ ВРЕМЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

1. Древние тюрки Алтая

Этнографический состав древнего населения Алтая прослеживается документально только с VI в. По данным китайской летописи, в это время большинство кочевников Алтая (в широком смысле — Монгольского и Русского) говорило на тюркских языках. Эти языки в VI в. были настолько сложившимися и развитыми, что на их основе тогда уже могла

развиться руническая письменность. Последнее обстоятельство предполагает довольно длительный путь развития языка. Разумеется, процесс формирования тюркских языков происходил в течение долгого времени и начало его относится, вероятно, к периоду ранних кочевников, когда стали возможными крупные объединения кочевых орд и племен, как, например, гуннский союз. Памятниками древнетюркских языка и письменности являются открытые и расшифрованные в XIX в. надписи на могильных камнях при погребениях богатых кочевников, аристократов, вошедшие в науку под названием енисейско-орхонских надписей и датируемые VI—VIII вв. Древнетюркские рунические надписи встречаются также и на различных предметах в богатых погребениях Алтая, относящихся к VI—VIII вв.

Таким образом, начиная с VI в., имеются прочные основания говорить о тюркоязычном населении Алтая. Однако называть тюрками население Алтая для этого времени можно лишь в условном смысле, и вот по какой причине. Дело в том, что термин «тюрк» появляется впервые только в упомянутых орхонских памятниках, причем отнюдь не как самоназвание тюркоязычных племен Алтая и Монголии. Акад. В. В. Бартольд первый указал, что термин «тюрк» выступает в орхонских надписях не как этническое название, а как термин политический, противопоставлявшийся племенному термину «огуз», являвшемуся этнонимом для многих этих племен.[1] Первоначально слово «тюрк» обозначало политическое объединение ряда племен, о чем уже говорилось выше.

Сведения о политической истории кочевников-тюрков Алтая для ранних периодов весьма скудны. Но история кочевников Алтая теснейшим образом связана с историей восточной части Центральной Азии. Известно, что здесь как на протяжении всего I тысячелетия, так и в первой половине II тысячелетия н. э. постоянно происходят разрушение и новое образование военно-административных объединений, представлявших собой временные союзы орд и племен кочевников с частой и быстрой сменой их династий. В эти неустойчивые политические объединения Алтай, как правило, входит на положении периферии, находящейся в даннической зависимости от той или иной династии, захватившей господство в восточной части Центральной Азии. Представляется все же возможным дать краткий обзор истории кочевников Алтая и в этот период, опираясь на различные источники, как вещественные, так и письменные.

С рубежа III и II вв. до н. э. до конца I в. н. э. Алтай находился в сфере политического господства гуннов, образовавших мощный союз орд и племен в степях северной Монголии. Этот союз возглавлялся военными вождями (*шань-юями*). С II по IV в. включительно Алтай, видимо, находился под влиянием объединения племен сянбийцев, западные владения которых достигали Алтая. С конца IV в. до первой половины VI в алтайские племена были подчинены новому военно-административному объединению, ядро которого составляли племена восточной Монголии и западной Маньчжурии. Главенствующими в этом союзе были монголоязычные жужане. Политическая власть находилась в руках жужанских каганов (ханов), кочевавших у Хинганских гор. Владения жужан простирались с востока на запад от Кореи до Карашары и с севера на юг от Байкала до северной границы пустыни Гоби. Разрозненные алтайские племена платили дань жужанским каганам изделиями из железа.

---

[1] Г. В. Бартольд. Очерки истории туркменского народа. Туркмения, I, 1927, стр. 9—10.

На восток от Алтая, по Енисею, жили тюркоязычные кыргызы-хакасы, впервые упомянутые (как живущие по Енисею) в труде древнейшего китайского историка («отца истории» в Китае) Сымацяня в его «Исторических записках», законченных в 99 г. до н. э. Заслуживает пристального внимания то обстоятельство, что, начиная с труда Сымацяня и вплоть до XIII в., когда путешествовал монах Чань-Чунь, китайские известия говорят о енисейских кыргызах как об определенном народе и локализуют его всегда в долине Енисея. Это обстоятельство дает основания говорить о древности этнического происхождения енисейских кыргызов-хакасов.

На запад от Алтая, по Иртышу, обитали некоторые поколения уйгуров.[1] Уйгурские племена в основной своей массе в конце IV и начале V в. кочевали по р. Толе и находились также под властью жужан, постоянно с ними враждуя. Более того, поскольку известно, что «гаогюй» китайских источников представляют собой древних уйгуров, то это означает, что местопребывание последних в указанное время было связано также и с Алтаем. В летописи династии Бэй-Вэй (386—558) указывается, что у уйгуров не было единоначальствующего верховного главы. Каждый род имел своего государя или старейшину. «Родственники живут в согласии; когда в набеге встречаются опасности, то единодушно помогают друг другу».[2] Из этих сообщений следует, что уйгуры тогда жили патриархально-родовым бытом. Летопись описывает их скотоводами-кочевниками: «Хлеба не имеют, вина не делают. При браках за высокую честь считают быков и лошадей употреблять для сговорных даров. В день свадьбы жених и невеста подают кобылий кумыс и горячее мясо... На домашнем скоте вообще кладут метки и хоть в поле пристанет к чужому, никто не возьмет его... Они переходят с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Одеваются кожами, питаются мясом. Рогатый и прочий домашний скот одинаков с жужаньским; только телеги у них на высоких колесах со множеством спиц».[3] В конце V в. часть уйгуров, воспользовавшись походом жужан на срединный Китай, откочевала на запад через Алтай к Иртышу.

Для истории Алтая уйгуры первых веков нашей эры представляют большой интерес, ибо, повидимому, они участвовали в образовании этнографической группы алтайских тюрков. На это указывает хотя бы то обстоятельство, что в китайских хрониках Суйской династии (581—618) уйгуры выступают под общим названием «теле», которое вошло в этноним ряда крупных племен алтайских тюрков (теленгиты, телеуты, телесы) и сохранилось до наших дней. «Теле» китайских летописей — кочевники, отличные наездники и стрелки из лука. Летопись отмечает: «Нравы теле одинаковы с тюркскими. Только женятся у них уже взрослые мужчины и тотчас после свадьбы живут в доме родителей жены, ожидая, пока родится и вскормится грудью первый ребенок. Только тогда молодая чета возвращается в свой дом. Умерших они зарывают в землю. Вот вся разница».[4]

В описываемое время население соседней с Алтаем Минусинской котловины, занятой кыргызами, как видно из данных археологических исследований, вело натуральное полуоседлое земледельческо-скотовод-

---

[1] Об уйгурах см.: А. Казим-бек. Исследование об уйгурах. Журн. Мин. нар. просв., ч. XXXI, 1841; Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений..., I; W. Radloff. Das Kudátku Bilik. St.-Petersb., 1910; Д. Позднеев. Исторический очерк уйгуров. 1899.

[2] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений..., I, стр. 215.

[3] Там же, стр. 216.

[4] Д. Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 41.

ческое и кочевое хозяйство. Здесь уже появлялось ремесло. Наряду с домашним производством глиняной посуды, грубой по форме и технике изготовления, существовала выделка такой посуды и мастерами-специалистами, работавшими при помощи гончарного круга и инструментов для механической орнаментации сосудов. Особенно были распространены узкогорлые сосуды, отличавшиеся большой прочностью и приспособленные к условиям кочевого быта. Однако домашняя промышленность, видимо, продолжала играть господствующую роль в хозяйстве кыргызов.

В китайской летописи Тан-шу имеется известие, что в 536 г. на Алтае происходит усиление одного из предводителей тюрков из племени Ашина по имени Тумынь в результате ряда побед его над племенами телесцев. Тумыню удалось разбить и покорить аймак телесцев численностью до 50 тыс. кибиток. Почувствовав свою силу, Тумынь решил породниться с жужанским ханом Анахуанем и попросил у него руки его дочери. Китайская летопись сообщает, что жужанский хан был сильно разгневан этим предложением и ответил своему даннику Тумыню: «Ты мой плавильщик, как же осмелился сделать такое предложение?». Плавильщиком Тумынь был назван потому, что он платил Анахуаню дань железными изделиями, которые тюрки изготовляли на Алтае из руды, добываемой и выплавляемой ими в этих же горах. Ответ жужанского кагана в свою очередь привел в ярость Тумыня. Последний убил посланца и в 552 г., объединив алтайские племена теле, поднял восстание и освободился от господства жужан. Анахуань, стремясь избегнуть плена, покончил жизнь самоубийством. Знатная верхушка жужан обратилась за помощью к правительству Китая и, получив от него поддержку, еще некоторое время сопротивлялась тюркам Алтая, пока не была окончательно разбита последними в степях Монголии в 555 г.

С уничтожением господства жужанских каганов в 552 г. возникло новое временное военно-административное объединение кочевников, получившее в истории название тюркского каганата («тюгю» китайских летописей). Ядром его явились тюркоязычные племена Алтая в широком смысле (не только Русского). Первым тюркским каганом был Тумынь, который со своим братом Истеми — предводителем ряда племен, кочевавших в Семиречье, — явился основателем тюркского каганата. Но вскоре военно-административный, политический центр тюркского каганата перемещается с Алтая в Монголию, в долину р. Орхона, хотя в горах Алтая продолжают обитать тюркские кочевники, в том числе и богатая верхушка их.

Политическое господство алтайских тюрков росло весьма быстро. Так же быстро расширялась и территория их влияния. К 70-м годам VI в. тюркский каган Кигинь расширил границы владения на запад до Аму-дарьи, до Кавказа и Аральского моря в восточной Европе, на восток — до Большого Хинганского хребта.

Господство тюркского каганата простиралось от границ Китая до границ Ирана и Византии. Ему подчинялись государство Согдианы и болгарско-хазарские племена, обитавшие между Волгой и Азовским морем. Политическую мощь тюркского каганата вынуждены были признать Китай и Византия. В 60-х годах VI в. тюрки завязывают сношения с византийским императором Юстином II с целью заключения с Византией союза против сасанидского Ирана и установления непосредственных экономических связей, минуя сасанидские владения. В ответ на это последовал ряд византийских посольств к тюркам, из которых первое,

возглавленное Земархом, к тюркскому кагану Истеми относится к 568 г.[1] Китай заключил с тюрками союз при вступлении в каганы Тобо-хана (572—581) и обязался доставлять им ежегодно дань в 100 тыс. кусков шелковой ткани.

Однако вскоре это положение изменилось. В 581 г. в Китае пришла к власти Суйская династия, сумевшая объединить разрозненные и обессиленные междоусобиями части Китая. Объединенные силы Китая были в том же году двинуты против тюрков-кочевников и нанесли последним решительное поражение. Разгром тюрков сопровождался хозяйственным кризисом. Так, китайская летопись отмечает для 583 г.: «В ту пору у неприятелей был голод; вместо хлеба употребляли растертые в порошок кости, свирепствовали повальные болезни, от которых великое множество людей померло». В связи с этим в среде тюрков обострились социальные противоречия, основывавшиеся на имущественном неравенстве и различии в общественном положении между тюркской знатью — богачами и рабовладельцами — и рядовыми кочевниками. Тюркская знать во главе с каганом Шаболио пошла на сговор с императорским двором Китая и признала его власть. Массы же рядовых кочевников восстали против кагана Шаболио, но потерпели поражение. После подавления движения рядовых кочевников общетюркским каганом сделался Чуло-Хэу, который пытался восстановить единство и расширить политическое господство тюркского каганата новыми завоевательными походами. В 588 г. Чуло-Хэу совместно с Византией и хазарами пытается завоевать Иран. Но попытка эта оказалась неудачной: тюрки были разбиты, а Чуло-Хэу убит. С этого времени тюркский каганат распадается на западный с центром в Семиречье и на восточный с центром в Монголии.

Самостоятельное существование восточного и западного каганатов было недолговременным. С приходом к власти в Китае Танской династии (618—907) вскоре же, в 630 г., последовало подчинение Китаю восточных тюрков. Этому успеху Китая способствовала предательская политика знати тюркских кочевников, подкупленной китайским правительством. Такой же участи подверглись и западные тюрки в 659 г. Тюрки Алтая находились в составе восточного тюркского каганата.

Господство Китая над восточными тюрками длилось 50 лет. Если тюркская знать ужилась с китайским правительством и была с ним тесно связана, то основная масса кочевников, обремененная тяжелыми налогами и различными повинностями, отвечала на угнетательскую политику китайских феодалов восстаниями. Наиболее крупное из восстаний окончилось для кочевников победой в 682 г. Во главе восстания оказался потомок тюркских каганов Ильтерес, именуемый в китайских летописях Гудулу, который использовал недовольство кочевников. Гудулу сначала покорил девять уйгурских родов, а затем, по свидетельству китайской летописи, «мало-помалу очень разбогател лошадьми, почему объявил себя ханом». Успеху восстания Гудулу весьма содействовал Тоньюкук, тюрк по происхождению, выросший и получивший образование в Китае. Будучи в китайских карательных войсках, выступавших на усмирение тюрков, Тоньюкук перешел на сторону последних и сделался главным советником хана. Гудулу, освободившись от ига Китая, сделался общетюркским каганом. Так образовался второй тюркский каганат. В воз-

---

[1] Ed. Chavannes Documents sur les Tou-kiue (turcs) occidenteaux. Сб. трудов Орхонск. эксп., вып. VI, 1903, стр. 234.

никновении его Алтай снова сыграл свою роль, хотя на этот раз и не решающую. Мы имеем в виду восстание Чеби-кагана, о котором повествует китайская хроника.[1]

После смерти Ильтереса, или Гудулу-хана, ему наследовал его брат Мочжо в 691 г. Мочжо правил тюрками в течение 25 лет. При его правлении восточные тюрки завоевали землю енисейских кыргызов, уйгуров и проникли в Среднюю Азию. В его правление еще более углубились социальные противоречия между кочевой знатью тюрков и рядовыми кочевниками. На угнетательскую политику Мочжо тюркские племена, в лице простых кочевников, отвечали восстаниями. В 716 г. Мочжо был убит во время одного из таких восстаний. Тюркским каганом становится Бильге-хан (в испорченной китайской транскрипции — Могилян-хан), который при помощи своего брата Кюль-Тегина продолжал борьбу за расширение границ владений каганата, за объединение кочевников и весьма заботился об укреплении каганской власти. После смерти Бильге-хана снова следует ряд восстаний отдельных племен, в результате чего господство в восточной части Центральной Азии в 745 г. переходит к уйгурам.

О жизни и быте тюркского населения Алтая времени тюркского каганата сохранились довольно разнообразные сведения в китайской династийной летописи Тан-шу.[2] Здесь говорится, что основным занятием тюрков были кочевое скотоводство и охота. Жилищем служили палатки и войлочные юрты. Основным видом питания были мясо и кумыс. Кумыс являлся одновременно и опьяняющим напитком. При угощении им становились лицом друг к другу и пели песни. Таким же образом угощают друг друга молочной водкой (аракой) алтайцы и в наши дни. При голоде употребляли в пищу кости, растертые в порошок. Носили меховое и шерстяное одеяние, левую полу запахивали наверх, а волосы носили распущенными. Из оружия тюрков летопись упоминает о роговых луках со свистящими стрелами, копьях, саблях и палашах. Это подтверждается археологическими исследованиями древних могил кочевников Алтая, где, кроме того, найдено много железных стрел, наконечников стрел весьма разнообразной формы (как боевых, так и охотничьих), а также остатки берестяных колчанов.[3] Необходимо отметить, что некоторые из этих предметов бытовали у населения Алтая до XIX в. включительно, например свистящие стрелы, берестяные колчаны с трехлопастными железными наконечниками и т. п.[4] Летопись указывает, что тюрки «искусно стреляют из лука с лошади».[5] Прекрасной иллюстрацией этому известию могут служить изображения всадников, на всем скаку стреляющих из лука в преследуемых зверей, выгравированные на костяной обкладке передней луки седла, найденной в одной из могил Алтая (Кудырге), датируемой концом VII в. Летопись отмечает воинственный образ жизни и характер кочевников Алтая, сообщая, что «набеги и грабительства» обыкновенно производились перед полнолунием и что у кочевников считалось за славу умереть на войне и за стыд — кончить жизнь от болезней. Есть упоминания о знаменах тюрков с золотой волчьей головой. Далее сооб-

---

[1] Н. Я. Бичурин (Иакинф.). Собрание сведений. .., I, стр. 317 и сл.
[2] Там же, стр. 229—231.
[3] С. И. Руденко и А. Н. Глухов. Могильник Кудырге на Алтае. Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, 1927, стр. 45. — См. также коллекцию № 4392 в Отделе народов Сибири Государственного Музея этнографии в Ленинграде.
[4] W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, S. 336.
[5] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений. .., I, стр. 229.

щается, что при возведении в достоинство кагана последнего сажали на войлок и знатные лица обносили его кругом по движению солнца девять раз, каждый раз совершая ему поклонение. По окончании поклонения кагана сажали на верховую лошадь, туго стягивали ему горло шелковой тканью, а затем, ослабив ткань, немедленно спрашивали, сколько лет он может быть ханом. Вход в ставку кагана был с востока. Кочевали каганы обычно по р. Орхону. Имеется указание и относительно некоторых законов тюрков: «По их уголовным законам, бунт, измена, смертоубийство, прелюбодеяние с женой чьей-либо, похищение спутанной лошади наказываются смертью. За увечье в драке платят вещами, смотря по увечью.

Лука седла из погребения в Кудырге.

Повредивший глаз повинен отдать дочь, а если нет дочери, должен отдать женино имущество; изувечивший какой-либо член тела платит лошадью, укравший лошадь и другие вещи платит в десять крат против стоимости покражи». Затем сообщается, что у тюрков не было китайского письма, а «буквы письма их походят на буквы письма народа Ху». Однако это, видимо руническое, письмо было известно весьма немногим, именно аристократической верхушке, а основная масса кочевников была неграмотной, и летопись констатирует: «Количество требуемых людей, лошадей, податей и скота считают по вырубкам на дереве. Вместо предписания на бумаге употребляется стрела с золотым копьецом, с восчаною печатью». Обыкновение вести счет по зарубкам на дереве у народов южной Сибири существовало до начала XX в. включительно.

Тюрки Алтая были шаманистами; они поклонялись различным духам, в жертву которым приносили лошадей и овец. Головы жертвенных животных вывешивали на жердях. Современные тюрки Алтая еще в первой четверти XX в. также приносили в жертву лошадей и овец, головы которых вместе со шкурой вывешивали на жердях, приставленных к дереву. Судя по дошедшим до нас тюркским руническим надписям, из духов и

божеств наиболее популярными были Кок-Тенгри (синее небо), Йер-Су (духи земли и вод) и Умай (покровительница детей и плодородия).[1] Почитание этих духов и божеств сохранялось у тюрков Алтая до нашего столетия. Этих же верований придерживалась и аристократическая верхушка. В летописи Тан-шу говорится, что тюркский каган «со своими вельможами приносит жертву в пещере предков (на Алтае), а в средней декаде пятой луны собирает прочих и при реке приносит жертву духу неба. В 500 ли от Дугинь (гора) на западе есть высокая гора, на вершине которой нет ни деревьев, ни растений, называется она Бодын-инли, что в переводе на китайском языке значит: Дух-покровитель страны».[2] Были уже и шаманы, которые производили камлания при помощи бубна.[3] Китайская летопись оставила нам и описание погребального обряда тюрков: «Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоего пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткой, приносят в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях, потом перед входом в палатку ножом надрезают себе лицо и производят плач; кровь и слезы совокупно льются. Таким образом поступают семь раз и оканчивают. Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают; собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу. Умершего весной или летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть и опадать; умершего осенью или зимой хоронят, когда цветы начинают развертываться. В день похорон так же, как и в день кончины, родные предлагают жертву, скачут на лошадях и надрезывают лицо. В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи».[4]

Процитированное описание находит себе подтверждение в археологическом материале. Обследование могил тюркских каганов в Монголии (урочище Кошо-цайдам на р. Орхон) подтверждает правильность сообщений китайских источников. Там были обнаружены камни с надписями, излагающими биографию похороненного. Камни (*билбалы*), указывающие число убитых врагов, тянулись от могил ханов длинными рядами. У могилы одного кагана было меньше камней, чем у могилы его брата, потому что последний, как это видно из письменных источников, больше участвовал в сражениях и больше поразил врагов, чем сам каган. В ряде случаев «каменная баба» (изваянное из камня человеческое изображение) являлась не скульптурным портретом похороненного, а изображением его наиболее выдающегося врага.[5] Так, например, у могилы

---

[1] П. М. Мелиоранский. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями. Журн. Мин. нар. просв., июнь 1898, стр. 266; он же. Памятник Кюль-Тегина. Зап. Вост. отд. Русск. Археол. общ., т. XII, вып. II—III, 1899.

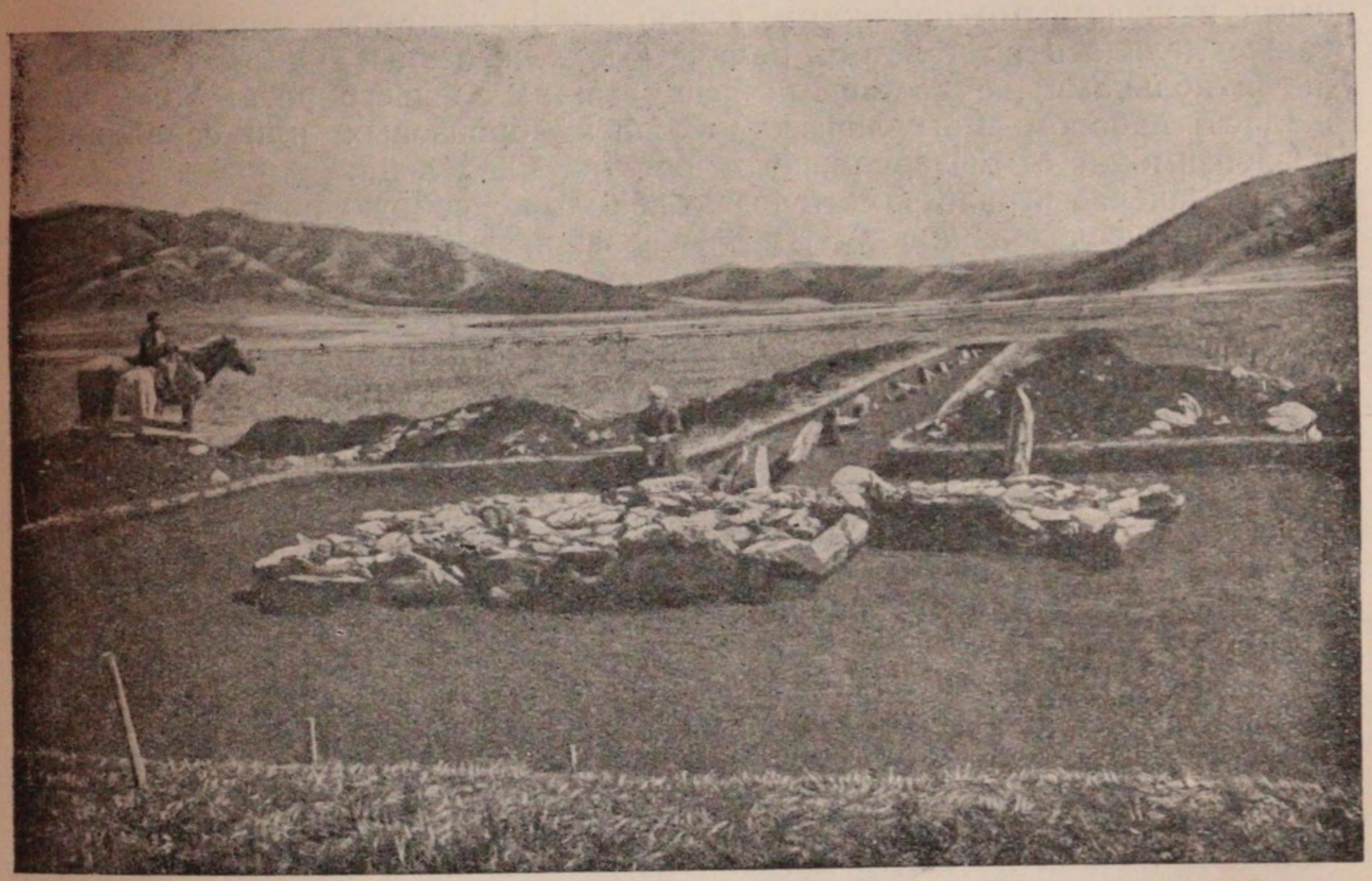
[2] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений..., I, стр. 231.

[3] Упоминание о шаманском бубне у тюрков в VI в. имеется в византийских источниках. Византийский посол к тюркам Земарх, посланный императором Юстином II в 568 г., описывает встречу с тюркскими шаманами, которые при приближении к нему били в бубны, потрясали колокольчиками и производили окуривание ладаном (вероятно, вереском, — *Л. П.*). См. об этом: Д. Иловайский. Розыскания о начале Руси. М., 1879, стр. 81, 97.

[4] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений..., I, стр. 231.

[5] В. В. Бартольд. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов. Зап Вост. отд. Русск. Археол. общ., т. XXV, вып. 1—4, 1921.

тюркского воина знатного происхождения стояло каменное изваяние с надписью, что это «балбал шада толесов», т. е. изображение правителя племени телесов, который некогда был убит покойным. Подобные каменные изваяния встречаются и на Алтае, на территории Горно-Алтайской автономной области. Так, например, на одном из курганов у с. Туякты стояло изваяние с изображенными на нем деталями одеяния и вооружения. Все, что было изображено на изваянии, было обнаружено археологами и в курганах. На Алтае также встречаются могилы знатных тюрков с уцелевшими еще аллеями из больших камней — балбалов,



Тюркская оградка-могила с аллеей камней в Яконуре.

число которых бывает до двух десятков. Кроме того, археологическими раскопками на Алтае подтверждается и приведенное выше свидетельство летописи о погребальном обряде с трупосожжением. Однако имеются китайские известия и о том, что обычай сжигания трупов у тюрков стал сменяться в первой четверти VII в. при тюркском кагане Цзе-ли обычаем погребения в земле, с возведением на могиле кургана.[1] Последнее обстоятельство также хорошо увязывается с данными археологии, так как многочисленные раскопки тюркских могил на Алтае, датируемых обычно VII—IX вв., показывают, что покойников хоронили в земле и над могилой насыпали курган из камней.[2]

Если обратимся теперь исключительно к археологическому материалу, состоящему преимущественно из предметов погребального инвентаря, то картина жизни тюрков Алтая представится в виде, близком к тому, какой

---

[1] St. Julien. Documents historiques sur les Tou-kiue, p. 225.

[2] С. В. Киселев. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1935 г. Сов. археология, № 1, 1936.

изображен для нее в китайской летописи. Примером таких археологических памятников может служить материал, добытый из раскопок могильника Кудырге, относящегося к концу VII в.[1] Алтай в это время, как и в предшествующее столетие, был населен тюрками и входил в состав тюркского каганата. Материалы Кудыргинского могильника говорят, что основным занятием тюрков восточного Алтая было скотоводство. Погребальный инвентарь содержит скелеты лошадей и кости баранов. Лошади в походном снаряжении, заседланные, взнузданные, полагались с покойником. Найдены остатки деревянных седел с большими луками, остатки подпруг, делавшихся из толстого ремня, с массивными костяными и железными пряжками. Седло имело железные стремена. Узда также делалась из толстого ремня, имела железные удила (с небольшими кольцами), с костяными псалиями из оленьего рога. Узда украшалась набором металлических бляшек, бронзовых или серебряных, в зависимости от материального достатка владельца.

Земледелие играло заметную, но все же подсобную роль в хозяйстве. Согласно исследованию С. В. Киселева, в земледелии южного Алтая в указанный период применялось искусственное орошение. Размеры алтайского земледелия были весьма скромными, что зависело, вероятно, и от своеобразия природных условий этой части Горного Алтая, где отсутствуют широкие, удобные для возделывания долины, а высота местности нередко губит урожай.

Существенное значение в жизни алтайцев-скотоводов (несомненно кочевников) имела в это время и охота на зверя. Об этом говорит находка в одной из могил костяной обкладки передней луки седла, на поверхности которой выгравированы весьма реалистические сцены из охотничьей жизни кочевников, проникнутые чрезвычайной выразительностью. Они изображают двух всадников (по одному на каждой половине обкладки), несущихся полным галопом за убегающими оленями (в одном случае) и куланом (в другом случае). Всадники на всем скаку целятся из короткого, с загнутыми концами лука в преследуемых зверей. На пластинах обкладки с изумительным мастерством изображены на полном скаку и звери: медведи, дикие козы (самец и самка), пара горных баранов, лисица и заяц и др.

Об уровне техники населения Алтая в описываемое время свидетельствует ряд важных достижений. Появилась ручная каменная мельница (находка С. В. Киселева при раскопке кургана с женским захоронением в Курайской степи). Появилось более совершенное железное оружие: мечи, сабли, разнообразные наконечники стрел (боевых и для охоты на различные виды зверей). Лук (сложный) стал более усовершенствованным, дальнобойным. Получило развитие кузнечное дело. Из железа выделывалось не только оружие, но и предметы быта: принадлежности верховой сбруи (различные типы удил, стремян, пряжек к подпругам), котлы и т. д. Особенное развитие получило изготовление украшений из бронзы, серебра и золота (с китайским влиянием в орнаменте).

Техника обработки дерева и кости была также довольно высокой, о чем свидетельствуют сохранившиеся в могилах резные изделия. На

---

[1] Могильник этот расположен по правому берегу р. Чулышмана на километр ниже впадения р. Башкауса и имеет около 40 могил, из которых экспедицией Государственного Музея этнографии была раскопана 21 могила (С. И. Руденко и А. Н. Глухов. Могильник Кудырге на Алтае. Материалы по этнографии т. III, вып. 2, Л., 1927).

различные поделки употреблялась и береста, из которой делали, например, колчаны. Орнаментальное искусство выражалось в орнаментации и резьбе по кости (найдено, например, резное изображение животного на костяной ручке плети).[1] Гравировкой украшали не только костяные изделия, но и металлические. В одном из каменных курганов VII—IX вв. был найден уздечный набор из металлических бляшек точеной работы с искусно выгравированными на бляшках пчелами.[2] Многочисленные бляшки от уздечных и поясных наборов (бронзовые, серебряные или золотые) также говорят о распространенности изобразительного искусства среди тюрков Алтая.

Касаясь, хотя бы и очень кратко, техники VII—IX вв., нельзя не упомянуть еще о способе добывания огня. Обычно в курганах рассматриваемого времени в числе предметов снаряжения умершего в загробный мир находятся мешочки с огнивом, кремнем и трутом.[3] Раскопки Кудыргинского могильника дали интересную находку в виде дощечки с пятью углублениями для добывания огня при помощи трения.[4]

Археологический материал дает представление об одежде и украшениях, носимых обитателями Алтая в VII—IX вв. Одежду делали из меха, цветных шерстяных и шелковых тканей, обувь шили из кожи. Судя по изображению всадников на костяной обкладке луки кудыргинского седла, штаны носили широкие, опускающиеся до щиколотки, обувь была короткой и у богатых украшалась металлическими бляшками. Богатые шелковые одежды украшались многочисленными золотыми бляшками (исчисляемыми порой тысячами штук). Из украшений следует отметить богатые кожаные пояса, унизанные золотыми или серебряными бляшками, золотые и серебряные деньги, медные перстни и различные бусы: янтарные, агатовые, стеклянные, большие и маленькие, круглые и плоские.

Находки в описываемых могилах и курганах говорят нам о связи обитателей Алтая с Китаем. Свидетельством этому являются китайские (с иероглифами) шелковые ткани, бронзовое китайское зеркало и монета династии младшей Хань (25—265). Ряд других предметов и, в частности, предметов искусства свидетельствует о продолжающихся связях Алтая с юго-западом, в частности с Ираном (сасанидским), а также с западными странами, как ближайшими, например с Семиречьем, о чем говорит находка в Кудыргинском могильнике тюргешской монеты Мохэ Даганя,[5] так и с наиболее отдаленными, точнее с Византией.[6] В этих связях, как и в период ранних кочевников, грабительские набеги и обложение данью оседлого населения далеких от Алтая областей, видимо, занимало большое место в жизни тюркоязычных алтайских кочевников.

---

[1] С. В. Киселев. Саяно-Алтайская экспедиция 1935 г. Сов. археология, № 1, 1936.

[2] Там же, стр. 282. — По этому поводу уместно заметить, что в языке современных алтайцев пчела носит древнетюркское название *ару*, а в хозяйственной жизни населения наличествует специальный промысел меда диких пчел (Л. П. Потапов. Разложение родового строя у племен северного Алтая. I. Материальное производство. 1935, стр. 93—94).

[3] С. В. Киселев. Саяно-Алтайская экспедиция 1935 г. Сов. археология, № 1, 1936, стр. 284.

[4] Все упомянутые здесь вещи из Кудыргинского могильника находятся в Государственном Музее этнографии в Ленинграде (колл. № 4150 и 4389).

[5] А. Н. Бернштам. Тюргешские монеты. Труды Отд. востоковедения Гос. Эрмитажа, т. II. Ленинград, 1940.

[6] С. В. Киселев. Находки античных и византийских монет на Алтае. Вестник древней истории, № 3—4, 1940, стр. 361—362.

Погребения богатых покойников содержат ряд предметов (например серебряный кувшинчик, серебряная концевая бляха пояса), на которых выцарапаны рунические тюркские надписи на так называемом енисейско-орхонском алфавите. Обряд захоронения у тюрков Алтая в VII—IX вв. отражал в известной мере и существовавшие тогда религиозные представления, согласно которым смерть рассматривалась как переселение покойника в загробный мир, где жизнь его продолжалась. Поэтому покойнику клали в могилу все необходимое для его загробного существования: одежду, украшения, пищу, оружие, лошадей в полном снаряжении и, видимо, даже иногда слуг — рабов.[1] В это время уже существовали амулеты. Так, в одном из курганов близ Курая (урочище Тадила) рядом с богатым покойником оказались положенными амулеты в виде трех человеческих зубов и одного зуба какого-то грызуна, находящихся в небольшом мешочке. Амулеты эти, вероятно, носились покойным от сильной зубной боли, которой он страдал при жизни, как свидетельствует об этом осмотр его сохранившихся челюстей и зубов.

Общественный строй алтайских тюрков со времени ранних кочевников пережил существенные изменения.[2] В рассматриваемый период в среде кочевников, входивших в тюркский каганат, шел процесс развития классовых отношений. Этот процесс охватил и тюрков Алтая, у которых он протекал на основе быстрого роста и укрепления частной собственности и имущественного неравенства. Имущественное неравенство среди тюрков Алтая может быть документировано вещественными археологическими памятниками. Примером таких памятников могут служить те же могилы в Кудырге. Здесь, наряду с погребениями родовых кочевников с весьма скромным погребальным инвентарем, обнаружены курганы знатных лиц, содержащие среди погребального инвентаря золотые и серебряные вещи, китайские шелковые ткани и т. д. Сбруя верховых лошадей богатых покойников отличается пышностью убранства. К этому времени относится и одна из могил первого Катандинского могильника, где погребенный был одет в шелковую одежду. Ткань одежды орнаментирована; в орнаменте ее содержатся китайские и иранские (сасанидского времени) элементы. В изголовье покойника стоял серебряный сосуд с тюркской рунической надписью: «Логучен» и «хозяин-владелец». При скелете лежал железный меч и находились железные и костяные наконечники стрел. Найдены также остатки погребенного коня и его сбруи. Раскопки курганов около селений Курай и Туекта в 1935 и 1937 гг. дали такую же картину. В просторных могилах богатые покойники лежали в выдолбленных из дерева колодах, одетые в шелковые и шерстяные одежды, подпоясанные кожаными поясами, украшенными золотыми и серебряными бляшками. С ними были положены и ценные украшения (золотые серьги и т. д.). При них находились сложные луки с костяной оправой и берестяные колчаны со свистящими стрелами. Кроме того, при покойниках были найдены богато украшенные серебряными бляхами и пряжками пояса и уздечки, костяные рукоятки плетей со звериным орнаментом, ножи, вилки и серебряные кувшины. На некоторых из этих предметов (кувшинчик, поясная бляшка) обнаружены древнетюркские рунические надписи, указывающие на принадлежность этих вещей пред-

---

[1] С. В. Киселев. Саяно-Алтайская экспедиция 1935 г. Сов. археология, № 1, 1936, стр. 284.

[2] Этому вопросу посвящена монография А. Н. Бернштама, вышедшая под названием «Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков» (М.—Л., 1946).

ставителям тюркской кочевой аристократии, окружавшей тюркских каганов и шадов.[1] В северной части могил за перегородкой из кольев находились погребенные лошади (две-три в каждой могиле), причем одна из лошадей всегда была в полной сбруе, с седлом на спине.

Китайский источник сообщает о некоторых «уголовных законах» тюрков каганата. Из них следует, что частная собственность в этот период настолько укрепилась, что это нашло отражение в неписанных законах тюрков. Например, сообщается, что кража спутанной лошади наказывалась смертью; вообще же кража лошади каралась штрафом в десятикратном размере стоимости лошади.[2] Здесь, очевидно, имеется в виду кража скота у соплеменников или сородичей, так как угон скота у соседей не являлся преступлением, представляя собой, напротив, своеобразный промысел. В это время у тюрков уже произошло полное отделение публичной власти от народа. Власть сосредоточивалась в руках богатой аристократической верхушки.

Серебряный сосуд из погребения в Курайской степи.

Во главе тюркского каганата стоял каган, избираемый тюркской знатью из своей среды. Племена, входящие в состав каганата, были обязаны перед каганом рядом повинностей: платить подати, доставлять предписываемое количество людей, лошадей и прочего скота, исчислявшееся «по зарубкам на дереве». Покоренные каганатом племена попадали в положение зависимых данников, и для них назначались специальные наместники (*шады* и *ябгу*), сборщики дани (*тарканы*). Такое отношение к покоренным племенам в надписях на могильных камнях тюркских каганов называется «устройством» племен. Так, например, в одном из подобных памятников упомянуто и про «устройство» алтайцев племени Толес. В нем говорится, что Ильтерес-каган, или Гудулу-хан, для устройства племен Толес и Тардуш назначил тогда же ябгу и шада.[3]

Таким образом, у тюрков существовала феодальная иерархия, вверху которой находился каган, затем шли наместники (*ябгу*, *шад*), сборщики дани (*таркан*) и местные феодалы (*беги*), возглавлявшие отдельные племена. Среди этих бегов, создавших славу кагану, упоминается и бег алтайцев-толесов.[4] Значение дани с покоренных племен для тюркских каганов было весьма велико. Это подчеркнуто в рунических памятниках тем, что, например, каган Могилян неоднократно пытается объяснить

---

[1] С. В. Киселев. Советская археология Сибири периода металла. Вестник древней истории, № 1 (2), 1938, стр. 241; он же. Саяно-Алтайская экспедиция 1935 г., Сов. археология, № 1, 1936, стр. 282—284.

[2] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений. . ., I, стр. 231.

[3] П. М. Мелиоранский. Памятник Кюль-Тегина. Зап. Вост. отд. Русск. Археол. общ., т. XII, вып. II—III, 1899. (Большая надпись, строка 13—14).

[4] Концовка большого памятника Могилян-хану. Сб. трудов Орхонск. экспед., вып. VI, СПб., 1903.

свои походы против ряда племен — карлуков (выселенцев из Алтая в Семиречье) и других тем, что они «не присылали каравана».[1]

Между прочим, обращение племен в зависимых данников тюркского кагана передано в рунических памятниках образным выражением «склонения головы и преклонения колен».[2] Великолепной иллюстрацией к этому может служить валун из могильника Кудырге с выгравированным на нем изображением заседланных коней, которых держат воины, стоящие на коленях, склонив головы перед сидящими, видимо, женщиной и ребенком, одетыми в богатые одежды.[3] Сзади коней имеется большое изображение лица знатного мужчины, подобное лицам каменных изваяний этого же времени, до наших дней еще стоящих в горных долинах Алтая. Изображение это отразило наглядно отношения господства и подчинения, развившиеся в то время в определенную систему.

Тюркская кочевая знать сосредоточивала в своих руках основное богатство кочевников — скот, пленных рабов и т. д. Это богатство служило для них основой общественно-политической власти.

Классовые отношения среди кочевников тюркского каганата развивались в форме феодальных отношений, как это теперь выяснено специальными исследованиями.[4] Несомненно также и то, что развитие этих феодальных отношений осложнялось и тормозилось наличием патриархальных, родовых отношений, еще весьма распространенных в среде кочевников, скотоводческое хозяйство и кочевой быт которых весьма способствовали живучести этих родовых отношений. Сила и живучесть родовых отношений у тюрков VI—VII вв. хорошо отражены в упомянутых выше рунических памятниках и выяснены в специальных исследованиях. Наряду с этим необходимо учитывать и роль рабовладельческих отношений. Рабство продолжало существовать. Источником его были преимущественно пленные, взятые в военных и грабительских походах и набегах. Кочевая знать (*эль*) захватывала рабов как для работы их в своем хозяйстве, так и для того, чтобы получить за них выкуп. Однако рабство у тюркских кочевников, как и в период ранних кочевников, о чем сказано выше, видимо, не могло составить основы производства, за исключением земледелия (которое имело подсобное значение), ввиду специфики скотоводческого кочевого хозяйства. Последнее с его примитивной техникой пастбищного содержания скота и незначительной продукцией не требовало особенно большого количества рабов. Развитие скотоводческого хозяйства с целью увеличения его продукции (молока, масла, шерсти, кожи), что могло бы потребовать значительного количества рабочей силы рабов, не являлось рентабельным в то время и в тех условиях. Разведение, например, крупного рогатого скота с целью получения молока было просто невозможно, ибо сохранить от скисания и переработать большое количество молока при технике кочевого экстенсивного хозяйства было нельзя. Точно так же невозможно было организовать и наладить сбыт шерсти и кож. Производственные возможности

---

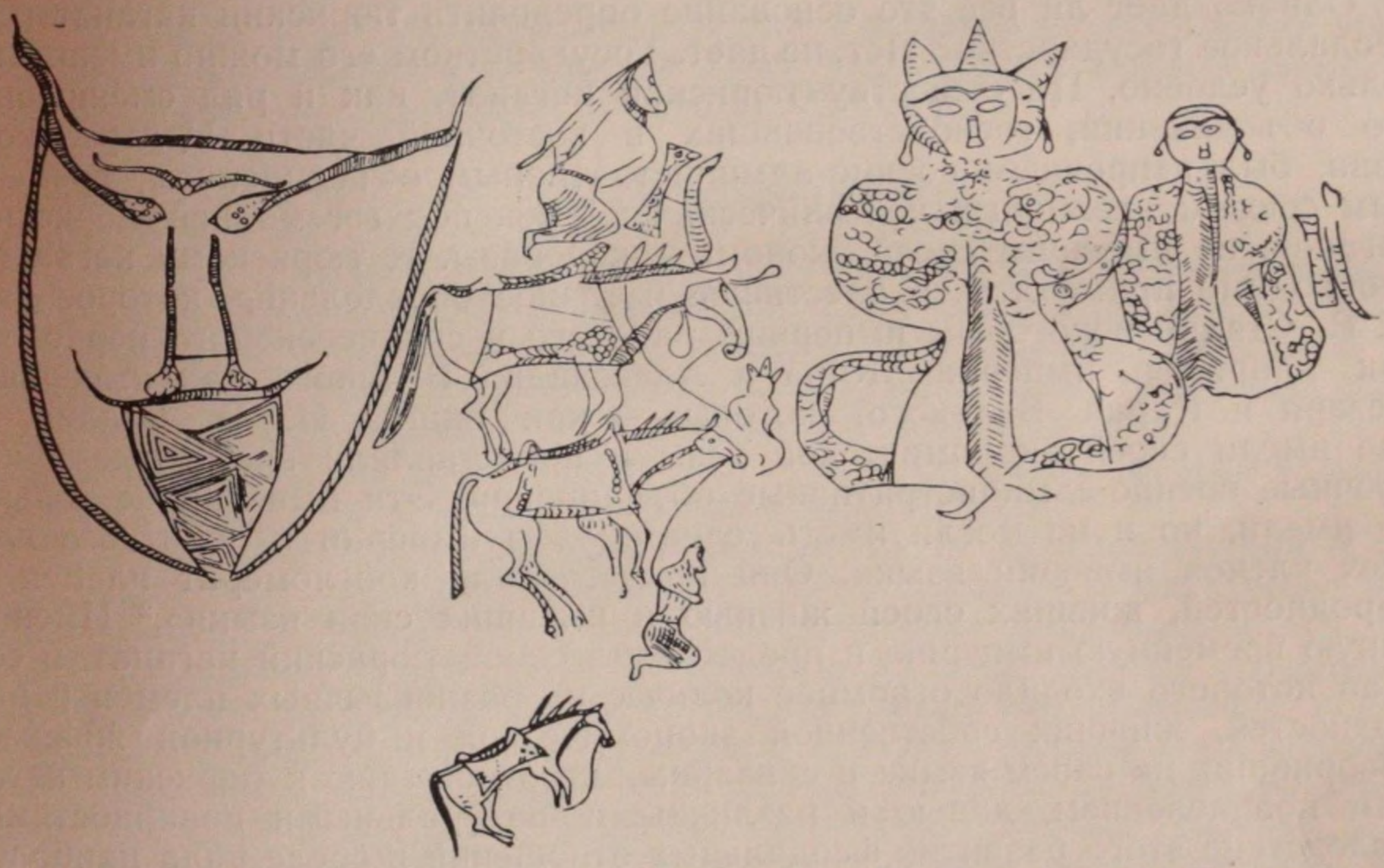
[1] А. Н. Бернштам. К вопросу о возникновении классов и государства у тюрков VI—VIII вв. н. э. Сб. «Пятьдесят лет книги Фр. Энгельса». Изд. АН СССР, М.—Л., 1939.

[2] Там же, стр. 884.

[3] Изображение валуна опубликовано в указанной выше работе С. И. Руденко и А. Н. Глухова «Могильник Кудырге на Алтае».

[4] W. Barthold. Die historische Bedeutung alttürkischen Inschriften in der Mongolei. Neue Folge; Н. Н. Козьмин. Классовое лицо атысы Иоллыг-Тегина. Сборник С. Ф. Ольденбургу. Изд. АН СССР, 1934; А. Н. Бернштам. Возникновение классов и государства у тюрок VI—VIII вв. н. э. Сб. «Пятьдесят лет книги Фр. Энгельса». Изд. АН СССР, М.—Л., 1939.

скотоводческого хозяйства не могли быть использованы при том уровне культуры, который охарактеризован выше. И едва ли богатства кочевой знати могли быстро расти и увеличиваться по этой линии. Кроме того, применение в широких размерах силы рабов при пастьбе табунов овец или, особенно, лошадей едва ли практиковалось, ибо раб при этом мог легко воспользоваться возможностями для побега (да еще с угоном лошадей), которыми так богата обстановка пастьбы скота. И если даже допустить наличие охраны рабов и строгого надзора за ними во время пастьбы табунов, что мало вероятно, то и в этом случае рабский труд по пастьбе скота нужно признать также мало подходящим. Дело в том, что пастьба скота требует не только внимательного наблюдения за обес-



Рисунок, выгравированный на каменном валуне, из погребения в Кудырге.

печением стада травой и водой, но и охраны его от волков и особенно от кочевых же соседей. Предположить, чтобы раб был заинтересован в охране стада рабовладельца, да еще будучи безоружным, так же трудно, как допустить и то, что рабов вооружали. Если к сказанному добавить еще, что наличие большого количества рабов стесняло свободу передвижения кочевников, резко уменьшало их мобильность, то наше соображение о том, что рабский труд у кочевников тюркского каганата не мог составить основы производства, становится обоснованным. Отсюда понятно, что богатства кочевой знати и увеличение их шли за счет ограбления покоренных племен и народностей путем не только вооруженных набегов, но и наложения большой дани, натуральных повинностей, торговли рабами. Для богатых скотовладельцев было более надежно и удобно, чтобы их стада обслуживались трудом соплеменников и сородичей, путем введения натуральных повинностей, путем использования их для работы в своем хозяйстве при помощи патриархально-феодальных форм эксплоатации, путем постепенного закрепощения рядовых скотоводов-соплеменников. Вполне понятно отсюда и то, что клас-

совые отношения у кочевников тюркского каганата развивались в форме патриархально-феодальных отношений.

В дошедших до нас памятниках имеются также прямые указания и на классовую борьбу в тюркском каганате. Наиболее точные сведения об этом относятся к середине VII в., когда классовая борьба проявляется в форме восстаний закрепощенных каганами кочевников. Классовая борьба в среде тюркского каганата протекала в форме борьбы эксплоатируемого племени против господствующей верхушки и в форме борьбы в среде господствующего класса кочевников, получившей отражение в текстах описаний характерной для феодальных отношений междоусобицы племен.[1]

Однако дает ли все это основание определить тюркский каганат как феодальное государство? Нет, не дает. Государством его можно именовать только условно. По существу тюркский каганат, как и ряд сменивших его объединений, господствовавших в восточной части Центральной Азии, был непрочным военно-административным объединением, временным союзом различных кочевнических племен под гегемонией тюркских каганов, не имевшим своей экономической базы. К тюркскому каганату необходимо применить то блестящее и точное определение, которое дал И. В. Сталин некоторым империям рабского и средневекового периодов, как, например, империям Кира и Александра Великого или империям Цезаря и Карла Великого, которые, — как пишет И. В. Сталин, — «не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения. Эти империи не только не имели, но и не могли иметь единого для империи и понятного для всех членов империи языка. Они представляли конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки».[2] Именно такую временную империю и представлял собой тюркский каганат, в состав которого входило огромное количество разноязычных племен и народностей, живших собственной экономической и культурной жизнью, говоривших на своем языке и обязанных по отношению к тюркским каганам повиновением, данью и различными натуральными повинностями. Вследствие этого развитие феодальных отношений в среде ряда наиболее активных тюркских племен, составляющих небольшое ядро, далеко не означало превращения тюркского каганата в феодальное государство.

Тюркский каганат сыграл важную роль в истории и этногенезе тюркских племен и народов СССР. Каганат этот включал земли кыргызов (хакасов), находившихся в бассейне верхнего Енисея, территорию современной Тувинской области и территорию Центральной Монголии. На востоке тюрки доходили до восточных пределов Байкала, где им были подчинены отуз-татары, *байырку* (по-китайски — *баегу*) и др. Тюркский каганат, кроме того, способствовал продвижению в Среднюю Азию тюркоязычных племен, известных арабским и персидским авторам под именем «огузы». Огузы занимали крупное место в каганате; впоследствии они сыграли важную роль в сложении туркменского народа. Многие племена тюркского каганата вошли позднее, в качестве исторических предков, также в состав казахского народа. Большинство

---

[1] А. Н. Бернштам. К вопросу о возникновении классов и государства у тюрков VI—VIII вв. н. э. Сб. «Пятьдесят лет книги Фр. Энгельса». Изд. АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 878.

[2] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 12.— В дальнейшем все цитаты из названного произведения И. В. Сталина приводятся по этому изданию.

тюркоязычных племен, обитавших в древности на землях, составляющих территорию Советского Союза, входили в состав тюркского каганата, испытывали на себе его влияние и сами были активными участниками его исторического развития. Современное тюркское население Алтая и Хакассии тесно связано в своей истории с тюркским каганатом. Так, далекие исторические предки некоторой части современного тюркского населения Алтая не только входили в состав тюркского каганата, но и имели в его жизни большое значение. Среди алтайцев до наших дней сохранились названия сеоков (родов), служивших во времена тюркского каганата в качестве названий крупных племен (Тиргеш, Кыпчак, Толес, Туба, Кыргыз). Выселенцами из Алтая и участниками политической жизни каганата являлись карлуки, сделавшиеся известными с VII в.; в их руках оказалось Семиречье после упадка политической мощи тюркского каганата (во второй половине VIII в.).

2. Уйгурское ханство

С падением могущества тюркского каганата господствующее положение в восточной части Центральной Азии заняло уйгурское ханство. Образование его связывается с именем хана Пэйло. Последний, явившись организатором объединения и предводителем уйгурских племен, нанес в 745 г. сильнейшее поражение восточным тюркам.

Хан Пэйло перенес свою ставку с юга на север, между Орхоном и отрогами Алтая, и установил сношения с Китаем.

Власть уйгуров распространялась от Алтая до Маньчжурии и на юг до пустыни Гоби. Южная Сибирь и Алтай вошли в состав этого нового ханства, и население их сделалось данниками уйгурских ханов.

На камне, найденном по р. Селенге, имеется надпись, относящаяся к уйгурам, из которой следует, что уйгурский хан являлся в половине VIII в. ханом десяти племен уйгуров и девяти племен огузов (*он-уйгур* и *токуз-огуз*). Часть огузов, после победы уйгуров над ними, вошла в состав уйгурского ханства. Преемник хана Пэйло, Мочжо Голэ-хан, в 758 г. присоединил к своим владениям земли кыргызов, расположенные в южной Сибири по Енисею. Таким образом уйгурское ханство сделалось самым мощным политическим образованием на север от Китая. Теперь китайское правительство вынуждено было считаться с прежними данниками, ибо в Китае в это время происходила междоусобная война и китайский двор часто обращался к уйгурам за помощью. Междоусобия в Китае длились около 7 лет, и уйгуры всегда выступали на стороне императора, часто оказывая ему весьма существенную помощь при подавлении отдельных восстаний. Сознавая свое выгодное положение, уйгурские ханы требовали от китайцев за свою помощь очень значительных подарков. Императоры Китая принуждены были не скупиться ни на подарки, ни на титулы и выдавали китайских принцесс замуж за уйгурских князей. Таким путем уйгурская знать переняла роскошный образ жизни китайского двора. Близкая связь с китайцами все же не препятствовала уйгурам попрежнему производить грабительские набеги на северный Китай. Китайскому правительству приходилось это терпеть.

В то время как аристократическая и правящая верхушка уйгуров усваивала культуру высших классов Китая, основная масса уйгуров вела кочевой образ жизни, занимаясь скотоводством.

Уйгурам была известна письменность. Кроме древнетюркского алфавита, они употребляли алфавит, восходящий к среднеазиатскому, иран-

ско-согдийскому и арамейскому, который был применен к тюркскому языку и получил название уйгурского. Уйгурский алфавит, со своеобразным вертикальным расположением строчек, получил впоследствии широкое распространение у тюрков и монголов.

Имеются данные и о религии уйгуров. Китайская летопись изображает их шаманистами и описывает некоторые их обряды. Упоминается о существовании у них шаманов-женщин. В конце VIII в. в уйгурском ханстве распространилось манихейство, возникшее в III в. в Иране и представлявшее собой соединение зороастрийской религии персов с христианством и буддизмом. Позднее к уйгурам стали проникать ислам и буддизм.

Упадок могущества уйгуров, начавшийся при хане Долосе (по-китайски — Чжун-чжен-каган) и его сыне в конце 80-х и начале 90-х годов VIII в., был вызван двумя причинами: внутренними раздорами и нашествием внешнего врага — тибетцев.

Еще в 755 г. тибетцы овладели китайскими территориями (ныне входящими в состав провинций Ганьсу и Шаньси) и прервали сношения Китая с его отдаленными западными губернаторствами. Затем они покорили тюркское племя Шато, состоявшее из 6000 кибиток, и заключили союз с племенами, платившими дань уйгурам. Ослабив уйгуров и усилив свои отряды, тибетцы нанесли и уйгурам и китайцам серьезные поражения. Окончательно силы уйгуров были подорваны стихийными бедствиями: в конце 30-х годов IX в. в течение ряда лет были чрезвычайно снежные зимы, нанесшие огромный урон уйгурскому хозяйству, так как скот уйгуров находился на подножном корму круглый год.

Конец могуществу уйгурского ханства положил в 840 г. каган кыргызов, разбивший уйгуров, взявший их столицу на Орхоне и убивший уйгурского хана. После этого уйгурские племена распались. Тринадцать родов их передались Китаю, пятнадцать аймаков, под начальством Пан-Тэлэ, ушли к карлукам (в Тарбогатай), остальные — в Тибет и Аньси. Пан-Тэлэ объявил себя ханом (он жил в Ганьчжоу) и получил титул от китайского императора.

В промежуток между 860 и 873 гг. уйгуры захватили часть современного Китайского Туркестана — Кара Хочжо (близ современного Турфана) и Бишбалык (местность близ современного Гучена). Западные уйгуры имели частые сношения с Китаем, и их ханы роднились с китайским двором.

К периоду уйгурского ханства относятся развалины некоторых городов в северной Монголии, например Байбалык на р. Селенге, Хара-Балгасун на р. Орхон. От последнего города, являвшегося столицей уйгурского ханства, уцелели вал крепости и основание находившейся в ней бани. Кроме того, на протяжении 24 км сохранились следы улиц и построек. Сохранились и некоторые надписи на согдийском и китайском языках. Повидимому, остатками крепости уйгурского времени нужно считать и развалины на острове Теринор в Тувинской области. Развалины состоят из обломков зданий, окруженных высокой стеной. Следами пребывания уйгуров в Монголии является также небольшое количество надписей на камнях, найденных недалеко от р. Селенги и расшифрованных Рамстедтом. Эти плохо сохранившиеся надписи сообщают некоторые сведения по истории уйгурского ханства.[1]

---

[1] G. Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften in der Mongolei. Helsingfors, 1913; Г. Рамстедт. Перевод селенгинского камня. Труды Троицко-Савско-Кяхтинского отделения Приамурск. отд. Русск. Географ. общ., т. XV, вып. 1, 1912.

3. Енисейские кыргызы [1]

После того как енисейские кыргызы победили уйгуров в 840 г., в восточной части Центральной Азии наступил период владычества союза орд и племен, возглавленного кыргызскими каганами. Основное ядро этого нового военно-административного объединения кочевников составляла аристократическая верхушка кыргызов («хакасы» китайской летописи). Господство кыргызов длилось до начала X в. Население Алтая в описываемое время было в подчинении у кыргызских каганов, которым вносило дань натурой: железными изделиями, пушниной и т. п.

Кыргызы занимали территорию по среднему и верхнему течению Енисея и являлись восточными соседями алтайцев. Западными соседями алтайцев являлись кимаки, жившие по Иртышу. В рукописи «Границы мира» (Худуд-аллем), принадлежащей неизвестному географу X в., изданной Туманским, про кимаков говорится: «Население обитает в юртах и кочует летом и зимою по пастбищам, лугам и около вод. Его богатство — соболь и овцы. Пищей летом служит молоко, а зимой сушеный сыр. Царя кимаков называют хакан, у него имеется 11 сборщиков податей». В рукописи Гардизи, составленной в половине XI в., кимаки описаны следующим образом: «Все живут в лесах, ущельях и степях, все владеют стадами коров и баранов; верблюдов у них нет... Летом они питаются кобыльим молоком, которое у них называется кумысом; на зиму они заготовляют сушеное мясо баранье, лошадиное, коровье, каждый по мере своих средств... Предметы охоты кимаков — соболи и горностаи».[2]

У кимаков был один город. Западная ветвь кимаков называлась кыпчаками. Последние превосходили своей дикостью остальную часть народа.[3] Есть все основания думать, что кимаки-кыпчаки распространяли свои кочевья и на западный Алтай, в горах которого они и добывали соболей и горностаев. Название «кыпчак» сохранилось в среде алтайцев до наших дней как наименование одного из многочисленных по составу населения родов.

Восточные соседи алтайцев, тюркоязычные кыргызы, являлись носителями довольно развитой для того времени (и для тех районов Центральной Азии) культуры. По свидетельству китайской летописи и по сообщениям мусульманских авторов X в. (арабских и персидских), а также по археологическим данным следует, что кыргызы занимались скотоводством, земледелием и охотой на зверя.[4] Скотоводство носило кочевой характер, при котором скот в течение круглого года находился на подножном корму. Кыргызы разводили плотных и рослых лошадей, коров, овец и часто верблюдов.[5] Развито было у них и плужное земледелие с искус-

---

[1] Обстоятельное исследование культуры и быта енисейских кыргызов см.: С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири.

[2] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. Зап. Акад. Наук по Истор.-филолог. отд., т. I, СПб., 1897, № 4, стр. 107.

[3] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. СПб., 1900, стр. 71. — Позднее кыпчаки проникли далеко на запад, до русских владений. На Руси кыпчаки упоминаются уже с середины XI в. в Лаврентьевской летописи под именем половцев (см.: Б. Греков и А. Якубовский. Золотая орда. Л., 1937, стр. 11—12).

[4] См.: Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений..., I, стр. 350—357; Рукопись Туманского (Худуд-аллем). — См. также сообщения Ибнхаукаля в кн.: В. В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927, стр. 21, 23.

[5] О значении скотоводства в это время свидетельствует и костный материал (кости лошадей, быков, овец) из могил типа *чаатас* (большие каменные насыпи).

ственным орошением. Остатки оросительных сооружений, а также сохранившиеся местами остатки дорог, мощеных камнем,[1] свидетельствуют о высоком уровне строительной техники у кыргызов.

Большое значение имели различные ремесла, среди которых особенно выделялось кузнечное дело. Изделия кыргызских кузнецов высоко ценились при дворе китайского императора. Железо добывалось по Енисею, Абакану, в горах Кузнецкого Ала-Тау, в южном и восточном Алтае. Разрабатывались бурые и красные железняки. В бассейне верхнего течения Енисея кыргызы добывали олово, изделия из которого, местного производства, найдены археологами. По притокам р. Аны добывалось рассыпное золото. Добывалось также и серебро. Из железа кыргызы ковали различные сельскохозяйственные орудия (сошники, серпы), предметы военного снаряжения и оружие (пики, сабли и т. д.) и многие другие предметы хозяйственного и бытового обихода.

Из золота и серебра кыргызы делали высокохудожественные вещи: блюда, кубки, чаши, украшения для одежды, сбруи и т. п., пользуясь весьма разнообразной и развитой техникой. Орнаментировка этих вещей, найденных археологами в кыргызских курганах, а частично и на Алтае, поражает своим изяществом, смелостью композиции, разнообразием сюжета, реалистичностью трактовки, например охотничьих сцен, и т. д.[2] Известно было кыргызам и гончарное дело с применением гончарного круга. Кыргызы вели оживленный обмен с Китаем, арабами, уйгурами.

Жилищем у кыргызов служили переносные войлочные кибитки, шалаши, крытые корой и ветвями, и местами срубные жилища, крытые берестой. Самой распространенной пищей являлись мясо и кобылье молоко.

Уже в то время существовал обычай, сохранившийся на Алтае и на верхнем Енисее до нашего времени, платить калым при женитьбе скотсм. По этому поводу китайская летопись сообщает: «При браках калым платится лошадьми и овцами. Богатые дают по сто и тысяче голов.[3] Лесные племена, подчиненные кыргызам, например дубо, давали в калым оленьи кожи и корни сараны».[4]

По религии кыргызы были шаманистами; в отличие от алтайских и орхонских тюрков, они, когда оплакивали покойников, не царапали себе лица. Хоронили покойников сожжением. Кости, оставшиеся от сожжения, предавали погребению через год.[5]

Достижением кыргызской культуры рассматриваемого периода было наличие письменности. Китайская летопись сравнивает их письмо и язык с уйгурским.[6] Здесь, несомненно, речь идет о руническом письме, дошедшем до нас в виде эпитафий на могильных камнях кыргызских

---

[1] Дорога по левому берегу Енисея выше Кемчика, соединявшая Улукем и Кемчик.

[2] Наиболее замечательной является находка археологов Л. А. Евтюховой и С. В. Киселева в 1939 г. в Хакассии во время раскопок кыргызских курганов Чаатасов на левом берегу Енисея близ с. Копены Баградского района. Здесь были найдены совершенно изумительные вещи: четыре золотых сосуда, стоящих на серебряном блюде, из которых два украшены пышными орнаментами, как и само блюдо, различные золотые, серебряные и бронзовые бляшки и украшения и другие предметы. Вещи эти выставлены в Государственном Историческом музее в Москве.

[3] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений. . ., I, стр. 353, В. В. Бартольд. Киргизы, стр. 21.

[4] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений. . ., I, стр. 348.

[5] Там же; В. В. Бартольд. Киргизы, стр. 21.

[6] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений. . ., I, стр. 353. — О письме кыргызов упоминает и Абу-Дулеф.

покойников, особенно знатных, в виде надписей на скалах, содержащих ценные сведения о быте и культуре кыргызов, а также в виде кратких надписей на различных предметах (серебряные и золотые чаши и кувшины, поясные бляшки и т. д.), обнаруженных археологами в кыргызских и алтайских погребениях.

Кыргызы собирали с подвластных им племен дань натурой. Племена, обитавшие на Алтае и в Кузнецком Ала-Тау, платили дань кыргызам прежде всего пушниной (белками и соболями) и, видимо, железными изделиями. Положение данников было тяжелым не только потому, что они обязаны были вносить своим владельцам дань, но и потому, что, как сообщает китайская летопись, кыргызы ловили их и заставляли работать в своем хозяйстве.[1] Среди кыргызов были богатые землепашцы, владевшие стадами, насчитывавшими тысячи голов скота.[2] Эти хозяйства были основаны на труде пленных данников. Точто так же, видимо, при помощи труда пленных данников были построены и большие оросительные сооружения кыргызов и проложены дороги, мощенные камнем. Разумеется, эксплоатация в форме патриархально-феодальных отношений имела место и в среде самих кыргызов, где имущественное неравенство зашло весьма далеко, но где в то же время были весьма живучи и родовые патриархальные традиции.[3]

4. Кидане и найманы

Однако господство кыргызов в восточной части Центральной Азии оказалось недолговечным. В начале X в. оно переходит к кытаям, или киданям, а по терминологии мусульманских авторов — к «черным кытаям» (*кара-китаи*). Правящая верхушка их находилась в северном Китае. В половине XI в. владения кытаев простирались на восток до Алтая. Окраины владений кытаев — северная Маньчжурия и северо-западная Монголия — находились от них только в номинальной зависимости.[4] В первой половине XII в. кытаи овладели Семиречьем, Алтаем и подчинили на Енисее кыргызов.[5]

В памяти алтайцев сохранилось до наших дней воспоминание об этом периоде владычества кытаев на Алтае. В одном из преданий алтайцев говорится, что в отдаленные времена алтайцы были покорены и уведены из Алтая и на их месте поселился народ кытай с русыми волосами, бородатый, занимавшийся земледелием и выделкой оружия и орудий из бронзы.[6] В других преданиях алтайцев кытаи также выступают как народ, занимавшийся земледелием; с именем кытаев предания связывают остатки некоторых, дошедших до нас, довольно обширных и сложных оросительных сооружений. Остатки таких сооружений в виде

---

[1] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений..., стр. 448.

[2] Там же, стр. 352.

[3] Имущественное неравенство среди кыргызов нашло яркое отражение в составе погребального инвентаря и в форме погребений. Археологические исследования обнаружили пышные погребения богатых кыргызов под большими каменными насыпями (*чаатас*), содержащие иногда по нескольку килограммов золотых вещей. Наряду с этим известны могилы рядовых кыргызов-воинов с конем и простым вооружением, с простым и немногочисленным инвентарем повседневного обихода.

[4] В. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в. Труды Вост. отд. Русск. Археол. общ., ч. IV, СПб., 1857, стр. 24—25.

[5] К. Д. Оссон. История Монголов, т. I. Иркутск, 1937.

[6] Записки миссионера Урсульского отделения Алтайской миссии за 1900 г. Православный благовестник, № 24, 1901, стр. 355.

канав и каналов имеются: в долине р. Чуи в Сартымайской степи, в Курайской степи, по р. Ак-Туре, близ урочища Тото, по левому берегу р. Катуни, близ селения Сок-Ярык, по правому берегу р. Катуни от устья р. Обелю до перевоза, в долинах рек Урсула и Каерлыка, по долине рек Улагана и Чулышмана, где древние оросительные каналы сохранили еще следы каменной выкладки. Кроме того, остатки древних ирригационных работ и каналов были обнаружены по р. Аргуту и в Уймонской долине.[1]

Очень возможно, что к периоду владычества кыгаев относится и строительство на Алтае дорог и некоторых сооружений для переправы через р. Катунь, остатки которой сохранились до наших дней и отмечены в научной литературе.[2] Так, например, еще при прокладке колесной дороги через Улегемский хребет (северо-восточный отрог Терехтинских белков), через перевал Чике-таман, «оказалось, что проход Чике-таман составлял древнюю дорогу, расчищенную и разработанную. Такая же дорога была сделана к китайскому перевалу; местные жители доселе указывают следы ее, говоря, что здесь найдена была медная втулка от телеги».[3] На обоих берегах р. Катуни, напротив Кер-кечу (выше устья Большого Ульгуменя), заметны следы приспособлений для перевоза в виде дыр, просверленных в уступах скал, словно это было сделано для устройства канатного, китайского типа, моста, какие бывают в Юннане, Тибете и Гималаях.[4] Среди алтайцев весьма распространена легенда о строительстве моста через Катунь богатырем Сартакпаем. Последнее обстоятельство, как увидим дальше, позволяет относить строительство сооружений для переправы к более позднему периоду — к периоду монгольского владычества на Алтае.

В XII в. государство кара-китаев простиралось от Енисея до Таласа. Главная ставка верховного главы, носившего название «гурхан», находилась в Семиречье на берегу р. Чу. Кара-китаи перенесли в завоеванные области китайскую культуру, усвоенную ими еще на своей прежней родине.

Владычество кара-китаев, видимо, тяжело отразилось на экономическом состоянии населения Алтая в смысле понижения уровня его жизни: они «ввели в покоренных областях китайскую систему подворного обложения»,[5] исчислявшегося в денежных единицах. По свидетельству персидского историка XIII в. Джувейни, «кара-китайские сборщики податей, в противоположность прежнему времени, сильно притесняли народ.[6]

---

[1] Об остатках оросительных сооружений см.: в изд. Россия. Под. ред. П. П. Семенова-Тян-Шанского, т. XVI, стр. 529—531; С. П. Швецов. Примитивное земледелие на Алтае Зап.-Сиб. отд. Русск. Географ. общ., кн. XXVII, 1900, стр. 7, 8, 15, 16; он же. Кочевники Бийского уезда. В кн.: Горный Алтай и его население, т. I, вып. I, стр. 162—292; Н. М. Ядринцев. Описание сибирских курганов и древностей. Древности (Труды Моск. археол. общ.), т. IX, вып. II, III, 1883, стр. 192—202, С. В. Киселев. Отчет за 1934 г. (архив Института истории материальной культуры АН СССР), лл. 15, 16, 45, 46; П. П. Кайгородов, Архив Археол. комиссии № 24, 1903, лл. 1—2; В. Радлов, Архив Археол. комиссии № 8, 1865, л. 14; В. Радлов. Зап. Русск. Археол. общ., VII, стр. 209.

[2] Россия, т. XVI, стр. 530; Н. М. Ядринцев. Описание сибирских курганов и древностей. Древности, т. IX, вып. II—III, стр. 196.

[3] Там же.

[4] Там же; К. Риттер. Землеведение Азии, т. III, стр. 350; Россия, т. XVI, 9 вып., стр. 530; В. И. Верещагин. Алтайский сборник, IX. Барнаул, 1908, стр. 22—23.

[5] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 81.

[6] В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Памятная книжка Семиреченского обл. статист. комитета на 1898 г., т. II. Верный, 1908, стр. 107.

К концу XII в., в связи с ослаблением могущества кара-китаев, на исторической арене в восточной части Центральной Азии выдвинулись монголоязычные найманы, жившие между Хангайскими и Алтайскими горами, а также частично и на отрогах Алтая.[1] Найманы, оттеснившие кара-китаев, образовали могущественный союз орд и племен, границей которого на западе являлся Иртыш, а на юге — восточный Туркестан. С этого времени и до начала XIII в. население Алтая находилось под властью найманских ван-ханов, которым и платило дань. Отдаленные потомки найманов, видимо, сохранились на Алтае до нашего времени. Название «найман» сохранилось в наименовании некоторых родов современных алтайцев, как и наименование «меркиты», которые в XII в. составляли многочисленный народ, населявший северную часть современной Монголии, и князья которых, будучи разбиты Чингис-ханом (в первой четверти XIII в.), искали убежища и собирали новые силы для борьбы с Чингисом в горах Алтая.

У нас нет, хотя бы кратких, данных о положении алтайцев и характере их жизни в период господства найманов. Известно только, что этому господству был положен конец в начале XIII в. монголами, возглавленными Чингис-ханом.

Таким образом, Алтай со времени падения тюркского каганата и до начала XIII в., т. е. до включения его в состав кочевой державы Чингис-хана, был втянут в орбиту довольно интенсивного исторического процесса, протекавшего в восточной части Центральной Азии. Сущность этого процесса заключалась в постепенном разложении родового строя у кочевников, в формировании аристократической эксплоататорской верхушки, в широком развитии грабительских войн и набегов, которые, если употребить выражение Энгельса, стали «нормальными функциями народной жизни», в образовании и разрушении различных временных военно-административных объединений, организуемых аристократической верхушкой с целью грабежа и угнетения соседей. Но частая смена временных и непрочных военно-административных объединений, не имевших своей экономической базы, сплошь и рядом основанных на ряде успехов и удач того или иного хана, предводителя племени, сумевшего объединить кочевые племена в кратковременный союз, и разрушавшихся даже от одного удачного набега со стороны противника, нового претендента на роль вождя новой комбинации кочевых племен, мало влияла на изменение характера и структуры экономики кочевых племен Алтая, Монголии и прилегающих к ним районов.

Основная масса кочевого населения продолжала жить обычной для них жизнью. Простота производственной структуры этих кочевых племен-общин, построенных по племенному и родовому признаку, приводила, очевидно, к тому, что эти кочевые общины постоянно воспроизводили себя в одной и той же форме. Являясь самодовлеющими, производящими самостоятельно все, что было необходимо для их несложного кочевого хозяйства, они, эти кочевые объединения, проявляли большую устойчивость и жизнеспособность. Будучи разгромлены и рассеяны при очередном нашествии или набеге враждебной коалиции племен, они довольно быстро возникали вновь, часто на той же территории и под теми же названиями, или же, быстро оправившись от удара, входили в новую комбинацию таких объединений. Их устойчивость и неизменность находят свое объяснение именно в простоте структуры эконо-

---

[1] Б. Я. Владимирцов. Чингис-хан. Берлин—Петербург—Москва, 1922, стр. 14

мических элементов. Различные политические комбинации отдельных удачливых или неудачливых ханов-вождей, борющихся между собой за власть и влияние, не затрагивали структуры основных экономических элементов этих кочевых объединений, что и объясняет тайну «неизменности азиатских обществ, находящейся в таком резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий».[1]

Какова же была экономическая структура племенных и родовых объединений азиатских кочевников в рассматриваемое время?

Основной отраслью хозяйства было экстенсивное пастбищное скотоводство, с содержанием скота на пастбище в течение всего года. Кочевники систематически переходили с места на место, «смотря по приволью в траве и воде»,[2] чтобы обеспечить кормом свои стада. Экономическим базисом такого способа ведения хозяйства было совместное владение пастбищами и частная собственность на скот. Рядовые кочевники-скотоводы жили мелкими и крупными общинами, объединенными общим владением пастбищами, совместным кочеванием, под главенством своего предводителя, как правило, богатого скотовода. В состав таких объединений входили кочевники как связанные родством и общностью происхождения со своим предводителем или ханом, так и чужеродцы, влившиеся в объединения в результате удачного набега и разгрома подобного объединения, возглавляемого другим ханом. Общинная форма кочевания, в условиях описанного выше экстенсивного кочевого скотоводства и беспрерывных столкновений кочевников, являлась экономической необходимостью, ибо только она обеспечивала возможность разведения и сохранения скота. «У кочевых пастушеских племен, — пишет К. Маркс, — община всегда собрана вместе, это общество спутников (Reisengesellschaft), караван, орда и формы субординации развиваются из условий этого образа жизни».[3] По существу это была сельская община с характерным для нее сочетанием общинной и частной собственности, как у земледельческих народов, хотя она не имела постоянной пастбищной территории. Это была кочевая сельская община, которая все время передвигалась по мере стравливания пастбищ. Пастбища занимались путем захвата либо свободной территории, либо занятой другими кочевыми объединениями и считались общими. Однако право распоряжения пастбищами находилось в руках аристократической верхушки кочевников. Это достоверно известно, например, про западных соседей алтайцев-кочевников — усуней. Китайская летопись сообщает (I в. до н. э.), что глава усуней Цылими, носивший титул гуньмо, обнародовал, чтобы «никто не смел пасти скот на его пастбищах».[4]

Людской состав общины также не был постоянным и устойчивым. Несмотря на то что в основе этих простейших производственных объединений лежала родоплеменная традиция, их нельзя определить как общины родовые, объединяющие только кровных родственников: родоплеменной состав их был смешанным.

В описанных выше условиях род как кровнородственная организация не мог существовать. Устойчивыми были только родовые и племенные

---

[1] См. об этом у К. Маркса (Соч., т. XVII, стр. 395).
[2] Трафаретное выражение китайской летописи, описывающей быт кочевников.
[3] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ОГИЗ, 1940, стр. 24.
[4] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений..., I, стр. 197.

наименования, родовые обычаи и культы, родовые и племенные диалекты, которые были общими для таких объединений, состоящих по существу из разнородных в родственном отношении элементов. Частная собственность на скот и имущественное неравенство создавали условия для развития классовых отношений внутри таких общин. Аристократическая верхушка кочевников обладала большими стадами, уход за которыми осуществляли зависимые от них рядовые кочевники и частично рабы.

Политическая власть верхушки основывалась на богатстве. Об этом убедительно говорит пример известного тюркского кагана Гудулу («Ильтерес-каган» орхонских надписей), который, по свидетельству китайской летописи, «мало-помалу очень разбогател лошадьми, почему объявил себя ханом».

Приведенная характеристика кочевых общин как самодовлеющих и постоянно воспроизводящих себя простейших производственных объединений скотоводов-кочевников объясняет и большую их жизнеспособность. В силу указанных особенностей политические интриги, борьба за власть и богатство различных ханов не затрагивали экономической основы таких кочевых объединений.

У монголов до образования империи Чингис-хана, как, повидимому, и на Алтае и в ближайших к Монголии районах, основной формой производственной организации являлась кочевая сельская община. Такая кочевая община была очень простой по своей структуре и покоилась на совместном кочевании первоначально, видимо, близких и далеких родственников, а затем и не только родственников. Отдельные семьи рода, входящие в состав кочевой общины, вели уже индивидуальное хозяйство, но пастбища, кочевья у них были общими. При этом, разумеется, каждый начальник или предводитель такой кочевой общины знал границы своих пастбищ в любое время года.[1] Правда, внутри кочевой общины шел процесс выделения богатых семей в отдельные кочевки, которым, ввиду обилия скота, было выгодно кочевать отдельно, аилами, занимая для этого лучшие пастбища в границах своей кочевой общины. Но все же совместный, или, как его назвал акад. Б. Я. Владимирцов, куренной, способ кочевания был основным для кочевников среднего и малого достатка. Об этом куренном способе кочевания имеется известие знаменитого Рашид-ад-дина, персидского историка конца XIII и начала XIV в., который сообщает: «Значение куреня есть кольцо. В старинные времена, когда какое-нибудь племя останавливалось на каком-нибудь месте наподобие кольца, а старший из них был подобен точке в середине круга, это называли курень. В нынешнее время, когда приблизится неприятельское войско, располагаются по той фигуре, дабы не вошел в середину чужой и неприятель».[2] Отсюда видно, что монгольский курень во время Рашид-ад-дина применялся уже только в военной организации; существование же его как основной формы кочевания Рашид-ад-дин относит к «старинным временам». Это известие персидского историка великолепно использовал акад. Б. Я. Владимирцов, давший характеристику куренного способа кочевания и сменившего его аильного способа.

Вероятно, эта характеристика применима и к кочевникам Русского Алтая, смежного с Монголией, так как общность исторического процесса

---

[1] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 37.
[2] Там же, стр. 36—86.

и основных элементов кочевнической культуры в описываемый период для указанных территорий несомненна. Между прочим, можно указать и на то обстоятельство, что еще в XVIII в. кочевые племена Алтая, находясь в составе Джунгарии, видимо, еще сохранили память о совместном способе кочевания и прибегали к нему в особых случаях. Это заключение можно сделать на основании одного известия, относящегося к 1758 г., где говорится относительно южных алтайцев.[1]

Таким образом, можно думать, что в период наиболее частой смены различных временных и непрочных военно-административных объединений кочевники Алтая все еще находились на самой ранней ступени развития классовых феодальных отношений, еще окутанных оболочкой родовых отношений. Процесс феодализации шел чрезвычайно медленно в силу господства кочевого хозяйства и родового быта. Однако разложение родовой и сельской общины у кочевников происходило непрерывно, путем роста стад у отдельных богатых семей, путем концентрации (через захват) лучших пастбищ в этих же семьях, путем сосредоточения общественно-политической власти в руках этих экономически сильных семей, путем подчинения им более слабых экономически родов и племен. С большей силой процесс этот протекал в период господства Чингис-хана и потомков из его дома, когда происходили крупные изменения в экономике кочевых племен Монголии и зависимых от нее прилегающих районов, когда исчезал совместный куренной способ производства и на смену ему утверждалось господство аильного, или индивидуального, способа кочевания.

5. Алтайцы в составе империи Чингис-хана

Чингис-хан на основе временного объединения многочисленных орд и племен кочевников создал большую империю, представлявшую временное и непрочное военно-административное объединение, не имевшее своей экономической базы, включавшую в себя многочисленные племена и народности, которые жили собственной экономической жизнью и говорили на своих языках. Он разбил в 1204 г. найманов и завоевал всю Монголию и земли на запад до Иртыша. Найманы бежали за Алтай. В монгольской хронике 1240 г. «Сокровенное сказание»[2] рассказывается, что Чингис-хан был наречен ханом в 1206 г. в местности у истоков р. Онона, где собрался курултай предводителей и глав всех племен, которых ему к этому времени удалось объединить. Здесь Чингис-хан завершил устройство Монгольского государства. Он назначил 95 нойонов-тысячников, преимущественно из монголов, между которыми распределил покоренные и объединенные племена.

Алтайские племена толесы и теленгуты оказались в тьме нойона-темника Хорчи из племени Бааринов. Чингис-хан наградил этим назначением своего старого сподвижника, предсказавшего ему еще в дни юности ханский престол. Хорчи был назначен управлять, совместно с тысячниками Тахаем и Ашихом, тремя тысячами бааринцев и пополнявших их до тьмы адаркинцев, чиносцев, толесов и теленгутов. В этой тьме оказались преимущественно «лесные народы» — западные монголы, занимав-

---

[1] Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. Показания выбегшего бухаретина Нарупа. Чтения, кн. 4-я, 1866, стр. 113.

[2] С. А. Козин. Сокровенное сказание..., т. I, стр. 161. См. также: Палладий Кафаров. Старинное монгольское сказание о Чингис-хане. Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866, стр. 117.

шиеся звероловством, и тюрки-кочевники. Было указано, что лесные народы без разрешения Хорчи не имели права передвижения. Стало быть, в это время кочевание алтайских племен уже полностью зависело от назначенного над ними нойона-темника, за которым они были закреплены. Однако, видимо, в этот год еще не все лесные монгольские и кочевые алтайские племена были подчинены монголам, ибо покорение их было завершено только в следующем году

В 1207 г. старший сын Чингис-хана, Джучи, или Чжочи, по приказу отца приводит к покорности лесные народы: ойратов, бурятов, телесов и др., а также енисейских кыргызов. Правитель последних явился к Джучи с дарами: белым соколом, белым мерином и белыми соболями. Все эти народы были пожалованы Чингисом в подданство Джучи.[1]

«Так как, не считая войны и завоевания, государственная мудрость Чингис-хана, — пишет К. Маркс, — была китайского происхождения, то во внутреннем устройстве монгольского государства все больше и больше одерживает верх китайское начало, т. е. тип культуры, которая здесь возникает, китайский».[2] И действительно, при Чингисе и его потомках весьма ценились китайские мастера, ремесленники, из которых монгольский хан и царевичи, владельцы уделов, образовывали целые селения.[3] Алтай, видимо, таких поселений китайских мастеров и ремесленников при монголах не имел, по крайней мере известные исторические источники об этом ничего не говорят. Но такие поселения были на Енисее у кыргызов. По свидетельству китайского путешественника монаха Чан-Чуня (первая четверть XIII в.), у кыргызов «китайские ремесленники живут во множестве, занимаясь тканьем шелковых материй, флера, парчи и цветных материй».[4]

Чань-Чунь отметил также у кыргызов в это время и посевы пшеницы. Посевы хлебных злаков монгольские наместники Чингиса заставляли производить в некоторых местах Алтая, где велись, вероятно, и работы по поддержанию существовавшей со времени кытаев и по устройству дополнительной и новой оросительной системы. На это по крайней мере указывают различные варианты алтайских легенд о богатыре Сартакпае как строителе оросительных каналов, плотин и даже пролагателе русел для новых рек.

В этой связи необходимо напомнить исследование акад. В. В. Бартольда «История культурной жизни Туркестана». В нем показано, что в конце X в. «носителями мусульманской культуры в Средней Азии попрежнему оставались сарты» — термин, которым в этнографическом смысле обозначали до XVI в. иранцев (самое слово «сарт» индийского происхождения, первоначально имело значение «торговец»). Но монголы этот термин (в форме *сартак* для обозначения лиц мужского пола и *сартагул* — для лиц женского пола) употребляли не столько по признаку национальности и языка, сколько по признаку быта и культуры; поэтому Чингис-хан назвал Сартактаем карлукского князя Арслан-хана, правив-

---

[1] С. А. Козин. Сокровенное сказание..., т. I, стр. 174—175. — У Палладия Кафарова в «Старинном монгольском сказании о Чингис-хане» (стр. 132) сказано, что кыргызские темники принесли в дар белого мерина и черных соболей.

[2] Архив К. Маркса и Фр. Энгельса, т. V, стр. 227.

[3] Б. Я. Владимирцов. Чингис-хан, стр. 154—155.

[4] Путешествие на Запад монаха Чан-Чуня; описано учеником его Чжень-чан-цзы по имени Ли-чжи-чан. Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1886, стр. 339.

шего в северной части Семиречья. Отголосками культурного значения сартов являются монгольские легенды, распространенные до Хангая, о богатыре Сартактае, воздвигавшем чудесные плотины и тому подобные сооружения.[1] Приведенные данные из исследования В. Бартольда имеют важное значение для объяснения легенды о богатыре Сартактае (в звучании современного алтайского языка — Сартакпае) как строителе оросительных сооружений. Видимо, во времена монгольской власти строительство оросительных сооружений на Алтае производилось пленными иранцами — сартами (по-монгольски — *сартак'ами*, или *сартактай'ями*). Последнее обстоятельство и нашло отражение в алтайских вариантах легенды о богатыре Сартакпае.

Надо заметить, что орошались не только посевы, но и горные луга, предназначенные для зимних пастбищ. Посевы производились, видимо, специально для снабжения провиантом монгольских военных отрядов. Монголы с этой целью создавали военно-пахотные поселения в покоренных областях. Прямые свидетельства об этом содержатся в Юань-ши — истории Юаньской (монгольской) династии, правившей в Китае с 1260 по 1368 г. В летописной части Юань-ши, так называемой Бень-дзи, написанной по-китайски, имеется ряд указаний о том, что монгольские императоры Китая, потомки (внуки и т. д.) Чингис-хана, держали военно-пахотные поселения, например, на Енисее в области кыргызов (Кянь-Джоу). Эти военно-пахотные поселения состояли как из самих кыргызов (*ки-ли-ги-сы*), так и из «южан» — китайцев. При этом военно-пахотные поселения снабжались иногда земледельческими орудиями, семенами и тягловой силой (упоминаются быки). Воинам этих поселений иногда выдавались ассигнации, ткани, одежда и другие вещи, а также земледельческие и рыболовные орудия. В случае неурожая наиболее бедным поселенцам, в том числе кыргызам, выдавались просо и рис.[2] Имеется известие и о таком событии: в 1283 г. было указано передать 600 голов быков, отданных пастись богатым жителям Туле-Ту (видимо, местность), бедным из кыргызов.[3] В отношении же Алтая сохранилось прямое указание, относящееся только к началу 1309 г. Сообщается, что министр Юэнчи-чар, наместник провинции Лин-Бей (т. е. области Монголии с центром в Каракоруме), предлагал императору в специальном докладе водворить племена, подчинившиеся Юаньской династии, именно улусы чагатайских царевичей, на южном склоне Алтая, а на северной стороне устроить военно-пахотные поселения, чтобы удерживать этих царевичей в повиновении.[4] Приведенные летописные сообщения хотя относятся ко времени более позднему, чем годы правления Чингис-хана, однако могут быть распространены и на рассматриваемый период, ибо известно, что потомки Чингис-хана придер-

---

[1] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 81.

[2] Известия об этом содержатся в следующих книгах Юань-ши: VII, XI, XII, XV, и относятся к 1270, 1272, 1281, 1282, 1283, 1289, 1295 гг. Все извлечения сделаны и переведены с китайского по моей просьбе В. Н. Казиным.

[3] Книга XII, год джи-юань 20-й (1283), месяц 1-й, день бин-юй. В бассейне р. Керулена имеется р. Ту-ле-ту. См.: С. А. Козин. Сокровенное сказание. . . стр. 114.

[4] Юань-ши-ги-ши бень-мо, кн. II, 12-й месяц 1-го года джи-да. — Сообщено В. Н. Казиным, которому принадлежит перевод этого отрывка. Китайские власти устраивали военно-пахотные поселения в Чжунгарии и восточном Туркестане и в более поздние времена, до XIX в. включительно [Иакинф (Н. Я. Бичурин). Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана. СПб., 1829].

живались в организации управления завоеванных стран методов своего знаменитого предка.

Несмотря на то, что монгольская знать, кочевая и военная аристократия, вела роскошный образ жизни, имела сотни китайских слуг и придерживалась китайской культуры, основная масса монголов-кочевников, воинов и скотоводов, находилась на весьма невысокой ступени культурного развития. Основным способом добывания средств к жизни у монголов являлось кочевое, довольно примитивное скотоводство. Это обстоятельство тягостным образом сказалось на побежденных монголами народах, находившихся на более высоком уровне развития производительных сил. Монгольское нашествие на культурные области того времени приводило последние к упадку, разорению, истощению. Победив более культурный народ, монголы часто уничтожали или забрасывали технические достижения этого народа, с которыми они не умели обращаться. Опустошая культурные страны, монголы, как замечает К. Маркс, «действовали соответственно их способу производства; для скотоводства большие необитаемые пространства являются главным условием».[1] Исследователями доказано, что монгольское нашествие сопровождалось разрушением городов и страшным опустошением их.[2] Примером этого могут служить не только русские земли, но и Средняя Азия. Монгольское завоевание культурных областей приводило последние к понижению культурного уровня, к упадку культуры. Достаточно указать, например, на ту часть Семиречья, к северу от р. Или, которая почти не пострадала от военных действий Чингис-хана, но в которой уже с 1253 г., как видно из рассказа миссионера Рубрука, много городов исчезло и уступило место пастбищам; большое число развалин видел также китайский путешественник Чандэ в 1259 г. в Чуйской долине.[3] То же было и в культурных областях, располагавшихся на территории современной Туркмении.[4]

Однако упадок культуры был вызван монгольским владычеством не только в культурных областях. Это явление отмечено и для Алтая, население которого отнюдь не выделялось более высоким уровнем культурного развития по сравнению с монголами. Но и здесь, как свидетельствуют археологические памятники, в эпоху монгольского владычества культура населения находилась несомненно на более низком уровне, чем она была, например, в период тюркского каганата. Об этом говорит полное отсутствие богатых погребений с пышным погребальным инвентарем в монгольский период на Алтае. Богатая знать, кочевая аристократия, видимо, покинула Алтай. Рядовых погребений послемонгольского периода известно крайне мало. Но все же эти малочисленные археологические памятники свидетельствуют о бедности сопутствующего погребального инвентаря и отражают скудость жизни алтайцев в это время. Теперь с покойником клали пищу (мясо барана) в деревянном корытце на четырех коротких ножках, иногда железный нож или лопату (мотыга).[5] В женском погребении этого времени встречены остатки седла в виде костяной обкладки, украшенной примитивным

---

[1] К. Маркс. К критике политической экономии. 1949, стр. 210.
[2] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 85.
[3] В. В. Бартольд. История Туркестана. Ташкент, 1922, стр. 37.
[4] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 85.
[5] А. А. Захаров. Раскопки В. В. Радлова на р. Табажеке (Чуйская степь). Труды Гос. Истор. музея, вып. I, 1926, стр. 74.

орнаментом (кружочками), распространенным на костяных изделиях и у современных алтайцев под названием *кось* (глаз). Седло имело подпруги с железными пряжками с язычком, железные стремена и железные небольшие кольца для привязывания ремня нагрудника, а на задней стороне седла — для привязывания багажа. Из украшений найдены простая медная серьга, гладчатые бусы и ракушки каури.[1] В этих погребениях нет больше богатого вооружения, хорошо украшенной сбруи, золотых и серебряных украшений, резных изделий из кости и тому подобных предметов, которые хорошо известны археологам по более ранним памятникам времени ранних кочевников на Алтае (VII в. до н. э. — I в. н. э.). Характерно также (по М. П. Грязнову), что погребения этого времени не образуют кладбищ, не имеют устойчивого, правильно соблюдаемого ритуала, часто совершенно лишены сопровождающих предметов и потому не могут быть датированы и включены в круг наших источников. Они устраивались обычно в насыпях древних каменных курганов. Вот это-то и говорит о разрушении старых, сложившихся норм жизненного уклада населения, о его экономической и культурной деградации под гнетом завоевателей. Характерно и то обстоятельство, что все богатые погребения с величественными курганами (Курай, Туекта, Катанда I, Яконур I) относятся ко времени до X в. Начиная с X в. даже богатые погребения (могилы №№ 17—19 в Кудырге) с серебряными вещами и китайским шелком совершались без пышных похоронных обрядов, в маленьких могилках, отмеченных на поверхности лишь кучкой из двух-трех десятков камней. Экономический, политический и культурный упадок алтайских племен, начавшийся со времени киданей и найманов, нашел, таким образом, отражение и в характере археологических памятников.

Понижение жизненного и культурного уровня кочевников Алтая в период монгольского владычества объясняется разорительной политикой монгольских ханов по отношению к покоренному населению. «Налоги, взимавшиеся монголами, были крайне обременительны в завоеванных странах, т. е. почти повсеместно в империи, — справедливо указывает Грум-Гржимайло. — Они взимались в казну хана и отдельно в пользу улусного князя и областного начальника».[2] Путешественник Марко Поло, живший много лет (XIII в.) при ставке монгольского хана, сообщает, что в Монголии считалось, что все подданные, их имущество и скот составляли собственность хана, который мог в любой момент взять себе что угодно из имущества своих подданных. Налоги натурой (скотом, пушниной, железными изделиями, предметами военного снаряжения и оружием), различные трудовые и военные повинности тяжелым бременем ложились на трудовые массы покоренного монголами населения. Из них особенно тягостной была повинность содержания почтовых станций, а при них необходимого количества гонцов, проводников, провианта и транспорта (чаще верхового). Этими станциями пользовались не только ханские посланцы, но и различные многочисленные чиновники и даже купцы.[3]

Грабительский характер политики монгольских ханов по отношению к покоренным ими народам привлек внимание Маркса. В своих

---

[1] Раскопки М. П. Грязнова в 1939 г. в Усть-Канском аймаке (Яконур).

[2] Г. Е. Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II. Л., 1926, стр. 435.

[3] Там же, стр. 435—436.

исторических исследованиях Маркс обратил на него внимание в связи с вопросом монгольско-татарского ига на Руси и выразил это в следующих словах: «Это было иго, которое не только подавляет, но растлевает и иссушает самую душу народа, который ему подпал. Монгольские татары установили режим систематического террора, орудием которого были грабежи и массовые убийства».[1]

Разумеется, гнет грабительской политики монгольских ханов испытали в полной мере и алтайцы. В дальнейшем, во время владычества монголов в Китае (Юаньская династия), культурный упадок охватил не только такие далекие окраины, каким был Алтай, но и собственно Монголию. Акад. Владимирцов отмечает, что в период Юаньской династии (1260—1368) «благосостояние Монголии и монголов сильно пошло на убыль, в особенности по сравнению с веком Чингиса и его

Роговые наконечник и накладка лука из погребения в Яконуре.

трех преемников. Не прекращавшиеся феодальные войны, содержание больших контингентов войск, необходимых для охраны империи, истощали страну. Монголам приходилось тратить огромные силы на ханский императорский двор и на других феодалов. Не удивительно поэтому, что в пору засухи и других бедствий застенным простым монголам приходилось иногда продавать своих детей в рабство, как об этом рассказывает Юань-ши».[2]

После падения монгольской (Юаньской) династии и возвращения монголов из Китая в свои горы и степи общее оскудение культуры в Монгольском государстве, в составе которого продолжал пребывать Алтай, было выражено еще явственнее. Торговые пути заглохли, прекратились поездки купцов. Точно так же исчезли былые поселения мастеров и земледельцев. Место торговли занял грабеж. Монголы грабили и друг друга, и своих соседей, кочевых и оседлых.[3] Нужно ли говорить, что общее оскудение культуры Монгольского государства тяжелым образом сказалось на культуре кочевников и полукочевников Алтая, культурный уровень которых и без того был низким и отсталым по сравнению с не-

---

[1] Интересная специальная работа по истории монгольско-татарской политики на Руси опубликована А. Н. Насоновым под названием «Монголы и Русь» (изд. АН СССР, М.—Л., 1940); из нее я заимствую приведенную цитату Маркса.

[2] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 127.

[3] Там же, стр. 127, 128. — В историческом труде ордосского князя Санан Сецена и в известной монгольской хронике «Алтан-Тобчи» (Золотое сказание) встречаются описания походов монголов на тюркских кочевников.

которыми более ранними, упоминавшимися выше, историческими периодами.

Это культурное оскудение и отсталость алтайцев достигли своего предела в период господства на Алтае ойратских, или джунгарских, ханов.

6. Алтайцы в составе Улуса Джучия

В то время когда Алтай находился еще в сфере политического господства кара-китаев, а затем найманов, в обширных степях, тянущихся от Алтая до Крыма и Дуная, утверждается господство тюркоязычных кыпчакских племен, одна из ветвей которых, именовавшаяся кимаками, кочевала по Иртышу и в горах западного Алтая. Вследствие этого большая часть упомянутого обширного пояса степей получила наименование в арабских и персидских письменных источниках Дешт-и-Кыпчак, т. е. Кыпчакская степь.

Кыпчаки быстро распространили свое политическое влияние над кочевым и оседлым населением указанной выше обширной территории, где утвердили свое господство с конца XI по 30-е годы XIII в. К началу XIII в. кыпчаки играли видную роль и в жизни Хорезма, где во времена Плано Карпини (1240) говорили на кыпчакском языке. Конец господству кыпчаков положили монголы. Последние подчинили Дешт-и-Кыпчак уже после смерти Чингис-хана, при внуке его Батые, который в 30-х годах XIII в. основал здесь государство, получившее наименование, по имени старшего сына Чингис-хана, Улуса Джучия — в восточной литературе и Золотой Орды — в нашей.

Алтай вошел в состав Улуса Джучия. Во времена монгольского господства между Алтаем и кыпчакскими степями продолжала существовать тесная культурная связь, преимущественно через прииртышские и приобские степи, где кочевали кимаки и телеуты.

В конце XIII и начале XIV в. в результате феодальных междоусобиц Улус Джучия распадается на две части, из которых восточная, включающая степи от Волги до западной Сибири, получает наименование Белой Орды. Алтайские племена, таким образом, оказываются в составе Белой Орды. Однако феодальные распри и усобицы продолжались также и в Белой Орде и привели ее к дальнейшей раздробленности. К началу XV в. Белая Орда распалась на ряд враждующих между собой улусов. В первой половине XV в. происходит обособление ряда кочевых районов Белой Орды и на территории степей от Волги до западной Сибири образуется ряд улусов: Ногайский (во главе с ханом Едигеем), Шейбанидский (с династией чингизида Шейбани-хана) и Сибирский (с династией из дома шейбанидов). Племена Алтая находятся в это время в тесном контакте с населением Шейбанидского улуса (будущими казахами, кочевыми узбеками и т. д.), летние кочевья которого были расположены в верховьях Яика, Тобола и Иртыша, т. е. там же, где находились летние кочевья и кыпчакских племен западного Алтая (левый берег верхнего Иртыша). Кочевья Сибирского улуса, центр которого находился в районе Тюмени, лежали севернее. Контакт алтайских кочевников с Сибирским улусом через прииртышские и приобские степи также не вызывает сомнений. Однако с середины XV в., т. е. в годы могущества ойратов под главенством хана Эсеня (ум. в 1456 г.), имя которого сохранилось в фольклоре алтайцев, Алтай попадает в сферу политического влияния западных монголов, или ойратов. Дальнейшая жизнь алтайских племен протекает под игом западномонголь-

ских, или ойратских, ханов вплоть до середины XVIII в., когда южные алтайцы вошли в состав Русского государства.

Политическая история большинства племен северных алтайцев в период распадения империи Чингис-хана была связана с феодальными улусами енисейских кыргызов, *киштымами* (данниками) которых являлись мелкие лесные племена Саяно-Алтайского нагорья. В начале XVII в. они платили дань также телеутским князьям, которые находились во главе *отока* (объединения) телеутов, входившего в Джунгарское государство. Непродолжительное время северные алтайцы находились в номинальной зависимости от государства Алтын-ханов. Последнее возникло в конце XVI в., в процессе феодального раздробления Монголии на территории современной Тувинской автономной области. Во главе его находилась династия Алтын-ханов. Это ханство существовало менее столетия, но играло заметную роль в феодальных междоусобицах, которыми были охвачены восточные и западные монголы. Основателем этого ханства, или улуса, был полководец Шолай Убаши, происходивший из дома феодальных владетелей Северной Монголии, который и положил начало династии Алтын-ханов.[1]

Основным зависимым населением улуса Алтын-хана были тюркоязычные кочевые племена, ближайшие исторические предки современных тувинцев и алтайских теленгитов, обитающих в бассейне р. Чуи. В то время эти племена жили общей исторической жизнью, кочуя по горным долинам от Алтая до верховьев Енисея. В первой половине XVIII в. эти племена именуются в русских исторических документах урянхайцами. Кочевавшие в горах Алтая урянхайцы, как выяснил В. В. Радлов, называли себя *теленгет*. После исследований Радлова в нашей этнографической литературе утвердился этот термин, отражающий их самоназвание.

К концу XVII в., когда пало государство Алтын-ханов и усилилась Джунгария, северные алтайцы были вынуждены платить алман джунгарским ханам, несмотря на то, что они были уже (с первой четверти XVII в.) подданными Русского государства. В положении двоеданцев они находились до падения Джунгарии, которое произошло в половине XVIII в.

IV. АЛТАЙ В ПЕРИОД ГОСПОДСТВА ЗАПАДНОМОНГОЛЬСКИХ, ИЛИ ОЙРАТСКИХ, ХАНОВ

Тюркоязычные племена Алтая в XVII и первой половине XVIII в. находились в политической зависимости от западных монголов, или ойратов, которые со второй половины XVII в. чаще известны под именем джунгары.[2] Ойраты были объединены в обширное феодальное государство, называемое обычно в русских источниках Джунгарией.[3] Значитель-

---

[1] Н. П. Шастина. Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. Сов. востоковедение, VI, Л., 1947.

[2] По имени одного из ойратских племен (см.: Г. Гомбоев. История Убаши-хунь-Таджия. Труды Вост. отд. Археол. общ., ч. VI, 1858).

[3] В настоящее время под Джунгарией принято считать пограничную с Казахской ССР и Монгольской Народной Республикой область Центральной Азии, составляющую северную часть китайской провинции Синьцзян с городами: Синьдзян, Чугучак, Шихо, Турфан, Кульджа и др. Разумеется, это только часть той Джунгарии, которая в середине XVII в. кратковременно представляла обширную область между Алтаем, Тянь-Шанем и Балхашем.

ная часть алтайцев-кочевников, известная тогда под названиями «теленгуты», «телеуты» или «белые калмыки», составляла в Джунгарии *оток* (подразделение) в 4000 кибиток и находилась в вассальных отношениях к джунгарскому хану.[1] Они имели свою территорию для кочевания и управлялись своим князцом, носившим титул тайши и подчиненным джунгарскому хану. Первым из телеутских князцов, вступившим в официальные сношения с русскими, был тайши Абак, который в самом начале XVII в. (1604) кочевал со своими телеутами в пяти днях езды от Томска на западном берегу Оби.

Память об ойратском периоде до сего времени сохранилась у алтайцев в многочисленных преданиях и легендах об «ойротском времени» (*ойрот-хан тужында*). В них, наряду с отдельными историческими лицами, преимущественно различными ойратскими ханами,[2] выступает мифический «ойрот-хан», который, очевидно, является собирательным именем для всей династии ойратских ханов.

По свидетельству Рашид-ад-дина, монгольские племена в XII в. разделялись на лесных, обитавших в лесисто-горной местности и занимавшихся звероловством, и на степных, кочевавших по горным долинам и степям, занимавшихся скотоводством.[3] Лесные монгольские племена жили тогда у оз. Байкал, в верховьях Енисея и по Иртышу.[4]

Ойраты принадлежали к лесным монгольским племенам и говорили на монгольском языке.[5] Во время образования империи Чингис-хана ойраты, видимо, были самостоятельны. Они делились на четыре тумэна. Тумэны (от монгольского *томен* — десять тысяч) составлялись обычно из больших племенных групп, представлявших собой корпус в десять тысяч (*тьма*), и назывались по имени данной племенной группы. Ойраты управлялись своим государем по имени Хутуга-бики, который покорился Чингису и получил от него в ленное владение свои племена.[6] Войско ойратское было утверждено за ойратским государем, который назначал тысячников по своему усмотрению, но находился от Чингиса в вассальной зависимости.[7] Монголы называли ойратов олöтами, китайцы — вало, а тюрки — калмыками.[8]

До сего времени принято было думать, что ойраты представляли собой союз из четырех племен. В числе четырех ойратских племен

---

[1] Иакинф (Н. Я. Бичурин). Историческое обозрение ойратов. СПб., 1893.

[2] К подлинным историческим лицам нужно отнести, например, чороского князя Хара-Хулу, Амыр-Сану, Даваци, Галдана, Шуну и других ойратских ханов или претендентов на ханский престол.

[3] Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1, стр. 20, 52, 89—92.— Подробную библиографию и освещение этого вопроса см.: Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 33 и др.

[4] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр 33.

[5] Там же, стр. 85, 131, 135; Н. Успенский. Страна Кукэнор, или Цин-хай. СПб., 1880; Г. Миллер. История Сибири, стр. 179—180. — Акад. Бартольд указывает, что язык ойратов только диалектологически отличался от языка монголов (Киргизы, стр. 25).

[6] Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1, стр. 79; Abulgazi. Histoir des Mongols et des Tatares. Traduite par le Baron de Maison, v. II. St.-Pétersb., 1874, p. 43.

[7] Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1, стр. 108.

[8] См., например: Н. И. Веселовский. Лекции по истории монголов. Изд. Кружка ориенталистов при факультете восточных языков, СПб., 1909, стр. 95. — Ср.: P. Pallas. Sammlung historische Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften, Th. I, S. 6; Bergmann. Nomadische Streifercien unter dem Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803, Th. I. Riga, 1804—1805, S. 122—123, J. Schmidt. Geschiche der Ost-Mongolien. . . St.-Petersb., 1829, S. 60.

обычно называли Дербет, Торгут, Олют и Хошут. Это объединение западных монгольских племен вошло в литературу под названием «Ойратского союза». Однако против такого мнения выступил известный монголист акад. Б. Я. Владимирцов. В работе «Общественный строй монголов», опубликованной после его смерти, он пишет: «Из того факта, что существовало название „дербен ойрат“ — Четыре ойрата, никак нельзя сделать вывод о том, что был союз ойратский.[1] Такое название выражало числовое объединение тумэнов ойратских, которые составлялись из больших племенных групп. С течением времени ойратов стало значительно больше, чем в век Чингиса (XIII в.) и Юаньской (монгольской) династии в Китае, но название Четыре ойрата удержалось за ойратами по традиции, как это было и с рядом аналогичных численных названий монголов. Позднее ойраты так же, как и восточные монголы, представляли собой конгломерат различных племен (улус), тумэнов и отоков, образовавших феодальные сеньерии».

Акад. Владимирцов доказывает, что у ойратов уже со времени Чингис-хана общественным строем был феодализм.

«После изгнания монгольской династии из Китая (1368 г.) в конце XIV и начале XV в. мы застаем ойратов на новых местах, где их не было в век Монгольской империи. Из своих родных лесов они выходят на степь и начинают кочевать по Алтаю и по прилегающим к нему степям и горным пространствам. Из народа лесного, полуохотничьего, полукочевого они превратились в настоящих степных номадов. Это изменение в хозяйственном отношении должно было укрепить насажденный у них Чингис-ханом феодализм, развившийся под сильным влиянием патриархальных родовых отношений, так как ойраты долго сохраняли родоплеменные деления и другие признаки родового строя. В XV в. во главе ойратской феодальной лестницы стоит тайши и феодально ему подчиненные два чинсана. Уже из этих терминов вытекает, что ойратская аристократия не отличается по своему происхождению от монгольской, восточномонгольской».[2]

Ойратская аристократия не была покорена восточномонгольскими князьями, когда последние были изгнаны из Китая. Возобновляется борьба между князьями восточных монголов и западных ойратов,[3] в результате которой ойраты, объединенные князем Махалу из племени Чорос, заметно усиливаются. А при внуке Махалу, тайше Эсэне, объявившем себя хаганом, ойраты занимают господствующее положение в Центральной Азии. Они наносят поражение китайским войскам, осаждают Бейпин и берут в плен китайского императора (1449). Однако победа эта не остается закрепленной: несколько лет спустя (1456) Эсэн был убит одним из своих вассалов; краткая гегемония ойратских князей в Центральной Азии заканчивается. Ойраты вновь выступают в видной роли на политической арене уже во второй половине XVII в., когда они делают попытку к созданию общемонгольского государства. В этот исторический период ойраты и известны чаще под именем «джунгары».

Еще в начале XVII в. чороский князь Хара-Хула ведет борьбу за объединение ойратов. Но уже в 1620 г. глава торгутов Хо-Орлок, родиной которого был Алтай, видимо по причине раздора с Хара-Хулой,

---

[1] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 156—157.

[2] Там же, стр. 149.

[3] Эта борьба имела в основе соперничество князей из дома Чингиса и мелких князей из степной аристократии (Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 147—148).

откочевывает от Ямышевской крепости (на р. Иртыше) в верховья р. Тобола и обнаруживает там русских. Хо-Орлок остается здесь, найдя выгодным не обострять отношений с соседями.

Политику объединения ойратов продолжал и сын Хара-Хулы, Баатур, именовавший себя *кан-тайши* (русск. — кон-тайша). Занятый усилением своей власти Баатур первое время устанавливает хорошие отношения с царскими воеводами. Он разрешил русским вывозить соль с Ямышевского озера, возвращал беглецов от царского ясака (например барабинских татар в 1628 г.). Однако, когда Баатур добился главенствующего положения среди ойратских феодалов и усилился, он изменил свое отношение к русскому освоению Сибири и сам стал собирать дань с барабинских татар, с которых в это время брали ясак царские воеводы.[1]

После смерти Баатура (1653) наиболее успешно политику создания общемонгольского государства продолжал его сын Галдан. Галдан при жизни отца воспитывался в Тибете у Далай-ламы. В 1671 г. Галдан вернулся на родину и объявил себя ханом. Он вмешался в междоусобия между халхаскими феодалами Дзасакту-ханом и Тушету-ханом, разбил халхасов и едва не подчинил себе всю Монголию, но в это дело вмешалось маньчжурское правительство Китая. Увидев угрозу своим границам, оно присоединило к себе в 1688 г. Халху, т. е. кочевья восточных монголов.[2] В течение 1696 г. Галдана неоднократно подстерегали недолюбливавшие его дальние родственники князья Аюки и Эрке Бату, намереваясь убить его, но все их попытки были безуспешны.

Галдан умер в 1697 г. (хоронили его сожжением, кости собрали в урну). Ему наследовал Цэван-Рабтан, к которому было послано известное русское посольство, возглавлявшееся капитаном от артиллерии Иваном Унковским.[3]

При Цэване-Рабтане Джунгария достигла могущества. Были покорены Старшая и Средняя казахские орды и ряд городов восточного Туркестана: Кашгар, Аксу, Турфан, Яркенд и др.

Джунгария была разгромлена китайцами в 1756 г.

Джунгария представляла собой феодальное государство с развитым государственным аппаратом. В Джунгарии были города, населенные ремесленниками; при Галдане чеканились медные деньги.[4]

В течение XVII в. здесь на основе западных монгольских наречий сложился ойратский литературный язык, был выработан вертикальный алфавит, в котором слова пишутся сверху вниз, а строки идут слева направо.[5]

---

[1] Для защиты Барабинской степи в 1692 г. русскими властями были построены остроги: Уртамский, Умревинский, Бердский, а в первой четверти XVIII в. основаны крепости: Омская, Семипалатинская, Усть-Каменогорская, защищавшие от джунгаров Колывано-Воскресенские рудники и заводы.

[2] В принятии этого подданства монгольскими ханами видную роль сыграло воздействие на них первого ургинского хутухты.

[3] Н. И. Веселовский. Посольство к Зюнгарскому хун-тайчжи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии И. Унковского... Зап. Русск. Географ. общ. по Отд. этнографии, т. X, вып. 2, 1887. — Унковский пишет: «Под его контайшиным владением обретаются разные народы, а именно: его настоящий народ, именуемый зюнгары (т. е. джунгары-ойраты, — *Л. П.*), киргизы, урянхайцы, теленгиты, мингаты, каюты, кошеуты, эркенские бухарцы... буруты, которые около озера Тускел кочуют, барабинцы» (стр. 193).

[4] Монеты были из красной меди, круглые, с клеймом, с надписями на монгольском языке.

[5] Алфавит для ойратов был составлен в 1648 г. ученым монахом Зая-Пандитой на базе монгольской письменности.

Джунгария имела армию. В составе вооружения армии была артиллерия: около 20 чугунных и медных пушек, длиной до 2 аршин, без лафетов и колес. Возили пушки на верблюдах и стреляли из них с лежачих верблюдов. Наши документы XVII в. отмечают среди джунгарских воинов «пищальных стрелков» (вооруженных фитильными ружьями), «пансырников», «куяшников», «лучников» и «копейщиков».[1]

По свидетельству исторических документов, в Джунгарии в XVIII в. были зачатки металлургии, основанные на умении и труде беглых русских мастеров из Колыванских заводов. Так, в одном из документов сообщается: «Ефим Вяземский в Еркене плавил серебряную руду. Иван Михайлов плавил в Урге медную руду и лил пушки».[2] Они же делали и некоторые медные предметы буддийского культа.

Господствующим народом в Джунгарии являлись ойраты, или джунгары, кочевавшие со стадами в горных местах страны. Их кочевья были раскинуты от оз. Зайсан на севере до рек Юлдуса и Таласа на юге. По р. Или кочевали чоросы, по Таласу и Иртышу — дорбэты. Калмыки вели скотоводческое хозяйство, отличавшееся слабой технической вооруженностью. Известное значение в их хозяйственной жизни имела охота. Земледелие было развито крайне слабо. Оседлые поселения и земледельческое хозяйство заводили только крупные удельные князья, жившие к северу от Тянь-Шаня (например на р. Или). Поля обрабатывались трудом пленных бухарцев. К югу от Тянь-Шаня жило оседло бухарское население, подчиненное джунгарам. Бухарцы занимались земледелием, скотоводством. Они умели приготовлять хлопчатобумажные ткани, вели обширную торговлю в Азии. Бухарские купцы проникали и на север России, например в Архангельск, а также в Иркутск, Кяхту.

На севере Джунгарии, особенно на Алтае, жили тюркоязычные племена, которые вели скотоводческий и звероловческий образ жизни, питаясь молочными продуктами, мясом зверей и корнями диких съедобных растений, и платили дань джунгарскому хану. Расселялись эти племена следующим образом. На северо-западе, в отрогах Кузнецкого Ала-Тау, в бассейнах рек Кондомы и Мрассы и по среднему течению р. Томи обитали шорцы. В старинных русских документах они известны более под общим наименованием «кузнецкие татары» (также: «кузнецкие люди»), а детальнее под названиями: абинские, мрасские, кондомские и верхтомские татары. У Фишера верхтомские татары названы керзалами.[3] По

---

[1] Дополнения к «Актам историческим», т. XIII, 1873, стр. 42.

[2] Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. Чтения, кн. 1-я, 1867, стр. 130 и 141. — Поручик Федор Аблязов, возвратившийся из Джунгарии по выполнении секретного задания, в рапорте от 16 декабря 1745 г. на имя полковника Павлуцкого по этому поводу сообщил о четырех российских мастеровых, в том числе о Ефиме Вяземском и Иване Михайлове, что они «в местечке Табак Темурляне, коей за рекой Илей от Большой Урги день езды... завели завод и копают руду, пробурят буром и насыпают пороху и от того-де вырывает из земли руду, и плавят-де медь, и сделаны-де меха и дуют водой, и делают-де трубы и тазы ламинские, да делают же де бомбы, что насыпают в них пороху и запаляют фитилем и несет ее кверху высоко и разорвет; и у них-де топоры и весь завод своим мастерством сделан, а пища-де им идет весьма довольная, а работают-де у них по другой год по три тысячи человек, да по четыре тысячи быков... и в Иркене-де другой завод завели» (Сборник историко-статистических сведений о Сибири, т. IV, вып. 1, 1875, стр. 38).

[3] Сходное название носила, видимо, часть верхних кумандинцев, о которых сказано будет дальше. В Барнаульском архиве я нашел дело «Об устройстве кочевых инородцев Кумандинской волости», где в прошении от 15 сентября 1906 г. от верхних кумандинцев говорится, что верхние кумандинцы состоят из четырех сеоков, именно: керзалов, солу алтон, ере (дело № 142, связка 18). Керсагальская волость упоми-

соседству с шорцами, начиная от верховьев рек Кондомы и Лебеди и в бассейне среднего течения р. Лебеди (правый приток р. Бии), жили челканцы. По обеим сторонам р. Бии, почти от современного г. Бийска и до устья р. Лебеди, жили нижние и верхние кумандинцы, которых Гельмерсен в первой четверти XIX в. ошибочно принял за телеутов.[1] В землях нижних кумандинцев находилась Саганская переправа через р. Бию, в 30 верстах от Бийска, через которую ездили джунгарские сборщики дани на Кондому и Мрассу. Выше от кумандинцев, по р. Бии и ее некоторым левым притокам, вплоть до половины Телецкого озера, были расселены тубалары. Они уже с первой половины XVIII в. в русских исторических документах делились на четыре волости: Кузенскую, Комляжскую, Тергешскую, или Кергежскую, или Кергешскую, и Южскую.[2] Волости Кергешская и Комляжская изображены в атласе Семена Ремезова, составленном в 1701 г. Наименование этих волостей произошло от основных родов, составлявших каждую волость. Южская волость получила название по наименованию рода Юз. По преданию, сеок Юз произошел от рода Комдош, составлявшего основное население Комляжской волости.

Впервые Южская волость упоминается в документах 1745 г. Она располагалась по р. Сары-Кокше (левый приток Бии). Кузнецкая волость находилась по соседству с Кумандинской, выше последней по р. Бии. Следующей волостью, расположенной еще выше (в 22 верстах от истоков Бии), была Комляжская волость. У самых истоков Бии по обоим берегам Телецкого озера до его половины, гранича с телесами, находилась Тергешская, или Кергежская, волость. По рекам Майме, Ише (правые притоки Катуни) и между ними по правому берегу Катуни кочевали тау-телеуты (горные телеуты).[3] Мундусская волость упоминается вместе с Тотошской в документе 1643 г.[4] Они названы здесь захребетными и показаны от Комляжской в «шти днищах больши». Поименованы обе, несомненно, по названию многочисленных родов Мундус и Тодош. В конце XIX в. половина населения, относящаяся к роду Тодош, жила по р. Кану и у Кенгинского озера, а значительная часть (34.3%) по рекам Чарышу, Черному и Белому Аную. На южном побережье Телецкого озера, выше Кергежской волости, по р. Чулышману обитали

нается на р. Катуни (в документах XVII в.) в нижнем течении, где кумандинцы жили вплоть до XIX в. включительно и подверглись полному обрусению (Дополнения к «Актам историческим», т. VII, стр. 339). В 1674 г. в Керсагальскую волость был послан из Кузнецка конный казак Тимошка, который доехал до «керсагальских татар» на третий день. Из документа видно, что в пределах этой волости протекала р. Бия (Дополнения к «Актам историческим», т. VI, стр. 317). Таким образом, жители этой волости обитали от р. Бии на запад до нижнего течения р. Катуни, т. е. на местах расселения современных кумандинцев, включая совершенно обруселых.

[1] Г. Гельмерсен. Телецкое озеро и телеуты восточного Алтая. Горн. журнал, № 1, 1840.

[2] Рапорт Кузнецкого воеводы Шапошникова от 10 августа 1745 г. (Чтения, кн. 4-я, 1866). Журнальная записка рудоприемщика Петра Шелегина, заведующего правительственной экспедицией к Телецкому озеру в 1745 г., хранилась в архиве г. Барнаула в фонде Колывано-Воскресенских горных заводов (Дело Алтайского округа, № 32, за 1745 г., связка № 12). Упоминания как о ясашных волостях о Кузенской и Комляжской (Козляжской) находятся уже в документах 1643 г. См.: Г. Миллер. История Сибири, т. II, стр. 486—489.

[3] Тау-телеуты, как и их наиболее многочисленные роды (Мундус, Найман), упоминаются в дорожном дневнике Н. Спафария (1675) (Н. В. Арсеньев. Зап. Русск. Географ. общ. по Отд. этнографии, т. X, вып. 1, 1882, стр. 69) и на чертеже 20-м Ремезовского атласа. См. также: А. Титов. Сибирь в XVII в. М., 1890, стр. 50.

[4] Г. Миллер. История Сибири, т. II, стр. 486—489.

телесы.[1] В верхнем течении р. Оби и по ее некоторым притокам (Чарышу, Алею, Чулыму и т. д.) кочевали просто телеуты, или, как их обычно именовали в то время русские, белые калмыки,[2] составлявшие, как указано выше, особый *оток* (подразделение) в Джунгарии. Часть телеутов в промежутке между 1658 и 1665 гг. переселилась к г. Кузнецку, где и осталась жить постоянно.[3] В горной части Русского Алтая жили алтайцы и теленгиты. Русские в XVIII в. называли их либо канскими и карокольскими калмыками (тех, которые кочевали в верховьях Катуни, Чарыша, по р. Кану и около оз. Каракол), либо урянхайцами (кочевали между верховьями р. Бухтармы по р. Нарыму и по левому притоку Иртыша — Аблайкетке).[4]

Во главе Джунгарии стоял хан — феодальный сюзерен, номинальный собственник всех земель, входящих в состав государства. В вассальной зависимости от него находились знатные князья — *тайши*, владевшие пожизненно и наследственно уделами. Население было закреплено за своими владельцами. Более мелкими, так сказать мелкопоместными, феодалами-дворянами являлись *зайсаны*. Они в свою очередь находились в феодальной зависимости от более крупных сеньоров — *тайджи*, или тайши. Зайсаны стояли во главе аймаков; они были самостоятельными распорядителями земель и населения своего аймака.[5] Зайсаны, видимо, являлись и наместниками хан-тайши в своих землях. Они руководили военными действиями, сносились с русским пограничным начальством. Аймаки сохраняли довольно древнее деление в административном отношении и делились на группы в 40 аилов (*дёчин*) и 20 аилов (*хорин*). Это деление было заимствовано от ойратов алтайцами.[6]

Джунгарские феодалы всех рангов являлись злейшими эксплоататорами зависимого от них трудящегося населения — скотоводов и охотников. Эксплоататорский строй был закреплен в Джунгарии особым законодательством, дошедшим до нас в виде «Монголо-ойратских законов 1640 г. и других уложений».[7] Эти законы отражают классовую структуру общества, покоящегося на частной собственности, и направлены к закреплению за эксплоататорским классом политических и экономических прав. Из этих законов следовало, что трудящиеся в Джунгарии

---

[1] Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. Чтения, кн. 4-я, 1866, стр. 88—89. — Телесская волость как ясашная волость упоминается в документе 1679 г. (Дополнение к «Актам историческим», т. VII, стр. 42); объясачена впервые в 1633 г.

[2] Гр. Спасский. Телеуты или белые калмыки. Сиб. вестник, 1823; Н. И. Веселовский. Посольство к Зюнгарскому хун-тайчжи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии Ив. Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 гг. Зап. Русск. Географ. общ. по Отд. этнографии, т. X, вып. 2, 1887, стр. 83, 123, 136, 193; А. Титов. Сибирь в XVII в., стр. 80, Дополнение к «Актам историческим», т. VII, стр. 332; Г. Миллер. История Сибири, т. I, стр. 312—412; Сибирские летописи. Изд. Археограф. комиссии, СПб., 1907; Описание Сибири, стр. 383.

[3] В 1679 г. этих выезжих белых калмыков требовал «выслать на прежние их житья» джунгарский хан Галдан-Кегень, угрожая в противном случае разгромом Кузнецкого уезда, но телеуты остались на месте, и угрозы джунгарского контайши повисли в воздухе (Дополнения к «Актам историческим», т. VI, стр. 42).

[4] Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. Чтения, кн. 4-я, 1866; кн. 2-я, 1868. — У К. Риттера они названы горными калмыками, в географиях XIX в. — алтайскими калмыками. Иногда для них употреблялся и термин «порубежные калмыки».

[5] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 156, 179.

[6] Там же, стр. 170. — У алтайцев было деление на дючины.

[7] Там же, стр. 19—22 и др. (Там же и библиография уложений).

являлись крепостными своих феодальных владельцев.[1] Все земли и пастбища населения находились в полном распоряжении феодалов. Феодальный владелец по своему усмотрению мог переводить своих людей на новые места, определять кочевья. В любой момент он мог отобрать пастбища или другие земли, занятые его крепостным населением. Скот находился в собственности крестьян-скотоводов, которые вели индивидуальное хозяйство и платили феодалам натуральный оброк. Трудящийся находился в личной зависимости от феодала; он не мог уйти от своего владельца, это строго каралось законом. Напротив, феодал мог распоряжаться зависимым от него населением по своему усмотрению. Он мог передать, подарить своего крепостного другому владельцу, дать в приданое дочери. Крепостной должен был выполнять в отношении своего владельца *албан,* или *алман,*[2] т. е.: 1) платить оброк скотом или продуктами скотоводческого хозяйства; 2) выполнять при кочевье владельца различные работы, например заготовлять топливо, т. е. выполнять своего рода барщину; 3) служить в ополчении феодала и принимать участие в облавных охотах; 4) нести подводную повинность и содержать проезжающих посланцев феодала; 5) участвовать в качестве свидетеля в судебных процессах и давать присягу.

Джунгарские феодалы имели свой служебный аппарат и военные дружины. В их же руках находилось судопроизводство. Для чиновников джунгарских феодалов имелись следующие названия: *даруга, джасагул, демчи, шуленгэ.* Отсюда алтайские термины: *тарга* (встречается в преданиях и означает ойратских чиновников, собиравших дань — *албан*), *ясаул* (у северных алтайцев — помощник *башлыка*), *демичи* (помощник зайсана), *шуленги* (сборщик податей).

Таким образом в Джунгарии был эксплоататорский строй, при котором трудящиеся скотоводы и охотники жестоко эксплоатировались светскими и духовными феодалами и были лишены всяких политических прав, находились на положении крепостных.[3]

Племена Алтая платили джунгарским феодалам албан, или алман, пушниной, железными изделиями и скотом. Шорцы платили алман «соболями и железом всяким деланным».[4] Кроме железа, они уплачивали алман иногда и ячменным толокном (*талкан*).[5] Разумеется, в уплату алмана шли не только шкурки соболя, но и шкурки других пушных зверей. Посланцы телеутского князца Табунки Кокина, подчиненного джунгарскому хану, будучи в шорских волостях, по р. Кондоме, в 1674 г. «имали на себя алманы ячменем и соболями, и всяким зверем, и железом, и кожами красными и из тех кондомских волостей сплыли к себе в улус».[6] Кумандинцы платили алман железными изделиями и пушниной. Еще в 1713 г. ханский чиновник Дюренг собирал алман с куман-

---

[1] Дальнейшее изложение феодального режима джунгар-ойратов даю по исследованию Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» (гл. II, раздел VI — «Феодальный режим», стр. 158—173). Все документальные источники, послужившие материалом для данной главы, приводятся у Б. Я. Владимирцова в сносках.

[2] Слово *албан* означало у монгольских феодалов — служба, повинность.

[3] У ойратов на положении владетельных феодалов были и монастыри и духовные лица (Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 186).

[4] Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. Чтения, кн. 4-я, 1866, стр. 67; Сборник кн. Хилкова, стр. 192 (документ от 1622 г.).

[5] Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии за 1865 г. Православное обозрение, № 1, 1866.

[6] Дополнения к «Актам историческим», т. VII, стр. 332.

динцев по «шти соболей с человека».[1] Когда об этом узнали в Кузнецке, то немедленно послали боярского сына Григория Рыхлевского с заданием прогнать сборщиков, так как кузнецкие воеводы в это время считали кумандинцев своими «ясашными людьми». Дюренг был вынужден бежать «до их приезду за три дня и покинул он, Дюрень, с нижней Кумандинской волости 660 белок подпалей, кошлока, 3 черевеси бобровые, 66 котлов железных, 109 таганов, шестеры стремена, железа конские (удила, — *Л. П.*)». Кроме того, Дюренгом было собрано в алман и увезено «900 стрелных железцов (наконечники к стрелам, — *Л. П.*), 100 железниц, 2 пятна конских (тавра, — *Л. П.*), 2 комзы (т. е. трубки, от слова *кангза, — Л. П.*) и 60 ковшей железных».[2] В 1745 г. кумандинцы платили с человека джунгарскому «контайше по котлу и по тагану».[3] Челканцы, по преданию, платили алман джунгарскому *дарге* (даруге — чиновнику) по имени Токпокбий также железными изделиями и пушниной. Собранный алман Токпокбий отправлял на лодках вниз по рекам Лебеди и Бии.[4] Челканцы фигурируют в рапорте Кузнецкого воеводы Шапошникова (1745) как двоеданцы, платящие дань России и Джунгарии.[5]

Тубалары южские, кергешские, комляжские платили джунгарскому контайше по котлу и железному тагану с человека и одновременно платили ясак соболями России. Горные телеуты (тау-телеуты) платили контайше по пять соболей с человека. Давали алман джунгарскому хану и «телеутские татары» (телесы), кочевавшие около устья Чулышмана.[6] Южные алтайцы, кроме скота, давали в алман палочки *казырган,* вырезанные из кустарника черной кислицы (Ribes atropurpureum Kit.). Каждый алтаец должен был платить двенадцать таких палочек, совершенно прямых, длиною в аршин. Джунгары снимали с этих палочек кожу в виде трубочки и натягивали ее на остов деревянной стрелы.[7] Казыргановая стрела являлась дальнобойной.[8]

Алман джунгарскому хану был для рядовых алтайцев очень тяжелой повинностью, иногда разорявшей их. Сбор алмана производили специальные чиновники — даруга[9] (по алтайским древним преданиям — *тарга*). Они чинили большие насилия над алтайцами: грабили имущество, разоряли жилища, убивали и уводили в неволю население. По преданиям

---

[1] Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. II. СПб., 1885, стр. 313.

[2] Там же.

[3] Из журнальной записки рудоприемщика Шелегина.

[4] Предание записано мной летом 1836 г. в улусе Курмач-Байгол, расположенном по р. Байголу (приток Лебеди).

[5] Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. Чтения, кн. 4-я, 1868, стр. 89.

[6] По сведениям рудоприемщика Шелегина.

[7] Предание записано алтайским писателем П. В. Кучияком от старика Тонтока (сеок Тодош) в селении Яконур, Усть-Канского аймака.

[8] Казыргановые стрелы были известны и тувинцам. В тувинских песнях, записанных Н. Ф. Катановым (Образцы народной литературы тюркских племен, т. IX. Изд. В. Радлова, стр. 17), упоминается казыргановая стрела. В «Словаре алтайского языка», составленном В. Вербицким, имеется слово «казырган», переведенное как «черная кислица» (стр. 115).

[9] По свидетельству Б. Я. Владимирцова, у монголов, в том числе и западных, т. е. ойратов, даруга находился в распоряжении сеньоров отоков, являвшихся вассалами по отношению к джунгарскому хану. Так как телеуты составляли собой оток в 4000 кибиток, следовательно являли собой и самостоятельную хозяйственную единицу, имели свою территорию для кочевания, своего владельца с правом, переходящим по наследству (наследственный удел), то телеутский князь, предводитель отока, посылал своих чиновников, даруга, для сбора алмана.

алтайцев, тарга всегда ездили с отрядами вооруженных людей. Это подтверждают исторические документы. «Сборщики дани, — рассказывают старики алтайцы, — носили в правом ухе, наподобие серьги, особый знак — маленький железный посеребренный таганчик», служивший эмблемой алмана, собираемого с алтайцев железными котлами и таганами. В коллекциях Государственного Музея этнографии в Ленинграде имеется такой таганчик, приобретенный на Алтае у тубаларов в 1926 г.[1] При помощи вооруженных отрядов джунгарские чиновники осуществляли насилия и жестокости над мирным населением алтайцев. Свидетельств тому можно немало встретить в русских исторических документах. Так, например, в 1644 г. князьки Итеберской волости (вероятно, сеока Четтибер), находившиеся на р. Кондоме, сообщили русскому воеводе в г. Кузнецк: «А иные, государь, калмыцкие люди контайшина улуса по Кондоме и по Мрассе... ясашных людей грабят, всякой живот и всякое разное железо».[2] В 1696 г. к томскому воеводе поступило сообщение от жителей Тюлюберской волости: «Приказывал-де к ним в Тюлюбери белых калмыков князец Кока Абаков (сын телеутского князя Абака, часто упоминаемого в документах, — *Л. П.*), велел-де им Битюгечку, да Бучайку приехать к себе в улус от Тюлюберской волости с ясаком. А только-де... они дней в 7—8 в калмыки не приедут, а Кока-де хочет приехать со своими улусными людьми к ним в Тюлюбери, и ячмень у них, татар, хочет выжечь и их, тюлюберских татар, хочет пограбить и побить».[3] Притом князец Кока требовал от северных же алтайцев вносить ему ясак пушниной по пять соболей с человека. В документе 1675 г. рассказывается, как сборщики алмана проплыли вверх по р. Бии на одиннадцати лодках в Кумандинские волости, «а назад-де они плыли и те лодки у них насыпаны полны ячменем, а им-де, ясашным людям, Кумандинские волости утеснение большое учинили, что было ячмени поотнимали без остатку».[4] Отсюда следует, что население по р. Бии после сбора алмана было обречено на голод. Документ 1718 г. свидетельствует о жестокости джунгарского чиновника телеутского князька Манзу, который «во всех ясачных волостях с ясачных татар велел готовить на контайшу алман, всякому человеку по 30 полиц куяшных, да по 30 стрельных железцов, по два горшка железных, по наковальню, по 2 молота да по клещам, и в подгорной, Забийской волости людям угрожали: буде выше помянутого алмана всего не изготовят и за то их ясачных хотел перевешать и хлебы их пожечь и о том в Кузнецке от них ясачных иноземцев есть многие избиты»;[5] далее приводится список избитых. В документе 1710 г. рисуется картина сбора алмана от имени джунгарского хана телеутским тайшей Байгороком.[6] Здесь снова под-

[1] Коллекция № 4332.

[2] Сибирский приказ, кн. № 136, д. 475. — Цитаты и ссылки из «Сибирского приказа» приводятся мною по книге С. А. Токарева «Докапиталистические пережитки в Ойротии» (Соцэкгиз, 1936).

[3] Там же, кн. № 252, л. 161. — Тюлюберская волость находилась на левом берегу Томи, преимущественно по р. Колтарале, выше г. Кузнецка. Жители ее по образу жизни были сходны с кузнецкими телеутами. Около 1720 г. они были обращены в христианство.

[4] Дополнения к «Актам историческим», т. VII, стр. 339—340.

[5] Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. II, 1885, стр. 319.

[6] О Байгороке как князе телеутского народа и вассале джунгарского контайши есть упоминание в путевом журнале Ив. Унковского (см.: Н. И. Веселовский. Посольство к Зюнгарскому хун-тайчжи Цэван-Рабтану... Зап. Русск. Географ. общ. по Отд. этнографии, т. X, вып. 2, 1887, стр. 19, 134, 165, 167, 216, 221). — См. о нем также и челобитную в «Памятниках Сибирской истории XVIII в.» (кн. II, 1885, стр. 295—296).

черкнута характерная черта сбора алмана — насилие и жестокость чиновников-сборщиков. Документ перечисляет жестокости Байгорока: «Ясачных иноземцев чеоктонов улус 6 юрт разбил, и ясачного татарина Чеоктона поймал, у живого глаза велел выколоть, и ременья из спины вырезали, и повесили на дерево».[1]

С приведенными указаниями исторических документов согласуются и предания алтайцев о жестокости джунгарских чиновников. В предании, записанном мною у тубаларов, говорится: «Если случалось, что кто-либо не был в состоянии внести алман, такого человека за неисправность наказывали, т. е. садили возле юрты тарги и надевали на него железный таган. В таком положении провинившийся сидел сутки. На следующий раз с него алман брали за 2 года».[2] По другому преданию, записанному П. В. Кучияком от своего деда Копшагая, джунгарские чиновники за неплатеж алмана заковывали алтайцев в деревянные колодки (*талку*).[3]

Приведенные сведения, между прочим, полностью опровергают вымысел алтайских националистов, утверждавших, что в «ойратское, или джунгарское, время» на Алтае царил «золотой век». При этом они обычно ссылались на «народные» предания об Ойрот-хане. Крайне тяжелое положение рядовых алтайцев при джунгарских ханах, обрисованное выше, националисты замалчивали, выдавая его за «счастливую жизнь». Нетрудно догадаться, кому может принадлежать авторство подобных «народных» преданий алтайцев.

Указания на тяжесть феодальных обложений ойратских ханов нередко можно встретить и в опубликованном эпосе алтайцев. Напомню, что герой эпической сказки «Мадай-Кара» жалуется, что его разорил налог. То же самое говорится в сказке «Караты-хан», в сказке о Когутэе, в предании о шамане Чабаш из рода Очы и т. д.[4] В подлинно народном эпосе гнет ойратских, или джунгарских, феодалов, естественно, не мог не отразиться. Однако националисты не пожелали этого заметить и ссылались на фальсифицированные баями предания об Ойрот-хане, выдавая их за народный эпос. Основными сведениями о культуре и быте алтайцев в ойратский, или джунгарский, период может служить собрание документов, извлеченных в свое время Г. Н. Потаниным из Омского архива и опубликованных им в «Чтениях Общества истории и древностей российских» без всяких примечаний и пояснений. Этот материал хорошо увязывается с материалами различных легенд и преданий, записанных мной во время этнографических поездок к различным племенам Алтая в период 1925—1941 гг.

При рассмотрении культуры и быта племен Алтая, как в период подчинения их Джунгарии, так и позднее, необходимо отличать племена северного Алтая (шорцы, челканцы, кумандинцы, тубалары) от племен южного Алтая (теленгиты и собственно алтайцы), ибо между ними имеются существенные различия в культуре, языке, хозяйстве и быте.

---

[1] Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. II, 1885, стр. 310.

[2] Записано от П. И. Тодыжекова в селении Пуучак Тюшкенекского сельсовета Чойского аймака.

[3] Колодки (*талку*) применялись зайсанами алтайцев, жившими по р. Чуе в ее бассейне, и в XIX в. в качестве орудия наказания. Сохранившийся экземпляр такой колодки имеется на выставке в музее Горно-Алтайска.

[4] Н. Я. Никифоров. Аносский сборник. (Собрание алтайских сказок). Зап. Зап.-Сиб. отд. Русск. Географ. общ., кн. XXXVI, Омск, 1918, Когутэй. Алтайский эпос. 1935; А. В. Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев, стр. 128.

Главным занятием племен северного Алтая являлась охота на зверя.[1] Предания передают, что на крупных зверей алтайцы охотились коллективно при помощи загородей — больших деревянных сооружений, которыми преграждали путь обычного сезонного хода копытного зверя. В загородях устанавливались проходы, где ставили петли и насторожи-вали самострелы. Часто зверя промышляли ловчими ямами, которые устраивались также коллективно на звериных тропах и искусно маскиро-вались. Охота ловчими ямами была наиболее распространенной, так как луки имелись лишь у редких и искусных охотников. Пушных зверей ловили деревянными ловушками.

Вторым важным и характерным для племен северного Алтая заня-тием было изготовление железных изделий: предметов быта (котлы, таганы, трубки, ножи, ковши, удила конские и т. д.), предметов воен-ного и охотничьего снаряжения (панцыри, шлемы, копья, сабли, нако-нечники к стрелам и т. п.) и земледельческих орудий — *абыла* (мотыги). Племена северного Алтая умели добывать и плавить железную руду. Особенно славились умением «делать всякое кузнецкое дело» шорцы. В наказе кузнецкому воеводе Е. Баскакову от 1622 г. говорится: «А около Кузнецкого острогу на Кондоме и на Брассе (Мрассе, — *Л. П.*) реке стоят горы каменные великие и в тех горах емлют кузнецкие ясач-ные люди каменья, да то каменье разжигают на дровах и разбивают молотами намелко, а разбив, сеют решетом, а просеяв, сыплют по-немногу в горн, и в том сливается железо, и в том железе делают пан-сыри, бехтерцы, шеломы, копьи; рогатины и сабли и всякое железное, опричь пищалей, и те пансыри, и бехтерцы продают колмацким людям на лошади и на коровы и на овцы, а иные ясак дают колмацким людям железом же».[2]

Существенное значение для хозяйства племен северного Алтая имело мотыжное земледелие, а также собирание стеблей и корней диких съедобных растений.

Мотыжное земледелие этих племен, с карликовыми посевами, кратко описано также в цитированном выше документе 1622 г., где сказано про шорцев: «Живут они в горах, а на горах растет всякий лес, и тот лес расчищают, пашут пашни, сеют пшеницу, ячмень и конопли».[3] Выраже-ние «пашут пашни» нужно понимать в смысле обработки пашни моты-гами, ибо даже более поздние документы, описывающие подробнее это земледелие, называют кирку, или *абыл*, «чем землю копают», т. е. мо-тыгу, единственным земледельческим орудием. Около половины XVIII в. алтайцы окрестностей Телецкого озера сеяли яровой хлеб и табак, причем землю копали кирками.[4] В это время челканцы, кумандинцы и шорцы верховьев Кондомы сеяли исключительно ячмень. Разный яровой хлеб, в том числе и ячмень, и даже горох сеяли в Кузнецкой и Кергежской,

---

[1] Г. Миллер. История Сибири, т. I, стр. 421, 433, 436. — Извлечение из руко-писи Плаутина «Рукописное описание инженера Плаутина, посланного в 1745 г. в северный Алтай для описания местности, населенной шорцами, челканцами, кумандинцами и тубаларами» приводится Г. Н. Потаниным в его рукописи, хранящейся в Архиве Всесоюзного Географического общества.

[2] Гр. Спасский. Сиб. вестник, ч. VII, 1819, стр. 141; Сборник кн. Хилкова, стр. 191.

[3] Сборник кн. Хилкова, стр. 191.

[4] Г. Н. Потанин. Путешествие к Телецкому озеру в 1742 г. геодезиста Шиш-кова. Томск. губ. ведомости, № 1, 1859; он же. Материалы для истории Сибири. Чтения, кн. 4-я. 1866.

а также в нижне-кондомских волостях.[1] О незначительной величине посевов можно судить как по технике такого земледелия, так и на основании прямых указаний некоторых исторических документов. Плаутин в своем описании также указывает по отношению к кумандинцам на недостаточность их земледелия. Вполне естественно поэтому, что при таком масштабе земледелия в питании племен северного Алтая существенное значение имели дикие съедобные растения. Предания шорцев, челканцев и тубаларов изобилуют указаниями на питание «в ойратское время» корнями этих растений.

Из шорских преданий видно, что весной они собирали корни пеона (Paeonia anomala L.), затем их высушивали, растирали на ручной мельнице и делали из них лепешки или кашицу. При этом отмечается, что выживали только те шорцы, которые заготовляли на зиму корни пеона, зарывая их в землю в целях сохранности.[2] Челканцы также запасали на зиму корни пеона. Они варили их перед употреблением три раза (чтобы уничтожить ядовитость), высушивали, растирали в муку, смешивали с ячменным толокном и делали лепешки. Кроме того, они заготовляли кедровый орех, который толкли вместе со скорлупсй, смешивали с толокном и делали из него колобки (*токчок*).

В хозяйственной жизни северных алтайцев имело значение и рыболовство, которым занимались в летнее время. Рыболовство являлось важным подспорьем в летнем питании. Значение рыболовства подчеркивается обычаем челканцев и тубаларов, зафиксированным преданием, давать в качестве калыма непременно лодку и рыболовную сеть длиною в одну сажень. Скотоводством северные алтайцы не занимались. По данным первой половины XVIII в., все они держали только лошадей, которых обычно выменивали, наряду с другими видами скота, у южных алтайцев.

Промышленность у шорцев носила исключительно домашний характер и была представлена, как указано выше, различными железными изделиями. Особенно славились в этом отношении шорцы верховьев Кондомы и ее притока Мундыбаша. Они занимались также выделкой шкур козули, сбывая их южным алтайцам (для дох) в порядке натурального обмена. Из дикой конопли и крапивы племена северного Алтая плели рыболовные сети. Лодки делали из целого куска дерева, выдалбливая его.

Главным занятием южных и западных алтайцев было скотоводство. Имеется известие о разведении алтайцами лошадей, коров, овец, верблюдов. О разведении ими в это время сарлыков (яков) источники не упоминают.

Скотоводство южных алтайцев носило кочевой характер. Как сказано в одном из документов середины XVIII в., алтайцы, «по застарелому своему извычаю, к зимним временам для скота сена никогда не заготовляют».[3] Скотоводство в это время находилось в состоянии упадка. Скота было мало.

Алтайцы под управлением зайсана Гулчугая кочевали летом в верховьях рек Бухтармы, Берели и Нарыма, а зимой на Иртыше и его правом притоке Аблайкетке. Алтайцы, жившие по долине Бухтармы и по

---

[1] По данным инженера Плаутина (см. сноску к стр. 118).

[2] Подробнее см. в моей работе «Очерки по истории Шории» (стр. 80).

[3] Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. Сообщение начальника Колывано-Воскресенской военной линии. Чтения, кн. 4-я, 1866, стр. 94.

речкам, текущим в Иртыш с Калбинского хребта, а также около Усть-Каменогорска (русские документы половины XVIII в. именуют их урянхайцами), находились под ведомством зайсана Бабая. По р. «Хыйрлуку» (видимо, Каерлыку) находились кочевья алтайцев зайсана Наамкы; по р. Катуни, выше впадения р. Семы, были стойбища алтайцев зайсана Боохола. Кочевьями распоряжался, видимо, главный зайсан Омбо, находившийся в постоянном сношении с русским пограничным начальством. Сам он жил обычно по р. Кану, кочуя также по р. Ябогану и верховьям Чарыша. Алтайцы, жившие по рекам Кану, Чарышу, Ябогану и близ Кеньгинского озера, были в его ведении. Алтайцы, жившие зимой около Кеньгинского озера, уходили летом в долины рек Ябогана и Кана. В Канской степи кочевал и телеутский зайсан Бату-Менко, который иногда упоминается в документах вместе с зайсаном Омбо.[1]

В жизни южных (включая и западных) алтайцев имела большое значение охота на копытного зверя. Западные алтайцы охотились преимущественно на маралов (Cervus canadensis asiaticus Sev.) и козуль (Capreolis pygargus Pall.). Насколько важное значение имело для них это занятие, видно из того, что они кочевали со своими небольшими стадами вслед за маралами и козулями, которые уходили на зиму из Алтая на левый берег Иртыша в Казахскую степь, а весной возвращались. Выше Усть-Каменогорска была их переправа. Здесь их подкарауливали на правом берегу Иртыша алтайцы, а на левом — русские казаки, устраивая загороди, выкапывая ловчие ямы.

Алтайцы верховьев и левобережья Катуни охотились также на соболей, лисиц, сохатых. Соболя много промышляли в верховьях Кана и Чарыша. В ноябре и позднее, зимой, алтайцы даже выходили из пределов Алтая в предгорную степь, прилегающую к Алтаю с севера, промышляя козуль, уходивших в эти районы, и сурка.

Земледелие существовало в небольшом размере и в верховьях Катуни, по р. Семе (левый приток Катуни) и по долине Нарыма. Сеяли ячмень, пшеницу и яровую рожь. Документ 1748 г. по этому поводу отмечает: «На р. Семе пашни пашут против прежнего весьма с удовольствием; не токмо тутошние обыватели, но из дальних мест на то место многие приезжают».[2] Здесь, как и у северных алтайцев, собирали в пищу корни и стебли диких съедобных растений: «Иные урянхайцы (алтайцы, — *Л. П.*) бывают пешие и питаются сараною (Lilium martagon L., — *Л. П.*) и марьиным корнем (пеоном, — *Л. П.*)».[3] Заготовка некоторых корней производилась в конце лета. Калмычка, побывавшая у телеутов, объявила (30 августа 1757 г.) в Катунской крепости, что «теперь все телеуты находятся на разных местах для снискивания себе для пропитания корней сараны».[4] Алтайцы, выселившиеся с Алтая в район Кузнецка между 1658—1665 гг. и известные русским больше под названием телеутов, были звероловами и скотоводами. Выселенцы, однако, осели и в первой половине XVIII в. перешли к земледелию, засевали пшеницу, овес, рожь.

Таким образом северные и южные алтайцы различались по способу добывания средств к жизни, по способу производства материальных благ.

---

[1] Сборник статистических сведений о Сибири, т. II, вып. 1, 1875, стр. 43. — Столетием раньше по р. Кану кочевал джунгарский тайши Матур Самарганов (упоминается в документах 1676 г.).

[2] Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. Чтения, кн. 4-я, 1866, стр. 82.

[3] Там же, стр. 101.

[4] Там же стр. 98.

У северных господствовали пешая таежная охота и подсобные ей мотыжное земледелие и летнее рыболовство, но отсутствовало скотоводство. У южных алтайцев преобладали кочевое скотоводство и горно-степная охота. У первых важным элементом производства было изготовление различных железных изделий, у вторых — выделка войлоков.

Это естественно выросшее различие в способе производства материальных благ между северными и южными алтайцами, соприкасавшимися в расселении, вызвало среди них взаимный обмен продуктами производства, носивший в описываемое время характер натурального обмена. Наиболее ранние сведения о натуральном обмене алтайцев содержатся в упомянутом выше наказе от 1622 г., где говорится, что шорцы «пансыри и бехтерцы продают колмацким людям на лошади и на коровы и на овцы. . .».[1] В 1641 г. московское правительство даже рекомендовало следить, чтобы шорцы «куяков и шапок железных и копей и рогатин и никакой ратной сбруи и черным и белым калмыкам и киргиским и саянским людям не продавали и на лошади и на скотину не меняли». Шорцы, жители Мрассы и Кондомы, в ответ на это указали на полную необходимость «им, ясачным людям, куяки и шапки железные и всякую ратную сбрую черным и белым (калмыкам) и киргиским, и саянским людям продавать и на лошадей менять, тем-де мы ясачные люди живем».[2] И действительно это было так. Русские казаки, ходившие в то время на Мрассу и Кондому, доносили, что «ясачные люди кондомские и мрасские приготовили на продажу черным и белым калмыкам больше двух тысяч куяков и шапок железных против того же».[3] Из «Рукописного описания. . .» офицера Плаутина видно, что шорцы верховьев Кондомы и ее притока Мундыбаша обменивали приезжавшим южным алтайцам котлы, таганы, топоры, абылы и выделанные шкуры козули на лошадей, собольи меха и волчьи шкуры, шубы овчинные и лосиные. В это время в Кузнецком Ала-Тау соболя стало меньше, и для уплаты его в ясак шорцам приходилось приобретать собольи шкурки у южных алтайцев, приезжавших из верховьев Чарыша и Кана. Кроме того, алтайцы из района р. Кана приезжали к кумандинцам, тубаларам и шорцам «для смены тулупов и войлоков на котлы и железные абылы, чем землю копают».[4]

Алтайцы верховьев Катуни, управлявшиеся в 1760-х годах зайсаном Долдоем, летом перекочевывали на реки Ябоган и Кан, где они вели натуральный обмен с кочевавшими здесь канскими алтайцами, управлявшимися теперь зайсаном Кувшином. Они привозили хлеб, табак, серу горючую и железо и обменивали на соболей, лисиц, лосины и проч. «Канские алтайцы из той селитры и серы сами делали порох, а из железа ковали пули».[5]

По имеющимся документам трудно судить о форме этого натурального обмена, ибо об этом документы умалчивают. Однако весьма воз-

---

[1] Сборник кн. Хилкова, стр. 191.
[2] Сибирский приказ, кн. № 136, л. 350—351.
[3] Там же, л. 352.
[4] Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. Рапорт казаков Шорохова и Пойлова и рапорт кузнецкого воеводы Шапошникова, 1745. Чтения, кн. 4-я, 1866, стр. 72, 73, 85.
[5] Показания урянхайца Чеобу Хорина. Там же, стр. 113—114. — Порох алтайцы приготовляли сами и позднее, см.: Г. Геблер. Замечания о Катунских горах, составляющих высочайший хребет русского Алтая. Горн. журнал, ч. II, 1836, стр. 439; Гр. Спасский. Путешествие к алтайским калмыкам в 1806 г. Сиб. вестник, 1819.

можно, что бытовала форма такого обмена, которая позднее (в первой половине XIX в.) была зафиксирована у чулышманских телесов. Известный миссионер телеут М. В. Чевалков рассказывает об этом в своих записках следующими словами: «Намереваясь побывать в этих юртах (на берегу Чулышмана, — *Л. П.*) для торговли, мы расположились на дресве (на песчаной отмели, — *Л. П.*) недалеко от них и сварили чай. Из юрты подошли к нам два человека — старик и старуха. Поздоровавшись с нами, спросили, какой у нас товар. Я ответил: „Даба, полотно, а также есть соль“. Они сказали „Берите товар и заходите к нам в юрту“, и мы принесли товар в юрту, а старик принес войлок на две одежды и положил это возле нас; положивши это возле нас, он из моего товара взял две лощины (синее лощеное полотно, — *Л. П.*) и положил в передней стороне юрты. Я, не зная их обычаев, спросил у него: „Сколько вы даете за эти два куска полотна?“. Они сказали: „Ты, вероятно, еще не торговал в этих местах и не знаешь торговых обычаев здешних жителей. За эти два куска лощанки я отдал тот войлок, который положил возле тебя. У наших жителей таков обычай, что когда начинают торговать, то делают это молча и не спрашивают о цене, но про себя оценивают товар и обмениваются“».[1]

В натуральном обмене племен Алтая принимали участие и джунгарские сборщики алмана, которые привозили из Урги на северный Алтай для мены ткани хамы и выбойки, т. е. хлопчатобумажные ткани, и лощеную бухарскую бумажную ткань с рисунками.

Южные алтайцы вывозили в рудники и русские крепости, например в Гольцовский, Чакырский рудники, в Ямышевскую и Семипалатинскую крепости,[2] пушнину и скот для обмена. Так, за годы 1747—1752 из Алтая от канских и каракольских алтайцев было вывезено в Ямышев и Семипалатинск: соболей — 131, лисиц — 22, рысей — 4, волков — 18, корсаков — 6, овчин — 255, мерлушек — 40. За это же время в Бикатунскую крепость и Чакырский рудник было вывезено из Алтая для обмена: лошадей — 794, крупного рогатого скота — 3590 и овец, — 900.[3]

Русские казаки, приезжая к алтайцам, привозили иногда для обмена китайку, т. е. простую бумажную ткань, и иголки.[4] Проживавший в Колыванской крепости купец Густоквашин «променивал им иглы, гребни, мишуру, ленты, зеркала и нитки».[5] К алтайцам также приезжали из Джунгарии бухарские купцы для продажи бумажной ткани, называвшейся в Сибири иркетчиной (по названию джунгарского города Яркенда), которую они променивали алтайцам на скот, а скот продавали русскому населению.[6]

Кумандинцы и шорцы вели обмен также с соседними русскими крестьянами, выменивая у них хлеб, как сообщает об этом Плаутин.

---

[1] М. В. Чевалков. Памятное завещание. (Биографические записки). Православный благовестник, № 13, 1894, стр. 200.

[2] Ледебур встречал алтайцев, приезжавших с целью обмена, в Риддеровском руднике.

[3] Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. Чтения, кн. 2-я, 1868, стр. 51—61.

[4] Рапорт казахов Шорохова и Пойлова. Там же, кн. 4-я, 1866, стр. 72, 73.

[5] Там же, кн. 2-я, 1868, стр. 103. — Еще в годы путешествия Гмелина алтайцы верховьев Чарыша появлялись для обмена товаров в Колывани (A. Gmelin. Reise durch Sibirien, Bd. I, S. 294).

[6] Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. Чтения, кн. 2-я, 1868, стр. 103.

Южные алтайцы часто ездили в Усть-Каменогорскую крепость для мены маральих шкур.

Бытовые условия рядовых алтайцев в описываемый период были довольно примитивны. На северном Алтае, по преданию челканцев, подтвержденному наблюдениями некоторых путешественников XIX в., постоянным жилищем являлась землянка. Строилась она так: сначала рыли яму, потом ставили столбы, клали перекладины и жерди, покрывали все берестой и сверху еще дерном. В крыше делали окошечко, которое зимой закрывали льдиной. По середине землянки был глиняный очаг, над которым спускалась с крыши труба, сплетенная наподобие рыболовного снаряда из прутьев тальника и обмазанная глиной.

У южных алтайцев жилищем служила кошемная кибитка, или юрта, и, видимо, конусообразный легкий шалаш из жердей, крытый корой или кошмой.[1]

О характере поселения южных алтайцев имеется прямое указание, относящееся к 1758 г.: «Кочевку имеют таким образом: ежели все бойцы в кибитках, то местах в двух или в трех, по разности, но близко друг от друга, а как де куда на промысел или для воровства лошадей отправляются, то и совокупятся все кибитки в одном месте, а как прибудут оные обратно, то-де и паки разойдутся врозь».[2]

Письменные источники содержат отдельные указания на пищу и одежду племен Алтая в первой половине XVIII в. Северные алтайцы питались мясом убитых зверей, толокном из ячменя, корнями и стеблями диких съедобных растений. Мясо они ели даже в полусыром виде. Драгун Давыдов рассказывает в своем донесении, что, проезжая через Тау-Телеутскую волость, он видел в одной юрте, как хозяин ее, «сидя у огня, пек сырое мясо; недопекши, резал ножом, ел, из которого по рукам текла кровь».[3]

Южные алтайцы питались молочными продуктами и мясом домашнего скота. Их начальники, зайсаны, ели баранину и пили кирпичный чай.

В отношении одежды имеются сведения только для южных алтайцев. Рядовые алтайцы носили штаны и куртки из выделанной наподобие замши кожи марала, бараньи шубы и куртки из меха козули, шерстью наружу.[4] Благодаря особому способу выделки шкур, при помощи натирания печенью, эти шубы не боялись сырости, всегда сохраняли теплоту и вообще были хорошо приспособлены к суровому климату с обилием летних осадков.

У зайсанов одежда шилась из тканей: черной, желтой, лазоревой и других цветов. Наиболее распространенными видами ткани были камка, бязь, китайка, холст. Шубы зайсанов покрывались китайской шелковой материей и опушались дорогим мехом, например выдрой.

Спали зайсаны на белых постельных кошмах.

Из средств передвижения документы упоминают верховую и вьючную лошадей и лыжи.[5]

---

[1] Оба вида жилища упоминаются в документах первой половины XVIII в.

[2] Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. Показания выбегшего бухаретина Наруза. Чтения, кн. 4-я, 1866, стр. 113.

[3] Там же, стр. 105.

[4] Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. Рапорт Павлуцкого и письмо зайсана Боохола от 1757 г. Чтения, кн. 4-я, 1866, стр. 99, 100.

[5] Рапорт прапорщика Ширяева от 1760 г. Там же, стр. 113.

Из предметов домашнего обихода южных алтайцев упоминаются котлы железные, скребки для выделки шкур, корнекопалки (*капарули*), тюковки, топоры, ножи, седла, путы для лошадей, ножницы для овец.[1] Ножницы имелись почти в каждой кибитке.

Из оружия у южных алтайцев были распространены лук и стрелы в колчанах (*сайдаках*). Лук ценился дороже лошади.[2] Упоминается и огнестрельное оружие — ружья (*турки*), стрелявшие чугунными пулями. Из доспехов часто говорится о кольчуге.[3] В эпосе алтайцев, в котором фигурируют имена исторически известных ойратских ханов или князей, из оружия упоминаются еще копья — одноконечные (*иначыда*) и трехконечные, пики (*межелик*) и сабли (*кылыш*).

Алтайцы, жившие по рекам Кану и Чарышу на вершинах высоких гор, выкладывали из камня защиты и бойницы, «где они от монголов и казахских батырей отлеживались».[4] Остатки подобных укреплений сохранились до наших дней в различных районах. В Эликмонарском районе остатки старинного укрепления были обнаружены мною в 1926 г. по р. Куюму, на горе Шибе (близ аилов семьи Кучияковых). В этом укреплении на вершине горы, по сохранившемуся преданию, алтайцы отсиживались во время набегов казахов. В пещерах, находящихся в укрепленной зоне горы, были найдены куски берестяной колыбели, угли, кости овцы. Вал от крепости (Шибе) еще недавно был заметен по р. Чуе у скалы Бичикту-кая.[5] Остатки старинного укрепления отмечены также между Чибитом и Кураем,[6] на р. Шибе, притоке Катуни (на пути от Катанды к устью Чуи). На правом берегу Телецкого озера, против мыса Артал, от старинного укрепления еще недавно сохранялись каменные стены.[7]

В источниках имеются указания на существование калыма у южных алтайцев. Калым за невесту платили натурой. Если жених умирал, калым возвращался родственникам покойного. Богатые люди, зайсаны, давали за невесту большой калым, в уплату которого шли самые разнообразные вещи, скот и даже зависевшие от зайсанов люди. Так, например, зайсан Бурут, женив своего сына на дочери зайсана Кутука, заплатил следующий калым: «1 маленькая девочка, 1 ружье, 56 коров, меринов 7, выдра 1, яргак (доха из козули шерстью наружу, — *Л. П.*), волк, желтой камки 1 аршин (шелковая китайская ткань с разводами, — *Л. П.*), кобыла 1, лошадь 1, годовой бык, баран, туш бараньих 6, шуба китайская, полукафтанье камчатное, китайки 2 конца, белых холстов 2 конца, сапоги, 2 аршина черной камки, белых мерлушек 10, чемодан юфтевый, постельные белые кошмы».[8]

Относительно северных алтайцев столь подробных сведений нет, но здесь представляют большой интерес предания о калыме, бытовавшем

---

[1] Рапорт Павлуцкого и письмо зайсана Боохола. Там же, стр. 81, 99, 100, 110.
[2] Письмо зайсана Боохола. Реестр. Там же, стр. 100.
[3] Показания выбегшего бухаретина Науруза. Авг. 1759. Там же, стр. 112.
[4] Рапорт прапорщика Ширяева. Там же, стр. 113.
[5] Н. М. Ядринцев. Древности, т. IX, вып. II—III, стр. 196. — Легенда об этой крепости записана В. И. Верещагиным (Алтайский сборник, IX, 1908, стр. 26, 27).
[6] Россия, т. XVI, стр. 531.
[7] Н. М. Ядринцев. Древности, т. IX, вып. II—III, стр. 190—191 и 202. — Паласс заметил остатки каменного укрепления по р. Ревенная (приток Гольцовки в б. Змеиногорском округе).
[8] Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. Чтения, кн. 4-я, 1866, стр. 105.

«в ойротское время», которые мне в разных местах сообщили старики. По преданию челканцев и тубаларов, в период господства джунгаров калым за невесту платили. Но так как тогда не было денег, то калым исчисляли в единицах *подо,* или *бодо.*[1]

У челканцев в единицу подо входили долбленая лодка и сеть из кендыря (дикая конопля) длиною 3 аршина. Затем у них же к одному подо приравнивались две палочки (*кый*) длиной от груди до конца вытянутой руки взрослого мужчины, на которые нанизаны сушеные тушки зверька *сыирган* (сеноставка — Ochotona alpina Pall.). Кроме того, единицу подо составляла берестяная коробка, наполненная колобками (*токчок*), приготовленными из толченого кедрового ореха, смешанного с толокном. Объем коробки значения не имел, а мерилом был ее вес. Вес колобков для одного подо должен был составлять столько, сколько мог поднять их в заплечной ноше сидящий человек, поднимаясь с земли на ноги, придерживаясь за топор, воткнутый в пень. Решето табаку здесь также составляло подо. Съедобные же корни, мясо зверей, кроме упомянутого сыиргана, в подо челканцев не входили.

В уплату за калым у челканцев требовалось отдать три подо: 1) лодку с сетью, 2) сушеное мясо сеноставки, 3) колобки из кедрового ореха. Кроме того, зять обязывался доставлять систематически родителям жены мясо зверей, убитых им на охоте. В последнем обычае следует видеть пережиток матрилокального брака, когда муж был обязан доставлять пищу родственникам — сородичам жены. Челканцы утверждают также, что «в ойратское время» у них не было обычая давать с невестой приданое и что это обыкновение возникло недавно, т. е. уже в период подданства их России.

У тубаларов с единицей подо тоже были связаны определенные натуральные предметы, точнее — продукты, идущие в уплату калыма. Таковыми являлись: 1) сушеное мясо сеноставки, нанизанное на палочки, 2) колобки из кедрового ореха, 3) снизки сушеных клубней кандыка (Erythronium dens canis L.) и луковиц сараны. Здесь также зять был обязан добывать мясо зверей для тестя. Однако старики тубалары утверждают, что у них «в ойротское время» существовал не только калым, но и приданое невесты (*кыстын енчизи*), состоявшее из мотыги корнекопалки (*озуп*), одежды, постели, посуды. Кстати заметим, что уплата калыма кореньями диких съедобных растений, по сообщению китайской летописи, существовала уже в VI в. среди уйгурского поколения Дубо, обитавшего между верховьями Енисея и оз. Косоголом. У Дубо богатые «при свадьбе давали лошадей, а бедные приносили оленьи кожи и саранные коренья».[2]

В письменных документах XVIII в. есть указания и о религии алтайцев. Несомненно, что они были шаманистами, верившими в различных духов, почитавшими священные горы, огонь, сносившимися с духами через посредство шаманов, через устройство камланий, сопровождавшихся кровавыми жертвоприношениями. В подтверждение сказанному можно привести, например, сообщение бригадира Бэера генералу Киндерману от 23 марта 1745 г., где говорится: «По р. Ине, в 3-х днях езды от Колыванского завода есть сопка Хайрхан, на которую ходят урянхайцы по своей вере вверх молиться». Имеется также сообщение,

---

[1] *Подо* происходит от монгольского *бодо.* Бодо — единица счета домашнего скота. Монголо-русский словарь. Л., 1939, стр. 253.

[2] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений. . ., I, стр. 439.

мер, в 1709 г. зайсан Духар сжег близ Кузнецка восемь подгорных деревень; в 1710 г. была сожжена Бикатунская крепость. Особенно прославился своими набегами на русских зайсан Омбо. В 1743 г. отряд Омбо убил шесть русских купцов, проезжавших через Алтай в Джунгарию.[1]

Пленных рабов зайсаны употребляли для работы в личном хозяйстве, продавали их, дарили, давали в калым и т. п. Так, например, старшины-демичи зайсана Гулжугая продали в 1756 г. русскому переводчику тобольскому толмачу Девятияровскому мальчика и девочку за «2 быка, 2 кирпича чаю, кожу красную и четверик крупы». Сержанту Ердыкееву старшины Янкаш и Добхур подарили «раненую бабу с сыном, для пропитания в вечное услужение». В 1756 г. эти же старшины-демичи подарили капитану Траунбергу «в вечное услужение мальчика и девочку», капитану Долгову — мальчика, регистратору и переводчику Девятияровскому — «бабу» с двумя малолетними сыновьями. Телеутский зайсан Бату-Менко подарил поручику Степанову «колмычонка».[2] Кроме того, в старинных русских документах часто встречается указание, что у зайсанов «показано по несколько холопей». Так, например, у демичи Хохая, кочевавшего по притоку Иртыша — р. Аблайкетке, по данным 1759 г. видно, что в 20 кибитках, кочевавших с ним лично, было 28 «холопей». У зайсана Омбо показано восемь «холопей», и т. д.[3]

При всей скудости известий по поводу социальных отношений среди алтайцев в период владычества Джунгарии все же несомненно, что положение рядовых алтайцев, задавленных гнетом джунгарских, или ойратских, феодалов, было весьма тяжелым. Многие из них, спасаясь от голодной смерти, ютились около русских крепостей. Характеризуя положение этих алтайцев, каптенармус Долбилов сообщает: «А питаются у кого есть дичинное мясо, иные, ходя поблизости в крепости, собирают милостыню, работают у русских людей по их умению, и теми русскими людьми бывают питаемы, и так до дачи провианта пробавляются».[4]

Такое крайне тяжелое положение алтайцев еще более ухудшилось в конце 40-х и начале 50-х годов XVIII в. Дело в том, что после смерти хана Галдан-Цэрена среди джунгарских феодалов вспыхнули крупные междоусобия. Этим обстоятельством воспользовалось маньчжурское правительство Китая, давнишний враг Джунгарии, и в 1755 и 1756 гг. Джунгария была уничтожена императорскими войсками Китая. Войска прошли через нее с огнем и мечом, истребляя население и сжигая жилища. Они вторглись в Алтай. Алтайцы стали искать спасения у русских соседей.

В связи с наступлением китайских войск бегство джунгар и алтайцев к русской военной линии приняло массовый характер.

---

[1] Письмо к джунгарскому хану Галдан-Чирину от тобольского губернатора Сухарева от 10 января 1744 г. и Лист к зенгорскому владельцу, отправленный через Ямышев из Тобольска, от 29 апреля 1751 г. Чтения, 1866, кн. 4, стр. 121—127 и 71—72. См. также: Наши сношения с джунгарскими владельцами. (Документы архивные из Пограничного управления сибирских киргизов). Сборник историко-статистических сведений о Сибири, т. II, вып. I и II, СПб., 1875.

[2] Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. Письмо к капитану Траунбергу от ноября 1756 г. Чтения, кн. 1-я, 1867, стр. 158—159.

[3] Показания выбегшего бухаретинца Науруза. Авг. 1759 г. Донесение полковника Колобового. Там же, кн. 4-я, 1866, стр. 92—93, 112.

[4] Рапорт каптенармуса Долбилова. Там же, стр. 91.

Разгром ойратов китайцами в 1755—1756 гг. Часть картины Цзяе-Бин-чженя.
(Конец XVII—начало XVIII в.).

Разгром ойратов китайцами в 1755—1756 гг. Другая часть картины Цзяе-Бин-чженя.

V. ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЛТАЙЦЕВ

В связи с кратким обзором политической истории алтайских племен необходимо рассмотреть вопрос об этническом происхождении алтайцев.

Проблема этногенеза тюркоязычных племен Алтая в этнографии народов Сибири относится к числу наиболее трудных и неразработанных. Несмотря на то, что Алтай с давних пор привлекал внимание ученых, его истории коснулись только два ученых — В. В. Радлов и Н. А. Аристов, и то не специально, а, можно сказать, попутно.[1] В. В. Радлов высказал мнение, что Алтай является древнейшей родиной тюркских племен, и полагал, что изучение тюркоязычных племен Алтая, которому он посвятил ряд лет, может пролить свет на вопрос о происхождении тюрков вообще и их быта в древний период. Другой исследователь, Н. А. Аристов, также исходил из того, что Алтай является прародиной тюрков вообще. Рассматривая происхождение и этнический состав всех тюркских племен и народностей, он уделил некоторое внимание и южносибирским тюркским племенам, в том числе алтайцам, как южным, так и северным. Н. А. Аристов высказал предположение, что южные алтайцы являются потомками гаогюйских племен, именовавшихся в китайских источниках также термином «теле». Относительно северных алтайцев он поддержал мнение Радлова, что это отуреченные енисейские остяки (кеты) и самоеды.

Отсюда следует, что попытка выяснить специально происхождение алтайцев предпринимается по существу впервые. Я делаю это вопреки пессимистическому утверждению В. Радлова: «Едва ли окажется когда-либо возможным разрешить вопрос о происхождении древнейших обитателей Сибири».[2] Приведенное мнение крупного специалиста навеяно бессилием буржуазной науки в решении сложных и трудных исторических проблем. Решение таких задач по силам только советской исторической науке, вооруженной методом диалектического материализма, опирающейся на гениальные исследования классиков марксизма. Особенно большой вклад в изучение проблем этногенеза внес своими исследованиями И. В. Сталин. Его труды по национальному вопросу, учение о нации и особенно новый труд «Марксизм и вопросы языкознания» заложили прочную теоретическую основу для разработки вопросов происхождения того или иного народа. Напомним такие плодотворные творческие идеи и положения И. В. Сталина, как определение процесса исторического развития языка от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным; указание на необходимость изучать язык «в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»,[3] на то, что в процессе исторического развития племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались, на характер скрещивания языков, когда один из языков выходит победителем, и др. Опираясь на идейно-теоретическое богатство классиков марксизма, советские этнографы и историки разработали не только методологию, но и методику этногенетических

---

[1] Образцы народной литературы тюркских племен, т. I. Изд. В. Радлова, СПб., 1866; W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I и II; Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей... Живая старина, вып. III и IV, 1896.

[2] W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. II, S. 143.

[3] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

исследований. Одним из основных достижений в этом отношении нужно признать комплексное привлечение различных исторических источников: лингвистических, археологических, этнографических, антропологических, письменных, фольклорных, данных топонимики и т. д. Только всестороннее использование различных исторических источников дает прочную фактическую основу для решения вопросов о происхождении того или иного народа и позволяет при помощи научного исторического анализа выяснить эти трудные и сложные вопросы.

Выяснение вопросов происхождения алтайцев целесообразно вести раздельно по двум крупным группам (определяемым по географическому признаку): южной и северной, так как между ними существуют весьма резкие различия по языку, культуре и быту, а также и в антропологическом типе.

К южной группе относятся собственно алтайцы, теленгиты, телесы; к северной — шорцы, челканцы, кумандинцы и тубалары, хотя среди последних в языке и в особенностях культуры и быта, да и в антропологическом типе, прослеживаются отдельные элементы, характерные и для южной группы алтайцев. Это можно объяснить географическим положением тубаларов, находящихся на границе между северными и южными алтайцами, что способствовало возникновению культурно-исторических связей и смешению тубаларов с южными алтайцами.

Общеизвестно, что южные алтайцы в лингвистических классификациях тюркских языков относятся к той группе, в которую входят также киргизы, казахи, часть узбеков (поселившаяся на территории современного Узбекистана в связи с распадом Улуса Джучия в начале XVI в., при Шейбани-хане, и до революции часто называвшаяся кочевыми узбеками), башкиры, тобольские и барабинские татары и др. Эта группа тюркских языков именуется северо-западной, или кыпчакской, вследствие того, что современные тюркоязычные народности, говорящие на языках и диалектах данной группы, по своему языковому происхождению связаны с тюркоязычными племенами и народностями, входившими в политическое объединение под главенством кыпчаков — половцев русских летописей, или команов византийских письменных источников. Северные алтайцы по признакам, положенным в основу классификации, относятся к другой, так называемой северо-восточной группе тюркских языков, которую по основному ее языку именуют еще уйгурской.

Различия в формах хозяйства, культуры и быта южной и северной групп алтайцев весьма велики. Этнографическое своеобразие южных и северных алтайцев сложилось на различной материальной основе и в различных географических условиях (в пределах Горного Алтая). Этнографические особенности культуры и быта южных алтайцев выросли, как мы видели, на базе кочевого и полукочевого пастбищного скотоводства, в то время как у северных алтайцев они вырабатывались в течение многих столетий на основе пешей охоты на зверя, таежного рыболовства, мотыжного земледелия и собирания диких съедобных растений. У южной и северной групп алтайцев наблюдается резкое различие в форме, конструкции и материале жилища и одежды, в характере и способе приготовления пищи, в средствах передвижения, в устном народном творчестве и изобразительном искусстве, в нравах и обычаях, в обрядах и культе.[1]

---

[1] На эти различия указано в ряде моих работ. См., например, книгу «Разложение родового строя у племен северного Алтая», а также настоящую работу.

Наконец не вызывают сомнения и большие антропологические различия между южной и северной группами алтайцев. Южные алтайцы, так же как тувинцы, буряты, монголы, якуты, относятся нашими советскими антропологами к наиболее монголоидной, так называемой центральноазиатской, группе населения Сибири. У северных алтайцев монголоидность основных антропологических признаков выражена гораздо слабее; у них наличествуют европеоидные признаки; они относятся, вместе с рядом угорских и самодийских народностей, к уральской группе.[1] Таким образом северные алтайцы, особенно шорцы и кумандинцы, по измерительным и описательным признакам обнаруживают общность антропологического типа не с южными алтайцами, а с обскими уграми — хантами и манси. Следовательно, раздельное рассмотрение вопросов происхождения и этнического состава южных и северных алтайцев отнюдь не диктуется удобством научного анализа, а является необходимым по существу.

Наиболее ранние данные о физическом типе древнейших насельников Горного Алтая дает палеоантропологический материал из древнейших алтайских погребений. Он свидетельствует, что во II и I тысячелетиях до н. э. на Алтае жило население древнего европеоидного облика, резко отличное от монголоидного физического типа современных южных алтайцев. По физическому типу и общности культуры эти древнейшие насельники были родственны населению Минусинской котловины и, видимо, относились к той группе племен, которые в китайских источниках именовались динлинскими. Известное фундаментальное исследование С. В. Киселева «Древняя история южной Сибири» на большом археологическом, в том числе и палеоантропологическом, материале вполне убедительно решает вопрос о физическом типе и характере культуры динлинов.

Проникновение монголоидного физического типа в Горный Алтай относится к середине I тысячелетия до н. э. Оно усилилось, видимо, с гуннского времени. Есть все основания предполагать, что монголоидное население, проникавшее в Алтай, как об этом говорят археологические памятники, через Туву и северо-западную Монголию, было преимущественно тюркоязычным, что совершенно бесспорно уже для VI в. н. э. Палеоантропологический материал дает полную возможность зафиксировать физическое смешение монголоидных пришельцев с динлинскими племенами. Скрещение монголоидных племен с местными динлинами, разумеется, не ограничивалось физическим смешением. Наоборот, в большей степени оно проявлялось в отношении культуры и языка. Нет никакого сомнения в том, что уже в первых веках нашей эры тюркские языки на Алтае оказались победителями. Кроме того, анализ археологических памятников Алтая последних веков I тысячелетия до н. э. и первых веков н. э. устанавливает для этого периода наличие культурных связей и контакта алтайских племен с кочевническим населением Средней Азии, видимо с массагетскими племенами (юэджи китайских источников) и племенами, обитавшими на территории степей современной западной Сибири, Семиречья, южного Приуралья.[2] Необходимо предположить и взаимное смешение тех и других, что, конечно, влияло на этнический состав населения Алтая и усложняло его. Следовательно, уже наиболее ранние данные об этническом составе древних алтайцев свидетельствуют об их

---

[1] Г. Ф. Дебец. Антропологические исследования в Камчатской области. М., 1951, стр. 71, 119.

[2] См. об этом в исследовании С. В. Киселева «Древняя история южной Сибири».

сложном и разнородном происхождении и не подтверждают предположения об этнической чистоте тюрков Алтая, как не подтверждают и другого предположения, высказанного Радловым, что Алтай является прародиной тюрков, поскольку, согласно антропологическим данным, монголоидные тюрки лишь постепенно сменяют местные динлинские племена.

Господство монголоидного физического типа в Горном Алтае устанавливается только в первые века нашей эры, что вполне согласуется со свидетельством китайских летописных источников об обитании на Алтае тюркоязычных племен (теле, тугю, кыпчаки и т. д.). Этнический состав населения Горного Алтая становится известным с VI в., когда возникает тюркский каганат. Происхождение последнего связано с тюркоязычными племенами Алтая, которые, по данным китайских летописей, входили в две большие группы: теле и тугю.[1] Оба приведенных термина обозначают собирательное название для группировок алтайских племен.

Из них тугю, как сказано, создали новое военно-административное объединение, первым каганом которого был Тумынь. Военно-административный и политический центр тюркского каганата вскоре же был перенесен в Монголию. Узкие горные долины и степи Алтая, бедные зимними пастбищами, не могли обеспечить содержание огромных стад многочисленной кочевой знати тюркского каганата. Обширные степи Монголии были более подходящими для этого. Вероятно, именно этим и объясняется то обстоятельство, что местопребывание господствующей и правящей аристократической верхушки больших, но обычно временных военно-административных объединений кочевников в восточной части Центральной Азии как до тюркского каганата, так и после него находилось преимущественно в Монголии.

Тюркоязычные племена Алтая и прилегающих к нему районов, составившие ядро тюркского каганата, не представляли единой народности, а отличались довольно пестрым этническим составом, причем непостоянным и довольно неустойчивым. Этнический состав алтайских тюрков не мог быть устойчивым в тех исторических условиях, ибо этому препятствовали прежде всего отсутствие экономической общности, прочной государственной власти и кочевой быт. Будучи объединены общей политической властью тюркских каганов, племена Алтая и прилегающих к нему районов, входившие в объединение «тюрк», по существу жили своей обособленной жизнью. Они говорили на собственных языках и диалектах, — правда, родственных между собой, — и имели собственные этнические наименования; кроме того, они различались в отношении некоторых обычаев и религиозных обрядов. Наконец они часто находились во враждебных отношениях, совершая взаимно вооруженные набеги с целью захвата добычи и пленников. О взаимных вооруженных набегах племен теле и тугю неоднократно говорится в китайских источниках. Организация походов, набегов с целью грабежа и захвата пленных составляла основу политики кочевой аристократии тюркского каганата, как и других подобных военно-административных объединений кочевников.[2] В этих условиях в различных частях тюркского каганата постоянно возникали и распадались (в зависимости от успехов или неудач организаторов) временные мелкие и крупные группировки различных племен и родов, отражавшие

[1] Термин «теле» относился к кочевническим племенам, жившим и далеко за пределами Алтая.

[2] Причины, порождавшие такую политику, вскрыты в исследовании С. В. Киселева «Древняя история южной Сибири» (стр. 505).

стремление кочевой верхушки к захвату богатств и власти. Но это также приводило к тому, что различные племена и роды (или группировки их) постоянно дробились и расходились, смешивались и скрещивались. Возникновение и распадение таких временных родо-племенных объединений облегчалось простотой производственной структуры и экономической жизни кочевников, о чем сказано выше.

Обращаясь к выявлению этнического состава алтайцев периода тюркского каганата, необходимо иметь в виду прежде всего динлинский этнический элемент. Динлины, если применить это название китайской летописи к дотюркскому населению Алтая, с течением времени совершенно ассимилировались в среде тюркоязычных алтайских племен, утратив свой язык и восприняв тюркский. Однако динлинские племена внесли в монголоидную по антропологическому признаку среду тюрков Алтая черты своего европеоидного физического типа. Эти черты до сего времени проявляются у отдельных алтайцев и хакасов, среди которых встречаются светловолосые и светлоглазые типы. Таким образом динлинский этнический компонент в среде алтайцев устанавливается не только по историческим, но и по антропологическим данным.

Не может вызывать сомнения также и смешение тюркоязычных алтайских кочевников с монголами. На это указывают, например, данные древнетюркского языка, зафиксированного в енисейско-орхонских надписях, в котором П. Пельо обнаружил отдельные монгольские лексические элементы (в титулах и званиях аристократической верхушки тюрков), выраженные также и грамматически (например употребление монгольского множественного числа).[1]

Об этническом составе тюркоязычного населения Алтая и прилегающих к нему районов имеются документальные известия прежде всего в енисейско-орхонских каменописных памятниках древнетюркского языка, затем в китайских династийных хрониках. В упомянутых надписях встречаются этнонимы: *тюрк, огуз, кыпчак, карлук, кыргыз, толес, тардуш, тюргеш, уйгур, чик, аз* и др.[2] В китайских летописях сообщаются наименования отдельных племен и родов, входящих в объединения теле и др.[3] Большинство из перечисленных этнонимов сохранилось в родоплеменных названиях современных алтайцев, являясь важнейшим свидетельством историко-генетической связи их с тюркоязычным населением Алтая VI—VIII вв.

Термин «тюрк» выступает в орхонских надписях как название политического объединения, представляющего в этническом отношении сложный конгломерат.[4] В китайских источниках это название передано термином «тугю» с указанием местообитания их в южном Алтае уже в первой половине V в. В генеалогической легенде о происхождении тугю, зафиксированной летописью, подчеркивается родственное происхождение племен тугю. Эту легенду, как известно, удачно интерпретировал Н. А. Аристов, связавший ее с этнонимами и топонимикой у современных алтайцев.[5] Эта легенда отражает также и некоторые особенности обществен-

---

[1] P. Pelliot. L'origine des Tou-kiue, nom chinois des turks. Отдельный оттиск из журнала «T'oung-Pao» за 1915 г.

[2] О них см.: W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung. St.-Petersb., 1895, S. 424—428.

[3] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений..., I.

[4] В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. Туркмения, I. Л., 1929, стр. 9—10.

[5] Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей... Живая старина, вып. III и IV, 1896, стр. 5.

ных и семейных отношений (черты матриархата, минорат), религиозных представлений и обрядов (тотемизм, магическое воздействие на погоду). Из последних особенно интересно сопоставить умение старшего из братьев — родоначальников тугю (родившегося от волчицы) вызывать ветры и дожди. Этнографам хорошо известно, что до революции у южных алтайцев была особая категория колдунов (*ядачы*), которым приписывалось умение вызывать любую погоду при помощи камня «яда-таш».[1]

Историко-культурное родство современных алтайцев с тюрками тугю особенно хорошо устанавливается на археологическом и этнографическом материале. Китайская летопись Тан-шу содержит описание быта тугю, которое необходимо напомнить здесь в выдержках для сопоставления. «Обычаи тукюесцев: распускают волосы, левую полу наверху носят; живут в палатках и войлочных юртах, переходят с места на место, смотря по достатку в траве и воде; занимаются скотоводством и звериною ловлей; питаются мясом, пьют кумыс; носят меховое и шерстяное одеяние. Из оружия имеют: роговые луки со свистящими стрелами, латы, копья, сабли и палаши. Знамена с золотою волчьей головой... Искусно стреляют из лука с лошади... Письмен (китайских, — *Л. П.*) не имеют. Количество требуемых людей, лошадей, податей и скота считают по зарубкам на дереве... Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоего пола заколают лошадей и овец и, разложив перед палаткой, приносят в жертву... Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, а вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сожигают, собирают пепел и зарывают в определенное время года...». Далее описываются похороны богатого человека и указывается на обычай ставить при могиле «нарисованный облик покойника» и камни по количеству убитых им врагов. «Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи. По принесении овец и лошадей в жертву до единой вывешивают их головы на вехах... По смерти отца, старших братьев и дядей по отце женятся на мачехах, невестках и тетках... Буквы письма их походят на буквы народа Ху... Пьют кобылий кумыс и упиваются допьяна. Поют песни, стоя лицом друг к другу. Поклоняются духам, веруют в волхвов...».[2]

Вещевой материал, добытый археологами из раскопок могильников тюркского времени, рисует быт кочевников алтайских тугю теми же чертами, что и летопись. Кроме скотоводства, бывшего основным занятием алтайских тугю, о чем говорят костные остатки лошади, овцы, козы, верблюда, яка, им были известны охота на зверя (изделия из рога марала, лося, горного козла, обрывки меховой одежды, шкурок пушных зверей) и частично земледелие (находки ручных каменных жерновов). О наличии у алтайских тугю земледелия свидетельствуют также следы оросительных каналов. С. В. Киселевым были обнаружены и следы плавки железной руды в южном Алтае.[3] При исследовании алтайских

---

[1] Поверье о «яда-тнш» было весьма распространено у современных тюркоязычных племен и народностей. См. об этом: С. Е. Малов. Шаманский камень «яда» у тюрков западного Китая. Сов. этнография, № 1 1947. — Подробный обзор материала по этому вопросу в работе: F. Andrian. Über den Wetterzauber der Altaier. Correspondenzblatt der deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, № 8, 1893.

[2] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений..., I, стр. 229—231.

[3] С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири, стр. 516.

могильников описываемого времени археологами обнаружено также захоронение покойника с трупосожжением.

Наконец археологический материал подтверждает сообщение китайской летописи об обычае ставить каменные изображения покойника и камни у могилы богача, о наличии перечисленного выше оружия: луков, свистящих стрел, сабель и др.

В еще большей степени описание быта тугю китайской летописью подтверждается этнографическими материалами по южным алтайцам, относящимся к концу XIX и началу XX в. Южные алтайцы носили длиннополые шубы, запахивающиеся левой полой наверх, и жили в войлочных юртах, но волосы уже заплетали в косу. Они так же пасли скот зимой и летом на пастбищах и охотились на зверя. Свистящие стрелы употреблялись ими при охоте в глухих районах Алтая вплоть до революции. Данные о количестве скота, долгах и т. п. они изображали зарубками на деревянных дощечках (*кере агаш*). Питались южные алтайцы мясом и кумысом. Опьяняли себя молочной самогонкой (*аракой*) и так же при угощении становились друг против друга на одно колено и пели песни. Обычай жениться на вдовах, оставшихся после старших братьев, был тоже широко распространен у южных алтайцев.

Сохранилась и терминология родства, бытовавшая у южных алтайцев и зафиксированная каменописными орхоно-енисейскими памятниками. К таким терминам относятся, например, *ата* (отец), *ана* (в алтайском произношении *äнä* — мать), *іні* и *ачі* (младший брат, сыновья брата), *апа* и *сіңіл* (старшая и младшая сестры и др.), *кälін* (невестка).

Еще более поразительно у южных алтайцев сохранение до начала XX в. элементов религиозного шаманского культа. Отметим прежде всего жертвоприношение овец и лошадей с обычаем выставлять голову и шкуру животных, принесенных в жертву. Божества тюрков, упоминаемые в орхонских надписях, — Кок-Тенгри (синее небо) и Йер-Су (земля и вода) — под теми же названиями почитались южными алтайцами вплоть до революции.

Рассмотрим материал, относящийся к группе теле. Термин «теле» известен в китайских источниках с V в.; он сменил термин «гао-гюй». В династийной хронике Вэй-шу упоминаются наименования двенадцати родов, входивших в состав предков гаогюйцев-теле: 1) Лифули, 2) Тулу, 3) Ичжань, 4) Далань, 5) Кухэ, 6) Дабо, 7) Алунь, 8) Моюнь, 9) Сыфынь, 10) Фуфуло, 11) Киюань, 12) Юшупей. Термином «теле» обозначали, видимо, все кочевые скотоводческие племена, т. е. по признаку кочевого образа жизни. Только этим, вероятно, и можно объяснить сообщение Суйской летописи о том, что телеских родов насчитывается свыше 8000 и расселены теле на огромной территории — от Маньчжурии до Каспийского моря.[1] Китайские источники отмечают различие между тугю и теле по линии похоронного обряда. Они свидетельствуют, что теле погребали своих умерших в землю, а тугю их сжигали. Это различие подтверждают и наши археологи, исследующие могильники Алтая рассматриваемого времени.

В истории Танской династии (618—907) содержатся дополнения о гаогюйских поколениях, т. е. о теле, из которых упоминаются: 1) Сйянто, 2) Байегу, 3) Пугу, 4) Тунло, 5) Хуно, 6) Киби, 7) Доланьге,

---

[1] Д. Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 37—41.

8) Адйе, 9) Гэлолу, 10) Басими, 11) Дубо, 12) Гулигань, 13) Байси, 14) Хусйе.

Объединения теле и тугю едва ли были постоянными. Вследствие причин, рассмотренных выше, состав их был текучим и часто менялся. Не вызывает сомнения лишь их культурно-бытовая общность, зафиксированная сообщением китайских хроник и подтверждаемая археологическими данными. Однако в отношении языка были различия, судя по языкам разных современных тюркоязычных народностей и племен, связанных своим происхождением с тюркским каганатом. Правда, различия эти содержатся в рамках родственных между собой тюркских языков.

Приведенный выше материал об историко-культурном родстве современных южных алтайцев с племенами тугю и теле китайских источников делает особенно важным и необходимым рассмотрение этнонимов тугю и теле в сопоставлении с родо-племенными названиями современных алтайцев. Китайские источники содержат данные об этнонимах только для племен теле и не дают материалов по этнонимам племен тугю. Однако этот пробел восполняется орхоно-енисейскими надписями, где наименования племен и родов, входивших в объединение тюрк, представлены довольно полно; они включают и те, которые, согласно китайским источникам, относятся к племенам теле. В упомянутых каменописных памятниках встречаются этнонимы: *тюрк, огуз,* или *тогуз-огуз, телес, кыпчак, тюргеш, карлук, тардуш, уйгур, кыргыз, байырку, курыкан, тонгра, басмалы* и др. Некоторые из них известны и по китайской летописи, в которой они причислены к племенам теле. Таковы, например, *гэлолу* (*карлук*), *сйянто* (*сир-тардуш* [1]), *гулигань* (*курыкан* [2]), *тунло* (*тонгра* [3]), *байегу* (*байырку* [4]), *басими* (*басмалы* [5]).

Слово «тюрк», как уже указано выше, было политическим наименованием военно-административного объединения, представлявшего в этническом отношении довольно пестрый конгломерат. В. В. Бартольд считал, что этнографическим названием племен, основавших тюркский каганат, было «огуз»; подразделениями огузов были тардуши, толесы.[5] Это мнение не подтверждается фактическим материалом. Девятиплеменные огузы составляли только часть упомянутого конгломерата, в который входили и многие другие племена и роды, упоминаемые в каменописных памятниках под своими этническими именами. Стало быть, термин «токуз-огуз» относился к определенному объединению племен, родственных между собою, но отличающихся в языковом отношении от других тюркоязычных племен, например от кыпчаков. Термин «огуз» получил расширительное значение только позднее, уже у восточных авторов, что разъясняется из фактов политической истории. Известно, что девятиплеменные огузы, входившие крупным и важным объединением в тюркский каганат

---

[1] F. Hirth. Nachwort zur Inschrift des Tonjukuk. In: W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge, 1899, S. 56, 129, 133, 140. — Это отождествление принял и Шаванн [E. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue (turcs) occidenteaux, p. 94, 95, 105].

[2] F. Hirth. Nachwort zur Inschrift des Tonjukuk, S. 133.

[3] V. Thomsen. Inscriptions de l'Orkhon. Mém. Soc. Finno-Ougrienne, v. V, 1896, p. 178.

[4] Там же, стр. 123; E. Chavannes. Documents sur les Tou-kieu (turcs) occidenteaux, p. 86.

[5] W. Bartold. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. In: W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge, 1897, S. 8. — См. также его работу «Очерк истории туркменского народа» (стр. 9—10); он же. Очерк истории Семиречья. Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета на 1898 г., т. II. Верный, 1898, стр. 87—88 и др.

наряду, например, с кыпчаками, карлуками и др., с падением тюркского каганата завершают продвижение на запад, где в IX в. смешиваются с потомками тюркизированных эфталитов-кидаритов [1] и закладывают основу нового объединения тюркоязычных племен с центром в низовьях Сыр-Дарьи. Вследствие своего политического значения огузы приобретают большую популярность, что находит отражение в сочинениях восточных авторов, которые именуют огузами, или гузами, не только население, входящее в сферу влияния этого нового военно-административного объединения, но и самую территорию приаральских и прикаспийских степей, называя последнюю в X в. «степью гузов»,[2] а позднее (когда господство гузов в этих местах сменилось господством кыпчаков) «степью кыпчаков» (Дешт-и-Кыпчак).[3]

Этноним *огуз* среди родоплеменных названий алтайцев не встречается, что вполне естественно, учитывая факт откочевки огузов на запад. Отсутствие огузского элемента в этническом составе южных алтайцев особенно убедительно выступает в языковых фактах. Язык южных алтайцев, с его диалектами, относится к кыпчакской группе тюркских языков, весьма отличной от группы огузской, представителями которой являются современные туркменский, азербайджанский и турецкий языки.[4] Язык енисейско-орхонских надписей, грамотность на котором была распространена преимущественно в среде кочевой знати, относится к огузскому типу тюркских языков.[5] Фонетические и морфологические особенности его сохранились в современных туркменском, азербайджанском и других языках. Однако словарный состав огузских и кыпчакских языков имеет общие слова, что объясняется как родством этих языков, так и тем, что огузские и кыпчакские племена жили общей исторической жизнью в составе тюркского каганата.

У современных южных алтайцев весьма распространенными этнонимами из упоминаемых в орхоно-енисейских надписях и китайских хрониках являются *теле-телес* и *кыпчак*. Большая часть племенных наименований у южных алтайцев — теленгит, телес, телеут — имеет в своей основе этноним *теле*. Уже давно признано, что названия «теленгит» и «телеут» являются передачей древнего этнонима *теле* в грамматической форме монгольского множественного числа.[6] Сомнение в этом отношении вызвал только этноним *телес*, засвидетельствованный в енисейско-орхонских надписях. В. Радлов, В. Томсен, Ф. Хирт, Э. Шаванн и др. высказались за отождествление этнонима *телес* с *теле* китайских летописей.[7] Однако

---

[1] С. П. Толстов. Города гузов. Сов. этнография, № 3, 1947, стр. 100.

[2] В. Бартольд. Новый труд о насовцах. Русск. истор. журнал, кн. 7, Пгр., 1921, стр. 142.

[3] С. П. Толстов в своем упомянутом исследовании пришел к следующему выводу: «Потомки тюркизированных в VI—VII вв. эфталитов-кидаритов выступают в VIII—XI вв. под собирательным именем огузов — как на своей древней территории, где продолжает жить наиболее стойко гуннская политическая традиция, так и на южных и восточных окраинах области экспансии эфталитского государства (токуз-огузы — имя, впоследствии в Восточном Туркестане переходящее на уйгуров)».

[4] Уже поэтому нельзя считать половцев-кыпчаков и огузов одним и тем же народом, как это думал Маркварт (J. Marquart. Über das Volkstum der Komanen. Berlin, 1914, S. 29).

[5] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 7.

[6] Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей... Живая старина, вып. III—IV, 1896, стр. 341.

[7] W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, S. 126; V. Thomsen. Inscriptions de l'Orkhon. Mém. Soc. Finno-Ougrienne, t. V, 1896, p. 146, F. Hirth. Nachwort zur Inschrift des Tonjukuk, S. 133; E. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue (turcs) occidenteaux, p. 14; L. Cahun. Introduction à l'histoire de l'Asie. Paris, 1896, p. 101.

в этом усомнился В. Бартольд, поддержанный П. Мелиоранским.[1] В настоящее время этот вопрос вполне выяснен в связи с тем, что, как установлено тюркологами, аффикс *з* (*с*) являлся показателем множественного числа в древних тюркских языках, в частности в языке каменописных орхонских памятников.[2] В этой связи этноним *телес* выступает как грамматическая форма тюркского множественного числа от *теле*. Следовательно, телесы южных алтайцев, как и родственные им теленгиты и телеуты, сохранили в своем самоназвании яркое указание на принадлежность их далеких исторических предков к объединению теле, к телесам орхоно-енисейских надписей, монгольских сказаний и т. д., часть которых уже в VI—VII вв. обитала в Алтае и прилегающих к нему районах. При этом можно еще указать, что одно из самоназваний современных южных алтайцев — теленгит — зафиксировано упомянутыми китайскими источниками в термине «До-лань-гэ» как наименовании одного из племен теле, что привлекло внимание ряда ученых.[3] С этнонимом *телес* у южных алтайцев связана значительная часть населения. Помимо того, что телесами себя называет довольно большая группа южных алтайцев, обитающая в бассейне рек Чулышмана и Башкауса, необходимо обратить внимание на наличие сеока Телес у теленгитов и у собственно алтайцев. По данным 1897 г., только один сеок Телес, без чулышманских телесов, насчитывал 1799 душ обоего пола, что составляло 7.9% всего населения южных алтайцев. Кроме того, к телесам нужно отнести еще сеоки Оргончи и Титтас, которые считались родственными телесам в такой степени, что между этими сеоками запрещались браки.[4] Все это говорит о том, что с этнонимом *теле* связана большая часть современных южных алтайцев, что служит важным указанием на происхождение их от тюркоязычного населения Алтая VI—VIII вв., относимого китайскими источниками к племенам теле.

Не менее важным доказательством древности этнической основы южных алтайцев является весьма распространенный у них этноним *кыпчак*. В настоящее время можно уверенно ставить вопрос о кыпчакском происхождении южных алтайцев, о существовании алтайских кыпчаков. Об этом прежде всего говорит их современный язык, относящийся, как уже неоднократно указано, к кыпчакской группе тюркских языков. Языковые материалы нужно считать важнейшим источником и доказательством для решения вопроса о происхождении южных алтайцев, ибо, как указывает И. В. Сталин, «элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства».[5] Конечно, при этом необходимо опираться на конкретную историю алтайцев, так как в процессе исторического развития могут смешиваться разноязычные и различные

---

[1] W. Barthold. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. In: W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge, S. 9; П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. Зап. Вост. отд. Русск. Археол. общ., т. XII, вып. II—III, 1899, стр. 109.

[2] А. Н. Кононов. Грамматика турецкого языка. Л., 1941, стр. 95 (там же и литература вопроса). — Ср.: он же. Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948, стр. 36—37; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 50—52.

[3] В. Радлов. К вопросу об уйгурах, стр. 89—90; G. Schlegel. Die chinesische Inschrift auf dem uigurischen Denkmal in Kara-Balgassun. Mém. Soc. Finno-Ougrienne, t. IX, Helsingfors, 1896, стр. 1; Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей... Живая старина, вып. III—IV, 1896, стр. 301 и др.

[4] С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии, стр. 20, 22.

[5] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

по этническому происхождению племена и народности. Мы знаем, например, что некоторые группы современных хакасов еще в XVII в. говорили на языках, относящихся к самоедоязычной, или кетоязычной, группе племен, а затем, в результате языкового скрещивания, стали только тюркоязычными. Конечно, было бы неправильно на основании современного тюркского языка этих групп хакасов относить их происхождение к тем или иным древним тюркским племенам и народностям, ибо нельзя забывать указания И. В. Сталина, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с и с т о р и е й н а р о д а, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка» (разрядка моя, — *Л. П.*).[1] Конкретная же история южных алтайцев свидетельствует, что Алтай, по крайней мере с VI в. и до наших дней, населяли тюркоязычные племена, следовательно, мы вполне можем считать в этом случае, что элементы современного южного алтайского языка были заложены в глубокой древности и могут восходить к рассматриваемому периоду.

Об этом же говорят и некоторые параллели с киргизским материалом. Дело в том, что у южных алтайцев и киргизов, ныне разделенных огромным расстоянием, оказываются близкими, относящимися к одной и той же классификационной группе язык и общие этнонимы, например такие родо-племенные наименования, как Кыпчак, Телес, Мундуз.[2] Эти параллели отражают, конечно, былую общность некоторых этнических элементов южных алтайцев и киргизов, подтверждающуюся также и лексикой. Вероятно, эта общность относится ко времени существования больших объединений племен теле, ибо общими являются ряд этнонимов, например *теле* (телес), *мундуз* (ср. род телеутов Мундуз). Кыпчакский язык алтайцев возник в древности и был связан с территорией Алтая. Последнее обстоятельство может быть доказано тем, что исторические источники очень рано говорят об этнониме *кыпчак,* который приурочивается к Алтаю. Термин «кыпчак» упоминается в тексте китайского летописного известия, относящегося к III в. до н. э., о завоеваниях гуннского шаньюя Модэ. Среди племен, живших на север от гуннов, динлинов, кыргызов и других, покоренных Модэ, упоминаются племена под названием Кюеше (*цзюе ше*),[3] — название, которое, как обратил внимание А. Н. Бернштам, в старокитайском произношении этих иероглифов, согласно Б. Карлгрену, звучало как *кыйчак* и, вероятно, передавало уже существовавшее тогда название «кыпчак».[4]

Предположить обитание кыпчаков в Алтае и в ближайших к нему районах возможно еще и потому, что кыпчаки упоминаются вместе с басмалами и бо-ма (видимо, остяками и селькупами), а также с киргизами, в числе племен, попавших с 641 г. в зависимость к западнотюркскому кагану Дулу (ум. в 653 г.) и живших, как правильно указывается в ки-

---

[1] Там же, стр. 22.

[2] Мундуз — наименование одного из наиболее древних и широко распространенных родов у телеутов.

[3] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений..., I, стр. 50.

[4] А. Н. Бернштам. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии. Сов. этнография, № 6—7, 1947, стр. 154; B. Karlgren. Analytic dictionary of Chinese and Sinno-Japanese. Paris, 1923 (цит. по: А. Н. Бернштам. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии. Сов. этнография, № 6—7, 1947, стр. 154).

тайских источниках, к северо-востоку от западных тюрков.[1] Столетием позднее о кыпчаках говорится в каменописном памятнике, найденном Рамстедтом по р. Селенге. В этом памятнике указывается, что тюрки-кыпчаки в течение пятидесяти лет властвовали над уйгурами[2] и, повидимому, играли значительную роль в восточном тюркском каганате, при господстве орхонских тюрков, алтайское происхождение которых сомнения не вызывает. При перемещении центра каганата из Алтая на Орхон тюркоязычное население не покинуло Алтай. На Орхон перекочевали преимущественно кочевая тюркская знать и ее господствующие роды, обладавшие огромными стадами. Само собой разумеется, что откочевала и часть зависевшего от них рядового кочевнического населения. Вместе с тем имеются основания допустить, что на Орхоне оказалась только часть кыпчаков, что Алтай не опустел, что на Алтае кыпчакское население продолжало обитать. Свидетельством этого, кроме того что на Алтае звучала кыпчакская речь, являются некоторые археологические памятники, в частности погребения, вблизи которых стоят каменные изваяния, характерные для погребального обряда кыпчаков середины XIII в. и изображающие мужчину, держащего в руке сосуд. Наблюдавший этот обряд В. Рубрук пишет, что кыпчаки над усопшим насыпают большой холм «и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу».[3] Л. А. Евтюхова, исследовавшая подобные каменные изваяния Горного Алтая, довольно убедительно датирует их периодом VII—X вв. и правильно относит их — как на Алтае, так и в Монголии — к орхонским тюркам алтайского происхождения.[4] Я полагаю, что эти каменные изваяния нужно считать кыпчакскими, так как позднее, в XIII в., такие изваяния в Дешт-и-Кыпчаке ставили, по свидетельству Рубрука, именно кыпчаки, кроме того, нужно иметь в виду и то, что в составе орхонских тюрков кыпчаки играли важную роль.

В этой связи обратим внимание еще на такую деталь. В. Рубрук сообщает, что кыпчаки носили с собой мешочки (*каптаргак*), в которые складывали всякую мелочь. Такие мешочки изображены подвешенными к поясу и на упомянутых каменных кыпчакских изваяниях Алтая. Подобные же мешочки — кожаные сумки полукруглой формы — до последнего времени носили алтайцы-охотники и называли их также *каптарга*. Такого типа сумку-мешочек я привез в составе собранной мною этнографической коллекции для Государственного Музея этнографии в Ленинграде.

В Минусинской котловине описанные выше изваяния крайне редки. Для этого района характерны другие, более ранние типы каменных изваяний.[5] В связи с этим интересно отметить, что язык тюркского населения Минусинской котловины относится не к кыпчакской, а к дру-

---

[1] Ed. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue (turcs) occidenteaux, p. 28—29.

[2] Г. Рамстедт. Перевод надписи «Селенгинского камня». Труды Троицко-Савско-Кяхтинск. отд. Приамурск. отдела Русск. Географ. общ., т. XV, вып. I, 1912, стр. 40.

[3] В. Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перевод А. Малеина. СПб., 1911, стр. 80. — Еще раньше Рубрука о сооружении каменных баб в Улусе Джучия кыпчаками, или половцами, сообщает Низами (В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. СПб., 1897).

[4] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния северного Алтая. Труды Гос. Истор. музея, вып. XVI. М., 1941.

[5] М. П. Грязнов и Е. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2, 1929.

гой группе, условно именуемой уйгурской. Алтайские кыпчаки, видимо, не населяли Минусинскую котловину, где издавна жили енисейские киргизы.

Я отнюдь не хочу сказать, что указанные выше каменные изваяния Алтая, Тувы и Монголии принадлежат только кыпчакам, ибо мы хорошо знаем, что обычай ставить их существовал также у орхонских тюрков, которых нельзя полностью отождествлять с кыпчаками. Последние со-

Тюркское каменное изваяние в Курайской степи.

ставляли значительную часть орхонских тюрков и входили, видимо, в группу племен теле, так как современные теленгиты, телеуты, телесы и группа собственно алтайцев говорят на кыпчакском по происхождению языке. На прямую генетическую связь современных южных алтайцев с древними и средневековыми кыпчаками указывает и наличие у южных алтайцев сеока Кыпчак. Сеок этот встречается буквально у всех южных алтайцев — как у телесов и теленгитов, так и у телеутов и собственно алтайцев. Следовательно, он является общим для всех южных алтайцев. Более того, сеок Кыпчак (до революции) у южных алтайцев — один из самых многочисленных.

Ниже дается таблица численности наиболее значительных сеоков южных алтайцев, которая составлена мною на основании переписи

1897 г., произведенной у алтайцев под руководством С. П. Швецова (табл. 1).[1]

Таблица 1

№№ по пор.	Наименование сеока (рода)	Количество населения	
		абс.	в % по отношению к общей численности
1	Тодош	2982	13.1
2	Кыпчак	2117	9.3
3	Мундус	1417	6.2
4	Иркит	2015	8.9
5	Майман (Найман)	1912	8.4
6	Кобек	1604	7.0
7	Толес	1799	7.9
8	Тонжоан	1106	4.8
9	Кергиль	1100	4.8
10	Сагал	934	4.1
11	Соен, Саян (тувинцы)	728	3.2
12	Алмат	660	2.9
13	Чапты	558	2.4
14	Очы	528	2.3
15	Прочие: Кооболу, Сары, Олюп, Мюркут, Пурут, Тумат, Байлагас и др	3306	14.5
	Итого	22 766	100

Родственным по крови сеоку Кыпчак считался сеок Мундус. Кровное родство этих сеоков подчеркивалось запрещением браков между их членами. О кровном родстве их говорится и в легенде о происхождении сеока Мундус. Согласно последней, основатель сеока Мундус родился от девушки, принадлежавшей к сеоку Кыпчак, зачавшей сына оттого, что она съела три градинки (*мус*). Сеок Мундус, особенно распространенный у телеутов, известен, как уже сказано, в качестве одного из родо-племенных подразделений современных киргизов. Наличие общего родо-племенного подразделения Мундус у южных алтайцев и у киргизов отражает реальную историческую общность этнических элементов предков этих народностей, что подтверждается и характером их языка, относящегося к общей кыпчакской группе.

Из данных табл. 1 видно, что кыпчаки среди южных алтайцев составляли (считая сеок Мундус) 15.5%. Вместе с тем этнографические данные позволяют считать сеок Кыпчак в тесном племенном родстве с сеоком Тодош, ибо оба этих сеока находились между собой в отношениях *кудалышка,* т. е. в отношениях родства по некогда обязательным (позд-

[1] С. П. Швецов. Кочевники Бийского уезда. В кн.: Горный Алтай и его население, т. I, вып. 1, стр. 8—23. Приложение V. Таблица распределения алтайцев по сеокам, дючинам и волостям. — Общее количество южных алтайцев, сосредоточенных в семи алтайских дючинах и двух чуйских волостях, исчислялось в 23 797 душ обоего пола, из которых для 1031 человека принадлежность к сеоку не выяснена. Поэтому я вычислил процентный состав сеоков, исходя из общей численности южных алтайцев, указавших свой сеок, т. е. 22 766 человек.

нее предпочтительным) брачным связям. Отсюда оба упомянутых сеока были между собой *куда*, т. е. сваты. Этот факт заслуживает особого внимания, ибо он прекрасно согласуется с подобным же старинным обычаем, существовавшим у кыпчаков-половцев, которые находились в отношениях «сватовства» с печенегами. В рассказах Ипатьевской летописи о походах русских князей в 1187—1192 гг. указывается на родство между печенегами и половцами, называвшими друг друга «сватами» и не желавшими сражаться друг с другом.[1] На этом основании вполне можно отнести к кыпчакским все алтайские сеоки, находившиеся с сеоком Кыпчак в отношениях кудалышка. Следовательно, доля кыпчакского племенного элемента у южных алтайцев возрастает до 28.6%, а принимая во внимание отношения кудалышка между сеоком Тодош и сеоком Чапты — до 31.5%.

На древность кыпчакских элементов у южных алтайцев указывает еще то обстоятельство, что из этих родов у южных алтайцев были зайсаны «родовичи» по крови, так называемые *укту-јайзан*, звание которых было древним, наследственным. Это отметил еще В. Радлов, который сообщил о наличии у южных алтайцев наследственных зайсанов по крови из сеоков Кыпчак, Мундус, Тодош и Иркит. Кроме всего этого, у современных южных алтайцев сохранялись до самой революции некоторые особенности культуры и быта, в частности в области религиозного культа, которые характерны для средневековых кыпчаков и известны по описаниям западноевропейских путешественников, посетивших кыпчакские степи в XIII в. Так, например, Марко Поло следующим образом описывает божество Натигай: «У каждого он в доме. Выделывают его из войлока и сукна и держат по своим домам; делают они еще жену того бога и сыновей... Во время еды возьмут да помажут жирным куском рот богу, жене и сынам его».[2] У теленгитов и телеутов Алтая такие божества в виде куколок из войлока были очень распространены вплоть до революции. Их держали в каждой юрте и кормили именно таким образом, как описывает Марко Поло. Более того, современные теленгиты называли это божество Натигай (как это зафиксировал Г. Н. Потанин во время своего путешествия по долине р. Чуи),[3] т. е. тем же термином, который слышал и Марко Поло. У телеутов это божество шили из холста, набивая куколки тряпками, войлоком или шерстью, причем у телеутов божество уже утратило собственное имя и именовалось общим термином *эмегендер* (предки старушки).

В связи со сказанным укажем еще на некоторые особенности погребального обряда кыпчаков, сообщаемые В. Рубруком. Кроме его сообщения о том, что кыпчаки над усопшим насыпают большой холм «и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу», о чем сказано выше, напомним еще следующие слова В. Рубрука: «Я видел одного недавно умершего, около которого они (кыпчаки, — *Л. П.*) повесили на высоких жердях шестнадцать шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира».[4] Аналогичный обряд при похоронах сохранялся у южных алтайцев до XIX в. включительно и носил название *койлого*, а лошадь, предназначенная

---

[1] Ипатьевская летопись, стр. 134, 141. Полн. собр. русск. летописей, т. II, СПб., 1843.
[2] Марко Поло. Путешествие. Л., 1940, стр. 63, 117.
[3] Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, т. IV, стр. 97.
[4] В. Рубрук. Путешествие в восточные страны, стр. 80.

сопровождать покойника в загробный мир, называлась *койло ат.*[1] Все это свидетельствует о том, что современные южные алтайцы по своей этнической основе являются потомками древних и средневековых алтайских кыпчаков.

Необходимо также обратить внимание на этноним *тюргеш,* что должно служить указанием на наличие в среде алтайцев потомков древних тюргешей, игравших видную роль в западном тюркском каганате. Тюргеши составляли часть тугю и жили в основной своей массе в VII—VIII вв. на запад от Иртыша в непосредственном соседстве с западным Алтаем.[2] Тюргеши в VII в. входили в объединения племен Дулу, кочевавших на территории Семиречья.[3] Дулу, или Тулу, как указано выше, упоминается в китайской летописи в перечне телеских поколений. Этноним *тюргеш* сохранился у тубаларов в названии сеока (Радлов его считал племенем[4]), а затем в названии Кергешской волости, упоминающейся в русских исторических документах XVII—XX вв. А. В. Адрианов справедливо отметил, что тубалары-тиргеш (у Адрианова — кергеш) по этнографическим признакам относятся к южным алтайцам.[5] Мужчины у них носили волосы заплетенными в небольшую косичку, а женщины — безрукавную верхнюю одежду (*чегедек*), что характерно именно для южных алтайцев.[6] Мы прибавим к этому еще изготовление ими молочных продуктов, способ приготовления и терминология которых характерны для кочевников, для южных алтайцев. Таким образом тубалары сеока Тиргеш явно южноалтайского происхождения, и этот сеок еще не успел утратить особенностей своего древнего быта, связанного с культурой южных алтайских племен. В русских документах XVII в. отмечено,[7] что «тирхеши» были раньше данниками телесов («Телеских людей кыштымы»).

Помимо проанализированных древних этнонимов тюркоязычных племен Саяно-Алтайского нагорья, в составе современных алтайцев встречаются этнонимы: *кыргыз,* свидетельствующий об участии енисейских киргизов в этногенезе алтайцев, *дубо* и *аба,* упоминаемые в составе телеских поколений в китайских летописях, и др. Два последних этнонима целесообразно рассмотреть в связи с этногенезом северных алтайцев.

Подытоживая изложенное выше, необходимо констатировать, что археологический, антропологический, этнографический, исторический

---

[1] Ср. монгольск. *хойлга* как название обычая погребения лошади с покойником, сообщаемое Сананом Сэцэном (XVII в.) в летописной хронике «Эрдэнийн Тобчи» (см.: J. Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen, St-Pet., 1829, S. 235). У якутов *хойлуга* — животное, убиваемое на поминках, у хакасов (качинцы, сагайцы, бельтиры) — *койлага.*

[2] W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung, S. 427; Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей... Живая старина, вып. III—IV, 1896, стр. 301.

[3] Там же.

[4] W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, S. 213.

[5] А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г. Зап. Русск. Географ. общ. по общей этнографии, т. XI. СПб., 1886, стр. 294.

[6] Обычай носить волосы заплетенными в косу упоминается в китайских источниках для сянь-бийских племен (III—IV вв.), представлявших в этническом отношении конгломерат монгольских, тюркских и динлинских элементов [Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений..., I, стр. 167, 208—209]. Имеются сведения о ношении кос и динлинами (E. Chavannes. Les pays d'Occident d'apres Le Wei-Lio. Toung-Pao, sér. II, v. VI, 1805, p. 524), что подтверждается и тем, что их далекие потомки, енисейские остяки-кеты, придерживались этого обычая вплоть до революции.

[7] С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии, стр. 86.

(письменные источники) и лингвистический материал [1] согласно свидетельствует о том, что современные южные алтайцы связаны своим этническим происхождением с тюркоязычным населением, преобладавшим на Алтае и в прилегающих к нему районах в VI—VIII вв. Это население фигурирует в китайских летописных источниках под собирательными названиями «теле» и «тугю». В составе обеих групп находились кыпчакские племена, язык которых вышел победителем и сохранился в процессе скрещивания различных тюркских языков и диалектов на протяжении многовековой истории Южного Алтая. Древнекыпчакские (по языку) племена являются ранними историческими предками южных алтайцев. Период тюркского каганата можно признать за древнейшую фазу этногенеза современных южных алтайцев. Упомянутые древнеалтайские этнические элементы продолжали обитать в Алтае и в последующие исторические времена, сохранившись до наших дней. Это, разумеется, отнюдь не означает, что этнический состав алтайских тюркоязычных племен на протяжении более чем тысячелетия оставался постоянным. Напротив, этнический состав алтайцев в связи с известными историческими событиями, протекавшими в восточной части Центральной Азии, подвергался изменениям, сохраняя при этом свою кыпчакскую основу.

Существенным моментом в этнической истории алтайских племен этого времени нужно признать влияние монгольских племен. Это обстоятельство выступает особенно ясно в XI—XIII вв., когда на алтайцев распространяется господство найманов, а затем в период империи Чингисхана и его потомков. На Алтае в указанное время продолжает обитать тюркоязычное население. Кыпчакские племена, часть которых известна у восточных авторов под именем кимаков, упоминаются уже у арабского географа первой половины IX в. Ибн-Хордадбеха. По рукописи Гардизи (составлена в первой половине XI в.), кимаки «живут в лесах, ущельях и степях, все владеют стадами коров и баранов; верблюдов у них нет... Летом они питаются кобыльим молоком, которое у них называется кумысом; на зиму они заготовляют сушеное мясо баранье, лошадиное, коровье, каждый по мере своих средств. Предмет охоты кимаков — соболи и горностаи...».[2]

Кыпчаки составляли западную ветвь кимаков. В сочинениях восточных авторов кимакско-кыпчакские племена выступают как жители долины Иртыша и западносибирских степей. Безусловно, они обитали и в горах Алтая, особенно западного, где охотились на соболей и горностаев, которыми еще до недавнего времени славились эти горы. Южноалтайские кыпчакские племена, например собственно алтайцы, кочевавшие в западном Алтае еще в XVIII в., также продолжали на зиму уходить со стадами на левый берег Иртыша, где пасли скот в степях на своих зимних кочевьях и охотились на козуль. Телеуты кочевали в прииртышских степях и по Оби еще в конце XVI и XVII вв. В степях западной Сибири кыпчакские племена могли появиться только из Алтая, ибо Семиречье после падения тюркского каганата находилось сначала в ру-

---

[1] К сожалению, я не мог привести здесь лексического материала, указывающего на связь словарного состава языка орхоно-енисейских надписей с современным алтайским языком. Убедиться в этом легко всякому, кто поинтересуется хотя бы сопоставлением словаря, приложенного к работе С. Е. Малова «Памятники древнетюркской письменности», с известными словарями алтайского языка (В. Вербицкого и Н. Баскакова и Т. Тощаковой).

[2] В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг., стр. 107.

ках тюргешей, а затем, со второй половины VIII в., — карлуков, которые считаются также выселенцами с Алтая. Приаральские и прикаспийские степи были под гегемонией огузов. Часть кыпчаков могла оказаться на Иртыше с конца V в., ибо китайские источники сообщают, что в 492 г. часть племен теле откочевала с р. Селенги на Иртыш.[1]

Распространившие свое господство на Алтай найманы кочевали близ верховьев Иртыша. Их влияние простиралось, видимо, и на юго-западный Алтай, так как телесы и теленгуты подчинились монголам позднее, при Чингис-хане, когда монгольское влияние на алтайцев было особенно сильным.[2]

Свидетельством смешения алтайцев с монголоязычными найманами служит наличие среди алтайцев многочисленного сеока Найман (с различными подразделениями его). При скрещивании найманов с алтайцами победил тюркский язык, и найманы растворились в тюркоязычной алтайской среде, сохранив только наименование некоторых родовых подразделений алтайцев. Довольно определенно о смешении алтайцев с монголами повествует «Сокровенное сказание монголов», где говорится о том, что по повелению Чингис-хана телесы и теленгуты в начале XIII в. были включены в состав населения, находящегося в ведении темника Хорчи, куда входили монгольские роды бааринцев, адаркинцев, чиносцев и лесные (в том числе и монголоязычные) народы, обитавшие в Саяно-Алтайском нагорье.[3] При смешении телесы, теленгиты и телеуты сохранили свой тюркский язык и, как известно, говорят на нем и в наше время. Это свидетельствует о том, что алтайский тюркский язык при скрещивании с монгольским выходил победителем. При этом в тюркский язык алтайцев проникало значительное количество монгольских слов, которые сохранились в лексике алтайского языка до сего времени, обогатив словарный состав этого языка.

Монголы, вошедшие в состав алтайцев, принесли с собой в алтайскую среду и некоторые специфические черты кочевого быта, характерные для монгольских племен. Например, монгольское название напитка из заквашенного молока — *чиген* — и способ его изготовления из кипяченого молока настолько распространились у алтайцев, что они вытеснили распространенное у тюркских народностей наименование *айран* и приготовление его из сырого молока, как это принято у многих тюркоязычных кочевников. Укажем на древний монгольский способ умерщвления овцы путем надреза брюшины, просовывания руки в грудную полость и разрыва аорты, вместо перерезывания горла ножом по алтайскому способу, и т. д. Распространение у алтайцев монгольских особенностей быта сказалось и в одежде, устном творчестве, народном календаре, религиозных верованиях и т. п. Они, как и данные языка, служат убедительным доказательством ассимиляции в алтайской среде монгольского этнического элемента в результате дробления и расхождения некоторых монгольских племен, смешивания и скрещивания их с тюркоязычными алтайцами.

Важной фазой этногенеза южных алтайцев, с которой непосредственно связано происхождение их ближайших исторических предков, явился процесс этногенеза, который протекал с XI по XV в. на обширных пространствах степей от Алтая до Крыма и Дуная и в результате которого завершилось формирование таких народов, как современ-

---

[1] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений..., I, стр. 195.
[2] С. А. Козин. Сокровенное сказание .., стр. 161.
[3] Там же, стр. 161, 174, 175.

ные казахи, узбеки, сибирские татары и т. п. В этот период, как известно, степи западной Сибири, Казахстана, северного Приаралья и Прикаспия, южнорусские степи до северного Причерноморья, Крыма и Дуная включительно находились в сфере влияния многочисленных кочевых тюркоязычных племен. Из них наиболее сильными на некоторое время оказались союзы тюркских племен в степях Приаралья и Прикаспия под главенством печенгов (X—XII вв.) и особенно кыпчаков в южнорусских степях. Известные с гуннского и тюркского времен на Алтае, а затем и на Иртыше, кыпчаки выступают в XII и начале XIII в. в качестве недолговечной, но крупной политической силы. В восточных источниках большие степные пространства, на которые распространялось господство кыпчаков, как указано выше, получили название Дешт-и-Кыпчак. Временное объединение тюркоязычных кочевников под гегемонией кыпчаков содействовало созданию культурно-бытовой общности между этими племенами, находившимися на более или менее одинаковом уровне общественно-экономического развития.

Политическому господству кыпчаков положило конец Монгольское государство Чингис-хана. В 30-х годах XIII в. политическими хозяевами Дешт-и-Кыпчака становятся монголы. С образованием Улуса Джучия процесс тюркского этногенеза осложнился новым монгольским влиянием. Однако в основе его попрежнему лежали различные комбинации тюркоязычных племен, составлявших большинство населения Дешт-и-Кыпчака, хотя и в соединении с другими и прежде всего монгольскими племенами. Рядовые кочевники-монголы растворялись в тюркоязычной кыпчакской среде не только на Алтае, о чем имеются прямые свидетельства мусульманских авторов. Арабский историк XIV в. ал-Омари сообщает относительно Улуса Джучия, или Золотой Орды, следующее: «В древности это государство было страной кыпчаков. Но когда им завладели татары (т. е. монголы, — *Л. П.*), то кыпчаки сделались их подданными. Потом (татары) смешались и породнились с ними (кыпчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кыпчаки, как будто бы одного с ними рода, оттого что монголы (и татары) поселились на земле кыпчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (кыпчаков)».[1]

Тюркоязычный субстрат упомянутого процесса выступает и в том общеизвестном факте, что даже литературным языком в Улусе Джучия был один из тюркских языков с наличием в нем кыпчакских языковых элементов, не говоря уже о наречиях кочевых племен, населявших степи, где эти кыпчакские элементы преобладали. Официальные грамоты-ярлыки золотоордынских ханов писались на тюркском литературном языке, а некоторые из них даже на «местном кыпчакском языке» (ярлык Тоштамыш-хана 1393 г.).[2]

Алтайские южные племена, входившие в восточную часть Джучиева улуса (Белую Орду), представляли восточную окраину распространения кыпчакских племен и жили общей культурно-бытовой жизнью с соседними кыпчакскими племенами Белой Орды.

После смерти хана Бату (1256) в процессе политического раздробления Улуса Джучия, видимо, возникали новые комбинации кыпчакских тюркоязычных племен, которые в смешении с монголами оказали боль-

---

[1] В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, стр. 235 (русского перевода).

[2] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 66.

шое влияние на этнический состав таких современных народностей, как казахи, узбеки, каракалпаки, башкиры и др., значительная часть южных алтайцев (в том числе современных телеутов). Вышеизложенным вполне объясняется тот общеизвестный факт, что в родо-племенном составе казахов, киргизов, каракалпаков, бывших кочевых узбеков, башкир, южных алтайцев и других народностей, живущих в течение ряда веков на далеком расстоянии друг от друга, встречаются одни и те же родо-племенные названия (Кыпчак, Найман, Меркит и т. д.). Этим же разъясняется и тот факт, что эпическое творчество времени Улуса Джучия (например сказания о Чара-Батые, Едиге, Тохтамыше) сохранялось до недавнего времени в Крыму, у ногайцев Северного Кавказа, у казахов, у различных групп сибирских татар, а также у южных алтайцев и других тюркоязычных народностей.[1]

Кроме эпоса, о совместной исторической жизни южных алтайцев и ряда перечисленных народностей в период существования Улуса Джучия говорит также и культурно-бытовая общность, прослеживающаяся на этнографическом материале до сего времени. Достаточно указать, что переносное войлочное жилище южных алтайцев (*кереге*) тождественно с казахским, киргизским, узбекским и т. д. не только по материалу и конструкции, но и по названиям его отдельных частей (решетчатые стены основы, палки крыши, деревянный круг для дымового отверстия и т. д.). Это тождество в названиях наблюдается и по линии мужской одежды. Достаточно для этого сравнить наименование алтайского халата — *чокпен* с казахским *шокпен,* а также наименования овчинной шубы (*тон*), дохи с шерстью наружу (*яргак*) и т. п. Особенно много сходства наблюдается в способе приготовления мяса и молочных продуктов и связанной с этим терминологии. Кислый молочный сыр алтайцев *курут* под этим же названием известен казахам, киргизам, башкирам и др. То же самое можно сказать про сливки с вареного молока (*каймак*), про кислое молоко (*айран*), для которого у алтайцев, кроме этого, бытует еще монгольское название *чегень* (означающее по-монгольски — кумыс), и т. д. Даже название сосуда для хранения кислого молока — *саба* — одинаково известно на Алтае, у казахов, киргизов и др. Или возьмем такой простой инструмент, как деревянная палка с зазубринами для разминки и выделки шкур. Оказывается, что носящий одно и то же название (*идрек*) как у алтайцев, так и у киргизов Памира этот инструмент имеет у обоих народов в такой степени одинаковую форму, что положенные рядом два таких инструмента невозможно отличить. Эти удивительные «совпадения» можно было бы продолжить, кроме того, по линии народного орнамента, народного календаря, народных музыкальных инструментов, терминологии системы родства, ряда народных обычаев и домусульманских верований казахов, киргизов, кочевых узбеков, южных алтайцев и др.

Из всего сказанного вытекает следующий вывод: историческими предками современных южных алтайцев были кыпчакские тюркоязычные племена. Это относится как к тем, которые жили на Алтае с древних времен, так и к тем, которые оказались здесь в результате распадения Улуса Джучия, в частности его восточной части — Белой Орды, где большая передвижка тюркоязычных племен (продвижение узбекских племен в Среднюю Азию, где они смешались с местным тюркоязычным и ираноязычным населением) представляет хорошо известный исторический

[1] См. мою работу «Героический эпос алтайцев» (Сов. этнография, № 1, 1949).

факт. На Алтае эти поздние кыпчакские элементы, как указано, смешивались не только с потомками других древних алтайских тюркоязычных племен времени тюркского каганата (телесы, тюргеши и др.), но и с западномонгольскими этническими элементами.

С распадом Улуса Джучия историческое и этническое развитие алтайцев происходит под сильным воздействием западных монголов, или ойратов, так как с конца XV и начала XVI в. Алтай оказывается в сфере политического господства западномонгольских, или ойратских, ханов. Западномонгольские племена распространяют свои кочевья и на Горный Алтай. Однако и в это время, смешиваясь и скрещиваясь с тюркоязычными алтайскими племенами, они частично растворялись, ассимилировались среди южных алтайцев. При этом скрещивании тюркский язык южных алтайцев снова оказался победителем. Свидетельством этого процесса служит появление у современных южных алтайцев сеоков Чорос, Тербет, Тумат и др. Приведенные этнонимы хорошо известны у западных монголов, или ойратов, у которых они служат наименованием отдельных крупных племен или племенных и родовых объединений. Влияние западных монголов на этнический состав алтайцев продолжалось до половины XVIII в., когда распалось Джунгарское государство западных монголов.

Таким образом на основании всего изложенного выше можно резюмировать, что современные южные алтайцы этнически произошли в результате длительного и сложного исторического процесса, в результате дробления и расхождения, смешивания и скрещивания различных, преимущественно тюркоязычных, кыпчакских по языку, племен. Следовательно, это потомки древних алтайских и средневековых кыпчакских племен, в формировании которых принял значительное и неоднократное участие монгольский этнический элемент. При этом при всех многочисленных скрещиваниях разноязычных элементов южноалтайский тюркский язык, возникший в глубокой древности на базе кыпчакских диалектов, вышел победителем. Южные алтайцы родственны по этническому происхождению ряду тюркоязычных народностей нашей страны и прежде всего казахам, киргизам, части узбеков, сибирским татарам и др.

Происхождение северной группы алтайцев имеет иную историю. Прежде всего язык северной группы алтайцев в упомянутой выше классификации тюркских языков относится к северо-восточной группе, которую именуют также уйгурской, так как фонетические особенности этой группы сходны с языком древней тюркоязычной народности — уйгуров. Это сходство прослеживается и в лексике. В диалектах северных алтайцев, например, собака (*адай*) и телега (*канга*) носят уйгурские названия, в то время как у южных алтайцев они имеют другие названия (собака — *ит,* телега — *абра,* или *арба*), распространенные среди тюркских племен и народов, связанных своим происхождением с кыпчакской группой. В эту же северо-восточную группу по признакам языка входит также ряд диалектов хакасского языка. Еще в дореволюционное время внимание языковедов (Корш, Радлов) привлекли некоторые фонетические особенности языка северных алтайцев, которые объяснялись связями с восточнофинскими, или угорскими, языками. Наши советские ученые установили, что эти особенности являются характерными для угро-самоедских языков (ненецкий, селькупский, а также языки хантов и манси).

Указание на некоторую языковую общность северных алтайцев с угорскими и самоедскими народностями западной Сибири согласуется с антропологическими данными. Существенные антропологические раз-

личия между населением южного и северного Алтая проявляются уже с периода VI—X вв. и приобретают в это время тот характер, который они носят и теперь. Отличаясь меньшей монголоидностью основных антропологических признаков, северные алтайцы, особенно шорцы и кумандинцы, как уже отмечено, обнаруживают общность антропологического типа по измерительным и описательным признакам с обскими уграми — хантами и манси. Общность северных алтайцев с хантами и манси ярко выступает на этнографическом материале. Особенный интерес в этом отношении представляет одежда. Как показали исследования Н. Ф. Прытковой, верхняя мужская и женская распашная одежда северных алтайцев (шорцев, челканцев, кумандинцев) совершенно одинакова по покрою с одеждой сургутских хантов (хантов среднего и нижнего течений Оби) и с одеждой так называемых томских татар. Сходство это замечается и в материале, представляющем собой самодельный холст. Такие же аналогии северных алтайцев с хантами и манси дает и сопоставление орнамента. Исследовавший этот вопрос С. В. Иванов пришел к заключению, что прямолинейный геометрический орнамент, характерный для тканых и вязаных изделий шорцев и кумандинцев, распространен и у южной группы хантов (живущих по рекам Иртыш, Салым, Конда), у южной группы манси и у нарымских селькупов. В классификации типов орнамента у народов Сибири названный исследователь объединил в общий тип орнамент южных хантов и манси и орнамент кумандинцев и шорцев.

Сопоставление общих элементов народной культуры у северных алтайцев, особенно у шорцев, с хантами и манси можно продолжить и на других примерах. К ним относится общность типа ручной охотничьей нарты, которую охотники в зимнее время, нагрузив съестными припасами и снаряжением, идя на лыжах, тянут за собой.

Шорцы, так же как ханты и манси, имеют однотипный очаг (*чувал*) с трубой из жердей, обмазанной глиной. В качестве хозяйственной постройки, устраиваемой как в тайге в районах промысла зверя, так и вблизи жилища, у этих народностей сооружаются небольшие срубы-амбарчики на высоких жердях для хранения продуктов питания, особенно мяса.

В области шаманского культа у хантов и кумандинцев наблюдается сходство формы деревянных идолов: характерные для хантов остроголовые идолы зафиксированы и у кумандинцев.[1] У кумандинцев, так же как и у северных шорцев, во время некоторых видов общественных шаманских молений употреблялась берестяная маска, надеваемая отдельными участниками моления (*кочо-кан*); это характерно также и для общественных молений хантов и манси, где такая маска играла видную роль. Манси и ханты, как известно, во время обрядового праздника в честь убитого медведя изготовляли деревянный фаллос.[2] Элементы фаллического обряда при охоте на медведя совершали и шорцы, употребляя при этом вместо деревянного фаллоса прутик.[3] Изготовление деревянного фаллоса сохранялось до недавнего времени у шорцев, живущих в Хакассии (верховья Таштына и Матура), переселившихся сюда с р. Мрассы в XVIII в.[4] Характерные для хантов и манси представления и изображения духов предков в виде крылатых людей находят полную аналогию

---

[1] W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, S. 332.
[2] K. Patkanov. Die Irtisch-Ostjaken und ihre Volkspoesie, Bd. I. 1897, S. 130.
[3] N. Dyrenkova. Bear worship among turkish tribes of Siberia. Proc. of the Twenty-third Intern. Congress of Americanists, 1928, p. 437.
[4] По материалам П. И. Каралькина.

в изображениях некоторых духов шамана, помещавшихся в виде рисунков на шаманских бубнах шорцев. Подобные аналогии не единичны.

Этнографический материал и данные топонимики позволяют установить следы общности шорцев и с кетоязычным населением бассейна Енисея: с кетами, или так называемыми енисейскими остяками, и с коттами XVII—XVIII вв., позднее ассимилированными тюркоязычными племенами Минусинской котловины. Так, еще Радлов обратил внимание на то, что в северном Алтае, преимущественно в районе расселения шорцев, наименования рек носят окончания *зас, сас* (Анзас, Пызас и т. д.), перешедшие, по его мнению, из енисейско-остяцкого языка (кетского).[1] Позднее Радлов, основываясь на данных топонимики, выдвинул гипотезу, что шорцы являются тюркизированными (по языку) енисейскими остяками,[2] что, утратив свой разговорный родной язык, они сохранили топонимику на этом языке. Если отбросить несомненное преувеличение этой гипотезы, заключающееся в том, что этническое происхождение шорцев представляется в слишком упрощенном виде, — а оно несомненно сложнее, — то общность некоторых этнических элементов кетов и шорцев не может вызвать сомнения. Так, совсем недавно кеты почитали доброе божество мать-Томь, которая, по их представлению, обитала далеко на юге, в каменном доме. В этом представлении еще сохранилась народная память о былом проживании части кетов в каменных горах в верховьях р. Томи, где кетскую топонимику до сих пор хранят современные шорцы. Целый ряд бытовых особенностей, обрядов и обычаев кетов и шорцев и в наше время отражает общность их исторической жизни и, видимо, этнического происхождения. Напомним, что как те, так и другие в XVII в., несмотря на их территориальную отдаленность, славились «кузнецким делом», т. е. умением выделывать железные изделия. Поэтому волости их расселения на Томи и Енисее одинаково именовались «кузнецкими». В жизни тех и других охота на зверя имела первостепенное значение. Некоторые детали охотничьего быта коттов, описанные Георги в XVIII в., сохранили поразительное сходство с современными шорскими. Так, например, Георги сообщает об обычае коттов во время охотничьего промысла спать «около огня попарно так, что головы их лежат одна супротив другой, а ноги одного под руками у другого».[3] Точно так же спят в тайге на охоте и современные шорцы, особенно те, предки которых переселились из долины р. Мрассы в бассейн Абакана, где они стали известны в этнографической литературе под наименованием «сагайцы». Сходен был до революции у тех и других и обряд захоронения умерших маленьких детей на дереве, завернутыми в бересту. В шаманстве обеих народностей выдающуюся роль играет береза как любимое дерево добрых духов, и т. д. Шаманский бубен шорцев и кумандинцев обнаруживает большое сходство с шаманским бубном кетов. Е. Д. Прокофьева, установившая это в своем специальном исследовании, относит бубны шорцев, кумандинцев и кетов к одному общему типу.

Наконец прямым свидетельством распространения на Алтае кетоязычного этнического элемента служит сеок Ара у алтайцев, население которого является потомками аринов XVII в., кочевавших в бассейне р. Енисея.

Одним из существенных этнических компонентов северных алтайцев нужно признать южносамоедский этнический элемент. Данные об этом

---

[1] W. Radloff. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882, S. 66.
[2] W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, S. 188—189.
[3] И. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. III, стр. 27.

содержит как исторический письменный, так и этнографический материал. Обратимся прежде всего к историческому материалу, связанному с этнонимикой северных алтайцев. Мы не найдем в нем того поразительного сходства в родо-племенных названиях, которое дает сопоставление их с современными этнонимами южных алтайцев. Однако и здесь устанавливаются отдельные, хотя и редкие, генетические связи. Это относится прежде всего к этнониму туба, являющемуся обобщенным наименованием части северных алтайцев — тубаларов. Данный этноним известен по китайским летописным источникам в форме *дубо* и в летописной хронике Вейской династии фигурирует в качестве одного из наименований поколений гаогюйцев-теле. В летописи Танской династии это поколение отнесено к тюркам-тугю, причем к «лыжным тугю», являвшимся восточными соседями хакасов-кыргызов. Приведем это место по уточненному переводу: «Реки все текут на северо-восток. Пройдя это государство, соединяются и на севере входят в море (т. е. озеро Косогол, как отмечает Иакинф). На востоке достигают (говорится о путешественнике) трех поселений цзюэ Мума (мума значит буквально: деревянные лошади, т. е. лыжи), или лыжных тугю; называются Дубо, Милиге и Эчжи. Их старшины все являются Сяц-зинь (Гйегины в транскрипции Иакинфа). Березовою корою покрываются дома. Много хороших лошадей. Обычно ездят на деревянных лошадях (мума, т. е. указанных лыжах), бегая по льду. Досками подпирают (подставляют) ноги; если на кривое дерево (палку) упереть подмышку, то внезапно с силою устремляются на 100 шагов».[1] Указанная летопись сохранила краткое, но выразительное описание быта Дубо: «Разделялось на три аймака, из коих каждый управлялся своим начальником. Они не знали годовых времен (не имели календаря): жили в шалашах из травы; ни скотоводства, ни землепашества не имели. У них много сараны: собирали ее коренья и приготовляли из них кашу. Ловили рыбу, птиц, зверей и употребляли в пищу. Одевались в соболье и оленье платье; а бедные делали одежду из птичьих перьев. При свадьбах богатые давали лошадей, а бедные приносили оленьи кожи и саранные коренья. Покойников полагали в гробы и ставили в горах или привязывали на деревьях. Провожая покойника, производили плач так же, так и тукюесцы. Не было ни наказаний, ни пеней. Укравший что-нибудь вдвое платил за кражу».[2]

Из этого описания видно, что этноним *дубо* относился к таежным охотничьим племенам, зависимым от тюрков-тугю. Позднее этноним *дубо—туба* встречается в «Сокровенном сказании» (Юань-чао-би-ши, XIII в.), в рассказе о покорении сыном Чингис-хана, Джучием (1207), лесных народцев Саяно-Алтайского нагорья, применительно к одному из этих народцев.[3] Этот этноним сохранился и до наших дней в родо-племенных названиях современных народностей Саяно-Алтайского нагорья. Характерно, что и современные саяно-алтайские племена и народцы, среди которых сохранился этноним *дубо* (тофалары-карагасы, тубалары-алтайцы), до революции тоже относились по культуре и быту к таежным охотничьим племенам, этническое происхождение которых связано с южными самоедами, ибо некоторые из них были самоедоязычными или сохраняли остатки этого языка еще

---

[1] Н. В. Кюнер. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII—VIII вв. н. э. Зап. Хакасск. научно-исслед. инст., вып. II, Абакан, 1951, стр. 14. — Ср.: Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений..., I, стр. 354.

[2] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений..., I, стр. 348.

[3] С. А. Козин. Сокровенное сказание..., стр. 175.

в XVII—XVIII вв. На родство туба с самоедами указал еще Георги.[1] Позднее этот взгляд высказывали и обосновывали М. А. Кастрен и В. В. Радлов.[2] В наше время принадлежность этнонима *туба—дубо* к южносамоедским племенам подтвердил Г. Н. Прокофьев.[3] Упомянутый выше этноним *милиге,* которым в китайской летописи поименовано одно из поколений Дубо, может быть следует сопоставить с наименованием «милисы». Последним наименованием в русских исторических источниках XVII в. называли часть «чулымских татар», которых позднее стали называть «мелецкими татарами». Мелецкие татары входили в состав тюркоязычного населения р. Чулыма, где был известен также род Байгул, членов которого Г. Е. Грум-Гржимайло считал потомками (наряду с масинским, т. е. южносамоедским родом Байга) телеского поколения Баегу китайских источников или Байырку орхонских надписей.[4] В китайской летописи упомянутые Баегу фигурируют вместе с Дубо в числе поколений теле и про них сказано: «Страстно любили звериную ловлю; землепашеством мало занимались. Гонялись по льду на лыжах за оленями. Обычаи по большей части сходствовали с тйелэскими; в разговоре была небольшая разница».[5] Стало быть, и члены рода Байегу по культуре и быту относились к тем лесным племенам и народцам Саяно-Алтайского нагорья, которые по своему происхождению, видимо, так же как и Дубо, были связаны с самоедским этническим элементом, но находились в зависимости от тюркоязычных племен теле и тугю и подвергались тюркизации. На это указывает и то, что в словарном фонде современных самоедских языков *бай, байга* входят в этнонимы самоедских родов и племен (туруханские, карасинские самоеды, камасинцы).

Таким образом наличие у северных алтайцев некоторых из указанных выше этнонимов, особенно этнонима *туба,* является свидетельством того, что в этногенезе северных алтайцев приняли участие южные самоедские племена. Однако на это указывает не только распространение этнонима *туба—дубо,* но и некоторые другие данные. Сошлемся на отдельные этнографические параллели, например между шорцами, челканцами, кумандинцами и селькупами. Известно, что у всех поименованных народностей до революции был распространен особый тип очага, так называемый чувал. У селькупов чувал делался из старой лодки долбленки.[6] У шорцев и челканцев в прошлом чувал тоже делали из лодки, на что указывает его название *кебе,* или *кебеге* (буквально: лодка). Трубу такого очага шорцы и челканцы называют *суген,* что значит рыболовный снаряд (верша), сплетенный из прутьев. Надо сказать, что труба эта действительно плетется из прутьев наподобие верши и затем обмазывается глиной. Вполне возможно, что если лодка шла на стояк чувала, то для устройства трубы использовали старые верши. Предания селькупов и кумандинцев свидетельствуют о распространении у них в прошлом бере-

---

[1] И. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. III, стр. 17.

[2] A. Castren. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849. Nordische Reisen und Forschungen, Bd. II, St.-Pet. 1856, S. 351, W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, S. 191, 212—213.

[3] Г. Н. Прокофьев. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна. Сов. этнография, № 3, 1940, стр. 69—70.

[4] Г. Е. Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II. Л., 1926, стр. 250.

[5] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений..., I, стр. 344.

[6] Е. Д. Прокофьева. Древние жилища на реках Тым и Кеть. Сов. этнография, № 2, 1947, стр. 200.

стяной лодки. Основное значение этих фактов состоит в том, что они отражают значительную роль в прошлом в хозяйственной жизни челканцев и селькупов рыболовства. Это обстоятельство никак нельзя признать типичным для исконных тюркоязычных кочевников-скотоводов, если исходить из того, что шорцы и челканцы происходят от древних тюркских кочевников Алтая, как это было установлено в отношении южных алтайцев. Но это хорошо согласуется с условиями хозяйственной жизни таежных охотничьих племен Саяно-Алтайского нагорья, связанных по происхождению с самоедами, среди которых таежное рыболовство входило в комплекс хозяйства этих обитателей тайги.

Далее у кумандинцев встречается фамилия Каралькин. Эта фамилия распространена и у селькупов, расселенных по р. Тыми и по р Оби. Она произошла, как показал Г. П. Прокофьев, от названия рода Журавля (*караль-куп*) в процессе разложения родового строя у селькупов и превращения в связи с этим родоплеменных названий в фамильные названия.[1] Отметим также существование у северных алтайцев (кумандинцы, тубалары) рода, или кости, Чоту, или Чота.[2] Эта кость является общей для койбалов, карагасов-тофаларов и части северо-восточных тувинцев (тоджинцев), южносамоедское происхождение которых вполне установлено. Появление сеока Чоты у кумандинцев предание связывает с приходом на Бию трех братьев, явившихся родоначальниками этого рода у кумандинцев и тубаларов Комдошской волости. Чоты имеются и в составе шорцев, как можно судить из некоторых шорских преданий, которые указывают, что в старину по р. Мрассе, близ современного улуса Сосновая Гора, жил народец по имени Чот. В предании говорится, что бóльшая часть этого народца вымерла от какой-то болезни, а уцелевшая часть смешалась с шорцами — жителями улуса Сосновая Гора. Здесь речь идет, конечно, о той же самоедской по происхождению кости Чоту, или Чота, которая вошла в состав современных шорцев.[3]

В связи со сказанным получают особенное значение некоторые охотничьи легенды кумандинцев, в которых упоминается о доении оленей, хотя это и приписывается горным духам кумандинцев.[4] В этом можно видеть воспоминания о том, что часть кумандинцев, связанная своим происхождением с южными самоедами, разводила в старину оленей. На оленях ездили верхом, а молоко их употребляли в пищу, как это делают еще и теперь тофалары-карагасы и тувинцы-тоджинцы, а в XVIII в. это делали и койбалы. О разведении оленей в прошлом (некоторой частью кумандинцев), может быть, говорит еще и наличие у кумандинцев сеока Тоон, а также шорское название кумандинцев — *тоон-кижи*. Известно, что термин *тоон* значит «олень», а *тоон-кижи* может означать «оленеводы», как и термин *тоджи* (наименование северо-восточных тувинцев-оленеводов).[5] Оленеводство у тувинцев в северном Алтае сохраниться не

---

[1] Г. П. Прокофьев. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна. Сов. этнография, № 3, 1940, стр. 74.

[2] Название этого сеока произносится также *Чоты*, *Иоты*, а у тубаларов — *Дьууты* (см.: Словарь Ойротско-русского языка Н. Баскакова и Т. Тощаковой, 1945, стр. 216).

[3] Ср. предания шорцев о войнах с народом Чот, или Шот, приходившим к шорцам через верховья р. Мрассы (Шорский фольклор, стр. 309).

[4] Н. П. Дыренкова. Охотничьи легенды кумандинцев. Сборник Музея антропол. и этногр. АН СССР, т. XI, 1949, стр. 121, 123, 125.

[5] В. Радлов. Этнографический обзор тюркских племен Сибири и Монголии. Иркутск, 1929, стр. 25 (см. примечания переводчика).

могло вследствие природных условий этого района, лишенного кормовых угодий для оленей.

Кроме приведенных данных о проникновении южносамоедских этнических элементов на Алтай, можно сослаться еще на существование у алтайцев сеока Модор. Население, относящее себя к этому сеоку, следует признать потомками самоедоязычных маторов, входивших в XVII в. в состав Тубинской землицы Красноярского уезда, позднее (XVIII в.) Тубинского аймака, или улуса. Однако когда и при каких обстоятельствах часть маторов, как и часть в прошлом кетоязычных аринов, оказалась на Алтае, пока еще не выяснено. Известно только, что в середине XVII в. на Алтае появились тоджинцы («точи» русских документов), которые кочевали по р. Катуни вместе с другими тувинскими племенами: саянами и мингатами.[1]

Отметим у кумандинцев же еще один древний этноним, упоминаемый в «Сокровенном сказании монголов» как наименование одного из лесных народцев, покорившихся вместе с туба сыну Чингис-хана, Джучи.[2] Речь идет о наименовании кумандинского сеока Тас (мн. ч. *Тастар*).

В ясачной книге Томского уезда за 1690 г. говорится, что часть тастаров находилась в верховьях Томи «в бегах от киргизских воровских людей». Тастарская волость ясак платила бобрами и соболями. В предании о происхождении сеока говорится, что тастары в старину были рыболовами (*палыкчылар*). Они вошли в состав тувинцев (*сойот*) и верхних кумандинцев (*Öре куманды*). С последними они считали себя в кровном родстве, и поэтому браки между сеоками Тастар и Öре куманды не допускались.[3] Общность тастаров с верхними кумандинцами выступает и в сходстве хозяйственной жизни, зафиксированной преданиями. Так, в преданиях верхних кумандинцев говорится, что они в прошлом занимались рыболовством и делали лодки из бересты (*тос кебе*). Таким образом оба этих сеока по хозяйственной деятельности и некоторым элементам материальной культуры связываются общностью, характерной для лесных племен самоедского и кетского происхождения, живших на Саяно-Алтайском нагорье.

Для выяснения тюркского этнического элемента в составе современных северных алтайцев важнейшим источником является их язык. Последний, как было замечено, относится не к кыпчакской группе тюркских языков, что характерно для южных алтайцев, а к уйгурской, связанной своим происхождением с древними уйгурами, господство которых в VIII в. в восточной части Центральной Азии сменило политическую власть тюркских каганатов. Данные языка дают прямое указание на участие в этногенезе северных алтайцев древнеуйгурского тюркоязычного элемента и ассимиляции им мелких разноязычных (уйгурских, самоедских, кетских) племен и родов в районе Саяно-Алтайского нагорья. Вместе с этим имеются материалы, которые дают основание утверждать, что тюркитугю также приняли участие в процессе этногенеза северных алтайцев. В этой связи большой интерес представляет этноним *со* как название одного из сеоков кумандинцев.

Легенда, зафиксированная китайской летописью о происхождении тюрков-тугю, удачно истолкованная Н. А. Аристовым (о ней упомянуто выше при рассмотрении вопроса о происхождении южных алтайцев),

---

[1] Дополнения к «Актам историческим», т. III, стр. 319; Г. Миллер. История Сибири, т. II, стр. 534.

[2] С. А. Козин. Сокровенное сказание..., стр. 175.

[3] Предание записано П. И. Каралькиным.

может получить еще большее значение, если принять во внимание дополнительный материал, связанный с этнонимом *со*. Напомним, что легенда производит тюрков-тугю из племени Со, обитавшего на север от гуннов, вероятно в районе северного Алтая, поскольку южный Алтай входил в часть владений гуннов. В связи с этим кумандинский сеок Со как по названию, так и по месту его обитания признается исследователями генетически связанным с племенем Со, упомянутым в легенде. К этому можно только добавить, что область распространения племен и родов с этнонимом *со* может быть расширена за пределы кумандинского сеока Со, возможно до якутов включительно. Во всяком случае сеок, или кость, Соо, или Сого (существуют и другие транскрипции этнонима *со*: *соко, сокы, сохо* и т. п.), еще в XVII в. был в составе Качинской землицы на Енисее, входя в Тойларов аймак. После 1664 г. Тойларов аймак в ясачных книгах именуется Кубановым улусом. Сеок этот сохранялся у качинцев вплоть до XX в. в составе Кубанова административного рода. Вполне возможно, что Кумандинская волость, упоминаемая в русских исторических документах первой половины XVII в. в числе кондомских волостей,[1] т. е. волостей, расположенных в районе течения р. Кондомы, была родственной Кубанову Улусу по составу населения. Таким образом один из древнейших этнонимов тюркоязычного населения первых веков нашей эры, зафиксированный китайской летописью, по материалам легенд сохранился в родоплеменных названиях современных кумандинцев и хакасов.

Можно еще отметить этноним *киби*, отнесенный китайскими источниками к наименованию одного из поколений теле. Г. Е. Грум-Гржимайло связывает его с названием шорского сеока Киби, или Киви.[2] Этноним *киби* (*киви*) сохранился в названии Кивинской волости у шорцев и сагайцев, упоминаемой в русских исторических документах с XVII в.[3] Наконец необходимо привлечь внимание к наименованию гаогюйского поколения — Аба, упоминаемому в летописи Суйской династии (581—618). Однако, по сообщению Н. В. Кюнера, в переводе Бичурина допущено смешение между наименованием Аба как поколением теле и именем хана Або.[4] Этот этноним фигурирует в качестве одного из названий поколений теле и у Шаванна под датой 603 г.[5] Наименование Аба известно из русских исторических документов начала XVII в. как название волости и поколения «кузнецких татар», предков современных северных шорцев. У последних этноним *аба* отмечен всеми исследователями в качестве названия сеока. Участники русских академических экспедиций XVIII в. Гмелин и особенно Георги дают довольно подробное описание культуры и быта абинцев и подчеркивают их полное сходство «в рассуждении виду, душевных качеств, внутреннего своего устройства, нравов, языка, счисления времени и обрядов» с телеутами.[6] Видимо, еще в XVI в. абинцы входили в состав телеутов, как в VII в. они входили в состав теле. Несмотря на то, что в начале XVII в. абинцы описываются

---

[1] Л. П. Потапов. Этнический состав сагайцев. Сов. этнография, № 3, 1947.
[2] Г. Е. Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, стр. 248.
[3] Л. П. Потапов. Этнический состав сагайцев. Сов. этнография, № 3, 1947, стр. 110—111.
[4] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений..., I, стр. 238.
[5] Ed. Chavannes. Documents sur les Tou-Kiue (turcs) occidenteaux, p. 50 (со ссылкой на летопись Суйшу и St. Julien'a).
[6] A. Gmelin. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743, Bd. I; И. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II, стр. 162.

звероловами и металлургами, они были также и скотоводами, ибо Георги отмечает, что их «скотоводство во всем подобно телеутскому», а это означает, что еще в XVIII в. абинцам было известно и кочевое скотоводство, в отличие от предков южных шорцев, занимавшихся только звероловством, таежным рыболовством и собиранием корней. В связи с этим следует обратить внимание на фольклор северных шорцев, в котором имеется героический эпос, отражающий жизнь, культуру и быт скотоводов-кочевников, в то время как в целом для фольклора шорцев характерны коротенькие сказки, охотничьи рассказы и легенды, отражающие культуру и быт исконных таежников — пеших звероловов. Ранее уже указано, что факт наличия героического эпоса у шорцев, тождественного героическому эпосу южных алтайцев, объясняется участием в этногенезе северных шорцев телеутов — древних кочевников-скотоводов, происхождение которых связано с тюркоязычными племенами Алтая VI—VIII в.[1]

Таким образом в составе современных северных алтайцев прослеживаются отдельные древние этнические элементы, в VI—VIII вв. входившие в объединения тюркоязычных племен обширного Саяно-Алтайского района и известные в китайских летописных хрониках под наименованиями «теле» и «тугю». Поэтому вполне естественно, что в некоторых наиболее консервативных элементах дореволюционного быта северных алтайцев сохранились остатки, например, шаманских верований алтайских или орхонских тюрков VI—VIII вв. Характерным примером этого может служить культ женского божества, покровительницы детей Умай, или Май-Ене, у северных алтайцев (в частности у шорцев), имя и культ которого известны по орхонским надписям. Однако, как показывает предшествующее изложение, несмотря на то, что не эти древние этнические элементы определяют этнический состав северных алтайцев, они не могут быть игнорированы при выяснении вопросов этногенеза этой группы алтайцев.

Подытоживая все сказанное об этническом составе северных алтайцев, можно утверждать, что они сложились в результате сложного и длительного процесса дробления и расхождения, смешения и скрещения различных тюркских, угорских, самоедских и кетских этнических элементов преимущественно в таежных районах Саяно-Алтайского нагорья. Этнографическое своеобразие культуры северных алтайцев, выросшее на базе пешей охоты, таежного рыболовства, мотыжного земледелия и собирания диких съедобных растений, резко отличает ее от культуры южных алтайцев. В то же время многие черты культуры северных алтайцев обнаруживают поразительное сходство с культурой ряда других народностей Сибири, угорских, самоедских и кетских по языку, ныне удаленных от северных алтайцев на многие сотни и даже тысячи километров. Такое сходство в культуре упомянутых народностей не может быть случайным. Оно указывает на общность этнических элементов этих народностей в прошлом, на общность их исторической жизни. Кстати сказать, еще в XVII в. угорские и тюркские племена западной Сибири территориально соприкасались.

Процесс дробления и смешения упомянутых выше этнических элементов сопровождался скрещиванием различных языков и диалектов, в результате чего некоторые языки выходили победителями, другие же подвергались постепенно полной ассимиляции. Победителем в данном

---

[1] См. мою рецензию на «Шорский фольклор» в № 3 «Советской этнографии» за 1948 г.

процессе вышел тюркский язык северных алтайцев, который сложился на основе древних уйгурских языковых элементов. Тюркизация разноязычных, упомянутых выше, этнических элементов в районе Саяно-Алтайского нагорья, в частности в районах северного Алтая, началась в глубокой древности, по крайней мере с периода тюркских каганатов и их политических наследников — уйгурского ханства и каганата енисейских кыргызов, о чем ясно свидетельствуют словарный состав и некоторые особенности грамматического строя северного алтайского языка. Необходимо подчеркнуть, что позднее эти тюркоязычные мелкие племена и роды подверглись также некоторому монгольскому влиянию, особенно в период господства ойратских, или западномонгольских (джунгарских) ханов.

Процесс тюркизации разноязычных мелких племен Саяно-Алтайского нагорья, в частности самоедоязычных и кетоязычных (маторы, камасинцы, котты, ассаны, арины и др.), продолжался и позднее, в XVII—XVIII вв., под влиянием ближайших исторических предков современных хакасов, в составе которых большую роль играли енисейские кыргызы.

Итак, из всего предшествующего изложения вытекает, что современные южные и северные алтайцы имеют, во-первых, различное, а во-вторых, сложное этническое происхождение. Наименование их алтайцами было принято в литературе по признаку проживания их в Алтае. До революции алтайцами (*алтай-кижи*) именовалась только одна небольшая территориальная группа южных алтайцев, обитавшая в бассейне Катуни, Чарыша, Песчаной. Однако в настоящее время наименование алтайцы широко и прочно вошло в быт и сознание современных алтайцев Горно-Алтайской автономной области, независимо от самоназвания их до революции.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АЛТАЙЦЫ В СОСТАВЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

I. ВКЛЮЧЕНИЕ АЛТАЙЦЕВ В СОСТАВ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Включение тюркоязычных племен Алтая в состав Русского государства происходило в течение XVII и первой половины XVIII в. Для северных и южных алтайцев оно оказалось различным во времени и совершилось при разных обстоятельствах. Так, племена северного Алтая были включены в процессе образования многонационального Русского государства еще в начале XVII в. в связи с освоением русскими огромных почти не заселенных пространств Сибири.

Известно, что Сибирь была открыта русскими людьми еще в XI—XII вв.[1] Однако настоящее ознакомление с нею пришлось на XVII в., когда русские люди доставили цивилизованному миру подлинные данные о природе, географии, населении этой богатейшей и суровой части северной Азии. Продвижение и освоение русскими Сибири сопровождалось составлением чертежей и росписей вновь открытых земель. Эти документы хранились в местных архивах уже с конца XVI в. и в большом количестве доставлялись в Москву в Казанский приказ, ведавший делами Сибири, а с 1637 г. в Сибирский приказ.[2] Как показал А. И. Андреев, уже в 1629 г. был составлен первый чертеж всей Сибири, от которого до нас дошла только роспись.[3]

К началу XVII в. громадные пространства от Урала до Тихого океана были населены в основном редкими, часто изолированными друг от друга племенами. Колоссальные природные богатства Сибири лежали почти нетронутыми, так как настоящее овладение ими было не под силу крайне редкому, с первобытной культурой населению. До проникновения русских в Сибирь эта большая и наиболее суровая в природном отношении часть азиатского материка была совершенно оторвана в экономическом и культурном отношениях от цивилизованного мира. И только в результате включения в Русское государство быстрое и активное освоение сибирских земель русскими положило конец этой изолированности. Вовлечение богатейших природных ресурсов Сибири в экономику Русского государства было сразу же оценено московскими царями и вскоре приобрело значение государственного дела.

Русское продвижение по Сибири протекало в быстром темпе. Так, уже к половине XVII в. русские землепроходцы достигли Тихого океана, в пределах же западной Сибири они появились в самом начале

---

[1] Г. Вернадский. О движении русских на восток. Научно-исторический журнал, № 2, 1914; С. В. Бахрушин. Очерк по истории колонизации в XVI и XVII вв. М., 1928; М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Изд. 2-е, Иркутск, 1941.

[2] А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири XVII в. 1940.

[3] Там же, стр. 9—10.

XVII в. В 1604 г. был построен Томск. В следующем году изъявили желание принять русское подданство телеуты, обитавшие по Оби в пяти днях езды от Томска.

Оформление подданства телеутов произошло в Томске в 1609 г.[1] В 1618 г. русские казаки заложили Кузнецкий острог на р. Томи, против устья Кондомы. Постройка этих городов создала базу для распространения русского влияния в Саяно-Алтайском нагорье и защиты русского и ясачного населения от набегов западномонгольских и киргизских феодалов.

Здесь уместно еще напомнить, что первоначальное использование природных богатств Сибири выражалось в максимальном извлечении из нее ценной пушнины. В XVII в. пушнина составляла наиболее ходкий товар, высоко ценившийся и на европейском рынке. Этим объясняется стремление царских воевод получать в *ясак* (дань) от племен Сибири, в хозяйстве которых преобладающее значение имело звероловство, пушнину. Обложение ясаком сибирских племен и народов весьма обогащало царскую казну, причем ее главный доход составлялся из поступления ясака пушниной. От Флетчера, например, мы узнаем, что царь Федор Иванович, кроме удовлетворения мехами потребности казны, отправлял пушнину за границу ежегодно на сумму 400—500 тыс. рублей по ценам того времени, что составляло треть всех доходов, поступавших в казну.[2] Среди источников пушных богатств Сибирь занимала виднейшее место. Историк Котошихин пишет: «А присылается из Сибири царская казна ежегодь: соболи, мехи собольи, куницы, лисицы черные и белые, горностаи, белки в розни и мехами, бобры, рыси, песцы черные и белые, и зайцы, и волки, бобры, барсы. А сколько числом тое казны придет в году того описати не в память, а чаять тое казны приходу в год больши штисот тысечь рублев».[3] Вот какие богатства доставляла московской казне Сибирь. Поэтому вполне понятна та упорная и решительная борьба, которую вели московские цари по освоению Сибири и включению ее разрозненного населения в состав Русского государства.

Саяно-Алтайское нагорье, в значительной части покрытое тайгой, также изобиловало пушниной. Еще в VI—VIII вв. население горной тайги доставляло азиатским феодалам ценную пушнину и железо. Аристократическая верхушка древних алтайских тюрков-тугю в изобилии получала «голубых белок и соболей», которых она сбывала в Китай. Позднее дань пушниной собирали уйгурские владельцы, затем кыргызские, или хакасские, ажо. В XIII в. население указанных районов платило дань пушниной Чингис-хану и потомкам его дома. Например, Джучи, сын Чингис-хана, получил при покорении «лесных народов» черных соболей.[4]

Наконец в более близкие к нам времена (XVI—XVII вв.) дань пушниной и железными изделиями собирали известные Алтын-ханы — владетели территории современной Тувы, затем обитавшие по Енисею кыргызские князья (XVII в.) и джунгарские, или ойратские, контайши (XVII—XVIII вв.).

---

[1] Г. Миллер. История Сибири, т. I, стр. 516—517.

[2] Н. Фирсов. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1886, стр. 158, Д. Флетчер. О государстве русском. Изд. 3-е, СПб., 1906, стр. 47.

[3] Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906, стр. 93.

[4] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 35.

Вполне понятно поэтому, что продвижение русских в западную и южную Сибирь в XVII—XVIII вв. встретило упорное сопротивление со стороны азиатских феодалов, которые, естественно, не хотели лишиться доходов от дани. В это время наиболее видное место в составе дани с племен Саяно-Алтайского нагорья занимали пушнина, спрос на которую предъявлял Китай, и железные изделия, потреблявшиеся кочевниками.

Русские при освоении территории северного Алтая и продвижении в среднее течение Енисея встретили весьма активное сопротивление кыргызских и калмыцких (джунгарских, или ойратских) князей, которые отстаивали монопольное право собирания дани с населения этих районов. Взимание дани с населения указанных районов имело особенно важное значение для кочевых феодалов, так как эти районы доставляли им готовые железные изделия. Население верхнего течения рек Томи, Мрассы, Кондомы, Бии и среднего течения Енисея весьма широко занималось изготовлением из железа предметов обихода (котлы, таганы, ковши), военного и охотничьего снаряжения (особенно стремян, наконечников стрел, копий, пик, сабель и т. д.), умея при этом добывать железо из руды, месторождением которой изобиловал край. Правда, эта железоделательная промышленность в техническом отношении была примитивна и носила домашний характер,[1] однако широкое распространение ее все же делало возможным собирание дани железными изделиями, потребность в которых у кочевников-скотоводов была весьма насущной. Поэтому, при вполне понятном нежелании кыргызских и калмыцких феодалов потерять своих данников вообще, особое значение для них приобретали именно эти данники, доставлявшие столь важную продукцию, как изделия из железа.

Еще томский князек Тоян в челобитной московскому царю о принятии его в подданство указывал, что население верхнего течения Томи «делает доспехи и железца стрельные» (наконечники железные к стрелам, — *Л. П.*).[2] В наказе 1622 г. кузнецкому воеводе Баскакову от московского царя говорится про кузнецких ясачных: «делают пансыри, бехтерцы, шеломы, копьи, рогатины и сабли, и всякое железное, опричь пищалей, и те пансыри и бехтерцы продают колмацким людям на лошади и на коровы и на овцы, а иные есак дают колмацким людям железом же».[3] Таким образом северные алтайцы представляли собой базу для снабжения джунгаров и кыргызов военным снаряжением и холодным оружием из железа.[4] Это было достаточно ясно как для томских казаков, так и для московских царей. Томские казаки доказывали, что если объясачить кузнецких татар, то можно привести в подданство и «многих колмацких людей», ибо колмацким людям «оприч Кузнецкие земли, никакова оружья купити не добыть нигде». А наказ 1622 г. рекомендует кузнецким воеводам брать ясак со всех кузнецких людей

---

[1] Л. П. Потапов. Очерки по истории Шории, стр. 100—105. — Железо, повидимому, давно было известно и кыргызам, ибо в истории династии Тан (618—907) говорится, что кыргызы выделывали из железа оружие, которым прежде уплачивали дань тюркам. (В. В. Бартольд. Киргизы, стр. 23).

[2] Г. Миллер. История Сибири, т. I, стр. 445.

[3] О чудских копиях в Сибири. Сиб. вестник, ч. VII, 1819, стр. 141; Сборник кн. Хилкова, стр. 191; Н. Фирсов. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1886, стр. 44.

[4] Изделия из железа изготовляли не только шорцы, но челканцы, кумандинцы и тубалары, которые даже в половине XVIII в. платили дань джунгарскому контайше железными изделиями.

«соболями, и всякой мягкой рухлядью и шеломами, и рогатинами, и саблями, кому чем можно ясак государю давать, а колмацким бы людям отнюдь ясаку давать не велеть и с колмацкими людьми торговать им, опричь соболей, железом, шеломами и пансырями и рогатинами и саблями не велети».[1]

В течение всего XVII в. русским воеводам приходится то и дело вновь приводить «под высокую государеву руку» население, которое формально уже считалось данниками московских царей. Постройка в 1618 г. Кузнецкого острога произошла до полного присоединения племен северного Алтая. Русские казаки, прибывшие из Томска в Москву, сообщали: «кузнецких людей в Кузнецкой земле тысячи с три, и все те кузнецкие люди горазды делать всякое кузнецкое дело». А «из тех кузнецких людей дают государю ясак немногие люди, которые живут близко острожку, всего с двести человек».[2] Стало быть, еще в 1622 г., т. е. после четырехлетнего существования Кузнецкого острога, была объясачена лишь очень незначительная часть населения северного Алтая, обитавшая непосредственно около острога. Более же отдаленное население этого края платило дань джунгарским ханам, что следует из этого же документа: «А которые кузнецкие ж люди живут от Кузнецкого острогу далеко, и теми кузнецкими людми владеют колмацкие люди и ясак с них емлют соболями и железом всяким деланным».[3] Поэтому наказ торопит кузнецкого воеводу Е. Баскакова «кузнецких и ясачных людей всех привесть под государеву царскую высокую руку» и рекомендует в случае неповиновения «над теми кузнецкими и над колмацкими людми промышляти, сколько милосердный Бог помочи подаст, смотря по тамошному делу, чтоб над кузнецкими и колмацкими людми поиск учинити, а себя б уберечи и велети им в Кузнецкой земле ходити бережно и усторожливо, что б их оманом не побили и лиха какого над ними не учинили».[4]

Однако осуществить этот наказ было не так легко, как это представляли в Москве, ибо само население северного Алтая, подбиваемое кыргызскими и калмыцкими феодалами, оказывало нередко сопротивление малочисленным казачьим отрядам. Так, например, население верхнего течения р. Мрассы было объясачено только в 1627 г.[5] В том же году казаку Петру Дорофееву с товарищами удалось собрать ясак с родов, обитавших по р. Кондоме, и пробраться к тубаларам «в новые землицы в Чагатцы, да в Ибери да в Тогусы», т. е. к тубаларским родам Чагат, Тибер и Тогус, обитавшим в верховьях р. Бии (Кергешская волость) и вообще севернее и северо-западнее Телецкого озера.[6] Население данных «землиц» не считало себя ясачным, поэтому в документе говорится: «И тое новые землицы... тебе, государю, ясаку не дали, и собралися, и пришли на служивых людей и учели со служивыми людми битися». Однако перевес в борьбе оказался на стороне казаков, которые

---

[1] Сборник кн. Хилкова, стр. 193.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 191—192.
[4] Там же, стр. 193—194.
[5] Русская историческая библиотека, т. VIII, 1884, стр. 474.
[6] Род Чагат тубалары считают пришедшим к ним с южных берегов Телецкого озера. Все же следует предположить, что во время похода Дорофеева чагаты уже жили среди тубаларов, так как, если бы Дорофеев проник к чагатам на южный берег Телецкого озера, это несомненно нашло бы отражение в его реляции. Казаки считали до этих «землиц» от Кузнецкого острога четыре недели хода на лыжах.

«тех немирных землиц людей побили».[1] Тот же документ упоминает об объясачивании в этом же году «Боланской землицы», под которой я склонен считать местообитание тубаларского рода Палан, являющегося ответвлением рода Конгдош. В 1628 г. из Кузнецка были посланы казаки в Чебанскую волость (кумандинский род Чабат? — *Л. П.*), в Ислель (? — *Л. П.*) за ясаком, но население этих волостей сбежало от казаков. В это время кумандинцы убили четырех русских казаков, присланных к ним за ясаком. Возвращавшиеся в Кузнецк казаки поймали двух убийц, которых доставили в Кузнецк. В Кузнецке убийцы «в расспросе и с пытки» показали, что действовали по указанию телеутского тайши Обака (жил по р. Оби, близ устья Чулыма), который рекомендовал им убивать русских казаков, приезжающих за ясаком, а пищали их присылать ему, Обаку. «А в заводе с ними (в сговоре с телеутами Обака, — *Л. П.*) были Кумандинские волости твои государевы ясачные люди... да Елейские волости... да Ятиберские... да иные-де, государь, многие ясачные люди Елейские и Каргинские волости про то ведали».[2] А в следующем 1629 г. кузнецкий воевода Волконский доносил царю: «кондомские ясачные люди все отложились, а твоего государева ясаку на нынешний на 138 год не хотят дати, а жены свои и дети отправадили в городок».[3] 1629 г. оказался особенно неудачным для кузнецкого воеводы, ибо в этом же году он вторично посылал за ясаком к шорцам, кумандинцам, тубаларам и челканцам, но также безуспешно.[4] В этом же году «отложилось от ясака» и скочевало в белые калмыки, т. е. к телеутам, население Тогульской волости.[5] Наконец в этом же году отказали в ясаке «с себя и с своих кыштымов» Кизигаченская и Ислельская волости. В обе волости была послана карательная экспедиция из кузнецких казаков.[6]

Таким образом видно, что объясачивание кумандинцев, челканцев и тубаларов совершилось значительно позднее, нежели шорцев. Но в документе 1643 г. тубаларские волости Кузенская и Комляжская (Козляшская, или Комдошская) указаны как ясачные и противопоставляются «захребетным» волостям «Мундусские да Тотошские, да Кезегелицкие».[7] В сибирских летописных известиях, относящихся к 60-м и 80-м годам XVII в., шорцы (кузнецкие татары) фигурируют как ясачные,[8] а про мундусцев, найманов, теленгутов и др. говорится, что «ясаку великому государю не платят».[9]

По свидетельству источников, в 1633 г. томский казак Федор Пущин с 60 товарищами пытался проникнуть вверх по Оби до слияния Бии и

---

[1] Русская историческая библиотека, т. VIII, 1884, стр. 474—475.
[2] Там же, стр. 536—537.
[3] Там же, стр. 537.
[4] Там же, стр. 596—599.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 600.
[7] Г. Миллер. История Сибири, т. II, стр. 486—489.
[8] Сибирские летописи. Описание Сибири. Изд. Археограф. комиссии, СПб., 1907, стр. 382; А. Титов. Сибирь в XVII в., стр. 79; Описание «Новые земли, сиречь Сибирского царства». По рукописи б. Румянцевской библиотеки, № CCXIV.
[9] Первоначальная редакция текста к чертежу Сибири, составленного тобольским воеводой Петром Годуновым в 1667 г. Рукопись б. Румянцевской библиотеки, № CCXCIV; Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1849, стр. 6. Путешествие Н. Спафария. Зап. Русск. Географ. общ. по Отд. этнографии, т. X, вып. 1, СПб., 1882, стр. 185 (примечание); А. Титов. Сибирь в XVII в., стр. 35, 50.

Катуни, чтобы построить там острог. Пушин не достиг намеченной цели. Дойдя до устья р. Чулыма (правый приток Оби), он столкнулся с телеутским князем Обаком и отступил после пятидневного боя. В том же году проник на р. Бию и поднялся вверх до Телецкого озера Петр Собанский с казаками, который обложил ясаком телеского князя Мандрака.[1] Вероятно и кумандинцев, челканцев и частично тубаларов, живших по обоим берегам Бии, Собанский также обложил ясаком. Но так как он не построил острога ни на Бии, ни на Телецком озере, то обложение ясаком не было закреплено.

Спустя девять лет, зимой 1642 г., Собанский опять пробрался к Телецкому озеру. Он снова, разбив телесов, взял в плен их князя Мандрака. На этот раз Собанский выбрал и предложил место для закладки острога в устье р. Лебедь (правый приток Бии), однако его предложение не было осуществлено. Через три года князь Мандрак, находившийся в заложниках в Томске, умер; его сын Айдар отказался вносить ясак.

В 1646 г. казаки под предводительством сына томского воеводы, Бориса Зубова, еще раз покорили телесов.[2] Но уже в 1652 г. князь Айдар, не желая вносить ясак, переселился со всеми телесами в кочевья телеутов. Пришедший из Кузнецка к телесам в места их прежнего обитания в 1652 г. атаман Петр Дорофеев уже не нашел здесь телесов. Вскоре после этого телеуты снова приняли русское подданство, в связи с этим подчинились вновь и телесы и возвратились в свои старые места.[3] Из царской грамоты от 19 марта 1659 г., адресованной томским воеводам, видно, что телесы фигурируют уже как «ясачные люди».[4]

С этого времени телесы регулярно вносили в русскую казну ясак пушниной, в то время как телеуты, обитавшие в верхнем течении р. Оби (вплоть до слияния Бии и Катуни), еще в 80-х годах XVII в. платили дань джунгарскому хану. В одной из сибирских летописей говорится: «А от Томского же города... до устья Бии и Катуни ходу стругами полтора месяца. А около тех мест по обоим сторонам реки Оби живут ясачные люди татарове и белые калмыки (телеуты, — *Л. П.*), ясак же платят черных калмык Богохте хану (Бохахта, или Башохто, по другим спискам этой летописи, — *Л. П.*) и иным тайшам, братьям и сродникам его ханским».[5] В «Чертежной книге Сибири», составленной Семеном Ремезовым в 1701 г., шорские, челканские и кумандинские области показаны уже как ясачные.[6] Но господство царских воевод-наместников в Сибири над северными алтайцами до половины XVIII в. не было устойчивым. Это происходило по следующим причинам. Прежде всего потому, что воеводы чинили произвол и насилия при объясачивании этих племен. Такая политика вызывала в местных племенах сопротивление. В правительственных кругах Москвы понимали недопустимость такой политики в отношении объясаченных племен, понимали ее прямой вред в деле укрепления власти Русского государства в Сибири. Поэтому в царских указах к некоторым сибирским воеводам обычно рекомен-

---

[1] И. Фишер. Сибирская история. СПб., 1771, стр. 457.

[2] Из архивных документов видно, что в том же году «отправлен был из Кузнецка на Телецкое озеро пятидесятник Иванов с 58 рядовыми, для проведения к шерти (присяге, — *Л. П.*) телесов и обложению их по 10 соболей» (Гр. Спасский. Путешествие к алтайским калмыкам в 1806 г. Сиб. вестник, ч. III и IV, 1819).

[3] И. Фишер. Сибирская история, стр. 457.

[4] Исторические акты XVII столетия. 1890.

[5] Сибирские летописи, стр. 393; А. Титов. Сибирь в XVII в., стр. 80. — Титул бошокту был дан ойратскому хану Галдану далай-ламой и означал «благословенный».

[6] См. лист 14. Чертеж земли Кузнецкого города.

довалось ясачным людям «ласку и привет держати» и их «от обид и насильства оберегати». Однако реальное значение подобных рекомендаций было невелико, так как воеводы в Сибири чувствовали себя весьма самостоятельными в своих действиях. Алчность и корыстолюбие этих своеобразных вотчинников, возможность быстрого и легкого обогащения заслоняли в их глазах государственное значение освоения Сибири, неизбежно приводили к конфликтам с объясаченным населением и вызывали в присоединенных племенах стремление к отпадению от Русского государства.

Но была и другая, более серьезная причина, подрывавшая устойчивость царской власти в южной Сибири. Она таилась в том, что джунгарские и кыргызские феодалы, стремясь сохранить своих данников, очень часто либо организовывали «бунты» объясаченных племен Алтая против русских, либо выступали с оружием сами. Большую активность в этом отношении проявлял телеутский тайши Абак. Последний вместе со своим зятем Тарлавой (мурзой чатских татар) был связан с «кучумовыми царевичами», например с внуком Кучума — Аблайгиримом (сыном Ишима). Царевичи кучумова рода были вдохновителями и организаторами восстаний в западной и южной Сибири против русских.[1]

В организации сопротивления русскому продвижению вглубь Сибири особенную роль с момента построения Томска играли енисейские кыргызы. Вооруженные действия против русских городов и острогов кыргызы начинают с 1608 г. и продолжают их в течение всего XVII в. Среди кыргызских князей выделялся своей энергией и активностью Иренак Ишеев, который в течение двадцати лет жег и грабил русские и ясачные селения в Кузнецком, Томском, Ачинском, Красноярском и других уездах. Буржуазные исследователи пытались изобразить набеги, грабежи и насилия Иренака и его предшественников как «борьбу за независимость».[2] Но такое определение деятельности кыргызских князей в XVII в. извращает действительность. Иренак не боролся, например, с джунгарскими ханами, от которых он зависел и которые систематически вмешивались во внутренние дела кыргызов, в их взаимоотношения с русскими и, кроме того, брали с них албан. В действительности Иренак нападал на мирные русские пригородные селения и ясачное население, хотя он со своими подданными кыргызами не был стеснен в кочевьях: ему вполне хватало пастбищ, земельные территории, находившиеся под его контролем, были велики и обширны. Русские власти того времени не строили здесь селений или острогов даже для защиты ясачного населения, которое действительно нуждалось в такой защите. Русские военные отряды не нападали на Иренака первыми. Рядовое русское население, занимавшееся мирной хозяйственной деятельностью, было заинтересовано только в мирных отношениях с кыргызами. От набегов кыргызов оно терпело не только ущерб и разорение хозяйства, но набеги эти сопровождались убийством мирного населения, уводом его в плен и обращением в рабство. Точно так же стремились к мирной жизни и деятельности в своем большинстве и рядовые кыргызы, ибо тяжесть и опасность военных набегов ложилась на их плечи, а добыча от этих набегов поступала феодальной верхушке. Причина исключительно неспокойной обстановки в южной Сибири в XVII в. заключалась в агрессии кыргызской и телеут-

---

[1] Г. Миллер. История Сибири, т. II, стр. 91, 92, 99 и др.

[2] См., например, ряд работ Н. Козьмина, в том числе его книжку «Хакасы» (Иркутск, 1925).

ской феодальной верхушки, поощряемой феодальными кругами Джунгарии. Стремление удержать под своей властью, в целях монопольной эксплоатации своих подданных и зависимых от них, различные племена и роды населения Саяно-Алтайского нагорья, помешать экономическому и культурному сближению их с русским народом, а также расчет на легкую наживу — вот те причины, которые толкали кыргызских князей и, в частности, Иренака на агрессию. Быстрый рост русского влияния на местное, зависимое в прошлом от кыргызских князей, население, заинтересованность этого населения в развитии экономических и культурных связей с русским народом, боязнь потерять свою власть над ним — все это крайне беспокоило феодальную верхушку кыргызов и делало ее непримиримым врагом Русского государства.

О вооруженных выступлениях кыргызских и джунгарских феодалов, а также о сопротивлении самого объясаченного населения свидетельствуют указания источников на протяжении всего XVII и первой половины XVIII в.[1]

Кроме кыргызов на собирание дани с северных алтайцев претендовали и джунгары, что приводило к двоеданству у некоторых групп населения.

Джунгарский контайши считал своими кыштымами (данниками) шорцев, кумандинцев, тубаларов и тау-телеутов (живших в бассейне рек Маймы и Семы) и регулярно посылал своих князцов собирать с них дань, невзирая на протесты и сопротивление кузнецкого начальства. Последнее же считало это население ясачным русского царя. Из «Розыскного дела о жестоких поступках с калмыками бывшего кузнецкого коменданта Бориса Синявина...»[2] видно, что в 1710 г. князец белых калмыков (телеутов) Байгорок да князец Чап Шалов собирали в кыштымских землях ясак по поручению контайши. В 1712 г. посланец контайши телеут Дюренг «сбирал ясак с хумяндцев», т. е. с кумандинцев. В 1713 г. чиновники контайши Манзу, Бойдаев и Замсун собирали алман с шорцев, но были прогнаны «боярским сыном Федором Сорокиным». В 1714 г. в мрасские волости к шорцам явился за алманом от контайши джунгарец Мергень Хашха, который также был прогнан «сыном боярским Федором Козьминым».[3]

Из «Рукописного описания...» Плаутина, относящегося к 1745 г., видно, что из шести шорских кондомских волостей только одна Барсояцкая находилась исключительно в подданстве России.[4] Остальные пять волостей — Кондомско-Бежбоякова, Кондомско-Елейская, Кондом-

---

[1] См., например: Г. Миллер. Описание Сибирского царства, стр. 412—451; Акты исторические, т. III, стр. 379—380; т. IV, стр. 58—60, 148—149; т. V, стр. 165—167, Дополнения к «Актам историческим», т. III, стр. 379—485; т. V, стр. 39—44, 82—83, 164—170; т. VII, стр. 72, 172, 332—343; т. VIII, стр. 33—52; Русская историческая библиотека, т. VIII, 1884; Сборник кн. Хилкова, стр. 193—194, 306; Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. I, СПб., 1882, №№ 1—3, 6, 10, 15, 19—21, 25, 26, 32, 37, 39, 60; кн. II, № 77; Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. Чтения, кн. 4-я, 1866; кн. 1-я, 1867; Исторические акты XVII столетия. Материалы для истории Сибири, вып. II, №№ 10, 11, 12, 14.

[2] Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. II, 1885, стр. 295—350.

[3] В 1713 г. тау-телеутские ясачные люди отказали в ясаке сыну боярскому Ив. Годлевскому, мотивируя, что им это запрещено приказом контайши (Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. II, 1885, стр. 340). По справке Кузнецкой воеводской канцелярии от 1713 г. видно, что калмыки укрывали у себя ясачных телеутов и «ясаку многие годы давать не велят» (там же, стр. 319).

[4] Барсояцкая волость находилась в низовьях Кондомы по ее притокам Кандалепу, Тайлепу и Карачулепу.

ско-Итиберская, Итиберско-Шерогашева, Кондомско-Карачерская — платили ясак русскому царю и алман джунгарскому хану. В таком же двоеданческом положении находились шорцы мрасских волостей и кумандинцы.

О размере платимого ясака и алмана имеются сведения в журнальной записке рудоприемщика Шелегина, заведующего правительственной экспедицией, направленной на Телецкое озеро в 1745 г., «в целях исследования земель и выяснения народов, обитающих за Колывано-Воскресенской пограничной линией», где указано, что: 1) «Двоеданцы ясашные татары Таутелеутских юрт, кочующие по р. Майме», платили ясак русским «по одному соболю с человека» и «алман Цзюнгарскому контайши по 5 соболей с человека»; 2) «двоеданцы ясашные Таутелеутские татары, кочующие по р. Ише», платили ясак русским по одному соболю с человека, а «контайше по пять соболей с человека»; 3) «южские татары, кочующие по р. Саре-Копше (Сары-Кокша, — *Л. П.*), которая течет из-под хребта Катунского с полдня на север в р. Бию», платили ясак русским по два-три соболя, «контайше по котлу и тагану железному», 4) «комляжские татары, кочевавшие вверх по Бии», платили ясак русским по два-три соболя, «контайше — по котлу и тагану железному», 5) «ясашные кергежские татары» платили русским по два-три соболя, «контайше — по котлу и тагану»; 6) «телеутские татары, кочующие около устья Чулышмана», платили русским по одному соболю с юрты, «а сколько контайши не сказали»; 7) «Около устья Лебедя, имеющие стойбища „кумандинские татары“, которые ясака русским платят по два и по три соболя с человека, контайши по котлу и по тагану».[1]

В рапорте кузнецкого воеводы Шапошникова[2] от 10 августа 1745 г. сведения об ясаке с алтайцев более подробные и точные: «По обе стороны Бии реки, над самой рекой, живут ясашные двоеданцы в следующем порядке: 1) волость Кумандинская, от Кузнецка 140 верст, дорога гориста и чернолесна, и потому переезжают это расстояние в 3—4 сутки, из Бийска же в 1 сутки; в этой волости ясашных 110 чел.; в год берегся ясака разного мягкой рухлядью против 7 сороков[3] 17 соболей; 2) выше по Бии — вторая Кузенская волость; от Кумандинской в 20 верстах, в ней ясашных 46 чел., ясаку в год 1 сорок 25 соболей; 3) Комляжская волость, в 50 верстах; ясашных 51 чел., ясаку в год 4 сорока 4 соболя; 4) Кергешская волость от Комляжской в 10 верстах, при самом Телецком озере; ясашных 43 человека, ясаку в год 3 сорока 12 соболей; от Кузнецка до Кергешской волости будет 220 верст, а езды из Кузнецка 7, из Бийска 3 суток; 5) от Кергешской волости два дня ходу лодками до двоеданцев, живущих по ту сторону Телецкого озера, вместе с зенгорскими калмыками; имян своих при платеже ясака не объявляют, ясаку в год платят 60 соболей и приносят ясашному сборщику не объявляя, с кого ясак собран, при том их собирается до 100 человек и

---

[1] Архивное дело Алтайского округа за № 32, в связке № 12 за 1745 г. См. рукопись Гуляева и Семенова. Хранится в окружном архиве г. Барнаула. Из преморин Сибирской губернской канцелярии от 7 августа 1745 г. следует, что рудоприемщик Петр Шелегин не был допущен на Телецкое озеро, куда он пробирался под видом купца, «башлыком Чапорзилиным сыном Момом — Канских, Каракольских, Саяцких и Чулышманских татар» (Сб. историко-статистических сведений Сибири, т. II, вып. 1, 1875, стр. 3).

[2] Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. Чтения, кн. 4-я, 1866, стр. 88—89.

[3] *Сóрок* — четыре десятка (40).

более; 6) от Кумандинской же волости 60 верст до Тау-Телеутской волости, которая кочует по берегам Катуни и по Майме, которая бежит от Каменистых гор между Бией и Катунью и впадает в последнюю. Ясашных татар здесь 51 человек, ясаку в год 52 соболя. От них вниз по Катуни, в 80 верстах, по той стороне реки, русская пограничная деревня Иконникова. На здешней же стороне Бии, по Чернолесью, живут двоеданцы; 7) Итиберская волость: 34 человека, ясаку 2 сорока 22 соболя, в Итиберской же волости 50 человек платят 3 сорока 35 соболей; 8) Елейская волость: 31 человек, ясаку 1 сорок 38 соболей; 9) Карачерская волость: 75 человек, ясаку 6 сороков 14 соболей; 10) Каргинская волость: 7 человек, ясаку 14 соболей; 11) Шелкалская волость: 46 человек, ясаку 3 сорока 20 соболей; 12) Юсская волость: 11 человек, ясаку 30 соболей, до них от Кузнецка езды 2—5 суток».

Данные о количестве ясашных двоеданцев, о размере уплачиваемого ими ясака, согласно рапорту воеводы Шапошникова, могут быть представлены следующей таблицей.

Таблица 2

Наименование волости[1]	Количество ясашных	Количество уплачиваемого ясака соболями	
		сороков	штук
Кумандинская (кумандинцы) .	110	7	17
Кузенская (тубалары)	46	1	25
Комляжская (тубалары) . . .	51	4	4
Кергешская (тубалары) . . .	43	3	12
Тау-Телеутская (телеуты) . .	51	—	52
Итиберская (шорцы)	34	2	22
» »	50	3	35
Елейская (шорцы)	31	1	38
Карачерская (шорцы)	75	6	14
Киргинская (шорцы)	7	—	14
Шелканская (челканцы) . . .	46	3	20
Юсская (тубалары)	11	—	30
Волость по ту сторону Телецкого озера от Кергешской (очевидно телесы) . .	около 100	—	60
Всего	655	30	443

Ясак же взимался первоначально преимущественно пушниной, хотя кое-где вместо соболей «лошаденками худыми или рогатым скотом мелким». Так, «ясашные люди горных волостей» Томского уезда князец Тайда с товарищами за ясак дали 17 «лошаденок, кобыл и жеребят».[2]

---

[1] Названия волостей, приведенных в документе 1745 г., совпадают с названиями, существовавшими вплоть до землеустройства, произведенного в начале XX в., за исключением Тау-Телеутской волости, жители которой занимали бассейн р. Маймы. В последнее время эта территория входила в состав 1-й Алтайской дюгины.

[2] С. В. Бахрушин. Ясак в Сибири в XVII в. Новосибирск, 1927, стр. 9 (отд. оттиск).

Алтайцы бассейна р. Чуи еще во второй половине прошлого столетия, по сообщению Вербицкого, вносили ежегодно в Бийское окружное казначейство 160 маральих и лосиных шкур, общей стоимостью 200 руб.[1]

В XVII в. эквивалентом пушного обращения являлся соболь и оклад ясака долгое время исчислялся собольими единицами. Но вскоре ясак стал уплачиваться и шкурами других пушных зверей, причем ценность их приравнивалась к собольной единице. Из «Сборной книги ясаку 1692 г.» мы имеем сведения о подобной расценке.[2]

О размерах ясака, собиравшегося в Кузнецке, можно судить из царской грамоты кузнецкому воеводе Дементию Кафтыреву от 18 августа 1648 г.: «В нынешнем 156 году декабря в 13 день прежний воевода Офонасий Зубов прислал... со всех ясачных волостей и улусов нашего ясаку, на прошлой на 155-й год 85 сороков 6 соболей, 3 сорока 36 недособолей, 3721 пупок собольих и недособольих, 26 куниц в соболей место, 15 лисиц красных без черев за 12 соболей, 3 бобра за 8 соболей, да 3 пластины собольи колотые ясачные, 3685 хвостов собольих и недособольих за 19 сороков за 13 соболей за недособоль».[3]

Чтобы представить ясак как форму колониального угнетения алтайцев, достаточно будет ознакомиться с краткой характеристикой колониального аппарата и методом сбора ясака.

Алтайцы, платившие дань московскому царю, состояли в ведении сначала томских (с 1604 по 1618 г.), а затем кузнецких (с 1618 г.) воевод-наместников. Формально эти воеводы до 1629 г. не могли самостоятельно сноситься с Москвой. Они находились в Тобольском разряде, во главе которого стоял тобольский воевода, сносившийся с правительством. Однако на практике это правило не соблюдалось, и томские и кузнецкие воеводы обращались в Москву непосредственно. В 1629 г. был образован Томский разряд, куда вошел и Кузнецк.[4] Воеводы назначались Москвой и утверждались царем.[5] На воеводах лежало: командование военными силами города, сбор ясака, судопроизводство и т. п. Кузнецкие воеводы по существу управляли огромным краем, можно сказать, целой страной и имели полномочия на внешние сношения, которые, впрочем, ограничивались кыргызами, калмыками и саянскими мелкими племенами, зависевшими или от кыргызских, или от калмыцких князей.

Такое положение открывало исключительно широкий простор для эксплоататорской деятельности воевод. Владея большим количеством земли и крепостных крестьян во внутренних областях России, они выезжали в Сибирь «кормиться» и стремились к наиболее быстрому и максимальному обогащению.

---

[1] В. Вербицкий. Алтайские инородцы, стр. 6. — В сенатском указе от 19 декабря 1766 г. говорится о неукоснительном принятии в ясак лосиных и оленьих кож, потребных для «мундирных и аммуничных вещей» армии. При этом дается ссылка на указ от 8 февраля 1764 г. (см.: Полн. собр. законов Росс. империи, изд. 2-е, стр. 1110—1112). О сборе с ясачных народов подати лосиными и оленьими кожами, вместо денег, было распоряжение в 1797 г. (см. там же, т. XXIV, № 17792).

[2] Д. Кузнецов. По поводу издания «Сборной книги ясаку 1692 г.». Томск. губ. ведомости, № 24, 1864.

[3] Акты исторические, т. IV, стр. 53.

[4] С. В. Бахрушин. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. Учен. зап. Инст. истории, т. II, М., 1927.

[5] Управление Сибирью в 1637 г. было сосредоточено (в Москве) в специально учрежденном Сибирском приказе. В 1710 г. Сибирский приказ был упразднен и в Сибири было введено губернское управление.

Московские цари хорошо знали о корыстных целях и интересах своих ставленников в Сибири и, конечно, видели в этом прежде всего ущерб своей казне и поэтому принимали самые различные меры к ограждению своих интересов.

При отправлении воеводы к месту назначения ему давался наказ-инструкция, где подробно излагались обязанности воеводы и перечислялись дела, на которые воевода должен был обратить внимание. Вот выписка из такого наказа кузнецкому воеводе: «А однолично тебе, будучи в государевой службе в Кузнецком остроге, с ясачных людей ясаки и всякие государевы доходы, какие собираются в Кузнецком остроге, собирати с великим радением и расправу меж всяких людей чинити в правду, по государеву крестному целованию, и татар и остяков от русских людей от обид и от насильства оберегати и к ясачным людям ласку и привет держати и воров от воровства унимати и наказания и обороны чинити и ясаков лишних с ясачных людей не писати и у ружников и оброчников хлеба на себя не покупати, а самому никакими товарами не торговати и в иные города и в уезды с товары торговати и покупати от себя не посылати и вина воеводе не курить. . .».

Уже из этого перечня вопросов видно, что представляли собой воеводы. Сбор ясака царскими воеводами являлся вполне законченной системой насилия и грабежа. Кроме сбора ясака для «государевой казны», царский аппарат в Сибири кормился от ясака, взимая дополнительные поборы в личную пользу.

Как вели себя царские воеводы в отношении ясачных, видно хотя бы из челобитной командиров гарнизона Томского острога (от 1606 г.), писавших про воевод Бартенева и Ржевского. Эти воеводы по дороге в Томск, «едучи по Оби реке, ясачных людей пытками пытали и поминки с них великие имали и их грабили, лисицы и собаки и рыбу и жир, чем они сыты бывают, имали насильством, и от того же в ясачных людях стала измена великая, и в Томский город приходят».[1] В отписке на имя царя Михаила Федоровича от 1628 г. говорится: «Писали-де в твой государев ясак старых и малых и увечных людей, которые на зверовья ходити не могут, а иных-де писали однех людей вдвое, а иных писали мертвых живыми». Поэтому, продолжает отписка, «многие ясачные люди худали».[2] В отписке же кузнецкого воеводы Волкова от 1675 г. сказано, что убегавших от уплаты ясака «ясачных людей, жен и детей» ловили «в неволю, в православную христианскую веру крестили и продавали».[3]

Бесчинства над ясачными приняли такие размеры и производились настолько открыто, что царское правительство в 1695 г.[4] вынуждено было издать специальное распоряжение «О нечинении казней и пыток сибирским инородцам ни по каким делам без доклада государю; об охранении их от обид, налогов и притеснений»,[5] и т. д. Подобные распо-

---

[1] Г. Миллер. Описание Сибирского царства, стр. 406; Акты исторические, т. III, 1841, стр. 219.

[2] Русская историческая библиотека, т. VIII, 1884, стр. 508—509.

[3] Дополнения к «Актам историческим», т. VII, № 72.

[4] Еще ранее, именно в наказе воеводе Баскакову от 10 ноября 1622 г., указывалось: «Кузнецких ясачных людей, которые государю непослушны, ясаку не дают велети их приводити под государеву царскую высокую руку к шерти ласкою; а приведчи их к шерти, велети с них ясак на государя собрати, с кого сколко мочно взяти, чтоб их не ожесточить» (Сб. кн. Хилкова, стр. 192, 193).

[5] Здесь же говорится «о посылке прикащиков для ясачного сбора людей добрых по выбору. . .» и о наблюдении, чтобы они ясачных людей «не грабили, запрещен-

ряжения издавались и в XVIII в., однако они имели целью не облегчить участь ясачного населения, а были направлены к охранению царских интересов. Государь хотел эксплоатировать своих ясачных монопольно. На каждое новое ухищрение воевод царь отзывался специальным распоряжением. Стоило только воеводам в обход царского запрета о торговле пушниной начать торговать через подставных лиц, как появляется распоряжение «О невзятии торговым людям у сибирских воевод, дьяков и их родственников соболей и других товаров, для провоза и торга оными под своим именем».[1] Когда воеводы стали посылать пушнину через знакомых и родственников из Сибири в Россию, появился указ, запрещающий и эти комбинации.[2]

В грабеже ясачного населения воеводами и сборщиками царское правительство видело прежде всего ущерб своей казне. Оно учитывало также, что методы обращения с ясачным населением, описанные выше, весьма способствовали отложению от ясака, побегам, восстаниям.

После изложенного без особого труда можно представить, каким тяжелым бременем ложился ясак на северных алтайцев-охотников, которые вели свое хозяйство первобытным способом.

Однако было бы ошибочно думать, что все русское население острогов, крепостей и городов XVII и XVIII вв. являлось по отношению к алтайцам исключительно угнетателями. Здесь необходимо указать, что положение самих рядовых, служилых людей, просто казаков, непосредственными усилиями которых царь и его воеводы получали возможность объясачивать население Сибири, было незавидным, о чем свидетельствует изобилие казачьих челобитных московскому царю. Вот пример такой челобитной: «Мы, холопы твои государевы, пошедчи на твою царскую службу в кузнецы, одолжалися великими долгами, давали на себя кабалы, а имали в долг платье, и обуви, и харчи, и головы свои позакабалили, и животишков своих избыли, и в долгу, государь, погибли до конца, без твоего царского жалования. Милосердный царь-государь и великий князь Михайло Федорович всея Руси, смилуйся, пожалуй нас, холопей своих, за наше службишко и работу своим царским жалованьем, вели нам его дати, чтоб нам, холопям твоим, без твоего царского жалования, на правеже не отбыть. Царь, государь, смилуйся, пожалуй».[3]

Вот другой документ, представляющий собой отзыв одного из томских боярских сынов, который в 1683 г., находясь в Москве, так характеризовал это войско: «В Кузнецком и Красноярском острогах людишки нужные и бедные, по два, по три дни на одной лошади, а иной пеш всегда бродят и запас на себе таскают нартами, оголодают и от того голоду ратные люди всегда погибают от киргиз. А недругу — в посмех что государевы ратные люди голодни в их землю приходят и отходя на дороге погибают без хлебных запасов».[4]

ными товарами не торговали и вина не курили, и не продавали» (см.: Полн. собр. законов Росс. империи, т. III, № 1526).

[1] Там же.

[2] «О непропуске в Сибирь и обратно без указания Сибирского приказа знакомцев и свойственников сибирских воевод и людей их, о взятии явившихся у них в провозе соболей и прочих товаров» (там же, № 1665).

[3] П. Небольсин. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850, стр. 130.

[4] Там же, стр. 134. — О положении служилых людей см. также: Русская историческая библиотека, т. VIII, 1884, стр. 471—472, 477—489, 533—535, 539—541; Акты исторические, т. V, стр. 98—100, 165—167.

О положении жителей сибирских острогов и крепостей в XVIII в. можно судить по проекту (1745 г.) генерала Киндермана о продовольствии сибирских войск истолченной березовой корой «во избежание ее императорского величества ущерба». Жители эти часто голодали, питались падалью, поджаренными ремнями, кореньями, ходили в походы босыми и раздетыми, умирали от голода, холода, цынги. По донесениям командиров начальству, эти воины «едва стень свою носят, как бы все не померли, чего боже избави».[1] Несомненно, были и такие случаи, когда голодные, оборванные казаки, добравшись до алтайцев, грабили их, расхищали имущество. Однако не в них было заложено все зло колониальной системы; оно таилось в том, что у власти стояли крепостники-помещики во главе с царем и они-то являлись источником тяжелого положения алтайцев, как и других народов царской России.

Присоединение к России южных алтайцев произошло при иных обстоятельствах. Царское правительство давно мечтало присоединить эти земли, однако было вынуждено считаться с Джунгарией.

Еще в 1715 г. царь Петр I писал джунгарскому контайше следующее: «Та земля на Бии и Катуне, где был построен город, его царского величества, и те земли Сибирские, а не твои контайшины, потому что сибирские реки, Обь и Енисей и Лена, искони Сибирские, и от устья, где впали в Северное море и до гор, из которых те реки потекли...».[2] Разумеется, подобная аргументация не могла убедить джунгарского хана, и последний продолжал собирать алман с населения северного Алтая и телесов. Так, в 1742 г. геодезии поручик Шишков, посланный к Телецкому озеру с целью географического описания, сообщил рапортом на имя канцелярии генерала Киндермана, что он встретил в долине р. Маймы (правый приток Катуни) посланника контайши, зайсана Буктуша Кумекова, с тремя чиновниками, которые собирали здесь дань. Шашков сообщает, что зайсан Буктуш Кумеков запретил ему производить геодезическое описание, угрожая применить силу.[3]

Политическая мощь Джунгарии заставляла считаться с ней и Китай и Россию. Так, например, подвластные России енисейские кыргызы и барабинские татары вынуждены были платить дань Джунгарии, против чего русское правительство опасалось возражать, избегая столкновения. Продвижение в южную Сибирь при слабой укрепленности границ с Джунгарией требовало большой осторожности. По переписке Коллегии иностранных дел с Правительствующим Сенатом,[4] относящейся к 1761 г., можно судить о претензиях джунгарского хана к России, состоявших, по выражению документов, в том, что «якобы в прежние времена границы между Всероссийскою империею и владением их учинены были с теленгутами, им подчиненным народом, вблизи тамошних мест кочевавшим вдоль по реке Иртышу по Омь реку, и будто там и засека была, а в другом месте под Кузнецким уездом за границу положена была речка Уень или Черная Омь, которая впала в реку Обь, и при том

---

[1] И. В. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири. Иркутск, 1883, стр. 239.

[2] Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. II, № 22.

[3] С. Шашков. Томск губ. ведомости, № 1, 1859.

[4] Копия из переписки Сената с Коллегией иностранных дел по поводу сношений с Джунгарией мною найдена в архиве С. И. Гуляева, б. архивариуса архива Управления Горно-Алтайского округа в г. Барнауле. Подлинник документа, очевидно, был подписан графом Мих. Воронцовым, датирован документ 10 июня 1761 г.

поставлено было, что с обоих сторон далее того не переходить и будто на тех землях жили их люди; но с российской стороны, преступя оные границы, построены потом Томск, Кузнецк, Красноярск и крепости по Иртышу реке и заводы, а потому всегда усиленно, а иногда и с угрозами, требовали они (джунгары, — *Л. П.*), чтобы оные места со здешней стороны им возвратить».

В ответ на претензии Джунгарии царское правительство доказывает, что «в тех местах границ и засек и иных знаков никогда не было... и все те земли исстари к Российской империи принадлежат и города на оных Томск, Кузнецк и Красноярск построили с Российской стороны издавна». Кроме ссылок на давность принадлежности к России оспариваемых Джунгарией территорий, царское правительство по мере сил и возможности укрепляло сибирские границы. Так, в 1744 г. в Сибирь был отправлен генерал Киндерман с военным подкреплением. Серьезных столкновений с Джунгарией не произошло, по объяснению документа, только потому, что Джунгария в то время была занята внутренними междоусобными делами.

Междоусобиями джунгарских феодалов воспользовалась маньчжурская династия Китая. В 1755—1756 гг. императорские войска разгромили Джунгарию с целью завладения ее территорией. Им удалось захватить почти всю Джунгарию. Захват этот сопровождался большими жестокостями по отношению к населению. Исследовавший этот вопрос С. Шашков следующим образом описывает положение Джунгарии в связи с наступлением китайских войск: «Монголо-китайцы истребляли все, что им ни встречалось живого, — убивали мужчин, насиловали и замучивали женщин, а детям разбивали головы о камень или стену, сжигали жилища, резали скот; они перебили до 1 000 000 калмыков. К этой резне присоединились еще и внутренние междоусобицы... Многочисленные толпы разоренных и голодных калмыков составляли разбойничьи банды, причиняли опустошения не меньше китайцев. Киргизы (казахи, — *Л. П.*), как стаи хищных птиц, носились над этим необозримым побоищем и уводили в неволю целые тысячи беззащитных джунгаров. Вскоре в стране воцарился голод, одни начали умирать голодной смертью, а другие резали людей и питались человеческим мясом. За голодом шла оспа. Джунгария была буквально усеяна трупами, ее воды покраснели от пролитой человеческой крови, а воздух был полон дымом от горевших улусов, лесов и трав... Все, что имело ноги и могло двигаться, бросилось в Сибирь».[1] Часть населения Джунгарии, в том числе и алтайцы, спасаясь от преследования китайцев, прикочевали к русским пограничным крепостям, что вызвало недовольство Китая.

Китайское правительство, ссылаясь на Буринский договор, где имелся пункт о перебежчиках,[2] требовало выдачи принявших подданство. Царское правительство отводило это требование, указывая, что трактат предусматривает выдачу перебежчиков, состоящих в подданстве договаривающихся государств. Джунгары же китайскими подданными не являлись, а потому выдаче не подлежат. Опасаясь, что, завоевав Джунгарию, китайцы возобновят вопрос о пересмотре границ с Россией в пределах

---

[1] С. Шашков. Рабство в Сибири. Дело, кн. 3, 1869, стр. 47.

[2] Текст Буринского договора см.: В. М. Флоринский. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами. Казань, 1882, стр. 341. — Договор предусматривал установление границы между Россией и Китаем.

джунгарских требований, т. е. потребуют территорию между Иртышом и Обью до р. Оми, сибирский генерал-губернатор тайный советник Соймонов 14 марта 1760 г. представил в Правительствующий Сенат и Коллегию иностранных дел соображения «О занятии в предупреждение китайцев и закрытия Колывано-Воскресенских заводов с нынешними и вперед чаемыми рудниками, также и двоеданцев, которые по большей части кочевья свои имеют по рекам Аную, Катуни... да и по прочим в Телецкое озеро впадающим, лежащих недалеко от Усть-Каменогорской крепости при реке Бухтарме, угодных к населению, хлебопашеству мест и о построении на оных крепостей линиею, начиная от Усть-Каменогорской крепости до реки Бухтармы, а от той и до Телецкого озера...».

Сенат и Коллегия иностранных дел согласились с мнением сибирского губернатора. В Алтайские горы были направлены две экспедиции для осмотра мест под постройку крепостей и редутов от Бухтармы до Телецкого озера. Секунд-майор Шанский отправился с партией из Усть-Каменогорской крепости к устью Бухтармы. Майор Энден с инженер-капитаном Плутовым вышел из Бийской крепости по маршруту: вверх по р. Чулышману, затем вверх по Башкаусу и оттуда в верховья Бухтармы. Энден и Плутов, не зная дороги и не имея бывалых проводников, намеченного маршрута не прошли и вернулись от вершины р. Эдигана, притока Катуни; Шанский прошел до вершины Бухтармы.

Вследствие разгрома Джунгарии царское правительство смогло присоединить к России земли и кочевья алтайцев (захваченные у них Джунгарией) по верхнему течению Иртыша у впадения Ульбы, Бухтармы и Нарыма, а также по верховьям Катуни и Бии.

Алтайские зайсаны, кочевавшие неподалеку от русской границы, спасаясь от китайских войск, обратились осенью 1755 г. к русскому пограничному начальству с просьбой о защите их от китайских войск, прося принять их «в подданство ея императорского величества и пропустить внутрь империи». Пограничное начальство запросило центральную власть. Тайный советник сенатор Неплюев предписал сибирскому военному начальству впредь до особого распоряжения разрешить кочевать алтайцам вблизи границы. Вместе с тем Неплюев указывал, что, пользуясь этим случаем, можно для защиты алтайцев и прочих джунгарских подданных от «киргиз-кайсаков» занять места до оз. Нор-Зайсана, построить крепости так, чтобы Саянские горы сделались естественною границей и не было бы нужды в Колыванской и Кузнецкой линиях.

В 1756 г. 12 алтайских зайсанов (Омбо, Кулчугай, Кутук, Наамкы, Боохол, Черен, Буктуш, Буурут, Каамык, Наамжыл, Измынак и Саидут) [1] обратились с письмом к полковнику де-Гаррига, в котором писали: «Дай нам людей на сбережение; збереги от злого времени в нашей земле; где вам поглянется стройте г о р о д. Ныне у нас — белый государь. Нашего белого государя полковник, пожалуйста поскорее — со всеми домами хотят увезти» [2] (разрядка моя, — *Л. П.*). При этом зайсан

---

[1] Самый главный из них был зайсан Омбо, находившийся в постоянных сношениях с русским пограничным начальством. Омбо кочевал по р. Ябаган, в верховьях р. Чарыша. Кулчугай проводил зиму на Нарыме, потом поднимался к р. Берель (приток Бухтармы). Наамкы имел стойбища на р. Хайрлуке. Боохол кочевал вдоль Катуни, выше впадения р. Семы.

[2] Рапорт де-Гаррига от 22 февраля 1756 г. (цит. по: С. Ш а ш к о в. Рабство в Сибири. Дело, кн. 3—4, 1869).

Наамкы, явившийся депутатом, предлагал уплату ясака вперед и брал обязательство выставить по требованию русского правительства 2000 вооруженных людей.[1] Спасаясь от войск манчжурской династии, зайсаны признали себя и весь свой народ подданными вассалами русского царя. Царское правительство распорядилось объявить алтайцев своими подданными.[2]

Тогда же (2 мая 1756 г.) сибирскому губернатору рекомендовалось, принимая в подданство джунгарское население (калмыков), не полагаться на его постоянство и не селить его вблизи границы, а отправлять на Волгу. В случае отказа от переселения на Волгу было предписано не допустить перехода новых подданных в Среднюю казахскую орду и расселить их в Сибири по усмотрению губернатора.

Большинство алтайских зайсанов отказалось от переселения на Волгу и осталось кочевать в Алтае и его пределах. Из донесения полковника Колобового об отправлении бывших джунгарских подданных на Волгу следует, что фон Энден выступил из Бийска 28 июня 1757 г. Вместе с ним отправлено из крепости и форпостов Кузнецкой и Колыванской линий Бийской, Катунской, Ануйской, Николаевской, заводов Колыванского и Шульбинского, форпостов Убинского, Красноярского, Шеманаевского, Алейского, рудника Змеевского, Кабановской защиты, — семей 566, людей мужского пола 1106, женщин 1178, всего 2284. У них верблюдов 76, лошадей 3656, коров 157, баранов и коз 31. В списке высланных поименованы зайсаны Бурут Чекугалин, Кымык Яманаков, Кутук Кутуйгулин, Церень Уруков и семейство умерших зайсанов Гулчугая и Омбы. Кроме того, поименованы калмыки ведомства зайсана Буктуша, но ни его самого, ни его семьи в списке нет.[3] Отсюда следует, что некоторая часть алтайцев попала на Волгу, где и ассимилировалась в калмыцкой (ойратской) среде.

Добровольное вступление алтайцев в подданство России явилось наилучшим выходом из тяжелого положения, в котором они оказались после разгрома Джунгарии. Войска китайского императора и частично монгольские войска шли по Алтаю с огнем и мечом, сжигая селения, истребляя и грабя население. И лишь переход алтайцев под протекторат России спас их от физического уничтожения. Это событие сыграло весьма положительную роль в истории алтайцев и открыло для них перспективу дальнейшего развития. Дело в том, что в тех исторических условиях другого пути для развития алтайских племен не существовало. Мы уже видели, что это было совершенно невозможно в составе Джунгарии, возглавлявшейся династией ойратских ханов. Путь для самостоятельного исторического развития алтайцев в то время также был исключен ввиду крайне низкого уровня развития этих племен, разрозненных, изолированных друг от друга, еще не вышедших из состояния первобытности. Остается допустить что после разгрома Джунгарии правящая династия Китая решила сохранить алтайцам жизнь и имущество и объявить их

---

[1] Рапорт де-Гаррига от 18 февраля 1756 г.

[2] В книге «Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами» говорится, что при Бийской крепости в 1756 г. приняты в российское подданство «зайсаны Буктуш, Бурут, Черень, Нумыкай, Боокол (после опять отдался китайцам) и старшина Менкош Цегреков; при Колыванском заводе: зайсан Генуюшка, зайсан Омбы (брат), сотник Качай, сын его же, Омбы, Болот, зайсан Кутуга, брат Мамут, сотник Амучу Чириняков».

[3] Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. Чтения, кн. 4-я 1866, стр. 92.

подданными императорского Китая. Но и в этом случае алтайские племена оказались бы в несравненно худшем и более тяжелом положении, чем в подданстве России, так как последующая историческая жизнь племен Алтая должна была протекать изолированно от более высокой культуры, которой из всех ближайших соседей алтайцев обладал только русский народ. Китайская «культура» доходила бы до алтайских кочевников в форме периодических наездов чиновников для сбора налогов и производства суда (с их изощренными азиатскими пытками и наказаниями) да еще, быть может, в виде посещений торговцев-скупщиков и буддийских монахов или лам. Народная китайская культура, территориально отделенная от Алтая огромным расстоянием, конечно, не могла доходить до алтайцев и оказывать какое-либо влияние на их повседневную жизнь. Фактически алтайцы оказались бы в общении только с монголоязычными кочевыми племенами северо-западной Монголии, уровень культуры которых мало отличался от отсталой культуры алтайцев. Кроме того, положение алтайцев как подданных Китая привело бы алтайцев к искусственной изоляции от русского населения предгорий Алтая с его высокой народной культурой. Следовательно, и при этом варианте алтайские племена оказались бы лишенными возможности культурного развития и были бы обречены на постепенное угасание и исчезновение.

Только вхождение алтайцев в состав Русского государства было для них исторически перспективным событием, выходом из того исключительно тяжелого положения, в котором они оказались в результате многовекового господства монгольских феодалов. Правда, переход под протекторат России превращал их постепенно в колониально зависимых «инородцев». Колониальная политика, как это будет показано дальше, несла алтайцам тяжелые страдания, но тесное общение алтайцев с русским народом, а местами и совместная жизнь с ним, обогащали и продвигали алтайцев вперед по пути развития культуры. Царская колониальная политика тормозила этот прогрессивный процесс, но не была в состоянии его уничтожить.

II. ЯСАК И АДМИНИСТРАЦИЯ

После включения южных алтайцев в состав России они были обложены ясаком. Часть их (теленгиты), обитавшая в долине р. Чуи, вынуждена была платить, кроме ясака, еще алман Китаю и оказалась на положении двоеданцев. Зайсаны двоеданцев ездили сдавать алман Китаю в г. Кобдо; они платили его пушниной — по 2 соболя и 60 белок с каждого мужчины ежегодно; за это они получали подарки от китайского правительства. Им лично дарили по двенадцать ямб (слитков серебра) и по 12 аршин канфы (шелка) для чиновников да по 90 кусков дабы (бязи) для подданных каждого зайсана.[1] Такое положение, касавшееся части южных алтайцев, было упразднено только в 1865 г. по договоренности России с Китаем. С этого времени чуйские алтайцы платили лишь ясак русскому царю.[2]

Присоединив южных алтайцев к Российской империи, царское правительство вначале не вмешивалось в порядок управления алтайцами, существовавший здесь до перехода их в русское подданство. Правитель-

[1] W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, S. 256.

[2] Именным указом от 15 декабря 1763 г. из Сибирского приказа ясачная мягкая рухлядь передавалась в ведомство царского Кабинета. Это было подтверждено указом от 31 октября 1782 г. (Полн. собр. законов Росс. империи, т. XXI, изд. 2-е, стр. 720).

ство сохранило за зайсанами их привилегированное положение. Они по-прежнему были оставлены во главе дючин или (по долине Чуи) волостей, построенных по родовому, а не по территориальному признаку и называвшихся по именам возглавлявших их зайсанов. На них же было возложено и прибыльное право производства суда среди соплеменников и сбора ясака. Первоначально зайсаны имели и вооруженные дружины. В 1763 г. алтайцы подверглись переписи, произведенной во время третьей ревизии по повелению Екатерины II майором Щербачевым. После переписи алтайским зайсанам были вручены копии актов указов Екатерины, дарующих различные льготы «инородцам»: звание зайсана было приравнено к чину майора, зайсаны освобождались от взноса ясака и избавлялись от телесного наказания.

Ясак в казну алтайцы обязаны были вносить звериными шкурами и только в случае неулова зверя — деньгами. Благосклонное отношение русских монархов к алтайским зайсанам имело своим следствием стремление последних проявить свою «верноподданность». Так, например, при Павле I алтайские зайсаны выражают готовность «преумножить» вносимый ими ясак и в ответ на это получают награждение золотыми медалями.[1] В числе награжденных были зайсан 1-й Чуйской двоеданческой волости и зайсан Тау-Телеутской волости (впоследствии 1-й Алтайской дючины). В 1804 г. один из зайсанов, Кыстай Казаков, посещает Двор Александра I и, осыпанный царскими милостями, возвращается в родные горы с княжеской пышностью.

Само собой разумеется, что «преумножение» ясака, приносившее зайсанам милости царского правительства, ложилось тяжелым бременем на рядовых алтайцев, ибо сами зайсаны ясака не платили. Теперь ясак был податью установленного размера, которой облагалось все мужское население, учтенное по третьей ревизии. Этот ясак являлся по существу рентой продуктами, которую алтайцы платили русскому царю как «собственнику» земель, занимаемых алтайцами. Земли южных алтайцев были приписаны к Алтайскому округу с его Колывано-Воскресенскими заводами, составлявшему частную собственность русского императора со времени издания указа 1 мая 1747 г. В 1822 г. (22 июня) последовал указ, объявлявший весь Горный Алтай принадлежавшим к ведомству Кабинета его величества. Стало быть, ясак, вносимый алтайцами, был не чем иным, как натуральным оброком царю-помещику. Непосредственный производитель, рядовой алтаец-скотовод теперь пользовался землей, номинальным собственником которой стал русский царь. Но алтаец-производитель владел и собственными средствами производства, а именно — скотом. Поэтому естественно, что выкачивать прибавочный продукт с рядовых алтайцев царь мог только путем внеэкономического принуждения, путем создания личной зависимости алтайцев от него как верховного собственника земли. Это внеэкономическое принуждение и личная зависимость выражались в прикреплении южных алтайцев к кабинетской земле, к земле царского имения в Горном Алтае.

Для алтайцев была отведена в пределах горной части округа определенная территория, на которой они могли кочевать. Эта территория, по официальному определению 1811 г., составляла площадь в 110 000 кв. верст и получила название «калмыцкие стойбища». Но границы ее твердо

[1] Бунге, например, встретил зайсана Митрия, кочевавшего по р. Черный Ануй, имевшего две золотые медали от царского правительства (A. Bunge. Reise im östlichen Theil des Altai-Gebirges, Bd. II, S. 25).

установлены не были. Местные власти считали границей этих владений Колывано-Воскресенскую или Бийскую казачью линию.[1] Позднее неоднократно, как до ликвидации казачьей линии, так и после нее, местные власти пытались установить границы кочевий алтайцев, но практически это осуществлено не было.[2] Землепользование у алтайцев внутри отведенной им территории было определено царским законодательством в 1822 г., в общем порядке, когда появился «Устав об инородцах», составленный под руководством Сперанского. Согласно этому уставу, обширная территория, занятая кочевьями алтайцев, утверждалась за ними «во владение».[3] Пользование же этой территорией определялось статьей 27-й устава, гласившей: «Подробное разделение участков сих земель зависит от самих кочующих по жребию или другим их обыкновениям».[4] Следовательно, переход кочевий алтайцев к новому верховному собственнику не вносил вначале никаких перемен в их землепользование. Земля, на которой кочевали алтайцы, как и во времена владычества ойратов-джунгаров, принадлежала верховному собственнику, который передавал ее во владение зайсанам на прежних основаниях («согласно обыкновениям их»). С точки зрения царского законодательства, каждый алтаец юридически в пределах «калмыцких стойбищ» (так продолжала называться в начале XIX в. территория за Бийской казачьей линией) мог кочевать где угодно, однако фактически, согласно «обыкновениям», каждый алтаец в этом отношении должен был следовать указаниям зайсана.

Таким образом царское законодательство закрепляло за зайсанами право распоряжаться землей на прежних основаниях — феодальных владельцев, сохранив также и то положение, что каждый алтаец был записан за определенным зайсаном без права перехода «в ведомство другого». Зайсаны и их помощники фактически были распорядителями кабинетской территории, находившейся во владении алтайцев.

Реформа Сперанского, задуманная для упорядочения и улучшения положения «инородцев» Сибири, внесла существенные изменения и в положение алтайцев как в смысле уплаты ясака, так и в отношении их административного управления. Ревизия и реформа Сперанского 1822 г., разделившая «инородцев» на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих, фактически увеличили ясак в несколько раз по сравнению с третьей ревизией Щербачева 1763 г.[5] В уплату ясака после этой реформы стали относить совершенно посторонние поборы и даже взятки. Так, например, 7-я Калмыцкая (т. е. Алтайская) дючина Бийского округа сверх ясака обязана была вносить еще наложенных на нее в разное время добавочных поборов на 376 руб. На первую дючину надбавлено было таким же образом 85 руб., на вторую — 132 руб., на третью — 71 руб., на четвертую — 135 руб. и т. д.[6] Если учесть еще, что в начале прошлого столетия, к которому относятся эти цифры, денежное обращение у алтайцев почти совершенно отсутствовало, то можно представить, какое количе-

---

[1] Н. Ваганов. Переселенческий вопрос на Алтае, стр. 22; С. П. Швецов. Кочевники бийского уезда. В кн.: Горный Алтай и его население, т. I, вып. I, стр. 134.

[2] С. П. Швецов, там же, стр. 128—134; Отчет о поездке на Алтай начальника Алтайского округа В. П. Михайлова в 1910 г. Барнаул, 1911, стр. 54—58.

[3] Полн. собр. законов Росс. империи, т. XXXVIII. СПб., 1830, стр. 396.

[4] Там же.

[5] Это показал С. Шашков в своей работе «Сибирские инородцы в XIX столетии» (Дело, 1867).

[6] Там же.

ство пушнины должны были уплачивать алтайцы сверх положенного ясака, чтобы покрыть эти суммы. При этом надо иметь в виду крайне дешевые цены на шкурки, по которым они принимались в ясак, исчисляемый после закона Сперанского в денежных единицах, но взыскиваемый натурой.[1]

Это положение не улучшила и ясачная комиссия, работавшая в западной Сибири с 1828 г. по 1835 г. Целью работы комиссии явилось определение, к какому разряду отнести тех или иных «инородцев» в соответствии с уставом Сперанского, и составление окладных книг для кочевых и бродячих «инородцев»; к кочевым относились и алтайцы. Несмотря на то, что комиссия была завалена жалобами «инородцев» на тяжесть обложения ясаком, несмотря на то, что в ряде случаев она признавала несоразмерность налогов и экономического состояния «инородцев», все же комиссия произвела новое обложение ясаком, увеличив ясак, платимый «инородцами» западной Сибири, в переводе на деньги: с 19 169 руб. 20 коп. до 59 394 руб. 60 коп., т. е. в три раза. По новому обложению, алтайцы стали отдавать в ясак до 26% всей добываемой ими продукции, на сумму 16 586 руб.[2] Ясачная комиссия сняла с алтайцев, как и с других «инородцев», образовавшиеся у них к 1832 г. недоимки по ясаку в сумме 9985 руб., заметив при этом, что в Бийском округе счет по уплате податей и повинностей ведется крайне неисправно, вследствие чего по некоторым волостям числится много лишней недоимки.

После окончания работы ясачной комиссии было признано необходимым облагать налогом-ясаком мужское население в возрасте от 18 до 50 лет. Кроме того, реформа 1822 г. обязала алтайцев, наравне с другими кочевыми «инородцами», участвовать во всех повинностях, исключая гербовые и штемпельные пошлины и рекрутчину, а также в содержании и исправлении дорог. Последнее обстоятельство, наряду с земской гоньбой, явилось тяжелым бременем для рядовых алтайцев.

После введения в действие «Устава об инородцах» управление алтайцев формально было подчинено, в соответствии с § 157—160 устава, полицейской власти в лице бийского исправника и «отдельного алтайского заседателя», имевшего резиденцию в с. Улале. Это отнюдь не означало устранения от власти зайсанов. Исправник был занят преимущественно русским населением, а свыше 20 тыс. алтайцев с их зайсанами, расселенные на территории в 109 000 кв. верст, были вверены алтайскому заседателю.

В административном отношении южные алтайцы были разделены сначала на пять дючин, называвшихся: 1-я дючина, 2-я дючина и т. д., и две Чуйские волости: 1-я Чуйская волость и 2-я Чуйская волость.[3]

---

[1] В 1826 г. 26 сентября было утверждено положение Сибирского комитета «О порядке поступления от инородцев западной Сибири звериных шкур в ясак по цене, существующей во время приема в вольной продаже» (Полн. собр. законов Росс. империи. Изд. 2-е, т. XXXVII, отд II. Дополнения, стр. 22). Однако это распоряжение осталось только на бумаге.

[2] С. Шашков. Сибирские инородцы в XIX столетии. Дело, 1867, стр. 573.

[3] Население 1-й дючины кочевало по правому берегу Катуни, преимущественно в бассейне Маймы; 2-й дючины — преимущественно по рекам Урсулу и Кеньге; 3-й дючины — по рекам Чарышу, Кану, Белому и Черному Аную; 4-й дючины — по рекам Кану, Чарышу; 5-й дючины — по рекам Кану, Кеньге; 6-й дючины — по рекам Кану, Чарышу, Кеньге; 7-й дючины — по рекам Катуни (левый берег), Урсулу, Кеньге. Население 1-й Чуйской волости кочевало по рекам Чуе и Аргуту; 2-й Чуйской волости — по рекам Башкаусу, Чулышману и Улагану. Зайсан 1-й дючины находился обычно в с. Александровке, зайсаны 2-й, 5-й, 6-й и 7-й дючин —

В 1801 г. при зайсане Кыстае Казакове из состава 2-й дючины была выделена 6-я дючина. Позднее, в 40-х годах XIX в., была образована еще 7-я дючина. Северные алтайцы делились также на волости, управляемые зайсанами, или *паштыками*. У тубаларов под управлением зайсанов были следующие волости: Комляжская, Кергежская, Южская и Кузенская, а у кумандинцев Верхне-Кумандинская и Нижне-Кумандинская.[1] Челканцы, шорцы и тогульцы входили в состав 22 кочевых волостей Кузнецкого округа, а затем уезда.[2]

Зайсанские звание и власть были пожизненными и наследственными. В. Радлов в «Письмах из Алтая» пишет: «Сын зайсана имеет первейшее право наследования, однако признание его в этом звании зависит от русского правительства и народа. Если он признан непригодным, то может быть избран его ближайший родственник или демичи. При несовершеннолетии сына управление принимает мать или один из близких родственников совместно с демичи. Почти то же можно сказать о достоинстве демичи и шуленги».[3] То же самое засвидетельствовано Гороховым, Вербицким и другими авторами, посетившими Алтай.[4] В случае бездетности зайсана он мог передать свою власть и приемному сыну. Это подтверждается преданием о зайсане Эрельдее, который получил зайсанство именно таким путем.[5]

В период нахождения алтайцев в составе царской России весьма характерным являлось то обстоятельство, что алтайские зайсаны по-

---

в Усть-Кеньге, зайсаны 3-й и 4-й дючин — в Келее. Родовое управление 1-й Чуйской волости было в Чибите, 2-й Чуйской волости — в Курае. Родовое управление Тубаларских волостей к 1880 г. находилось в с. Инырге, а к 1897 г. Кузнецкая и Южская волости имели родовое управление в Паспауле.

[1] Тубалары к 80-м годам XIX в. расселялись следующим образом: население Южской волости жило в селениях Улала, Сайдыс, Чемал, Инырга и было разбросано по рекам Учак-Иша, Инырга; население Комляжской, или Кондожской, волости — в селениях Кебезень, Инырга, Паспаул, Чепош, Ильинское, Ерехалка и было разбросано по рекам Ише, Кузе, Тулону и по берегам Телецкого озера; население Кергежской волости — в селениях Инырге, Кебезени, Балыксе и было разбросано по рекам Тулою, Пыже, Сары-Кокше, Эдегану и по берегам Телецкого озера; население Кузенской волости — в селениях Инырге, Паспауле и по рекам Ише, Балыксе, Бии, Сары-Кокше, население Верхне-Кумандинской волости — по рекам Бии Сии, Лебеди; население Нижне-Кумандинской волости — по рекам Ише, Бии, Нине, Карабошке.

[2] Их расселение см. в моей книге «Очерки по истории Шории» (стр. 12—13).

[3] W. Radloff. Briefe aus dem Altai. Ermann's Archiv f. wiss. Kunde v. Russland, Bd. XXI, 1863, S. 188.

[4] Горохов. Краткое этнографическое описание бийских или алтайских калмыков. Журн. Мин. внутр. дел, ч. XXXVIII, 1840, стр. 203; Д. С. Алтай и его обитатели. Моск. вестник, № 23 и 24, 1860; В. Вербицкий. Алтайцы. Томск. губ. ведомости, № 31, 1864; С. П. Швецов. Кочевники Бийского уезда. В кн.: Горный Алтай и его население, т. I, вып. 1, стр. 235 и др.

[5] Предание записано А. В. Анохиным и опубликовано мною в «Очерке истории Ойротии» (стр. 55). В письме о принятии алтайцез в русское подданство, подписанном 12 алтайскими зайсанами, подписи Эрельдея нет, но есть подпись Пуктуша (Г. Н. Потанин и П. П. Семенов-Тян-Шанский. Дополнения к «Землеведению Азии» К. Риттера, стр. 367). По преданию, Эрельдей признал себя вассалом русского царя во второй половине XVIII в. Этот момент он отметил пиршеством, на которое пригласил русских чиновников. Эрельдей первый из подданных дал ясак русскому царю — черного соболя с белыми лапками (*баштаны йееке*); такую шкурку приносили в жертву «чистым духам». Эрельдей аккуратно выколачивал ясак из своего народа. У русского начальства он слыл за примерного зайсана и получил от Павла I золотую медаль и грамоту. В русских исторических документах Эрельдей упоминается в 1757 г. как двоеданский старшина, в 1758 г. как демичи Тау-Телеутской волости, как зайсан и как старшина Каракольской волости (Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири, стр. 99, 103, 104, 106, 110).

прежнему управляли не определенной территорией, а определенной группой родов, члены которых могли жить и жили разбросанно по всей территории Алтая. Независимо от места пребывания алтаец, приписанный к определенному зайсанству (дючине), подчинялся только своему зайсану, которому платил ясак, к которому обращался по судебным делам и т. д. Зайсана при этом отождествляли с родовым старшиной; в официальных русских документах зайсан так и именовался — «родовой староста». Однако на деле зайсаны ничего общего с настоящими родовыми старейшинами не имели; они были типичные эксплоататоры.

Если внимательно просмотреть старую этнографическую литературу об алтайцах, можно встретить такие указания: «Зайсаны вообще выбираются из богатых родов»;[1] «Вторая волость (управление в Курае) состоит из родов Ак-Кобок, Саал, Кыпчак и т. д... во главе ее по праву должен стоять Ак-Кобок, но в последнее время, когда звание зайсанов стало выборным, а не наследственным, по настоянию одного из алтайских заседателей, назначен зайсаном — Саал. Это еще первый случай избрания зайсана не из аристократического рода».[2] Указание на аристократичность рода следует понимать, очевидно, не в прямом смысле, а в смысле той или иной аристократической фамилии. С. П. Швецов, подтверждая, что зайсаны выбирались только «из определенных сеоков»,[3] улавливает этот чрезвычайно существенный момент, упущенный предыдущими исследователями. Он пишет: «Зайсан избирался пожизненно... по возможности из одной и той же семьи». И обычное право алтайцев закрепило эту привилегию отдельных семей в роде обычаем наследственности зайсанского звания, обычаем, которым в первую очередь имел право пользоваться сын зайсана и затем его ближайший родственник.

Власть зайсана над прикрепленными к нему алтайцами практически была почти неограниченной.[4] Он мог без суда наказать рядового алтайца розгами, оштрафовать и т. п.

Судебные гражданские дела в пределах своего зайсанства зайсан вел самостоятельно. Правда, решения и суд зайсана могли быть обжалованы представителям царской администрации — алтайскому заседателю и бийскому исправнику, однако практически для рядового алтайца это сделать было очень трудно (боязнь зайсана, дальность и дороговизна поездки в г. Бийск). Такую роскошь могли позволить себе только богатые алтайцы.

Для решения спорных дел между членами различных зайсанств собирались три зайсана, решения которых были обязательны после утверждения царской администрацией. Надо, впрочем, оговориться, что на заключение царской администрации посылались лишь наиболее крупные, ответственные дела, например убийство, вооруженный грабеж и т. п. В спорах между двоеданцами и алтайцами вначале посредником был третейский суд, который назначался зайсанами. Если в этой инстанции не приходили к соглашению, то русские подданные обращались в русский суд, а китайские — в китайский; процесс улаживался при посольстве в Пекине.[5]

---

[1] А. Каларев. Поездка к теленгитам на Алтай. Живая старина, т. VI, вып. III—IV, 1896, стр. 485.

[2] Е. Луценко. Поездка к алтайским теленгитам. Землеведение, кн. 1—2, 1898, стр. 16.

[3] С. П. Швецов. Кочевники Бийского уезда. В кн.: Горный Алтай и его население, т. I, вып. I, стр. 235.

[4] Ср.: P. Tchihatcheff. Voyage scientifique dans l'Altaï oriental et les parties adjacents de la frontière de Chine, p. 64—66.

[5] W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, S. 256.

А. Калачев упоминает о третейском суде, состоящем из шести лиц (по три от каждой стороны) под председательством зайсана.[1]

Внешняя сторона зайсанского суда содержит интересные в этнографическом отношении особенности.

Суд происходит чаще всего на открытом воздухе при стечении родственников обвиняемых или лиц, подавших в суд, и свидетелей. При разборе важных дел подсудимые и свидетели приводились к присяге. Присяга называлась *шерт-ич* (отсюда русское слово «шертовать», т. е. присягать, часто встречающееся в документах XVII в.). *Шерт-ич* буквально значит «пить присягу». И действительно, раньше у северных алтайцев присягаемому предлагали выпить воды из черепа покойника (покойников в то время в землю не закапывали).[2] Мне рассказывали, что тубалар Марак из рода Кузен, живший в Очоке, избежал штрафа и необходимости жениться на обольщенной им девушке благодаря тому, что в подтверждение своей невиновности «выпил присягу» из черепа покойника.

Существовала и другая форма присяги, преимущественно у южных алтайцев: целование кончика дула заряженного ружья. До появления ружья эту присягу приносили на луках и стрелах. В сказках алтайцев про присягу говорится: «Конец пики нюхали, лезвие мечей лизали».

Допросив стороны, зайсан выносил свое решение. Первоначально у зайсанов не было писарей и протокола судебного заседания не велось.[3] Зайсан после окончания суда просто говорил истцу и ответчику: «*ie, агащка тангма чапсын*» (клади отметку на дерево). Судившиеся так и поступали. Они шли к определенному дереву, затесывали его и ставили топором по кресту в знак того, что суд окончился. Такое дерево с отметками зайсанских судебных решений называлось *тангмалы карагай* (обычно это была сосна), и его нельзя было рубить. Подобное дерево хорошо помнят в с. Никольском Чойского аймака. Это село раньше так и называлось Тангмалы Карагай.

Виновного зайсан присуждал или к штрафу, или к телесному наказанию. Например, за оторванную в драке косичку, которую некрещеные алтайцы заплетали на темени, зайсан присуждал виновного к штрафу в пользу потерпевшего — лошадь с седлом; за убитую умышленно охотничью собаку виновник обязывался отдать потерпевшему лошадь.

Если зайсан присуждал виновного к телесному наказанию, решение зайсана приводилось в действие незамедлительно. Ответчика клали на землю и спускали с него штаны (женщин пороли в штанах). Зайсан становился у головы наказываемого, надевал себе на шею зайсанский знак наподобие медали и объявлял наказываемому, за что он подвергается наказанию. Затем отдавал приказание «всыпать» удары лозами. После нескольких ударов зайсан приостанавливал экзекуцию и начинал читать нравоучение, заканчивающееся угрозой новой порки, приказывал добавить остающееся количество ударов, после чего виновного освобо-

---

[1] А. Калачев, ук. соч., стр. 485.

[2] Старик Бардамаш Тыдыкин, живший в урочище Сараскыр, Куюмского сельсовета, Эликмонарского аймака, сообщил, что еще на его памяти алтайцы хоронили покойников в срубах и на деревьях [Записки миссионера В. Вербицкого за 1863 г. в журнале «Православное обозрение» за 1864 г. (стр. 152); Записки миссионера Штыгашева в «Отчете Алтайской духовной миссии» за 1899 г. (стр. 16)].

[3] Согласно уставу Сперанского, дела в родовых управлениях велись словесно. Постоянные писари у зайсанов появились только в 1874 г. (Записки миссионера Урсульского отделения Алтайской духовной миссии за 1867 г. К. Соколова. Православный благовестник, № 8, 1896, стр. 348).

ждали. Обязанности палача должен был исполнять каждый, кому зайсан поручал их. Отказавшийся от этой роли сам подвергался телесному наказанию.

Зайсаны 1-й Чуйской волости практиковали в качестве наказания заковывание в деревянные колодки сроком до одного месяца.

Каким же образом можно характеризовать социальную сущность зайсанского суда? На это есть только один ответ: суд зайсана был классовым судом. Провинившиеся в чем-либо бедняки нередко отдавались по решению зайсана в работники баям. Эти факты были известны и миссионерам.[1] Нередко зайсан присуждал бедняка к штрафу, чаще к денежному, заведомо зная, что ему нечем уплатить. Бедняк, естественно, заявлял, что он уплатить штрафа не может. Тогда среди баев всегда находился «благодетель», который заявлял о готовности оказать услугу — уплатить за бедняка, но с условием, чтобы за это бедняк жил у бая в течение года или даже двух лет в качестве работника. Зайсан санкционировал такое предложение, и бедняку не оставалось ничего больше, как подчиниться. Алтаец Апаят (отец Челекея Апаятова) однажды ударил жену бая. Зайсан присудил его к уплате потерпевшей — лошадь с седлом. «Преступник» был бедняк и не имел средств заплатить штраф. За него заплатил один из баев, а Апаят вынужден был работать за это на «благодетеля»-бая несколько лет. Если бедняк судился с баем, то всегда решение зайсана было в пользу бая как человека «порядочного» и «уважаемого» в обществе. Алтайская поговорка так и гласит: «Если у тебя нет в руках табуна коней и в суме денег, то как же ты будешь искать суда».[2] На суде бедняк не мог сидеть рядом с баем, сидел позади него и говорил после него. Бай мог перебить речь бедняка, бедняку же этого делать зайсан не позволял.

Зайсанский суд защищал исключительно интересы зайсанско-байской верхушки алтайцев.

Из краткой характеристики условий, способов и приемов эксплоататорской деятельности зайсанов совершенно ясно вытекает, насколько выгодна и доходна была должность зайсана и демичи. Не удивительно поэтому, что среди байской верхушки алтайцев иногда разгоралась борьба за получение зайсанской должности. Так, еще Радлову, посетившему Алтай в 60-х годах, были известны «подкупы чиновников с целью получения незаконно зайсанства».[3] Например, демичи Косколок из рода Найман в 1840-х годах купил зайсанское достоинство и выделился из 4-й дючины с группой родов, составивших новую, 7-ю дючину.[4]

Миссионеры упоминают о новокрещеном алтайце Кыргызаке Полушкине, который, домогаясь зайсанства в Южной черневой волости, довел

---

[1] В. Вербицкий. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии за 1874 г. Томск. губ. ведомости, № 23, 1875.

[2] В. Вербицкий. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркских языков. Казань, 1883, стр. 79. — Ср. памятное завещание миссионера М. Чевалкова: «Тубинцы (тубалары, — *Л. П.*) подобны стаду без пастуха: кто из них богат, того они и почитают как начальника, а кто беден, те, как запуганные рабы, боятся суда. У них бедняки не приносят жалоб на обиды, боясь суда. Когда я спросил: „Почему вы не объявляете суду о ваших обидах?“ — они ответили: „Как просить суда тому, у кого нет больших табунов скота и денег в сумах... Мы народ с законом незнакомый, что мы можем знать? Начальникам нашим нравятся речи только тех, кто добывает черного соболя и убивает жирного зверя“». Православный благовестник, № 11, 1894, стр. 125.

[3] W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, S. 254.

[4] Там же, стр. 252.

себя «до крайнего разорения» и просил миссию принять на воспитание его пятилетнего сына, так как сам он не был в состоянии его прокормить.[1]

Старики тубалары из Чойского аймака рассказывали мне, как в Комляжской черневой волости зайсанство после ожесточенной борьбы перешло от рода Катугас-конгдош к роду Кобурчи. В урочище Салганда жили «бойкие» люди из рода Кобурчи-конгдош по имени Иткулак, Карбыш и Боктош. Они подкупили русского заседателя и отобрали с его помощью зайсанство у рода Катугас-конгдош. Зайсаном тогда был Кыстыгаш (*укту-яайзанг*). Кыстыгаш упорно сопротивлялся и даже спрятал зайсанскую печать. Но зайсанство все же перешло к Чолтыю, которого вскоре же побороли Тобоковы, и зайсаном сделался Давыд Тобоков (Михаил Васильевич), бывший в то время бедняком, но быстро разбогатевший после получения зайсанства.

В 1880 г. царская администрация отменила наследственность и пожизненность зайсанского звания у северных алтайцев. Заинтересованные в сохранении пожизненного зайсанского звания зайсаны и демичи убеждали своих подданных, что это распоряжение русского начальства означает попытку превратить алтайцев в русских крестьян. Однако распоряжение царских чиновников осталось в силе. Правда, во многих случаях алтайцы продолжали выбирать и переизбирать на новый срок тех же зайсанов и демичи, руководствуясь традицией,[2] чему весьма способствовали моменты внеэкономического принуждения — личная зависимость населения от зайсанов и активная агитация заинтересованных зайсанов и демичи в свою пользу, с непременной ссылкой «на обычаи и веру отцов и дедов». В ряде случаев по истечении трехлетнего срока зайсан, желая сохранить за собой эту должность, «убеждал» население путем подарков и личного влияния. Если он узнавал, что у него имеется конкурент, он старался войти с ним в мирное соглашение. Он попросту давал своему конкуренту *карыш* (взятку) в 200—300 руб. в виде отступного, с тем, чтобы соперник отказался от своей кандидатуры.

Выбирали зайсана «народом». В Комляжской волости при выборах почти каждый род выделял своего кандидата, но победа всегда оставалась за более многочисленными конгдошами. Можно подумать, что выборы эти протекали в демократической обстановке, что враждовали и боролись из-за кандидатов только роды. На деле же только внешняя форма выборов была демократической, а фактически выбирали и говорили на собрании *якшилары* (лучшие люди), т. е. наиболее богатые и знатные. Простые смертные, особенно беднота, ограничивались тем, что только слушали своих якшиларов. Помнящие, например, выборы зайсана 2-й Чуйской волости Кудая Бергена (в 1904 г.) отмечают, что беднота совершенно не принимала участия в выборах и только прислуживала богачам, которые явились на выборы со своими палатками, с большими запасами вина и продовольствия; выборы происходили в просторной, специально построенной юрте, куда бедняки не решались даже входить; выбранному зайсану было поднесено много подарков.[3]

---

[1] Дневник миссионера С. Ландышева. Душеполезное чтение, 1861, стр. 13.

[2] Фактический материал, подтверждающий это, собран у С. А. Токарева в книге «Докапиталистические пережитки в Ойротии» (стр. 51—52).

[3] Кудай Берген был преемником зайсана Тюрдибека. Последний ввиду старости сам отказался от зайсанства. Согласно существующему положению о зайсанах, Кудай Берген не мог быть избранным, так как ему было 25 лет, а требовалось не менее 30 лет. Однако баи решили, что это ничего, зато он *укту яйзанг* (т. е. зайсан по крови, по происхождению).

В конце XIX в. в 1-й Алтайской дючине, где зайсан избирался из сеока Мундус, выборы зайсана происходили следующим образом.

Все население дючины извещалось о дне выборов зайсана.

Место для выборов было под открытым небом, на правом берегу Катуни, в 1.5 км ниже впадения р. Узнези. Народ начинал съезжаться накануне выборов. Богачи и демичи ставили свои палатки. Бедняки и середняки устраивались под деревьями. Вечером накануне выборов в палатках демичи и баев шло обильное угощение вином, мясом, медом. Угощали всех, никому не отказывали. Богачи устраивали угощение на свой счет, а демичи — на общественные деньги. Во время вечернего и ночного угощения баи и демичи заручались согласием народа о поддержке нужного им кандидата. На утро происходили выборы. В день выборов до окончания выборной процедуры и прочих дел вино не подавали. Выборы начинались рано утром. На просторной полянке расстилали подседельники и потники, на которых усаживались в круг. В середине круга сидел старый зайсан, вокруг него демичи, потом шуленги, или албачи (сборщики податей), затем «лучшие люди» — баи и, наконец, остальные. Беднота стояла позади, чтобы «виднее было». Каждый демичи мог выставить кандидата в зайсаны от имени своего армана. Обычно на самих выборах разногласий уже никаких не было, так как накануне демичи и баи договаривались окончательно о кандидатуре и получали различными способами согласие народа. Оглашался кандидат в зайсаны. Все поднимали за него руку и кричали «согласны». Зайсан вставал, кланялся и говорил: «Зачем меня выбираете, есть люди лучше и умнее меня». Ему в ответ кричали: «Нет, самый лучший, самый умный из нас ты, ты зайсаном будешь». На этом же собрании выбирали демичи, шуленги и казначея. После выборов, если были заявления, происходили судебные разбирательства, проводить которые зайсан поручал демичи и потом утверждал их решение.

Зайсану были подчинены помощники, демичи, по числу родов, входящих в зайсанство.[1] Демичи управлял *арманом* (податной единицей). Арман состоял из членов одного рода, если род был немноголюдным, или же из членов одного подразделения рода, если род был многолюдным. Термин *арман* заимствован алтайцами от монголов, у которых существовало деление на десятки, сотни, тысячи, и означал «десяток».[2] У алтайцев он получил административное значение и был применен к роду как к податной единице.

Демичи — это высшее административное лицо в роде. Он обычно управлял только одним родом, когда род был достаточно велик и совпадал с арманом; когда же роды были мелкие, то они объединялись в один арман и ими управлял один демичи. Например, в 1-й Алтайской дючине роды Олюп и Чапты имели одного общего демичи. Напротив, когда род был многочисленным и члены его жили разбросанно, такой род имел несколько демичи. Род Юз у тубаларов имел пять демичи соответственно пяти подразделениям этого рода. В Комляжской волости род Ярык имел двух демичи соответственно подразделению рода на два поколения: Сыгынчы-Ярык и Кара-Ярык. Род Конгдош имел четыре демичи, и т. д.

Демичи исполнял судебные и административные функции в пределах своего армана. Главнейшей обязанностью демичи был сбор ясака и раз-

---

[1] По исследованию Б. Я. Владимирцова *демичи, шуленги* являются названиями монгольских чиновников: первый значит — помощник, второй — сборщик податей (Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр 140).

[2] Там же, стр. 104.

бор мелких судебных дел в своем армане. Более крупные и серьезные дела выносились на суд самого зайсана, который разбирал их в присутствии демичи заинтересованного армана.

Из других должностных лиц зайсанского управления нужно упомянуть еще о шуленги и *арбанахе,* должность которого можно сравнить с должностью сотского или десятского. У чуйских алтайцев-теленгитов должность, следующая за зайсаном, была *кюнди*; кроме того, у них существовала еще должность *бошко*,[1] в обязанности которого входила помощь демичи в сборе подати и некоторых судебных функциях.

III. ВОЗНИКНОВЕНИЕ РУССКОЙ ТОРГОВЛИ

Русские купцы стали ездить в Алтайские горы в последние десятилетия XVIII в. Вначале купцы посещали алтайские стойбища наездами, но исключительная выгодность торговых операций с алтайцами привела их к устройству складов товаров и заимок для пастьбы выменного скота внутри Алтайских гор. Первая русская купеческая заимка была устроена на р. Семе, где в 1860 г. образовалась русская деревня Шебалино.

Первоначально радиус поездок торговцев был не велик, но вскоре же, благодаря наплыву новых торговцев и по мере выкачивания сырья из ближайших алтайских стойбищ, в сферу влияния русских скупщиков стали втягиваться новые, все более отдаленные районы. Русские купцы стали ездить в долину р. Чуи, где товары их разбирались теленгитами-двоеданцами и монгольскими солдатами с пограничных пикетов. Один из старых русских торговцев рассказывал Радлову, что на р. Чуе они продавали свои товары у Красной Горы (выше впадения в Чую р. Чеганузуна), где «товары их обыкновенно разменивались в несколько дней, и что они в течение 10 лет далее Красной Горы никогда не ездили».[2] Двоеданцы покупали товары у русских на скот и сурковые шкуры, а затем везли их за границу — в монгольские стойбища. Но посредническая торговля двоеданцев, дававшая им большие доходы, продолжалась недолго, так как русские торговцы около 30-х годов прошлого столетия проникли в Чуйскую степь, где на берегах Чуи, в местности, называемой теперь Кош-Агач, устроили избушки, склады товаров. Впрочем, как сказано, вначале торговля велась на пограничных китайских пикетах.

Между лавками русских купцов в Кош-Агаче и китайской границей у ручья Бураты возникла ярмарка, которую русские купцы называли «Чури». Ярмарка образовалась при следующих обстоятельствах. Жители Джунгарии дербеты ежегодно ездили в сопровождении монгольского войска в верховья р. Катуни с религиозными целями.[3] К этой ежегодной поездке дербетов через пикеты Тархаты и Джидар присоединялись пограничные жители для покупки русских товаров у двоеданцев. Впоследствии, когда русские купцы выстроили лавки в Чуйской степи, пограничные жители Монголии сами стали ездить к ручью Бураты, где они вели оживленный торг с пришедшими дербетами и сопровождавшими их монгольскими солдатами. «Так как торговля здесь начиналась только тогда,

---

[1] P. Tchihatcheff. Voyage scientifique dans l'Altai orientale et les parties adjacents de la frontière de Chine, p. 65.

[2] В. В. Радлов. Торговые сношения России с западной Монголией и их будущность. Зап. Русск. Географ. общ. по Отд. статистики, т. II, СПб., 1871; W. Radloff. Briefe aus dem Altai. Ermann's Archiv f. wiss. Kunde v. Russland, Bd. XXII, 1864, S. 345

[3] А. Принтц. Торговля русских с китайцами на р. Чуе и поездка в г. Кобдо. Изв. Русск. Географ. общ., т. I, вып. 1, 1865, стр. 4—5.

когда приходили войска (по-калмыцки — *черю*), то образовавшаяся в этом пункте ярмарка и получила название Черю кельди (войско пришло, — *Л. П.*), которое русские переделали по-своему в Чури».[1]

Радлов, посетивший ярмарку на ручье Бураты в 1860 г., дает описание ее в «Briefe aus dem Altai».[2]

Второе описание этой ярмарки сохранилось в записках инженера Басова, прикомандированного начальником алтайских заводов генерал-майором Фрезе для сопровождения томского губернатора Лерхе в Алтай.[3] Ярмарка на ручье Бураты постепенно увеличивалась, на нее стали ездить и алтайцы-торговцы, и в начале 60-х годов оборот этой ярмарки достиг 200 000 рублей. В ней принимали участие тувинцы, монголы-халха, дербеты, приказчики китайских купцов, монгольские солдаты, алтайцы.

Через месяц или полтора после ярмарки Черю происходила вторая ярмарка под названием Калан.[4] Она приурочивалась к моменту смены монгольских войск и караулов. Приезжавшая на пикеты новая смена привозила с собой товар, купленный в г. Кобдо на жалованье или порученный ей для продажи китайскими купцами, которым правительство запрещало ездить на место торга. В свою очередь уезжавшие с пикетов солдаты брали у русских купцов товары и увозили их вглубь Монголии. Торговля на ярмарке Калан была исключительно кредитная, меновая. Единицей меры для материи служила *байры* (ширина материи).[5]

В середине декабря была еще одна ярмарка, более мелкая, называвшаяся Шаланча.[6]

Главным предметом торговли русских купцов на Чуе были юфтевая кожа, стоимость которой составляла 40% от стоимости всех вывозившихся на ярмарку товаров, затем сукно и различные ткани и изделия из железа: замки, топоры, путы, капканы, чайники, котлы и т. д. Русские купцы покупали преимущественно сурковые шкурки и рогатый скот, причем из всех товаров, закупавшихся ими на Чуе, стоимость сурковых шкурок составляла 50% общей стоимости, а крупный рогатый скот — 35%.[7]

«С Чуи вывозится нами, — писал Принтц, — около 300 тысяч сурковых шкурок, доставляемых купцами на Ирбитскую ярмарку. На месте сурок стоит белый (худший сорт) 10 копеек шкурка, черный 15 и 20 копеек, в Ирбите первый продается по 20 коп., а второй — 40—50 коп.».

Юфтевые кожи, вывозимые в Китай, выделывались на кожевенных заводах в Томске, Барнауле, Бийске, в Уймоне (верховья Катуни).

В 60-х годах русская торговля, укрепившись на Алтае, устремилась в Монголию и Китай. Поездка томского губернатора Лерхе на Чую в 60-х годах имела главную цель — доставить возможность русским купцам вести торговлю не только в наших пределах, но и за границей (как это было допущено по последнему трактату). Для этого Лерхе позволил двум бийским купцам, Гилеву и Смирнову, дав им предварительно заграничные паспорта, отправиться в китайский город Кобдо (Буенту), расположенный в 270 верстах от нашей границы, и там при содействии

---

[1] В. В. Радлов. Торговые сношения России с западной Монголией и их будущность. Зап. Русск. Географ. общ. по Отд. статистики, т. II, 1871, стр. 346.

[2] Ermann's Archiv f. wiss. Kunde v. Russland, Bd. XXII, стр. 182, 188.

[3] Томск. губ. ведомости, № 11, 1869. — В качестве переводчика Лерхе сопровождал М. Чевалков.

[4] *Калан* — подать, налог.

[5] А. Принтц. Торговля русских с китайцами на р. Чуе и поездка в г. Кобдо. Изв. Русск. Географ. общ., т. I, вып. 1, 1865, стр. 6.

[6] Томск. губ. ведомости, № 11, 1869.

[7] Там же. — Переводчиком, сопровождавшим Принтца, был М. Чевалков.

штабс-капитана генерального штаба Принтца войти в сношения с пограничными начальниками и разъяснить все те недоразумения, которые могли возникнуть.

Кроме Чуйского торга, Радлов указывает еще на два пункта восточного Алтая, где велась постоянная торговля с китайскими подданными: «Эти пункты суть: 1) торговля на Кара-Коле и на Алаше, к северу от вершины реки Чулышмана, и 2) недалеко от пограничного знака Шабин-Дабага. На первом пункте ведут торговлю несколько бийских купцов и многие из алтайских инородцев, особенно чулышманские двоеданцы и черневые татары, а на втором — инородцы и русские жители Минусинского края».[1] Радлов не мог собрать точных сведений о размерах и способах торговли и лишь относительно первого пункта указывает, что «торговля доставляет выгоды только мелким торговцам, которые покупают для себя рабочий скот, баранов и кошмы. Особенно выгоден привоз железных и медных изделий».

Русские товары доставлялись на Чулышман и к китайской границе через посредничество торговцев из черневых алтайцев.[2]

Посреднический характер торговли алтайцев отмечен несколько раньше в записках бийского исправника Горохова. У него про алтайских калмыков отмечено: «Рогатый скот нередко скупают и у двоеданцев и потом перепродают его гуртом русским купцам в большом количестве».[3]

При совершении торговых сделок деньги были не в ходу. В некоторых глухих местах Алтая меновая торговля сохранялась довольно долго. От миссионеров мы имеем известие, что на Чулышмане «торговля производится белками: замечательно, что о деньгах они впервые узнали и стали брать охотно лишь с приездом миссионеров; каждая вещь, как и всякое животное — корова, лошадь и самый пушный зверь, медведь, лисица — оценено белками».[4] На Чуе еще в 90-х годах меновой единицей был *тохтун* (годовалый баран).[5]

Меновая торговля с алтайцами, как и вообще с любым «ясачным» племенем Сибири, давала колоссальные прибыли русским торговцам. Легкий и быстрый способ обогащения соблазнял и администрацию, священников, линейных казаков и зажиточных крестьян. Они стремились торговать с «инородцами». Вначале на этой почве администрация враждовала с купечеством, вытесняя его как конкурента. Вспомним, как сражались по этой же причине казачьи и купеческие депутаты в Екатерининской комиссии, созванной для составления проекта нового уложения.[6] Желание монопольно эксплоатировать народы Сибири заставило представителей различных сословий Сибири в пылу полемических сражений сказать про торгово-ростовщическую эксплоатацию сибирских отсталых племен и народов немало горьких истин. Хищническая торговля разоряла алтайцев. Так, бийский исправник в рапорте за № 642 от 4 ноября 1830 г. просил «г. управляющего губернией запретить русским въезжать

---

[1] В. В. Радлов. Торговые сношения России с западной Монголией и их будущность. Зап. Русск. Географ. общ. по Отд. статистики, т. II, 1871, стр. 353.

[2] W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, S. 365.

[3] Горохов. Краткое этнографическое описание бийских или алтайских калмыков. Журн. Мин. внутр. дел, ч. XXXVII, 1840, стр. 225.

[4] Из сведений, полученных от алтайских миссионеров в новозанятой под Благовещенский монастырь Чулышманской местности (Зап. Мисс. общ., т. I, в. II, стр. 125).

[5] А. Калачев. Поездка к теленгитам на Алтай. Живая старина, т. VI, вып. III—IV, 1896, стр. 286—487.

[6] П. Головачев. Сибирь в Екатерининской комиссии. М., 1889.

осенью и зимой в татарские волости под предлогом собрания долгов...», а ему, исправнику, разрешить «за неимением денег в сем народе, принимать в казну орехи и зверя и продавать с публичного торга, при участии окружных управлений, за выгодную для платежников цену». На это ему было указано, что «надобно стараться, чтобы инородцы сами сбывали торговцам избытки свои и вырученные деньги вносили в подать... чтобы инородцы орехи и зверя сами продавали по выгодным ценам и вырученные деньги тотчас представляли в казну». Губернский совет запретил купцам и мещанам въезжать в ясачные урочища за промыслом зверя, рыбы и орехов, но торговать разрешил.[1]

Обычные приемы русских торговцев были таковы: торговец начинал свое дело с посещения стойбища алтайцев, где заводил «знакомства» и широко, направо и налево, раздавал алтайцам товар в долг. Товар этот был «инородческий», т. е. самого низкого качества. Через некоторое время торговец ехал сам или посылал своего приказчика собирать долги: пушниной, орехом, скотом, кожами, волосом, шерстью и т. д. Почти всегда должник не был в состоянии уплатить весь долг сразу благодаря высокой расценке данных в долг товаров и низкой оценке сдаваемых в уплату долга продуктов. Поэтому срок уплаты долга удлинялся, и за это налагался новый высокий процент, который также взимался натурой. Таким образом стоило алтайцу-производителю хотя бы один раз вступить в торговую сделку с купцом, как он попадал в сети купца и уже до самой смерти не мог избавиться от долговых обязательств. В. Радлов рассказывает о виденном им случае, когда «одному торговцу за несколько белковых шкурок и два шила, в общей сложности за 28 копеек, было присуждено получить от двоеданца, живущего около реки Шибита, 81 быка».[2]

Радлов сообщает и о методах собирания таких «долгов»: «При собирании долгов торгующие наши часто были слишком неразборчивы в средствах: они, если когда должники оказываются несостоятельными, просто, как говорят, у кого-нибудь из соседей или родственников отнимают силою скот на том основании, что этому соседу или родственнику легче получить скот от должника, чем самому купцу». Стало быть, полное разорение алтайца-производителя не избавляло его от ликвидации долгов, возраставших в геометрической прогрессии. За эти мнимые долги купцы грабили соседей или родственников разоренного должника, а забитые и угнетенные трудящиеся алтайцы не смели жаловаться на разбойничавших торговцев.

Один из путешественников по Алтаю пишет о методах русских торговцев следующее: «Всякий опытный купец торгует с инородцами непременно на скот; едет он осенью. За два бумажных пестрых платка, например, он берет двухгодовалого барана. Денежная единица — «токтун» (годовалый баран) — равняется рублю. Продав товар, купец не собирает тотчас же скот: по условию с покупателем, бараны должны остаться у него безвозмездно всю зиму, кормясь и оберегаясь им (за утрату он отвечает). Весь приплод поступает к купцу. Весной из стада в 100 овец, например, купец получает 120—130. Летом он ездит, собирает скот и пасет его на инородческих пастбищах, устраивая так называемые заимки.

---

[1] Из документов, найденных в архиве Н. С. Гуляева.

[2] В. В. Радлов. Торговые сношения России с западной Монголией и их будущность. Зап. Русск. Географ. общ. по Отд. статистики, т. II, 1871, стр. 359.

Осенью он гонит его из гор, уводя приплод и двухгодовалых баранов, т. е. с удвоенной ценностью».[1]

Своеобразный способ продажи товаров на мелкий и молодой скот с оставлением его на вырост у хозяина, способ, свидетельствующий об изощренности торгашеской эксплоатации, отмечен и Радловым,[2] пояснявшим его на таком примере: «Купец покупает летом у алтайца теленка. Купив его по соответствующей цене, он оставляет его на год у хозяина. Это в интересах и хозяина, так как алтайскую корову без подпуска теленка доить невозможно, — так уж они все приучены. Однако купец приезжает за этим теленком не через год, а через 3 года и получает уже взрослого быка, приобретенного по цене теленка. Если бык за это время пропадает, то хозяин уплачивает стоимость его купцу — частью мелким скотом, который снова оставляется на вырост, частью шкурами зверей и другими продуктами».

Даже на простых дешевеньких зеркальцах, иголках и бисере купцы наживали огромные проценты. Радлов передает, что на его глазах зеркало, стоившее 30 копеек, продали за 2 рубля.

Особенно выгодной была для купцов торговля кирпичным чаем, имевшим большой спрос у алтайцев. За примером обратимся опять-таки к Радлову. Купец покупает у алтайцев за 50 кирпичей чая (стоимость 75 рублей) пару маральих пантов, привозит их на Чую и продает китайским торговцам, весьма охотно покупающим панты, ввиду их огромного спроса в Китае, за 100 кирпичей чая (стоимость 150 рублей). Он снова едет к алтайцам и покупает на этот чай 80 телят, которых оставляет на вырост, а через три года купец забирает 80 взрослых быков, которые стоят по крайней мере 600 рублей.

Трудно передать все многообразие мошенничества торговцев, приносивших разорение и кабалу трудящимся алтайцам. Отметим лишь наиболее употребительный способ — спаивание алтайцев при заключении торговых сделок. Об этом излюбленном приеме русских торговцев сообщает еще Гельмерсен, путешествовавший по Алтаю в 30-х годах: «Когда телеуты приезжают весной для промена звериных шкур, то их до такой степени упаивают, что они в опьянении отдают весь товар за самую безделицу».[3]

Как быстро и легко обогащались в это время русские торговцы на Алтае, видно также из характерных сообщений, приводимых в отчетах Алтайской духовной миссии (1853). Например: «1 топор или старые сапоги, данные русским человеком (т. е. торговцем, — *Л. П.*) в долг кочевому инородцу, года через четыре вырастают в сторублевого коня, а вскоре же и в целый табун, который неробкие торговцы и угоняют без дальнейших толков, объявив через людей хозяину, что скот угнан таким-то... 1 пуд ячменя года через два вырастает в 25 пудов ореха или еще более. Таким образом ныне едва ли не все леса с их орехами и белками запроданы русским (торговцам, — *Л. П.*) на несколько лет вперед, так же как дикие пчелы и прочие промыслы. Инородцы — вечные рабы лукавых заимодавцев».

---

[1] А. Калачев. Поездка к теленгитам на Алтай. Живая старина, т. VI, вып. III—IV, 1896, стр. 486—487.

[2] В. В. Радлов. Торговые сношения России с западной Монголией и их будущность. Зап. Русск. Географ. общ. по Отд. статистики, т. II, 1871, стр. 349.

[3] Г. Гельмерсен. Телецкое озеро и телеуты восточного Алтая. Горн. журнал, № 1, 1840, стр. 258.

И еще один пример, за достоверность которого ручается официальное свидетельство «Журнала Томского губернского правления» от 20 марта 1864 г.: «Алтайцы Бийского и Кузнецкого округа сделались „неоплатными должниками“ торговцев и впали в их полную зависимость. Те же торговцы вывозят ежегодно из принадлежащих инородцам лесов в огромном количестве кедровые орехи, заводят в зверопромышленных местах пчелиные пасеки и поселения и тем отнимают у инородцев возможность пользоваться местными способами промышленности. Оба эти обстоятельства ввергают инородцев в крайнюю бедность, лишают их всякой возможности образования и вредно действуют на их нравственность».

IV. НАЧАЛО ОСВОЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ РУССКИМ НАРОДОМ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ

В первой половине XVIII в., когда алтайцы входили в состав Джунгарии, русские поселения едва достигали подошвы Алтая, примыкая к горам вдоль больших рек — Иртыша, Чарыша, Бии, Томи.

Пограничными русскими пунктами были: на р. Томи — Кузнецкий острог (основан в 1618 г.); на р. Бии — Иконниково, близ слияния Бии с Катунью; на р. Чарыше — деревни демидовских крестьян Харлова и Кабанья; на Иртыше — Усть-Каменогорская крепость. Между этими пунктами и реками в 1755 г. был выстроен сплошной ряд форпостов, крепостей, редутов, острогов, маяков, представлявших собой две линии, называвшиеся Кузнецкой и Колывано-Воскресенской. Вторая линия соединяла Колывано-Воскресенские заводы А. Н. Демидова [1] с Иртышом. Кузнецкая линия состояла из 9 крепостей и 53 редутов. Часть Кузнецкой линии, примыкавшая к Колывано-Воскресенскому заводу, в 60-х годах XVIII в. была усилена новыми укреплениями, которые начинались от Бийска (основанного в 1710 г.), и переименована в Бийскую казачью линию.

Южнее русских пограничных линий кочевали алтайцы. Постепенно русское население стало переходить пограничные казачьи линии и селиться на привольных местах Горного Алтая, причем первоначально заселение это производилось беглыми заводскими и государственными крестьянами.

Какие же причины побуждали этих крестьян к переходу за пограничную линию?

Причины, заставлявшие крестьян уходить за эту линию, таились в невыносимо тяжелых условиях, в которые были поставлены сибирские крестьяне в половине XVIII в. и позже.

Развивающаяся царская горнозаводская промышленность в Алтайском округе требовала большого количества дешевой рабочей силы, которой не было. Государственные крестьяне, жившие в этом крае, не имели никакой нужды итти работать на заводы (где, кстати сказать, оплата труда была крайне низкой), так как они, благодаря малой населенности Сибири, имели достаточно земли, вполне обеспечивавшей их существование. Поэтому, чтобы обеспечить казенные заводы достаточ-

---

[1] Демидов был крупный горнозаводчик, имевший свои собственные заводы на Урале и в Сибири, которые обслуживались трудом прикрепленных к ним крестьян. В 1747 г. по царскому указу заводы Демидова были взяты в собственность царя, в ведомство Кабинета.

ной рабочей силой, нужны были принудительные меры, нужно было внеэкономическое принуждение. Появились царские указы, приписывавшие государственных крестьян целыми селениями и волостями к определенным заводам, с обязательством выполнять на этих заводах различные работы по указанию заводского начальства. По существу царские указы вводили для значительной части сибирских государственных крестьян настоящее крепостное право, только в особой форме: крестьян прикрепляли не к земле, а к заводам, и распоряжались крестьянами не помещики, а заводское казенное начальство. Крестьяне должны были отрабатывать заводскую «барщину», отнимавшую у них почти все рабочее время.

При таких условиях крестьянину некогда было заниматься своим хозяйством, и последнее приходило в упадок. Заработная плата за заводские работы крестьянам на руки не выдавались, а перечислялась заводом в казну, в счет уплаты податей.[1] Тяжелое материальное и правовое положение и невыносимо тяжелые условия военнозаводского режима и заставляли приписных или, как их еще называли, горно-заводских крестьян бежать за пограничную линию в Алтайские горы.

Появившись в новых местах, беглые крестьяне быстро ориентировались и вскоре же начинали осваивать большие участки земли, образуя целые селения.

В конце XVIII в. отдельные беглые русские крестьяне проникают в верховья Катуни, в долину Коксы, где образуют деревни Коксу и Уймон.

В 1791 г. они обратились к царскому правительству с ходатайством о признании их русскими подданными. Они были приняты как «ясачные» и обложены ясаком.[2] Первые поселенцы образовали здесь свое, особое от алтайцев, селение, уймище, в котором поселились оседлые кумандинцы из предгорной части Алтая и различные русские поселенцы. Так образовалась д. Уймон.[3]

В начале XIX в. здесь появились старообрядцы, которые поселились отдельно, образовав Нижний Уймон.

К 1825 г. к югу от Колывано-Воскресенской линии уже было образовано 21 русское селение, составившее целую Алтайскую волость. С этого времени к русскому начальству начинают поступать от алтайских зайсанов многочисленные жалобы на земельные захваты со стороны русского населения.

В 1828 г. кочевавшие за Бийской пограничной линией алтайские зайсаны Бакай Бекитов, Кыстай Казаков и др. с демичами и «лучшими людьми» (баями) подали жалобу сенатору Безродному и князю Куракину, командированным в 1827 г. для ревизии западной Сибири, на происходящее заселение русскими их кочевий и стеснение их в пастбищах и звериных промыслах. В жалобе в преувеличенных выражениях говорилось, что они якобы «с нуждой» могли внести в казну ясак за 1827 г., почему просят об избавлении их от такого стеснения со стороны

---

[1] Только после царствования Екатерины II крестьяне стали получать заработную плату на руки.

[2] По сообщению А. Бунге. Уймон в административном отношении вначале был приписан к зайсану алтайцев (A. Bunge. Reise im östlichen Theil des Altai-Gebirges, S. 113).

[3] По определению ясачной комиссии в 1824 г. уймонцы были выделены из управления зайсана и получили собственное управление как «оседлые инородцы».

крестьян и воспрещении последним поселения в местах, инородцам принадлежащих.[1]

В 1832 г. зайсаны 1-й, 2-й, 5-й и 6-й дючин просили ясачную комиссию избавить их от притеснения заводских крестьян. Ясачная комиссия расследовала эту жалобу и нашла, что просьба алтайцев вполне справедлива. Зайзаны и баи отстаивали под видом народных свои интересы, ибо они являлись фактическими распорядителями земель Горного Алтая.

Сибирское начальство, почувствовав в жалобах зайсанов предупреждение, что заселение горной части может повлечь за собой неисправный и уменьшенный взнос ясака, дало «распоряжение о запрещении дальнейшего заселения калмыцких стойбищ». Однако переселение на Алтай продолжалось, несмотря на запрещение. Сколько-нибудь организованных форм это заселение не приобрело.

Зачатки правительственной колонизации можно усмотреть в создании на Алтае в 1828—1830 гг. духовной миссии. Алтай в то время был мало известен даже самой сибирской администрации. Долгое время царское правительство не стремилось заселять Алтай русским населением, хотя отдельные голоса в пользу этого и раздавались (из Алтайской духовной миссии, из Томского губернского управления). Правительство довольствовалось тем, что земли эти входили в состав Российской империи, и взимало с алтайцев пушнину в виде ясака. Здесь весьма кстати вспомнить слова В. И. Ленина, писавшего, что «крепостническая политика состоит в стеснении переселения, в бюрократической опеке всякого передвижения населения. . .».[2]

Это и понятно Крестьянское население России в то время было приковано крепостным правом к помещикам и не могло переселяться в Сибирь, в частности на Алтай. Сибирские крестьяне были прикреплены целыми волостями и уездами к заводам, дававшим основные доходы царскому Кабинету. Поэтому большого наплыва переселенцев на Алтай, такого, какой отмечен позднее, особенно после аграрного движения 1905 г., тогда не было, и сибирскому начальству не приходилось заниматься вопросами переселенческого движения на Алтай. До 70-х годов заселение Алтая происходило в случайном, неорганизованном порядке, за исключением колонизационной деятельности Алтайской духовной миссии.

Основателем миссии был монах Макарий Глухарев, который приехал на Алтай распространять христианство. Обращение в христианство алтайцев началось еще в XVIII в., но после того как указами от 1789 и 1799 гг. миссионерские должности были упразднены, все алтайцы, обращенные в христианство, возвратились к шаманству. Исключение составили лишь немногие обрусевшие семьи (в селениях Майме, Березовке, Тарханском и Улале).

Макарий был для своего времени хорошо образованным человеком. Он занимался естественными науками и некоторое время состоял профессором духовной семинарии. Макарий придерживался либеральных буржуазных взглядов и был связан с отдельными декабристами. В выс-

---

[1] Запрос Общего управления Томской губернской канцелярии колывано-воскресенского горного начальства от 22 марта 1828 г. за № 712, последовавший вследствие указанной жалобы. Архивное дело Упр. Алт. округа № 3993, рукопись Гуляева и Семьянова.

[2] Ленинский сборник, т. XIX. Партиздат, 1932, стр. 465.

шей церковной организации России — Священном Синоде отношение к нему было недоверчивое, его считали «вольнодумцем». Взгляды Макария, хотя и чрезвычайно, как мы увидим позднее, ограниченные, не могли не пугать и не раздражать малообразованное, закоснелое в невежестве и умственной лени, но властное высшее духовное начальство, не понявшее на первых порах, что все проекты и деятельность Макария отнюдь не идут в разрез с интересами правительства и духовенства. Отношения его с Синодом настолько обострились, что стоял вопрос о заточении в монастырь. Макарию пришлось уехать на Алтай и стать простым миссионером.

Практическую миссионерскую деятельность Макарий начал в 1830 г. в селениях Майме и Улале.

Он первый начал применять положение 1826 г. о новокрещеных дающее им на первое время освобождение от всяких податей и повинностей.[1] С 1836 г. Макарий добился ежегодной субсидии от казны для работы миссии.

С этого момента Алтайская духовная миссия становится официальным правительственным учреждением с реакционными задачами обращения алтайцев в христианство, внедрения в их среду христианской монархической идеологии.

Чтобы закрепить переход алтайцев в христианство, Макарий стремился изменить быт новокрещеных алтайцев, перевести их на оседлость, распространить у них земледелие, огородничество, срубную избу, даже обучать грамоте и т. п. Все это делал Макарий с целью противопоставить крещеных алтайцев шаманистам, оторвать и изолировать крещеных алтайцев от старой бытовой среды, от влияния шаманов и зайсанско-байской языческой верхушки. Независимо от миссионерских целей эта сторона личной деятельности Макария, конечно, играла объективно положительную роль, поскольку результатом ее было некоторое улучшение быта и повышение культурного уровня части рядовых алтайцев, необходимо принять во внимание, что рядовые алтайцы тогда жили еще очень обособленно от трудового русского крестьянства.

Миссионерская практика требовала от Макария знания алтайского языка, знакомства с сельским хозяйством и т. д. Макарий выписывал в миссию русские и иностранные книги по сельскому хозяйству, семена растений и лекарственных трав, сельскохозяйственные орудия и сам, лично, учил новокрещеных алтайцев садить овощи, ухаживать за огородом. Макарий, быстро изучив алтайский язык, стал переводить на алтайский язык молитвы и богослужебные книги, предвосхитив таким образом знаменитую систему Ильминского, основанную на образовании «инородцев» и обращении их в христианство с помощью родного языка.[2] Макарий же организовал работу с новокрещеными женщинами, постоянно убеждал алтаек учиться у русских прясть, вести домашнее хозяй-

---

[1] Положение Сибирского комитета о «сложении ясака на 3 года с инородцев, вступающих в христианскую веру» было утверждено в 1832 г. (Полн. собр. законов Росс. империи, т. VII. Изд. 2-е, стр. 918—919).

[2] Макарий перевел на телеутское наречие: 1) почти все Евангелие, 2) краткую священную историю и катехизис, 3) многие церковные песни и псалмы, 4) огласительное поучение, символ веры, заповеди, 5) вопросы при исповеди, 6) краткий лексикон и др. Само название переводов говорит о том, с какой целью они делались. Помимо распространения христианства непосредственно среди алтайцев деятелям миссии необходимо было готовить кадры для миссионерской работы из среды алтайцев.

ство, порядку и чистоплотности; он создал для этого при миссии штат женщин «помощниц миссии», на которых возлагал обучение новокрещеных алтаек уходу за ребятами, шитью, приготовлению хлеба; он заставлял своих помощниц изучать медицину, в частности акушерство, чтобы оказывать алтайцам медицинскую помощь.

В 1830 г. Макарий открыл первую на Алтае школу для мальчиков и одновременно параллельную школу для девочек, обучение в которых было бесплатное, конечно, миссионерскую, где кроме умения читать, писать и считать учили только заучиванию молитв.[1] Тем не менее у алтайцев была создана письменность на основе русского алфавита. Этот прогрессивный факт приобретает особенное значение, если принять во внимание, что западноевропейские миссионеры не только не создавали письменности у колониальных племен и народностей, а, напротив, уничтожали, если обнаруживали ее хотя бы в зародыше. Вспомним, как уничтожили письменность майя — одной из многочисленных индейских народностей центральной Америки — испанские колонизаторы.

В 1561 г. францисканский монах Диэго де Ланда сжег книги майя и уничтожил письменность, существовавшую у этой народности с первых веков нашей эры. Только благодаря случайно уцелевшим трем рукописям, сохранившимся в некоторых музеях, советским ученым удалось недавно расшифровать эту письменность, уничтоженную испанскими изуверами.[2] Католические миссионеры уничтожили обнаруженную ими письменность у туземцев острова Пасхи в Океании. Древние тексты этой письменности наносились на деревянные таблички. Миссионеры сожгли эти таблицы. О них стало известно благодаря тому, что знаменитый русский путешественник Н. Н. Миклухо-Маклай привез несколько сохранившихся таких таблиц в нашу Академию Наук, а молодой советский ученый Б. Г. Кудрявцев сумел расшифровать эту письменность.[3]

Однако деятельность Макария Глухарева отнюдь не сводилась к просветительству. Он довольно ревностно обращал алтайцев в православие и другими методами, видимо не очень-то надеясь только на силу описанной выше методики. Например, он заставлял креститься алтайцев при помощи угроз и брал даже с них письменное обязательство не обращаться к шаманам, не приносить кровавых жертв скотом и т. п. Макарий ввел особый институт «крестных отцов». Он возлагал ответственность за последствия возвращения к шаманизму не только на самого новокрещенного, но и на его «крестного отца». Нет никакого сомнения и в том, что Макарий возбуждал в алтайцах экономическую заинтересованность в переходе к православию, обещая за это льготы от ясака и некоторых натуральных повинностей, материальную помощь и т. д.

Следовательно, просветительская деятельность Макария Глухарева была только одним из средств достижения главной цели — обращения в христианство алтайцев, а не являлось самоцелью.

---

[1] Это была одна из первых школ в Сибири вообще, где еще в 1847 г. числилось всего 9 «инородческих» школ с 71 учеником.

[2] Ю. В. Кнорозов. Древняя письменность Центральной Америки. Сов. этнография, 1952, № 3.

[3] Б. Г. Кудрявцев. Письменность острова Пасхи. Сборник Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР, т. XI, 1949.

Архимандрит Макарий покинул Алтайскую духовную миссию в 1843 г., по болезни. Своим преемником он назначил С. Ландышева. С именем этого начальника миссии, возглавлявшего ее до 1865 г., связаны возникновение и развитие оседлых миссионерских селений из новокрещеных алтайцев, расширение миссии, выразившееся в открытии новых миссионерских станов, строительстве школ.

В 1847 г. был открыт миссионерский стан в Мыюте, куда еще в 1843 г. Макарий отправлял на жительство крещеных им телеутов из селения Сарасы. В Мыюте жили новокрещеные алтайцы и некрещеные телеуты и алтайцы. Ближайшей русской деревней была Черга, основанная в 1822 г. и состоявшая из восьми домов. Колесных дорог в этом районе не было.

Основным занятием алтайцев было скотоводство, подсобное значение имело мотыжное земледелие. Жили алтайцы в юртах, печеного хлеба не знали. Один из алтайцев в это время построил избу русского типа и завел телегу, но зайсан, узнав об этом, сжег то и другое, а новатора выпорол розгами.

За указанное время были образованы следующие оседлые селения (в которых жили новокрещеные алтайцы): Нижний Карагуж, Верхний Карагуж, Кылташ (жили кумандинцы), Сарыкокшинское (при устье Инырги),[1] Черный Ануй (1848), Чемал[2] (1850), Бирюля (1852), Кебезень (1852), Ташта (1854), Ильинское (1854), Макарьевское (1854),[3] Паспаул (1858).[4]

В 1858 г. Алтайская миссия открывает Кузедеевский стан миссии среди шорцев. До организации этого стана шорцы, как и кумандинцы, были в ведении Макарьевского стана. Вновь открытый стан вскоре развил энергичную деятельность под начальством миссионера В. Вербицкого. В рассматриваемый период Алтайская миссия не ограничивается обращением алтайцев в христианство, но развивает и культурно-просветительную деятельность в либерально-буржуазном духе.

При С. Ландышеве миссией открыты миссионерские начальные школы: Мыютинская (1850), Макарьевская (1855), Черно-Ануйская (1858), Кузедеевская (1859), Урсульская (1860), Чемальская (1863), Кебезенская (1863).

С. Ландышев заявлял печатно: «Миссионеры и их семейства имеют необходимость расположить новокрещеных к тому, чтобы они учились земледелию, заводили огороды и приучались к другим занятиям оседлого домохозяйства, приучать новокрещеных женщин печь хлеб, прясть, шить простые одежды и обувь, садить овощи и иметь уход за огородом..., лечить больных (особенно гомеопатией) крещеных и некрещеных, всякого возраста и пола... прививать оспу мужчинам, женщинам и младенцам...».[5]

Заслуживает внимания и временная помощь, оказывавшаяся миссией новокрещеным беднякам хлебом, одеждой, различными семенами,

---

[1] В 1848 г. здесь жил только один новокрещеный телеут, и в начале 50-х годов уже было 30 семей, из которых 20 обзавелись избами.

[2] Чемал привлек внимание миссионеров в 1849 г. как место для устройства стана миссии. Однако в это время там поселились 13 семей раскольников, согнавших оттуда алтайцев с их зайсаном и отобравших у них пастбища и первобытные пашни. Усилиями миссии раскольники были изгнаны, и в 1850 г. миссионеры поселили здесь до 25 семей новокрещеных алтайцев.

[3] Вскоре, в 1856 г., здесь был открыт миссионерский стан.

[4] Основан лично С. Ландышевым из новокрещеных тубаларов.

[5] Душеполезное чтение, № 1, 1864, стр. 127.

скотом, постройкой изб,[1] но нельзя упускать из виду, что материальная помощь в руках миссии являлась средством добиться у бедняков согласия на крещение.

Положительные результаты указанной деятельности миссии были засвидетельствованы в 1860 г. путешественником-исследователем В. Радловым, который писал: «Одежда крещеных инородцев опрятна и сходна с одеждой русских крестьян; при этом должен заметить, что холст ткут женщины сами, между тем как у кочующих калмыков они умеют выделывать только войлок. Некоторые занимаются уже хлебопашеством, имея в порядке все необходимые для этого принадлежности. Многие завели домашнюю птицу — кур и гусей, чего нельзя встретить у некрещеных. Короче, во всем заметен значительный шаг к лучшему».[2]

Разумеется, было бы неправильно объяснять этот культурный прогресс новокрещеных алтайцев только миссионерским влиянием. Гораздо большее значение в этом смысле имела позднее совместная жизнь новокрещеных с русскими крестьянами, в результате чего повышался культурный уровень новокрещеных алтайцев. Однако было бы ошибкой и недооценивать в этом отношении некоторую положительную роль отдельных миссионеров того времени, потрудившихся в первоначальный период деятельности, хотя и в своих целях, над повышением культуры обращенных в православие алтайцев.

Каково же было отношение алтайцев к миссионерской проповеди в рассматриваемое время?

Среди разных социальных групп алтайцев отношение к христианизации и руссификации было различное. Если возьмем отношение рядовых южных алтайцев, то его нетрудно определить из записок и дневников миссионеров. Оно было отрицательным по описанию самих миссионеров: «Калмыки (т. е. южные алтайцы, — *Л. П.*) здесь так дики, что не желали иметь с нами никакого дела: все разбежались от нас в разные стороны, оставляя пустые юрты, с приставленными к дверям лесинами в знак того, что никого в юрте нет. На берегу Катуни мы увидели человек около пяти калмыков, удивших рыбу, пошли к ним, но они до того засуетились и с такой поспешностью побросались в лодку, что один не успел захватить уды; переплыли реку и скрылись в лесу».[3] Миссионер Ландышев описывает другой факт: «Некрещеная жена зайсана объявила, чтобы я поучил вере христовой и детей ее и надел на них кресты. Но они, как звери, разбежались из юрты, и хотя удалось ей поймать одного, но и этот вырвался от нее, искусав ей руки, и отправился на лыжах за своими братьями».[4] Более яркий случай отношения к крещению приводит в своих записках за 1860 и 1861 гг. миссионер Н. Сокольников. Миссионер Смарагд привез в Кебезенский миссионерский стан молодую девушку, тайком от родственников соблазненную креститься. Родители погнались за ней. Когда они приехали в Кебезень, им сказали: «Торты уже окрещена». Услыхав это, «мать Торты повесилась на березе, саженях в 20 от церкви под яром... Муж ее, старик Апанас, узнавши,

---

[1] В статье «Алтайская духовная миссия» С. Ландышев указывает, что за 6 лет построено 37 изб для бедняков новокрещеных алтайцев (Душеполезное чтение, № 1, 1869, стр. 129).

[2] Поездка по Чуе д-ра Радлова в 1860 г. Томск. губ. ведомости, № 6, 1879.

[3] Из путевых заметок В. Вербицкого за 1854 г.

[4] Из писем Ландышева. М., 1847, стр. 15.

что жену нашли удавленной, взял жердь и бросился на народ, обступивший его жену. Народ обратился в бегство, а старик бросился на отца Смарагда, но последний успел выхватить жердь из рук старика. Тогда Апанас схватил отца Смарагда за шею, разорвал на нем подрясник и рубашку, и оба они скатились с отвесного яра, сажен в 10 вышины, в реку Кебезень, но к счастью ни тот, ни другой опасно не ушибся».[1] Миссионер Вербицкий рассказывает из своей практики, что при проповеди не успевшие разбежаться алтайцы затыкали пальцами уши.[2]

Несколько иным было отношение к крещению у беднейших слоев северных алтайцев, которые иногда в крещении видели спасение от голодной смерти. Сами миссионеры вынуждены были оттенять это обстоятельство. «Переход в христианство начался с бедных, бесприютных, загнанных», написано в одном из отчетов миссии.[3]

«Добровольно» крестились на первых порах исключительно разорившиеся бедняки и калеки: «слепая вдова Южской волости Домна с тремя малолетними дочерьми (2—11 лет), не имеющая ничего, кроме кое-каких связанных грязных овчинных лоскутьев, напоминающих, что и они когда-то давно имели шубы»; нищий «по имени и состоянию» Тербезен; слепая вдова Чуньдужек с четырьмя детьми, «у них нет ни одежды, ни обуви, они прикрыты кой-какими лохмотьями»; сирота девица Кол (21 г.) и сестра ее Илябас (13 л.); «15-летняя девица Эрке, владеющая только одной ногой»; «слепая Кереспесь Якушева с тремя сиротами малолетними детьми, в ужасной нищете, нигде не находившая пристанища между некрещеными, погибавшая от холода и голода»[4] Материальное положение новокрещеных отлично сознавали миссионеры. «Наши новокрещеные очень бедны, — писал иеромонах Дометиан, — и без материальной помощи миссии обойтись не могут: у кебезенцев в настоящее время у всех будет не более 20 лошадей и 30 коров. Спрашивается, на чем инородцу ехать за орехами или на промысел за белкой, — нет лошади, нет и хлеба, так обыкновенно бывает у нас».[5]

Не удивительно поэтому, что решившиеся принять христианство северные алтайцы-бедняки прежде всего рассчитывали получить материальную обеспеченность. Многие из них требовали сначала материальное пособие, а потом за это давали обещание креститься. Естественно, это несколько шокировало миссионеров. «Излишние пособия, — заявлялось печатно, — возбуждают в новокрещеных излишние надежды на даровой кусок хлеба. Надежда, если она находит себе удовлетворение со стороны миссии, ведет новокрещеного к тому вредному убеждению, что миссия обязана снабжать его всеми вещами, необходимыми для его безбедного существования».[6]

Бывали случаи, когда пришедший в отчаяние бедняк ходил по селу и продавал своих детей; не найдя покупателей, он отдавал детей в миссию.[7]

---

[1] Душеполезное чтение, 1862, июль.
[2] Из путевых заметок В. Вербицкого за 1854 г.
[3] Отчет Алтайской духовной миссии за 1888 г. Томск, 1889, стр. 29.
[4] Миссионерские записки в журнале «Душеполезное чтение» за 1860—1861, 1864, 1865, 1867 гг.
[5] Записки Кебезенского миссионера Дометиана за 1864 г. Душеспасительное чтение, октябрь, 1865.
[6] И. Солодчин. Алтайская миссия. Домашняя беседа, 1868, стр. 910—911.
[7] Там же.

Не столько проповеди миссионеров и христианская концепция понуждали алтайскую бедноту к крещению, сколько тяжелое материальное положение заставляло ее предпринять этот шаг; это не всегда утаивалось и в миссионерских записках и отчетах.

Остается еще отметить, что зайсанско-байская верхушка алтайцев крайне отрицательно относилась к деятельности миссии. На первых порах это проявлялось не только у южных, но и у северных алтайцев.[1] Эксплоататорская верхушка алтайцев не хотела терять своего монопольного влияния на соплеменников и сородичей, не хотела лишиться земель и угодий, отводимых под миссионерские селения. Поэтому она всячески противодействовала крещению алтайцев, не останавливаясь и перед крайними, жестокими мерами (наказание розгами, арест, увечья, разорение). Однако у северных алтайцев это сопротивление было быстро сломлено. Алтайская миссия уже при С. Ландышеве стала добиваться, чтобы зайсаны и демичи были выборными и из крещеных алтайцев. Но тогда Томское губернское правление ответило на это (в декабре 1857 г.) официальным отказом.

V. ХОЗЯЙСТВО АЛТАЙЦЕВ В XIX в.

Выше было показано, что в половине XVIII в., перед переходом южных алтайцев в русское подданство, у них господствовало натуральное хозяйство.

Основным видом хозяйственной деятельности являлось экстенсивное кочевое скотоводство. Исключение составляла таежная часть Алтая, где преобладала зверовая пешая охота.

Более подробные сведения о производстве у алтайцев мы имеем по материалам XIX в. Характер производства и в значительной мере приемы его на протяжении XIX в. остаются в основном теми же, что и в предыдущем столетии.[2]

Ведущей отраслью производства для большинства населения южного Алтая продолжало оставаться скотоводство. Разводили лошадей, овец, крупный рогатый скот, коз, частично сарлыков (яков) и верблюдов. Способы и приемы ухода за скотом долго еще оставались прежними. Кочуя под открытым небом, меняя зимние и летние пастбища, алтайцы круглый год скот держали на подножном корму; такая система пастбищного хозяйства сложилась в условиях многоземелья и требовала для ведения скотоводческого хозяйства большой территории. Заготовка сена производилась нерегулярно и в небольших размерах. Траву резали кривым ножом (*оргуш*), подсушивали и свивали в длинные толстые

---

[1] Записки Кебезенского миссионера Дометиана за 1864 г. Душеспасительное чтение, октябрь, 1865.

[2] Гр. Спасский. Путешествие к алтайским калмыкам в 1806 г. Сиб. вестник, ч. III и IV, 1819; A. Bunge. Reise im östlichen Theil des Altai-Gebirges. In: Ledebour. Reise durch das Altai-Gebirge... Th. II; Г. Гельмерсен. Телецкое озеро и телеуты восточного Алтая. Горн. журнал, № 1, 1840; Горохов. Краткое этнографическое описание бийских или алтайских калмыков. Журн. Мин. внутр. дел ч. XXXVIII, № 10, 1840, G. Gelmersen. Reise nach dem Altai im Jahre 1834 ausgefürt. Beiträge zur Kenntnis d. Russisch. Reichs..., Bd. 14, 1848; Н. Костров. Путешествие д-ра Бунге по восточной части Алтая в 1826 г. Томск. губ. ведомости, 1876, 1877; W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I; В. Вербицкий. Алтайские инородцы, М., 1893. — Кроме приведенных источников, собранный нами этнографический материал довольно полно характеризует жизнь алтайцев последних десятилетий XIX в.

жгуты (*толгок*), которые вешали на деревья; зимой допускали к ним скот.[1]

Еще до 1860-х годов русские завезли на Алтай косу-горбушу (*карбыш-чалкы*). Распространена горбуша была довольно широко. Современные алтайцы еще хорошо ее помнят. С начала 60-х годов русские завезли к алтайцам и косу-литовку.[2] В технику заготовки сена коса-литовка внесла большой прогресс, по сравнению с оргушем и горбушей. Производительность труда при сенокошении возросла во много раз: литовкой мужчина выкашивал в день площадь до 1 га. Это позволило увеличить запасы сена. Введение литовки потребовало и иной техники

Стадо яков (сарлыков).

уборки сена. Сено стали сушить по русскому образцу на земле, в рядах, затем его гребли и укладывали в стога.

Однако, несмотря на простоту и незатейливость литовки, она долгое время являлась доступной весьма немногим скотоводам и в условиях жизни алтайцев вскоре превратилась в средство эксплоатации. Богачи давали литовку косить за отработки. Снабжение литовками скотоводческих районов Алтая находилось в руках торговцев, сумевших получать на торговле ими большую прибыль.

В хозяйствах, заготовлявших сено, скот стали подпускать к стогу. Разумеется, это приводило к тому, что значительная часть сена портилась, затаптывалась скотом. В большинстве случаев скот продолжали

---

[1] Ср.: «Калмыки запасают сено, подрезывая траву ножом и развешивая оную для просушки на деревьях» (Гр. Спасский. Путешествие к алтайским калмыкам в 1806 г. Сиб. вестник, ч. III и IV, 1819, стр. 6).

[2] Первым из алтайцев купил себе литовку в Бийске новокрещеный телеут Майрык, живший в с. Мыюте. Он научился косить и стал ездить по кочевьям, где резали траву ножом, и получал за работу в день 1 рубль серебром. Чтобы успеть собрать за Майрыком накошенную им траву, свить ее в жгуты и повесить их на деревья, собиралось по 20—30 человек.

держать на открытом воздухе круглые сутки в любое время года. Исключение было для молодняка, особенно для телят, которых держали зимой в жилой юрте, где помещались и хозяева. Для ягнят устраивали ямы, где животные согревали друг друга собственной теплотой. Такие ямы (*кюрке*) выстилались сухой травой, покрывались жердями, а сверх них берестой и шкурами. Однако кое-где уже стали строить в местах, защищенных от ветра, крытые пригоны, переняв постройку их от русских крестьян. Стойловое содержание скота, заимствованное у русских крестьян, широко вошло в быт по бассейну правобережья Катуни.

Табун кобылиц.

Местами (например в долине Чулышмана, Курайской степи) устраивали для сенокосов примитивные оросительные сооружения (*сувах*).

Случка скота была вольной. В стаде ходили вместе взрослые и совсем молодые производители.

Доили алтайцы коров, коз, кобылиц, ячек. Период доения коров был коротким — с мая по октябрь. Доение производилось с подпуском теленка. Доили в деревянные или кожаные ведерки, дужка которых делалась из волосяной веревки. Ветеринарная помощь отсутствовала.

Такая примитивная техника скотоводческого хозяйства алтайцев делала его весьма неустойчивым. Различные стихийные бедствия — эпизоотии, глубокоснежная зима, затянувшаяся холодная весна — разоряли мелких скотоводов и выбрасывали их массами в ряды бедноты. Так, например, в неблагоприятную весну 1897 г. только в трех алтайских дючинах (5-й, 6-й и 7-й) пало 17 554 головы различного скота.[1]

---

[1] Записки миссионера Урсульского отделения Алтайской духовной миссии К. Соколова 1897 г. Православный благовестник, № 7, 1898.

По данным обследования 1897 г., 50% хозяйств алтайцев совершенно не имели посевов, из чего можно заключить, что земледелие имело лишь подсобное значение.

В земледелии у южных алтайцев также сохранилось много архаических элементов, например имелось два орудия для разрыхления почвы: *андазын* и *абыл*. Абыл — это мотыга, маленькая железная лопатка закругленной формы, насаженная на рукоятку, согнутую под углом. Обработка пашни абылом производилась вручную. Андазын был более усовершенствованным орудием, рассчитанным на применение тягловой силы — лошади. Это была простейшая деревянная соха, представляющая

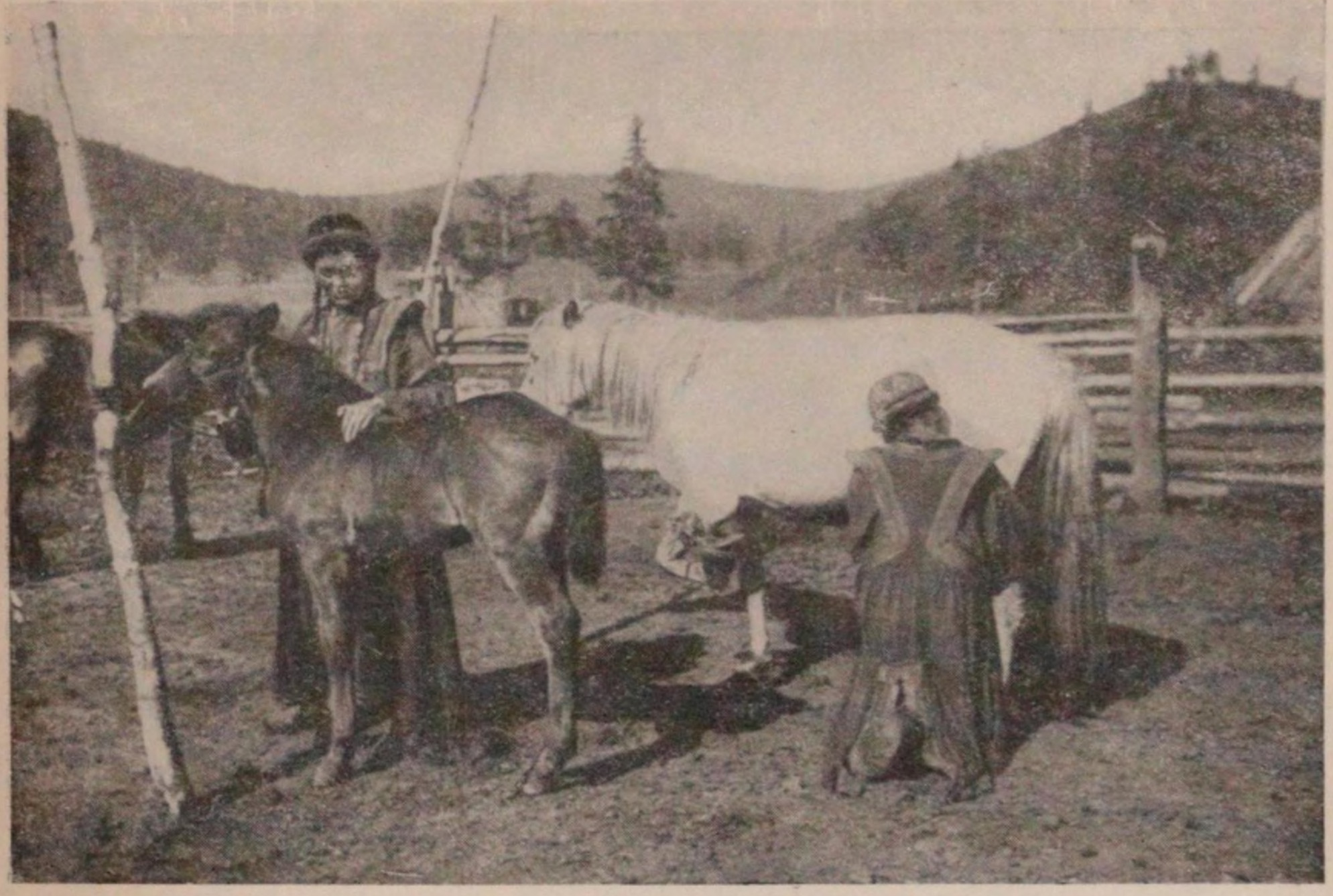
Стадо овец.

собой изогнутый корень дерева, острый конец которого, предназначенный для рыхления почвы, снабжался треугольной железной пластинкой или, в более сложном типе, железным наконечником, надетым наподобие колпака. Андазын имел поперечную деревянную палку — дышло, за которое укреплялся волосяной аркан. Другим концом аркан привязывался к седлу верховой лошади. Глубина вспашки андазыном — от 4 до 6 см, ширина борозды — 8—12 см. Чтобы разрыхлить землю, по одной борозде нужно было пройти 3—4 раза. Поле вспахивалось андазыном вдоль и поперек. Бороньба производилась при помощи ветвей сухого дерева (*сала*), на которое сверху для тяжести клали камни. Сеяли вручную и почти исключительно ячмень. Удобрений не знали. Наряду с этим в некоторых районах (Чуйская долина близ Курая, Чулышман, Онгудайский район и др.) обработанные пашни орошали искусственным путем, при помощи устройства узких канав (*сувахов*), которые отводили от горных речек.

К концу XIX в. в бассейне среднего течения Катуни от Эдигана до Маймы, у алтайцев, под влиянием постоянного общения с местным рус-

ским населением, получили распространение многие крестьянские земледельческие орудия и способы уборки урожая. Из них отмечу соху, однолемешный плуг, бороны с деревянными и железными зубьями, жатву серпом и обмолот зерна лошадьми, цепом и т. д.

Собранный урожай ссыпали в кожаные сумины и хранили в юрте. Ячмень шел на приготовление толокна (*талкан*) и размельчался на крупу, из которой варили похлебку (*кочо*). Талкан и кочо были почти единственной хлебной пищей рядовых скотоводов. Лепешки из пшеничной муки были редкостью. Для размельчения ячменя в муку или крупу



Доение кобылиц.

применялись два орудия: каменная зернотерка (*паспак*) и деревянная ступа (*соко*). На зернотерке, состоявшей из двух каменных плит, длиною 45—55 см и шириною 20—25 см, с нанесенными на них несколькими мелкими поперечными зазубринами, поджаренное зерно ячменя превращали в талкан.

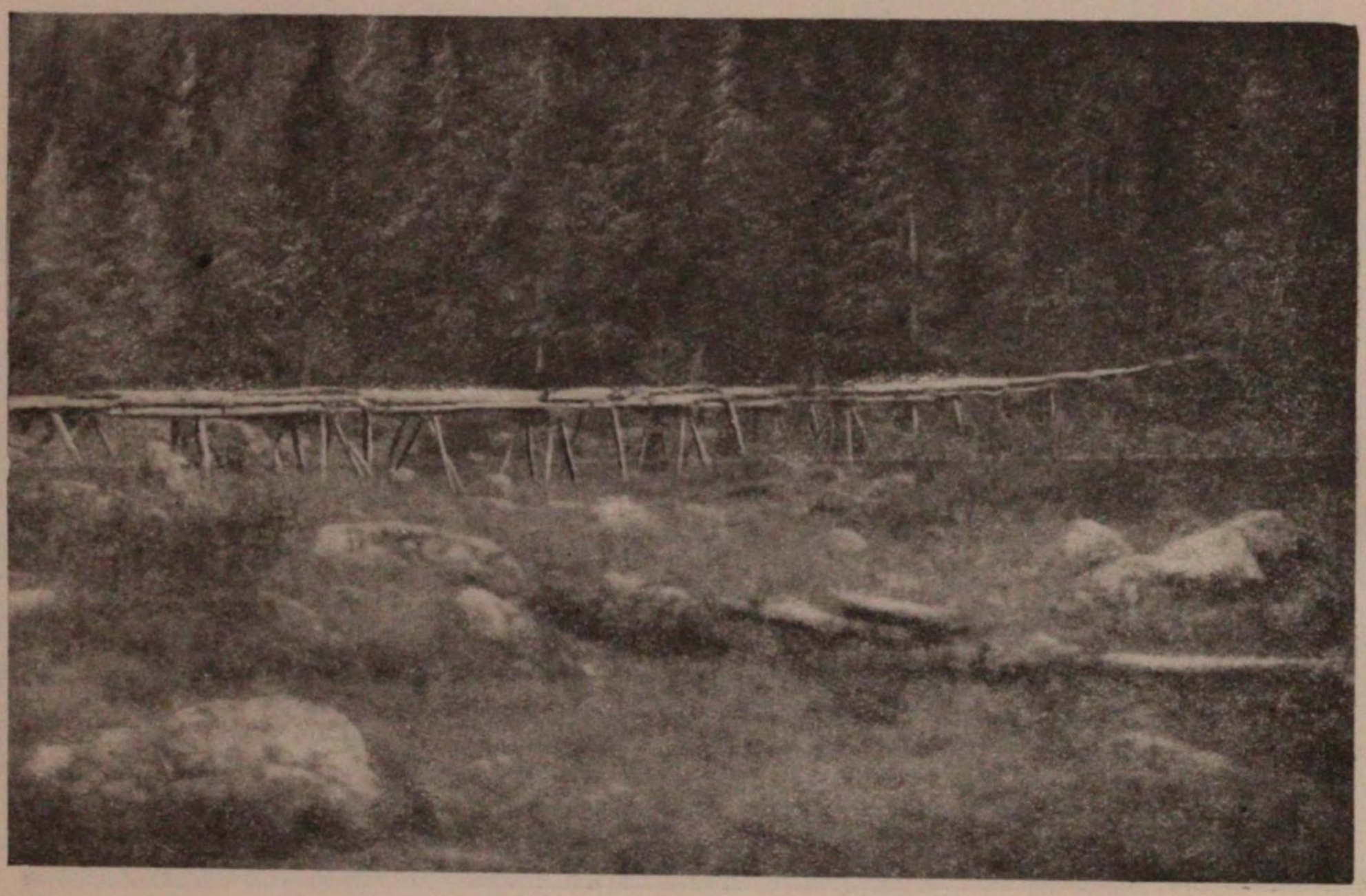
Работа на зернотерке требовала большого физического напряжения, поэтому производительность труда на ней не превышала 2—2.5 кг в день. Для получения из ячменя крупы зерно насыпали в большую деревянную ступу и толкли деревянным толстым пестом.[1]

К концу XIX в. среди алтайцев, живших в системе среднего течения Катуни, под прямым воздействием русских обитателей Алтая, развилось огородничество. Это обстоятельство отразилось положительно на пита-

[1] В Государственном Музее этнографии в Ленинграде хранится такая ступа (под № 599—15-ab) из поселка Чибита: «Имеет форму высокого бокала с подставкой в виде усеченного конуса, широким концом вниз; высота 56 см, внешний диаметр отверстия 26.5 см, внутренний — 20.5 см, глубина бокала 30 см, при ступе пест массивный, вверху с полукруглым отверстием, внизу округленный, длина 57 см».

нии алтайцев: увеличилось количество продовольствия, пополнился ассортимент пищи.

Подсобным занятием являлась охота на некоторых копытных (марал, козуля и т. д.), в Чуйской степи — на лисицу, сурка и местами на соболя и белку. Охотились с тяжелой шомпольной винтовкой, малопулькой, пистонной или кремневкой, изредка даже фитильной, снабженной деревянными подставками (ногами), на которые ставилось ружье при прицеле. Здесь умели приготовлять самодельный порох «из отпоти селитренного свойства, выступающей на стенках некоторых пещер, серы, угля, с прибавлением желчи сурка».[1]



Искусственное орошение.

Из подсобных занятий южных алтайцев следует еще указать на промысел кедрового ореха, имевший существенное значение, так как орех сбывался скупщикам. Таким образом некоторая часть алтайцев была втянута в натуральный или денежный обмен. Техника сбора ореха была очень примитивна.

Рыболовство у южных алтайцев отсутствовало. Промышленность у них носила домашний характер и была представлена обработкой продуктов скотоводства, выделкой войлока, кожи, седел и частично кузнечным ремеслом. Все эти отрасли выступали в соединении со скотоводством.

В оседлых селениях алтайцев (например с. Мыюта) в 80-х годах XIX в. был развит промысел шитья рукавиц, усвоенный от русских крестьян и ориентированный на местный рынок, а в 90-х годах зарегистрированы еще плотничий, бондарный и смолокуренный промыслы, также заимствованные от русских крестьян.

---

[1] Попов. Алтай. Томск. губ. ведомости, № 41, 1858.

Одним из основных молочных продуктов был кисловатый сыр (*курут*), приготовлявшийся из сквашенного, затем сваренного молока, продымленный и высушенный над очагом. Другой вид сыра (пресный и мягкий) назывался *пыштак*. Выделывалось примитивным образом и масло (*сардю*), хранившееся в бараньих или бычьих сычугах. Наряду с этим во многих аилах и селениях, смежных с русскими или имеющих смешанное население, масло сбивали домашним же способом, но по русскому образцу.

Алтайцы умели приготовлять кумыс из кобыльего молока и чегень, вкусом несколько напоминающий кумыс, но приготовленный из коровьего молока и более густой. Эти напитки держали в сшитых жилами кожаных сосудах (*аркыт*, или *саба*) вместимостью до 10 ведер каждый.[1]

Растирание зерна на каменной зернотерке.

Из овечьей шерсти делали войлок. Войлок, или кошма, выделывался как для потников, подкладываемых под седло (преимущественно из весенней шерсти), так и для покрытия жилища. Войлоки употреблялись также для подстилки в жилище, для постели (из летней шерсти). При изготовлении войлока овечью шерсть взбивали деревянными или железными прутьями и клали ровным слоем либо на старую кошму, либо просто на землю, затем спрыскивали ее водой, завертывали в трубку и катали. Катанье производили вручную, а при изготовлении войлока большого размера — при помощи лошади. В последнем случае войлок навертывали на гладкий деревянный вал, который катали по земле при помощи аркана. Изготовляли войлок обычно женщины.

У алтайцев существовала также своя техника обработки кожи. Шкуру лошади или быка, снятую с животного летом, употребляли на изготовление либо кожаной посуды (*аркыт*), либо ремней. Приемы обработки шкуры были примитивны. Шкуру опускали в реку с быстрым течением, предварительно крепко привязав. Держали ее в воде до тех пор, пока вода не вымывала и не уносила всю шерсть. Затем шкуру

[1] В коллекциях Государственного Музея этнографии под № 598—347 значится: «Саба — конический кожаный мешок в 165 см высотою, при 75 см в длину и 23 — в ширину. Служит для заквашивания кумыса, напитка, приготовленного из кобыльего молока. Усть-Кеньга, р. Урсул».

вынимали, растягивали и сушили. Далее ее разрезали на ремешки и плели узды, плети и т. д. Для изготовления кожаной посуды шкуру размачивали в воде, мяли, смазывали жиром лошади, медведя или барсука. В зимнее время обрабатывали шкуры, предназначенные для шитья обуви. Поступали таким образом. Освежеванную шкуру лошади, коровы или быка замораживали в снегу и шерсть выбривали начисто острым ножом. Далее шкуру проветривали на солнце до тех пор, пока она не делалась легкой. В летнее время ее зарывали в навоз, где она несколько пропитывалась влагой, затем мяли и смазывали жиром лошади, сурка или медведя. После этого в течение недели кожу коптили в юрте над дымом очага или в особых земляных печах и еще раз мяли. Если кожу хотели окрасить, то после бритья ее помещали в настой коры лиственницы.

Сушение сыра на солнце.

Из выделанной кожи шили обувь, сбрую, вьючные сумы, переметные сумины (*арчамак*), перекидывавшиеся поверх седла. Кожаную посуду шили из сыромятной кожи, иногда снятой с ноги заколотой лошади или коровы, а порою и с вымени коровы. При этом снимали шкуру наподобие чулка, набивали ее землей, сушили у костра — и сосуд был готов.

Из шкур козули, козы, молодого марала южные алтайцы выделывали овчины, употреблявшиеся для шитья шуб. При выделке овчины освежеванную шкуру промывали в солоноватой воде и растягивали в тени для сушки, затем ее натирали нежирной сывороткой, квасили и после этого скручивали, оставляя в таком виде в течение трех-четырех дней. Далее шкуру мяли досуха, снова квасили, на этот раз вареной печенью коровы или овцы, превращенной в кашицеобразное состояние, и коптили. После копчения производили обезжиривание мытьем в сыворотке, снова мяли досуха, снова квасили печенью и заканчивали обработку тем, что еще раз мяли досуха.

Шкуру козы, которая не выдерживает крепкой обработки, выделывали проще, натирая ее вареной печенью и сывороткой. Мяли ее только вруч-

ную, чтобы не вылезла шерсть. Шкуру молодого марала и козули обрабатывали только вареной печенью, мяли и также коптили.

Южные алтайцы умели выделывать грубую замшу. Для этого шкуру лося, марала или горного козла мочили в воде, а затем снимали с нее шерсть железным скребком, вместе с тонким слоем кожи. Потом шкуру сушили и мяли, после чего клали в мыльную воду или натирали мылом и сушили на морозе. Если замшу делали летом, тогда, после того как со шкуры снимали шерсть, ее смазывали жиром. Кроме железного

Приготовление шерсти для изготовления войлока.

скребка при выделке кожи употреблялась деревянная палка, покрытая зазубринами.[1]

Из конского волоса женщины свивали веревки, арканы. Довольно распространенным было производство седел, как вьючных (*ынгырчак*), так и верховых. Деревянную основу седла делали из сухого продымленного дерева березы: обе луки седла — обычно из корня березы, а боковые пластинки — из ствола. На седло клали войлочную подушку (из летней овечьей шерсти) и обшивали ее кожей.

Основным средством передвижения здесь была верховая лошадь, но имелась и арба на двух низких колесах для перевозки грузов. В эту

[1] В Государственном Музее этнографии под № 598—66 значится: «Идрык — снаряд для проминки кожи; состоит из слабо изогнутого деревянного стержня, представляющего в разрезе плоский ромб, острые углы которого зазубрены, как пила. Концы инструмента округлены, чтобы держаться за них руками. Длина 76 см. Усть-Кеньга, р. Урсул».

арбу лошадь впрягалась при помощи русского хомута, дуги и оглобель. Седелка заменялась обычным верховым седлом, на котором сидел верхом возница. Алтаец сидел верхом на лошади и в том случае, если в арбе не было груза. В трудно проходимых горных местностях грузы вьючили на лошадь на специальное вьючное седло без подушки. Груз помещался в две кожаные сумины, которые перебрасывались через седло и связывались арканами. Местами грузы везли на верховой лошади при помощи волокуши (*шырка*), представлявшей собой две длинные тонкие жерди, одним концом прикрепленные по обе стороны седла, а вторым волочащиеся по земле.

Выделка кожи.

В XIX в. русские телега и сани довольно широко вошли в быт алтайцев в районах Чемальском, Шебалинском, Майминском и Чойском (по современному административному делению).

Из сделанного краткого обзора хозяйства южных алтайцев видно, что производство материальных благ у них находилось в неразвитом состоянии, о чем убедительнее всего говорит техническая база, особенно орудия труда. Простейшее использование обширных земельных территорий путем выпаса скота в летнее и зимнее время, первобытная соха и зерноперка, скребок и зубчатая палка для выделки кожи, примитивный кузнечный мех [1] — вот та несложная техническая база, на которой держалось хозяйство южных алтайцев. Основными средствами производства у алтайцев являлись земля в широком смысле слова (летние и зимние пастбища, покосы, пашня) и скот.

Скотоводческое хозяйство у большинства южных алтайцев сохраняло в основном натуральный характер. Все необходимое для существо-

[1] Первобытный характер кузнечества и плавки руды был отмечен на Чулышмане еще Чихачевым в 1842 г. (см.: P. Tchihatcheff. Voyage scientifique dans l'Altai..., p. 112) и Радловым у алтайцев района оз. Кеньги в 60-х годах (W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, S. 294).

вания — пища, одежда, жилище, утварь, средства передвижения, топливо, даже орудия труда — изготовлялось домашним способом и потреблялось внутри хозяйства. Это хозяйство весьма слабо было втянуто в рыночный обмен. На рынок, преимущественно через скупщиков, алтайцы доставляли лишь излишек скота или сырых продуктов скотоводческого хозяйства (у богатых алтайцев) да еще добытую пушнину или кедровый орех. С рынка, также через торговцев-посредников, южные алтайцы получали преимущественно фабричные ткани, юфтевую кожу, соль, не-

Верховая лошадь в седле.

которые железные изделия и безделушки, уплачивая за это посреднику натурой, т. е. продукцией своего хозяйства. Вполне понятно поэтому, что в южном Алтае не было развито денежное обращение и эквивалентом последнего здесь являлись либо годовалый баран (у теленгитов Чуйской степи), либо белка (у чулышманских телесов). По сообщению Вербицкого, чулышманцы вели счет в единицах подо. Подо равнялась 40 белкам. Счет подо употреблялся и при уплате калыма.[1]

В заключение обзора хозяйства южных алтайцев следует указать на его индивидуальный характер, на раздробленность. Это вполне соответствовало тому, что всякое имущество, будь то скот, орудия труда, одежда, средства передвижения и т. д., находилось в частной собственности отдельных семей.

---

[1] В. Вербицкий. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркских языков, стр. 259. — Выше было сказано, что подо являлась единицей счета скота у монголов

Основной экономической единицей у южных алтайцев являлась семья, составлявшая кочевой или полукочевой двор — аил, но не род. К этому утверждению меня привели как собственные исследования, которые я вел в течение ряда лет в различных районах южного Алтая, так и данные этнографической исторической литературы об алтайцах. К такому же выводу пришел и С. А. Токарев, исследовавший этот вопрос во время экспедиционной работы среди алтайцев. Он пишет: «В кочевых и полукочевых скотоводческих аймаках, где, вообще говоря, сохранилось больше от старого уклада жизни алтайцев, не удалось найти ни следа общеродового землепользования, родовых кочевок, совместной пастьбы скота сородичами и т. п., не говоря уже о совместном владении скотом

Езда верхом на яке.

или другим имуществом».[1] Аил состоял иногда из нескольких юрт, принадлежащих одной семье.[2] Каждая семья вела самостоятельное хозяйство, которое было экономически обособлено от других. Исключением являлись хозяйства бедняков, экономически зависевших от баев и потому вынужденных жить вблизи последних, обслуживая их своим трудом. При женитьбе сыновей, происходившей в порядке старшинства лет, каждому женатому сыну строили отдельную юрту и выделяли часть скота на обзаведение собственным хозяйством, обособленным от отцовского. Последним женили младшего сына, который, согласно существовавшим обычно-правовым воззрениям алтайцев, наследовал юрту и все оставшееся имущество отца и являлся после его смерти полновластным распорядителем оставшегося наследства.[3] Дочери жили до замужества

[1] С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии, стр. 31 и сл.

[2] Слово *аил* имеет более широкое значение — «жилье»; аилом у алтайцев называлась также группа юрт, разбросанных по одной и той же долине ручья или речки.

[3] У древних монголов основным наследником отцовского имущества и дома являлся также младший сын, который носил титул «князь огня», или «владыка хозяин

в юрте отца, в случае смерти последнего — у младшего брата; при замужестве уходили в семью мужа. Наследование имущества шло по мужской линии, как правило, от отца к сыну, за неимением сыновей — к братьям, а иногда и к дочерям.[1] Таким образом имущество наследовал не род, а дети умершего, обоего пола. При этом, в случае наследования дочерьми, имущество покойного попадало формально в другой род.

В южных районах северного Алтая, мало затронутых русским культурным влиянием, главным занятием продолжала оставаться охота на зверя. Подсобное значение здесь имели, в соединении с примитивной

Собирание корней диких съедобных растений в северном Алтае.

домашней промышленностью, мотыжное земледелие, собирание диких съедобных растений, таежное рыболовство.

Все это описано мною в специальных работах, и здесь нет нужды повторяться.[2] Добавлю только, что основным средством производства в районах северного Алтая являлись охотничьи угодья и участки земли, расчищенные от тайги, пригодные для земледелия, а также различные примитивные орудия лова и обработки земли. Вместе с этим считаю необходимым осветить здесь важную особенность организации производства. Она заключается в сохранении коллективного труда в главной отрасли хозяйства — охоте, бывшего даже в недалеком прошлом основной формой труда. Это вполне естественно, ибо охотники северного

очага». Этот обычай исчез у монголов после Юаньского времени (Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 49, 54, 99 и 173).

[1] С. П. Швецов. Обычно-правовые воззрения алтайцев и киргиз. Брачные и семейные отношения. Зап. Зап.-Сиб. отд. Русск. Географ. общ., кн. XXV, Омск, 1898, стр. 14.

[2] См. мои работы «Разложение родового строя у племен северного Алтая» и «Очерки по истории Шории».

Алтая, при низком уровне производительных сил, были вынуждены охотиться сообща, объединяясь в коллективы. Коллективный характер охоты делал возможным длительное пребывание охотников в тайге, связанное со многими опасностями и трудностями. Таким образом слабость развития производительных сил компенсировалась объединением охотников и при этом условии давала им возможность охотиться на крупных зверей, доставлявших мясо для питания и шкуры для одежды, покрытия жилища и т. д. Наиболее яркие пережитки коллективной охоты у племен северного Алтая до недавнего времени сохранялись в охоте на крупных зверей, добываемых преимущественно ради мяса.

Ручная мельница.

Такие коллективные охоты производились либо облавой, либо при помощи сооружения больших деревянных загородей, либо при помощи ловчих ям.

Приведу некоторые данные прежде всего о пережитках охоты облавами.

Мне не удалось записать таких подробных и ярких преданий об облавных охотах у северных алтайцев, как это сделано, например, Хангаловым для северных бурят.[1] Выяснено только то, что добыча от облавной охоты у северных алтайцев распределялась сообща.

У тубаларов еще в начале нашего столетия устраивались облавы на маралов и на козуль. Они проводились осенью, когда животные шли с Алтая на зимовку в верховья Абакана. Охотники-облавщики разделялись на загонщиков (*агырчы*) и стрелков-сторожей. Облава происходила по следу или по ходу маралов и козуль и была основана на широком использовании естественных особенностей местности. Стрелки занимали места на тропах, по которым шли животные, узкиє выходы из долины, а загонщики на лошадях или пешком гнали животных (всегда по направлению их сезонного хода). Испуганные животные бежали всегда по своей проторенной дороге, натыкались на засаду и становились добычей охотников. Ранней весной охотники-тубалары, как и алтайцы, обитавшие по левому берегу Катуни, устраивали облавы на маралов на лыжах по насту и замучивали их преследованием. Нередко изнеможенные маралы доставались охотникам живыми. Слабые воспоминания о подобного рода облавах сохранились и у кумандинцев.

Много рассказов я слышал о коллективной охоте при помощи ловчих ям. Например, у тубаларов сохранились воспоминания о такого рода

[1] Д. Клеменц и М. Хангалов. Общественные охоты у северных буряг. Материалы по этнографии России, т. I. Изд. Этнограф. отд. Русского музея, СПб., 1910.

коллективной охоте на лося,[1] северного оленя (Rangifer tarandus), марала и козулю. Мне пришлось встретиться со стариком Петром Тодыжековым, который помнил эту охоту.[2] Обычно ямы рыли на звериной тропе (*орок*). Рытье ям было делом весьма трудным и выполнялось охотниками коллективно. Яму делали обычно круглой, 4—6 м диаметром и 3—4.5 м глубиной. По памяти старика Тодыжекова, ловчие ямы рыли мотыгами (*абылами*), точнее — мотыгами разрыхляли землю и затем доставали ее деревянными лопатами и относили далеко в сторону. На дно вырытой ямы втыкали острые колья (*кастык*) из лиственницы. Другого дерева (березы, тальника) для этой цели не употребляли, потому что колья, сделанные не из лиственницы, через некоторое время разбухали от сырости почвы и делались непригодными: они не прокалывали

Изготовление рыболовной верши.

упавшего зверя. Сверху яма тщательно маскировалась. Устраивали ловчие ямы за несколько месяцев до сезонного хода животных, чтобы сооружение приняло естественный вид, ничем не выделяясь от окружающей обстановки в тайге, и утратило бы запах человека. Эти ямы, уже заброшенные и поросшие травой, можно видеть и теперь по р. Ложе (приток Кара-Кокши), в верховьях Иши и Куюма. Провалившиеся во время хода по тропе животные попадали на острые колья и становились добычей охотников, которые делили их между собой. Ловчая яма у тубаларов носила название *тешь*.[3] Так же называлась ловчая яма и у челкан-

---

[1] Относится к семейству оленей (Cervidae). В Сибири лось представлен несколькими формами рода Alces; его называют также сохатым.

[2] Петр Тодыжеков из селения Пуучак, Тюшкенекского сельсовета, Чойского аймака.

[3] *Тешь* — пробуравить, пронзить, сделать дыру (В. Вербицкий. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркских языков, стр. 352). — У Радлова (Опыт словаря тюркских наречий, т. III): *тас* (шорск.) — засека для ловли зверей (маралов, козлов, оленей) (стр. 1097), *тес-таш* (кирг., сагайск., койб., тел., алт.) — протыкать, пронзить (стр. 1105). Вероятно, яма эта, в отличие от обыкновенной (*ора*), носила название по ее функции, именно функции протыкания упавшего зверя кольями, укрепленными на ее дне.

цев. При помощи ее они, по преданию, охотились на маралов, оленей, козуль, медведей. Яму челканцы рыли тоже мотыгами (*оол*), на дне ее укрепляли колья. Пойманную добычу участники сооружения ямы делили между собой по принципу *тенг-улешь,* т. е. равной доли.

Рассказы об устройстве ловчих ям в старину я встретил и у кумандинцев. Устройство их ничем не отличалось от вышеописанного, только у кумандинцев такая яма называлась не *тешь,* а *куруп.* У шорцев мне пришлось столкнуться с довольно глухими воспоминаниями о промысле зверя ловчими ямами. Термином *тес-тешь* они называют не яму, а засеку из деревьев для ловли крупных копытных зверей. Я полагаю, что здесь мы имеем случай перенесения названия одного орудия охоты, более раннего, именно ловчей ямы, на засеку, т. е. на орудие лова более позднее, требовавшее более сложных инструментов для его устройства (например топора).

Видимо, шорцы в отдаленное время так же, как их соседи челканцы, промышляли зверя ловчими ямами, которые называли тем же именем *тешь.* Позднее, когда ловчие ямы вышли из употребления и были заменены засеками, последние получили прежнее название *тешь,* ибо функция засеки была та же, что и у ловчей ямы, а именно — ловить зверя, быть для него ловушкой.

В близкое нам время племена северного Алтая более широко практиковали коллективную охоту на копытных животных при помощи больших загородей, сооруженных охотниками сообща. У тубаларов эти загороди тянулись на несколько километров и носили название *чеден.* У кумандинцев с помощью таких загородей охотились на козуль. Загородь тянулась на большом расстоянии и пересекала тропы, по которым обычно проходили козули. В нескольких местах загороди оставлялись проходы, в которые ставили веревочные петли (*паг,* или *тузак*), сплетенные из волокон кендыря (дикой конопли). Пойманных таким способом козуль охотники, принимавшие участие в устройстве загороди, делили поровну. Мне удалось еще беседовать с живущими и поныне участниками этого способа охоты у шорцев.[1] По их описанию, этот способ применяли осенью, когда лоси, олени, маралы и козули обычно уходили из Шории на зимовку в верховья р. Абакан. На пути животным приходилось переплывать, а чаще переходить вброд р. Мрассу. Поэтому осенняя охота при помощи загородей происходила в долине названной реки, по ее правому берегу, так как животные шли с левого берега. Уже в сентябре охотники шорцы начинали искать по Мрассе места переправ этих животных, так называемые броды (*кичиг*). Обнаруживший такую переправу, или брод, возвращался в свое селение и оповещал об этом в первую очередь своих родственников по отцу, а затем и других сородичей. Немедленно же организовывалась артель из шести-восьми охотников, которая отправлялась к месту брода устраивать городьбу (*шеден*).[2] Построив ее, часть охотников, в том числе и охотник, нашедший брод, оставались караулить зверя, а остальные возвращались в селение и обязаны были вести работы по хозяйству не только у себя, но и в хозяйстве оставшихся на промысле товарищей. В это время обыкновенно происходила уборка посевов ячменя (жали, сушили снопы, моло-

---

[1] Старики Дмитрий Садучаков и Захар Адыяков из сеока Казылгая (улус Уш-Кайбук-Усть-Пызас, Кобырзинского сельсовета) и старик Шулпаев из сеока Кобый (верховья Кобырзы).

[2] Устройство городьбы я описал в «Очерках по истории Шории» (стр. 44—45).

тили и т. п.). Работа в хозяйстве оставшихся товарищей выполнялась как обязательная помощь. Таким образом работа охотников, объединившихся в артель, становилась общей не только на промысле в тайге, но и в хозяйстве в селении. Тем временем оставшиеся караулить животных делали свое дело. Стоило только стаду оленей или козуль переплыть реку и выйти на берег, где была городьба, как из обеих караулок раздавались выстрелы. Перепуганные животные бросались вперед, натыкались на загородь, устремлялись в проходы и застревали в петлях; часть их гибла от выстрелов. Почти все животные становились добычей охотников. Об этом сообщали в селение, и участники устройства городьбы выезжали в тайгу, забирали добычу и все вместе возвращались в селение, где производился дележ по принципу *орта-полуш* (поровну, на рав-

Привязывание грузил к сети.

ные паи). При этом дележе никому не давалось привилегии. Даже нашедший брод, считавшийся «хозяином» брода, получал одинаковую, равную с остальными долю. Его преимущество перед другими состояло в том, что он мог по своему усмотрению комплектовать артель. Однако и здесь он был ограничен существующими нормами обычного права: он мог звать в артель только родственников по отцу (*карындаш*). Если почему-либо артель не могла организоваться по этому принципу, то тогда допускалось позвать в артель родственников со стороны матери, называвшихся общим термином родства — *туган*. Этот принцип, несомненно, является свидетельством силы влияния сложившегося отцовского рода, отсюда вытекает и предпочтение родственникам со стороны отца как более близким. Впрочем, по собранным сведениям, в некоторых местах Шории лет 30—40 назад охотник, обнаруживший брод, получал якобы больше мяса, чем остальные его товарищи.

Описанные коллективные охоты с большими сооружениями служат вещественным выражением коллективного труда и первобытно-общинных отношений. Такие сооружения могли возникнуть и существовать только в условиях коллективно-общинной собственности как на охотничью

территорию, так и на самые сооружения, являвшиеся важнейшими орудиями труда в охотничьем производстве того времени.

Остатком первобытно-коллективного труда в охоте у северных алтайцев следует считать широко применявшееся вплоть до Октябрьской революции артельное начало. Даже при промысле на мелкого пушного зверя, непосредственная охота на которого велась индивидуально, охотники все же объединялись в небольшие артели (от двух до восьми человек) и выходили в тайгу, где жили общим станом. Чаще всего эти артели имели общее питание и считали общей индивидуальную добычу своих членов (челканцы в этом отношении составляли исключение [1]). Независимо от того, сколько и каких зверьков убил каждый, по окончании промысла вся добыча делилась поровну между членами артели.

У алтайцев, живущих в бассейне р. Маймы, промышляли всякого зверя небольшими артелями по три-четыре человека. Такая артель носила название *нокорлор* (товарищи). Артель имела общий запас провизии, и добыча делилась поровну среди всех участников. Если в артели были мальчики-подростки или женщины, которые непосредственно зверя не промышляли, а только выполняли хозяйственные работы по обслуживанию охотничьего стана, они наделялись половинным паем (*ярым-улешь*). Особенно ценных зверей (соболя, выдру и т. п.) продавали и деньги, вырученные от продажи, делили по тому же принципу, как и шкурки обыкновенных пушных зверьков (белки, колонка и т. п.).

Тубалары также отправлялись на охоту артелями. У тубаларов артели составлялись преимущественно по родовому принципу, главным образом из родственников по отцовской линии, так как охотничья тайга находилась в родовой собственности. В годы отсутствия зверя в своей родовой тайге охотники шли в тайгу рода матери или жены.

У челканцев, как еще помнят старики, с которыми мне пришлось беседовать,[2] артелями в несколько человек охотились только на крупных мясных зверей и очень ценных пушных (соболь, выдра и т. п.). Убитый крупный мясной зверь (лось, олень, марал и т. д.) составлял достояние всей артели, независимо от того, кто из охотников его убил. Мясо делили поровну. Шкурки ценных пушных зверей, добытых артелью, продавали и делили полученные от продажи деньги. Объединение в артель у челканцев не обусловливалось родственным принципом, как это было у тубаларов. Артель составлялась из охотников, часто совсем не связанных родством, но живущих в одном селении. Во главе артели находился старший, обычно старик, которого называли *яан-кижи,* или *улу-кижи* (большой, старший человек). На его обязанности лежало определение места охоты на того или иного зверя, указание дороги, руководство устройством стана, дележ добычи между членами артели (в натуре и в деньгах). Мелких пушных зверьков челканцы били индивидуально и считали добытого зверя личной собственностью. На рядового пушного зверя (белку, колонка, хорька, горностая и т. п.) иногда отправлялись группами по два-четыре человека, имея в тайге общий стан. Однако припасы и пища у каждого были свои, и каждый промышлял зверя только сам для себя. В общий раздел шел только крупный зверь или особенно ценный пушной, на которых охотники, на время объединив-

---

[1] У челканцев питание членов охотничьей артели было индивидуальным, а добыча каждого охотника составляла его собственность и не поступала в раздел.

[2] Старики Пустагачевы: Уванька, Кызыка, Аный, Такен, Пайна и др. из улусов Шокшы и Курмач-Байгол, Байгольского сельсовета, Турочакского аймака.

шись, охотились сообща, например при охоте на соболя обметом сетью (*солба*, или *аг*).

У кумандинцев, по сообщению стариков, в старину ходили на промысел артели, по большей части состоявшие из родственников. В артели объединялись четыре-шесть-восемь человек. Питание на промысле было общим. Артель располагалась в охотничьем шалаше (*одог*) по обе стороны огня поровну. Охотники каждой стороны имели общий котел. В артели был старший, обычно опытный промышленник. Его место было в левом дальнем углу от входа. У двери, с обеих сторон, на крайних к выходу местах находились самые молодые охотники. Они носили воду,

Жилище северных алтайцев (шорцев).

заготовляли дрова, варили пищу. Распорядок жизни охотников в охотничьем шалаше у верхних кумандинцев был точно такой же, как и у шорцев.[1] Вся добыча артели была общей и по окончании промысла делилась на равные доли (*тенг-улешь*). С утра охотники расходились в разные стороны в поисках зверя, вечером собирались на стан. Была некоторая специализация в промыслах на зверя. Если кто промышлял ценного зверя (соболя), тот уже не убивал менее ценных зверьков (белку, колонка и т. п.). Объясняли это обыкновение религиозными мотивами. Верили, что если охотник имел намерение убить соболя, но одновременно промышлял и менее ценных зверьков, то ему удачи в охоте на соболя не будет.

Шорцы также охотились артелями. Количественный состав артели не был постоянен — колебался от двух до шести человек. Возраст членов артели был различен. В нее входили старики, не принимавшие непосредственного участия в охоте, и подростки, которые еще только учились стрелять. Однако при разделе добычи все наделялись полным паем

[1] Л. П. Потапов. Очерки по истории Шории, стр. 30—35 и 129—131.

Продукты и огнестрельные припасы заготовлялись заранее. Огнестрельные припасы в некоторых артелях покупались сообща и составляли достояние всей артели, остатки их после охоты делились поровну. У шорцев р. Кондомы продукты питания каждый приобретал самостоятельно. На верхней Мрассе охотники объединялись на время зимнего промысла в небольшие артели и точно так же считали общим все добытое на промысле. Делили добычу поровну между всеми участниками артели. Здесь охотничьи артели объединялись по родственному принципу. У рода Кобый объединение в охотничьи артели происходило предпочтительно из родственников по материнской линии. У родов Кызылгая и Кый артели составлялись из сородичей по отцовской линии (*карындаш*). Более того, у рода Кый в недавнем прошлом предпочитались объединения наиболее близких родственников по отцу, членов одного и того же *тол-я,* т. е. большой семьи, фамилии. Иногда в артель включали и родственников по матери, на что родственники по отцу, по словам стариков, сердились и обычно запрещали это делать, мотивируя запрещение тем, что родственники отца и матери принадлежат к разным сеокам, следовательно имеют различную охотничью территорию: «пусть каждый у себя промышляет». В предпочтении вообще родственного принципа объединения охотничьих артелей мне пришлось убедиться и на примере рода Калар. И. Д. Старынкевич отметил это у шорцев улуса Кечин. Ему сообщили, что шорцы данной местности составляли охотничьи артели из шести-восьми человек, преимущественно родственников. В каждой такой артели раньше выбирался *паштыры* (руководитель, голова), который ведал распределением добычи. Подтверждение этого обычая я встретил и у охотников других сеоков. Так, например, у сеоков Кызай и Кызыл-Гая во главе артели стоял старший по возрасту охотник, называемый *улуглары*, или *улуг-кижи.* Он руководил промыслом и делил добычу поровну между охотниками, причем сам получал точной такой же пай, как и другие.

У рода Кобый охотничьим коллективом руководил обычно старик — *улуг-кижи* (старший человек), который еще был в состоянии промышлять. Он указывал, какого зверя, где и как нужно промышлять и как расставлять силы охотников; его беспрекословно слушались. Добытого зверя делили поровну, и только молодым охотникам давали пай несколько меньше. Однако в том случае, когда молодой охотник в течение промысла удачно охотился и добывал много зверя, он получал пай наравне со старшими. У шорцев нижнего течения Мрассы руководитель артели нес такие же функции и назывался *улуг-бажы* (глава). У рода Кый во время промысла артель во всех вопросах руководствовалась указаниями старшего опытного охотника (*улуглары*), который обычно был стариком или весьма пожилым человеком. Во время пребывания охотников на стане каждый имел для ночевки свое определенное место в охотничьем шалаше (*одаг*, или *агыс*) и не мог занимать место другого.

Из коллективной охоты на различных зверей у северных алтайцев следует отметить охоту на медведя, сохранившую свой коллективный характер еще в первой четверти XX в. У тубаларов охотник, нашедший медвежью берлогу с признаками присутствия там медведя, считал обязанностью объявить об этом своим ближайшим родственникам по отцу и дяде по матери (*таай*). Затем охотник извещал о своей находке дальних родственников и соседей, жителей ближайших селений. После этого считалось, что никто, кроме близкого родственника по отцу или дяди по матери, не имел права поднять медведя из объявленной берлоги. В допущении обычаем возможности дяде по матери убить обнаруженного

племянником медведя нужно видеть пережиток материнского рода. Допускалось, что обнаруживший медведя поручал кому-либо, по своему усмотрению, убить для него зверя. Однако это обстоятельство не лишало близких родственников по отцу и дяди по матери права на получение равного пая мяса убитого медведя.

Точно таким же образом объявляли своим родственникам о найденном в берлоге медведе и челканцы. Только челканец считал себя обязанным объявить об этом прежде всего родственникам по матери: «*Елюези йок куй кордим*» [нору видел, хозяин есть или нет (не знаю)]. После этого родственники шли поднимать медведя. Убив медведя, мясо делили между участниками охоты поровну, а шкуру отдавали *коргон кижиге*, т. е. увидавшему берлогу.

Сообщая мне эти сведения, челканцы подчеркнули, что за последнее время нашедший берлогу нередко звал охотиться на медведя не родственников, а просто знакомых лиц, особенно тех, у кого имелись хорошие ружья. Дележ убитого медведя в этом случае происходил так же, как указано мною выше. Аналогично поступали кумандинцы и шорцы.

У всех племен северного Алтая до нашего времени коллективным способом охотились еще на выдру и соболя. А. В. Адрианов, совершивший путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г., отметил коллективную охоту на соболя у шорцев. По сообщению Г. Ф. Бабушкина, шорские охотники в низовьях р. Мрассы охотились на выдру и медведя сообща, причем участниками такой охоты являлась группа близких родственников по отцу. Приглашение на эту охоту родственников по линии жены вызывало осуждение. При охоте на выдру охотники перегораживали реку деревянной изгородью. Все участники устройства этой изгороди, как и стрелки, получали при разделе добычи равный пай.

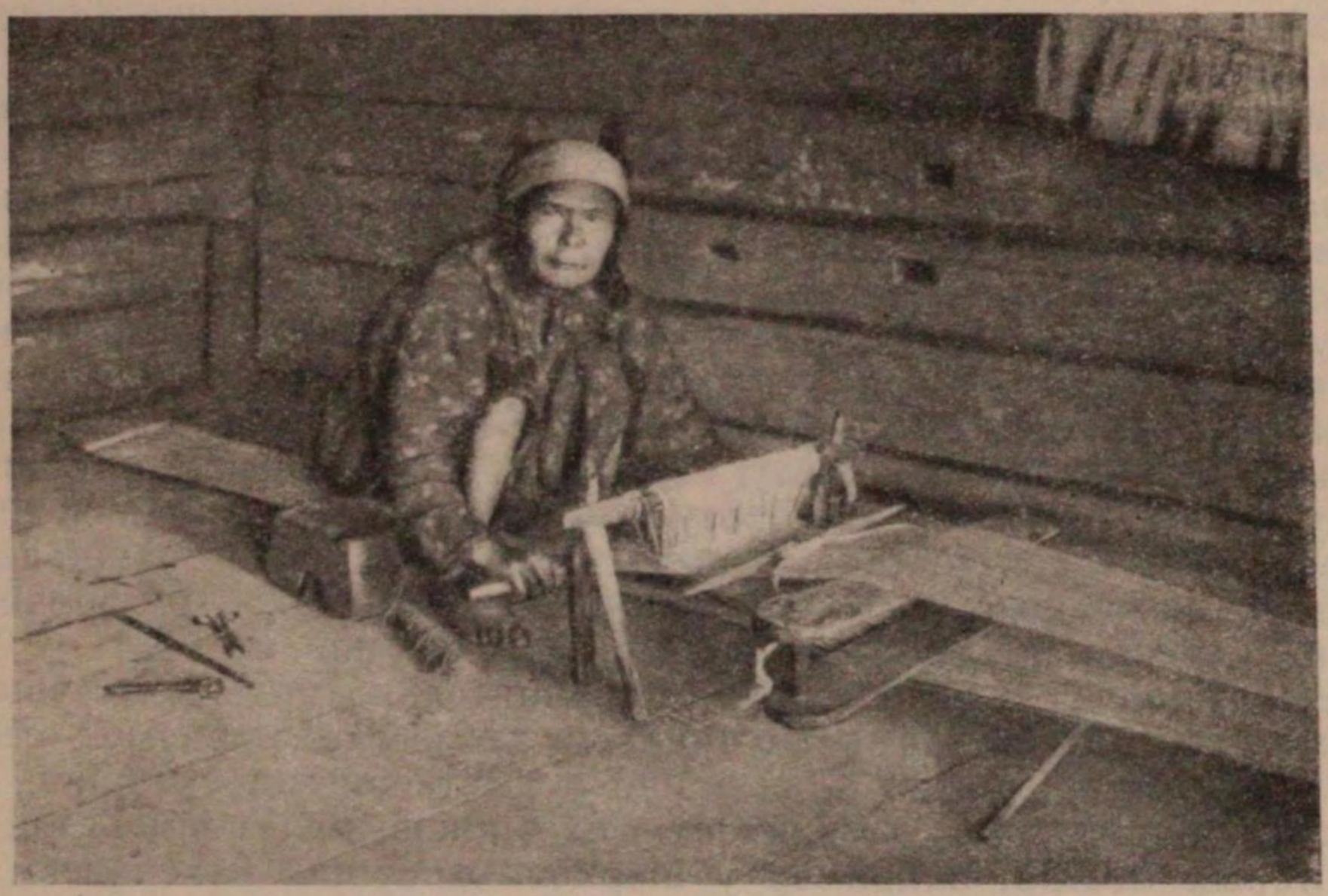
Все сказанное свидетельствует о сравнительно недавнем существовании коллективного труда в охотничьем промысле у племен северного Алтая. Следует признать чрезвычайно существенными указания на родственный принцип при объединении охотников для совместной охоты. В некоторых местах, например у шорцев, живущих в верхнем течении р. Мрассы, и у тубаларов, труд в охотничьем промысле имел коллективный характер в рамках отцовского рода. Местами у шорцев (род Кый) коллективная охота ограничивалась более узкими пределами, рамками большой патриархальной семьи (*толь*). У шорцев сеока Кобый и у челканцев при коллективной охоте на медведя сохранились пережитки материнского рода. На это же указывает и обычай тубаларов приглашать на общую охоту на медведя дядю со стороны матери. За последнее время родственный принцип организации охотничьих артелей не исключал и другие принципы: например шорцы рода Челей, живущие по правым притокам среднего течения Кондомы, собираясь в артель, руководствовались главным образом личными качествами охотника. Храбрость, неутомимость, знание тайги, долголетний опыт считались качествами, ради которых пренебрегали родственным принципом. Такие же явления мною отмечены для челканцев, кумандинцев и алтайцев бассейна р. Маймы.

Коллективность труда подтверждают и некоторые охотничьи поверья. Например, ряд поверий и примет у шорцев, тубаларов, челканцев и кумандинцев имеет целью не допустить во время коллективной охоты ссоры и ругани между охотниками, так как все это может разгневать «хозяина горы» или «хозяина тайги», где протекает промысел, в результате чего охотников может постигнуть неудача. Ссоры и ругань между промышляющими вместе охотниками, естественно, не допускались общинной эти-

кой в интересах производства. С течением времени эта, вначале этическая, норма была отражена в религиозных воззрениях в виде отмеченных поверий.

Обзор производства у алтайцев за рассматриваемый период показывает сохранение между южными и северными алтайцами различий, возникших в гораздо более ранний период. К ним относятся различия в характере и типе скотоводства и охоты, а также, например, отсутствие у южных алтайцев примитивного ткачества, ручной мельницы, имевшихся у северных алтайцев.

Отличия в жизни южных алтайцев от северных имелись и в пище, одежде, жилище. Материалом для одежды у них являлись покупные



Работа на ткацком станке.

ткани русского и китайского изготовления и шкуры домашних или диких животных (овцы, марала и т. п.). Северные алтайцы одевались в грубую холщевую ткань собственного изготовления и не имели меховой одежды. Основной пищей южным алтайцам служили молочные продукты и мясо домашних животных, а северным — рыба и мясо зверей. Различия простирались и дальше, распространяясь и на область общественных отношений, религиозных представлений, народного творчества и т. д.

На первый взгляд эти различия показывают, что экономика, культура и быт южных алтайцев были выше, чем у северных. Однако такой вывод был бы неправильным, ибо наиболее примитивные элементы культуры и быта были характерны не для всех северных алтайцев, а только для той их меньшей части, которая обитала в глухих таежных районах, изолированно от русского крестьянства. Необходимо помнить, что уровень экономики, культуры и быта южных и северных алтайцев имел большие различия в зависимости от степени развития культурно-экономических связей с трудовым русским крестьянством. В действительности северные алтайцы на протяжении XIX в. не представляли собой в отношении культуры однородного целого. Большинство их — бочатские теле-

угы, кумандинцы, северные шорцы (в том числе и степные), значительная часть тубаларов и челканцев — по культуре материального быта было выше южных алтайцев кочевых и полукочевых районов. Это объясняется тем обстоятельством, что перечисленные племена в течение многих десятков лет жили либо тесно соприкасаясь, либо вперемежку с русскими крестьянами. Здесь экономические и культурные связи выросли естественно и развились в такой степени, что оседлый материальный быт русских крестьян широко и прочно вошел в жизнь этих племен. В результате такого воздействия культурный уровень северных алтайцев весьма вырос и оставил далеко позади уровень культуры тех районов

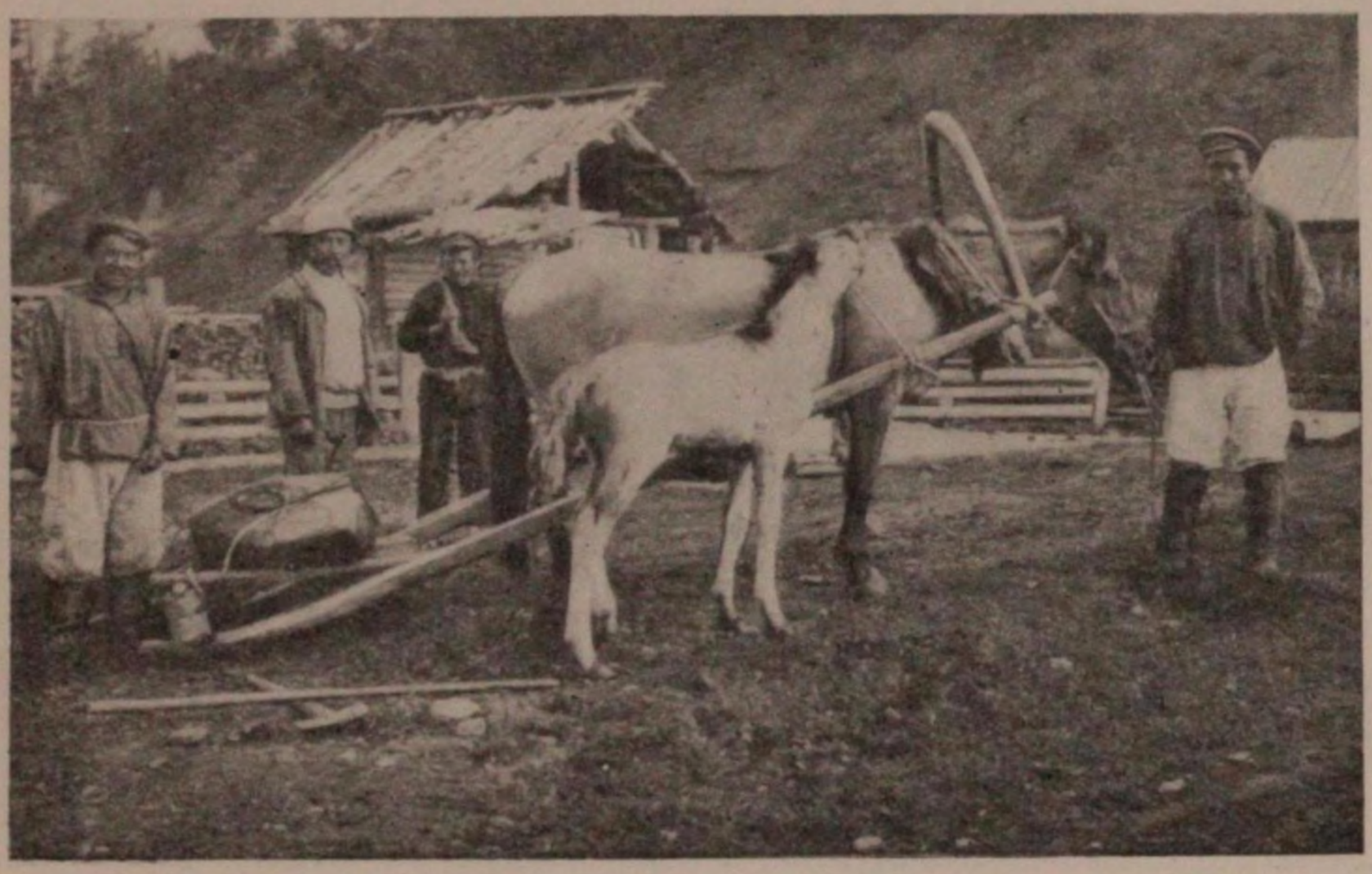
Водяная мельница русского типа.

южных алтайцев, которые не были затронуты прогрессивным влиянием русской народной культуры.

Не ставя задачи описания культуры и быта северных алтайцев, развивавшихся в результате общения с русским народом, я отмечу лишь некоторые характерные черты их. Так, например, главным занятием перечисленных выше групп северных алтайцев являлось комплексное сельское хозяйство, покоящееся на более высокой технической базе. В основе его было сочетание плужного земледелия, оседлого скотоводства со стойловым содержанием скота, охотничьего и орехового промыслов, хотя и в отсталых формах. Относительно высокая техника и приемы русского крестьянского земледелия и скотоводства (разумеется, не кулацкого) были освоены северными алтайцами и обеспечивали мало развитые потребности их хозяйства почти всем необходимым. А указанные промыслы, особенно охота, являясь в своей технической части непосредственным остатком древнейшей и основной отрасли труда этих племен, имели в их жизни большое экономическое значение. Продукция обоих промыслов шла на продажу обычно через скупщиков. Но и при этих условиях они, в известной мере, удовлетворяли потребность хозяй-

ства в деньгах, необходимых прежде всего для уплаты податей. Деньги, вырученные от продажи, а иногда и непосредственно пушнина или орех, были нужны еще для приобретения тех товаров, изготовление которых домашним способом было невозможно, трудно или невыгодно. К числу таких предметов, прочно вошедших в быт северных алтайцев, относились различные ткани, железные изделия, порох, свинец, чай, соль, табак, спички и т. п. Описанное комплексное хозяйство дополнялось еще огородничеством, пасечным пчеловодством, птицеводством, также русского происхождения, которые укрепляли продовольственную базу и частично увеличивали товарную продукцию (мед, воск).

Влияние русской народной культуры сказалось не только в области сельского хозяйства. Оно отразилось на всей обстановке материальной



Перевозка грузов на тасках.

жизни. Основным видом жилища в описываемых районах северного Алтая была русская сибирская изба. Срубная четырехстенная изба с деревянным полом, окнами, русской печью, побеленными стенами вытеснила первобытный шалаш и полуземлянку. Общий вид самого селения принял облик типичного русского селения с его различными хозяйственными постройками: амбарами, банями, скотными дворами. И только кое-где в таком селении иногда сохранялись жилища старой формы, служившие теперь в качестве хозяйственной постройки, реже — в качестве летнего жилья.

В одежде русское влияние сказалось больше всего в мужском костюме. Женщины, перейдя к ношению фабричных тканей, шили длинные рубахи-платья своеобразного собственного покроя, но часто носили легкий халат из холста своего изготовления, характерный только для шорцев, кумандинцев и челканцев. Вместе с русскими образцами легкой верхней одежды были переняты ношение и стирка нижнего белья, усвоена чистоплотность русского крестьянина-сибиряка. Летняя и зимняя обувь, мужская и женская, была в основном русского образца, в форме известных сибирских обуток (часто с холщевыми голенищами) или чирков. Употребление многих продуктов питания и способ приготовления пищи

были целиком усвоены от русских крестьян. Исключение составляли корни и стебли диких съедобных растений, употребление в пищу которых, наоборот, было заимствовано русскими крестьянами от северных алтайцев. Мучная (особенно печеный хлеб) и молочная пища и овощи, отличающиеся высокой питательностью, явились для северных алтайцев важным культурным приобретением, полученным от русских соседей.

Русский народный быт господствовал у алтайцев и в домашней утвари, вытеснив крайне примитивную утварь из дерева и бересты, и в средствах передвижения. Русская телега и сани, упряжка лошади, значение которых трудно переоценить в повседневной жизни народа, вошли органически в материальный быт северных алтайцев. Однако в ряде районов у северных алтайцев (например у южных шорцев, части тубаларов) сохранялись яркие пережитки первобытной культуры.

Я не буду умножать приведенные факты, красноречиво говорящие сами за себя. Отмечу лишь, что изменение материального быта, повышение его уровня в результате культурных связей с русским народом имело место частично и среди южных алтайцев, только у них район тесного общения с русским народом был значительно меньше. При тесном контакте русского крестьянства с южными алтайцами благотворное влияние русской народной культуры оказывало свое действие и на культуру и быт кочевых и полукочевых районов Алтая.

VI. КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА НА АЛТАЕ

1. Налоги

В системе колониального режима на Алтае наиболее существенным звеном являлась налоговая и земельная политика. Эта политика тяжело отражалась на материальном положении трудящихся алтайцев и частично ущемляла материальные интересы и зайсанско-байской верхушки. Выколачивание из алтайцев ренты продуктами (ясака пушниной) было заменено после 60-х годов XIX в. денежной рентой. Теперь вместо уплаты ясака шкурами зверей алтаец должен был вносить деньги. Базис этой формы ренты оставался тем же, что и при ренте продуктами.[1] Трудящийся алтаец попрежнему оставался владельцем земли: пастбищ, покосов, пахотных и охотничьих угодий. Но теперь он был обязан отдавать царю как собственнику земель Алтая прибавочный продукт в денежной форме. Такова теоретическая сторона этого изменения в налоговой политике царизма на Алтае. Тем не менее, практически замена натуральной ренты рентой денежной вносила новый момент в алтайское натуральное хозяйство. Теперь трудящийся алтаец должен был произвести часть продукта для продажи, т. е. произвести его как товар и затем реализовать этот товар, превратив его в деньги. Введение денежного налога послужило одной из наиболее важных причин, вызвавших разложение алтайского натурального хозяйства, ибо это способствовало товаризации производства и усилению обмена.

Вместе с тем денежная форма ренты резко ухудшила положение трудящихся алтайцев, особенно в первый период, и вот почему. Как указал Маркс, денежная форма земельной ренты предполагает развитие

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. Изд. 8-е. Генезис капиталистической ренты.

торговли, товарное производство.[1] У алтайцев эти условия в то время еще не созрели. Денежное обращение на Алтае было весьма слабым. Поэтому многие алтайцы продолжали вносить зайсану налог пушниной. Зайсаны реализовали шкурки на рынке в г. Бийске, а в казначейство вносили требуемую окладом сумму деньгами. Для зайсанов и их помощников это был новый способ обогащения. Денежная форма налога стимулировала и развитие ростовщичества у алтайцев, причем ростовщиками делались в первую очередь зайсаны и демичи, затем богачи — баи и торговцы. У алтайцев появился специальный тип бая — *парышту-бай* (от слова *парыш* — прибыль), т. е. ростовщик.

В конце XIX в. денежная рента была всеобщей формой, посредством которой Кабинетом царя из трудящегося алтайца выколачивался прибавочный продукт. К 1897 г. алтаец платил следующие налоги: 1) ясак, взимаемый деньгами по 1 руб. 43 коп. с ревизской души; 2) подушную подать по 29 коп. с ревизской души; 3) губернский земский сбор 15.5 коп. с ревизской души; 4) церковные сборы (для крещеных). Кроме того, были еще натуральные повинности: 1) исправление дорог, 2) тушение лесных пожаров, 3) поставка лошадей для земской гоньбы, 4) заготовка дров для миссионерских церквей и школ. В некоторых районах, например в Чулышманской долине, сумма платимых налогов и сборов составляла около 20 руб. в год на одно хозяйство, что было разорительно для мелких, технически отсталых, полукочевых хозяйств алтайцев. Следует отметить, что практически сумма этих сборов и налогов увеличивалась в несколько раз вследствие бесконтрольной системы сбора, господствовавшей на Алтае. Недаром один из русских писарей Чуйской волости назвал жизнь среди алтайцев блаженной.[2] О том, как дорого обходились алтайцам налоги, писали почти все путешественники и исследователи.[3] Так, А. Калачев сообщал о теленгитах, что вместо 57 руб. 14 коп. ясака и 1500—2000 руб. земских сборов «с них взыскивается различными способами до 11 000 руб., как утверждал мне в Кош-Агаче местный волостной писарь; деньги эти идут, повидимому, зайсану и его помощникам. Подать собирается вообще без всяких окладных листов».[4] Администрация русская и алтайская весьма наживалась на сборе налога. Зайсаны, например, собирали, кроме официального налога, еще на подарки царским чиновникам. По этому поводу Радлов писал: «Зайсан, въезжая в Бийск, должен везде делать подарки, так как иначе его лучшие меха зачастую будут забракованы, как негодные».[5] Всю тяжесть налогового пресса испытывали на себе трудящиеся алтайцы, ибо зайсаны и демичи были освобождены от налогов, а баи, при уравнительной системе раскладки подушно, платили столько же, сколько любой бедняк.

Описанное положение рядовых алтайцев, кроме того, отягощалось произволом, взяточничеством и вымогательствами царских чиновников. Колониальный режим царизма создавал для этого как нельзя более подходящие условия. Удаленность Алтая от крупных административных и экономических центров, ненадежность путей сообщения, бесконтроль-

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. Изд. 8-е. Денежная рента.
[2] А. Калачев. Поездка к теленгитам на Алтай. Живая старина, т. VI, вып. III—IV, 1896, стр. 486.
[3] Например: С. А. Швецов, А. Калачев, В. Вербицкий и др.
[4] А. Калачев. Поездка к теленгитам на Алтай. Живая старина, т. VI, вып. III—IV, 1896, стр. 486.
[5] W. Radloff. Aus Sibirien Bd. I, S. 361.

ность чиновников, их низкий культурный уровень и великодержавное отношение к «инородцам» — алтайцам — все это благоприятствовало развитию чиновничьего произвола. Ясачная комиссия 1828 г. вынуждена была отметить, что «земские чиновники Бийского и других округов являлись к инородцам не защитниками, но утеснителями, так что один

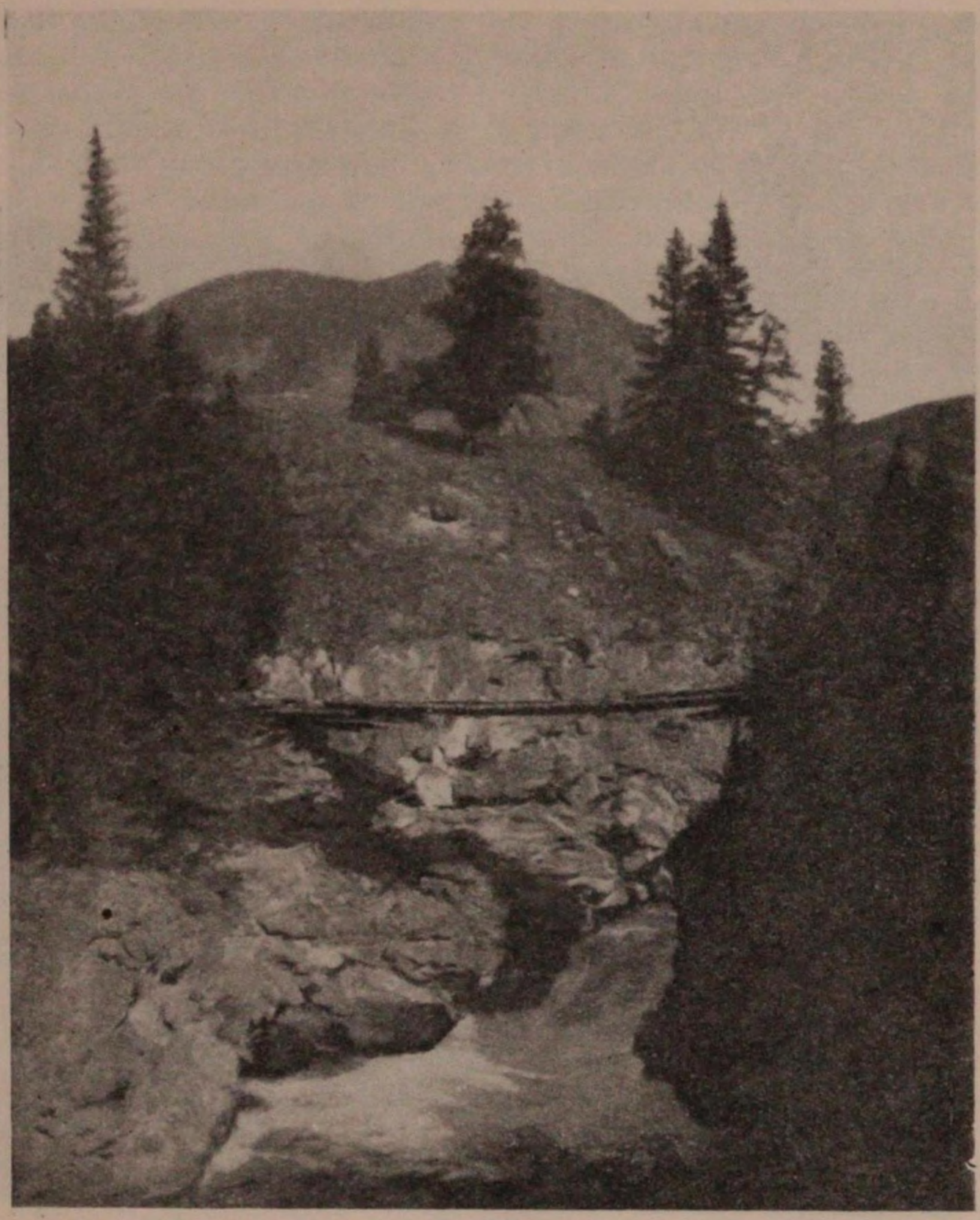
Старые мосты на Алтае.

уже слух о приезде земского чиновника наводил на всех преждевременный страх».[1] В 1832 г. тубалары Южской и Комляжской волостей подали жалобу в ясачную комиссию на бийского заседателя Черепанова, который торговал вином, когда приезжал к ним для сбора ясака, и вымогал подарки.[2] Насколько запуганы были алтайцы царскими чиновниками в то время, видно из относящегося к 30-м годам сообщения бийского исправника Горохова: «Случалось мне, имея нужду по делам службы, посылать к калмыку, верст за сто, лоскуток разорванного

[1] С. Шашков. Сибирские инородцы в XIX столетии, стр. 283.
[2] Там же, стр. 13.

конверта с печатью, вместо формального требования, и я не помню, чтобы кто-нибудь при этом случае замедлил приездом».[1]

Как уже сказано, алтайцы были вверены «отдельному заседателю». Кто же такой был заседатель? Оказывается, просто «канцелярский служитель, иногда без всякого воспитания, самая низшая полицейская



Старые мосты на Алтае.

власть с ничтожным жалованьем 900 р. (в год, — *Л. П.*)... Между тем, власть, предоставленная ему. громадна, — он разбирает все инородческие дела, наблюдает за раскладкой ясака, за повинностями, организует управление и канцелярии дючин или волостей при посредстве назначенных русских волостных писарей».[2] Немудрено, что в прежнее время заседатели наживали на Алтае крупные состояния. «Известны имена Судовского, Коршунова, Кудрявцева, Паутова и др., злоупотреб-

[1] Горохов. Краткое этнографическое описание Бийских или Алтайских калмыков. Журн. Мин. внутр. дел, ч. XXXVIII, кн. 10, 1840, стр. 13.

[2] Положение алтайских калмыков. Вост. обозрение, № 38, 1887

ления которых были обнаружены».[1] Самовластие и произвол сибирского чиновничества проявлялись здесь более, чем в других местах. Про чиновников на Алтае сложилась поговорка: «Как на Чую завалится, никого он не боится».

2. Земельная политика

В 60-х годах XIX в., после отмены крепостного права, положение с доходами у Кабинета изменилось. Заводы Горно-Алтайского округа оказались нерентабельными, так как вынуждены были перейти на наемный труд вместо дарового труда приписных крестьян. Они перестали интересовать Кабинет и быстро пришли в запущенное состояние, стали давать убыток. Земельная реформа 1861 г. создала для капиталистов и помещиков большие возможности получить новые источники дохода. Кабинет взял курс на извлечение дохода от подушного и земельного оброка, аренды с незаселенных земель, продажи леса и т. д. Земельная аренда в новых статьях дохода рисовалась наиболее солидным источником. Ее-то и решил развивать Кабинет. В 1865 г. вышло санкционированное царем положение Комитета министров, которое разрешало крестьянам внутренних губерний переселение в Алтайский округ. Это разрешение, разумеется, находилось в тесной связи с буржуазной земельной реформой 1861 г., освободившей крестьян не только от крепостной зависимости, но и от земли. Упомянутое положение Комитета министров разрешало переселенцам причисляться к существующим обществам с согласия старожилов и образовывать особые селения на «пустолежащих землях». Переселенцы наделялись 15 десятинами земли на одну мужскую годную душу и должны были платить Кабинету оброк по 6 руб. с ревизской души в год.[2] Сдача кабинетских земель в аренду вынужденным переселенцам стала основным крупнейшим источником дохода Кабинета. Как велик был наплыв переселенцев в Алтайский округ, видно из следующих данных.[3]

Год	Число душ	Год	Число душ
1884	11905	1890	31345
1885	17054	1891	28557
1886	16276	1892	39565
1887	15970	1893	43392
1888	18031	1894	31758
1889	17248		

Приведенные данные относятся к Алтайскому округу в целом, без выделения горной части округа. Они, очевидно, несколько преуменьшены, так как часть переселенцев ускользала от регистрации.

Начало планомерного заселения Горного Алтая относится к 1873 г. Томский губернатор Супруненко, под влиянием многочисленных прошений крестьян о разрешении им селиться в долине р. Катуни, лично отправился на Алтай посмотреть просимые под заселение земли и был «поражен роскошной растительностью в долинах речных систем Песчаной, Ануя и Семы». Губернатор немедленно же наметил к заселению

---

[1] Там же.
[2] М. И. Струков. Краткий очерк Алтайского округа. СПб., 1896.
[3] Там же, стр. 31.

26 пунктов по теперешним Чуйскому и Усть-Коксинскому трактам, которые должны были связать г. Бийск с китайским городом Кобдо.[1]

Супруненко обратился с ходатайством к генерал-губернатору западной Сибири, ссылаясь на ст. ст. 1242 и 1243 девятого тома Свода законов, запрещающие русским селиться среди кочевий инородцев, и высказал оригинальное соображение, что упомянутые статьи «как бы имеют целью сохранение инородцев в первобытном состоянии, между тем как надлежало бы стремиться к переводу их от кочевой к оседлой жизни и к развитию у них культуры, с распространением между ними христианства». На основании этих соображений губернатор Супруненко просил разрешить колонизацию намеченных им пунктов. К мнению Супруненко присоединились Алтайское горное управление и Томский губернский совет. Совет Главного управления западной Сибири направил этот проект министру Двора с присоединением своего согласия, так как видел в колонизации средство обеспечить безопасность южной границы. Министр Двора, рассмотрев это остроумное «обоснование» колонизационной политики, распорядился выработать правила заселения стойбищ русским населением. Правила эти были выработаны, одобрены и введены, сначала в виде опыта на три года, в 1879 г. Однако вскоре же они получили более длительный срок действия.

Заселение Алтая с изданием правил 1879 г. пошло быстрее. Это мероприятие встретило поддержку со стороны начальства пограничной линии, заботившегося об укреплении границ. Тем не менее, из намеченных губернатором Супруненко к заселению 26 мест было заселено лишь 11. Произошло это по двум причинам. Во-первых, далеко не все из намеченных пунктов оказались пригодными для земледельческого хозяйства по климатическим и прочим условиям, да и удобной земли оказалось далеко не достаточно для возникновения крупных поселений, как это предполагалось вначале. Во-вторых, поселяемые были переселенцами из внутренних губерний России, по преимуществу маломощными середняками и бедняками. Поэтому в горной части Алтая, особенно в неосвоенных еще местах, где переселенцы сажались на девственную почву, маломощные хозяйства оказывались не в состоянии приспособиться к местным условиям и выселялись в степь.

С. П. Швецов, оценивая заселение 1870-х годов, писал: «Нельзя было и ожидать, чтобы опыт колонизации переселенцами из Европейской России таких районов Горного Алтая, как долина Чуи, мог дать в сколько-нибудь близком времени благоприятные результаты».[2] Швецов склонен объяснить это той особенностью переселенцев из России, что они, «в силу своей малокультурности и материальной необеспеченности, невольно должны пасовать перед всем, что ново и незнакомо». Швецов считал «более надежным элементом для колонизации юго-востока Алтая» старожилов предгорий Алтая и частично самого Алтая (например Алтайской, Верхбухтарминской и других волостей), так как «свою способность колонизировать Горный Алтай даже в его малодоступных частях жители этих волостей доказали»,[3] и они «как колонизаторы новой горной страны легко одержат победу там, где исконный пахарь

---

[1] Отчет начальника Алтайского округа В. П. Михайлова о поездке на Алтай в 1910 г. Барнаул, 1911.

[2] С. П. Швецов. Чуйский торговый путь в Монголию и его значение для Горного Алтая. Барнаул, 1896, стр. 53.

[3] Там же.

внутренних губерний неминуемо погибнет». Другими словами, Швецов пропагандировал кулацкую колонизацию как наиболее испытанную, так как по социальному составу старожильческое население Сибири в значительной мере являлось кулацким. Старожилы вели хозяйство наемным трудом, спекулировали приемными приговорами для новоселов, беря за приговор с новосела-переселенца до 100 руб. с души. В результате кулацкого взвинчивания цены на землю переселенцы из России оказались не в состоянии селиться в старожильческих деревнях на лучших освоенных землях и попадали на пустые, худшие участки. В этих новых селениях удобной земли местами приходилось только до двух десятин на душу, в то время как старожильческие селения имели удобной земли до 200 десятин на душу. Наплыв переселенцев из России, преимущественно из крестьянских маломощных и бедняцких слоев, создал в Алтайском округе дешевизну рабочих рук, чем быстро воспользовалось старожильческое, кулацкое население округа, широко применявшее наемный труд.[1] Если в 1884 г. число переселенцев, которые были не в состоянии купить приемные приговоры, составляло 16% от общей массы, то в 1890 г., благодаря взвинчиванию цен, это число достигло почти 76%.[2]

В Алтайском округе с этого времени резко начинают развиваться капиталистические отношения. Кулацкая старожильческая часть населения стремится к захвату новых земель, проникает в Алтайские горы, захватывает лучшие места, устраивая заимки, и за счет грабежа алтайцев накапливает значительные богатства. Старожилы кулаки прославились грубым насилием над алтайцами. Из их среды выделялись стаи мелких и крупных торговцев, обиравших и грабивших стойбища алтайцев. О методах и приемах захвата земель у алтайцев русскими кулаками-переселенцами писали довольно подробно старые исследователи Алтая и иногда миссионеры.[3] С. П. Швецов пишет: «Практикуемый переселенцами при захвате прием весьма прост: приезжают с сохами и опахивают кругом калмыцкую юрту, сенокосы выкашивают, остожья ломают. Обитавшему в такой юрте калмыку ничего более не остается, как перенести свое жилище выше, куда переселенцы еще не дошли со своими запашками».[4]

Не менее яркие факты захвата и произвола приводят и миссионеры. «В Урсульском отделении (Алтайской духовной миссии, — *Л. П.*) есть новая русская деревня Туякта, состоящая десятков из трех семейств, выходцев не из дальних зауральских стран России, но из окрестностей самого Алтая. Не успели новые жители устроиться, как открыли у себя три кабака, при помощи которых и стали обирать падких до вина алтайцев. Деньги, шкуры, скот, арканы, узды — все тащит теперь калмык (алтаец, — *Л. П.*) в новую деревню, чтобы добыть вино. Многие, пропившие свое, тащат и чужое — отсюда воровство, драки, увечья, тяжбы. Но этого мало. Новодеревенцы надумали захватить у калмыков табуны скота даром, под предлогом потравы хлеба, нарочно посеяв его среди

---

[1] М. И. Струков. Краткий очерк Алтайского округа, стр. 35.
[2] Там же, стр. 34.
[3] О земельных захватах много сведений имеется в работе С. П. Швецова «Переселенческие поселки, образованные в 1878 г.» (Горный Алтай и его население, т. III, вып. I).
[4] С. П. Швецов. Кочевники Бийского уезда. В кн.: Горный Алтай и его население, т. I, вып. I, стр. 188.

самого густого калмыцкого населения (на реке Шебелик), при этом на некоторых нивах, подавших повод к захвату скота, был хлеб только воображаемый: нивы были вспаханы и заборонены, но для избежания лишнего расхода зерном не засеяны».[1]

Приемы захвата земли и имущества алтайцев отличались большим разнообразием, в зависимости от изобретательности колонизаторов.

Но было бы ошибочно считать, что все русские одинаково занимались экспроприацией земли и имущества у алтайцев. Русских крестьян следует рассматривать дифференцированно, учитывая классовые различия. Эксплоататорами алтайцев являлось русское кулачество. Русские переселенцы из России, каковыми являлись преимущественно маломощные крестьяне-бедняки, не могли, как об этом будет сказано дальше, вследствие экономической необеспеченности, ужиться в горах Алтая и селились главным образом в степных предгорных районах, нанимаясь первоначально в батраки к зажиточным сибирякам-старожилам. Напротив, экономически сильные элементы русского крестьянства предгорий Алтая охотно селились в горах, где устраивали заимки, т. е. кулацкие хутора. Широко пользуясь грубым насилием, безнаказанным грабежом и эксплоатацией алтайцев, они укрепляли свое хозяйство, начинали заниматься торговлей и быстро богатели. Еще один из старых исследователей подчеркнул рост и эксплоататорскую деятельность русского кулачества на Алтае. Посетив одну из самых пышных и красивых долин северного Алтая, именно долину р. Лебеди (правый приток Бии), он писал в своих путевых заметках: «Вся лучшая нижняя часть течения с богатейшими кормами, со всеми удобствами для поселения деревень, развития земледельческой культуры и пчеловодства, захвачена русскими купеческими заимками. Таким образом лебединские татары, прижатые с двух сторон (в верхнем течении находится прииск, — *Л. П.*) такой силой, бросают свои старые гнезда и разбредаются по притокам и тесным лощинам, думая там укрыться от нашествия цивилизованного мира, от его обид и притеснений. Большего промаха, кажется, нельзя было сделать, запустив в самое сердце инородческого населения русских пауков, которые платят в Горное управление 40 к. за десятину земли под пасеку, а между тем держат много скота, выкашивают тысячи копен сена, которое продают, спаивают инородцев, приглашая по доброй воле, конечно, к себе на помочи для уборки сена. Мало этого, они травят своим скотом поставленное сено инородцев, распоряжаются их землями по собственному усмотрению, бьют их в случае неповиновения нагайками, твердо зная, что кроткий и темный инородец уступит, от всего отступится и уйдет в тайгу... По Лебеди до 45 таких заимок, из владельцев которых более всего гремят между инородцами имена: Казанцевых, Тришкина, Андрея Гурьянова, Михаила Жданова, Кутиновых, Китова и др. Немудрено, что наши инородцы вымирают, а кулачество становится все более бесшабашным».[2]

Вскоре русское кулачество стало пользоваться еще более дешевым наемным трудом, чем труд российского переселенца, — трудом алтайца, получаемым почти бесплатно, путем кабальной сделки. Захват земель русскими кулаками-заимочниками не мог не волновать алтайцев. Осо-

---

[1] Епископ Макарий. Природа и население Алтая. Томск. епарх. ведомости, № 4, 1891, стр. 4—5. — Речь идет преимущественно о русских кулаках-заимочниках.
[2] А. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны. Сиб. газета, № 39, 1881.

бенно обеспокоены этим были «сиятельные» зайсаны и баи-скотоводы, привыкшие к неограниченному распоряжению землями Горного Алтая. В 1885 г. несколько алтайских зайсанов отправились в Петербург, чтобы лично изложить и подать свои жалобы в канцелярию Кабинета его величества. Кабинет обнадежил зайсанов намерением улучшить положение своих «верноподданных».

В 1894 г., на основании циркуляра Министерства внутренних дел (от 6 марта), издается распоряжение Кабинета, которое, как бы в подтверждение обещаний, данных алтайским зайсанам, запрещало переселение в Алтайский округ и приостанавливало отводы свободных земель под переселенческие участки. «Мера эта, — читаем в официальном издании Управления Алтайского округа, — вызывалась желанием сохранить запас земель для предстоящего земельного надела крестьян».[1] Но это запрещение осталось лишь на бумаге. Распоряжение Кабинета оказалось нереальным. Сдержать переселенческую волну из России было невозможно. Разоренные и полуголодные крестьяне из России, не будучи в состоянии купить приемные приговоры старожилов Алтайского округа, стали сплошь и рядом селиться самовольно без приговоров, вступая в конфликты со старожильческим населением. Эти явления получили массовый характер, и в 1896 г. правительство вынуждено было издать новый закон, цель которого состояла в том, чтобы санкционировать и закрепить положение десятков тысяч крестьян переселенцев в Алтайский округ и тем самым избежать дальнейшего обострения отношений между старожилами и переселенцами, точнее — между сибирским старожильческим кулачеством и переселившимся из России малоимущным и беднейшим крестьянством. Выброшенные помещичьими притеснениями и малоземельем в Сибирь, в Алтайский округ, переселенцы из внутренних губерний представляли собой потенциально революционную силу. Земельные конфликты переселенцев со старожильческим кулачеством могли вылиться в революционные выступления, чего смертельно боялся царизм.

Закон 1896 г. имел мало отношения непосредственно к алтайцам, поскольку он санкционировал земельное устройство переселенцев, населявших преимущественно степную часть Алтайского округа. Но вскоре последовало издание нового закона от 31 мая 1899 г., который обязывал землеустраивать как русские поселения в Горном Алтае, так и «инородцев», не принадлежавших к числу бродячих. Алтайцы, отнесенные к разряду «кочевых инородцев», подпадали под действие закона о землеустройстве и должны были получить 18-десятинный надел на душу наравне с русскими. «Землеустройство» алтайцев по закону 1899 г. должно было «освободить», по подсчету начальника Алтайского округа, свыше 6 миллионов десятин земли,[2] которая могла быть использована Кабинетом для сдачи в аренду и принести огромные доходы.

Однако закон 1899 г. встретил сильное противодействие не только со стороны алтайских зайсанов, снарядивших депутацию в столицу, но и в сибирской областнической печати и в среде некоторых либеральных, народнически настроенных чиновников Алтайского округа, ибо грабительская сущность его была совершенно ясна. Стоит ли говорить о том, насколько этот закон противоречил «монаршим» заверениям о «высо-

---

[1] Переселение в Алтайский округ. Барнаул, 1912, стр. 2.

[2] Отчет о поездке начальника Алтайского округа В. П. Михайлова в 1910 г. Барнаул, 1911, стр. 223.

чайших заботах и попечении о верноподданных» алтайцах! Соединенными усилиями алтайских зайсанов и баев, народничествующих чиновников и областнической прессы действие закона о землеустройстве алтайцев было отсрочено. Основанием для отсрочки послужила оговорка, имевшаяся в законе в отношении «кочевых инородцев». Смысл оговорки сводился к тому, что, по условиям быта кочевых инородцев, действие этого закона может быть приостановлено на известное время распоряжением министра Двора (примечание к ст. 112, кн. VI «Положения о крестьянах Сибири», изд. 1902 г.). Протесты алтайцев, подхваченные областнической печатью, были поддержаны Томским губернским управлением, которое нашло, что 80% кочевников Горного Алтая не созрело для землеустройства.

В результате появились Правила 1904 г., временно приостанавливавшие применение закона 1899 г. к алтайцам, ввиду опасности ломки быта, могущей последовать после преждевременного землеустройства.

На северном Алтае быстрое заселение русскими колонистами происходило только у кумандинцев и челканцев. Медленно шла колонизация земель у шорцев. Причина этого заключалась в суровости природных условий Шории, заросшей тайгой, мало пригодной для хлебопашества и скотоводства. Миссионер Вербицкий, отмечая быстрое освоение колонистами долин рек Бии и Лебеди, указывал: «Не то мы видим по рр. Кондоме, Мрассе и Томи. Здесь между горами нет пространных долин, а одни ущелья, в которые залезать крестьянину-земледельцу нет никакого расчета — он туда и не лезет».[1] Это обстоятельство было отмечено и на съезде земельно-лесных чинов Алтайского округа в 1910 г.[2] Больше всего русского населения было в бассейне Кондомы, где, по данным 1900 г., насчитывалось 142 хозяйства.[3] И только после 1906 г. в Шории стали возникать новые и разрастаться старые русские селения.[4]

3. Торгово-ростовщическая эксплоатация

После 60-х годов торгово-ростовщические операции являлись весьма распространенной формой эксплоатации трудящихся алтайцев. Ими занимались в первую очередь торговцы-профессионалы. Но к ним часто прибегали и чиновники, крестьяне-кулаки, даже священники, не говоря уже о баях-алтайцах и зайсанах. Путешествовавший по Алтаю В. И. Верещагин еще в начале XX в. указывал на целые селения, состоящие сплошь из торговцев. «За исключением телеграфиста, таможенного чиновника и священника, жители Кош-Агача — исключительно торговцы, ведущие прибыльную торговлю с инородцами и Монголией. Какой процент барыша берется чуйскими торговцами... красноречиво говорят дворцы чуйцев в Бийске». Торгово-ростовщическая эксплоатация весьма разоряла рядовых алтайцев. Радлов, посетивший Алтай в начале 70-х годов, сравнивая экономическое положение алтайцев

---

[1] Записки миссионера Кузедеевского отделения Алтайской духовной миссии за 1877 г. Миссионер, № 13, 1878, стр. 102.

[2] Отчет К. Н. Миротворцева. Труды съезда земельно-лесных чинов Алтайского округа в 1910 г. Барнаул, 1911, стр. 27.

[3] Горный Алтай и его население, т. IV, вып. I. Черневые инородцы Кузнецкого уезда. Экономические таблицы. Барнаул, 1903.

[4] Подробнее об этом см. в моей работе «Очерки по истории Шории» (стр. 222—231).

с тем, что он видел в 1860 г., писал, что русские «торговцы высосали Алтай».[1] На сильное снижение экономического уровня хозяйства в это время указывал и исправник Замятин.[2] Несколько позднее на обнищание алтайцев обращал внимание Н. М. Ядринцев.[3]

За счет ограбления алтайцев быстро росли богатства русских торговцев. Типичный пример — головокружительный рост капитала у русского торговца Мокина. В 1860 г. Мокин приехал в алтайские стойбища мелким торговцем, имея 5 лошадей и 10 голов рогатого скота. В 1875 г. он уже имел до 3000 голов скота. В 1887 г. раздавал товары в кредит (исключительно алтайцам) на 25 000 руб. и имел в торговом обороте капитал 150 000 руб. Кроме того, Мокин захватил бесплатно громадную территорию. У него было несколько огороженных зимних пригонов, где стояло от 1000 до 2000 голов скота, летние пастбища для 3000 голов крупного рогатого скота, сенокосы и еще под усадьбой, где он жил, 40 десятин. Мокин ничего не платил за захваченную землю алтайцам и вносил лишь Кабинету арендную плату 6 руб. в год!

Подчинив себе производителя долговыми обязательствами, купец превращал его в своего рабочего. Далее эксплоатация производителя углублялась на основе личной зависимости его от торговца, и торговец обращался с должником, словно с крепостным. Например, «некоторые купцы, пользуясь своим влиянием на состоящих у них в долгах инородцев, посредством усиленного труда последних постепенно расширяли самые необходимые участки верховых тропинок настолько, чтобы по ним могли безопасно пробираться навьюченные лошади и верблюды».[4]

Союзником и покровителем русского торговца на Алтае был священник, миссионер. Купеческие амбары и товары иногда находились в миссионерских станах.[5] Приведу несколько рассуждений одного священника, печатно высказывавшегося по поводу русской торговли на Алтае.

«В деле христианской религии торговля в этом крае будет самой верной помощницей миссионерам, потому что приезжающие за покупками язычники незаметно будут знакомиться с духом веры христовой».[6] Существовавшее в это время положение вещей на Алтае не удовлетворяло священника. «Дела наши на Алтае, — писал он, — и в религиозном и в коммерческом отношении должны принять широкие размеры и в самом скором времени; задатков для всего очень много; начинания уже сделаны, необходимы поддержка и разумное развитие дел, обещающих великие и неисчислимые выгоды и успехи». И чтобы не быть голословным в своем утверждении о недостаточности размаха торговли на Алтае, почтенный иерей произвел специальное исследование: «По собранным мною сведениям, на Чуе производят торговлю 17 русских капиталов; цифра всего торгового оборота определяется различно, но во всяком случае не выше 300 000 рублей». Правда, «исследователь» преуменьшил количество русских капиталов, что редакция газеты и опро-

---

[1] W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, S. 285.
[2] Памятная книжка Томской губернии 1871 г., стр. 236.
[3] Н. М. Ядринцев. Сибирские инородцы, стр. 105—106.
[4] М. Брещинский. Исследование путей в Алтайском крае. Зап. Зап.-Сиб. отд. Русск. Географ. общ., кн. III, Омск, 1881, стр. 2.
[5] W. Radloff. Briefe aus dem Altai. Ermann's Archiv f. wiss. Kunde, v. Russland, Bd. XXII, 1864, S. 200.
[6] В. Гурьев. Распространение христианства и развитие промышленности на Алтае. Томск. губ. ведомости, № 49, 1864.

вергает в особом примечании. Но радетель русской торговли этим не смущается и предлагает практические меры для развития столь полезного дела на Алтае: «Нужно сделать так: на Чулышмане торговый склад устроить недалеко от монастыря, а в Улаганах учредить миссионерский стан и неподалеку от него складочный магазин с товарами». После этого следует и обоснование: «При устье Чулышмана я нахожу полезным основать главный пункт нашей торговли на Алтае по той причине, что этот отдаленный край редко посещается крещеными купцами, раз в год и то не всегда. Поэтому, основавши здесь постоянную торговлю, можно сделаться единственными хозяевами целого края, и другие торговцы, только временно посещающие эти места, не в состоянии будут конкурировать с постоянной торговлей; а инородцы, имея под руками необходимые для них товары по гораздо более дешевым ценам, нежели у заезжих спекулянтов, всегда станут обращаться к нам». Нужно ли комментировать этот «блестящий» проект духовного экономиста!

В чем состояла сущность торговой прибыли на Алтае?

На Алтае русский торговый капитал был хозяином. Поэтому торговая прибыль купца здесь заключалась в присвоении всего прибавочного, а иногда и необходимого трудящемуся алтайцу продукта, отчуждаемого «за долги». Торговая прибыль была здесь прежде всего результатом обсчета и обмана, результатом кабалы и личной зависимости, происходила из них.

Путь создания торговой прибыли на Алтае был несложен. Купец, приезжая в алтайские стойбища, навязывал производителям-алтайцам товары в долг. По условию, долг должен был уплачиваться продуктом: скотом, пушниной, орехом и т. п. Такой кредит, как правило, сопровождался высоким процентом, таким, чтобы производитель не был в состоянии уплатить долг в назначенный срок, и тогда купец перечислял долг на новый срок, с надбавкой нового процента, — так создавалась кабала охотника или скотовода.

Заполучив должника, купец приобретал над ним личную власть, действовал путем внеэкономического принуждения и превращал по существу должника в своего рабочего, присваивая его труд на основе старого способа производства. Вот как получалась та соблазнительная торговая прибыль купцов, торгующих среди «инородцев», за которую сражались торговцы и казаки еще в Екатерининской комиссии.

Нельзя не вспомнить слова Маркса: «. . . торговый капитал, когда ему принадлежит преобладающее господство, повсюду представляет систему грабежа».[1] Развитие ростовщической торговли резко усилило эксплоатацию трудящихся алтайцев.

Торговля на Алтае состояла в выколачивании из алтайских хозяйств сырьевых продуктов. Завозимые русскими торговцами товары в общем не улучшали методов ведения алтайского хозяйства, не поднимали его техническую базу на более высокий уровень. Русская торговля на Алтае при царизме тормозила развитие хозяйства алтайцев, поскольку она удерживала старые способы производства и выкачивала лишь сырье.

Кредитный, ростовщический характер торговли на Алтае истощал сырьевые источники края. Купцы выбирали за долг лучший скот, лучший орех, лучшую пушнину. Это ухудшало породу скота, разводимого алтайцами, заставляло их беспощадно истреблять зверя и т. п.

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. Изд. 8-е, стр. 231.

Развитию кредитной системы торговли на Алтае способствовали отсутствие постоянного рынка и сезонный характер сбыта продукции промыслового и скотоводческого хозяйства. Наиболее значительное сырье, например пушнина, орех, закупавшееся на Алтае, сбывалось скупщиками в определенное время года. Скот, который закупался в течение всего года, поступал на рынок осенью. Купленный скот до осени пасли в горах, а осенью гуртовали, т. е. гнали гурты скота на рынок. Это породило особый вид эксплоатации производителя: закупленный скот-молодняк оставлялся на выпас у хозяина на год и больше.

Своеобразие положения дел на Алтае заключалось в том, что русская торговля не встретила сопротивления способа производства у алтайцев и быстро овладела им. Тем не менее, русская торговля не разрушала способа производства у алтайцев, напротив, долгое время сохраняла его, приспособив к своим целям.

Основой способа производства, на которой покоилось натуральное хозяйство алтайцев, служило экстенсивное скотоводство в соединении со звериным промыслом, при крайне слабом, зачаточном состоянии домашней промышленности. В отсутствии земледелия как наиболее прочной базы существования и в слабом развитии домашней промышленности и заключалась неустойчивость способа производства у алтайцев.

Особенно ощутительным изъяном алтайского натурального хозяйства являлось неуменье обеспечить себя тканьем для одежды. Шкуры зверей и овчины быстро уступали место тканям, появившимся в качестве предметов торговли сначала Китая, а затем России.

В отсутствии земледелия, подводящего более прочную базу для питания, и в слабом развитии домашней промышленности, особенно в отсутствии ткацкого ремесла, заключалась наибольшая уязвимость натурального хозяйства алтайца. Именно эта слабость мешала алтайской экономике оказать сопротивление проникновению русской торговли.

Здесь весьма кстати вспомнить слова Маркса: «В противоположность английской русская торговля, напротив, оставляет незатронутой экономическую основу азиатского производства».[1] Справедливость этого положения можно подтвердить на примере русской торговли в Туркестане.

Однако после 80-х годов русская торговля стала разлагать способ производства в Туркестане. Не случайно Энгельс, издавая III том «Капитала», сделал к цитированной выше фразе из Маркса следующее примечание: «Это также начинает изменяться с тех пор, как Россия делает судорожные усилия, чтобы развить собственное капиталистическое производство, рассчитанное исключительно на внутренний и на пограничный азиатский рынок».[2]

В отличие от Туркестана, где способ производства как основанный на базе мелкого плужного земледелия, в соединении с развитой домашней и ремесленной промышленностью, оказывал в течение значительного времени сопротивление русской торговле и сохранял свою устойчивость, на Алтае русская торговля сохраняла старый способ производства ради своих выгод. На Алтае не было необходимости конкурировать, вытеснять местное производство, напротив, из Алтая нужно было выкачивать как можно больше дешевого и ценнейшего сырья: пушнину, орех, скот,

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. Изд. 8-е, стр. 234.
[2] Там же. — Примечание Энгельса сделано в 90-х годах.

кожу, шерсть и т. п. Здесь не было нужды расширять и улучшать способ производства, подводить под него более высокую техническую базу, ибо здесь хозяйничал не промышленный капитал, а капитал торговый, посреднический, хищнический капитал, способный паразитировать на любом способе производства, ничего не производя, и высасывать из производителей не только прибавочный, но и необходимый продукт.

Здесь торговля господствовала над промышленностью.

Конечно, и здесь торговля в известной мере способствовала разложению старого способа производства, поскольку она влекла за собой массовое разорение непосредственных производителей и тем самым ускоряла развитие основной тенденции производственных отношений у алтайцев — отделение производителя от средств производства, т. е. подготавливала почву для возникновения капиталистических отношений. Можно решительно утверждать, что до конца прошлого столетия торговый капитал на Алтае базировался и паразитировал на неразвитом способе производства алтайцев, проникая сюда через торговлю, административный аппарат, через колонизацию (русские кулацкие заимки на Алтае). Тормозя развитие хозяйства трудящихся алтайцев, высасывая их жизненные соки, русский капитал сохранял формы личной зависимости, внеэкономического принуждения и сделал торгово-ростовщическую эксплоатацию едва ли не основным методом обогащения.

Только в конце прошлого и в начале нашего столетия, в связи с зарождением капиталистических отношений в алтайском аиле, торгово-ростовщическая буржуазия — русская и алтайская, выросшая на почве капиталистического разложения натурального хозяйства, начинает принимать участие в сельскохозяйственных процессах, и исключительно посреднические функции русского и алтайского торгово-ростовщического капитала начинают дополняться производительными функциями. Русские кулаки и торговцы-капиталисты начинают создавать сеть маслодельных и кожевенных заведений. Особенное развитие получили маслодельные предприятия, часть которых была связана с крупными торговыми фирмами, экспортировавшими масло за границу.

4. Алтайская духовная миссия в пореформенный период

С начала 1860-х годов Алтайская духовная миссия стала применять новые методы деятельности. Эти новые методы состояли прежде всего в организации монастырей, сопровождавшейся захватами земли у алтайцев. Механика организации монастырей была довольно несложной. Она видна из нескольких характерных примеров.

Под влиянием миссионеров крещеная девица Анна Чевалкова, с девятью другими новокрещеными девушками, возбудила ходатайство об организации монастыря на р. Майме близ Улалы. Улалинское сельское общество под воздействием миссионеров вынесло приговор от 13 января 1861 г., что оно уступает «добровольно» для устройства монастыря землю под огород, хлебопашество, сенокошение. Миссия направила прошение Чевалковой епископу Томскому, который ходатайствовал об этом перед Алтайским горным управлением. Последнее отвело под предполагаемый монастырь площадь размером около 7000 десятин. Захват этих лучших в долине р. Маймы земель и оттеснение с них кочующих алтайцев получили «высочайшее» утверждение (7 февраля 1863 г.). Александр II отдавал эти земли монастырю в безоброчное

пользование на условиях: 1) земли принадлежат горнозаводскому округу и уступаются временно; 2) если монастырь закроется, земли поступают обратно; 3) если в недрах этих земель откроются металлы или минералы, добыча которых представит выгоду для Кабинета, земли у монастырской общины будут отобраны и монастырю будут предоставлены другие свободные земли.[1]

Второй пример — Чулышманский монастырь. Этот монастырь возник по инициативе барнаульского купца Малькова, который в ноябре 1862 г. возбудил ходатайство перед центральной правительственной властью об уступке под монастырь «пустолежащих земель» близ Телецкого озера. Эти «пустолежащие земли» были уступлены под монастырь на том же основании, как и Улалинскому монастырю, так как организация его была признана желательной в целях распространения «христианства и цивилизации». «Из имеющегося в чертежной Управления Алтайского округа плана усматривается, что участок под монастырь отведен на реке Чулышмане в 36 верстах от устья». «Площадь его равняется 3858 дес. 576 кв. саж., из коих удобной — 3000 дес. 214 кв. саж.».[2]

Купец Мальков присвоил деньги, собранные им с разрешения Синода путем пожертвований на постройку монастыря, и выстроил только одну церковь, но землю монастырю все-таки дали.[3] Единственно плодородные и лучшие земли всего бассейна Чулышмана оказались у монастыря как «пустолежащие». Но «пустота» существовала только в казенных бумагах. В действительности свидетельства путешественников указывают на плотную населенность Чулышманской долины алтайцами.[4] Стало быть, монастырь приобрел землю обманным путем, хотя и оформил захват юридическими актами. Монастырь захватил всю Чулышманскую долину и долину Башкауса и поставил живущих там алтайцев перед необходимостью выбора: или убираться из долины, или платить монастырю аренду. Алтайцы вынуждены были остаться, так как выселиться из Чулышманской долины можно было ближе всего только в долину р. Чуи, бедную пастбищами и удобными землями.

Монастырь позднее построил свое благополучие на арендной плате, приспособив ее к местным условиям: за право поставить юрту в этих долинах алтаец должен был платить монастырю 1 руб. в год; за право посеять ячмень — 1 руб. за пуд высеянных семян; за пастьбу крупного скота — 25 коп. с головы, мелкого — 5 коп.; за копну накошенного сена — 10 коп.; за право пользования лесом — 1 руб. в год. Если алтаец занимался хлебопашеством, он платил монастырю $^1/_{10}$ урожая под видом руги. Чулышманский монастырь и по внешнему виду напоминал помещичью усадьбу.

Алтайская миссия в 60-х годах забросила работу по улучшению быта и культуры алтайцев, обращаемых в православие. Правда, усилилось строительство миссионерских школ, что диктовалось стремлением увеличить количество новокрещеных. В 1866 г. приехал новый начальник

---

[1] Архивное дело Управления Алтайского округа № 1345. Рукопись Гуляева и Семенова.

[2] Архивное дело Управления Алтайского округа № 1352. Рукопись Гуляева и Семенова.

[3] Как открылся и организовывался монастырь, см. в: Сборник сведений о православных миссиях, кн. II, М., 1872, стр. 377 и сл.

[4] A. Bunge. Reise im östlichen Theil des Altai-Gebirges, S. 159—161; G. Helmersen, Reise nach dem Altai in Jahre 1834, S. 77—79; W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, S. 97—98.

Алтайской миссии архимандрит Владимир. В 1875 г. он открыл в Улале миссионерскую больницу с аптекой и детский приют для сирот. Больницей заведовал вольнонаемный фельдшер, а «воспитанием» детей приюта ведали монахини Улалинского монастыря. Было открыто миссионерское училище в Улале для подготовки учителей, переводчиков и церковнослужителей. Миссия начала применять к условиям Алтая систему казанских школ, разработанную знаменитым руссификатором «инородцев» Н. И. Ильминским.

Миссия стала посылать в Казань для подготовки квалифицированных работников миссии юношей из среды алтайцев. В 1882 г. на Алтай уже вернулись из Казани окончившие инородческую семинарию некоторые стипендиаты миссии — алтайцы. Из них И. Штыгашев стал впоследствии не только активным миссионером-переводчиком, но и писателем, печатавшим свои миссионерские отчеты и научные работы преимущественно на русском языке. В 1876 г. при миссии была создана переводческая комиссия, работавшая по переводу русской религиозной литературы на алтайский язык в контакте с Казанью, где главным образом и печатались алтайские переводы.

К приезду архимандрита Владимира на Алтае уже существовали 22 миссионерских селения. За время его деятельности возникло еще 19 селений: 1) Усть-Балыкса, 2) Чепош, 3) Унгуря, 4) Кан, 5) Тюдрала, 6) Марьинское, 7) Тундинское, 8) Сайдыс, 9) Александровское, 10) Пешпельтир, 11) Карасук, 12) Каинча, 13) Эдиган, 14) Карагем, 15) Курай, 16) Манжерок, 17) Камлак, 18) Усть-Улаган, 19) Балыкта.

Архимандрит добился (после 1879 г.), чтобы в таких селениях из русских могли проживать только лица православного вероисповедания. Ему удалось изъять новокрещеных алтайцев миссионерских селений из ведения и управления некрещеных зайсанов, демичей, паштыков. В миссионерских селениях стали управлять сельские старосты, выбираемые из новокрещеных, утверждаемые губернским начальством, имеющие собственные печати для каждого миссионерского селения. Административное управление новокрещеными алтайцами сосредоточилось теперь в миссионерских селениях, по существу в руках миссии.

Алтайская духовная миссия теперь активно вмешивалась в дела административного управления алтайцев, чем нанесла чувствительный удар старой административной верхушке алтайцев. Паштыки у шорцев, кумандинцев и челканцев были преимущественно из среды крещеных и выбирались только на три года.

В 1884 г. начальником Алтайской миссии был назначен миссионер Макарий, с именем которого связан весь дальнейший период существования миссии.

Макарий (в миру Михаил Невский) родился в 1835 г. Он окончил духовное училище и семинарию в Тобольске и в 1855 г. попал на Алтай. В течение двух лет он хорошо овладел алтайским языком, затем принял монашество под именем Макария. Энергия и настойчивость, знание алтайского языка быстро выдвинули его в ряды наиболее активных миссионеров.

В 1864 г. миссия посылает Макария в Петербург для печатания алтайских текстов в синодальной типографии. Проездом в Петербург он устанавливает знакомство в Казани с ориенталистом Н. И. Ильминским, с которым быстро сближается. В 1867 г. Макарий был приглашен Ильминским сотрудничать с ним, в связи с чем в 1868—1869 гг. он жил

в Казани. Здесь он хорошо изучил «систему Ильминского» и стал ее применять в алтайских школах.[1]

Быстрое выдвижение Макария относится уже к царствованию Александра III, когда в России наступил период политической реакции. В 1894 г. Макарий, лично известный (через Ильминского) царю и его ближайшему советнику, фанатику самодержавия, К. Победоносцеву, не только назначается на пост начальника Алтайской миссии, но и возводится в сан епископа Бийского. Через несколько лет он становится епископом Томским, а при Николае II возводится в сан митрополита Московского и Коломенского (1912).

В царствование Александра III, когда политика сводилась к формуле «православие, самодержавие и народность», когда стал господствовать великодержавный шовинизм, Алтайская духовная миссия была поставлена всецело на службу колониальной политике царизма. Алтайская миссия официально решает определенную политическую задачу. Она ставит своей целью проведение активной руссификаторской и колонизаторской политики и печатно заявляет: «Алтайская миссия совершает служение не только церковное, но и государственное. Она вносит на Алтай русскую культуру через православие». Алтайская миссия широко вводит в практику руссификаторскую систему Ильминского, основанную на обращении в христианство «инородцев» с помощью родного языка и соплеменных им учителей. Эта система провозглашала просвещение «инородцев» в целях крещения и руссификации их и избрала язык «инородцев» орудием для обучения их христианству, для внедрения идеологии самодержавия. В этом смысле Ильминский и придавал большое значение миссионерскому делу, предъявляя к нему повышенные требования. Поэтому от миссионера требовалось знание языка, быта и религиозного мировоззрения той среды, в которой протекала его деятельность. Отсюда вытекало также и требование переводить предназначенную для «инородцев» литературу и богослужение народным, а не «ученым» языком, мало доходчивым до народа. Существенным элементом системы Ильминского была полная нетерпимость к другим религиям. Когда в 1891 г. Ильминский прочитал в отчете одного миссионера, что некий торговец ведет на Алтае пропаганду ислама, он немедленно же написал об этом Победоносцеву, требуя запретить это и даже доложить об этом событии царю. Одновременно Ильминский обрушился по этому поводу и на Макария.[2] «Как это до сих пор ни Вы, никто не промолвился на счет магометанской пропаганды на Алтае, и только случайно о. Константин проговорился к слову? Давно ли и с чьего разрешения и по какому поводу наползли татары на Ваш Алтай? Вы теперь главный в Томской губ. архипастырь; имеете непосредственное сношение с начальником губернии, вполне усердным к православной церкви; не можете ли через него установить такую систему, чтобы магометан и буддистов не допускать на Алтай и даже в порубежные города».

Осуществление руссификаторской системы на Алтае, по Ильминскому, требовало развития и особой постановки школьного дела. В школах алтайцев стали учить чтению и письму по-алтайски, что весьма ускоряло процесс обучения грамоте. Но программа обучения

---

[1] Впервые он применил ее в 1870 г. в Чепоше.
[2] Православный собеседник, декабрь, 1901.

оставалась, разумеется, миссионерской, обеспечивающей идеологические цели миссии. Из учеников готовили распространителей христианства. Они ходили по селениям, по отдельным юртам с пением благочестивых стихов на алтайском языке, с чтением по-алтайски соответствующей религиозно-пропагандистской литературы.

Школы на Алтае стали активизироваться после распоряжения Александра III о распространении образования в духе православной церкви, после того как в 1884 г. церковно-приходские школы из ведения Министерства народного просвещения были подчинены Святейшему Синоду. К 1897 г. миссия имела 47 школ, а в 1913 г. в ее станах функционировало уже около 70 школ для русских и алтайцев.[1]

Расширение школьно-миссионерского дела остро поставило перед миссией вопрос о подготовке кадров. В 1883 г. был создан центр по подготовке своеобразной алтайской интеллигенции: священников, диаконов, псаломщиков, учителей, переводчиков, необходимых миссии. Было открыто в г. Бийске катехизаторское училище, в которое принимали подростков 15—16 лет из среды алтайцев (и из среды русских при условии свободного знания алтайского языка). В 1890 г. устав училища, составленный с использованием устава и программы инородческой учительской семинарии Ильминского, был утвержден. Вскоре последовало разрешение воспитанникам бийского катехизаторского училища поступать в духовные семинарии, причем алтайцам разрешалось проходить курс семинарии без изучения древних языков. Бийские купцы в 1895—1896 гг. построили для училища каменное двухэтажное здание.

Катехизаторское училище в Бийске воспитывало своих питомцев как «истинно русских людей» (разумеется, «русских» в реакционном понимании) и не только «по духу, но и по крови». Это означало, что ученики его воспитывались в духе строгого христианства и монархизма и по окончании училища могли жениться только на русских женщинах. Со временем был установлен прием в это училище и представителей хакасских племен, остяков и т. д. Катехизаторское училище помогло Алтайской миссии вынести свою деятельность за пределы Алтая, распространив его на Минусинский и Нарымский края. Кадры, вышедшие из стен этого училища, вполне отвечали задачам миссии, и они-то составляли первую алтайскую интеллигенцию, воспитанную в реакционном духе. В среде этой интеллигенции, выращенной миссией, оказался алтаец М. В. Чевалков.

М. Чевалков научился грамоте еще у архимандрита Макария (Глухарева). Последний сделал Чевалкова своим толмачом и ближайшим помощником в деле перевода богослужебных книг на алтайский язык. Свыше 30 лет прослужил в миссии Чевалков толмачом и переводчиком священного писания. В 1870 г. он был возведен в сан диакона, а затем священника.

М. В. Чевалков — первый писатель алтайцев, писавший прозой и стихами на родном языке. Само собой разумеется, это был писатель не в светском значении этого слова. Миссии такие писатели были не нужны. Ей требовались грамотные агитаторы и распространители христианства. Поэтому вся литературная деятельность М. Чевалкова протекала под знаком политических установок миссии и покровительством как самого Макария, так и Н. И. Ильминского.

---

[1] Томск. епарх. ведомости за 1897 и за 1911 гг.; Отчет Алтайской духовной миссии за 1913 г.; Православный благовестник за 1914 г.

Известны следующие оригинальные произведения Чевалкова на алтайском языке: 1) три поучения; 2) духовные канты — стихотворения (о страшном суде, плач души грешной при разлуке с телом и т. д.); 3) назидательные рассказы, популярные и острые по языку: а) «Разговор русского петуха с алтайским филином» (о шарлатанстве алтайских шаманов), б) «Зверолов и пахарь» (о преимуществе земледелия перед зверовым промыслом), в) «Спор чая с водкой» (о вреде пьянства), г) «Лягушка и сыгырган» (о труде и праздности), д) «Тетерев и курица» (о самонадеянности) и др. В 1875 г. Ильминский в Казани напечатал статьи Чевалкова.

Назидательные рассказы Чевалкова пользовались успехом и среди некрещеных алтайцев. Написанные живым народным языком, они являлись сильным средством воздействия на алтайцев, но по содержанию эти рассказы отражали преимущественно церковно-монархическую идеологию.

Автобиографическим произведением М. Чевалкова является его «Памятное завещание», напечатанное на алтайском и русском языках.[1]

Научная и переводческая работа Алтайской духовной миссии преследовала тенденциозную, узко практическую цель: изучались язык, быт, верования и мифология алтайцев для облегчения распространения между ними христианства. В. Вербицким была составлена большая грамматика алтайского языка, сохранившая научное значение до наших дней.[2] К работе по усовершенствованию и редактированию грамматики был привлечен Н. И. Ильминский.[3]

Кроме грамматики, Вербицкий написал второй солидный труд по филологии алтайцев — «Словарь алтайского и аладагского наречия», занимающий и поныне почетное место в тюркологической литературе.[4] В. Вербицким было напечатано также большое количество статей по этнографии алтайцев, впоследствии опубликованных в сборнике «Алтайские инородцы».[5]

Вербицкий был избран действительным членом Русского Географического общества.

Макарий, возглавив Алтайскую миссию, уделил основное внимание созданию обширной переводческой литературы, необходимой для проведения миссией колониальной политики царизма. Он насаждал своеобразную по духу и по языку литературу, ставшую важным фактором в деле христианизации Алтая, в формировании сугубо реакционного, монархического мировоззрения просвещаемых алтайцев. При нем миссия стала печатать книги и брошюры, представляющие собой переводы мест из священного писания, богослужения, жития святых, бесед, поучений. Сам Макарий проделал работу по переводу на алтайский язык «Четвероевангелия».

---

[1] Русский перевод печатался в журнале «Православный собеседник» за 1894 г.

[2] Издание грамматики было предпринято архимандритом Владимиром. Напечатана грамматика под редакцией Н. И. Ильминского в 1869 г. в Казани.

[3] «Грамматика эта предназначалась положить прочное основание переводам и миссионерским устным сношениям и проповеди» (Православный собеседник, 1905, стр. 296). Этот труд содержал в виде намека мысль о распространении христианства среди казахов. В предисловии отмечено, что в книге сделаны указания на формы «киргизского» языка. Это отражено и в этимологии и в алтайско-русском словаре, приложенном к грамматике, где показаны черты «киргизского наречия».

[4] Издан в Казани в 1884 г. Православным миссионерским обществом.

[5] Издан Этнографическим отделом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете, в 1893 г.

Он распространил среди алтайцев сборники священных песнопений под названиями «Первая лепта» и «Вторая лепта» (пение литургии, всенощной), переложив их на цифровые ноты. Еще и теперь старики алтайцы помнят многие духовные стихи из этих сборников.

Работа по обогащению алтайского языка шла только за счет терминологии и понятий христианства.

Из всего изложенного видно, что деятельность Алтайской миссии в пореформенный период была в основном орудием колониальной политики царизма. Макарий являлся исключительно подходящей фигурой для руководства миссией. Фанатически настроенный монархист, остро ненавидевший политических ссыльных, не терпевший раскольников и иноверческие религии, он был оценен всесильным Победоносцевым и самим Александром III. Оба эти человека, возглавлявшие реакцию, лично знали Макария и благоволили к нему,[1] поэтому служебная карьера Макария протекала исключительно успешно.

Алтай стал «руководителем и образцом всего сибирского миссионерства».[2] Алтайская миссия превратилась в мощную организацию по насильственной ассимиляции, по руссификации алтайцев. Как выросла и расширилась миссия, особенно хорошо видно из сравнения по данным на 1910 г.[3]

Было при архимандрите Макарии		Стало в 1910 г.
Миссионерских станов	3	25; кроме того, центральный пункт в Бийске
Церквей и молитвенных домов	3	92
Монастырей	—	3
Детских приютов	—	3
Школ	1	60; кроме того, катехизаторское училище в Бийске
Миссионерских селений	—	380
Штат миссии	18 чел.	96 чел.

Алтайская миссия мотивировала свою деятельность следующими соображениями: «Полного обрусения инородцев Алтая можно достигнуть только через православное русское крестьянство»[4] и «Инородческие окраины, смежные с чужеземными государствами, должны быть заселены только православными, которые одни могут ассимилировать инородческий элемент русскому и образовать твердый государственный оплот против чужеземных народностей».[5] В соответствии с этими установками Алтайская миссия продолжала дело образования оседлых селений из русских крестьян и новокрещеных алтайцев. Миссионерские селения стали возникать теперь во все возрастающем темпе. Если к 1897 г. миссия насчитывала у себя 192 таких селения, то к 1910 г. число их увеличилось до 380 с населением в 52 000 душ обоего

---

[1] Политическое «усердие» Макария вызвало в 1886 г. поджог его архиерейского дома в Бийске. Пожаром были уничтожены и архив Алтайской духовной миссии, ее библиотека и катехизаторское училище.

[2] Томск. епарх. ведомости за 1897 и 1911 гг.

[3] Там же.

[4] Епископ Макарий. Природа и население Алтая. Томск. епарх. ведомости, № 4, 1891, стр. 6.

[5] Отчет Алтайской духовной миссии за 1895 г.

пола.[1] Возникая среди кочевий алтайцев, миссионерские селения захватывали лучшие земли и оттесняли алтайцев. Чиновник Управления Алтайского округа Н. Овчинников дает отрицательную характеристику кулацкой колонизаторской верхушке, которая в миссионерских селениях «далеко не представляет лучших элементов и, напротив, выделяет из своей среды разнообразные типы хищников, от которых прежде всего приходится терпеть новокрещеному алтайцу». «На практике миссионерские селения в их русской христианской части являются... очагами земельных захватов, хищничества и ненависти между русскими колонизаторами и кочевыми аборигенами».[2]

Из этого видно, что́ несла алтайцам кулацкая и миссионерская колонизация. Миссионерский деревянный крест, воздвигнутый в долине, являлся символом и средством колонизации. Макарию удалось добиться распоряжения томского губернатора, по которому в радиусе пяти верст от воздвигнутого креста запрещалось производить шаманские моления. Это распоряжение вынуждало некрещеных алтайцев уходить выше и глубже в горы, оставляя миссионерам лучшие долины. Крест для кочевников-алтайцев после этого распоряжения сделался орудием устрашения, своего рода пугалом. Поэтому русские сельские старосты, добиваясь выполнения своих решений, нередко грозили некрещеным алтайцам поставить крест в их местности или привезти священника.[3]

Земельными захватами и искусственным переводом на оседлость, своей ассимиляторской политикой Алтайская духовная миссия за длительный период ее деятельности преимущественно тормозила развитие естественных культурно-экономических связей трудящихся алтайцев с русским народом, вызывала у алтайцев чувство недоверия ко всему русскому, чувство, которое умело поддерживалось и разжигалось зайсанско-байской верхушкой. Это должны были признать и буржуазные исследователи.

Н. М. Ядринцев справедливо считал, что миссионеры искусственно переводят крещеных алтайцев на оседлость, а «лучшие земли инородцев монополизируют для своих целей». Он указал, что такая деятельность миссии не способствует «завоеванию культуры и оседлости».

VII. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

1. Пережитки родового быта

Для племен Алтая весьма характерно было сохранение пережитков родовых форм быта. Эта особенность жизни алтайцев объясняется низким уровнем развития производительных сил. Отсталый, почти первобытный характер мелкого, полукочевого и кочевого скотоводческого хозяйства с застойной техникой способствовал сохранению отсталых форм быта, родовых обычаев и воззрений. То же самое необходимо сказать и в отношении первобытного охотничьего хозяйства северных алтайцев, также консервировавшего родовой быт. У северных алтайцев пережитки родового строя сохранялись даже в области производственных отношений (родовые охотничьи угодья, родовой принцип в орга-

---

[1] Томск. епарх. ведомости за 1897 и 1911 гг.

[2] К вопросу о поземельном устройстве в Алтайском округе. Барнаул, 1900, стр. 20 и 53.

[3] Это видно из протоколов решений родового старосты (зайсана) 1-й Алтайской дючины. Хранятся в Барнаульском архиве (фонд 5, протокол № 20 за 1902 г.).

низации охотничьих артелей и уравнительное распределение продукта).[1] Тем более эти пережитки сохранились в области домашнего быта, и не только у северных алтайцев, но и у южных.

Они здесь проявлялись прежде всего в том, что население делилось по родам. Каждый алтаец принадлежал к определенному роду, название которого он знал уже с раннего детства. Лица, принадлежавшие к одному роду, считались между собой родственниками (*карындаш*, буквально — «единоутробный»), хотя члены одного и того же рода жили разбросанно, иногда далеко друг от друга и не имели между собой никакой связи.[2] При встрече незнакомых людей существовало обыкновение спрашивать родовое имя встречного. Внешние черты родового быта до 1912 г. сохранялись и в административном устройстве. Южные алтайцы были объединены в административные единицы — дючины — не по территориальному признаку, а по родовому. В каждую дючину входило то или иное количество родов. Сохранению такого принципа административного деления у южных алтайцев способствовали отсутствие прочной оседлости, подвижной образ жизни скотоводов, формальное существование общинного землепользования, при котором алтаец мог селиться и вести свое хозяйство в любом районе Горного Алтая на территории «инородческого пользования». При этих условиях территориальное административное деление было непригодным ввиду того частого передвижения скотоводов из района в район, которое было весьма обычным явлением и трудно поддавалось учету при огромной территории Алтая и его слабой населенности. Однако нужно подчеркнуть, что такая форма административного устройства была весьма выгодна зайсанско-байской верхушке, ибо по существу она являлась формой закрепощения рядовых скотоводов эксплоататорской верхушкой. Дело в том, что каждый алтаец, принадлежа к определенному роду, был пожизненно прикреплен и к определенному зайсану и демичи, в ведение которых входил данный род. Прикрепленный к определенному зайсану алтаец не мог перейти в ведомство другого зайсана, независимо от того, проживал ли он поблизости от юрт зайсана или жил от него на расстоянии сотен километров, как это нередко бывало. Вносить налоги и судиться данный алтаец обязан был у своего, «родового» зайсана. Нужно ли доказывать, насколько содействовала такая система административного управления развитию крепостнических отношений, характеристика которых будет дана дальше.

У северных алтайцев, делившихся в административном отношении на волости (также без определенных территориальных границ), название волости еще в конце XIX в. совпадало с названием того или иного рода, хотя в составе волости находилось население, принадлежащее к различным родам. Это объясняется тем, что еще со времени присоединения Россией северных алтайцев термином «волости» русские документы называли родо-племенные группы. Волости у тубаларов Кергежская, Южская, Комляжская, Кузенская носили название по наименованию родов: Тиргеш, Юз, Комдош, или Конгдош, Кузен. У челканцев Шелкальская волость называлась по имени рода Чалканыг. У шорцев Мрасско-Изушерская волость представляла искаженное название рода

---

[1] См. мои работы «Пережитки родового строя у северных алтайцев» и «Очерки по истории Шории».

[2] С. П. Швецов. Кочевники Бийского уезда. В серии: Горный Алтай и его население, т. I, вып. I, стр. 100, 224—225.

Узут-Шор, обитавшего в бассейне верхнего течения Мрассы по р. Пызасу; Кивийская волость называлась по роду Кобый; Кызыльская волость — по названию рода Кызыл-Гая; Каргинская — по роду Карга; Челейская — по роду Челей, и т. д.

Родовой принцип расселения сказывался до начала нашего столетия только у северных алтайцев, особенно у шорцев, где часто селение состояло исключительно из родственников и в таких случаях носило название по имени старшего в роде, например: аил Унакпая, аил Качора — у шорцев; Алешкин аил, Санькин аил — у кумандинцев. В тех случаях, когда селение состояло из членов различных родов, оно называлось по имени речки или ручья, на котором располагалось.

Род по-алтайски называется *сеок* (буквально — «кость»). Наиболее полный список сеоков приведен в исследовании Швецова,[1] и здесь нет нужды его повторять, хотя к нему можно было бы сделать некоторые дополнения и уточнения, но это не столь существенно. Помня свой сеок, алтайцы рассказывают о происхождении его чаще в легендарной форме. Например, сеок Иркит произошел от дерева иргай,[2] сеок Кара-телес — от медведя. Некоторые сеоки у тубаларов ведут свое происхождение от пня, из земной трещины и т. п. Есть и другие объяснения происхождения сеоков. Одна девушка из сеока Конгдош родила ребенка, отца которого она назвать затруднилась. Ребенку присвоили имя сеока матери, т. е. Конгдош. От этого мальчика пошло потомство, которое, достигнув сотни человек, с согласия сеока Конгдош выделилось в особый сеок, который назвали Юз (буквально — «сто»). У них был первый зайсан Чокон, который и отделился от сеока Конгдош. Про сеок Ялан рассказывают, что люди его пришли в алтайские горы из степи во время голода. Пришельцев стали называть *яландан кельген* (буквально — «пришедшие из степи»). Постепенно и они стали называть себя сокращенно — Ялан. В степи же этот сеок называл себя Тогул. О происхождении рода Мундус мне рассказали следующее. У девушки из рода Кыпчак родился сын. Ее спросили, от кого родился ее сын. Она ответила: «Я съела три градинки (*мус*) и родила». От этого мальчика пошли люди рода Мундус, про которых до сих пор говорят: «*Мусданг чыккан мундус*» (родившиеся от льдинки Мундус). Поэтому сеоки Кыпчак и Мундус считаются близкими по крови и между ними браки были запрещены.[3]

Род Олюп произошел, по преданию, недавно. Во времена господства ойратов зайсан Буктуш после одного из сражений нашел в поле ребенка, оставленного в колыбели. Колыбель стояла в расщелине березы. От коры березы к ней была проведена трубочка, по которой капал сок. Мальчик питался березовым соком. Буктуш взял с собой мальчика и сказал про него: «*Йерденг тапкан Терлик* (найденный на земле Терлик), *юч каіын-гаш енелю* (имевший матерью три молодых березки)». Дав мальчику имя Терлик, зайсан назвал его сеок именем Олюп.

Про сеок Найман (Майман) рассказывают, что они пришли на Алтай из Тувы. Сначала найманы жили по р. Кемчику, потом по р. Абакану. В прителецкую же тайгу приехали два брата Ыргай и Сыргай с их дядей по матери шаманом Шабыктаем и поселились на устье р. Пыжи среди сеока Юз. Затем, по причине частых ссор с тубаларами, они пере-

---

[1] С. П. Швецов. Кочевники Бийского уезда. В серии: Горный Алтай и его население, т. I, вып. I, стр. 90—127.

[2] Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, т. IV, стр. 7.

[3] На деле же легенда отражает кровное родство этих сеоков.

кочевали на р. Чемал (правый приток Катуни), а оттуда в 5-ю Алтайскую дючину, где зайсан был из рода Тодош. Один из братьев был темнокожим, он и положил на Алтае начало рода Кара-Найман. Второй брат дал начало роду Кугöл-Найман.[1] Впоследствии из найманов были зайсаны в 7-й Алтайской дючине.

Существуют объяснения названий и многих других сеоков. Например, название сеока Саргайчы-Юз означает «саранщики юзы», т. е. люди этого сеока занимались копанием корней сараны, которыми они питались. Есть Сыгынчы-Юз, что значит «охотники за маралами». Название сеока Палан-Конгдош произошло от того, что часть конгдошей во время одного сильного голода питались калиной (*палан*). Про сеок Кобурчи-Конгдош говорят, что люди этого сеока специализировались на обжигании угля, который они употребляли для плавки железной руды (*кобурчи* — угольщики).

Однако далеко не всегда имя сеока указывает на занятие его людей. Например, сеок Киис-Пюрюк-Конгдош назывался так потому, что люди этого сеока носили кошемные шапки (*киис пюрюк*). Многие сеоки имеют непереводимые в данное время названия. Другие, как, например, Найман, Кыпчак, Кыргыз и т. д., дают повод считать их осколками некоторых крупных племенных объединений, хорошо известных в истории Центральной Азии. Известно много случаев дробления разросшегося сеока на ряд мелких, отражающих в своем названии связь с распавшимся сеоком. Для примера можно сослаться на сеок Юз, который насчитывает пять сеоков: 1) Юз, 2) Тау-Юзтар (горные юз), 3) Сары-Юз (желтые юз), 4) Шанмы-Юз и 5) Саргайчи-Юз (саранщики). Сеок Кузен разделился на три сеока. Сеок Конгдош имел четыре подразделения: 1) Кобурчи-Конгдош (угольщики), 2) Катугаас-Конгдош (молчаливые, неразговорчивые), 3) Киис-Пюрюк-Конгдош (носящие кошемные шапки), 4) Палан-Конгдош (собиратели калины). В свою очередь Палан-Конгдош делились: на Тастар-Конгдош (плешивые) и на Когюс-Конгдош (горластые, с громким голосом). Сеок Тодош имел подразделения: Кара-Тодош и Кыдат-Тодош. Подразделения имели и многие другие сеоки (Найман, Кыпчак, Иркит, Телес).

Весьма характерно, что, сохраняя общность названия сеока, члены его не жили вместе и селились разбросанно. Последнее обстоятельство свидетельствует об отсутствии хозяйственных связей по линии сеока. Однако признание родственной связи еще существовало. Оно проявлялось в том, что люди одного сеока, где бы они ни встречались, называли друг друга *карындаш*, т. е. единоутробный (от *карын* — утроба). А главное, почти до последних дней, лица, принадлежащие к одному и тому же сеоку, не могли вступать между собой в брак. Как известно, экзогамия (запрет браков между членами одного рода) составляет существенный признак родовой организации. Этот запрет выражался у алтайцев словом *алышпас* (буквально — «не могут брать»).

Но широкое бытование экзогамии у алтайцев не дает еще основания рассматривать это явление как древнюю форму родовой экзогамии, когда запрещались браки между действительно кровными родственниками. Изучение родо-племенного состава алтайцев, в связи с их политической, гражданской историей, привело меня к убеждению, что сеоки, особенно у южных алтайцев, во многих случаях представляют собой

[1] Иной вариант происхождения найманов записал К. Соколов. В нем говорится о монгольском происхождении найманов, поселившихся на Алтае в начале XVII в. (Записки миссионера Урсульского отделения Алтайской духовной миссии за 1900 г. Православный благовестник, № 24, 1900.

не естественно разросшиеся кровнородственные объединения, а объединения людей, вовсе не связанных кровным родством, созданные в родовой форме по трафарету, по традиции и в рамках этой традиции. Возьмем, например, род Кыпчак или род Найман. Хорошо известно, что в прошлом это были если не народности, то большие группы племен, несомненно обладавшие развитой системой родо-племенных подразделений, которые, возможно, в те далекие исторические времена отражали реальные кровнородственные связи. Известна также последующая судьба этих крупных объединений, раздробившихся и смешавшихся с другими разноязычными племенами и родами. Следовательно, современные алтайские представители родов Кыпчак и Найман являются только историческими потомками, сохранившими только историческое родство и преемственность с древними кыпчаками и найманами, а не кровными потомками этих давно распавшихся объединений, нередко представлявших собой даже в те исторические времена конгломерат различных племен и родов. Отсюда экзогамия современных сеоков Найман и Кыпчак, соблюдавшаяся вплоть до революции, является по существу родовой традицией, примененной к новой создавшейся общности людей, сложившейся в результате определенных исторических условий, но осознаваемой в форме рода. Такая экзогамия, являющаяся применением традиционного установления к исторически сложившемуся тому или иному объединению кочевников, отражает только тот исторический факт, о котором я говорил выше. Сущность его заключается в том, что простота производственной структуры и административного устройства кочевнических племен Алтая и прилегающих к нему районов, племен, находившихся, в силу конкретной исторической обстановки, в процессе постоянного дробления и смешения, схождения и расхождения, позволяла воспроизводить эти различные родо-племенные объединения на одном и том же месте или в разных местах, под одним и тем же или под различными названиями. Возникнув в силу конкретных исторических условий, то или иное объединение кочевников принимало общее наименование и начинало жить обычной экономической и бытовой жизнью, где готовые, издавна сложившиеся, родовые традиции облегчали восстановление этой обычной жизни, нарушенной теми или иными событиями. Снова появлялись совместные пастбища, начинала действовать древняя традиция родовой экзогамии на основе счета и родства по мужской линии, восстанавливался в рамках нового объединения общий культ и различные родовые обычаи. Эти родовые традиции и формы всячески распространялись и поддерживались племенной аристократией, эксплоататорской верхушкой в ее классовых политических целях.

Насколько велика и действенна была сила этих родовых традиций у тех же алтайцев, можно видеть на зафиксированном мной в 1931 г. явлении так называемой «колхозной экзогамии», как ни парадоксально это звучит. В одном из колхозов, члены которого принадлежали к различным сеокам, некоторые из стариков алтайцев пытались установить запреты браков внутри колхоза, мотивируя запрет следующим образом: «в колхозе живем — значит все мы друг другу братья, свои, и жениться между собой нельзя».[1]

Вместе с этим было бы неправильно в зафиксированных формах экзогамии алтайцев видеть только механически перенесенную в современность древнюю традицию. Напротив, дошедшие до нас формы экзо-

[1] См. мою работу «Поездка в колхозы Чемальского аймака Ойротской автономной области» (Изд. АН СССР, Л., 1932, стр. 42).

гамной традиции позволяют говорить о пережитках как более ранних, так и более поздних ступеней развития первобытно-общинного родового строя у далеких предков алтайцев. Некоторые из них указывают на существование в прошлом у алтайцев рода как действительно кровнородственной организации, основанной на материнском праве (матриархат), хотя род у южных племен Алтая уже в течение многих веков, даже тысячелетий, выступает в патриархальной форме, т. е. построен на отцовском праве, со счетом родства по отцовской линии.

Эти пережитки древней родовой организации выступают у алтайцев весьма отчетливо, свидетельствуя о смене матриархата патриархатом как у южных, так и у северных алтайцев. Укажу прежде всего на следы существования у алтайцев взаимно брачных связей между определенными родами, в которых нельзя не видеть пережитков дуальной экзогамии, связанных в прошлом с существованием группового брака, с наличием обязательной кузенной формы брака.

Наиболее распространенной формой брака в прошлом у алтайцев являлся, видимо, кузенный брак, т. е. брак с дочерью дяди по матери (*таи едже*). Мне сообщили, что у южных алтайцев такие браки допускались еще в 20-х годах. У северных алтайцев (тубаларов, челканцев и кумандинцев) эти родственные браки практиковались также еще недавно. Кумандинцы и челканцы говорили мне, что браки с родней матери являлись у них наиболее желательными. Мои осведомители, старики в Онгудайском аймаке, рассказывали, что на их памяти практиковались браки и между детьми брата и сестры, т. е. сын брата женился на дочери сестры и дочь брата выходила замуж за сына сестры (*агазынг улы болзо, едженинг кызы болзо-алар; агазынг кызы болзо, едженинг улы болзо база алар*), при этом они подчеркивали, что в таких случаях сеоки брачущихся оказывались разными, следовательно, принцип родовой экзогамии не нарушался.

Челканцы делились на два экзогамных сеока — Чалканыг и Шакшылыг. Внутри каждого из этих сеоков браки не допускались. Брачущиеся должны были быть обязательно из разных сеоков. Считались желательными браки между сеоками Чалканыг и Шакшылыг. У челканцев рода Шакшылыг считались запретными браки с родом Телес, обитающим за Телецким озером. Род Шакшылыг считался с телесами братским родом (*карындаш*) и потому не брал оттуда женщин (*алышпас*).

Челканцы рода Чалканыг считали братским родом сеок Кузен и не брали оттуда жен. Однако этот запрет стали нарушать уже в конце XIX в. Сеок Кузен жил в прошлом в бассейне р. Лебеди, где до сего времени живут челканцы (ныне Турочакский аймак). Я записал у тубаларов и челканцев сходные предания, подтверждающие, что Кузен жил раньше в районе р. Лебеди у горы Актыгана. Род Кузен покинул родные места потому, что захотел разводить скот и не мог этим заняться у себя, так как жил в тайге.

У верхних кумандинцев родовая экзогамия соблюдалась почти до 20-х годов нашего столетия. Не вступали в брачные союзы (*алышпас*) не только члены одного сеока, но и разных по названию сеоков, считавшихся родственными, братскими. Например, родственными сеоками считались Орокуманды, Тастар и Чоты, или Йоты. Браки между их членами были запрещены. Члены рода Орокуманды, живущие на территории Турочакского аймака, охотнее всего брали женщин из рода Алтына-Куманды; они брали жен также из шорских сеоков: Карга, Четибер, Кара-Шор, из тубаларского сеока Кузен. Впрочем, по преданию, запи-

санному мною у кумандинцев, во времена господства ойратов разделения кумандинцев на верхних и нижних (Оро-Куманды и Алтына-Куманды) не было и браки между ними были запрещены; кумандинцы тогда жили в устье р. Чарыша (левый приток Оби). Разделение это произошло уже при переселении на р. Бию.[1]

Родовая экзогамия и сознание кровного родства между различными по наименованию сеоками известны и у шорцев (например между родами Калар и Челей или между Кара-Шор и Узут-Шор) и у тубаларов. Из других алтайских сеоков были запрещены браки (*алышпас*) между сеоками Кыпчак и Мундус, как близкими по крови, между Найман и Ябыр, между Чапты и Тодош. Наряду с этим у южных алтайцев существовали сеоки, которые считали обмен женщинами между собой предпочтительным перед другими. Такие сеоки считались сватами (*куда*), находящимися в отношениях постоянного сватовства (*кудалышка*). Таковыми, например, в Онгудайском районе были сеоки Тодош, Кыпчак.

При господстве у алтайцев патриархальной формы рода основным признаком при вопросе допустимости того или иного брака являлась родовая принадлежность. Если брачущиеся принадлежали к разным сеокам (за исключением братских сеоков), брак считался допустимым. Счет родства велся по отцовской линии. Дети считались принадлежащими к роду отца. Поэтому, например, браки между детьми родных братьев не допускались, так как при этом брачущиеся оказывались из одного сеока. Напротив, допускались браки между детьми родных сестер, если сестры вышли замуж в разные сеоки и дети их также принадлежали к разным сеокам. У тубаларов, челканцев и кумандинцев такие браки в прошлом случались, хотя и очень редко. Как у северных, так и у южных алтайцев можно было жениться на дочери родной сестры, т. е. дядя по матери женился на племяннице, ибо они при счете родства по отцовской линии происходили из различных сеоков.[2] У кумандинцев дядя по матери женился на дочери племянницы.[3] Можно было жениться и сыну брата на дочери сестры, так как при экзогамии и патрилинеальности брачущиеся всегда в этом случае принадлежали к различным сеокам.

Ярким свидетельством господства у алтайцев в прошлом материнского рода являются сохранившиеся доныне отголоски группового брака, выражавшиеся прежде всего в классификаторской системе родства, которой пользуются алтайцы для обозначения степеней родства и свойства до наших дней. Несмотря на то, что у алтайцев господствующей формой была малая моногамная семья, основанная на господстве мужа, при которой точно известно, кто является мужем, женой, дедом, бабкой, сыном, внуком, племянником и т. д., все же у них целую группу родственников различной степени родства называли одним общим термином.

---

[1] Предание о переселении кумандинцев с р. Чарыша записано в 1936 г.

[2] Для примера сошлюсь на следующий брак. Тубаларка по имени Торчик из рода Шор, жившая в урочище Верх-Иша, имела дочь Барбон от брака с тубаларом Сокпачаком из рода Кузен, жителем долины р. Сары-Кокши. После смерти Сокпачака Торчик была выдана замуж за Томуртка (младшего брата умершего), также из рода Кузен, жителя Верх-Иши. От этого брака у Торчик родился сын Манзыр. Со временем дочь Торчик, Барбон (сестра Манзыра), вышла замуж (в другой сеок) и родила дочь по имени Палака. Манзыр позднее женился на Палаке, т. е. на дочери своей родной (по матери) сестры. Это считалось допустимым, так как жених и невеста были из разных сеоков.

[3] В качестве примера мне указали в с. Шунураке брак Ивана Максимовича Бозева (сеок Орок-Куманды) с Еленой Манжаковой.

При изучении номенклатуры родства и свойства у алтайцев сразу же привлекает внимание несоответствие между недавно существовавшей (существующей еще кое-где и теперь) формой семьи и системой родства. Последняя противоречит действительным брачным отношениям. Такое положение не может быть признано необычным, как это стало известно со времени исследований Л. Моргана, результаты которых так высоко ценили основоположники исторической науки Маркс и Энгельс. «Семья, — говорит Морган, — активный элемент, она никогда не стоит на месте, а переходит от более низкой формы к более высокой, по мере того как общество развивается от низшей ступени к высшей. Напротив, системы родства пассивны; лишь через долгие промежутки времени они регистрируют прогресс, проделанный семьей, и претерпевают радикальные изменения лишь только тогда, когда радикально изменилась семья».[1] «В то время как семья продолжает жить, — добавляет к этому Энгельс, — система родства окостеневает, и в то время как последняя продолжает существовать в силу привычки, семья перерастает ее рамки. Но с такой же достоверностью, с какой Кювье по найденным около Парижа сумчатым костям скелета животного мог заключить, что этот скелет принадлежал сумчатому животному и что там когда-то жили вымершие сумчатые животные, — с такой же достоверностью можем мы по дошедшей до нас из исторического прошлого системе родства заключить, что существовала соответствующая ей вымершая форма семьи».[2]

Это положение Ф. Энгельса целиком применимо к алтайцам. Согласно классификаторской системе родства, северные и южные алтайцы обозначали одним термином целую группу близких и дальних родственников и свойственников. Так, кумандинцы до последних дней называли термином *пала*[3] сыновей, внуков и правнуков (по линии сыновей).[4] Челканцы и тубалары, называя родных сыновей соответственно термином *ол* и *ул*,[5] внуков и правнуков по линии сыновей обозначают общим термином *пала*. Кумандинцы и челканцы термином *аджа*, а тубалары термином *ака* называют всех своих старших братьев, родных, двоюродных и троюродных и младших братьев отца и их сыновей (старше говорящего). Кумандинцы и челканцы называют своих младших братьев и сестер, родных и коллатеральных, детей брата отца (моложе говорящего) термином *тунгма*. У тубаларов, как и у южных алтайцев, для перечисления этой категории родственников употребляют два термина в зависимости от пола: *ачы* — для мужчин и *сиини* — для женщин.[6] Для обозначения детей и внуков дочерей, детей и внуков сестер, детей дочерей братьев отца, детей сестер отца употребляют общий термин «племянники»: *чеен* — у кумандинцев, *неен* — у тубаларов, *теен* — у челканцев и южных алтайцев.

[1] Цит. по: К. Маркс и Фр. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 16.

[2] Там же, стр. 16—17.

[3] *Пала* — ребенок, дитя. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, стр. 1161—1162; В. Вербицкий. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркских языков, стр. 240.

[4] Внуки и правнуки по линии дочерей у кумандинцев носят название *чеен* (племянник), у тубаларов — *неен*, у челканцев — *теен*.

[5] В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I, стр. 1080. — Мне сообщили тубалары, что женщина называет своих сыновей, в отличие от мужчины, *пала*.

[6] У Радлова *сыйын* (телеутск, куманд.), *сіні*, *сінні* — младшая сестра; *сіні* (алт., куманд.), *сін*, *сініі* — младшая сестра (Опыт словаря тюркских наречий, т. I, стр. 625, 695); у Вербицкого *сііне*, *сііні* (куманд.) — младшая сестра: *сыйын* (телеутск., куманд.) — сестра (младшая) (Словарь..., стр. 298, 318). — В мою поездку к верхним кумандинцам в 1936 г. мне для младшей сестры называли только термин *тунгма*.

Таким образом, согласно этой системе, алтайцы одним термином обозначали ряд не только родственников, но и свойственников. Кроме того, имели место слияние прямого и коллатерального родства, т. е. слияние родства прямой и боковой линий, и общее название для родственников указанных линий. Например, термином *ака* называли родного старшего брата и сына моего брата, если он был старше меня по возрасту, сына брата моего отца и т. д., т. е. братьев родных, двоюродных и более отдаленных степеней родства. Зато при классификаторской системе родственники строго различались по двум категориям: по линии отца и по

Алтайские женщины.

линии матери, что вполне естественно при господстве экзогамии. Так, например, северные алтайцы дядю по матери называли *тай*, а дядю по отцу — *абагай*, а южные соответственно — *тай* и *абага*. Термином *тай* называли и некоторых других родственников матери, бабушку по матери и свойственников, являющихся родственниками дяди по матери, и т. п. По происхождению своему этот термин означал, повидимому, вообще родню со стороны матери, т. е. членов материнского рода.

Существовала также строгая дифференциация в терминологии родства по возрасту: одна и та же степень родства обозначалась различными терминами в зависимости от возраста. Старшего родного брата называли иначе, чем младшего родного брата: *ака* и *ини* — у южных алтайцев; *аджа* и *тунгма* — у северных; старшую сестру называли *едже*, младшую — *тунгма* (северные) и *сыйны* (южные) и т. д.

Наличие черт классификаторской системы родства говорит о том, что алтайцам в прошлом был известен групповой брак, пережитки которого сохранялись и в признании права мужчины жениться или вступать в половое общение (разумеется, с обоюдного согласия) с некоторыми категориями женщин, обозначавшимися общим термином. Практически

это право не являлось обязанностью, но оно допускалось общественным мнением и, как показано ниже, иногда осуществлялось. Мужчина мог жениться или вступить в половую связь (с согласия женщины) со следующими категориями женщин (по родственному отношению к нему): 1) *тай едже*, т. е. дочери дядей по матери и дочери их сыновей, сестры матери и т. д.; 2) *тене*, т. е. жены старших братьев, жены старших братьев отца и их сыновей (старше говорящего); 3) *тай-тене*, т. е. жены братьев по матери и их сыновей и т. д.; 4) *теен*, т. е. дочери родных сестер и их дочери и т. д. Наряду с этим мужчина не мог жениться или вступить в половую связь с целой категорией женщин, которых он называл терминами: 1) *абагай* — сестры моего отца (старшие), старшие сестры жены и тестя; 2) *едже* — старшие сестры, дочери старших братьев отца и дочери братьев отца (старше говорящего), младшие сестры моего отца и т. д.; 3) *синии* — младшие сестры, дочери младших братьев отца, дочери сыновей братьев отца (моложе говорящего); 4) *келин* — жены сыновей младших братьев, жены сыновей и т. д., 5) *чурчы* — младшие сестры жены, дочери братьев и тестя (моложе жены), дочери сестер тестя; 6) *кютей* — жены братьев деда по отцу и их сыновей (старше говорящего); 7) *кайын-ене* — теща.

Мои осведомители кумандинцы и тубалары утверждали, что у них мужчина мог также жениться или иметь половое сожительство с категорией женщин, которых он называл терминами: 1) *тай едже* у кумандинцев, а у тубаларов *тайече*, т. е. с дочерьми брата матери, дочерьми сыновей брата матери, дочерьми сыновей братьев матери и т. д.; 2) *кои* у кумандинцев, а у тубаларов *тай неге*, т. е. с женами братьев по матери, женами сыновей братьев матери и т. д.

За мужчиной признавалось право полового сожительства (по обоюдному согласию) с женой родного и бокового брата, обязательно старшего (у кумандинцев — с *неечи*, у тубаларов — с *неге*). Обычные нормы семейного права допускали сожительство с женой сына брата моего отца (если этот сын был старше меня по возрасту) и с женой сына старшего брата моего отца, женой сына брата деда по отцу (если он старше меня), с женой сына сына брата деда по отцу (если он старше меня), словом со всеми родственными женщинами, которых я называю термином *нееча* или *неге*. Таким образом, можно было жить с женой брата (младшего) отца. В отличие от южных алтайцев, у кумандинцев, челканцев и тубаларов за мужчиной признавалось право полового сожительства с младшими сестрами жены и вообще с младшими родственницами жены, которых он называл термином *чурчы*. Следовательно, можно было жениться на сестре (младшей) жены, на дочерях сестер жены, на женах младших братьев жены, на женах сыновей братьев жены, т. е. на женщине из рода жены моложе жены по возрасту. У тубаларов, например, такие браки были довольно часты.

У северных алтайцев, кроме того, существовали категории женщин, также обозначавшиеся общим термином, но являвшиеся запретными для мужчин. Я не буду приводить их здесь, за недостатком места, отмечу только, что они довольно сходны с категориями женщин, запретными у южных алтайцев. Я не буду также увеличивать приведенные примеры пережитков группового брака материалом, собранным мною у челканцев, а подчеркну только, что признание права полового сожительства и женитьбы мужчины с указанными категориями женщин у северных алтайцев в то же время не означало обязанности осуще-

ствлять его. Никаких случаев принуждения к половому сожительству на основании этого права северные алтайцы не помнят. Если это право и осуществлялось, то только с обоюдного согласия и чаще всего на праздниках.

Что касается обязательных по обычаю браков, то такой характер имело только вступление в брак с вдовой умершего старшего брата. Об этом обычае, носящем в этнографической литературе название «левират», писали почти все путешественники и исследователи северных и южных алтайцев. Если женщина, поддержанная своими родственниками, противилась такому принудительному браку, то последние обращались в зайсанский суд. Еще в начале нашего столетия такие дела в судах были весьма часты. Зайсан в отступление от обычая, преимущественно под давлением миссионеров, освобождал женщину от принудительного брака с младшим братом ее мужа, но вместе с этим заставлял сородичей вдовы возвратить родственникам покойного мужа калым, удержав из него 25 рублей «в честь снохи»; детей оставляли у сородичей покойного мужа, которые в свою очередь обязывались возвратить приданое вдовы ее сородичам.[1]

Свадебное жилище.

К пережиткам группового брака у алтайцев следует отнести и бывший широко распространенным еще в первых десятилетиях текущего столетия обычай «избегания» свекра и снохи. У алтайцев в первой половине XIX в. сноха не показывалась свекру до тех пор, пока у нее не рождался первый ребенок.[2] Как у северных, так и у южных алтайцев сноха не могла называть свекра по имени, находиться при нем с непокрытой головой, босиком, здороваться за руку, передавать ему что-либо непосредственно в руки, садиться на его постель и т. д. Подобного рода запреты существовали между невесткой и старшей мужской родней мужа.

Сохранились у алтайцев также и далекие пережитки матрилокального брака, при котором муж переселялся в дом жены.[3] Мне уже при-

---

[1] Барнаульский архив, фонд 5, протокол № 7 зайсанского суда 1-й дючины, январь 1903 г.

[2] Горохов. Краткое этнографическое описание бийских или алтайских калмыков. Журн. Мин. внутр. дел, ч. XXXVIII, кн. 10, 1840, стр. 212.

[3] А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны, стр. 333; И. Георги. Описание обитающих в Российском государстве народов, ч. II, стр. 190;

ходилось указывать, что о матрилокальности брака у северных алтайцев свидетельствуют не только обычай, по которому зять-охотник должен снабжать мясом убитых зверей отца жены, но и запреты общения, избегание, существующие между зятем, тещей и старшей женской родней жены.[1] Эти запреты, возникшие, вероятно, в связи с ограничением группового брака при материнском роде, когда господствовал матрилокальный брак, были известны не только шорцам, но и тубаларам, челканцам и кумандинцам. У последних, когда зять впервые встречался с тещей и со старшей женской родней жены (*енгечи*), он обычно привозил для этой встречи вино. До тех пор, пока зять не угостит тещу и старших родственниц жены вином, он не мог здороваться с ними за руку, передавать что-либо непосредственно им в руки. Зять наливал вино и первую чашку подавал обычно теще, она принимала угощение и снимала с зятя шапку. Угостив всех вином, зять мог отныне находиться в присутствии этих женщин без шапки, подавать им руку. Однако с него не снимался запрет называть эту категорию женщин по имени и тем более вступать с ними в половое общение.

Наиболее ярким пережитком материнского рода у алтайцев являлся *авункулат,* т. е. теснейшая связь человека с дядей по линии матери, иногда более близкая, чем с отцом. В этой связи необходимо напомнить оценку, данную Ф. Энгельсом одному из сообщений Тацита о древних германцах: «Решающее значение имеет одно место у Тацита, где говорится, что брат матери смотрит на своего племянника как на сына; некоторые даже считают кровные узы, связывающие дядю с материнской стороны и племянника, более священными и тесными, чем связь между отцом и сыном, так что, когда требуют заложников, сын сестры признается большей гарантией, чем собственный сын человека, которого хотят связать поручительством. Здесь мы имеем живой пережиток рода, организованного на материнском праве, следовательно первоначального...».[2]

У алтайцев еще в начале нашего столетия существовали обычаи, по которым дядя обязан был оказывать племяннику материальную помощь в форме ценных подарков (например скотом, деньгами), особенно при женитьбе племянника, когда последний должен был готовить калым. У алтайцев сеока Кергиль дядя приезжал к племяннику сам, когда тому исполнялось семь лет, и впервые подстригал волосы мальчику. По обычаю он обрезал волосы племяннику на висках (*самай*), на лбу (*чюрмеш*) и заплетал на темени косичку (*кедеге*). При этом дядя давал племяннику *баркы* — подарок, лучшую лошадь.[3] Случалось, что, выросши, племянник сам обращался к дяде за подарком, считавшимся обязательным. У тубаларов такой обязательный подарок в виде лошади племянник получал только один раз в жизни. Этот обычай материальной помощи племяннику со стороны дяди по матери нашел отражение у алтайцев в многочисленных поговорках.[4] К дяде по матери алтайцы

Н. П. Дыренкова. Пережитки материнского рода у алтайских тюрков. Сов. этнография, № 4, 1937, стр. 33—38; Л. П. Потапов. Очерки по истории Шории, стр. 150.

[1] Л. П. Потапов. Очерки по истории Шории, стр. 150.

[2] Фр. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Фр. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 114.

[3] У Потанина этот обычай описан несколько иначе. Он пишет, что племянник на седьмом году сам ехал к дяде за баркы. Если дядя не давал баркы, родители требовали его через зайсана (Очерки северо-западной Монголии, т. IV, стр. 38). См. также: С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии, стр. 17.

[4] Собраны в статье Н. П. Дыренковой «Пережитки материнского рода у алтайских тюрков» (Сов. этнография, № 4, 1937).

относились с отменным уважением, независимо от возраста его. Нельзя было не только ругать дядю, но считалось непристойным пренебрежительно говорить о нем. Дядю с материнской стороны называли особым термином — *тай*, в отличие от дяди со стороны отца. У северных алтайцев дядя по матери играл значительную роль в свадебном обряде как наиболее близкий жениху человек.[1]

Наконец, как мною уже неоднократно указано ранее в моих различных работах, пережитки рода, основанного на материнском праве, у алтайцев проявлялись в области религиозных воззрений.[1]

Выше отмечено, что родовые отношения у алтайцев, как и вообще черты родового быта, выступали преимущественно в патриархальной форме. Сеоки вели по отцовской линии не только счет родства, практиковали не только патрилокальные формы брака, но и наследование имущества, зайсанского звания. Отцовский род давно стал господствующей формой родовой организации у алтайцев, особенно у южных, для которых о патриархальной форме рода можно говорить, начиная с периода ранних кочевников, ибо в это время господствующая роль скотоводства в хозяйстве, в котором мужской труд имел ведущее значение, неизбежно должна была привести к патриархальной форме родовой организации. У северных алтайцев патриархальная форма родовых отношений могла выступить только позднее. Это объясняется отсутствием у них скотоводства и большим значением в их хозяйственной жизни мотыжного земледелия и собирания диких съедобных растений. Эти отрасли составляли женское занятие, поэтому ведущее значение в производственной деятельности и домашнем хозяйстве имел женский труд, который и определял преобладающее положение женщины в эпоху матриархата. Роль мужского труда выдвинулась у северных алтайцев, видимо, с развитием железоделательной добывающей и обрабатывающей (хотя и в примитивной форме) промышленности и с усилением экономического значения охоты на пушного зверя, ставшего ценным продуктом, который требовался как для уплаты дани, так и для натурального обмена со скотоводами кочевниками. Как металлургия, так и охота на пушного зверя были мужским занятием, что и послужило причиной к утверждению патриархата у северных алтайцев. Дальнейшими исследованиями необходимо еще более уточнить хронологию этого крупного изменения в общественно-экономической жизни ранних периодов истории северных алтайцев. Теперь же можно сослаться лишь на то, что большая сохранность пережитков матриархата и совсем свежие воспоминания о наличии большой семьи, характерной для патриархального рода, свидетельствуют в пользу предположения, высказанного мною о более позднем развитии отцовского рода у северных алтайцев. Во время моей полевой работы у них в 20-х и 30-х годах мне представилась возможность описать и исследовать большую семью.

У шорцев семья называлась *толь*. Она уже описана мною.[2] Здесь я коснусь этого вопроса в отношении тубаларов. У последних память о большой семье еще жива. Как удалось выяснить у стариков, такая семья состояла из трех поколений: отца, женатых и холостых сыновей и внуков. Большая семья вела общее хозяйство: охотничий промысел,

---

[1] См. мою работу «Очерки по истории Шории» (стр. 149—150) и др., а также: Н. П. Дыренкова. Пережитки материнского рода у алтайских тюрков. Сов. этнография, № 4, 1937, стр. 24—26; С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии, стр. 17.

[2] Очерки по истории Шории, стр. 178.

посев, скот, угодья были общими. Во главе такой семьи стоял старший, обычно отец, называвшийся *башчы*, или *баштар-кижи*, который руководил хозяйством и которому все подчинялись. Женитьба того или иного члена семьи и выделение его в самостоятельное хозяйство зависели исключительно от башчы. Выделяемому в самостоятельное хозяйство члену семьи семья помогала строить новое жилище, обязательно давала лук (или ружье), котел и седло. Скот давал башчы по своему усмотрению. О размере такой семьи можно судить по следующему примеру: Тодыжек (сеок Ялан) жил одной семьей с восемью сыновьями, большинство которых было женато и имело детей; жили преимущественно промыслом зверя; скота имели семь коров и три лошади.

У южных алтайцев от большой семьи сохранились слабые отголоски. Здесь в прошлом такая большая патриархальная семья включала в свой состав и рабов (*кулов*). Глава семьи жил в многоженстве. Последнее являлось, видимо, результатом богатства и было доступно только отдельным лицам, занимавшим исключительное положение. У южных алтайцев многоженство отмечалось на протяжении всего XIX в., но только для богатых.[1]

Черты родового патриархального быта у южных алтайцев сказывались и в обычае уплаты за невесту калыма. Жениху в уплате калыма помогали сородичи, особенно ближайшие родственники по отцу. У южных алтайцев калым поступал в распоряжение семьи невесты (*калан той* — свадебная подать в размере шести рублей). Калан той уплачивался деньгами или четырехгодовалым быком (*тонон*).[2] В XIX в. это право взимать с жениха калан той (или *коо-той*) было узурпировано зайсаном.

У северных алтайцев родственники-сородичи также помогали жениху платить калым, помогали строить временное свадебное жилище новобрачных. Однако, участвуя в расходах по уплате калыма, ближайшие родственники жениха еще в половине XIX в. наследовали детей и имущество умершего родственника.[3] В этом также нельзя не видеть остатков родового быта, когда брак считался делом членов всего рода.

Родовые черты, естественно, сохранились и в области религиозных обычаев и обрядов как в наиболее консервативной области жизни.

Уже миссионеры сообщали неоднократно, что у алтайцев «у каждого сеока есть свой фамильный бог».[4] Об этом же пишет известный исследователь шаманства у алтайцев А. В. Анохин: «Каждый сеок (род) имеет своего собственного тос'я (духа, — *Л. П.*), которого чтит, к тос'ю же другого сеока относится безразлично».[5] Анохин отмечает также, что духи у алтайцев делятся на роды (сеоки).[6] С. А. Токарев приводит таблицу родовых божеств у алтайцев, составленную им на основании двух личных поездок, и приводит имена родовых божеств, упоминаемых в литературе.[7] Мною собраны материалы о родовых духах — бывших шама-

---

[1] Горохов. Краткое этнографическое описание бийских или алтайских калмыков. Журн. Мин. внутр. дел, ч. XXXVIII, кн. 10, 1840, стр. 211—212; С. Ландышев. Некоторые сведения о Алтайской миссии. Сб. «Творения святых отцов в русском переводе», год 14, кн. 4, М., 1856, стр. 691; М. В. Миловзоров. Роды и семейное право алтайцев. Архив Всесоюзн. Географ. общ., шифр Б., IX, 39, стр. 7.

[2] М. В. Миловзоров, там же, стр. 7.

[3] С. Ландышев. Некоторые сведения о Алтайской миссии, стр. 691—692. Сб. «Творения святых отцов в русском переводе», год 14, кн. 4, 1856, стр. 691—692.

[4] Там же; Записки миссионера Вербицкого за 1863 г. Православное обозрение, январь, 1866.

[5] А. В. Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев. Л., 1925, стр. 7.

[6] Там же, стр. 6.

[7] С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии, стр. 143.

нах. Например, сеок Тодош считал родовым духом умершего шамана Тостогоша, сеок Очы — Сангзака, сеок Чапты — Качы-Кама, сеок Алмат — Тостогоша, сеок Комдош — Тайада-Кама и т. д. Шаманы в прошлом были родовыми шаманами. Черты родового культа сохранились в почитании священных гор, в обряде оживления шаманского бубна.[1] У телеутов, выселенцев из Горного Алтая в нынешний Беловский район Кемеровской области по рекам Большой и Малый Бочат, считалось, что шаманские духи, покровители отдельных сеоков, живут на небесах отдельно. Например, на девятом небе живет Кызыган, покровитель сеока Меркит, на двенадцатом небе — Тумат-Тенгере, покровитель сеока Тумат. Многие шаманы у северных алтайцев имели по два шаманских бубна, из которых один был родовым и с ним камлали только членам своего рода, другой был для всех остальных, обращающихся к шаману. Каждый род имел свою почитаемую священную гору и т. д. Все это, не говоря о родовом характере некоторых жертвоприношений, свидетельствует также о большой сохранности родовых черт быта.

Наличие столь значительных пережитков родового быта наложило отпечаток и на общественные отношения у алтайцев. Конечно, сохранность столь многих черт родового быта у алтайцев вовсе не означала господства здесь родового, первобытно-общинного строя, как это пытались утверждать некоторые исследователи и особенно буржуазные националисты. Дело в том, что основой общественных отношений у большинства алтайцев являлась уже не общинная собственность на основные средства производства, как это должно быть при первобытно-общинном строе, а частная собственность, с формами которой мы познакомимся в последующем изложении.

2. Собственность на основные средства производства

В одной из предыдущих глав были выяснены основные средства производства полукочевого скотоводческого хозяйства у южной группы алтайцев и почти первобытного звероловческого хозяйства у северных алтайцев. Теперь необходимо рассмотреть, в чьем владении находились эти основные средства производства в обеих группах населения, каким образом они распределялись среди населения.

Как сказано выше, до присоединения к России алтайцы входили в состав феодальной Джунгарии. В период джунгарского, или ойратского, господства на алтайцев распространялось ойратское законодательство, письменные памятники которого дошли до нас.[2] «Ойратский устав взысканий» ясно говорит о феодальной частной собственности на скот (ст. ст. 66, 67, 92). Нарушение частной собственности каралось штрафом, уплачиваемым натурой — скотом.

О феодальной собственности на стада повествует нам и эпос алтайцев.[3] В алтайских сказках, например, фигурируют, с одной стороны,

---

[1] Л. П. Потапов. Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая. Труды Инст. этногр. АН СССР, Новая серия, т. I, М.—Л., 1947.

[2] Ф. И. Леонтович. Древний монголо-ойратский, или калмыцкий устав взысканий. Одесса, 1879; К. Ф. Голстунский. Монголо-ойратские законы 1640 г. СПб., 1880; В. А. Рязановский. Обычное право монгольских племен. Харбин, 1923. — Подробный обзор списков монголо-ойратских законов см. в работе В. Л. Котвича «Русские архивные документы о сношении с ойратами в XVII—XVIII вв.» (Изв. Росс. Акад. Наук, т. XIII, ч. вторая, 1919).

[3] Когутэй. Алтайский эпос. Изд. Academia, 1935, Алтайские сказки. Новосибирск, 1937; Темир Санаа. Ойротские народные сказки. Новосибирск, 1940. — См. также некоторые сказки в «Аносском сборнике» Н. Я. Никифорова. (Зап. Зап.-Сиб. отд.

богачи-скотоводы (ханы, зайсаны), с другой — бедняки, совершенно не имеющие скота или имеющие его очень мало и потому вынужденные поддерживать свое существование собиранием корней и стеблей диких съедобных растений. Герой сказки Когутэй вместе с женой доживает свою долгую жизнь в нищете и частых голодовках. У него нет скота, кроме синего быка, который служит ему вместо коня. Жилище его бедно, покрыто дырявой кошмой. Но вот рядом с Когутэем живет богатый Караты-хан, который проводит жизнь в роскоши. Громадные табуны его лошадей пасутся по склонам гор. Своих дочерей Караты-хан выдает замуж за таких же богачей, как и он сам, и наделяет их богатым приданым. Он часто устраивает пиршества, охоты. Караты-хан волен в жизни и смерти своих подданных. Знатные зятья выполняют его приказания, служат ему и в награду получают большие наделы.[1] В другой сказке герой Юскузек, молодой человек, обладает чернобурой коровой, желтой козой да рыжим старым конем и живет в глубокой нужде, голодным, оборванным. Его же соперник, злой Караты-хан, обладает многочисленными, «как травы», табунами скота, обслуживаемыми рабами, носит шелковую шубу, сафьяновые сапоги и т. п.

Подобными сопоставлениями бедности и богатства, выросших на основе скотоводческого хозяйства с частной собственностью на скот, изобилуют и другие сказки и поэмы алтайцев.

Такую же картину рисуют и русские исторические документы времени перехода алтайцев в подданство России (половина XVIII в.). В них выступают знатные зайсаны, богатые скотовладельцы, имеющие собственные военные дружины и рабов.[2] В то же время эти же документы сообщают о бедняках-алтайцах, не имеющих скота, которые «питаются у кого есть дичинное мясо, иные ходят поблизости в крепости, сбирают по миру милостыню, работают у русских людей по их уменью, и теми русскими людьми бывают питаемы».[3]

Путешественники, посетившие Алтай в начале XIX в. (Гр. Спасский, Бунге, Гельмерсен), описывают богатых скотовладельцев алтайцев, стада которых занимали обширные долины. Они описывают также богатство зайсанов, их одежды, убранство жилища, их прислугу.[4] Наряду с этим от исследователей не ускользнула и потрясающая бедность, царившая среди многих семей алтайцев. Горный инженер Ковригин, путешествовавший по Алтаю в 1856 г. и побывавший в долине Абая (левый приток Коксу), сообщил о бедняках-алтайцах этой долины следующее: «Пища их состоит из собираемых ими кореньев, кирпичного чая и ячменя... Конические их юрты состоят из жердей, обложенных снаружи берестой и древесной корой. Утвари почти нет. Одежда их состоит из очень гряз-

---

Русск. Географ. общ., т. XXXVII, Омск, 1915. Кроме того, см.: Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, т. IV; Алтай-Бучай, Новосибирск, 1941; Малчы-Мерген. Новосибирск, 1947. — Последние две книги представляют образцы героического эпоса алтайцев, записанные от сказителя Н. Улагашева (редакция А. Коптелова). Героический эпос алтайцев в опубликованных изданиях относится к монголо-ойратскому периоду, что подтверждается упоминанием в нем имен действительно существовавших ойратских князей. Например, в героических сказках упоминается имя Чороского князя Хара-Хулы, который в начале XVII в. вел борьбу за объединение ойратов. В сказках он выступает или как могущественный хан, или как мифическое существо.

[1] Когутэй. Алтайский эпос.

[2] Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. Чтения, кн. 4-я, 1864, стр. 71, 75—77, 89, 98—100, 105, 123, 125.

[3] Там же, стр. 91.

[4] A. Bunge. Reise im östlichen Theil des Altai-Gebirges, S. 37—38.

ных и изношенных меховых халатов». И далее: «Богатые, впрочем, имеют стада, а бедные, не имея стад, нанимаются к богатым соплеменникам или к русским за очень низкую плату».[1] В. В. Радлов, посетивший впервые Алтай в 1860 г., также пишет о богатых скотоводах, владевших тысячными табунами скота.[2] Так, алтаец Толой, живший по р. Урсулу, имел одних только лошадей 6000 голов. «Многие калмыки, — пишет Радлов, — держат по 40 табунов лошадей и до 3000 овец (табун лошадей около 30 маток с жеребцом)».[3] Наряду с этим Радлов сообщает и об алтайцах-бедняках: «Бедняки телесы, которые не могут разводить скот, занимаются преимущественно земледелием. Снятый хлеб употребляют для себя и излишки обменивают богатым на другие жизненные продукты: как мясо, кожи, войлок, одежду, шубу и пр. Точно так же бедняки собирают летом сено и продают богатым, которые очень охотно пользуются им, особенно для содержания молодого скота».[4]

Другие исследователи, как Н. Костров, Н. Ядринцев и Е. Луценко, также сообщают об отдельных алтайцах богачах, имевших табуны от 1000 до 10 000 лошадей и тысячи голов рогатого скота, и о бедняках, вовсе лишенных скота.[5]

На основании изложенного можно считать доказанным, что в рассматриваемый период: 1) скот у алтайцев находился в частной собственности, 2) скот концентрировался в руках зайсанов и баев. Последнее обстоятельство является чрезвычайно важным, так как практически оно приводило, как будет показано ниже, к сосредоточению у зайсанов и баев и большинства лучших пастбищ и покосов.

Перехожу к выяснению формы собственности у южных алтайцев на землю, на пастбища и покосы, без которых, как известно, не мыслимо существование скотоводства.

До перехода в подданство России вся территория, на которой жили и вели хозяйство алтайцы, входила в состав Джунгарии, где владение землей определялось законодательством, уже упомянутым выше. Как показано в специальном исследовании акад. Владимирцова, у монголов (в том числе и у западных, т. е. у ойратов) в XIV—XVII вв. собственность на землю, кочевья, пастбищную территорию и различные угодья носила феодальный характер.[6] По Б. Я. Владимирцову, земля у монголов (включая и охотничьи угодья для облав) принадлежала «господам и царевичам» уже с XIII в. Владелец не раздавал кочевья, а указывал, кому и где пасти скот и кочевать. Монгольский владелец имел право объявить ту или иную часть территории запретной для других.[7] В Джунгарии господствовала такая же форма собственности на земли. Во главе Джунгарии стоял хан, феодальный сюзерен, номинальный собственник всех земель, входящих в состав Джунгарии. Распоряжение районами кочевок находилось во власти хана. Так, например, ойратский хан Гал-

---

[1] Г. Н. Потанин и П. П. Семенов-Тян-Шанский. Дополнения к т. III «Землеведения Азии К. Риттера», т. IV. Алтае-Саянская горная система.

[2] W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, S. 284.

[3] W. Radloff. Bemerkungen eines nomadischen Altaers. Ermann's Archiv f. wiss. Kunde v. Russland, Bd. XVIII, S. 541.

[4] W. Radloff. Reise durch den Altai nach dem Telezker See und dem Abakan. Ermann's Archiv f. wiss. Kunde v. Russland, Bd. XXIII, S. 275.

[5] Н. М. Ядринцев. Сибирские инородцы; Е. Луценко. Поездка к алтайским теленгитам, стр. 24; С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии.

[6] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 160--161.

[7] Там же, стр. 111—112.

дан-Цэрен, разгромив в 1741 г. Среднюю Орду казахов, потребовал от владельцев не только аманатов, но и подчинения его указаниям в выборе районов кочевок.[1]

В вассальной зависимости от хана находились тайши, владевшие пожизненно и наследственно уделами — территориями для кочевания. Ойратские законы определенно говорят о «владельце кочевья, владельце земли под кочевья».[2] Ойратское законодательство предусматривало и предоставление территории для мелких кочевых единиц — аймаков (40 кибиток), во главе которых стояли зайсаны — мелкопоместные дворяне-феодалы. Так, в указе главы Ойратского союза Голдан-Хонг-Тайджи один из пунктов гласит: «А кто, кроме определенного под кочевье места, будет кочевать на чужом месте, и за то, ежели будет целый аймак с командующими, взять девять скотин».[3]

Каждый алтаец был прикреплен к определенному зайсану или другому владельцу (например к тайше) без права перехода от одного к другому, пас свой скот и менял кочевки по указанию владельца.[4] Кочуя на землях, захваченных ойратскими, или джунгарскими, феодалами, алтаец нес натуральную повинность — албан (или *алман* в звучании алтайского языка), доставляя в определенное время владельцу скот, молочные продукты, пушнину, железные изделия (котлы, таганы, наконечники стрел и т. п.) и проч. Кроме того, алтаец выполнял, видимо, как всякий зависимый, албату и другие повинности (вроде доставки лошадей для подвод и проч.), которые у монголов обычно нес простой скотовод по отношению к своему феодалу.[5] Некоторые указания на этот счет дает эпос алтайцев, восходящий к ойратскому периоду. Так, например, из сказки «Аин-Шакширга» видно, что каждая семья по повелению хана должна была доставить для похода хана одного воина.[6]

Таким образом можно заключить, что в период владычества ойратов, или джунгар, на Алтае у южных алтайцев сложилась и укрепилась феодальная собственность зайсанов и тайши на земельную территорию, необходимую для ведения скотоводческого хозяйства. Такое заключение можно подкрепить еще ссылкой на эпос южных алтайцев, где нашли отражение и земельные отношения у алтайцев в ойратский период. В эпосе отчетливо видно, что земля принадлежит хану. В сказке «Алтай-Бучай» говорится о границах владений хана, определявшихся по долинам, по течению рек. В сказке «Когутэй» Караты-хан владеет огромными землями, которые он раздает за службу своим знатным зятьям в качестве уделов. Народ, подданный хану, платит ему алман. Герой сказки «Мадай-Кара» жалуется, что его разорил алман. В сказке «Караты-хан» сын Караты-хана, подчинявшегося более сильному Карагуле-хану, заявляет о невозможности уплаты алмана.[7]

---

[1] М. П. Вяткин. Сказки XVIII в. как источник для истории Казахстана. Проблемы источниковедения, III. Изд. АН СССР, 1940, стр. 57.

[2] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 16.

[3] P. Pallas. Gezetze der mongolischen Völker. Sammlung historische Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften, Th. I, 1776; Ф. И. Леонтович. Древний монголо-ойратский, или калмыцкий статут взысканий, стр. 143.

[4] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 117, 160; К. Ф. Голстунский. Монголо-ойратские законы 1640 г.

[5] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 164.

[6] Н. Я. Никифоров. Аносский сборник, стр. 31.

[7] Н. Я. Никифоров. Аносский сборник; Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, т. IV. — Отражение существовавшей обязанности алтайцев платить алман хану можно видеть в религиозных воззрениях телеутов, по которым главные из злых и добрых духов — Эрлик и Ульгень — первоначально были людьми

С переходом в русское подданство в землепользовании алтайцев в первое время ничего не изменилось.

Алтайские зайсаны сделались вассалами «белого царя», и трудящиеся алтайцы стали платить ему вместо алмана ясак. Вначале русское начальство закрепляло путем выдачи владенных грамот за некоторыми алтайскими зайсанами земли, занятые их кочевьями. Однако в 1782 г. все эти акты были разными способами отобраны на том основании, что акты эти выдавались не по царским грамотам, а по указам одной воеводской канцелярии, воеводами, не имевшими полномочий ни предоставлять в дар огромные земельные пространства лучших земель, ни раздавать их в безвозмездное пользование. По свидетельству А. Ваганова, в 1782 г. от алтайцев было отобрано 483 владенных указа на землю.[1]

Факты захвата формально общинной земли зайсанами приводит и Бунге. Последний, путешествуя по Алтаю в 1826 г., писал, что вспаханные земли по долине Чуи, близ Сардыма и Чибита, являющиеся единственными пригодными для посевов в этой долине, принадлежали зайсану Моголу, жившему от них свыше чем на 100 км. Зайсан не только захватил эти земли, но, по словам Бунге, еще заставлял живущих на них алтайцев обрабатывать их, хотя сам в эти места никогда не приезжал.[2] Подвластные зайсану алтайцы обрабатывали и засевали эти земли, а затем убирали урожай для своего господина, работая своим первобытным инвентарем. Позднее зайсаны Чуйской долины сдавали земельные просторы Чуйской степи в аренду казахам-кочевникам, присваивая плату за кочевание на этих землях себе.[3]

Монопольный характер зайсанского землевладения и распоряжение зайсанами формально общинной землей выявились при экономическом обследовании алтайцев. Переселенческим управлением в 1908 г. выяснилось, что и позднее зайсаны широко практиковали сдачу номинально кабинетской земли в аренду русским крестьянам, ссылаясь на ст. 32 «Устава об инородцах», гласившую: «Россияне могут брать у инородцев места в оброчное содержание, но всегда по условию с обществами».[4] На основании этой статьи алтайские зайсаны сдавали земли русским крестьянам-кулакам в аренду. По «Уставу» полагалось выдавать разрешение на аренду в форме «приемных приговоров», выдаваемых «инородческими обществами» за особую плату, которая должна была поступить в фонд общественных расходов. На деле же земли сдавал зайсан, присваивая деньги за аренду себе, а составление приемного приговора превращалось в пустую формальность. Обычно кулак «ставил» зайсану и «лучшим людям», т. е. баям, угощение вином и еще давал зайсану специальную взятку — «подарок». После этого зайсан добивался от своих подчиненных «добровольного» приемного приговора. Новый поселенец самовольно увеличивал площадь арендуемой земли, начинал теснить алтайцев и нередко прекращал даже взнос арендной платы.

(ханами), жившими на земле и бравшими с народа алман. Позднее они переселились с земли, и алман им стали платить в виде различных жертвоприношений (Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, т. IV, стр. 130.

[1] Отчет А. Ваганова о поездке на Алтай в 1882 г. Экземпляр этого отчета находится в архиве г. Барнаула.

[2] K. F. Ledebour. Reise durch das Altai-Gebirge und die Soongarische Kirgisensteppe..., Bd. II, S. 103.

[3] Сб. «Казахи», III. Изд. АН СССР, 1930, стр. 304.

[4] Полн. собр. законов Росс. империи, т. XXXVIII, СПб., 1830, стр. 396.

Русское начальство закрепляло эту землю за поселенцем на том основании, что у алтайцев эта земля «лишняя». Как велико было «разбазаривание» земли зайсанами, показывают данные обследования 1908 г., которое установило в отношении крестьян-арендаторов, что 61.8% земли было арендовано ими у зайсанов и только 38.29 у Кабинета.[1]

В. П. Михайлов, проводивший экономическое обследование алтайцев в 1910 г., также неоднократно упоминает о сдаче зайсанами земель в аренду переселенцам и о сдаче ими пастбищ скупщикам скота.[2]

Зайсаны распоряжались до 1896 г. и промысловыми угодьями, преимущественно кедровниками, находившимися в пределах территории, отведенной под кочевья алтайцев, допуская на нее русских промышленников только по выдаваемым ими самими билетам, плату за которые они присваивали себе.

Являясь фактическими распорядителями земель, зайсаны имели в личном владении огромные пастбища, покосы и земли под посевы, считавшиеся неприкосновенными для других. Например, в долине р. Башкауса, где хороших сенокосных площадей сравнительно мало, лучшие угодья были захвачены зайсанами. Наиболее плодородная и густо населенная долина Балыктуюла (приток р. Улагана) была экспроприирована зайсаном Семеном: «Вся Балыктуюльская долина принадлежала Семену. До того, как стать зайсаном, у него было только несколько засек,[3] а став зайсаном, он захватил всю землю. Когда его сместили, земля осталась за ним». «На свои земельные участки он не пускал никого. Река Балыктуюл с притоками так и звалась земля зайсана».

Василию Тадышеву, другому зайсану, принадлежали «покосные угодья по реке Турале, где стояли его засеки».[4] Зайсан Барабош владел лучшими покосами и пастбищами по р. Майме и ее притокам. Зайсан Манжи Кульджин считал своей наследственной собственностью роскошные отгонные пастбища в верховьях р. Тюгюрюк (на границе современных Усть-Коксинского, Усть-Канского и Онгудайского аймаков). Он захватил фактически в собственность лучшие пастбища по рекам Каерлыку, Ело, Тоботою, по верховьям Каракола. Его пастбища находились и по рекам Ябаган, Маргола. Подобными примерами можно было бы заполнить целые страницы.

Вместе с этим нужно отметить и категорию новых собственников на пастбищные территории и покосы у полукочевых алтайцев, появившихся в рассматриваемый нами период. Я имею в виду захваты земель (пастбищ, покосов и т. п.) в частное наследственное пользование алтайцами богачами — баями, не облеченными полномочиями со стороны царского правительства, но тесно связанными общими интересами с зайсанами и их помощниками демичи.

Из известных нам материалов видно, что процесс захвата земель баями в частное и наследственное пользование у южных алтайцев происходил в основном в XIX в.

---

[1] «Переселенцами», арендовавшими земли у зайсанов, являлись преимущественно кулаки из сибирских старожилов предгорных районов. Расширение земельных участков в кулацких старожильческих хозяйствах в степи, после наплыва переселенцев из-за Урала, было затруднено, и многие из таких старожилов стали стремиться в горы, чтобы поживиться за счет земли трудящихся алтайцев.

[2] Отчет о поездке на Алтай начальника Алтайского округа В. П. Михайлова в 1910 г., стр. 31, 87; Приложение, стр. 3.

[3] Засеками называют отгороженные сенокосные участки.

[4] С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии, стр. 60.

Первое документальное свидетельство о заинтересованности баев, наряду с зайсанами, в сохранении в своем исключительном владении земель Алтая относится к 1828 г. В это время, в связи с массовым проникновением русских колонистов к югу за Колывано-Воскресенскую (или Бийскую) пограничную линию, алтайские зайсаны Кыстай Козаков,[1] Бакай Бекитов,[2] Найманак Кучугешев, Метрей Битюгин, Кугучеш Тетухин, Селтуй Анюков и Кускуль Юдокин вместе с демичи подали жалобу сенатору Безродному и князю Куракину, командированным правительством в западную Сибирь для ревизии, о происходившем заселении кочевий алтайцев русскими колонистами и о стеснении алтайцев в пастбищах и зверином промысле.[3] Эта жалоба исходила не только от зайсанов и демичи, но и от «лучших людей», т. е. баев. Отсюда следует, что занятие русскими колонистами земель за Бийской казачьей линией затронуло интересы не только зайсанов и демичи, но и баев. Кроме того, это обстоятельство свидетельствует не только о выросшей роли баев среди алтайцев, но и о том, что они уже фактически распоряжались кочевьями алтайцев вместе с зайсанами.

Основная масса находящихся в моем распоряжении фактов захватного наследственного байского землевладения относится к концу XIX и началу XX в. Приведу несколько примеров.

Известный бай Аргымай Кульджин занимал под свои многочисленные стада огромные летние пастбища по долинам Урсула и Кеньги. Для зимних пастбищ и покосов он огораживал большие территории, которые считал исключительно своими и на которых никому не разрешал пасти скот или косить сено. Таких заимок у него было до 30, каждая в среднем для прокорма 300 голов скота.[4] Некоторые заимки находились на расстоянии 150 км от жилья Аргымая (например лог Томойны, близ Сугаша).[5] Огромные территории присвоили баи Кыйтык и Пуришкак. Только у жителей урочища Аксай-Коргоба (бассейн р. Семы) они захватили и загородили для пастбищ и покосов 135 га.[6] Бай 1-й дючины Санабай Сулуков получил в наследственное пользование после смерти отца долину Сараскыра (приток Куюма). Санабай увеличил эту площадь новыми захватами по р. Баранголу и другим местам. Бардамаш Тадыкин захватил долину р. Чейлю (приток Куюма). Манджи захватил несколько долин, о чем сказано выше, но иногда допускал алтайцев косить на захваченных землях исполу.[7] Лучшие пастбища, солонцы, на Ябагане и его притоке Чакыре, в долине Кана, Чарыша, Песчаной и других рек были захвачены богачами.[8] В. П. Михайлову приходилось встречаться (в 1910 г.) с такими случаями, когда к нему обращались жители некоторых урочищ за разрешением переселиться в другие места только потому, что богачи отняли у них пастбища.[9] Не случайно поэтому Михайлов, в результате своей поездки на

[1] Как удалось выяснить, Кыстай был из рода Кыпчак.

[2] Бакай, происходящий из рода Мундус, правил 1-й дючиной, жил по р. Майме.

[3] Архивное дело Алтайского округа, № 3993. К 1825 г. к югу от Бийской казачьей линии возникло 21 русское селение из самовольно переселившихся колонистов, составивших целую Алтайскую волость.

[4] Отчет Алтайской духовной миссии за 1909 г., стр. 39.

[5] Отчет о поездке на Алтай начальника Алтайского округа В. П. Михайлова в 1910 г. Приложения, стр. 25.

[6] Там же, стр. 41.

[7] Факты захвата некоторых долин баями-скотоводами приведены и С. А. Токаревым (Докапиталистические пережитки в Ойротии, стр. 98).

[8] Об этом пишет в своем отчете и В. П. Михайлов (Приложения, стр. 30, 35 и др.).

[9] Там же, стр. 30.

Алтай в 1910 г., пришел к выводу, что баи «являются фактическими владельцами громадных латифундий, не неся собственно за то никаких расходов», что «теоретически принадлежащие всему алтайскому народу, например, отгонные пастбища фактически находятся в пользовании немногих инородцев».[1]

И действительно, лучшие, наиболее удобные и обширные пастбища, прежде всего зимние, в прямом или замаскированном виде находились в частном, наследственном пользовании феодалов — зайсанов и баев, благодаря чему последние могли держать огромные стада скота. При том низком уровне развития производства, который был характерен для алтайцев, широкие размеры скотоводства у зайсанов и баев зависели прежде всего от наличия бесплатных обширных пастбищ, как летних, так и особенно зимних. Обилие таких пастбищ позволяло зайсанам и баям доводить свои стада до таких размеров, когда скот исчислялся тысячами, а иногда и десятками тысяч голов. Вот почему, когда на Алтай нахлынула волна переселенцев из внутренних губерний России, а царское правительство в начале XX в. решило провести землеустройство среди алтайцев с целью ввести у них 18-десятинный душевой надел, первыми и наиболее активными защитниками древних прав выступили «сиятельные» зайсаны и крупные баи. Они выступили с различными прошениями, ходатайствами, жалобами и протестами. Они нанимали дорогостоящих адвокатов, тратя на это десятки тысяч рублей, посылали делегации к царю, действуя во всех случаях от имени всего алтайского народа, делая это только потому, что стремились в первую очередь обеспечить свои собственные интересы и сохранить в своем фактически бесплатном и наследственном пользовании обширные территории Алтая, пригодные для скотоводства. Маскируясь в тогу «защитников и радетелей» своего народа, зайсаны и баи пытались сохранить свое фактическое право собственности на захваченные земли, вещественным выражением которого являлись деревянные загороди, охранявшие их покосы и пастбища в первую очередь от своих же более бедных сородичей.

Итак, основные средства производства у южных алтайцев находились в собственности и распоряжении феодальной верхушки, использующей их для эксплоатации своих соплеменников и сородичей. Однако, наряду с феодальной собственностью на средства производства, существовала и личная собственность рядового кочевника или полукочевника на орудия производства, на примитивные орудия труда, на свое хозяйство, основанное на личном труде.

Рассмотрим теперь вопрос о форме собственности на основные средства производства у северных алтайцев.

До момента окончательного подчинения северных алтайцев царской России они платили дань джунгарским, или ойратским, феодалам, а часть их, как, например, шорцы, — кыргызским владельцам (в первой половине XVII в.), обитавшим на Енисее. Горно-таежная территория северного Алтая (включая и Кузнецкий Ала-Тау) также входила, номинально, в состав Джунгарии, следовательно считалась принадлежащей джунгарскому хану. Однако охотничье население жило под управлением своих паштыков или зайсанов — родовых начальников, зависимость которых от джунгарских феодалов выражалась в обязанности доставлять последним дань со своих родов (пушниной, железными изде-

[1] Там же, стр. 87, 115.

лиями, ячменем и т. п.). Джунгарские сборщики дани почти ежегодно приезжали на несколько дней за данью к северным алтайцам, затем уезжали, не вмешиваясь при этом во внутреннюю жизнь своих данников. Вследствие такого положения производственная и бытовая жизнь северных алтайцев протекала в рамках собственных правовых норм. По этим нормам собственность на охотничью территорию у северных алтайцев несомненно носила первобытно-общинный родовой характер. Вся тайга северного Алтая была поделена между отдельными родами, и никто из северных алтайцев не имел права промышлять зверя на территории чужого рода. Для того чтобы иметь право промысла в определенной тайге, достаточно было принадлежать к тому роду, собственностью которого являлась данная тайга, и носить имя этого рода. Общая собственность на охотничьи угодья в то же время составляла здесь естественную основу для общинного производства и присвоения.

С 1747 г. территория северного Алтая была объявлена собственностью русского царя. До этого воеводские канцелярии выдавали местным князькам владенные грамоты, признававшие за ними право полного распоряжения землями, но обязывали их исправно вносить ясак. В 1782 г. эти владенные грамоты и указы, как уже сказано, были различными путями отобраны от паштыков и зайсанов. Таким образом до Октябрьской революции все земли и леса Алтая составляли частную собственность русского императора, который получал с коренных жителей этих лесов, как и с жителей скотоводческих районов Алтая, вначале ясак пушниной, а позднее (в XX в.) денежную подать. Однако до 1910—1912 гг., до проведения так называемого «землеустройства» алтайцев, земли и леса северных алтайцев, по смыслу «Устава об инородцах», считались находящимися во владении паштыков (родовых старост) и зайсанов.

Кроме «Устава об инородцах», право собственности царя на леса Алтая, находящиеся в ведении Кабинета, было закреплено и в других законоположениях.[1] Юридически, с точки зрения царского законодательства, каждый алтаец мог промышлять зверя на любом участке обширной территории Алтая. Это право распространялось только на алтайцев. Русское население должно было брать на право промысла в лесах Алтая платный билет. Алтайские зайсаны добились для себя перед губернской администрацией исключительного права распоряжения охотничьими угодьями. С 1881 по 1896 г. билеты на право промысла русскому населению выдавали зайсаны, а в северном Алтае — паштыки. Доходы от выдачи билетов формально были должны поступать на общественные расходы дючины или волости. Из этих соображений кедровники Алтая, например, были разделены между дючинами и волостями. Паштыки и зайсаны взыскивали с промышленников не-алтайцев сборы за право промысла не только деньгами, но и натурой. Старики тубалары рассказывали мне о том, как все эти сборы паштыки и зайсаны фактически присваивали себе, так как контроля над ними никакого не было. Вместо билета зайсаны первоначально (в 80-х годах) на каждую артель промышленников выдавали палочку (*чырту-агаш*) с зарубками по числу артельщиков. Во время промысла палочка хранилась у старшего артельщика и в случае надобности предъявлялась как билет.

[1] Например, ст. ст. 1, 2 и 3 «Учреждения об управлении Колывано-Воскресенскими заводами», утвержденного 16 апреля 1828 г.; Лесной устав (изд. 1893 г.), ст. 479, гл. 4. О государственных лесах, приписанных к горным промыслам и заводам Алтайским и Нерчинским.

Позднее палочку эту заменил билет (*пелет*) — квадратный кусок бересты, на котором зайсан ставил свою железную или медную печать. Для этого печать предварительно коптилась в дыму, затем прикладывалась. Если зайсана не было дома, берестяные билеты выдавала его жена. Наконец берестяной билет был заменен отрывной квитанционной книжкой. Помощник зайсана Барабаш Тюдрешь вместо билета выдавал артели промышленников нитку с завязанными на ней узлами по количеству промышленников. Деньги Тюдрешь брал с каждого охотника, а нитка служила общей «квитанцией» для всей артели.

В то время, когда вместо билета служила чырту-агаш, промышленники платили зайсану «чем попало», именно: пушниной, мясом, сухарями и т. п.

Разделение некоторых промысловых лесов, особенно кедровников, между дючинами и волостями и фактическое и юридическое право зайсанов и паштыков распоряжаться ими все же не отменили окончательно существовавшего разделения охотничьих угодий среди алтайцев по родовому признаку. Наиболее ранние известия о родовом разделении промысловой территории у северных алтайцев относятся к XVIII в.

Еще в 1770-х годах Георги писал о северных алтайцах (шорцах): «Каждое колено (т. е. род, — *Л. П.*) живет особо и в собственных своих рубежах».[1] О родовом и племенном разделении охотничьей территории в конце XVIII в. определенно говорит путешественник Паллас.[2] Остатки общинной родовой собственности у северных алтайцев отмечены исследователями и в конце XIX в.

А. Адрианов, путешествовавший по северному Алтаю в 1880 г., отмечал: «Право каждого инородца промышлять орехи или зверя всегда строго ограничено известным местом; вся местность обитания черневых татар разделена на отдельные тайги... в каждой хозяйничает тот или иной род (сеок). Так, например, род Таяшей (жителей Чегорала по р. Окзасу) не имеет своей большой тайги, изобилующей зверем, и потому вынужден итти на промысел в тайгу, принадлежащую шелканам лебединским; за право охоты в чужой тайге таяши платят ежегодно от 50 к. до 1 руб. с каждого промышленника. В случае, если кто заберется в чужую тайгу без спроса, у того отбирается все промышленное и, кроме того, виновный наказывается судом общества».[3] В этом сообщении, правильно отметившем существование пережитков родовой собственности, преувеличено значение «хозяйничания рода» в тех или иных тайгах. На деле в это время в родовой охотничьей тайге хозяйничал паштык, зайсан или демичи, которые присваивали себе поборы за право промысла, выдавали билеты на промысел и т. д. Хотя в сознании рядовых членов рода охотничья территория выступала попрежнему как общая родовая территория, но право распоряжения ею было узурпировано паштыками, зайсанами и их помощниками. Кроме официальных источников, это подтверждают и многие старики. При этом узурпация общинного родового права произошла местами, видимо, еще до появления закона Сперанского.

---

[1] И. Георги. Описание обитающих в государстве Российском народов, ч. II, стр. 141.

[2] П. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, стр. 515.

[3] А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны, стр. 516; он же. Кузнецкий край. Живоп. Россия, т. XI, 1884, стр. 292.

Я говорю об этом потому, что располагаю рядом преданий, из которых следует, что распоряжался родовой охотничьей территорией не род в целом, а паштык или зайсан. Так, например, в предании о переселении рода Ялан, относящемся, видимо, ко второй половине XVIII в., определенно указывается, что родовой территорией у тубаларов распоряжался зайсан. Когда сеок Ялан жил в местности Тогул (Тогульский район Алтайского края), у него была своя родовая охотничья территория и родовая священная гора Пус-Тайка-Бургузу. Когда сеок переселился в Комдошскую волость, зайсан этой волости, по имени Сазу, принял их к себе в волость и дал им для основного промысла р. Лажы и указал почитаемую гору для жертвоприношений — именно гору Ужубе-Албаган (родовая гора комдошей), расположенную в верховьях р. Лажы. Для ближних промыслов зайсан Сазу (бывший третьим зайсаном после вступления тубаларов в подданство России) выделил сеоку Ялан две речки Кузе (Кан-Кузе и Коку-Кузе) близ Пуучака. Стало быть, у тубаларов уже в конце XVIII или начале XIX в. охотничьей территорией распоряжался зайсан. Кстати, отмечу, что в предании о шорском роде Таяс, записанном Н. Катановым в 90-х годах прошлого столетия, говорится, что три брата из этого рода, по имени Кок-Тесь, Маныс и Анийн, боясь нападения саянцев, пришли к начальнику бельтиров Эптису: «Придя к Эптису и подарив ему трех черных соболей, те три брата стали просить себе землю. Эптис поселил их в верховьях Монака».[1]

Память о родовом разделении охотничьей территории живо сохранилась до последних дней в черневой, таежной части Алтая. Шорцы, челканцы, кумандинцы, тубалары и алтайцы вплоть до Октябрьской революции вступали на этой почве в столкновения. Старики еще помнят, как тайга была поделена между сеоками, т. е. родами. Вторжение в чужую родовую территорию и охота на ней рассматривались как нарушение права родовой собственности. Челейцы (род в Шории) рассказывают, как они за подобное браконьерство били правонарушителя, отбирали добычу и выгоняли его из пределов своей территории. Челканцы прогоняли со своей родовой территории (в верховьях Малого Абакана) шорцев из сеоков Кый и Кобый. Обнаружив шорский охотничий стан на своей территории, челканцы вначале просили убраться с их территории, а затем, если это не помогало, прогоняли шорцев силой и добытую пушнину отбирали.

Русских промышленников не прогоняли из родовых угодий, если у них был билет на право промысла, выданный зайсаном, а позднее — царскими чиновниками.

У тубаларов конфликты, связанные с родовым пользованием охотничьими участками, разбирались зайсанским судом.

По сведениям, собранным И. Д. Старынкевич у шорцев, захватчиков чужой охотничьей территории судил родовой суд. Старший в роде был судьей. Интересно, что, поймав на своей территории чужеродца, шорцы не отнимали у него добычи и не били его, боясь рассердить «хозяина тайги», а устраивали над ним официальный суд. Тубалары жаловались мне даже в 1927 г. на кумандинцев, заходящих зимой на промысел до северо-восточных берегов Телецкого озера. У шорцев рода Калар мне пришлось в том же году быть свидетелем ссоры между двумя фамилиями,

---

[1] Образцы народной литературы тюркских племен, т. IX. Изд. В. В. Радлова. Перевод Н. Ф. Катанова, стр. 341.

одновременно изъявившими притязание на охотничий район, входящий в группу вершин горы Мустага.

Обычно охотничья территория того или иного рода располагалась по долинам таежных рек. Каждый род имел для промысла долину одной или нескольких речек, территорию которой он считал своей общей родовой собственностью. В ближних тайгах, изобилующих зверем, как, например, в большой черни у тубаларов (так называется тайга, расположенная в бассейне северной части Телецкого озера), одна долина реки принадлежала двум или нескольким сеокам, и каждый сеок или род промышлял зверя по определенным логам этой долины.

О распределении охотничьей территории по родам у тубаларов я имею следующие данные, полученные мною путем опроса стариков-охотников. Род Комдош промышлял зверя по долине р. Уймень (левый приток Бии); кроме того, он имел право промышлять в определенных логах по р. Кара-Кокше (правый приток Бии). Здесь же, но по другим логам охотился на зверя сеок Тогус; сеок Ярык промышлял по ручьям и речкам, впадающим в р. Уймень; здесь у него были свои родовые охотничьи логи — угодья (*ярык таштy*); сеок Юз охотился по своим логам, расположенным по р. Кара-Кокше; сеок Кузен промышлял в верховьях Бии по правому берегу и в районе Телецкого озера; его родовые тайги — Актыган, Солог, Яшпу, Чорбок; сеок Чапты — в окрестностях Чаптыгана (Чойский аймак); сеок Тонгул, или Ялан, промышлял на Лажи-Тайка (левый приток Уйменя) и по двум речкам Кузе (Кан-Кузе и Коку-Кузе); сеок Чагат ходил промышлять по одной из речек верховьев Абакана, где находилась их родовая охотничья тайга, откуда они гнали чужеродцев; р. Большая Чили, впадающая в Телецкое озеро, составляла охотничьи угодья рода Титас, а долина р. Чульчи представляла собой общую охотничью территорию телесов.[1] В годы отсутствия зверя в своих родовых тайгах охотники тубалары обычно обращались к родичам матери или жены и просили разрешения промышлять в их родовых охотничьих угодьях, мотивируя тем, что иначе им нечем будет уплатить ясак. Обычно разрешение они получали и тогда вступали в артели охотников, состоящих из родственников жены или матери, или принимали в свои артели родственников матери или жены.

Изложенное о тубаларах можно пополнить данными, опубликованными С. А. Токаревым: «Прежде, лет 50 тому назад, на промысел ходили родами: Чагат с Чагат, Тибер с Тибер. Так было и в Аргыбаше и в других местах... На промысле сказывалась вражда, друг у друга отнимали пушнину. Например, если 5 Чагатов встретятся в тайге с двумя Мундусами, то отнимали у них пушнину, или наоборот. Роды захватывали для себя угодья, других на них не пускали. Например, на Абакане были угодья Чагатов, они пускали туда только своих. (Запис. в уроч. Яйлю, Туроч. айм., берег Телецк. озера 1932 г.)».[2]

У челканцев сеока Чалканыг родовые промысловые угодья находились в верховьях р. Сайту, левого притока Байгола (Байгол — левый приток р. Лебеди, впадающий в Бию с правой стороны). Эти родовые тайги у них были известны под названиями Уе и Кечимир. Кроме того, Чалканыг располагали охотничьей территорией в верховьях Байгола по горе Уч-Сююри-Тайги: Туру, Поди, Кара-Тобе, Испырна, Аканчай, Тилаштар, Булан-Буры, Аскачак-Коол. У второго челканского рода —

---

[1] Ср.: С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии, стр. 35.
[2] Там же, стр. 36.

Шакшылыг — общей родовой тайгой для промысла соболей считались места по р. Каиру и тайга по р. Кепе, в верховьях Абакана. Но так как на эту территорию часто заходили промышлять соболя тувинцы, то челканцы из сеока Шакшылыг ходили в эту тайгу промышлять большими артелями, учитывая возможность столкновений с тувинцами, кончавшихся обычно дракой. Вообще же у этого сеока своей родовой тайги для промысла было мало, и охотникам Шакшылыг приходилось бродить по чужим тайгам и где попало, например в тайгах Минер и Порот, близ Телецкого озера. По этому поводу сеок Челканыг говорил про шакшылыгов:

Йер йок теекен — не имея земли, (бродят как) россомаха.
Тургун йок аккшик — не имея основного места, (бродят как) олень.

Общая промысловая территория верхних кумандинцев имела границу с шорцами по водоразделу Бии и Кондомы (хребет Когене). Верховья правых притоков Бии, выше р. Лебеди, были кумандинскими промысловыми угодьями.

Верхние кумандинцы промышляли раньше в верховьях рек Ийбеня (Ульмень) и Ушпы (правые притоки Бии), затем на горе Кызылгая (по-русски ее называют Синюха, она находится на левом берегу Бии, против с. Озеро-Куреева) и на горе Себире (верховьях речки Тебезе, по-русски — Кебезе, находящейся на территории нынешнего Старо-Бардинского района). Перечисленные места кумандинцы считали своими. Позднее, когда зверя в этих местах не стало, верхние кумандинцы уходили промышлять в окрестности Телецкого озера (Колдор, Самыш, Пыжа и т. п.), где нередко вступали в конфликты с тубаларами, которые считали эти места своими родовыми угодьями. То же самое происходило и в районах верховьев левых притоков Кондомы, где хозяевами тайги считали себя шорцы.

У шорцев, по словам стариков, каждый сеок раньше промышлял только в своей тайге. Общая родовая собственность на охотничьи угодья строго охранялась. Вторжение в чужую родовую территорию рассматривалось как нарушение права родовой собственности и подлежало преследованию.[1]

Все изложенное выше позволяет утверждать, что северные алтайцы еще сравнительно недавно знали общинную родовую форму собственности на охотничьи угодья и что процесс разложения ее происходил, видимо, в течение XIX в.

Все усиливающийся налоговой режим со стороны царского правительства на племена северного Алтая заставлял их усиливать промысел на пушного зверя, который год от года делался труднее. Последнее объясняется тем, что количество зверя под влиянием хищнического истребления быстро уменьшалось. Уменьшение зверя вызывалось и уничтожением тайги, и кулацкой колонизацией, вытеснявшей алтайцев вглубь тайги, в верховья рек, т. е. в места, где раньше промышляли зверя. В результате всего этого, в долгих и трудных поисках столь необходимого для существования пушного зверя трудящиеся-охотники все чаще и чаще стали нарушать границы родовой охотничьей территории, которые сделались теперь для них слишком узкими. В конце XIX в. для большинства родов родовая общинная собственность на охотничьи угодья превратилась в фикцию. Охотничьими угодьями распоря-

[1] Подробный материал по этому вопросу опубликован мною в работе «Очерки по истории Шории».

жались зайсаны и паштыки, которые нарушали общинное право в целях личной наживы.

В этом процессе разложения родовой собственности на охотничьи угодья все же возможно уловить некоторую закономерность. Материалы, имеющиеся в моем распоряжении, позволяют говорить, что в некоторых местах (например в южной Шории) родовая собственность на охотничью территорию заменялась собственностью больших семей. Так, у шорского рода Кый, состоящего из двух фамилий (*толь*) — Кузургашевых и Шалтрековых, родовая охотничья территория была поделена между этими толями, хотя люди обеих толей считались между собой братьями (*карындаш*) и браки между ними были запрещены. Шалтрековы промышляли на р. Тардаш, Кузургашевы — по рекам Ытыл и Кызасу. Шалтрековы не пускали на свою территорию Кузургашевых, а Кузургашевы гнали со своей территории Шалтрековых. То же самое в сеоке Четтибер: толь Тельгерековых промышляла по р. Назас (приток Усы, впадающий в Томь) и считала эту территорию принадлежавшей своей толи и не пускала на нее никого, даже из сеока Четтибер.

В других местах, как, например, в северной Шории, у верхних кумандинцев и тубаларов, родовая собственность на охотничью территорию стала заменяться территориально-общинной. Жители из одного места, независимо от принадлежности их к тому или иному роду, промышляли на общей территории. Эта форма территориально-общинной собственности была наиболее распространенной. Вместе с этим у тубаларов уже появилось и частное наследственное пользование охотничьими участками, находившимися вблизи от селений. Например, по р. Кара-Кокше теперешний лог Чулок принадлежал тубалару Чулок из сеока Юз, который раньше промышлял здесь деревянными самодельными ловушками. Этот лог до сих пор называется по имени прежнего владельца. Лог I Канаспай принадлежал тубалару Чильтеку из сеока Ялан и еще теперь носит его название — Чильтек-Канаспай. Лог II Канаспай принадлежал охотнику Колонку из рода Юз, и до сего времени этот лог называется — Колонок-Канаспай. В верховьях р. Пуучак имеется гора, которая носит название Тондубач, по имени ее прежнего владельца из рода Ярыксыгынчы, промышлявшего на этой горе. По р. Уймень жили преимущественно тубалары рода Комдош. Здесь также ближние к селению логи принадлежали отдельным семьям. Роды жили разбросанно, вперемежку, и поэтому близлежащие охотничьи места находились в наследственном пользовании отдельных семей, независимо от их родовой принадлежности, по признаку местожительства.

В отношении землепользования северных алтайцев, связанного с обработкой их маленьких пашен и покосов (там, где имело место оседлое разведение скота, также в ничтожных размерах), нужно сказать, что оно носило захватный характер. Однако захваченные земли уже передавались по наследству. В результате этого к концу прошлого столетия у шорцев, например, появилась резкая неравномерность в обеспечении землей богатых и бедных хозяйств при равномерности податного обложения, ибо лучшие и бóльшие участки пригодной земли сосредоточивались в руках местной зажиточной верхушки.[1]

Что касается собственности на орудия труда (охоты) у северных алтайцев, то приходится отметить, что собственность на такие охотничьи

---

[1] К. Н. Миротворцев. Отчет о южной части Кузнецкого имения. Труды Съезда земельно-лесных чинов Алтайского округа в 1910 г. Барнаул, 1911, стр. 17, 18.

сооружения, как ловчие ямы, загородки, солонцы и караулки, изготовлявшиеся совместными усилиями ряда охотников, была общей для всех тех лиц, кто непосредственно принимал участие в устройстве этих сооружений, и их ближайших родственников (отец, сын, родные братья и двоюродные братья по отцу, дядя и племянник по матери). В личной собственности находились луки, ружья и мелкие ловушки-самоловы, сеть на соболя и т. п., т. е. преимущественно орудия труда индивидуального пользования. Из последних наибольшее значение и ценность имело ружье, наличие которого являлось важным условием труда каждого охотника.

У меня нет точных и подробных данных, по которым можно было бы судить об обеспеченности охотников северного Алтая ружьями. Однако имеются сведения о том, что не каждый охотник имел собственное ружье и порой охотники брали для промысла ружья у баев, зайсанов и паштыков на кабальных условиях.

3. Кулы и айбычи. Беднота и эксплоатация ее

Классовая структура общества у южных алтайцев сложилась еще до включения их в состав России; характеризовалась она двумя классами: классом трудящихся скотоводов и классом феодалов — зайсанов и баев. Трудящиеся алтайцы делились на две группы.

В первую группу входили закрепощенные кулы и айбачи, не имевшие своего хозяйства, и обедневшие скотоводы, ведущие собственное скудное хозяйство. Вторую группу составляли относительно свободные, ведущие самостоятельное хозяйство скотоводы. Обе группы являлись эксплоатируемым классом алтайцев. Зайсаны и баи составляли эксплоататорский класс алтайцев, в основном феодальный.

Рассмотрим прежде всего первую из этих групп. Сведения о ней мне удалось получить во время ряда экспедиционных поездок в Горный Алтай в период 1931—1939 гг. В существующей научной литературе о кулах и айбычах ничего не известно.

Кул буквально значит раб. Но, как пояснили мне старики, «настоящий» кул — это раб-иноплеменник, взятый в плен при военном набеге. Таких настоящих кулов имели зайсаны и баи до перехода алтайцев в подданство России. В то время зайсаны добывали кулов путем набегов, а баи приобретали их от зайсанов или покупали малолетними у казахов и тувинцев, когда у последних был голод. Были случаи, когда женщину или девушку приобретали за несколько горстей ячменя. В русских официальных документах эти рабы (кулы) назывались холопями. После перехода в русское подданство военные набеги зайсанов постепенно прекратились, хотя отдельные зайсаны продолжали время от времени угонять скот у монголов и тувинцев. Однако кулов еще можно было приобретать, покупая их у казахов, где работорговля велась довольно оживленно у Ямышевского озера. С появлением в 1825 г. царского указа об отмене рабства приток рабов к зайсанам и баям прекратился и через покупку.

Однако потребность в рабочей силе в богатых скотоводческих хозяйствах не уменьшалась. Появилась новая категория кулов. Термин «кул» сохранился, но, по крайней мере со второй половины XIX в., в него стали вкладывать иное содержание. Старый термин «кул», означавший прежде раба-иноплеменника, стали применять к соплеменникам и сородичам. Теперь кулы зайсана или бая происходили чаще из сородичей его или

соплеменников. Эти кулы не являлись полной собственностью зайсана или бая, как настоящие рабы. Кула-алтайца уже нельзя было убить или продать; юридически кул мог уйти от зайсана и бая. Однако фактически зайсаны и баи распоряжались своими кулами, как крепостными. Они давали их, наряду со скотом и прочим имуществом, в приданое, в калым, так же как это делали в XVII в. монгольские феодалы в отношении своих албату.[1] Например, бай Манжи, женив и отделив сына Рыса, дал ему и кулов.[2] Бай Сапок Паинкин, живший в Каерлыке (Онгудайский аймак), при женитьбе на дочери бая Колия[3] дал последнему в числе калыма, куда входило 12 лошадей и проч., и своего кула Бекремея Бетпешева. Мне приходилось разговаривать и работать с бывшими кулами, ныне колхозниками, которые в свое время были отданы владельцами в калым и в приданое.[4] После смерти бая его кулы переходили к младшему сыну, который являлся наследником отцовского очага.

В кулах у баев были целые семьи. Дети кулов также являлись кулами бая. Например, у бая Сапока Паинкина был кул Байтин. Сын Байтина, Куртук, также являлся кулом Сапока; в свою очередь дочь Куртука, Микичи, тоже была кулкой этого бая. Сапок выдал ее замуж за другого своего кула Байбая Себикова. Кул не мог жениться без разрешения бая. Бай заботился о том, чтобы у кулов было потомство; он обычно сам выбирал для кула жену. Если же бай почему-либо выдавал замуж свою кулку за кула другого бая, то женившиеся кулы работали на обоих баев.

Кул алтайского зайсана и бая либо совершенно не имел собственного хозяйства, либо хозяйство его было весьма незначительно. Кул ютился вместе со своей семьей у бая и всю свою жизнь работал на него бесплатно, получая только объедки с байского стола и обноски байской одежды. Кул не мог уйти от бая по своему желанию. Зайсан или бай мог вернуть такого беглеца через зайсанский суд, мотивируя на суде свой иск тем, что он «поил, кормил и одевал кула», за что кул ему оставался должен столько-то. Так как кулу нечем платить, то суд заставлял его заплатить баю работой, а это новая кабала, и так без конца. Зато бай мог в любой момент прогнать кула и заставить его сделаться бродячим нищим *(тербезень)*, положение которого было в полном смысле бесправным. Тербезеня мог эксплоатировать каждый самостоятельный хозяин. Каждый мог распоряжаться им, издеваться над ним. Тербезеню жилось хуже, чем кулу, потому что за кула мог все-таки, хотя бы в своих интересах, заступиться его хозяин.

Главной обязанностью кулов являлись домашняя работа по хозяйству бая и присмотр за стадами. Женщины готовили еду, доили коров, выкуривали вино, убирали жилище и т. д. Мужчины заготовляли дрова, седлали коней, объезжали табуны пасущегося скота. И те и другие, как уже сказано, ничего не получали от бая за свой труд. Больше того, у хо-

---

[1] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 163. Ср. обыкновение киргизских феодалов-манапов давать в приданое и в калым своих закрепощенных сородичей.

[2] Из кулов, выделенных Манжи сыну, мне могли назвать только одного Анырова Кодя из сеока Кыпчак. (Записано в 1936 г. в Ело, Онгудайского аймака).

[3] Жил в теперешнем Усть-Канском аймаке.

[4] Помимо названного Бекремея Бетпешева [Усть-Канский аймак, колхоз «Завет Ильича» (*Ленинынг Якылтазы*)], могу указать также на Куртука Байтинова (колхоз «12 лет Октября» Онгудайского аймака).

лостых кулов не было даже своего жилья, и спали они в байской юрте на земле у дверей. Семейным кулам бай отводил отдельную юрту, но в эту же юрту приходили ночевать и другие работники бая.

Кроме эксплоатации труда кулов, зайсаны и баи постоянно преследовали кулов грубостью и жестоким обращением. Бывали случаи, что кулов били до увечья. Бай Сапок однажды так избил плеткой по голове своего кула Куртука Байтинова, что последний с того времени стал заговариваться: байские побои отразились на психике Куртука. Тот же Сапок, заметив, что его кул Карту Тижмеев, пасший овец, стоптал обувь,

Комбинация шестиугольной деревянной юрты с коническим **шалашом.**

распорядился оковать задники сапог Карту жестью. В результате Карту настолько стер ноги, что сделался на всю жизнь инвалидом.[1] Не лучше было обращение и с кулками, которых бай, кроме всего прочего, принуждал к половому сожительству.

Таково было положение кулов.[2] Спрашивается, каким же образом бай приобретал кулов? Я получил у стариков на этот вопрос следующий ответ. Кулами бая становились чаще всего либо дети-сироты сородичей бая, либо бедняки, опять же из сородичей или дальних родственников бая, которые настолько были опутаны долгами баю, что расплачивались собственной свободой. Бай с видом благодетеля предлагал такому бедняку переехать жить к себе и обращал его в кула.

Во время расспросов меня заинтересовало указание моих осведомителей на то обстоятельство, что зайсаны и баи закабаляли в кулы глав-

---

[1] Тов. Куртук Байтинов и тов. Карту Тижмеев в 1940 г. состояли членами колхоза «12 лет Октября» (Онгудайский аймак, урочище Ело).

[2] О жестоком обращении баев с бедняками писали и миссионеры: «Если тщеславен и спесив разбогатевший русский торгаш, то богатый калмык, особенно родовитый, совсем невозможен в своем обращении с бедными кочевниками. Бедняк буквально ползает перед богачем, чтобы вымолить у него лоскут на одежду и горсть-другую хлеба на пропитание семьи» (Отчет Алтайской духовной миссии за 1900 г., стр. 39).

ным образом сородичей. Я просил назвать мне по памяти кулов тех или иных зайсанов и указать родовую принадлежность кулов. Старики вспомнили многих кулов по именам, и надо сказать, что показания их подтвердились. Вот список кулов бывшего зайсана Манжи Кульджина из рода Когуль Майман:

1. Дибеков Киндиш	из сеока Когуль-Майман
2. Кудешев Монгул	
3. Кудешев Одунчи	
4. Потошев Шинжи	
5. Потошев Мор	
6. Потошев Чындый	
7. Дибеков Сырга	
8. Тадыков Кодя	из сеока Кыпчак
9. Тадыков Токна	
10. Тадыков Янчик	
11. Кабыдяков Ярдаш	из сеока Телес
12. Аргымаков Амыр	

Как видно, из указанных в списке 12 кулов к сеоку бая относятся семь и к сеоку его матери (Телес) — два. Более заметно выступает эта особенность во втором списке — кулов бая Сапока Паинкина (род Когуль-Майман).

1. Тижмеев Тебешке	из сеока Когуль-Майман
2. Саднашева Микичи	
3. Байтинов Куртук	из сеока Телес
4. Байтинов	
5. Себиков Байбай	
6. Кукуев Айлаш	
7. Пайтин Нөкөр	
8. Оков Кукак	
9. Аргымаков Кучкаш	

Кулы Сапока были исключительно из его рода и из рода его матери (Телес). Мне кажется, эта особенность разъясняется стремлением баев возрождать и поддерживать родовые пережитки, так как эти пережитки служили ширмой эксплоататорской деятельности баев. Под видом родственной помощи, под маской родственника-благодетеля зайсан или бай эксплоатировал своих сородичей, превращал их в своих крепостных.

В Улаганском районе закрепощенные алтайцы, подобные описанным кулам, назывались *айбычи*. Они жили у бая чаще всего на положении усыновленных. Зайсан или бай брал в айбычи крепких, здоровых, холостых работников. Он оказывал такому парню какую-нибудь незначительную услугу, а затем предлагал итти к нему жить. «Будешь, как сын, — говорил при этом зайсан или бай, — поживешь у меня, поработаешь, а там я тебе скота дам, жениться помогу, и заживешь, как следует». На деле же попавший на положение айбычи не мог уйти от владельца без его согласия. О степени закрепощения айбычи можно судить по следующему факту. Бай давал своих айбычи в приданое за своей дочерью на несколько лет. Такие айбычи жили у молодоженов. Когда последние обзаводились собственными айбычи, полученных в приданое возвращали отцу невесты. Айбычи выполняли преимущественно обязанности пастухов. Женщины айбычи доили коров, делали различные молочные продукты (чегень, кумыс, сыр), гнали араку (вино), шили посуду из кожи и т. п.

[1] Манжи имел свыше 40 кулов. Здесь перечислены только те мужчины, которых мои осведомители смогли припомнить.

У крупных скотоводов Чуйской степи, ныне Кош-Агачский аймак, айбычи участвовали в грабительских набегах через границу, угоняя чужой скот. Например, бай Сама (из сеока Тонгжоан), живший в Чаган-Узуне (Кош-Агачский аймак), славился своими набегами на монголов. То же самое делал бай Бабак. Баи комплектовали для этого специальные шайки (*тургун*), угоняли скот, сбывали его, а деньги делили. Львиная доля дохода шла баю. Айбычи входили в эти шайки в качестве байских джигитов.

В Улаганском районе много айбычей имели баи Акча и Кумдя. Первый жил в верховьях Башкауса, второй — по Чулышману. На Чуе в начале XX в. славился богатством зайсан Кудай-Берген, также имевший много айбычей.

В Онгудайском районе также были айбычи, но здесь этим термином определялись иные отношения. Здесь айбычи называли человека, который пользуется кредитом у бая (натурой или скотом) за отработки. Чтобы стать айбычи, нужно было пойти к баю и поработать ему бесплатно 5—10 дней. Работать нужно было усердно, чтобы понравиться баю. Затем можно было просить у бая денег или скот под отработку. Из айбычи нетрудно было превратиться в кула. Бай при желании делал это довольно легко. Из айбычи у баев скотоводческих районов Алтая комплектовались, как и у зайсанов, *кодечи* (конюшие) в числе четырехпяти человек. Они всюду сопровождали бая, составляли его личную охрану, следили за сбруей, седлали и расседлывали лошадей, помогали баю садиться на лошадь или слезать с нее, одевали бая.

Кодечи были личными слугами и спутниками бая. Баи также нанимали кодечи на службу и из числа независимых хозяев-скотоводов, главным образом за подарки. Семьи кодечи жили самостоятельно и вели мелкое индивидуальное хозяйство. Баи и зайсаны старались набирать кодечи из *чечен кижи* (остроумных людей), умеющих хорошо рассказывать сказку, сложить экспромтом песню. Баи хвалились друг перед другом таким кодечи. Мне рассказывали в Онгудайском аймаке про одного кодечи (зайсана Манжи Кульджина) Очогора, который отличался красноречием и обладал всеми качествами чечен кижи.

Таким образом зайсаны и баи южных алтайцев, захватившие лучшие пастбища и сосредоточившие у себя в руках бóльшую часть скота, обращали в крепостное состояние разорившихся скотоводов — сородичей и соплеменников — под видом оказания «родственной помощи», усыновления, призрения сирот и т. д. В основе этого закрепощения была кабала, прикрываемая родовыми отношениями. Разорившийся алтаец шел к зайсану и баю в кабалу и делался его кулом и айбычи точно так же, как обедневший казах-скотовод, обращавшийся за помощью к богатому феодалу-султану, становился его тюленгутом, иногда даже навсегда, со своим потомством, из-за одного пропитания,[1] совершенно так же, как в XI в. шли в кабалу «смерды» и «записывались» за помещиками. Кабала же эта была легко осуществима, ибо алтайские зайсаны и баи сосредоточивали в своих руках большинство пастбищ и скота. Эпизоотии, бескормица, джут или какая-либо иная причина, разорявшая скотоводческое хозяйство кочевника или полукочевника, выбрасывали большое

---

[1] Ф. Зобнин. К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в Киргизской степи. Памятная книжка Семипалатинской области 1912 г., вып. VI. — При этой ссылке я имею в виду только тех тюленгутов, которые находились в экономической зависимости, задолженности у султана и поэтому уже не обладали правом свободного ухода от султана.

количество мелких скотоводов в ряды бедноты, вынужденной обращаться за помощью к богатому сородичу или соплеменнику.

Однако надо сказать, что одни только кулы и айбычи не могли обеспечить рабочей силой зайсанские и байские хозяйства, владевшие тысячами и даже десятками тысяч голов скота. Во-первых, полностью разорившихся алтайцев, лишенных крова и совершенно бесскотных, было не так уж много. Они составляли, по данным 1897 г., 2.6% хозяйств, тогда как зайсанско-байская верхушка, по тем же данным, составляла 2% всех хозяйств. Таким образом в среднем на каждое богатое хозяйство приходилось немногим более одной семьи, совершенно лишенной скота. Понятно, что такое количество работников ни в какой мере не могло обеспечить потребности в рабочей силе богатого скотоводческого хозяйства, насчитывающего тысячи голов скота. Следовательно, привлечение рабочей силы в зайсанские и байские хозяйства было экономической необходимостью.

Поэтому в скотоводческом районе Алтая сложилась иная форма эксплоатации зайсанами и баями чужого труда. Недостаточно обеспеченных алтайцев было довольно много, и они-то и являлись источником снабжения рабочей силой хозяйств богатых владельцев. По данным 1897 г., они составляли 18.1% алтайских хозяйств. В большинстве случаев такие хозяйства обращались за помощью к богачам. Это приводило к тому, что кочевник или полукочевник постепенно попадал в зависимость от крупного скотовладельца, превращаясь в его постоянного пастуха.

Я имею в виду раздачу скота богатыми владельцами беднякам в доение, под съезд (лошадей), для настрига шерсти (овец) за отработки. Такое наделение скотом маломощных скотоводов, кочевников и полуоседлых, было развито весьма широко и представляло собой феодальную форму эксплоатации, замаскированную под родовую взаимопомощь. Возникновение и существование этой формы эксплоатации разъясняется из характера и особенностей той ступени производства, на которой ведущей отраслью хозяйства является натуральное пастбищное кочевое или полуоседлое скотоводство.

На этой ступени производства заготовка корма на зиму отсутствовала или была весьма слабо развита. Даже ручная косьба при помощи обыкновенной косы была редким явлением. Хозяйство носило натуральный характер, не было ни кустарных, ни тем более промышленных предприятий и заводов для переработки молока (на масло, сыр), выделки кожи и т. п. В этих условиях богатые скотовладельцы, естественно, не могли рационально использовать и малой части тех возможностей, которые имелись в их хозяйстве. Обладая, например, стадом в несколько сотен или тысяч дойных коров или кобылиц, богач не мог использовать все молоко, которое давало ежедневно его большое стадо, ибо сохранить и переработать домашним способом такое количество молока, когда сливки получали простым отстаиванием в чугунных котлах, а молоко хранили в кожаных мешках или деревянных кадках, где оно быстро скисало, было невозможно. В то же время только для того, чтобы доить по нескольку раз в день такое количество коров и кобылиц, требовалось содержать большой штат пастухов, которых нужно было либо кормить, либо платить им за труд.

Вот почему богачи-скотоводы стремились обеспечить себя прежде всего пастухами, доярками и иной рабочей силой путем наделения скотом малоскотных или совершенно бесскотных хозяев на кабальных усло-

виях. У алтайцев я открыл эту форму эксплоатации под общим названием *полыш* еще в 1927 г. и более подробно описал ее в 1932 г.[1]

Слово *полыш* значит «помощь». В далеком прошлом, при родовом строе, отношения полыш, видимо, вполне отвечали названию и были отношениями родовой взаимопомощи. Позднее от них сохранилось только одно название, так как содержание этих отношений ничего общего с настоящей помощью уже не имело.

В XIX и начале XX в. отношения полыш состояли в том, что богач, имеющий много скота, раздавал его нуждающимся на следующих условиях: дойных коров бай раздавал бедноте «бесплатно», обязывая только прокормить взятый скот, сохранить его и возвратить с приплодом. Получивший полыш, кроме перечисленного, обязан был помогать «благодетелю» в работах по хозяйству. Берущий корову в полыш пользовался молоком, но, — нужно заметить, — очень непродолжительное время, так как алтайские коровы доились раньше только в пастбищный период, т. е. в течение всего около 5 месяцев. Следовательно, за право пользоваться молоком в течение 4—5 месяцев алтаец-бедняк обязывался не только пасти корову летом, но и кормить ее весь год и сверх того помогать «благодетелю» в работах по хозяйству (косить сено, заготовлять дрова, смотреть за табунами и т. д.).[2] Бай Кондош раздавал в полыш скот весной, когда его было особенно трудно кормить. Баи черневого таежного района отдавали коров в доение (*саар*) только на летний период. Например, бай Кодечи и Кыймат, жившие в Кара-торбоке (верховья р. Иши), сдавали корову в доение на лето за косьбу и уборку десятины покоса.

Алтаец Челекей Апоятов, живший в Усть-Канском аймаке, получил от бая Коли, из урочища Кырлык, в полыш черную хромую корову на следующих условиях: за право доить корову Челекей обязался поставить баю 70 копен сена и должен был кормить корову с теленком в течение года. Корова давала молоко всего 5 месяцев в году. Если учесть, что алтайская корова доилась раньше только с подпуском теленка, забирающего значительную часть молока, то нетрудно представить себе, как тяжело и дорого доставалось бедняку молоко байской коровы.

Бай Кыйтык, живший в Усть-Канском аймаке, раздавал в полыш до 600 коров ежегодно. Старики алтайцы рассказывали мне, что в старину баи давали в полыш скот только за прокорм и за обязательство вырастить приплод, который возвращался баю взрослым. Сверх того работать в хозяйстве бая не заставляли. Но если приплод погибал, бай обязывал взявшего полыш уплатить стоимость погибшей скотины пушниной или заставлял работать на себя, например обработать поле для посева или заготовить определенное количество толгоков сена.

Кроме коров, зайсаны и баи давали в полыш и лошадей. Это носило название *тер* (буквально — «пот»), а отработка за лошадь — *атын тери* (буквально — «пот лошади»). Лошадь давали приблизительно на тех же условиях, что и корову. За пользование лошадью в течение года беру-

---

[1] Л. П. Потапов. Исторический путь Ойротии. Сов. этнография, № 5—6, 1932. — Материалы о раздаче скота на выпас у алтайцев были собраны также С. А. Токаревым в 1930 и 1932 гг.; они опубликованы им в книге «Докапиталистические пережитки в Ойротии».

[2] Ср. «Бедняки-алтайцы, как пастухи, за свой труд получают право ездить на хозяйском коне и доить 5—6 штук коров, причем приплод поступает в пользу хозяина, а за молоко он должен еще поставить условленное количество сена и прокормить задаром скот» (Несколько страниц из внутренней жизни Алтайской духовной миссии за 1899 г. Томск. епарх. ведомости, № 7, 1900, стр. 9).

щий обязывался кормить ее и следить за ее состоянием, не доводя до истощения, оберегать от чрезмерно тяжелых работ. В случае гибели или порчи лошади он нес за нее материальную ответственность. Берущий, кроме того, должен был отработать за лошадь владельцу по соглашению с ним. Зайсан Мыжлак, например, давал атын тери за отработки по заготовке сена и дров. При этом он давал обычно кобылиц, возвращать которых нужно было с приплодом.

С развитием денежных отношений на Алтае, в начале XX в., лошадей стали давать в тер за деньги, по 5—6 руб. в год. Разумеется, при этом кормить лошадь был обязан берущий ее. Более обычной уплатой за тер было обязательство поставить владельцу лошади определенное количество сена, т. е. уплатить работой, так как сено косили обычно на зайсанских и байских покосах.

Овец брали у баев в полыш середняцкие и бедняцкие семьи, нуждавшиеся в шерсти; за это они выполняли для зайсана или бая разнообразные работы по хозяйству, часто работая всей семьей.

Зайсан Семен Юлуков давал своим сородичам овец. Взявший овец мог пользоваться частично шерстью овец и заколоть для еды одну; однако за это он пас круглый год зайсанских овец, стриг с них шерсть и катал войлок (кошму), из которого только одна треть, а в лучшем случае половина, оставалась у него, а остальное шло зайсану.[1]

Наибольшая жестокость со стороны феодалов при полыш проявлялась в раздаче овец на выпас только за пользование *кизяком* (пометом), употреблявшимся для топлива. Распространенность этой формы С. А. Токарев отмечает в Кош-Агачском горно-степном районе.[2]

Таковы были отношения полыш у алтайцев.

Полыш для малообеспеченного алтайца был кабалой, ибо, давая ему возможность кое-как сводить концы с концами, полыш закреплял его за зайсаном или баем. Боясь совершенно потерять свое хозяйство, мелкий производитель видел в полыше мнимое спасение, надежду поправить свое разрушающееся хозяйство и не замечал, что этим он затягивал на своей шее петлю, любезно накинутую ему «благодетелем». Бай и зайсан, закабаляя бедняка под видом помощи, создавали себе и укрепляли за собой авторитет «благодетеля». Действительно, среди алтайцев такие богачи слыли как *полушту байлар* (помогающие баи), в противоположность *каран бай* (скупому баю), не пользующемуся отношениями полыш. Правда, иногда баи оказывали бедноте настоящую материальную помощь, но это случалось в крайне редких случаях и притом имело определенный смысл. Таким путем бай, во-первых, укреплял за собою необходимый ему авторитет «благодетеля», а во-вторых, это делалось тогда, когда производителю грозило окончательное разорение, что в условиях натурального хозяйства не входило в интересы зайсанско-байской верхушки. Условия натурального хозяйства не позволяли целиком поглощать высвобождающихся в процессе разорения производителей. Поэтому баю было выгоднее в ряде случаев поддержать самостоятельное существование производителя. Таким путем бай освобождал себя от обязанности кормить и одевать работника и платить ему за работу хотя бы мизерную плату и в то же время обеспечивал себе регулярное бесплатное присвоение чужого труда и продукта.[3]

---

[1] С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии, стр. 68.

[2] Там же, стр. 93, 94.

[3] Наделение скотом бедноты было широко известно у других скотоводческих народов. Об этом см. мои работы: «Общественные отношения у алтайцев. К вопросу

В наделении богатыми владельцами бедноты скотом ясно выступает феодальная форма эксплоатации малоимущих крестьян-скотоводов. Это несомненно отработочная рента, своеобразная барщина, замаскированная патриархально-родовыми формами помощи. Как помещик наделял своих крестьян землей, чтобы они работали на него, обрабатывая ему землю и доставляя ему доход с нее, так и феодал, кочевник или полукочевник, зайсан или бай, наделял своих обедневших сородичей или соплеменников скотом, чтобы они пасли его, получали от него продукцию (приплод, шерсть, молоко), половину которой или даже бóльшую часть отдавали бы владельцу. Кроме того, они обязаны были выполнять и другие работы по хозяйству зайсана или бая.

Стало быть, такая помощь означала для обедневшего скотовода кабалу, закрепощение его феодалом, зайсаном или баем и прикрепление к собственному мелкому хозяйству. Своеобразие этих феодальных отношений состояло в том, что они были окрашены под цвет родственной, родовой взаимопомощи, затемнявшей их подлинную, эксплоататорскую природу.

Описанной выше формой отработки у алтайцев не исчерпывались. Кроме полыш, довольно распространенными были отношения *тен-улеш* (буквально — «равная доля»), отношения своеобразной испольщины. В эти отношения были втянуты не только бедные слои крестьян кочевников или полукочевников, но и алтайцы-скотоводы, частично обеспеченные скотом. Бедняки на условиях тен-улеш брались пасти скот зайсана или бая. При этом богатый владелец скота отдавал скот на выпас из половины приплода, сохранить и вырастить который в течение определенного срока должен был взявший пасти скот на условиях тен-улеш.[1] Практически же зайсан или бай никогда не выполнял условий тен-улеш и при расчете брал себе всегда бóльшую часть приплода, штрафуя пастуха за каждого пропавшего теленка, ягненка или жеребенка. Не в байских интересах было допускать рост материального благосостояния пастуха: тогда труднее было бы его эксплоатировать. Недаром известный бай и зайсан Аргымай Кульджин имел специальный штат воров, в задачу которых входил увод и убой скота у алтайцев, экономически недостаточно зависимых от Аргымая. По указанию Аргымая, его специальные слуги ослабляли хозяйственную мощь того или иного хозяина путем разбоя, благодаря чему Аргымаю легче удавалось закабалить намеченную жертву.

На условиях тен-улеш скотоводы среднего достатка брались у зайсанов и баев выкашивать покосы, получали косы-литовки, которые при отсталой технике скотоводства у алтайцев являлись также средством эксплоатации.

На этих же условиях малоимущие алтайцы брали у зайсана и бая снаряжение для собирания кедрового ореха, промысла зверя. Беря лошадь, съестные и огнестрельные припасы, а иногда и ружье, охотник был обязан отдавать владельцу половину добытой пушнины бесплатно — за «помощь». Вторую половину он отдавал за деньги или, чаще, за раз-

---

о патриархально-феодальных отношениях у кочевников-алтайцев» (Историк-марксист, № 11, 1940) и «Ранние формы феодальных отношений у кочевников» (Зап. Хакасск. научно-исслед. инст. языка, литературы и истории, вып. I. Абакан, 1948).

[1] Эта отработка за половину приплода скота, полученного на выпас от богатого владельца, особенно широко была распространена у каракалпаков под названием *пайда-чирик*.

личный товар по выгодной для владельца цене. В том случае, когда добыча охотника была незначительна и не удовлетворяла зайсана или бая, неудачник должен был платить владельцу *адым толошь* (доплату в форме различных отработок).

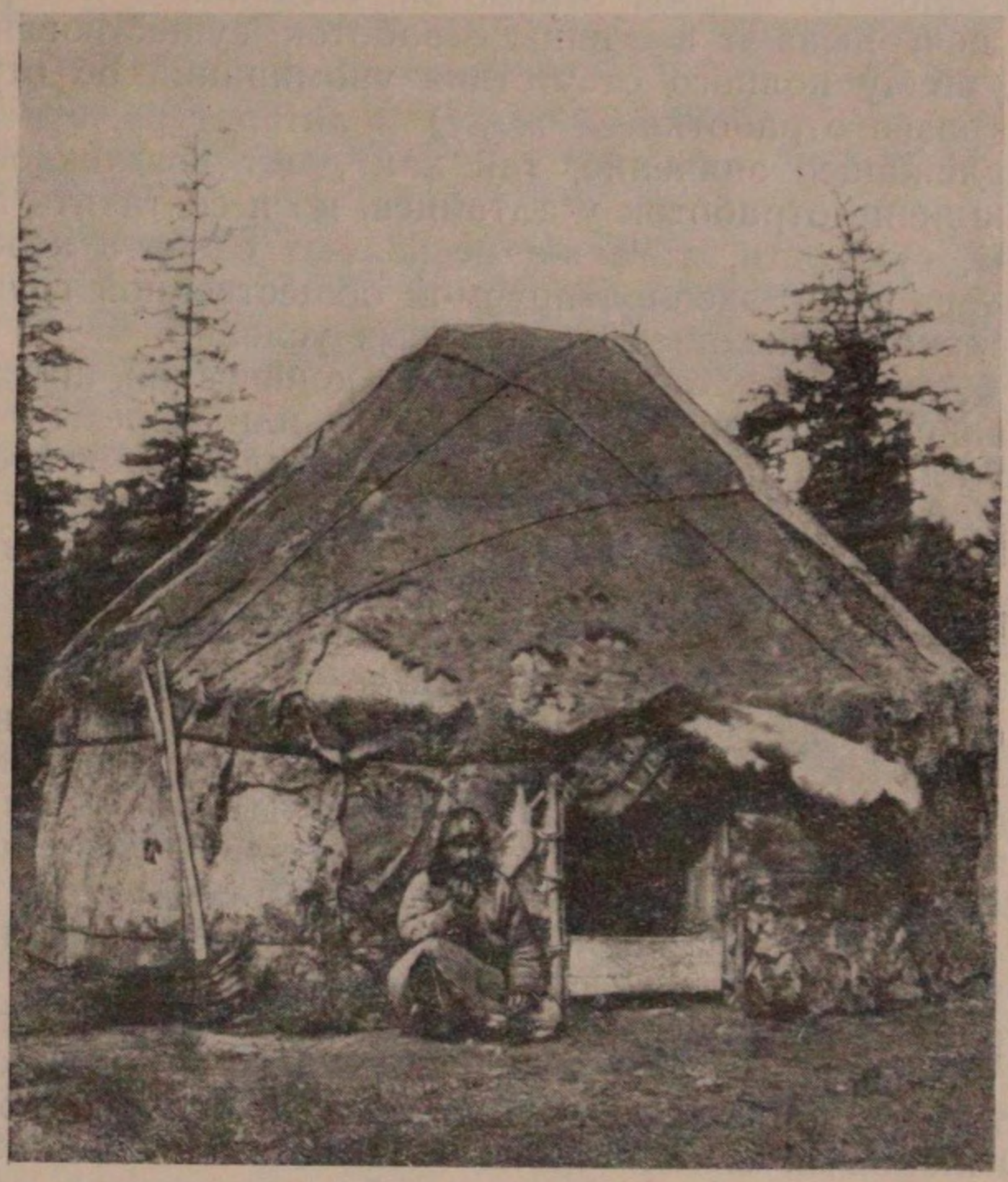
Наряду с тен-улеш, название которого допускает предположение о происхождении этого обычая из недр первобытно-общинной эпохи, из уравнительного распределения продукта, а затем приспособленного зайсанами и баями к условиям классового общества, существовала иная форма испольщины, смысл которой был понятен трудящимся алтайцам. Эта форма носила название *ортокто* и применялась при сдаче в аренду покоса или пахотной земли. Пример может яснее подчеркнуть эксплоататорскую сущность ортокто.

Пастухи.

У бая Токпеша, жившего на устье р. Эдиган, экономически маломощные алтайцы обрабатывали пашню на условиях ортокто своим инвентарем за долю урожая. Токпеш прибегал к следующей уловке. Он выставлял свою тягловую силу в том же количестве, какое было у работника. Если алтаец приходил пахать к Токпешу с двумя лошадьми, то и Токпеш давал для пахоты своих двух лошадей. Урожай Токпеш делил по количеству голов скота, обрабатывавшего пашню, и, помимо того, что обделял алтайца зерном, еще забирал себе солому и мякину. Здесь мы видим, как ортокто превратилось в замаскированную кабальную испольщину. На условиях ортокто алтайцы брали у богачей конные грабли, лошадей для возки копен.

Кроме этого, алтайцы отрабатывали за денежную ссуду для уплаты *калана* (подать), взятую у бая, зайсана или демичи, из «уважения» к богатству и знатности бая или зайсана, за угощение или приглашение к баю на пир и т. д. Например, существовала отработка *айбы-кун* (день помощи, день принуждения). Зайсан или бай, оказывающий населению

различные мелкие услуги, получал «благодарность» за них в виде помощи в работе по хозяйству, чаще всего по покосу. В один из дней он оповещал население, что у него состоится айбы-кун, и все, чем-либо обязанные, ёхали к нему на покос, захватывая, у кого имелись, свои косы, и везли вино, выкуренное из молока. Ехали и те, которые собирались попросить о чем-либо зайсана или бая, ехали и ничем не обязанные ему алтайцы из «приличия», из боязни получить отказ, если придется за чем-либо обратиться к нему, ехали из уважения к богатству и боязни



Жилище бедняка.

силы зайсана или бая. Хозяин давал распоряжение заколоть несколько голов скота, выкурить вина и угощал собравшихся. Последние в течение одного дня выкашивали ему покос или сгребали и укладывали в стога сено.

Случалось, что шли к баю работать на условиях *одӱш-кӱн* (заимообразно). Отношения одуш-кун были кое-где распространены и среди бедняков и середняков. Маломощный хозяин шел к такому же маломощному соседу и просил помочь покосить ему покос на условиях одуш-кун, т. е. с оплатой долга работой же. Это была система соседской взаимопомощи. Но когда на условиях одуш-кун алтаец шел работать к баю, то последний, разумеется, никогда не отдавал долга работой же, а вместо этого давал «подарок», например шкуру овцы, связку *сырчика* (сушеный сыр) и т. д., словом платил какой-нибудь натурой.

Насколько широко применялись отработки у алтайцев, видно из примера повседневной жизни. Случалось, что малосостоятельный жених, вместо уплаты калыма за невесту, отрабатывал тестю за жену от года до десяти лет, предварительно украв невесту.[1] Эта своеобразная форма отработки носила название *сельбик-иш* (прибавочная работа, добавочная работа). У тубаларов эту форму отработки мне называли *кюе-иш* (работа зятя). Если жених не крал невесты, то он приходил в дом будущего тестя и говорил ему: *«Иолго иогозы патпа оскус»* (ничего нет, сирота), и договаривался о сроке отработки за жену.

Вот в основном те формы отработок, сведения о которых я собрал. Они едва ли исчерпывают все виды отработок, существовавшие у алтайцев. Однако, ввиду полного отсутствия упоминаний об отработках (за исключением разве отработки за жену) в литературе, эти сведения приобретают надлежащее значение, так как дают возможность не только утверждать наличие отработок у алтайцев, но и составить представление об их формах, сущности, а также позволяют сделать необходимые выводы. Характеристику эксплоатируемой общественной группы алтайцев я закончу кратким описанием ее бытовых условий.

Жилище бедняка представляло собой конический шалаш из жердей (*аланчык*), покрытый корой лиственницы или березы. По середине жилья разводился огонь, около которого ютились обитатели аланчыка. У теленгитов такой шалаш покрывался шкурами зверей или дырявой кошмой; он назывался *сельты*. Бедняки тубалары строили себе балаган из жердей и досок, поставленных стоймя, укрывали его кое-как корой и зимой грелись у костра.

Как ни первобытно, как ни просто было устройство бедняцкого алтайского жилища, все же, по данным обследования экспедиции Швецова 1897 г., оказывается, что 5.1% алтайских хозяйств не имели и такого жилища; бедняки вынуждены были скитаться по байским юртам, живя в услужении. Нечего и говорить, что сооружение более сложного жилья, как *агаш-айыл* (деревянной шести-восьмиугольной юрты, срубленной из бревен) или хорошо утепленной кошемной *кереге* или избы русского типа, было недоступно для бедняцкой части алтайцев.

По описанию миссионеров, жилище бедняка представляет собою место, где «развешанное мясо издохшего коня или убитого зверя бывает в полном соответствии с посудой, которую никогда не моют, и с кожаными продымленными мешками, где помещаются на 6—8 кв. аршинах и люди и животные (телята, ягнята, собаки и кошки), где при 30—40° мороза нет ни печки, ни камина и дым от разложенного посредине огня (особенно при ветре) выедает глаза, где мороз и жар, сходясь вместе, производят на голову самое вредное влияние».[2] Горный инженер Ковригин, посетивший в 1856 г. юрты алтайцев-бедняков на р. Абае, кратко, но достаточно ясно рисует бытовое положение их: «Юрты состоят из жердей, обложенных снаружи берестою и древесной корой. Утвари почти нет. Одежды их состоят из очень грязных и изношенных меховых халатов».[3]

---

[1] Гр. Спасский также отмечает относительно телеутов, что браки через похищение практикуются чаще у бедняков (Телеуты и белые калмыки. Сиб. вестник, ч. XV, 1821).

[2] Из писем миссионера С. Ландышева, М., 1847.

[3] Г. Н. Потанин и П. П. Семенов-Тян-Шанский. Дополнения к т. IV «Землеведения Азии» К. Риттера, стр. 297.

Можно ли удивляться большому проценту детской смертности у алтайцев в прошлом, широкому распространению глазных болезней и проч. при таких условиях!

Не лучше дело обстояло и с питанием у бедняцкой части алтайцев. Классовое неравенство породило большие отличия в питании бедноты и богачей, которые никак нельзя упускать из виду, как это делали буржуазные исследователи, описывающие пищу алтайцев «вообще». Впрочем, некоторые авторы, из научной добросовестности, не могли обойти молчанием различия в питании бедняцких и байских слоев, зато постарались сгладить это различие и сказать о нем поделикатнее, а по возможности даже оправдать его. Например, Радлов пишет: «Богатые и бедные имеют совершенно ту же самую пищу, разница заключается только в величине котлов и количестве пищи... Бедный ест то, что имеет, и обычно это очень мало; он умер бы с голоду, если б богатый не имел такого избытка пищи, что летом он охотно оказывает свое полное гостеприимство каждому, находящемуся в юрте».[1] Радлов умалчивает, что гостеприимство бая основывалось на принципе подкармливания бедноты в целях ее эксплоатации. Радлову хочется подчеркнуть только, что пища богача не отличается от пищи бедняка: оба едят одни и те же продукты питания, одни и те же блюда, разница только «в величине котлов и количестве пищи». Но если бы попросить Радлова договорить до конца об этой разнице, он должен был бы признать, например, то, что бай ежедневно ел мясо и хлеб, пил вдоволь кумыс и чегень, а бедняк совершенно не видел хлеба, пробовал мясо несколько раз в год, главным образом по праздникам, и то обгладывая кости после баев, как пишет сам же Радлов.[2]

Миссионер С. Ландышев сообщает: «Бедные питались травяными кореньями кандыка и сараны, листьями дикого ревеня, наваром перегодовавших под снегом листьев травы бадана, вместо чая с молоком или с солью, много раз перевариваемыми костями животных, употребляемых в пищу богатыми, и лакомились иногда полусгнившим мясом издохшего скота или убитых ими нечистых и отвратительных зверьков всякого рода».[3] Горный инженер Ковригин указывает: «Пища их состоит из собираемых ими кореньев, кирпичного чая и ячменя, который они сеют сами».[4] В. Вербицкий пишет: «Люди бедные в летнее время питаются одними только кореньями и травами: кандыком, сараною, корнем Paeonia anomala, борщевиком Heracleum, травою кежуне (вроде дягиля) и колбою Allium ursinum».[5]

Хлеб и мясо были для бедноты наименее доступными продуктами питания. Хлеб был недоступен вследствие дороговизны и слабого развития земледелия на Алтае, мясо — ввиду отсутствия достаточного количества скота. Бедняк иногда добывал мясо диких зверей, если он имел возможность охотиться, или довольствовался объедками байского стола. Когда бай колол скотину, то его соседи-бедняки могли пользоваться кровью убитого животного. «Кроме того, — пишет Радлов, — бедняки пытаются раздобыть те части внутренностей, которыми брезгуют богачи.

---

[1] W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, S. 298.
[2] Там же, стр. 303.
[3] Из писем миссионера С. Ландышева.
[4] Г. Н. Потанин и П. П. Семенов-Тян-Шанский. Дополнения к т. IV «Землеведения Азии» К. Риттера, стр. 297.
[5] В. Вербицкий. Алтайские инородцы, стр. 16.

Но из-за этой добычи им приходится бороться с собаками, которые сбегаются со всех сторон... к месту убоя».[1]

В скотоводческих районах, помимо корней диких съедобных растений, запасаемых впрок, беднота питалась также талканом из ячменя и сырчиком (*курут*), приготовляемым из сквашенного молока. Посевы ячменя были настолько незначительны, что собранный урожай не обеспечивал питания семьи бедного человека и на полгода. Сырчик делали летом, когда доили взятых в полыш байских коров, и копили запасы на зиму. Для этого сливали молоко в кожаный мешок (*аркыт*) или деревянную высокую кадку (*чапчак*) и заквашивали его бараньим желудком или лошадиной копчиковой костью. Скисшее молоко (*чегень*) наливали в чугунный чашеобразный котел и выкуривали из него вино (*аракы*). После этого сливали содержимое котла в мешок, отжимали сыворотку и из творога делали сыр (*курут*), который коптили в дыму или сушили на солнце. Сыворотку также употребляли в пищу. От одной коровы в период удоя получали около 50 сырчиков. Это могло прокормить семью в три-четыре человека в течение одного месяца, не более. Стало быть, получение от бая одной-двух коров не могло в полной мере обеспечить питание маломощного алтайца. Поэтому бедняку не приходилось быть брезгливым и он употреблял в пищу все, что попадет, не брезгуя мясом даже таких животных, как хорек и колонок.

Положение эксплоатируемого класса у алтайцев характеризовалось бесправностью и личной зависимостью бедняка не только от зайсана, к которому он был приписан, но и от бая, от торговца, от любого мелкого чиновника. Не только чиновник, но и торговец и миссионер могли наказать бедняка, заставить уплатить штраф, зайсан же официально мог бить его розгами. Бай мог также судить и наказывать. Рядовой алтаец, особенно бедняк, не мог изложить просьбу зайсану иначе, как с обнаженной головой и преклонив левое колено, не мог обогнать на лошади зайсана или богатого человека. На суде, на выборах зайсана, на свадебном пиршестве алтаец-бедняк находился в задних рядах, стоя (чтобы виднее было). Бай не находил нужным обращаться к бедняку по имени, а говорил: «Ей кем» (смысл: «Эй, как тебя»). На различных праздниках, описывавшихся некоторыми учеными как родовые праздники, но устраивавшихся обычно зайсанско-байской верхушкой, общественное положение бедняка вырисовывалось особенно четко. Естественно было бы ожидать, если это родовые празднества, что все члены данного рода равны и одинаково имеют право на соответствующий прием и угощение. На деле же было далеко не так. Радлов, описывая один из таких праздников, должен был отметить особое положение бедных гостей (armen Gäste), для которых пищу варили в особых котлах (из головы, части внутренностей и ног убитой скотины; мясо шло в пищу знатным гостям). «Гости входят в юрту и располагаются строго по рангу и по почету, бедные, голяки сидят на корточках около дверей юрты! Когда все гости накормлены, бросают куски мяса к двери; ждущие там голодные бедняки жадно ловят их, но должны зачастую отбивать их у проникающих между ними собак... Когда знатные съели лучшее мясо, бросают кости бедным, которые ножом и зубами удаляют все съедобное, соскабливая со всех сторон и разбивая кости; только когда ничего съедобного больше не остается, бросают собакам, которые у самой юрты заняты раздроблением костей».[2]

---

[1] W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, S. 302.
[2] Там же, стр. 302—303.

Сцена дележа объедков знатных гостей между бедняками и собаками ярко рисует общественно-бытовое положение бедноты. Оно настолько ясно, что не может быть двух мнений. Однако Радлов, желая избежать необходимости надлежащего вывода по поводу резкого различия общественного положения бедноты и баев, несколькими страницами далее пишет следующее: «Каждый бедняк, который присоединяется (sich... anschliesst) к семье богатого, держит себя как член последней. Он скорее бы умер с голоду, чем подчинился бы желанию богатого скотовода, выраженному в тоне приказания. Такая уверенность каждого члена племени привела к действительно идеальным племенным отношениям. Весь народ представляет как бы одну семью, где в нужде один помогает другому. Господствует такое гостеприимство, которое нельзя представить себе при других обстоятельствах».[1] Последние строки звучат особенно фальшиво при сопоставлении с описанием, сделанным выше самим же Радловым. Оно дает ясное представление о том, какие отношения Радлов возводил в идеал.

4. Рядовые скотоводы

Вторая общественная группа южных алтайцев, представлявшая собой относительно свободных и самостоятельных скотоводов, была самой многочисленной. Рядовые скотоводы вели мелкое натуральное скотоводческое хозяйство, но оно, вследствие крайне отсталой техники, описанной выше, было весьма неустойчиво. Всякие стихийные бедствия (гололедица, эпизоотии, затянувшаяся весна) разоряли скотоводов. Следует отметить, что свободными эти алтайцы были относительно. Ограничение свободы их выражалось преимущественно в формах внеэкономического принуждения. С одной стороны, они, как и все алтайцы, были прикреплены к определенной территории кабинетской земли, не имея права покинуть эту территорию, составляя как бы ее придаток, и были обязаны платить подати, а с другой стороны, они были приписаны к тому или иному зайсану и были обязаны выполнять для последнего своеобразную барщину.

Эта обязанность была разновидностью отработочной ренты и носила название *ярчы*. Сущность ярчы состояла в том, что все алтайцы, за исключением богачей, были обязаны поочередно работать в хозяйстве своего зайсана по нескольку месяцев (пасти зайсанский скот, заготовлять топливо, седлать коня и т. д.). Необходимость выполнения этого объяснялась тем, что зайсану нужно помочь, так как он загружен общественными делами. Таким образом работа на зайсана в качестве ярчы (буквально — «дровосека») являлась своеобразной барщинной повинностью, возникшей в условиях отсталого скотоводческого хозяйства, сохранившего родовой быт, и была приспособлена к этим условиям.

Далее, рядовые самостоятельные хозяева были обязаны в отношении своих зайсанов еще некоторыми приношениями. В качестве приношения они доставляли молочную водку, баранов, пушнину.

Во 2-м Чуйском зайсанстве каждый род, входящий в состав данной волости, обязан был ежегодно приносить первого убитого кем-либо из членов рода зверя зайсану Юлукову. По материалам С. А. Токарева, этот зайсан «заставлял, например, приносить ему от каждого *сомона* (участка, подведомственного демичи) в год по лисице. Ему же каждое хозяйство должно было ежегодно давать определенную часть заготовленного

[1] W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, S. 312.

сена (повидимому, это относится к населению, кочевавшему поблизости). Кажется, что такое натуральное обложение устанавливали и другие зайсаны, избавлявшие таким образом себя от необходимости заготовлять сено в своем хозяйстве».[1] Зайсан или демичи получал в свою пользу за каждую выдаваемую замуж девушку из подвластного ему рода с жениха *коотой* натурой или деньгами в сумме 3 рублей, если жених был крещеный, или в сумме 6 рублей, если жених не был крещеным; кроме того, получал со стороны жениха угощение вином. Это по существу такой же натуральный сбор, какой при выходе девушки замуж уплачивал своему феодалу, скажем, абхазский крестьянин.

О значении коотой как сбора говорит и само слово *коо* (взыскивать),[2] *той* (свадьба, пир). С. А. Токарев отметил для теленгитов обычай давать зайсану при женитьбе четырехгодовалую корову. Этот свадебный дар так и назывался *тойдын куунаны* (свадебная корова).[3]

Приписанные к тому или иному зайсану были обязаны доставлять последнему молочную водку во всех случаях, когда у зайсана устраивалось какое-либо торжество или помочь.

У алтайцев натуральный оброк не принял еще столь четкой и обязательной формы, как это было у других кочевых и полукочевых народов. Так, например, у киргизов подчиненное манапам население обязано было доставлять последним *соши* жирными баранами для стола, подобно тому как у монголов времени Чингис-хана рядовые скотоводы были обязаны снабжать ставки феодалов мелким скотом для убоя и кобылицами для доения.[4] Кроме того, охотники у киргизов были обязаны доставлять для стола манапа дичь, а рядовые киргизы-скотоводы — различные приношения для угощения его гостей, для призов на скачках, при разводе, свадьбе, похоронах, обрезании.[5] Рядовые скотоводы у каракалпаков платили своим феодалам *агаин-шылык*, представлявший собой «помощь» владельцу в различных непредвиденных расходах, например в комплектовании его стада, в случае падежа скота. При женитьбе сына владельца скотоводы помогали ему в уплате калыма, устройстве свадьбы. Эта «помощь»-повинность называлась *малкасар*. При убое скота на зиму владельцу доставляли мясо для стола в запас. Эта повинность носила название *сыбыга*.

У алтайцев, как уже отмечено, эти повинности имели иную форму. Так, ведя самостоятельное скотоводческое хозяйство, алтайцы-середняки иногда вступали в экономические взаимоотношения с зайсанами и байскими хозяйствами и на условиях тенг-улеш, ортокто, описанных выше.

Касаясь бытовых условий описываемой общественной группы, следует указать, что они несли на себе черты не только своеобразия этнографических особенностей материальной культуры южных алтайцев, но и отпечаток общей культурной отсталости, характерной в целом для алтайцев, не затронутых влиянием русской народной культуры.

Наиболее обычным типом жилища у алтайцев-середняков был корьевой шалаш (*чадыр*) из жердей, конической формы, крытый корой

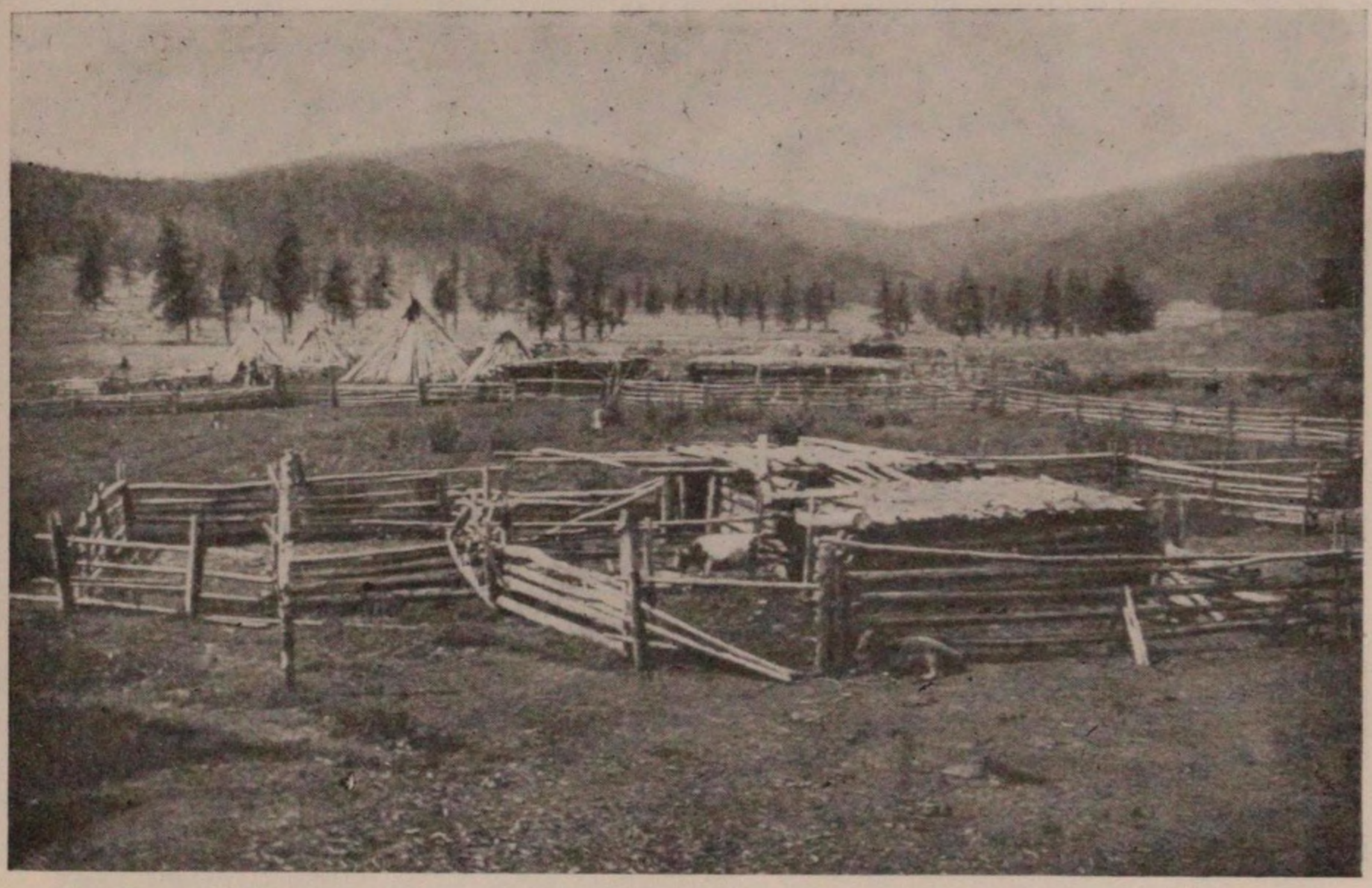
---

[1] С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии, стр. 53.
[2] В. Вербицкий. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркских языков, стр. 142.
[3] С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии, стр. 53.
[4] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 113; В. Погорельский и П. Батраков. Экономика кочевого аула Киргизстана, стр. 168—169.
[5] Там же, стр. 142, 168, 169.

лиственницы. К концу XIX в. становится распространенной, особенно в бассейне среднего течения Катуни, шести-восьмиугольная бревенчатая юрта с конической крышей, также крытой корой лиственницы. Ни чаадыр, ни юрта не имели окон. Дневной свет в них проникал через дымовое отверстие наверху крыши. Вечером пользовались светом костра. Костром же и отапливалось такое жилье.

В безлесных горных степях (Чуйская, Курайская) жилищем рядового скотовода являлась кошемная кибитка (*кереге*).

Характерной особенностью обоих типов жилища являлись наличие постоянного костра посредине и разделение жилища на мужскую и женскую половины, причем женская половина, где находилась кухня и хранились пищевые запасы, располагалась по правую сторону от входа, а мужская — по левую. Место за очагом, напротив входа, считалось почетным местом, местом для гостей (*торь*). Сидели на земляном полу на подстилках из кошмы, шкурок животных или кусков бересты. Утварь и посуда делались из дерева или кожи. Основной пищей являлись кислый сыр (*курут*), похлебка из разваренных зерен ячменя (*кочо*), чай с маслом, молоком и толокном из жареного ячменя (*талканом*). Мясо ели без хлеба, почти всегда вареным, без соли и запивали его бульоном без всякой приправы, но крепко посоленным. Кровь убойного животного собирали, наливали в кишки и варили с прибавлением в нее молока. Получалась кровяная колбаса (*кан*), считавшаяся лакомым блюдом. Кишки и брюшина домашнего животного также варились и употреблялись в пищу. Из молочных напитков наиболее популярными были чегень и арака.



Алтайское селение (до революции). На переднем плане загон для скота.

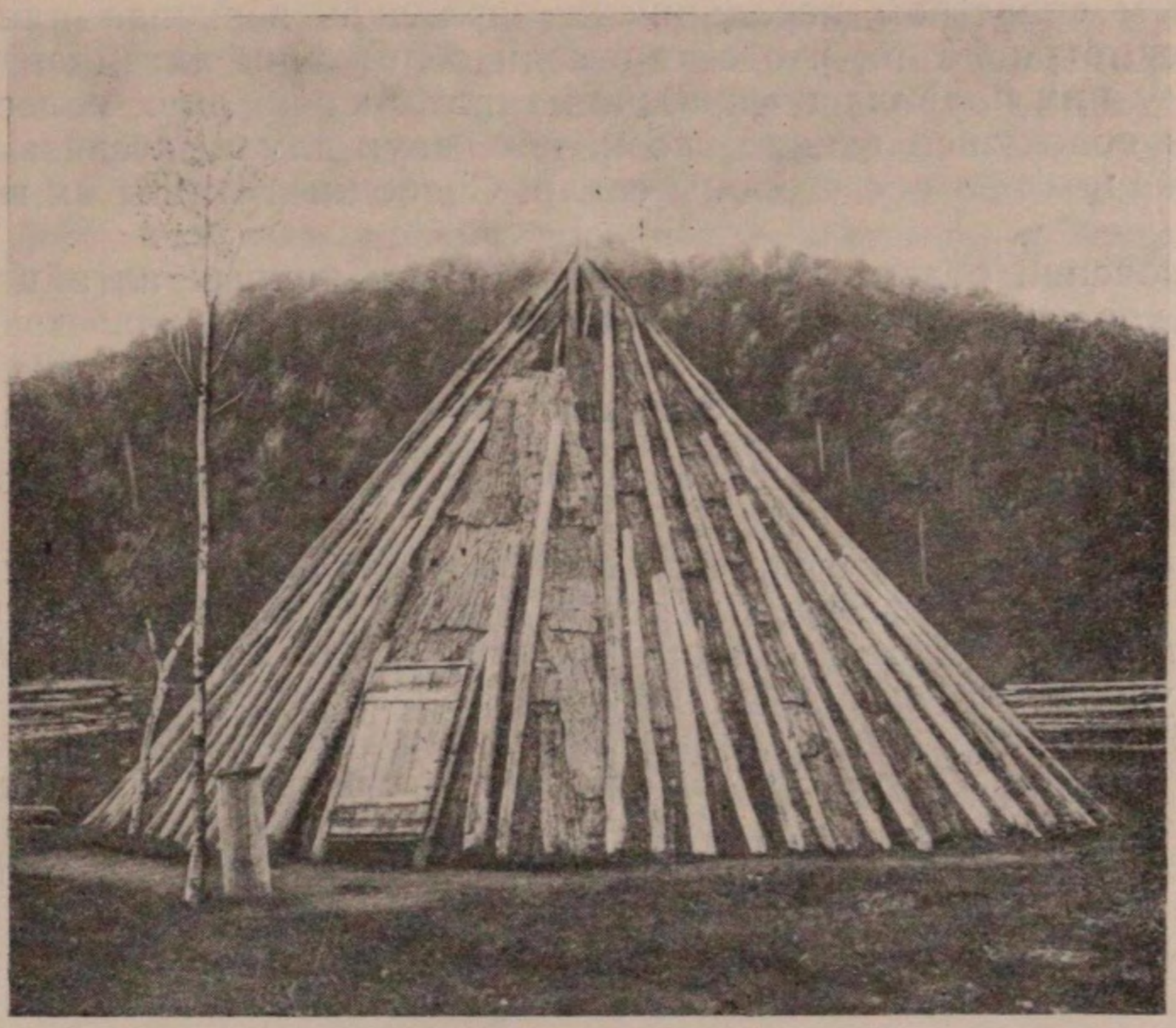
Одевались рядовые алтайцы в овчинные длиннополые, запахивающиеся слева направо шубы с длинными, суживающимися к концу рукавами. Летом мужчины часто носили эти шубы, надевая их на голое тело и скидывая только во время сильной жары. Рубахи и штаны шили из синей далембы или белой бязи. Обувь носили из кожи, в виде высоких сапог, без каблука, с острым, слегка загнутым кверху носком, с двойным швом на голенище. Чулки были из кошмы, верх их несколько торчал над голенищем и был обшит какой-либо материей. Зимой часто носили сапоги, сшитые из шкурок, снятых с ног козули или марала.

Внутренний вид деревянной юрты.

Замужние женщины носили специальную длиннополую одежду — *чегедек,* без рукавов, скроенную в талию, с широкими стоячими плечами, с разрезом спереди. Ее надевали поверх шубы или платья. После смерти мужа вдова снимала чегедек и надевала вдовью одежду (*чуба*), которую носила до вторичного выхода замуж, после чего снова надевала чегедек. В случае смерти вдовы ее хоронили в чегедеке, а не в чубе, так как считалось, что покойница должна была встретиться в загробной жизни с мужем. Шапки мужские и женские не различались, они имели коническую форму, кисточку из цветных ниток на макушке и были сшиты из какой-либо простой материи, подбитой овечьим мехом; иногда шапки шили из лапок зверьков (лисицы, суслика), а также из шкурок черного барашка, с высоким околышем, суживающимся назад.[1]

---

[1] Подробнее см. в моей специальной работе «Одежда алтайцев» (Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. XIII. Л., 1951).



Коническая юрта — чадыр.

Деревянная шестиугольная срубная юрта.

Основным средством передвижения являлась верховая или вьючная лошадь, несмотря на то, что со времени сближения алтайцев с русской культурой у них появилась упряжная таратайка на двух колесах. Пользовались и волокушей в виде тасок, т. е. двух длинных связанных жердей, привязанных по обе стороны седла. Свободные концы их волочились по земле.

В заключение обзора общественных групп южных алтайцев остановимся на характеристике эксплоататорского класса.

5. Зайсаны и баи

Наиболее яркой и древней фигурой из числа эксплоататоров алтайцев был зайсан.

Сведения о зайсанах в научной литературе чрезвычайно скудны и разбросаны в работах некоторых авторов в виде отрывочных, скупых замечаний. Например, у Котта сказано: «Они (т. е. алтайцы, — *Л. П.*) живут в ордах, управляемых природными начальниками (saisan)».[1] Посетивший Алтай в 1826 г. доктор Бунге описывает вкратце одежду и богатство алтайских зайсанов, с которыми он лично встречался; но такие замечания о зайсанах у него встречаются сравнительно редко. Также мало сказано об алтайских зайсанах и у Радлова. Однако следует использовать и эти краткие замечания.

Что же такое зайсан по определению старых путешественников и исследователей? Гельмерсен пишет: «Зайсан есть слово монгольское[2] и значит дворянин. Телеуты выговаривают его яйзанг. Зайсан у них есть глава какой-нибудь их части или известного племени, выбранный русским правительством» (разрядка моя, — *Л. П.*).[3] Гельмерсен не прав лишь в одном: царское правительство, особенно в то время, когда Гельмерсен путешествовал по Алтаю, не выбирало зайсанов. В действительности царское правительство лишь утверждало избранного самими алтайцами зайсана в этом звании. Только после административной реформы 1822 г. («Устав об инородцах Сибири») и особенно после организации Алтайской духовной миссии зайсаны, как правило, стали выбираться по указанию местных царских чиновников и миссионеров, из лиц, наиболее угодных царским колонизаторам. Такие «выборы» были особенно характерны для районов северного Алтая, для районов распространения миссионерских селений. Однако у южных алтайцев и в этих условиях зайсанско-байская «некрещеная» верхушка всячески стремилась «выбирать» зайсанов из определенных «аристократических» родов — сеоков (Кыпчак, Иркит, Мундус и др.), из которых зайсаны назначались еще в период нахождения алтайцев в зависимости от Джунгарии.

Термин зайсан, как известно, произошел от наименования китайского титула «цзай-сян». Титул этот был широко распространен у монголов в период Юаньской династии (1260—1368) наряду с другими чиновными титулами: язагул, даруга, демчи, шуленга и т. д. После падения Юаньской династии в Китае и разделения монголов на восточных и западных

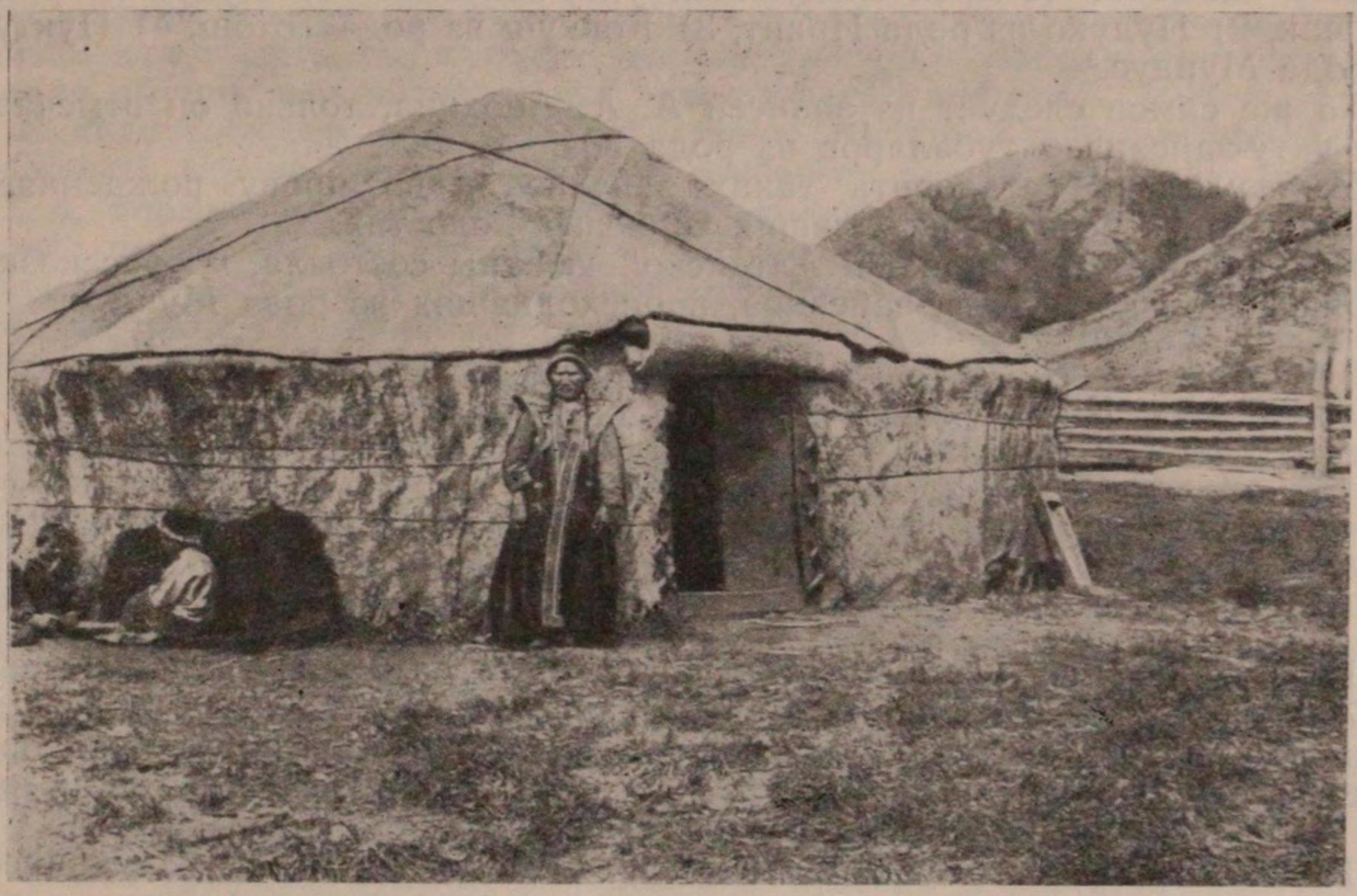
---

[1] Cotta. Der Altai, sein geologischer Bau und seine Erzlagerstätten, S. 313. — У Чихачева про зайсанов сказано: «Это почетный титул, который носят наследственные главы калмыцких племен» (Voyage scientifique dans l'Altai oriental. . ., p. 23).

[2] Акад. Б. Я. Владимирцов указывает, что «зайсан» — титул китайского происхождения, который привился и у восточных и у западных монголов («Общественный строй монголов»).

[3] Г. Гельмерсен. Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая. Горн. журнал, № 1, 1840, стр. 251.

(ойратов) титул зайсан, как и другие, продолжал бытовать в среде монгольской феодальной знати, обозначая наследственных владельцев и правителей отоков или улусов. В древних монгольских и ойратских уложениях термин «зайсан» означает «второе привилегированное сословие белой кости», т. е. дворянство.[1] К алтайцам титул зайсан перешел от монголов, ибо, как уже упоминалось выше, алтайцы в период с середины XV в. и до середины XVIII в. находились во владении монгольских (преимущественно западно-монгольских или ойратских) феодалов. В указанный период и появились зайсаны из среды собственной аристократи-



Войлочная юрта.

ческой верхушки алтайцев, дав начало происхождения у них своеобразного дворянства, родового и наследственного. Факт наличия у алтайцев родовитой кочевой аристократии был принят во внимание царским правительством при вхождении алтайцев в состав Русского государства во второй половине XVIII в. Царское правительство не только сохранило за алтайскими зайсанами власть, имущественное и общественное привилегированное положение, но и приравняло зайсана к чину майора. На принадлежность к дворянству алтайских зайсанов указывает и В. Радлов, который пишет: «Семьи зайсанов и демичи образуют старые княжеские и дворянские роды. Это достоинство наследственно и до сего времени».[2] Принадлежность зайсанов к знатным людям видна и из русских официальных документов XVIII в.[3]

---

[1] Ф. И. Леонтович. Древний монголо-ойратский, или калмыцкий статут взысканий, стр. 57.

[2] W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, S. 251.

[3] См., например, «Инструкцию полковника Павлуцкого к вахмистру Соболеву» и др. (Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. Чтения, кн. 1-я, 1866, стр. 75—77).

Как в феодальной Монголии и Джунгарии зайсаны разделялись на знатных, или старейших, и чиновных,[1] так и алтайцы различали *укту-яйзан* и *ук йок-яйзан*. По этому поводу у Радлова сказано несколько слов: «По словам алтайцев, во время Джунгарского государства у них было только 5 зайсанов, и поэтому этих зайсанов обозначают как укту — потомственные, кровные, родовитые (укту-зайсан). Из последних зайсанов только 4 зайсана укту, и они находятся у народа в почете. Как высоко ценится происхождение зайсанов, показывает достаточно уже то обстоятельство, что повсюду в народе известны их родословные».[2] Радлов называет четырех следующих укту-зайсанов: 1) Кудук из рода Кыпчак, 2) Пудуко из рода Иркит, 3) Коккуш из рода Тотош, 4) Пуктус из рода Мундус.[3]

То же самое следует из записей А. А. Анохина, только он отмечает еще укту-зайсана у тубаларов из рода Юз.

Мне удалось установить таких зайсанов («по праву рождения») у тубаларов в нескольких бывших черневых волостях.

Родословная зайсанов 1-й Алтайской дючины состояла, по рассказам стариков, только из укту-зайсанов, происходивших из рода Мундус:

1. Пуктуш[4]
2. Эрельдей[5]
3. Бекиш
4. Бакай[6]
5. Апанас
6. Корты[7]
7. Козмай
8. Тужеген
9. Петрушке
10. Барабаш
11. Темей
12. Кыпан
13. Адыйок[8]
14. Павел
15. Сапыш
16. Чунжеков Ник.

По поводу Пуктуша я полагаю, что это тот самый Пуктуш, который в 1742 г. встретил в долине р. Маймы Тау-Телеутской волости геодезиста Шишкова и запретил ему производить съемку местности, угрожая оружием. Предположение это кажется мне вполне правдоподобным, так как 1-я Алтайская дючина имела печать «Тау-телеутские калмыки».

Каково же было имущественное положение зайсанов? Имеющиеся в моем распоряжении источники дают на это один ответ: зайсаны — это прежде всего богачи.[9] В период, когда зайсаны были вассалами Джунгарии, а также в первое время после присоединения к России, видимо до конца XVIII в., они имели в своем распоряжении вооруженные отряды. Это давало возможность зайсанам увеличивать свои богатства

---

[1] Ф. И. Леонтович. Древний монголо-ойратский, или калмыцкий статут взысканий, стр. 157.

[2] W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, S. 251.— *Укту* — наследственный, родовитый (*Л. П.*).

[3] Там же.

[4] По преданию, записанному Анохиным, Пуктуш был из рода Тонгжоан.

[5] Упоминается в документах 1757—1758 гг.

[6] Имя Бакая Бекитова упоминается в жалобе, подписанной алтайскими зайсанами, к сенатору Безродному в 1828 г.

[7] Жил во время путешествия В. В. Радлова. Радлов описывает свои встречи с ним.

[8] Упоминается Н. М. Ядринцевым в числе двух зайсанов, которых он встретил на улицах Петербурга, когда они приехали к царю с жалобой на земельные притеснения (Алтай и его инородческое царство. Истор. вестник, т. 20, 1885, стр. 626).

[9] О богатстве, например, зайсана Бурута можно судить хотя бы по калыму, который он дал зайсану Кутуку (Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. Чтения, кн. 4-я, 1886, стр. 105, документ от 1757 г.). Богатство и роскошь зайсанской жизни описывают Бунге и все позднейшие исследователи и путешественники.

при помощи военных нападений, сопровождавшихся грабежом скота, имущества и уводом пленных. Взятых в плен зайсаны обращали в рабство или продавали. Подобные набеги обогащали зайсанов и их ближайших помощников, так как львиную долю добычи они забирали себе. Например, еще в 1763 г. «зайсан Чедак, собрав 3000 подвластных ему людей, напал на поколения пеших двоеданцев Тау-Телеутской волости демичи Бютюка Кармакова, разорил юрты их, убил 27 человек, взял 17 человек в плен, кроме женщин; в числе женщин находились и жена и дети демичи Бютюка. И угнал скот до 1000 голов».[1]

В XIX в. алтайские зайсаны уже не имели постоянных военных дружин, однако это не мешало им совершать иногда вооруженные грабежи.[2] Зайсанская власть была почти неограниченной.[3] Зайсан мог распоряжаться имуществом подчиненных, штрафовать их и т. д.

В силу того, что имеющийся в моем распоряжении материал для подробной характеристики зайсанов относится преимущественно к концу XIX в., последующее изложение будет ограничено указанным хронологическим периодом. Тем не менее выводы, вытекающие из анализа этого материала, могут быть в известной мере отнесены ко всему более раннему периоду, начиная с конца XVIII в., ибо социальная сущность зайсанства в течение всего этого времени была в основном одна и та же.

Уже из кратких сообщений доктора Бунге (1826) видно, что зайсаны были богатые знатные люди, владевшие обширными табунами скота и другим имуществом. Они носили шелковое платье, жили в пышно убранных жилищах, имели слуг. Их большие стада пасли подчиненные им алтайцы. Эти же алтайцы обрабатывали и засевали зайсанские пашни, а по уборке урожая возили хлеб к кочевке зайсана, иногда за многие десятки, даже сотни верст.[4] От Бунге же мы узнаем о грубости и издевательствах зайсанов над подвластным ему населением. О богатстве зайсанов пишет и В. Радлов, посетивший зайсана Мангдая: «Вечером были пригнаны к юрте лошади, коровы, верблюды. Во всю ширь, как мог видеть глаз, все было покрыто скотом, и все-таки говорили мне, что это только половина всего скота, принадлежащего зайсану».[5]

Семен Юлуков, будучи зайсаном 2-й Чуйской волости (1890-е годы), имел около 800 коров, 80 табунов лошадей (по 12—15 лошадей в табуне), большое стадо маралов.[6] Он ежегодно скупал и продавал (русским купцам Тренихину, Обобкову и др.) 400—500 быков, причем покупал быков телятами по 1 рублю за теленка, а взрослых продавал по 20 рублей. Юлуков вел большую торговлю с Китаем. Туда он отправлял целые караваны с маральими рогами, которых он ежегодно снимал на

---

[1] Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. Лист к зенгюрскому владельцу, отправленный через Ямышев из Тобольска, от 29 апреля 1757 г. Чтения, кн. 4-я, 1866.

[2] Приблизительно во второй половине XIX в. подобными делами особенно отличался помощник демичи 2-й Чуйской волости Савва Евтиеков. Он нажил свои огромные богатства путем вооруженных набегов на соседние зарубежные племена (монголы, ойраты, казахи). (Отчет Алтайской духовной миссии за 1912 г. Томск, 1913).

[3] Г. Н. Потанин. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии. Чтения, кн. 2-я, 1868, стр. 60. — Ср. также: A. Bunge. Reise im östlichen Theil des Altai-Gebirges, S. 57.

[4] Там же, стр. 103.

[5] W. Radloff. Briefe aus dem Altai. Ermann's Archiv f. wiss. Kunde v. Russland, Bd. XXI, S. 646.

[6] У С. А. Токарева сведения о размерах богатства Юлукова явно преуменьшены (Докапиталистические пережитки в Ойротии, стр. 54).

несколько десятков тысяч рублей. Караван обслуживали его работники под руководством каравановожатого Петра (из сеока Сагал). Из Китая караван привозил шелк, посеребренную сбрую, различные ткани и изделия, китайскую водку, табак.

Из зайсанов южного Алтая особенно выделялся богатством Аргымай Кульджин, «поставщик Двора», побывавший с целью изучения коннозаводства в Англии и неоднократно ездивший в Петербург. Стада Аргымая и его брата Мандажи исчислялись десятками тысяч голов. Аргымай владел громадными зимними и летними пастбищами, покосами и занимался торговлей в Монголии, где держал часть своих стад.

Из зайсанов северного Алтая наиболее богатым был зайсан Михаил Васильевич Тобоков (по-алтайски Давыд). Он был акционером Компании Зингер и имел в Улале магазин швейных машин; кроме того, был тесно связан с бийским магнатом купцом Бодуновым. Один из сыновей Тобокова был членом Государственной Думы и, благодаря высоким связям, выхлопотал отцу право открыть в Улале винную лавку. Это быстро увеличило доходы Тобокова, и он в сравнительно короткое время нажил шесть двухэтажных домов в Улале, открыл маслозаводы в Паспауле и Карасуке. Нет возможности, да и нужды, перечислять богатство прочих зайсанов.[1]

Демичи были богатыми эксплоататорами, как и сами зайсаны. Бунге[2] отмечает, что встретившийся на его пути демичи Баран «был одним из богатейших калмыков в окрестности... женат на двух женах и через них находится в родстве с двумя зайсанами... он заведывал всей страной от устья Кана до ближайших русских деревень». Про бошко 2-й Чуйской волости Савву Евтиекова миссионеры писали: «Это крез Алтая, обладавший завидным богатством: бесчисленными табунами верблюдов, лошадей и рогатого скота, что добыто, по народной молве, путем насилия и грабежа».[3]

Каким же образом возникали и разрастались богатства зайсанов? Следует иметь в виду, что с подчинением зайсанов России вооруженные грабежи в большинстве случаев исчезают. Здесь приходится отметить некоторое изменение приемов эксплоататорской деятельности зайсанов. Официально зайсан получал от своей дючины или волости небольшое годовое содержание. Основные же доходы его составлялись из различных мошенничеств при сборе ясака или подати, дохода от судопроизводства в виде взяток (*карын*) и «подарков» (*сый*), а также от различных натуральных поборов с населения трудом и продуктами. По закону подать (*калан*) должны были платить мужчины в возрасте от 18 до 50 лет. Зайсаны же облагали податью все мужское население от 16 до 60 лет, и этот *сельбик* (прибавка) шел в пользу зайсана, составляя один из наиболее прибыльных источников его обогащения.

Далее, по словам старика Осипа Одукова, живущего в урочище Салганду, Чойского аймака, зайсаны в списках подданных своего зайсанства показывали неверные сведения о возрасте податного мужского населения и утаивали значительную часть плательщиков подати от царской администрации, а с утаенных лиц подать собирали и присваивали себе.

---

[1] Об этом есть сведения и у С. А. Токарева (Докапиталистические пережитки в Ойротии, стр. 56—57).

[2] A. Bunge. Reise im östlichen Theil des Altai-Gebirges, S. 37—38.

[3] Отчет Алтайской духовной миссии за 1912 г. Томск, 1913, стр. 77. — *Бошко* — чин, следующий после зайсана в б. Чуйских волостях.

Взнос ясака пушниной был явно невыгоден для плательщика, потому что таким образом весьма обесценивалась добытая им продукция. Но это было очень выгодно для зайсанов. Поэтому зайсаны неустанно внушали алтайцам, что взнос ясака деньгами превратит их «в русских крестьян», после чего русское правительство заставит алтайцев

Женская одежда южных алтайцев.

креститься и будет брать на войну. Миссионер Вербицкий также отмечает невыгодность для рядового плательщика уплаты ясака пушниной на примере шорцев, причем справедливо указывает, что ясаку собиралось гораздо более, чем предусматривалось окладными листами.[1]

При незначительном денежном обращении на Алтае трудящемуся алтайцу достать денег для уплаты подати было трудно, и он или платил зайсану натурой, или же обращался к зайсану или демичи с просьбой

[1] Записки миссионера Кузнецкого отдела Алтайской духовной миссии, свящ. В. В. Вербицкого за 1874 г. Томск. губ. ведомости, № 25, 1875.

выручить его. В таких случаях зайсан или демичи, если он считал просителя благонадежным (*будумчулу*), вносил за него ясак деньгами и впоследствии получал долг (*алым*) в натуральной форме: скотом, пушниной, орехом и т. п. Кроме того, должник выкуривал «благодетелю» вино.

Следующей весьма выгодной статьей дохода зайсана являлись взятки и подарки от суда, доходы от выдачи билетов в тайгу на право промысла (зверового или сбора кедрового ореха) русским крестьянам и доходы от выдачи «приемных приговоров» русским колонистам на право поселения среди алтайских стойбищ.

Некоторые исследователи называли зайсанов старейшинами, родовыми старшинами. В официальных русских бумагах они значились как «родовые старосты», и на медном знаке, который зайсан надевал на шею, была надпись «Родовой староста».

Можем ли мы считать зайсана или демичи за родового старейшину или родового старосту? Конечно, нет, ибо взаимоотношения зайсанов и демичи со своими подданными не могут быть рассматриваемы как отношения старейшины рода или племени, заботящегося о своих сородичах и действующего в общих интересах. Алтайцы были подчинены зайсану наподобие крепостных. Зайсан имел право распорядиться их имуществом, наказывать розгами, отдавать в работники, а некоторых (например кулов и айбычи) даже дарить другому владельцу. Где же тут патриархальность настоящих родовых отношений, при которых, по выражению Энгельса, «нет места для господства и угнетения»? На деле зайсан являлся настоящим феодалом-эксплоататором. Он был властен над судьбой и имуществом своих подданных, чинил над ними суд и расправу, причем суд зайсана был судом классовым, защищавшим интересы эксплоататоров. Далее. Зайсаны были представителями привилегированной группы. Они освобождались от всяких платежей и налогов, не подлежали телесному наказанию. Алтайцы-крестьяне должны были оказывать зайсанам внешние знаки подчинения и уважения.

На основе феодального землевладения, внеэкономического принуждения, на основе личной зависимости зайсан пользовался трудом и продуктами труда своих подданных. Если Бунге в 1826 г. сообщал, что пашни зайсана Монгола, находившиеся на расстоянии 100 верст от его стойбища, обрабатывались трудом подчиненных ему алтайцев, то С. П. Швецов, собиравший сведения об алтайцах в конце XIX в., пишет о работниках ярчи, «которых дает зайсану дючина» по древнему обычаю в количестве одного или двух человек. В качестве примера Швецов приводит приговор 7-й Алтайской дючины, где говорится: «В 1896 г. родовому старосте Манджи Кульджину, по родовым обычаям, было дано два работника ярчи».[1]

Расспросы стариков дают возможность дополнить сведения об ярчи. Оказывается, ярчи выделялись для обслуживания хозяйства зайсана и демичи арманами по очереди.

Однако не только ярчи были даровой рабочей силой зайсанского хозяйства. Практически зайсан мог заставить выполнять ему ту или иную работу любого подчиненного бедняка или середняка. Отказать не смели. Алтайцы теперь объясняют это тем, что боялись отказать в просьбе зайсана, иначе зайсан «засудит» или «завинит». Другие гово-

---

[1] С. П. Швецов. Кочевники Бийского уезда. В кн.: Горный Алтай и его население, т. I, вып. I, стр. 238. — *Ярчи* (буквально — «дровосек») от слова *яр* (колоть, щепать) (В. Вербицкий. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркских языков, стр. 78). И действительно, ярчи кололи дрова, пригоняли домой скот и т. д.

рят: «Стыдились не пойти работать зайсану, так как зайсан всегда говорил, что ему недосуг за домашностью следить, работы для общества много» и т. п. На деле же, разумеется, работали из-за страха.

Приведенными формами крепостнического типа не исчерпываются способы обеспечения рабочей силой зайсанского хозяйства. Зайсаны устраивали также «помочи», особенно в сенокос, на которые алтайцы съезжались к зайсану со своими косами. Едущие должны были также привезти зайсану вино, так как по окончании работы устраивалось угощение для всех работающих и вина требовалось много. У зайсана Семена Юлукова труд алтайцев на помочи был организован следующим образом. Все съехавшиеся косить разбивались на группы по родам, например группа Оргончылар (т. е. рода Оргончи), Саалдар, Иркиттер, Мундустар и т. д. В каждой родовой группе был руководитель (*башчы*). Руководитель помочи, обычно близкий родственник зайсана, отводил для каждой родовой группы определенный участок покоса с заданием выкосить его к вечеру. Зайсан во время работы объезжал свои обширные покосы и раскуривал с каждым башчы трубку, прося постараться. Огромнейшие покосы Юлукова выкашивались таким образом в один день. Вечером устраивалось угощение. Варили мясо, пили вино. Богачи (баи) в работах на помочи не участвовали. Они посылали косить своих работников, а сами приезжали вечером на пир. Подобного рода помочи Юлуков устраивал и при съемке и варке маральих рогов. Наряду с этим зайсаны имели кулов и айбычи.

Свою эксплоататорскую деятельность зайсаны облекали обычно в «родственные» формы, и это практиковалось до самых последних дней существования зайсанов. Зайсан Юлуков под видом родственников держал более 30 работников, айбычи, кулов и т. д.

У алтайских зайсанов были особые слуги (*кодечи*). Они всегда и всюду сопровождали зайсанов, они седлали, привязывали и отвязывали коня, помогали одеваться, носили за ним *ташауры* (кожаная бутыль) с аракой, без которой зайсан шагу не делал, служили ему на посылках. Кодечи жили на зайсанских харчах, ездили на хозяйских лошадях, носили одежду с плеча господина. За службу они получали мелкие подарки. Их семьи также жили при зайсанском аиле и обслуживали своим трудом зайсанское хозяйство. Помимо кодечи, у зайсанов еще были *колтыкчи*.[1] В их обязанность входило садить и снимать с лошади зайсана, при ходьбе поддерживать его под руки, прикуривать ему трубку и т. п. Колтыкчи тоже жили при зайсане с семьями и на том же положении, что и кодечи.

О зайсанской прислуге я нашел несколько строк в одной из рукописей А. В. Анохина: «Алтайские зайсаны любили помпу: так, когда зайсан ездил по Алтаю, его сопровождала большая свита, человек 15—20. При передвижении зайсана верхом никто не имел права ехать впереди него, а все ехали или рядом, или позади. При остановке одни брали у него лошадь под уздцы, а другие снимали его с седла под руки (это делала особая прислуга — „кодечи“), а также садили на лошадь. В домашней обстановке зайсан имел обязательно прислугу „юргечи“. Самодовольный, он только отдавал приказания, вел деловые разговоры

---

[1] Название *колтыкчи* происходит от слова *колтык* (подмышка); эти слуги как бы водили зайсана под руки или держали его подмышки. Кодечи у монгольских феодалов — конюшие (Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 150, 159, 162).

с приезжавшими к нему посетителями. В доме зайсана всегда можно встретить образцовый этикет. . .».[1]

Зайсаны требовали к себе раболепного отношения со стороны подчиненных им алтайцев. Зайсану целовали руки.[2] При изложении просьбы становились на левое колено (на правое колено становиться неудобно, так как за правое голенище кладется трубка и кисет), подавали закуренную трубку и уже потом излагали просьбу. Тубалары, обращаясь к зайсану, называли его *юкоры-тага*. Радлов, описывая свою встречу с двоеданческим зайсаном Мангдаем, также отмечает почет, который оказывали зайсану подданные: «Под вечер сюда приехала кавалькада двоеданцев. Это был зайсан Мангдай со своей свитой. . . Зайсан — молодой человек лет 20, очень богато одетый. . . Присутствующие двоеданцы оказывали зайсану большой почет, каждый раз, когда ему протягивали трубку, скрещивали руки на груди и сгибали колено».[3] В другом месте Радлов пишет, что косичка зайсана (как и все некрещеные алтайцы, зайсаны носили на темени небольшую косичку) считалась почти священной: «Косичка зайсана так неприкосновенна, что тот, кто стрижет голову зайсана, не смеет до нее дотронуться».[4] Особенным чванством и заносчивостью отличался упоминавшийся уже Семен Юлуков, живший в Балыктуюле (ныне Улаганский аймак). Юлуков заставлял алтайцев, не доезжая полверсты до его дома, снимать шапку и проезжать мимо зайсанского дома с обнаженной головой и обязательно шагом.[5]

Таковы в общих чертах были алтайские зайсаны. Они представляли феодальную верхушку алтайцев, ведшую большое скотоводческое, чаще натуральное, хозяйство трудом своих подданных.

Вторым крупным представителем эксплоататорской верхушки являлся бай. Алтайские баи составляли более многочисленный слой и были тесно связаны классовыми интересами с зайсанами.

Упоминания о баях, т. е. алтайцах-богачах, встречаются уже в русских исторических документах XVII—XVIII вв.[6] В отличие от зайсанов или паштыков (для северных алтайцев), в наших старинных документах обычно называемых князцами, князьками, старшинами, алтайские баи называются там «лучшими людьми». Каким образом вели эти «лучшие люди» свое хозяйство, где нередко скот исчислялся тысячами голов? Заранее можно сказать, что баи не могли это сделать сами, силами своей семьи, как бы «трудолюбивы» они ни были.

Кто обслуживал хозяйство, на чьем труде основывалось благополучие байского хозяйства, изобилие его продуктов, и каким способом привлекалась баем в свое хозяйство рабочая сила? Вот основные вопросы, на которые необходимо ответить. К сожалению, исторические документы не дают нам на это полного ответа. И только некоторые из них, относящиеся к XVIII в., частично проясняют поставленные выше вопросы. Эти ценные для нас, хотя и немногочисленные, сведения подтверждают прежде всего, что уже в XVIII в. байское хозяйство базировалось на чужом труде. Доподлинно известно, что баи, как и зайсаны, имели

---

[1] А. В. Анохин. Архив Инст. этнографии АН СССР, рукопись № 55, стр. 36—37.
[2] Отчет Алтайской духовной миссии за 1888 г. Томск, 1889, стр. 22.
[3] W. Radloff. Briefe aus dem Altai. Ermann's Archiv f. wiss. Kunde v. Russland, Bd. XXI, 1863, S. 644.
[4] W. Radloff. Bemerkungen eines nomadischen Altaers. Ibid., Bd. XVIII, S. 553.
[5] О внешнем почете, оказывавшемся алтайцами зайсану, см. «Отчет Алтайской духовной миссии за 1886 г.», где дано описание поздравления зайсана Манджи, вернувшегося из поездки в Петербург (Томск, 1887, стр. 18—21).
[6] Русская историческая библиотека, т. VIII, 1884, стр. 474.

холопей, т. е. рабов.[1] Холопей этих баи получали от зайсанов после удачных военных набегов или, как сообщают казаки Шорохов и Пойлов в рапорте кузнецкому воеводе Шапошникову от 1745 г., зайсаны давали «лучшим людям» в работники беглецов от царского ясака.[2] Остается неясным, велось ли хозяйство баев только трудом рабов, приобретенных или полученных от зайсанов, или же баи закабаляли и обращали в крепостных своих сородичей или соплеменников. На этот вопрос известные нам документы XVIII в. ответа не дают, но на него отвечают различные материалы, относящиеся к XIX в.

Первые путешественники по Алтаю — Гр. Спасский,[3] доктор Бунге и другие, сообщая об алтайских баях, владевших тысячными стадами, не указывают на способы обеспечения рабочей силой байских хозяйств. Едва ли не первое указание на этот счет находим у Радлова, который пишет: «Более богатые люди редко держат мужскую прислугу... большей частью им помогают бедные соседи (ärmere Nachbarn), которые за это живут вблизи их и едят из котла богатых и носят одежду с их плеча». Несколько дальше он поясняет: «Более бедные располагаются вокруг юрт богатых и питаются там, насколько это позволяют обстоятельства».[4]

Выше мы видели, что представляли собой эти «бедные соседи»: это были кулы, айбычи и полышники.

Из алтайских баев наиболее колоритной фигурой является так называемый *укту-бай* (родовитый, благородный бай). Так называли тех баев, богатство которых являлось наследственным и передавалось из поколения в поколение. По сообщению стариков тубаларов, в таежных районах Алтая укту-баев не было. Баи таежных районов вышли из рядов середняков или даже бедняков, нажив богатство самостоятельно, преимущественно путем торгово-ростовщических операций. Но для скотоводческих районов Алтая укту-баи были характерными фигурами.

Описание системы хозяйства укту-баев создает впечатление о нем как о хозяйстве феодального типа.

Родовитые богатые алтайцы сосредоточивали у себя десятки тысяч голов скота, занимая своими стадами лучшие и наиболее удобные пастбища Алтая, несмотря на то, что юридически земли Алтая считались общими. Например, прекрасные солончаковые пастбища, покрытые мелкой, но чрезвычайно питательной травой (*кодюр*), от которой так быстро тучнеет скот, находились в фактической собственности баев или зайсанов. Остальным алтайцам предоставлялось пасти скот в менее удобных, а порой и в высокогорных местах, куда малообеспеченному скотоводу пробраться было довольно трудно, или в мелких долинах, на лесных полянках и т. д. Однако при крайне незначительной плотности населения корма все же хватало, и пастбища, по крайней мере летние, долгое время (включительно до землеустройства 1911—1913 гг.) не являлись в руках баев основным средством эксплоатации. Главным средством закабаления алтайской бедноты был скот.

Укту-баи в основном вели натуральное хозяйство. Главное свое богатство они видели в скоте, особенно в лошадях. Рост богатства их выра-

---

[1] Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. Чтения, кн. 4-я, 1866, стр. 93.

[2] Там же, стр. 86. — Факты относятся к Тау-Телеутской волости (впоследствии 1-я Алтайская дючина), где зайсаном в это время был Пуктуш.

[3] См., например: Гр. Спасский. Путешествия к алтайским калмыкам в 1806 г. Сиб. вестник, ч. III и IV, 1819, стр. 38.

[4] W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, S. 287.

жался в увеличении поголовья скота. Стада укту-баев были огромны. Излишки скота позволяли укту-баям подкармливать ютящуюся около них бедноту и пользоваться бесплатно ее трудом. Среди алтайцев они слыли за благодетелей, так как широко оказывали помощь населению в форме полыш. Поэтому укту-баев нередко называли *полышту-бай,* или *пыянду-бай* (милостивый, помогающий, добродетельный бай). Укту-баи пользовались у алтайцев большим влиянием. С ними очень считалась и местная администрация. Это были *якшилары* (лучшие люди), которые вместе с зайсанами и демичи как «влиятельные домохозяева» (Швецов) представляли «народные съезды», где решались дела, касающиеся всех алтайцев, например: раскладка ясака и других сборов, упорядочение промыслов.

В хозяйстве укту-баев можно обнаружить основные условия феодального барщинного хозяйства, о котором В. И. Ленин писал в книге «Развитие капитализма в России». Прежде всего должно быть «господство натурального хозяйства». Это условие существовало в хозяйстве укту-баев. Затем необходимо, «чтобы непосредственный производитель был наделен средствами производства вообще и землей в частности, мало того — чтобы он был прикреплен к земле, так как иначе помещику не гарантированы рабочие руки».[1] Выше уже сказано, как был наделен средствами производства трудящийся алтаец и каким образом алтайские баи прикрепляли производителя через систему полыш к своему хозяйству и обеспечивали себя рабочей силой. У алтайцев средством закрепощения бедноты являлся, вместо земли, скот.

Третьим условием барщинной системы хозяйства В. И. Ленин считал личную зависимость крестьянина от помещика. «Если бы помещик, — писал В. И. Ленин, — не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Необходимо, следовательно, „внеэкономическое принуждение“, как говорит Маркс, характеризуя этот хозяйственный режим (подводимый им, как уже было указано выше, под категорию *отработочной ренты.* „Das Kapital“, III, 2, 324). Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина».[2]

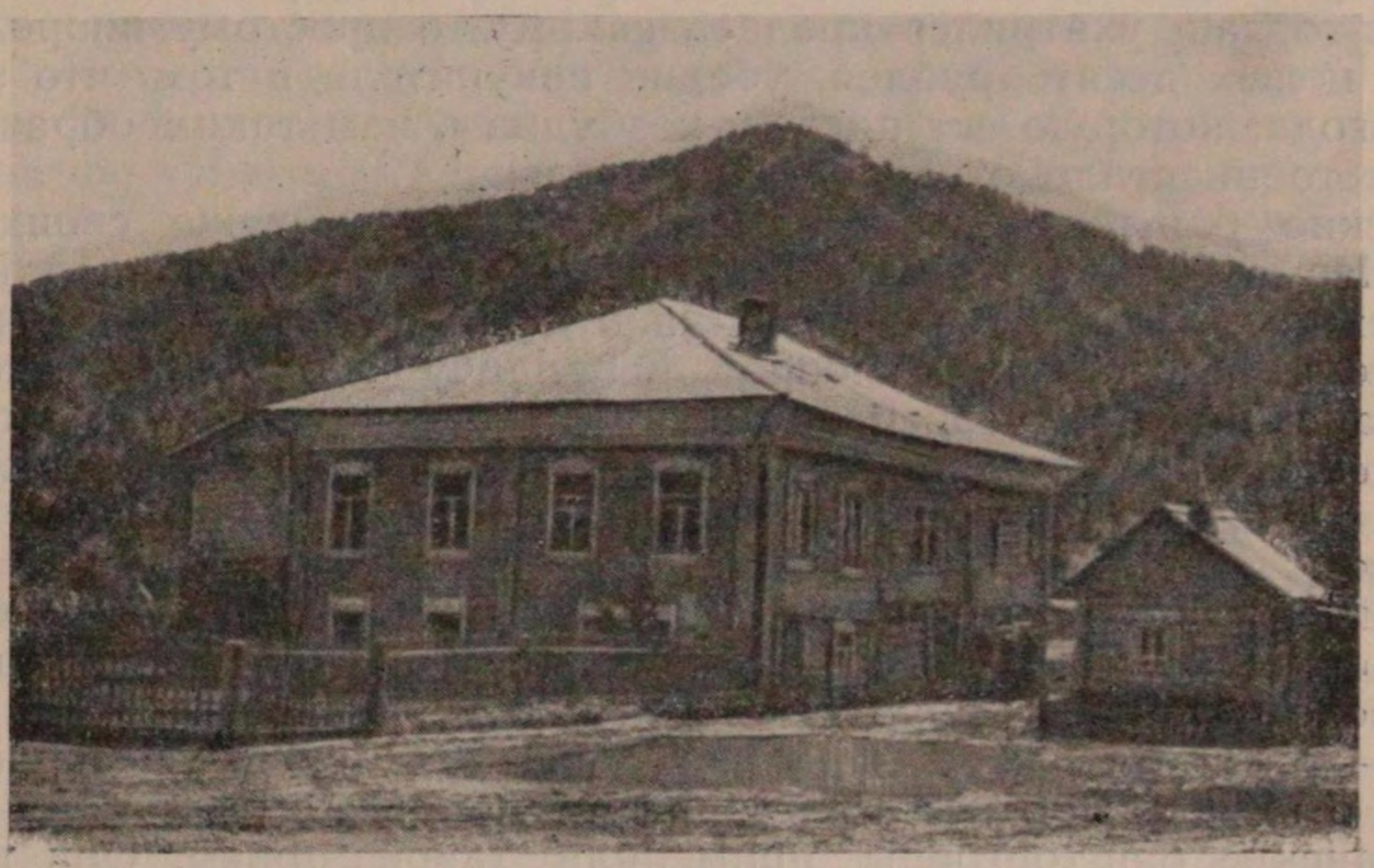
Сословная неполноправность имела место у алтайцев. Высшим сословием здесь были не только «сиятельные» зайсаны, но и укту-баи, кичившиеся своей родовитостью и богатством. В жизни алтайцев момент личной зависимости рядовых скотоводов на основе сословного неравноправия имел существенное значение. Так, например, дела на «народных» съездах алтайцев, где рассматривались вопросы раскладки ясака, повинностей, промыслов, решались, как отмечает Швецов, «влиятельными домохозяевами», т. е. баями. Рядовой скотовод не участвовал в решении этих вопросов, хотя он и был в них коренным образом заинтересован. В суде первое слово давалось баю и бай сидел впереди, в то время как рядовой алтаец находился в задних рядах и преимущественно стоя на ногах. Бай, известный своим богатством, мог отдавать приказания простым смертным, и приказания эти беспрекословно исполнялись. Если бай звал на работу, то отказ мог быть сочтен за «стыд». Некоторые просто

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 158. — Здесь и всюду далее цитаты из произведений В. И. Ленина приводятся по четвертому изданию «Сочинений» В. И. Ленина.

[2] Там же, стр. 159.

боялись отказать, некоторые ехали работать на бая, не будучи ничем непосредственно ему обязаны, а исключительно из почтения к сильному человеку. Бай был тесно связан с местной администрацией, он легко мог, в случае необходимости, расправиться с неугодным ему алтайцем, мог штрафовать его.[1] Бай нередко даже разбирал споры между алтайцами, играя роль судьи. Баи не судили, а «мирили людей», — как выражаются алтайцы, т. е. улаживали ссоры мирным способом, и очень не любили, если после их, байского «примирения» бедняк все же обращался в суд. Таких строптивых баи бойкотировали, публично ругали на пиршествах и даже прогоняли с некоторых праздников, например со свадьбы. Случалось, что бай присуждал к наказанию. Общественное положение бая хорошо выражает поговорка: «Если кто у тубаларов богат, тот живет у них как начальник».



Дом бая.

Наконец четвертым условием и следствием барщинной системы хозяйства, по Ленину, было крайне низкое и рутинное состояние техники, ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных зависимостью и умственной темнотой. Это условие и следствие у алтайцев было также налицо. Рутинность, отсталость техники алтайского хозяйства напоминает ранние стадии развития человеческого труда. Даже хозяйства укту-баев и зайсанов поражали исследователей своей примитивностью.

Итак, в хозяйстве укту-баев мы находим, хотя и в неразвитой форме, все необходимые признаки феодальной системы хозяйства.

Для полноты характеристики алтайских баев XIX в. нужно еще сказать о торгово-ростовщической эксплоатации, которая являлась методом обогащения русских купцов, но не была чужда и алтайским баям.

[1] Мне рассказывали в селении Ело, Онгудайского аймака, что бай Манжи часто штрафовал живущих поблизости алтайцев по всякому поводу. Колхозник-кузнец Кайлык Клешов рассказывал нам, что в свое время бай Манжи оштрафовал отца Кайлыка за то, что его телка зашла на покос Манжи. Так как отец Кайлыка был кузнец, то Манжи в уплату штрафа заставил его выковать 200 железных пряжек к подпругам.

В XIX в. с проникновением и развитием русской торговли, с разложением натурального хозяйства у алтайцев среди них появляются торговцы, скупщики, посредники. Еще у Ледебура сказано, что богатые калмыки продавали скот русским купцам сразу более чем на 1000 рублей.

С одной стороны, торговлей занимались некоторые зайсаны и уктубаи — эти типичные представители патриархально-феодальной, байской верхушки; с другой стороны, в конце XIX в. торговлю вело и новое, буржуазного типа, байство, выраставшее в результате разложения крестьянства у алтайцев. В дальнейшем будут показаны возникновение нового байства и характеристика его различных типов.

Методы торговли алтайских баев-купцов почти не отличались от хищнических методов русских купцов. Уже миссионеры писали: «Обман торгашей инородцев в торговых сделках со своими же собратьями инородцами простирается до того, что один, например, смелый и ловкий обманщик торгаш ухитрился продать какому-то простому инородцу фунт изюму за целых десять рублей, убедив покупателя в том, что это была царская ягода, которую ест царь, и возбудив в нем таким образом охоту во что бы то ни стало отведать этой ягоды».[1]

Алтайские баи-торговцы обделывали дела не хуже своих русских коллег. Несмотря на это алтаец-производитель охотнее шел в кабалу к соплеменнику, хотя байская кабала отнюдь не была менее жестокой, чем у русских торговцев. Наоборот, в придачу к ростовщическому проценту алтайский бай-торговец почти всегда еще пользовался бесплатным трудом соплеменника-должника, ибо алтайские торговцы занимались и сельским хозяйством, комбинируя торговлю с разведением скота и земледелием.

Занимаясь торговлей, алтайский бай нередко вел свое хозяйство трудом должников (*алымду*). А баи, ведшие торговлю пушниной и кедровым орехом, широко практиковали также описанные выше условия тен-улеш — отработки из половины в уплату за средства производства промысла (лошадь, ружье, огнестрельные припасы).

Усть-канские баи-торговцы применяли такой прием. Они посылали бедняков в качестве своих агентов для закупки пушнины по району. Бай давал бедняку некоторую сумму денег, не превышавшую стоимости бедняцкого имущества. По условию бай обязывался уплачивать бедняку по 2—3 рубля за каждую сотню купленных белок. При приемке пушнины от бедняка бай производил сортировку и оценку купленной пушнины, причем жестоко браковал шкурки и оценивал их гораздо ниже уплаченной агентом цены. В результате байских подсчетов оказывалось, что бедняк купил «плохую» пушнину и слишком «дорого». Поэтому бай предъявлял к нему требования возместить «переплаченную» на покупке белки сумму, и бедняк, вместо того чтобы получить вознаграждение, становился должником бая.

Швецов, между прочим, упоминает о торговце из крещеных телеутов Максиме Баксарине, который вел обширную торговлю по алтайским стойбищам и был убит алтайцами, очевидно, за крайне жестокую эксплоатацию.[2]

Юхнев, приводя цифровые данные о торговле на Алтае, относящиеся к 1897 г., пишет: «Торговля вся сосредоточивается в руках посторонних элементов: разночинцев и крестьян, — их участие выражается 67%, в то

[1] Отчет Алтайской духовной миссии за 1891 г. Томск, 1892, стр. 14.

[2] С. П. Швецов. Переселенческие поселки, образованные в 1878 г. В кн.: Горный Алтай и его население, т. III, вып. I.

время как участие инородцев 33%». Юхнев объясняет это «большой приспособленностью (? — *Л. П.*) пришлого человека к такому виду труда (надо было бы сказать эксплоатации, — *Л. П.*), который для туземного жителя-инородца остается почти недосягаемым источником существования в силу его, инородца, некультурности, неразвития, неумения, незнания приемов торговли и пр.»[1] (разрядка моя, — *Л. П.*). Это неверно. Некультурность торговцев-алтайцев отнюдь не мешала эксплоатации; она только придавала ей более жестокие и своеобразные формы. На деле же меньший процент торговцев-алтайцев по сравнению с русскими объясняется главным образом монопольным положением в крае русских купцов как представителей господствующей нации и большей связанностью русского населения с рынком.

Чтобы закончить характеристику эксплоататорского класса алтайцев, скажу еще несколько слов о шаманах.

Шаманы (*камы*) также являлись эксплоататорами трудящихся алтайцев. Они разоряли их постоянными требованиями приносить в жертву различным шаманским духам лошадей, быков, овец и этим ослабляли экономическое положение рядового скотовода. Шаманы гребовали принесения жертв по всякому поводу: при болезни человека, падеже скота, неудаче на промысле и т. д. Шаманское мировоззрение алтайцев было пропитано первобытными религиозными представлениями. Шаманы пользовались этими представлениями в эксплоататорских целях. Они внушали трудящимся алтайцам идеи беспомощности и бессилия человека перед многочисленными сонмами злых и добрых духов, которыми населены небо, земля и подземный мир. Каждое явление, каждый результат человеческой деятельности толковался шаманами как проявление вмешательства духа в жизнь человека. Особенно грозен был живущий в подземном мире, во дворце из черной грязи, всесильный Эрлик, с челюстями, подобными двум большим лодкам. Косматый, с развевающейся черной бородой и закинутыми за уши усами, он разъезжал по своему подземному миру на черном быке и пил по утрам из дымящегося озера человеческую кровь. Эрлик — центральная и наиболее грозная фигура подземного мира, постоянно угрожавшая благополучию алтайцев и требовавшая через шаманов все новых и новых жертв скотом. А сколько насчитывалось еще других подобных персонажей шаманского пантеона — трудно подсчитать. Чего стоили алтайцам одни только сыновья Эрлика, «деятельность» которых алтайцы сравнивали с деятельностью русской администрации и называли их *ошкошло станобой пристап* (подобными становому приставу).[2]

Достаточно указать, что, даже если алтаец и жил благополучно, он все же ежегодно, а в иных случаях раз в три года, должен был приносить в жертву молодую (3—4 лет) лошадь светлой масти. А если происходили несчастья: болезнь членов семьи, падеж скота, неудача на промысле, то в таком случае, по повелению кама, жертвы приносились до тех пор, пока трудящийся не разорялся окончательно. А разорения эти случались очень часто и имели место вплоть до 1930 г., когда эксплоататорская деятельность шаманов была уже подорвана в корне. Газета «Кызыл Ойрот» в свое время буквально пестрела заметками, разоблачающими деятельность шаманов и разорительные последствия шаманских камланий. Приведу для примера только одну выписку.

---

[1] П. М. Юхнев. Неземледельческие промыслы кочевников Бийского уезда Там же, т. I, вып. II, стр. 172.

[2] А. В. Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев, стр. 89.

«В Сайдысе, Майминского аймака, — пишет корреспондент-алтаец, — есть 2 гражданина, которые на камлании прикончили весь скот. Один из них, Эдоков Макар, заболел и в течение двух лет все брал шамана, в жертву принес 12 голов скота, 25 кадок браги, около 30 пудов хлеба отдал. Второй, Дядеев Гавриил, всю скотину принес в жертву и впоследствии умер. Наши товарищи алтайцы так и разоряются».[1]

Разоряя трудящихся алтайцев жертвоприношениями, шаманы оправдывали и крайне неравномерное распределение жизненных благ среди алтайцев. По толкованию камов, богатство человека зависело от воли духов и от количества приносимых им жертв. Например, согласно шаманским представлениям, зародыши скота находятся «на втором небе» по дороге к светлому божеству Ульгеню на березе *бай кайын* (богатая береза). Шаман сдувает их при принесении лошади в жертву Ульгеню. Чем чаще приносить жертвы, тем больше можно получить зародышей скота. Отсюда вывод, что богатым может быть только богатый, а для бедняка перспектива разбогатеть не существует. Только богатый может приносить обильные жертвы скотом, брагой, вином и получать взамен от духов зародыши на всякое благополучие: на скот, на хорошие пастбища и т. д.

Шаманство у алтайцев было обращено на службу зайсанско-байской верхушке. Деятельность шаманов была безусловно эксплоататорской. Разоряя трудящихся требованиями жертвоприношений скотом, камы на этом сильно наживались, получая львиную долю мяса жертвенного животного и плату за камлание. Деятельность шаманов оценена алтайскими трудящимися в известной поговорке: «*Мал уру ит семис, кижи уру кам семис*» (скот болеет — собака жиреет, человек болеет — шаман жиреет).

Такими же эксплоататорами и пособниками зайсанов и баев являлись и *ярлыкчи* — служители нового бурханистского культа, появившиеся со времени 1904—1905 гг. (см. ниже). Они были близкими и верными помощниками зайсанов и баев в эксплоатации трудящихся алтайцев.

6. Характеристика общественных отношений

Из предшествующего изложения с полной очевидностью вытекает, что общество у алтайцев было классовым. Оно было основано на частной собственности с антагонистическим распределением средств производства. Класс крупных собственников скота — зайсанов и баев — сосредоточивал в своих руках средства экономического и внеэкономического угнетения и насилия. Интересам этого класса служил аппарат административного управления в лице зайсаната с его судом. Зайсанат в свою очередь был подчинен царскому административному государственному аппарату.

У южных алтайцев, как показано выше, прибавочный труд высасывался в виде докапиталистической ренты в двух формах. Во-первых, в виде отработочной ренты на основе частной собственности зайсанов и баев на скот, а во-вторых, в форме ренты продуктами — ясака, платившегося русскому царю на основе частной собственности последнего на земли, занятые кочевьями алтайцев. Эксплоатация алтайцев-скотоводов

---

[1] См. также примеры в моей работе «Поездка в колхозы Чемальского аймака Ойротской автономной области» (Изд. АН СССР, Л., 1932, стр. 44).

в форме отработок полыш, ярчи и др. была наиболее распространенной до конца XIX в.

Таким образом основная форма эксплоатации трудящегося алтайца-скотовода выражалась в форме натуральной ренты, доставляемой им собственнику скота в виде отработок и номинальному собственнику земли — русскому царю — в виде ясака (пушниной или деньгами). Эти формы эксплоатации характерны именно для феодальных отношений,

Алтайский шаман.

когда экономическая зависимость выступает в виде докапиталистической ренты «как нормальной формы прибавочной стоимости и неоплачиваемого прибавочного труда, который приходится доставлять собственнику условий производства».[1] При этом, по словам Маркса, «в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена» непосредственным производителям может противостоять государство, в таком случае «рента и налог совпадают или, точнее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой земельной ренты».[2]

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III, отдел VI. Изд. 8-е, стр. 575.
[2] Там же, стр. 570.

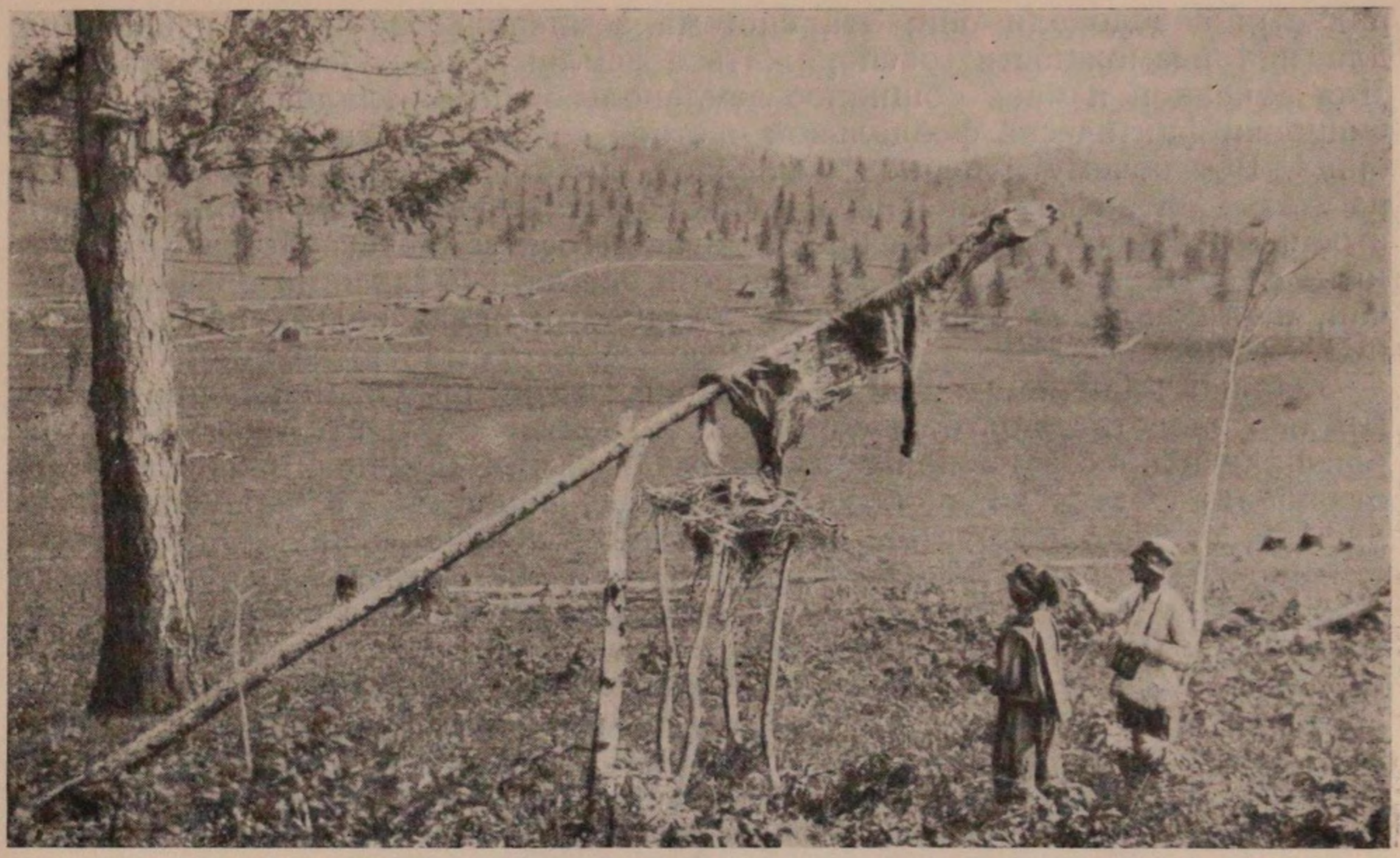
Однако феодальные отношения у южных алтайцев выступали в весьма своеобразной форме. Своеобразие это заключалось в том, что феодальные отношения переплетались здесь с патриархальными, родовыми отношениями и их пережитками. Существование последних было обусловлено не только господством отсталого кочевого и полукочевого скотоводческого хозяйства, но и тем, что это было выгодно зайсанам и баям. Последние были в этом прямым образом заинтересованы, так как родовые обычаи и воззрения помогали им маскировать их эксплоататорскую деятельность и держать подвластное население, при помощи этих неписанных родовых «законов», в полном повиновении. Эти неписанные родовые «законы» тормозили пробуждение классового самосознания эксплоатируемых скотоводов. Вот почему феодалы, богачи особенно активно поддерживали эти родовые формы среди подчиненных скотоводов, внушали необходимость придерживаться их, грозя отступникам бойкотом, изгнанием из рода и т. п.

Можно ли считать данное своеобразие недоразвитостью феодальных отношений у алтайцев? И как это согласуется с положением, установленным исследованиями К. Маркса: «Новые, высшие производственные отношения никогда не появляются на свет раньше, чем в недрах самого старого общества созреют материальные условия их существования».[1] На этот вопрос может быть только один ответ. О недоразвитости феодальных отношений у алтайцев можно говорить только весьма условно, только в сравнении с феодальными отношениями у народов более культурных, где основой хозяйства является земледелие, где барщина и оброк выступают в чистом и ярком виде. Исходя же из реальных условий общественно-экономической жизни у южных алтайцев, следует говорить не о недоразвитости феодальных отношений, а об их своеобразии. Феодальные отношения у алтайцев появились на свет, когда уже вполне созрели материальные условия их существования, и они вполне соответствовали этим условиям. Надо учитывать, что степень развития производительности труда у алтайцев-скотоводов уже давно достигла ступени, на которой не только осуществлялась возможность получения и присвоения прибавочного продукта, но осуществлялась возможность и использования чужой рабочей силы, осуществлялась возможность эксплоатации человека человеком. С переходом к скотоводству, по мере роста стад, у алтайцев уже возник новый, обильный источник материального благосостояния, находящийся в частной собственности. Рост производительности труда породил и новые производственные отношения, отношения господства и подчинения, отношения эксплоатации.

Своеобразие таких отношений, как полыш, натуральные приношения зайсану, отличающее их от русской барщины и оброка, необходимо выводить из материальных условий скотоводческого, экстенсивного хозяйства, где крайне важно учитывать и значительную степень сохранности родовых отношений и их пережитков. Феодальные отношения алтайцев обычно были облачены в родовой костюм, с целью маскировки эксплоататорской сущности этих отношений. Так, например, собственность феодалов, зайсанов и баев на основные средства производства прикрывалась родовыми, первобытно-общинными пережитками. Это проявлялось, например, в том, что землепользование формально было общинным. Общинная система землепользования вполне соответствовала и интересам зайсанов и баев при тех условиях, когда всеми общественными по-

---

[1] К. Маркс. К критике политической экономии. ГИЗ, М.—Л., 1929, стр. 55—56



Жертвоприношение лошади.

Могила теленгита.

рядками заведовали они; эта система землепользования не исключала для них возможности распоряжаться землями по своему усмотрению. Для зайсанов и баев общинное землепользование являлось формой маскировки фактически феодальной частной собственности на лучшие пастбища. Вот почему в период усиленной русской земельной колонизации на Алтае алтайские зайсаны в своих ходатайствах перед Кабинетом постоянно возражали против предполагавшегося землеустройства с отведением подушного надела на хозяйство и всегда, ссылаясь на древние обычаи, настаивали на сохранении за алтайцами права пользования обширными землями Алтая в общинной форме; это было им выгодно.

Однако наличие на Алтае большого количества земель, пригодных для скотоводства, долгое время (до землеустройства) отодвигало на второй план вопрос землепользования среди самих алтайцев. Общественные отношения внутри алтайского общества до конца XIX в. концентрировались не столько вокруг землепользования, сколько вокруг частной собственности на скот. Не случайно, что среди алтайцев не развились земельные поборы с населения за право пасти скот на землях, занятых тем или иным зайсаном, как это было, например, у киргизов, но выросли и развились различные формы эксплоатации на основе частной собственности на скот. Классовые интересы различных групп у алтайцев сталкивались преимущественно на этой почве. Скот был стержнем, вокруг которого происходила классовая борьба в алтайском аиле.

И здесь проявилась основная особенность феодальных отношений у алтайцев. Перечисленные выше формы эксплоатации выступали под оболочкой родовой, родственной помощи. Даже такой характерный признак феодальных отношений, как личная зависимость, внеэкономическое принуждение, формы и степени которого, по В. И. Ленину, «могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»,[1] — у южных алтайцев нес в себе черты отмеченного своеобразия. Если самостоятельные производители алтайцы вынуждены были работать на русского царя, вносить ему ясак в силу того, что они были его «подданными» и были прикреплены к алтайскому имению царя, то иную форму носило внеэкономическое принуждение, осуществлявшееся по отношению к трудящимся алтайцам зайсанами и баями. Зайсаны и баи осуществляли внеэкономическое принуждение при помощи родовых традиций. Каждый алтаец был приписан к определенному зайсану, без права перехода к другому, на основании родового признака. Даже прикрепление населения к зайсанам происходило в патриархально-родовой форме. Алтайцев закрепляли за определенным зайсаном сеоками, т. е. родами, независимо от местожительства членов данного сеока. Присвоение труда кулов и айбычи, описанное выше, также прикрывалось патриархально-родовыми формами. Закрепощение сородича или соплеменника происходило под видом родственной помощи, благодеяния, призрения сироты, покровительства и т. д. Поэтому, при живучести родовых воззрений, закрепощенный сородич чаще всего считал своего владельца благодетелем. Не случайно у южных алтайцев тех баев, которые широко раздавали скот в полыш, называли *полышту-бай*, или *пиянду-бай* (помогающий бай).[2]

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 159.

[2] Ср.: «Богачи-скотоводы, являясь эксплоататорами бедняков, все еще не потеряли в глазах массы инородческого населения значения благодетелей, почетных родичей, пекущихся об интересах всего алтайского народа» (Отчет о поездке на Алтай начальника Алтайского округа В. П. Михайлова в 1910 г., стр. 116).

Следовательно, для того чтобы определить тип, характер общественных отношений, господствовавших у южных алтайцев до конца XIX в. и продолжавших играть существенную роль и позднее, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, нужно применить к ним термин, который учитывал бы отмеченное своеобразие. Таким является термин «патриархально-феодальные отношения», введенный И. В. Сталиным. Этот термин наиболее точно передает своеобразие этих отношений, заключающееся в переплетении феодальных отношений с патриархальными родовыми пережитками. И. В. Сталин применил этот термин к характеристике общественных отношений у ряда народов, по его выражению «сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ) . . .».[1] И. В. Сталин связывает патриархально-феодальный характер производственных отношений именно с тем, что у ряда народов сохраняется скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт, т. е. с определенным уровнем и особенностями общественно-экономического развития, а не ставит это определение в зависимость от национальных, этнографических особенностей того или иного народа. Наши историки и этнографы при трактовке вопроса феодальных отношений у кочевых или полукочевых скотоводческих народов либо не поняли, либо не сумели использовать приведенное выше определение И. В. Сталина. Между тем, именно это определение является единственно правильным и должно быть введено в широкое научное обращение при исследовании вопросов истории и этнографии народов, недавно сохранявших еще скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт.

Общество у северных алтайцев существенным образом отличалось от структуры общества у южных. У них не было такого резкого разделения на классы, хотя разделение на бедных и богатых уже существовало. Если взять южных шорцев или челканцев, живших охотой на зверя, то у них не было производителей, совершенно лишенных средств производства. Каждый охотник мог охотиться в своей родовой тайге с самодельными ловушками, петлями и т. п., мог расчистить клочок под посев ячменя. Тайга находилась в общинном владении, а наиболее распространенные орудия труда были настолько первобытны и просты, что изготовление их было доступно каждому, и поэтому каждый являлся собственником изготовленных им орудий производства. Основная масса населения экономически была сравнительно однородной. Имущественное неравенство проявлялось главным образом в том, что здесь, с одной стороны, выделилась небольшая богатая верхушка, состоящая из паштыков и торговцев-скупщиков, материальное благополучие которой основывалось преимущественно на торгово-ростовщической эксплоатации соплеменников. Однако у значительной части северных алтайцев, кроме небольшой эксплоататорской верхушки, были уже настолько бедные хозяйства, что они вынуждены были существовать, нанимаясь в работники к зажиточным соплеменникам или русским кулакам (кумандинцы, тубалары, частично челканцы и т. д.).

Должность паштыка до включения северных алтайцев в состав России была выборной. Выбираемый паштык должен был, по обычаю, отказываться от должности, когда называли его кандидатуру, и бежать прочь. Вслед за ним бросалось все собрание и ловило его. Поймавшие паштыка держали его до тех пор, пока не подбегало большинство

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 25.

остальных членов собрания и не прикасалось к нему руками, хотя бы к краю одежды. Когда паштык видел, что подавляющее большинство уже «держалось» за него, он снимал шапку, кланялся и говорил: «Воля ваша, буду паштыком». Выборы считались оконченными.

У челканцев каждый член выборного собрания должен был прикоснуться к паштыку рукой и после этого своеобразного голосования паштык подчинялся воле собрания и считался избранным. В этом символическом пережитке хорошо выявлен момент былой родовой демократии у шорцев и челканцев, а также былое значение паштыка как «слуги народа».

В момент присоединения к России паштыки являлись должностными представителями рода уже с наследственным правом на должность, при котором выборы являлись формальной санкцией родовой общиной этого права.

После присоединения к России происходит процесс ускоренного превращения паштыков в эксплоататорскую верхушку. Царские власти, в интересах обеспечения своевременного и бесперебойного поступления ясака, превращают паштыков в своих представителей среди северных алтайцев. Царское правительство облекает их полномочиями власти, поручая им сбор ясака, а наиболее влиятельных из них отмечает наградами. Так, например, царь Алексей Михайлович в 1651 г. пожаловал «Кузнецкому уезду, Мрасские волости князцу Кунестейку Шерекову да улусному человеку Карачайку Ишлычакову, за их к нам службы и за радение, в их улусе князцу Кунестейку лутчим человеком князцом, а улусному Карачайку в улусе улусным яскулом».[1] В конце XVIII в. Павел I жалует большую золотую медаль на анненской ленте шорскому паштыку Токмаку. Награды эти следовали, разумеется, не даром.

Получив от царских властей право собирания ясака и разбора мелких дел, паштыки приобрели источник легкого и скорого обогащения. Вот почему позднее (80-е годы XIX в.), когда наследственность паштыков была отменена, многие паштыки все же старались удержаться на этой должности. Им удавалось добиваться своей цели в одних случаях путем запугивания, в других — путем задаривания, угощения, агитации своих подданных.

В начале нашего столетия перед выборами между паштыком и лицами, желающими занять данную должность, уже шла настоящая предвыборная борьба. Паштык и его соперники у шорцев и у челканцев перед выборами разъезжали по улусам, обильно угощали членов своей волости, призывая голосовать за свою кандидатуру.

У челканцев оба рода управлялись одним паштыком, выбираемым всегда из рода Чалканыг. У шорцев паштыка обычно выбирали из одной и той же *тӧль* (большой семьи). Род Кобый, например, выбирал паштыка из тӧли Шулбаевых.

В назначенный день выборов паштыка волость собиралась в определенном месте. Собиралось все мужское население, даже мальчики. Женщины у шорцев и челканцев не допускались на общественные собрания.

У челканцев, так же как у шорцев, родовитых паштыков не было.

У кумандинцев были паштыки родовичи (укту-зайсаны). Мне припоминали несколько таких паштыков, или зайсанов, как у верхних, так и у нижних кумандинцев.[2]

---

[1] Акты исторические, т. IV, стр. 148.

[2] Среди них у верхних кумандинцев — Шуркé Софронов, Кондай, Тортлыш, у нижних кумандинцев — Пакай.

В обязанности паштыка входили раскладка ясака на общем собрании и собирание его, судебный разбор мелких дел членов своей волости, содействие и организация передвижения чиновников и миссионеров по краю. Паштык имел право налагать штраф, наказывать розгами. Паштык освобождался от всяких податей и повинностей, возлагаемых на его подопечных. Он не мог быть наказываем розгами.

На обязанности паштыка лежала и переписка с представителями царской власти, в частности с полицейским управлением. Царские чиновники, естественно, писали паштыкам по-русски. Последним это доставляло много неприятностей: во-первых, паштыки, за редким исключением, не владели русским языком, особенно бюрократическим полицейским, во-вторых, они были неграмотны. Секретарей или писарей паштыки не имели. Поэтому и получалось, как сообщает Вербицкий, что «все паштыки и есаулы при свидании... представляют нам груду предписаний, лежащих более года в их портфелях, согнутых из бересты, без всякого движения, и просят нас прочесть и наставить, что по ним делать, так как на все инородческое население Кузнецкой Черни грамотных причитается только 1 ученик, кончивший курс в нашей школе... Тут были и злосчастные статистические таблицы, более трех лет вопиющие о самоскорейшей проставке цифр по известным данным. Но более всего было предписаний Кузнецкого окружного полицейского управления, где означено количество душ в их волостях, числящихся по последней ревизии, и сколько им следует внести ясаку».[1]

Судебные функции паштыка, передоверенные ему царской властью, долгое время были ограничены, вследствие участия в них родовой общины. У шорцев рода Кобый на каждое судебное заседание выделялось шесть человек, преимущественно стариков, которые во главе с паштыком и составляли суд. В северной Шории при паштыке были выбранные от волости судьи в количестве 12 человек. Выбирались эти судьи на собрании, из людей наиболее сметливых и активных. Судьи сидели во время суда вместе с паштыком за столом, паштык посредине. Приговор выносили большинством голосов состава судей. Перед реформой 1912 г. многие паштыки в северной Шории производили суд уже самостоятельно.

У челканцев при разборе серьезных дел народ выбирал в помощь паштыку также шесть человек, преимущественно из авторитетных стариков (*комолор*), которые разбирали дело совместно с паштыком.

Паштык на суде приговаривал к штрафу или наказанию розгами. Если бедный человек не в состоянии был уплатить штраф, за него вносил кто-либо позажиточнее, а он за это отрабатывал заплатившему. Если паштык присуждал розги, приговор приводили в исполнение сейчас же. Розги делались из черемухи. Экзекуцию производило специальное лицо — *чазол* (есаул),[2] которое являлось исполнителем при паштыке.

Должность паштыка была доходной. Главные доходы были от сбора ясака и взяток от суда. Шорцы в возрасте от 18 до 50 лет должны были по закону платить ясак. Паштык же брал подати и с шестнадцатилетних. Вот эта-то подать с подростков собиралась паштыком почти целиком для себя. У челканцев подростки, начиная с 14—15 лет и до 18 лет, платили паштыку *кожынта* (надбавку) по 30—40 коп. с души. Эта над-

---

[1] Записки миссионера Кузнецкого отдела Алтайской духовной миссии свящ. В. В. Вербицкого за 1874 г. Томск. губ. ведомости, № 25, 1875.

[2] От монгольск. *дзасагул* — чиновник.

бавка также шла паштыку, причем он собирал ее преимущественно деньгами. Этими суммами паштык распоряжался фактически бесконтрольно. Паштык на общественные деньги нанимал работников для обслуживания своего хозяйства, мотивируя это занятостью общественными делами и невозможностью самому заниматься собственным хозяйством.

Особенно наживались паштыки на пушнине, поступавшей в ясак. В ясак выбирали самые хорошие шкурки. Белок брали лучших, чернохвостых, колонков самых крупных. Подать в последнее время исчислялась на деньги, а платили ее попрежнему пушниной.

Часто паштыки хорошую пушнину продавали в городе по рыночным ценам, а взамен ее покупали хуже сортом и вносили в казначейство, оставшиеся же деньги пропивали в городе, хотя для поездки в город и расходов на угощения чиновников им отпускались специальные средства.

Особенно много дохода получали некоторые паштыки от взяток при судебных разбирательствах, так как суд находился иногда исключительно в руках паштыка.

Взяточничество особенно широко процветало среди паштыков, живших в верхнем течении р. Мрассы.[1] У кумандинцев прославился взяточничеством паштык Шуркé Софронов.

Паштыки жили довольно зажиточно. Это были типичные эксплоататоры — продукт ускоренного, под влиянием колониальной политики царизма, разложения первобытно-общинного строя у северных алтайцев.

Паштык требовал уважения. Так, например, зашедший к паштыку алтаец снимал шапку, а сам стоял у дверей, если паштык не приглашал его пройти и сесть. Нельзя было пересечь дорогу идущему паштыку.

Все изложенное о паштыках дает полное основание рассматривать их в последний период царской колонизации не как представителей интересов разрушающейся родовой общины, а как агентов царских чиновников-угнетателей.

Правда, еще в 60-х годах XIX в. В. Радлов встречал среди шорцев таких паштыков, которые на этой должности не только не обогатились, но представляли собой настоящих бедняков. Вот описание такого паштыка: «Дом паштыка был едва ли не худший в деревне. Одежда этого облеченного властью лица была изорвана и висела на его теле лохмотьями. Вместо шапки, он повязал голову грязным, пестрым носовым платком».[2] Однако это скорее единичный случай. А. В. Адрианов, посетив Шорию в 1881 г., уже дал другую и вполне справедливую характеристику социального лица паштыков. Адрианов пишет: паштык «потерял прежние прерогативы и сделался послушным орудием в руках русской земской власти.

Звание паштыка, или попросту старосты, не наследственно теперь, а передается по выбору членов, входящих в состав волости, и притом не самостоятельно, а под давлением заседателя, писаря, исправника. Паштык настоящего времени не патриарх, не глава одной семьи, а послушное орудие в руках разных мелких властей, первый и злейший враг народа».[3]

---

[1] Миссионерство на Алтае и Киргизской степи в 1888 г. Томск. епарх. ведомости, № 7, 1888.

[2] W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, S. 344.

[3] А. В. Адрианов. Кузнецкий край. Живописная Россия, т. XI, стр. 294—295 Ср.: К. Н. Миротворцев. Отчет о южной части Кузнецкого имения. Труды Съезда земельно-лесных чинов Алтайск. округа в 1910 г., стр. 13.

Вторым представителем эксплоататорской верхушки у северных алтайцев являлся бай-торговец. Основным занятием баев северного Алтая была посредническая, ростовщическая торговля. Сельское хозяйство у них имело небольшие размеры и было ориентировано главным образом на удовлетворение собственных нужд.

Баи-торговцы северного Алтая являлись как бы учениками и воспитанниками русских торговцев. Большинство баев северного Алтая вело свою эксплоататорскую деятельность в качестве посредников между русскими торговцами и трудящимися алтайцами. Этот вопрос подробно рассмотрен мною на материале шорцев.[1] Я коснусь здесь только краткой характеристики баев-торговцев северного Алтая, главное богатство которых заключалось не в размерах сельского хозяйства, например в огромных стадах, как у баев скотоводческих районов, не во владении большими земельными территориями, а преимущественно в деньгах и в усадебных постройках русского типа. Большие амбары-склады для товаров, магазины или лавки были наиболее характерным признаком для баев северного Алтая.

Среди челканцев, где баев, вообще говоря, было мало, наиболее выдающимся по богатству (в начале XX в.) являлся торговец А. П. Кандараков, живший в долине р. Лебеди. Он вел свои торговые дела при помощи купцов из г. Бийска. Кандараков был монополистом по скупке пушнины, ореха, меда и воска по долине р. Лебедь. У него была обширная усадьба с тремя амбарами и большая пасека. По долине Байгола, в улусе Шокшы, жил торговец челканец Поликарп Пустагачев. Он скупал орех и пушнину. В тайге у него, в местах промысла кедрового ореха, было несколько амбаров для приемки ореха. Работал он от бийских купцов, со скупленной пушниной ездил иногда на Ирбитскую ярмарку. Пустагачев имел большой деревянный дом и пасеку. По р. Сортызасу (правый приток Байгола) жил бай челканец Михаил Крычанаков, имевший в тайге несколько амбаров для скупки ореха. У него была большая пасека и просторный деревянный дом.

У кумандинцев богатыми торговцами являлись Назар и Апьян Ченчикеевы, жившие в Кобые. Много баев-торговцев было среди тубаларов. В работе П. М. Юхнева,[2] перечисляющего крупные торговые фирмы «в большой черни», кроме русских, указаны и крупные торговцы из северных алтайцев: зайсан Тобоков, Чендековы, Кодечи и Самал Тотжоковы, Чычканаков, Тулай, Санзар, Бардамаш, Тюхтен и др. Во время сбора кедрового ореха они завозили в чернь товары: чай кирпичный, обувь, кожи, табак, мясо, ножи, огнестрельные припасы, разную мелочь вроде зеркалец, бус и т. п. Приемка ореха от производителей происходила в черни, на месте промысла, а затем орех свозился к скупщикам и ссыпался в амбары, которые торговцы имели в той же черни.

Наиболее крупным скупщиком ореха в большой черни, прилегающей к Телецкому озеру, из алтайцев-тубаларов был зайсан Михаил Тобоков. Он скупал одну пятую часть всего урожая черни. Тайга, или чернь, была разделена между Михаилом Тобоковым и его сыновьями. Амбары и сушилки Михаила Тобокова находились по рекам Ирбиту и Ирна (приток Уйменя). На р. Кара-Кокше, в местности Бежельбике, стояли амбары его сына Ивана Михайловича Тобокова. Товары, продукты

---

[1] Л. П. Потапов. Очерки по истории Шории, стр. 206—220.

[2] П. М. Юхнев. Неземледельческие промыслы кочевников Бийского уезда. В кн.: Горный Алтай и его население, т. I, вып. II.

питания (скот и сухари), Тобоков привозил в чернь к своим амбарам и потом объезжал с сыновьями и приказчиками станы промышленников, контрактуя добычу ореха и пушнины. В сезон промысла между скупщиками в черни происходила конкуренция. Чтобы привлечь сдатчиков ореха, русские скупщики (например Кайгородов или приказчики купца Орлова) круглые сутки варили возле своих амбаров мясо для угощения, поили гостей водкой и раздавали им сухари. Это угощение нередко соблазняло даже уже закабаленных, закредитованных сдатчиков, и они ссыпали орех чужим скупщикам.

Борьба за сдатчиков шла и другими путями. Например, Тобоков вешал принимаемый орех на весах, но вместо гирь клал им одним вывешанные специальные камни — пудовки. Такая гиря фактически тянула около 80 фунтов, причем Тобоков еще сбрасывал часть веса на сорность, на усушку ореха. Таким образом можно смело утверждать, что он принимал за пуд два пуда орехов. Русские скупщики Орлов, Обабков и др. вели широкую агитацию против камней Тобокова и всячески старались скомпрометировать его «гири»; тобоковским камням они противопоставляли казенные, с печатью, точные чугунные гири. Однако как только разнеслась молва об этих гирях и стоило им войти в доверие у алтайцев-промышленников, так русские скупщики стали высверливать у чугунной гири дно и заливать его свинцом. Такие гири мало чем отличались от тобоковских камней.

Основным методом торговли баев северного Алтая являлась торговля в кредит (под ростовщический процент) продуктами питания (мука, убойные лошади, чай, сахар и т. д.), огнестрельными припасами (порох, свинец), различными тканями, железными изделиями и т. д. Само собой разумеется, что обсчет и обман в этих обменных операциях со стороны торговцев был в большом ходу.

Баи северного Алтая вели собственное хозяйство трудом наемных работников. Работники-батраки, годовые и сезонные, у челканцев назывались *тялчы*, а поденные — *кюниш*. Оплачивались они очень низко. Вот пример. Челканец Чабай Пустагачев (селение Курмач-Байгол) во время первой империалистической войны жил у своего родственника Осипа Курусканова (р. Садра) в работниках в течение года за 10 рублей. Отец Чабая, Кызыка, работал целое лето у своего дяди Пустагачева за ситцевую рубаху, и т. д.

Челканские баи держали в работниках почти исключительно обедневших родственников.

Кроме найма капиталистического типа, баи у северных алтайцев пользовались и отработками. Если бедняк обращался к баю за семенами для посева или за хлебом, то он за это должен был отработать баю. Отработки применялись и при вспахивании земли, обычно вручную мотыгой, инвентарем владельца. За одно сито семян нужно было копать пашню в течение дня. Иногда баи весной при обработке пашни или летом во время сенокоса устраивали *момыш* (помочь), во время которой приглашенные баем вспахивали пашню или выкашивали покос в течение одного дня за угощение.

Итак, у северных алтайцев под влиянием царской колониальной политики, под влиянием проникновения в улусы северного Алтая капиталистических отношений происходило интенсивное разложение первобытно-общинных отношений. Низкий уровень развития производительных сил, остатки первобытно-общинной собственности на охотничью территорию, остатки общего коллективного труда и распределения про-

дукта, сохранность родовых форм быта — все это позволяет утверждать, что первобытно-общинные отношения еще не были полностью уничтожены. Однако участь их была решена. После проведения земельной и административной реформ (в конце первого и начале второго десятилетия XX в.) общественную жизнь у северных алтайцев определяли уже не первобытно-общинные отношения, описанные выше, продолжавшие жить в сознании массы трудового населения, а новые отношения, отношения господства и подчинения, отношения эксплоатации на основе частной собственности, отношения примитивно-капиталистического типа, порожденные царской колонизацией.

7. Элементы капитализма

Наряду с патриархально-феодальными отношениями у южных алтайцев в конце XIX в. и особенно в начале XX в. появились зародыши новых общественных отношений, характерных для первоначальной стадии капитализма.

Признаки разложения натурального хозяйства у южных алтайцев стали появляться уже с 60-х годов. Так, за период с 1860 по 1870 г. у алтайцев наблюдается сильный упадок скотоводства, отмеченный Радловым. Причину этого упадка Радлов видел в разорении алтайцев торговцами.[1] Обнищание алтайцев-скотоводов отметил и Ядринцев.[2] Но оба исследователя не указывают, каких же хозяйственных групп населения коснулось более всего это обеднение. Между тем это наиболее существенный момент в данном вопросе. Обеднение более всего задело средние и маломощные группы алтайского крестьянства.

Процесс этот вследствие ряда причин, действовавших одновременно, протекал в ускоренном темпе, и в последние годы XIX в. разложение хозяйства алтайцев-скотоводов обнаруживает признаки, характерные для начального периода капиталистического расслоения деревни. Классовое расслоение и факт разложения натурального хозяйства у южных алтайцев, не понятый или замолчанный старыми исследователями, устанавливаются на материале экономической обеспеченности различных групп скотоводческих хозяйств. Я имею в виду цифровые материалы Алтайской статистико-экономической экспедиции 1897 г., которой руководил С. П. Швецов, и данные статистико-экономического обследования алтайцев специальной экспедицией Переселенческого управления в 1908 г.[3] Экспедиция Швецова, ставя себе задачу произвести полное и всестороннее обследование экономической жизни и быта алтайцев для решения вопроса о землеустройстве их, произвела подворную перепись всего населения Алтая и собрала обширный материал, характеризующий бытовые и экономические условия. С. П. Швецов и П. М. Юхнев обработали материал, относящийся к южным алтайцам, и опубликовали его.[4]

При всей ценности этой большой работы в ней имеется коренной недостаток, заключающийся в том, что выводы С. П. Швецова об эконо-

[1] W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, S. 285.
[2] Н. М. Ядринцев. Сибирские инородцы, стр. 105—106.
[3] Экономические таблицы. В кн.: Горный Алтай и его население, т. II. См. также: Статистические таблицы по обследованию Горного Алтая в 1908 г. Изд. Томск. переселенч. управления.
[4] С. П. Швецов. Кочевники Бийского уезда. В кн.: Горный Алтай и его население, т. I, вып. I: П. М. Юхнев. Неземледельческие промыслы кочевников Бийского уезда. Там же, вып. II.

мическом положении алтайцев построены на основании средних величин. А, как известно, средние числа прикрашивают действительность. Вследствие того, что у алтайцев был известный процент хозяйств, обладающих огромными стадами, средние числа обеспеченности алтайцев скотом получились сильно преувеличенными. Средние числа создали видимость хозяйственного благополучия среди алтайцев, впечатление равномерной обеспеченности их скотом.[1] Средние числа замаскировали резкое экономическое неравенство, выросшее и развившееся именно на базе неодинаковой обеспеченности скотом. Вот почему будет более правильно оставить в стороне «средние» экономические выводы и выкладки С. П. Швецова и, обратившись к сырому материалу, помещенному в ряде таблиц, обработать его в группы по обеспеченности алтайцев различными видами скота. Тогда получается иная картина. На основании точных данных становится видно, что алтайцы к концу XIX в. переживали процесс резкого имущественного расслоения, затронувшего более половины всего населения (табл. 3—7).

В табл. 3 сразу привлекает внимание резкая неравномерность в обеспеченности крупным рогатым скотом. С одной стороны, мы видим 8.2% хозяйств, совершенно не обеспеченных этим видом скота, затем 6.6% хозяйств, имевших лишь одну голову рогатого скота, т. е. также необеспеченных, и, наконец, малообеспеченных скотом 18.1%. С другой стороны, данные табл. 3 показывают 25.6% обеспеченных хозяйств, имевших от 10 до 50 голов, и 1.8% байских хозяйств, в которых скот

Таблица 3

Группа по обеспеченности крупным рогатым скотом	Количество хозяйств в группе		Количество скота в группе	
	абс.	в % к общему количеству	абс.	в % к общему количеству
Не имевшие скота	452	8.2	—	—
Имевшие скот:				
1 голову	336	6.6	366	0.5
2—4 головы	1006	18.1	3018	4.5
4—10 голов	2199	39.7	14784	22.1
10—50 »	1417	25.6	27446	40.9
50 и выше голов	97	1.8	21415	32.0
Итого	5507	100	67029	100

исчислялся сотнями и тысячами голов. Между этими полюсами расположена группа среднеобеспеченных хозяйств, имевших от 4 до 10 голов крупного рогатого скота и составлявших 39.7% всех хозяйств. Характернее всего, что первые четыре группы, составлявшие 72.4% всех алтайских хозяйств, обладали 18 168 головами крупного рогатого скота, что составляет 27.1% всего крупного рогатого скота, имевшегося

[1] Против средних чисел обследования 1897 г. выступил и В. П. Михайлов в своем отчете по ознакомлению с Горным Алтаем летом 1910 г. (стр. 111).

у алтайцев, в то время как только одна последняя группа, составляющая 1.8% всех алтайских хозяйств, имела 21 415 голов крупного рогатого скота, что составляет 32% всего имевшегося у алтайцев крупного рогатого скота.

Таким образом большинство алтайских хозяйств (72.4%), взятых вместе, имело крупного рогатого скота меньше, чем зайсанско-байская верхушка, составлявшая всего лишь 1.8% всех алтайских хозяйств. Иначе говоря, крупный рогатый скот концентрировался в руках богачей — зайсанов и баев.

То же самое получается и при рассмотрении обеспеченности алтайцев другим видом скота — рабочими лошадьми (табл. 4).

Таблица 4

Группа по обеспеченности рабочими лошадьми	Количество хозяйств в группе		Количество скота в группе	
	абс.	в % к общему количеству	абс.	в % к общему количеству
Безлошадные	588	10.6	—	—
Имевшие лошадей:				
1—2 лошади	1913	34.5	2869	6.9
3—5 лошадей	1238	22.4	4952	11.5
5—10 »	1077	19.5	8067	19.4
10—50 »	652	11.8	19560	46.8
50 и выше лошадей	69	1.2	6375	15.4
Итого	5537	100	41823	100

Из данных табл. 4 также видна резкая неравномерность в обеспеченности. При кочевом и полукочевом экстенсивном скотоводстве лошадь имеет важное значение в хозяйстве. Средняя обеспеченность, по Швецову, должна выразиться 5—10 рабочими лошадьми. Хозяйств, удовлетворяющих этой норме, согласно табл. 4, 1077, или 19.5%. Поражает большой процент (10.6%) совершенно безлошадных, стало быть лишенных возможности кочевания и вынужденных или осесть и перейти к другим способам хозяйства — к лесным промыслам. земледелию,[1] или же продавать свой труд в зажиточные хозяйства.

Если обратиться к данным обследования 1908 г., охватившего по сравнению с обследованиями 1897 г. несколько меньшее количество хозяйств, то и эти данные также подтверждают экономические различия среди алтайцев-скотоводов (табл. 5).

Из табл. 5 также видно, что первые четыре группы, составляющие 52.1% обследованных хозяйств, имеют 11 230 голов крупного рогатого скота, или 16.6% всего крупного рогатого скота, а последняя малочисленная группа в 177 хозяйств, составляющая 3.8% всех обследованных

[1] Радлов писал про алтайцев-телесов, что бедняки не могут разводить скот и занимаются преимущественно земледелием (Reise durch den Altai nach dem Telezker See und dem Abakan. Ermann's Archiv f. wiss. Kunde v. Russland, Bd. XXIII, 1865, S. 275).

Таблица 5

Группа по обеспеченности крупным рогатым скотом	Количество хозяйств в группе		Количество скота в группе	
	абс.	в % к общему количеству	абс.	в % к общему количеству
Не имевшие скота	248	5.2	—	—
Имевшие скот:				
1 голову	118	2.5	118	0.2
2—3 головы	459	9.8	688	1.0
4—9 голов	1620	34.6	10424	15.4
10—19 »	1341	28.6	18347	27.0
20—49 »	728	15.5	22736	33.5
50—100 и выше голов	177	3.8	15516	22.9
Итого	4691	100	67829	100

хозяйств, сосредоточивает у себя 22.9% (15516 голов) всего стада крупного рогатого скота. Таким образом и здесь налицо резкая неравномерность в обеспечении крупным рогатым скотом.

По обеспеченности лошадьми та же картина (табл. 6).

Таблица 6

Группа по обеспеченности рабочими лошадьми	Количество хозяйств в группе		Количество скота в группе	
	абс.	в % к общему количеству	абс.	в % к общему количеству
Безлошадные	221	4.7	—	—
Имевшие лошадей:				
1—2 лошади	886	18.9	1351	1.2
3—4 »	614	13.1	2149	2.0
5—9 лошадей	874	18.6	6118	5.6
10—19 »	821	17.5	11377	10.3
20—49 »	822	17.6	26671	24.2
50—200 »	378	8.0	38650	35.1
200 и выше лошадей	74	1.6	23727	21.6
Итого	4691	100	110043	100

Данные табл. 6 выражают разницу между крайними группами еще резче. Первые пять групп, составляющие 72.8% всех обследованных хозяйств, сосредоточивают у себя 19.1% всех лошадей, тогда как последняя группа (74 хозяйства), составляющая лишь 1.6% обследованных хозяйств, имеет 21.6% всех лошадей, т. е. больше, чем первые пять групп, взятых вместе.

Еще более резкое неравенство имело место в обеспеченности мелким скотом (табл. 7).

Из табл. 7 видно, что особенно велик был процент хозяйств, не имевших скота. Это свидетельствует о том, что разведением мелкого скота у алтайцев занимались зажиточные и очень богатые скотоводы, преследовавшие торговые цели. Большинство же населения держало мелкий скот (овец) понемногу и для удовлетворения потребностей своего хозяйства, а не рынка. По существу же более половины всего мелкого скота, 55.7%, находилось в руках двух последних групп, составлявших 11.9% обследованных хозяйств.

Таблица 7

Группа по обеспеченности мелким скотом	Количество хозяйств в группе		Количество скота в группе	
	абс.	в % к общему количеству	абс.	в % к общему количеству
Не имевшие скота	1556	32.2	—	—
Имевшие скот:				
10 голов	425	9.0	4250	2.1
10—19 »	576	12.3	8352	4.3
20—29 »	417	8.9	11216	5.7
30—49 »	587	12.5	20545	10.4
50—99 »	570	12.2	42750	21.8
100—150 »	348	7.4	43500	22.1
150 и выше голов	212	4.5	65907	33.6
Итого	4691	100	196520	100

Резкое имущественное неравенство, выявленное изложенным выше материалом, имеет колоссальное значение для исследования общественной жизни алтайцев. Вспомним, как В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» указывал народникам, что имущественное неравенство среди крестьян нельзя рассматривать как простую диференциацию: «Несомненно, что возникновение имущественного неравенства есть исходный пункт всего процесса, но одной этой „диференциацией“ процесс отнюдь не исчерпывается. Старое крестьянство не только „диференцируется“, оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения, — типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством».[1] То же читаем у В. И. Ленина в другой его работе — «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве»: «...Дело не ограничивается созданием одного только имущественного неравенства: создается „новая сила“ — *капитал*... Создание этой новой силы сопровождается созданием новых типов крестьянских хозяйств: во-первых, зажиточного, экономически крепкого, ведущего развитое товарное хозяйство, отбивающего аренду у бедноты, прибегающего к эксплуатации

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 142.

чужого труда; * — во-вторых, „пролетарского“ крестьянства, продающего свою рабочую силу капиталу».[1] Это указание В. И. Ленина чрезвычайно важно, и забыть его значит скатиться к народнической социологии.

Из приведенных выше табл. 3—7 видно, что уже в конце XIX в. процесс разложения натурального хозяйства и роста имущественного неравенства у алтайцев-скотоводов зашел довольно далеко.

Каковы были причины, разлагавшие натуральное хозяйство у алтайцев? Одной из причин было вторжение в алтайские стойбища русского торгового капитала, который разрывал замкнутость и ограниченность натурального хозяйства (особенно в последней четверти XIX в.), втягивая его в рыночные отношения. Отличительными чертами этого вторжения являлись принудительность торговой сделки и ее кредитный характер на основе высокого процента. Второй причиной следует признать введение денежных податей и повинностей, которые в условиях натурального хозяйства означали насильственный поворот производителя к рынку и превращали производителя в легко доступный объект ростовщической и буржуазной эксплоатации. Выше я уже говорил об этом достаточно подробно. Наконец, третьей причиной разложения явилась товаризация байского скотоводческого хозяйства, возникшая в процессе разложения натурального хозяйства и ориентировавшая это хозяйство на рынок. Об этой причине нужно сказать особо.

В большинстве случаев разложение натурального хозяйства скотовода-производителя сопровождалось разорением его. Самостоятельный мелкий хозяин, опутанный крепкими нитями торгово-ростовщической кабалы, изнемогавший под бременем налогов, постепенно разорялся и становился по существу сельскохозяйственным пролетарием. Это была одна сторона процесса разложения алтайской экономики. Другая сторона этого процесса выражалась в росте местной сельскохозяйственной буржуазии, в росте буржуазного байства, разводившего товарный скот, торговавшего, занимавшегося ростовщичеством, устраивавшего торгово-промышленные заведения.

Сравнительно однородная масса среднего алтайского скотоводческого крестьянства выделяла из себя новые общественные группы, качественно отличные от среднего крестьянства. Эти нарождавшиеся общественные группы, — с одной стороны, сельскохозяйственное буржуазное байство, с другой, сельскохозяйственный пролетариат, — имели общий признак — товаризацию хозяйства. В этом их сходство. Их различие заключалось в диаметрально противоположном отношении к средствам производства. Буржуазное байство (*якшилары*) сосредоточивало у себя главные средства производства. Наоборот, сельскохозяйственные пролетарии — батраки (*йоктулары* — неимущие) были или совершенно лишены всяких средств производства, кроме пары собственных рук, или же владели недостаточными средствами производства для ведения собственного хозяйства и потому были вынуждены продавать свой труд, не будучи в состоянии использовать его в своем хозяйстве.

Процесс разложения алтайского хозяйства не означал только разложения сравнительно однородной массы скотоводов на сельскохозяй-

---

* Г. Струве не упоминает об этой черте. Она выражается и в употреблении наемного труда, играющем не малую роль в хозяйстве зажиточных крестьян, и в операциях ростовщического и торгового капитала в их руках, равным образом отнимающего сверхстоимость у производителя. Без этого признака нельзя и говорить о «капитале». (Примечание В. И. Ленина, — *Л. П.*)

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 460.

ственную буржуазию и сельскохозяйственный пролетариат. Как писал В. И. Ленин, в отношении русского крестьянства «процесс разложения крестьянства есть в то же время процесс смены натурального хозяйства товарным. . .».[1] Это положение имело место и у алтайцев. Хозяйство алтайцев перестраивалось на товарный лад. Трудящиеся алтайцы-скотоводы и особенно охотники по существу уже давно работали на рынок. Правда, они не выступали на рынке сами: продукты их хозяйства, предварительно обесценив, реализовали на рынке русские и свои скупщики. П. М. Юхнев указывал, например, что продажа сельскохозяйственных продуктов у алтайцев практиковалась довольно широко и что главнейшими поставщиками сельскохозяйственных продуктов — сена, масла, мяса, шерсти, шкур — в крае были алтайцы. По размеру годового дохода от продажи сельскохозяйственных продуктов, выражавшегося для многих хозяйств в сумме от 5 до 15 руб. от продажи масла (при цене масла 4 руб. 50 коп. и 5 руб. 50 коп. за пуд) или от 10 до 20 руб. от продажи сена (при цене сена 8—10 руб. за 100 копен), можно видеть, что в рыночные отношения втягивались и середняцкие хозяйства. Если учесть, что 83—84% алтайцев занимались зверовым промыслом и сбором кедрового ореха, — а эта продукция целиком шла на продажу, — то станет ясно, что основная часть алтайского населения была втянута в рыночные отношения. В зверовом промысле алтайцев основным был промысел белки. Наибольшее число хозяйств добывало в год от 20 до 50 белок, небольшой процент хозяйств — от 50 до 100. При средней цене на белку 15 коп. за шкурку первая группа зарабатывала от белки около 6 руб. в год, вторая группа — 12—15 руб. О количестве продукции орехового промысла дают представление следующие данные:

Хозяйств, добывающих	до	10	пудов	ореха	в	год	.	.	.	.	.	.	.	14.6%
»	»	»	10—20	»	»	»	»	.	.	.	.	.	.	41.5
»	»	»	20—30	»	»	»	»	.	.	.	.	.	.	20.8
»	»	»	30—50	»	»	»	»	.	.	.	.	.	.	14.4
»	»	»	50—100	»	»	»	»	.	.	.	.	.	.	7.3
»	»	»	100 и выше	пудов	ореха	в	год	.	.	.	.	.	.	1.4

При средней цене ореха 70 коп. за пуд алтайцы имели годовой заработок от сбыта этой продукции от 7 до 14 руб. для первой группы и от 14 до 21 руб. для второй группы. Однако на деле население почти ничего не получало на руки, так как отдавало орех за долги и покупало товары у купцов снова в долг под орех или под пушнину.

Наибольшей товарностью обладали байские, буржуазные хозяйства, которые продавали скот, кожи, волос, шерсть, пушнину, орехи, мед, воск и т. д. Они покупали на рынке новые сельскохозяйственные машины, племенной товарный скот и т. д. Этот процесс можно сравнить с ростом «торгового земледелия» и «торгового скотоводства», что в свое время констатировал В. И. Ленин в русском помещичьем хозяйстве как признак перехода его к капиталистическим формам.[2]

Наряду с байскими втягивались в рыночные отношения батрацкие и некоторые бедняцкие и маломощные хозяйства, которые, не будучи в состоянии вести самостоятельное скотоводческое хозяйство, занимались различного рода промыслами (пушной охотой, сбором кедро-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 135.
[2] Там же, стр. 213—284.

вого ореха) и продавали свою рабочую силу, нанимаясь в батраки к баям.

Из материалов алтайской статистической экспедиции 1897 г. видно, что батрацко-бедняцкая часть населения постоянно имела денежный заработок, получаемый главным образом путем продажи труда, а также из различных промыслов и ремесленных занятий (извоз, отдача под съезд последней лошади, выделка овчин и козьих шкур, шитье дох, рукавиц). Хотя торговцы и кулаки производили расчеты с алтайской беднотой преимущественно товарами, но некоторая часть платежных операций производилась также деньгами. Наконец довольно длинный список с расценкой товаров, которые завозились к алтайцам, говорит о том, что натуральное потребление частично превращалось в денежное. Вот неполный список этих товаров, заимствованный из материалов П. М. Юхнева.

Чай русский кирпичный	1 р. 10 к., 1 р. 20 к. и 1 р. 50 за кирпич
Чай чуйский	2 р. кирпич
Бязь	18 к. аршин
Даба	2 р. 80 к.—3 р. кусок 16 аршин
Свинец	20 к. фунт
Порох	1 р. 10 к.—1 р. 20 к. фунт
Ножи	20—25 к. штука
Листовой табак	15—20 к. фунт
Соль	60—70 к. пуд
Выделанная кожа	6 р. 50 к.—7 р. штука
Черненая кожа	8 р. штука
Грубое сукно	1 р. 80 к. аршин
Опояски	30—40 к. штука.

Середняцкая часть скотоводов отличалась наименьшим развитием товарного хозяйства, но все же была втянута в товарные отношения. Базисом хозяйства этой части населения являлось мелкое скотоводство с примитивной техникой.

Новое, буржуазного типа байство вело комбинированное хозяйство. Баи разводили молочный, товарный скот и маралов, занимались земледелием, устраивали обширные пасеки, кустарные маслодельные и кожевенные предприятия, торговали, занимались ростовщичеством. В их хозяйствах вводились улучшенная техника и более усовершенствованные приемы. Так, уже упоминавшийся бай Аргымай Кульджин разводил на Алтае племенных лошадей. С целью изучения коневодства он посетил Англию и Германию, неоднократно ездил в Петербург. Он произвел искусственное орошение Кеньгинской долины, фактически принадлежавшей ему, построил маслодельный завод. Миссионеры писали о порядках на этом заводе, что там «. . . дойницами служат инородки язычницы, которые и в баню ходят, и руки мылом моют, и чистые передники носят; даже курить возбраняется им в то время, когда доят и управляются с молоком».[1] Перед империалистической войной Аргымай имел около 400 наемных рабочих-батраков, с которыми рассчитывался деньгами.

Алтаец Павел Тыдыкин разводил в долине р. Куюма племенных быков. В долине р. Маймы баи разводили племенных холмогорских коров. Бай и зайсан Комляжской волости М. В. Тобоков выстроил в Большом Карасуке маслодельный завод с отделением в Салганде.

---

[1] Известия из Алтайской духовной миссии. Православный благовестник, № 1, 1901.

Его сын, Иван Тобоков, имел маслодельный завод в Паспауле.[1] Эти заводы оказывали влияние на близ находящиеся хозяйства, которые становились поставщиками сырья и перестраивались на товарный лад. Н. Богатырев сообщает: «С развитием на Алтае маслоделия зажиточные кумандинцы стали больше держать коров». Вполне справедливо отметил В. П. Михайлов, что «у богачей-инородцев скотоводство начинает принимать характер скотопромышленности, а часть инородцев, живущих вблизи русских селений (например некоторые инородцы 1-й дючины), начинают сдавать молоко на маслодельные заводы».[2]

Маслозаводы алтайцев-предпринимателей сосредоточивались преимущественно в северной части Алтая. Они были менее рентабельными и поэтому с трудом выдерживали конкуренцию с русскими предпринимателями. Типичным примером может служить конкуренция между Тобоковым и русским предпринимателем Обабковым. У Ивана Тобокова был маслодельный завод в Паспауле, у Обабкова — в Киске и в Ынырге. Тобоков старался дешевле платить за молоко сдатчикам, рассчитывался с ними товаром, хлебом и прочей натурой, давал товары вперед под молоко — словом, применял довольно примитивные меры для увеличения доходности предприятия. Обабков поставил дело иначе. Он платил сдатчикам за молоко несколько дороже и тем отбивал их у Тобокова. Правда, и он не брезговал мошенническими и хищническими приемами для наживы. Он, например, выдавливал дно молокомера и таким образом обмеривал каждого сдатчика. Своих сыновей Обабков сделал мастерами, связался с Бийской конторой скупщиков масла братьев Бландовых, экспортировавших масло в Англию, и все время заботился о повышении качества продукта. Его масло вследствие этого расценивалось на 2—3 рубля за пуд дороже, чем тобоковское масло, шедшее низшим сортом вследствие несовершенства приемов обработки. В конце концов Тобоков не выдержал конкуренции и вынужден был продать свой Паспаульский маслозавод Обабкову.

С проникновением на Алтай сепаратора произошел большой сдвиг в обработке продуктов молочного хозяйства. Раньше богачи-алтайцы, имевшие много коров, отстаивали сливки в *казанах* (чашеобразных больших котлах). Снятые сливки, которых, кстати сказать, получали мало, сбивали самым примитивным способом, получали грязное кислое масло, которое, перетопив, сливали в бараньи или телячьи желудки. Такое масло шло лишь для собственного потребления и совершенно не имело спроса; организовать производство его в широких размерах было невыгодно и трудно. Проникновение сепаратора внесло значительный прогресс в эту технику.

В уходе за скотом также произошли существенные изменения. Год от года расширялась заготовка сена. Обработка покосов в зажиточных хозяйствах постепенно стала производиться при помощи сельскохозяйственных машин и наемного труда. В черневых районах население покупало соль для подкорма скота. Медленно, но все же улучшались породы скота и разводились товарные его виды. Скотоводство начинало перестраиваться на товарный лад. Этот процесс сделался особенно заметным за время с конца прошлого столетия до 1917 г. Данные, характе-

---

[1] Я не упоминаю здесь о маслозаводах, принадлежащих русским предпринимателям. Несомненно, что таких заводов было большинство.

[2] Отчет о поездке на Алтай начальника Алтайского округа В. П. Михайлова в 1910 г., стр. 116—117.

ризующие внутреннюю перестройку скотоводческого хозяйства, иллюстрируются табл. 8 и 9.[1]

Из данных табл. 8 виден неодинаковый рост поголовья различных видов скота у алтайцев. Так, крупный рогатый скот, маралы (разводившиеся с целью получения пантов, которые алтайцы сбывали в Китай) и овцы дали наибольший рост. Эти виды товарного скота стали играть в хозяйстве преобладающую роль. Напротив, значение лошадей и коз уменьшилось: крупный рогатый скот занял первое место по сравнению

Таблица 8

Год	Лошадей	Крупного рогатого скота (включая сарлыков)	Овец	Коз	Всего	Верблюдов	Маралов
1897	134294	97482	145726	77717	455219	832	787
1916	146522	148938	219752	52890	568102	888	1889
В % к 1897 г	109	153	151	68	124	107	240

с лошадьми, а овцы стали вытеснять коз. Эта перестройка хозяйства выступает еще яснее из относительных величин каждого вида скота, вычисленных из расчета на 100 голов, причем взят только скот, имевший хозяйственное значение для всей массы алтайских хозяйств (табл. 9).

Таблица 9

Год	Лошадей	Крупного рогатого скота	Овец	Коз	Всего (в %)
1897	29.5	21.5	32.1	17.0	100
1916	25.7	26.2	38.6	9.5	100

За этот же период (1897—1916) в земледелии появились железные плуги, бороны, жатки и молотилки. Пасеки стали пополняться рамочными ульями. Возникли первые кожевенные заводы, хотя и с весьма несложным устройством.

Все это вело к появлению предпринимательских хозяйств среди алтайского населения. Численно эти хозяйства составляли еще небольшой процент, но они, наряду с русскими кулаками и торговцами, становились фактическими хозяевами алтайских аилов. Перед русскими у алтайцев-предпринимателей было незаменимое преимущество — общее национальное происхождение с эксплоатируемой массой, родственные родовые связи, знание языка, обычаев, сходный образ жизни и т. п. Религия, родовые пережитки были поставлены ими на службу возникавшим новым общественным отношениям. Алтайское байство было сильным конкурентом русских кулаков, торговцев, попов и чиновников в эксплоатации алтайцев, конкурентом, умело пользовавшимся национальной враждой алтайцев к русским угнетателям.

[1] Животноводчество в Ойротском крае. Новосибирск, 1926, стр. 60.

Разумеется, новое буржуазное байство не было однородным. Оно было представлено несколькими типами баев, получившими среди алтайцев различные названия. Рассмотрим эти типы по материалам, собранным мною среди населения во время поездок на Алтай.

1. *Таныш*, или *коруш-бай* — скупщик. В переводе это слово значит «знакомый», «приятель».

Большинство имеющихся материалов говорит о том, что скупщик вырастал сплошь и рядом из среды среднего крестьянства (есть случаи появления его даже из бедного крестьянства) и всегда в сфере промыслового хозяйства (охотничьего или орехового), работающего на рынок. Обыкновенно кто-либо из артельщиков-алтайцев, промышлявших зверя или собиравших кедровый орех, вызывался сдать продукцию не купцам, рыскающим по тайге, а увезти на ярмарку или к какому-либо из крупных купцов, имеющих резиденцию в больших селах, чтобы продать подороже. Такому человеку поручали сдать продукцию «заодно» и другие артели промышленников. Проделав раз или два подобную поездку, такой человек становился уже «бывалым» и начинал меньше промышлять, а больше ездить по артельщикам, брать поручения. В конце концов он бросал совершенно промысел и переходил исключительно к посредническим операциям. Вначале он «прикреплялся» к кому-нибудь из крупных купцов, от которого и работал до тех пор, пока не становился богатым и самостоятельным. Мною собрано также немало указаний, что скупщиками становились из рода в род славившиеся богатством зайсаны, укту-баи, которые быстро развертывали крупные операции.

Таныши скупали у алтайцев преимущественно пушнину и кедровый орех. Скупали также и скот, кожи, шерсть, волос и т. п. Капиталистическая эксплоатация танышей была опутана докапиталистическими отношениями и протекала поэтому в неразвитой, примитивной и, следовательно, в более хищнической форме. Таныш давал охотникам-беднякам ружье, лошадь, огнестрельные и съестные припасы и посылал их в тайгу промышлять пушного зверя. Насколько выгодны были эти операции танышей, видно из того, что таныши имели в селах или улусах каменные и деревянные двухэтажные дома, крытые железом, и что они делили тайгу между собой по районам во избежание конкуренции. Однако это не значит, что конкуренции между ними не было. Крупные таныши, как сказано, скупленный товар отправляли на ярмарки сами и вскоре становились самостоятельными владельцами торговых фирм. Более мелкие были связаны с русскими купцами в Шебалино, Алтайском, Улале и других более или менее крупных торговых селах.

2. *Парышту-бай* — ростовщик (*парыш* — прибыль, барыш) — главное богатство видел в деньгах, а не в скоте, как старинные родовитые укту-баи. Ростовщичество у алтайцев начало особенно сильно развиваться после введения денежной уплаты податей и повинностей. С этого времени деньги стали необходимым элементом в каждом алтайском хозяйстве. Денежная уплата податей открыла новый источник эксплоатации производителя-алтайца. Трудящийся или сдавал зайсану подать пушниной с тем, чтобы зайсан предварительно реализовал пушнину на рынке, или просто просил зайсана внести за него подать деньгами, а потом расплачивался с зайсаном натурой: скотом, пушниной и т. п., или же обращался к баю-ростовщику. Ростовщик давал деньги, беря до 20% лихвы за ссуду сроком на один сезон. Так, например, широко известный ростовщичеством Пашка Тыдыкин (из рода Кергиль), живший по

р. Куюм, брал 20%, Микишкин в урочище Урласпак (на притоке р. Маймы) брал 10%. Известный бай Николай Такачаков, живший в урочище Калбажак (на притоке р. Бешпельтир), брал тоже 20%. Миссионеры указывают, что алтайские богачи, занимавшиеся ростовщичеством, брали за ссуду до 60%.[1]

Так как грамотных среди алтайцев было очень мало, то получавший от ростовщика деньги ставил вместо подписи тамгу. Бумажной расписке предшествовала своеобразная деревянная расписка (*кере-агаш*), представлявшая собой палочку с зарубками. Давая в долг деньги, бай делал кере-агаш, наносил на нее зарубки по количеству рублей, даваемых в долг, расщеплял кере-агаш вдоль и одну половину давал должнику (*алымду*), вторую оставлял у себя. Когда должник возвращал долг, палочка-расписка уничтожалась. Если должник возвращал только часть долга, то бай брал хранящуюся у него половину кере-агаш, складывал ее с хранящейся у должника, состругивал часть зарубок соответственно количеству возвращенных рублей и снова отдавал одну половину кере-агаш должнику, оставляя вторую у себя. Перед империалистической войной в Алтае появились обыкновенные расписки при совершении ростовщической операции. Расписку обычно писал сельский или волостной писарь.

Крупными ростовщическими операциями был известен бай Манджи Кульджин, брат Аргымая. Манджи на одном из съездов зайсанов в Онгудае, около 1908 г.,[2] просил разрешения открыть в Онгудае кредитный банк, чтобы обслуживать население ссудными операциями. Манджи предлагал установить размер ссуды от 50 до 1000 рублей и размер процента — 10. Однако съезд, по инициативе зайсана Комляжской волости Ивана Михайловича Тобокова (сына упоминавшегося выше Михаила Васильевича Тобокова), отказал Манджи в его просьбе. Тобоков обосновал этот отказ тем, что «есть государственные и купеческие банки, можно там брать деньги, зачем же открывать новый банк? Если у Манджи много денег и он не знает куда девать их, пускай несет в банк купеческий или государственный и кладет там».

Тобоков и Кульджин были представителями двух типов алтайского байства. Тобоков был связан с русскими купцами, был их помощником и пользовался их поддержкой. Манджи Кульджин противостоял русским купцам, конкурировал с ними и был связан через Монголию с китайскими капиталистами. Столкновение на съезде Тобокова и Кульджина — столкновение двух типов баев-алтайцев с противоречивыми интересами.

Манджи Кульджин был крупнейшим ростовщиком в Алтае. Большинство же ростовщиков обладало гораздо меньшими капиталами. Это были кулаки типа русских кулаков-мироедов. Интересно отметить, что у черневых алтайцев (тубаларов) ростовщик называется *тебекчи-бай*, что значит «прожорливый», «готовый съесть человека бай», т. е. соответствует и буквально и по смыслу русскому мироеду. Надо сказать, что этот тип баев занимался не только тем, что ссужал населению деньги, но и торговал, имел довольно крепкое хозяйство, обслуживаемое при помощи чужого труда. Таковы, например, были баи в Черневом районе: Табыл, который жил по р. Кузе, Ялчи — в Усть-Тербезе, Потрош — в Усть-Уймене и др.

---

[1] Отчет Алтайской духовной миссии 1915 г. Томск, 1916, стр. 27.

[2] Сообщавший мне эти сведения С. С. Тозыяков лично присутствовал на этом съезде, но года точно не помнит.

Есть еще одна характерная черта алтайского ростовщичества — возвращение ссуды и процента не деньгами, а натурой, практиковавшаяся многими алтайцами-ростовщиками. Это отмечено и П. М. Юхневым, который писал: «В настоящее время (1897 г., — *Л. П.*) русские купцы вообще неохотно дают инородцам деньги, так что приходится кредитоваться уже у своих, условия же кредита у своих таковы: беря, например, с осени 3 рубля, инородец обязан на следующее лето доставить торбока, т. е. бычка, стоящего 4—5 руб. Многие инородцы бывают вынуждены запродавать своих телят за два года вперед и более, причем двух- и трехгодовые торбоки идут за 1 кирпич чая» (т. е. за 1 руб. 80 коп., — *Л. П.*).[1]

Взимание ростовщиком долга натурой в несколько раз увеличивало ростовщический процент, поэтому эта форма ростовщической сделки была еще более тягостна для производителя, чем чисто денежная.

3. *Титу-бай* (вонючий бай), или *кырс-бай*, или *карам-бай* (скупой бай). Это — тип богача-скряги. Обычно такой бай скверно питался, плохо одевался, не менял одежды, пока она не свалится с плеч; оттого одежда его дурно пахла (отсюда и «вонючий бай»). Он копил деньги, скрывал свое богатство, любил прибедняться, тяготел к русским торговцам.

4. *Пианду-бай* (щедрый, милостивый), или *кол тутпас-бай* (у тубаларов). Буквально — «в руках не задерживающий» (богатство). В противоположность предыдущему типу бая-скряги, щедрый или добродетельный бай, предприимчивый богач, широко кредитующий население деньгами, товарами, сдающий в аренду скот, сельскохозяйственные орудия, снабжающий охотников съестными и огнестрельными припасами и т. д. За все эти «благодеяния» он получал с обязанных ему должников продуктами, деньгами, отработками, одновременно нанимал батраков, словом, эксплоатировал население самыми различными способами — капиталистическими и докапиталистическими.

Все перечисленные типы баев появились в результате разложения хозяйства алтайцев-скотоводов. К ним вполне приложима следующая характеристика В. И. Ленина, данная им в отношении массы деревенских эксплоататоров послереформенной России: «Эта масса мелких деревенских эксплуататоров представляет страшную силу, страшную особенно тем, что они давят на трудящегося враздробь, поодиночке, что они приковывают его к себе и отнимают всякую надежду на избавление, страшную тем, что эта эксплуатация при дикости деревни, порождаемой свойственными описываемой системе низкою производительностью труда и отсутствием сношений, представляет из себя не один грабеж труда, а еще и азиатское надругательство над личностью, которое постоянно встречается в деревне».[2]

В противоположность укту-баям, т. е. баям-помещикам и старым родовым скотоводам кочевникам или полукочевникам, новое байство и сельскохозяйственные батраки являлись носителями товарных, капиталистических отношений. Об элементах капитализма в алтайском хозяйстве свидетельствует и существование своего, выросшего из национальной среды, скупщика (*таныш*, или *коруш-бай*). В. И. Ленин, критикуя книгу П. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом

---

[1] П. М. Юхнев. Неземледельческие промыслы кочевников Бийского уезда. В кн.: Горный Алтай и его население, т. I, вып. II, стр. 166.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 217—218.

развитии России», признал правильными наблюдения Струве относительно роли скупщика: «Это указание на решающее значение появления скупщика — глубоко верно. Решающим является оно в том отношении, что безусловно доказывает уже наличность капиталистической организации производства, доказывает применимость и к России положения, что „товарное хозяйство — денежное хозяйство — есть хозяйство капиталистическое", создает то подчинение производителя — капиталу, из которого не может быть иного выхода, кроме самодеятельности производителя».[1] И дальше: «. . . капиталистическое производство наступает с того момента, когда между производителем становится *капиталист*, хотя бы он только покупал у самостоятельного (по виду) производителя готовый товар. . .».[2]

Было бы ошибочно представлять каждый из перечисленных типов байства существующим в чистом виде. В действительности они чаще всего выступали в смешанном виде. Ростовщик занимался и танышеством, пиянду-бай — ростовщичеством и т. д. В качестве примера достаточно будет сослаться на богача 1-й Алтайской дючины Николая Токачакова.

Токачаков жил вблизи селения Бешпельтир, по речке Калбажак. Он происходил из рода Тонжоан и не был крещен. Токачаков торговал скотом, орехом, пушниной. Вел он свое дело так. Летом разъезжал по стойбищам и уговаривал алтайцев пойти осенью и зимой на промысел. Отправляющимся на сбор кедрового ореха и зверовой промысел он давал лошадь, ружье и съестные припасы на условии тен-улеш, т. е. из половины. Возвращая Токачакову лошадь и ружье, промышленник должен был отдать ему за это половину добытой пушнины. На эти условия вынуждены бывали пойти бедняки и маломощные середняки. Они ездили целыми месяцами по тайге, лазали по кедрам, сбивая шишки, или же выслеживали зверя. По возвращении с промысла отдавали половину добытого Токачакову даром, вторую половину продавали ему на деньги или на товар. Если Токачаков находил, что продукции добыто мало, он заставлял тогда промышленника «за то, что мучил лошадь и ел запас» отрабатывать на покосе. Токачаков скота имел немного, всего 150—200 голов, но сено все же заготовлял, и преимущественно трудом подобных «должников», комбинируя их труд с трудом наемным.

Главным источником обогащения Токачакова была торговля. Наряду со скупкой продуктов скотоводства и живого скота, Токачаков в большом количестве покупал орех и пушнину и организовывал добычу этих продуктов при помощи наемных рабочих на самых кабальных условиях, например тен-улеш. Здесь характерно, что капиталистическая эксплоатация выступает в своеобразных местных формах, в формах примитивно крепостнических, и через это еще более тягостных, ибо к эксплоатации примешивалось «азиатское надругательство над личностью».

В связи с проникновением в алтайские стойбища товарных отношений, разложением натурального хозяйства и ростом торгового скотоводства перестраивались сначала на товарный, а потом на капиталистический лад и хозяйства некоторых укту-баев. Примером в этом отношении может служить хозяйство баев Суулуковых, живших по р. Куюму. Чочуш Суулуков был типичным укту-баем. У него было много скота.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 407.
[2] Там же, стр. 429.

Свыше 100 коров он отдавал в полыш. Около Чочуша жили и «питались» многие его беднейшие сородичи, фактически находившиеся от него в крепостной зависимости. Чочуш довольно широко пользовался отработками. Большинство скота он держал в течение почти всего года на подножном корму, но вместе с тем имел большой покос, который обрабатывали ему «благодарные» должники. Чочуш объявлял, что в такой-то день он назначает *айбы-кун* (день долга), и в этот день к нему съезжалось столько народа со своими косами-литовками и вином, выкуренным из молока, что покос выкашивали в один день. Чочуш колол скотину, варил и угощал работавших мясом и вином, и на этом его заботы о сене кончались. Уборка сена производилась таким же образом. Чочуш в основном вел натуральное хозяйство.

Не так организовал свое хозяйство его сын и наследник, Санабай. Санабай не отдавал коров в полыш, а нанимал доить их женщин-батрачек (*уйзарга-кижи*). Молоко пропускал через собственный сепаратор и делал масло для продажи. Продолжая устраивать, как и отец, помочи для сенокосной работы, Санабай заготовлял больше сена, убирая покос в основном батрацким трудом, применяя сельскохозяйственные машины — сенокосилки и конные грабли. Кроме того, Санабай завел торговлю, отчего богатство его еще увеличилось.

Также перестроили хозяйство своих предков уже упоминавшиеся известные алтайские укту-баи, братья Манджи и Аргымай Кульджиновы. Братья Кульджиновы сделали свое скотоводство товарным. Ежегодно они продавали по 200 голов крупного рогатого скота, специально откормленного для продажи на отгонных пастбищах. Аргымай пошел по этому пути дальше. Он стал разводить племенной скот, сделался поставщиком лошадей царского Двора. От него не отставал и Манджи, который разводил орловских полукровных рысаков и производил на продажу масло и шерсть. Он имел маслобойку и шерстобитку, работа на которых производилась трудом почти 200 наемных рабочих (*ялчы*). Кроме того, у него было свыше 30 сенокосилок и 20 конных граблей; торговал также пушниной, орехами, хлебом.

Бай Тобай Егороков ежегодно продавал по 500 быков, торговал железо-скобяным товаром, хлебом, скупал пушнину, орех и т. п. Такими же способами вели хозяйство в этот период укту-баи Калган Тушкашев, Коха Чанчияков (одновременно и зайсан), Сиска Подочин, братья Поро и Чамак, Анат Чапатов, Кулак Почко, Артушка (зайсан), Айгороков, Моиновы и многие другие.

Бай Кыйтык, имевший еще в последней четверти XIX в. табуны лошадей и ежегодно раздававший в полыш до 600 коров, в начале XX в. отдавал лошадей за деньги под съезд (60 лошадей) по 6 руб. в год за лошадь и продавал ежегодно до 500 быков. Когда Кыйтык оказался замешанным в процесс бурханистов, он смог выложить сразу 15 000 руб. наличными защитникам и благодаря этому выпутался из процесса. Укту-бай и зайсан черневого района (б. Кузенской волости) Александр Чичканаков стал разводить молочный товарный скот, завел сепаратор и сельскохозяйственные машины.

Размеры и организация байских хозяйств, приобретавших товарный характер, требовали привлечения рабочей силы. Постепенно развивающееся торговое скотоводство с несколько улучшавшейся техникой, с заготовкой корма на зиму требовало больше рабочих рук. Откармливаемые для продажи стада требовали большого присмотра, а дойные коровы, кроме того, и значительного количества доярок, так как теперь многие

баи не раздавали коров в полыш, а все молоко употребляли на выработку масла.

По мере роста товарного хозяйства в Алтае происходило развитие свободного найма рабочей силы (сроковых и сезонных рабочих, лишенных всяких средств производства). Разумеется, отработки в Алтае не исчезли. Они продолжали существовать, переплетаясь с новыми формами обеспечения рабочей силой, принесенными другой, противоположной системой хозяйства. Невольно по этому поводу вспоминаются слова Ленина: «Жизнь создает такие формы, которые соединяют противоположные по своим основным чертам системы хозяйства с замечательной постепенностью. Становится невозможным сказать, где кончаются „отработки“ и где начинается „капитализм“».[1] Действительно, некоторые отработки у алтайцев (например косьба, уборка хлеба, сбор кедрового ореха за какую-нибудь оказанную в свое время незначительную услугу, за пользование инвентарем бая) составляли «прямой переход к капитализму, сливаясь с ним рядом совершенно неуловимых переходов».[2]

Наряду с отработками у алтайцев существовал наем рабочих годовых, сезонных и поденных, работающих байским инвентарем. В большой степени это относилось к оседлым алтайцам, среди которых, по данным обследования 1897 г., свой труд продавало 19% хозяйств.[3]

В конце XIX и начале XX вв. среди алтайцев образовался новый социальный тип, расположившийся на противоположном байству полюсе, — сельские батраки, представлявшие собой наемных рабочих. Сюда относились прежде всего все алтайцы, не имевшие скота. Наиболее распространенными представителями пролетариев являлись пастухи (*малчы*), поденщики (*кун-иш*), ямщики (ходившие с извозом на хозяйских лошадях), работники-батраки (*ялчы*) и др. Об упадке хозяйства бедняков в этот период свидетельствует то обстоятельство, что они отдают в аренду предпринимателям свой последний скот за деньги, а иногда и бесплатно, только за прокорм, а сами, освободившись от своего хозяйства, идут на заработки. Например, П. М. Юхнев сообщает: «Лицами, отдающими лошадей под съезд, здесь являются главным образом бедняки, которые не в силах прокормить весь имеющийся у них скот, поэтому они иногда и отдают скот даже без уплаты, довольствуясь тем, что его только прокормил бы известное время взявший инородец».[4] Нужно ли говорить, как это напоминает русских наемных «рабочих с наделом», о которых В. И. Ленин писал: «Ничтожный размер хозяйства на клочке земли и притом хозяйства, находящегося в полном упадке (о чем особенно наглядно свидетельствует сдача земли), невозможность существовать без продажи рабочей силы (= „промыслы“ неимущего крестьянства), в высшей степени низкий жизненный уровень — даже уступающий, вероятно, жизненному уровню рабочего без надела, — вот отличительные черты этого типа*».[5]

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 163.

[2] Там же, стр. 170.

[3] С. П. Швецов. Кочевники Бийского уезда. В кн.: Горный Алтай и его население, т. I, вып. 1.

[4] П. М. Юхнев. Неземледельческие промыслы кочевников Бийского уезда. Там же, вып. II, стр. 143.

* Для того, чтобы доказать правильность отнесения неимущего крестьянства к классу наемных рабочих с наделом, надо показать не только, как и какое крестьянство продает рабочую силу, но также и — как и какие предприниматели покупают рабочую силу. Это будет показано в следующих главах. (Примечание В. И. Ленина, — *Л. П.*).

[5] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 143.

Среди различных категорий рабочих П. М. Юхнев, производивший обследование 1897 г., обратил особое внимание на пастухов. Пастухов держали преимущественно крупные собственники. «Кроме профессиональных пастухов, — пишет Юхнев, — существует целая категория срочных, поденных и сдельных рабочих, у которых в ряду различных отраслей их труда известную долю составляет занятие пастьбой скота. Заработок пастухов, выраженный в деньгах, представляется на основании 52 показаний в следующем виде:

5	хозяйств	зарабатывали	от	5	до	10	руб.	в год
12	»	»	»	10	»	20	»	»
13	»	»	»	20	»	30	»	»
12	»	»	»	30	»	50	»	»
3	»	»	»	50	»	75	»	»
3	»	»	свыше			100	»	»

«Но при общих условиях найма на Алтае такой заработок, конечно, является в значительной степени преувеличенным, так как бóльшую его долю пастухи получают в виде продукта, а затем самый расчет обесценивается той системой пожизненного кредита, при посредстве которого работодатели эксплоатируют труд туземного обитателя края».[1]

Юхнев несомненно прав, считая этот заработок преувеличенным. Это следует из сообщения и других исследователей. Так, С. П. Швецов пишет: «У двух, например, братьев алтайцев, живущих по Каерлыку, — Манджи и Аргымая Кульджиновых — пастухи-табунщики годовые, получающие по 4 рубля в месяц, пастухи же рогатого скота нанимаются на полугодие — „на лето“ и „на зиму“ и получают за сезон по 30 коп. с головы скота. Пастухи получают по 20 пудов ячменя и двух лошадей „под езду“. Кроме того из торбоков — годовалых и полугодовалых бычков — составляют особое стадо, за пастьбу которого платили по 1 рублю с головы, но пастух обязан уже сам озаботиться и заготовить достаточное количество сена для подкармливания торбоков в последние 2—2½ зимних месяца». У Кульджиновых в то время, пишет Швецов, пастухов было 12 человек.[2]

Мое исследование этого вопроса в правобережном районе Катуни показывает также меньший заработок. Здесь алтайские баи брали пастухов (*малчы*) на шесть зимних месяцев пасти лошадей. В их обязанности входило следующее: 1) следить, чтобы лошади не отбивались от места кормежки и не уходили бы на проезжую дорогу; 2) разыскивать новые места кормежки по мере истощения найденных; 3) гонять лошадей два раза в день на водопой; 4) гонять лошадей от времени до времени в аил хозяина кормить солью. За то хозяин платил за все время одну четырехлетнюю лошадь (средняя цена 20—25 рублей). Во время пастьбы пастух получал от хозяина еще скудное питание, козлиные обутки (*бычкак одук* — сапоги из лапок дикого козла) и козлиную доху (*тоош-тон*), причем при окончательном расчете хозяин у пастуха доху отбирал.

Юхнев приводит иную оценку труда пастухов — «поштучно», «с головы»: «Нанимаются инородцы пасти скот по 20—30 копеек с крупной головы и по 10—15 копеек с мелкой или помесячно рубля по 2—3». Он

---

[1] П. М. Юхнев. Неземледельческие промыслы кочевников Бийского уезда. В кн.: Горный Алтай и его население, т. I, вып. II, стр. 153, 154.

[2] А через 15 лет только у Аргымая Кульджинова было уже около 400 наемных рабочих (см. выше).

также отмечает, что «пастухи известную часть уплаты по обычаю получают продуктами».[1]

Обратимся к другим видам продажи труда у алтайцев. Исследование Юхнева показывает следующее: годовой заработок чернорабочего в большинстве случаев составлял от 30 до 50 руб. в год. Для поденных рабочих заработок, на основании 133 показаний, представляется в следующем виде: [2]

Заработок	до 10	руб.	в год	отмечен	в 28	случаях
»	от 10 до 20	»	»	»	» 76	»
»	» 30 до 50	»	»	»	» 17	»
»	свыше 50	»	»	»	» 12	»

Стало быть, в большинстве случаев поденщики зарабатывали от 10 до 20 руб. в год. При этом нельзя не согласиться с характеристикой оплаты найма, данной Юхневым, который писал: «Только зная условия найма на Алтае, особенно широко практикуемые при эксплоатации труда инородца, нельзя говорить о величине годового заработка этого промысла (продажи труда, — *Л. П.*), все операции которого зиждутся на тяжелом кредите, на высокой предпринимательской прибыли работодателя, на невежестве и нищенстве представителей труда».[3] Исследователь не мог обойти молчанием жестокой эксплоатации алтайского пролетариата кулацко-байской верхушкой. К сожалению, исследования Швецова и Юхнева, как и работы других авторов, не позволяют установить ни общего процента хозяйств, применявших наемный труд, ни распределения этого процента между различными по экономической мощности типами хозяйств, что затрудняет детальный анализ вопроса. Несомненно лишь одно, что к наемному труду прибегали зажиточные и байские товарные хозяйства. Это мы видим при рассмотрении условий найма пастухов.

То же самое было и в извозном промысле у алтайцев. Извоз имел большое значение в экономической жизни алтайцев, населяющих долину р. Чуи (и ее притоков) и левый берег Катуни, так как транспортировка грузов по Чуйскому торговому тракту, идущему в Монголию, давала заработок прежде всего населению районов, прилегающих к тракту. На этот заработок шло население и таких глухих мест, как селение Улаган. «Извоз, — пишет Юхнев, — играл известную роль, так как, при обременении их (алтайцев указанных районов, — *Л. П.*) долгами при невозможных условиях кредита, он всегда давал им некоторый денежный заработок, при котором они единственно только и могли нести свои податные тяготы».[4] Промысел этот возник в связи с открытием грузооборота по Чуйскому торговому тракту, связывавшему г. Бийск с Монголией.[5] Вначале возчики были алтайцы среднего и даже ниже среднего достатка, ездившие на своих лошадях. Но, развиваясь, вскоре же этот промысел стал приобретать предпринимательский характер.

П. М. Юхнев, занимавшийся в 1897 г. обследованием извоза у алтайцев, приходит к выводам, несомненно заслуживающим внимания. Основной вывод его гласит, что в этом суровом и тяжелом промысле «наблю-

---

[1] П. М. Юхнев. Неземледельческие промыслы кочевников Бийского уезда. В кн.: Горный Алтай и его население, т. I, вып. II, стр. 153.

[2] Там же, стр. 155.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 123.

[5] Об этом см. в работе С. П. Швецова «Чуйский торговый путь в Монголию и его значение для Горного Алтая».

дается уже известное распадение элементов, участвующих в извозе: на мелких предпринимателей и зависимых от них возчиков», что «значительным является процент лиц, участвующих в промысле в качестве только простых наемных рабочих». Юхнев в конце своего исследования должен был признать «предпринимательский извоз», основанный на эксплоатации труда человека и отчуждающий от самого промысла «экономически сильные единицы». В качестве примера он приводит хозяйство с доходом от промысла в 500 руб. в год.

Каковы же были условия найма и заработок рабочих-извозчиков? Юхнев указывает, что заработок этих рабочих «составляет минимальные доли, не превышающие в год 10, много 15 рублей... В исключительных случаях годовой заработок наемных работников повышался до 20 руб.». Кто же нанимал этих рабочих? Оказывается, что их нанимал чаще всего не сам купец, нуждавшийся в перевозке, а предприниматель, подрядчик-ямщик, который принимал заказ от фирмы или купца и выполнял его не сам, а путем найма рабочих. Лошадей подрядчики имели своих или брали под съезд у маломощных хозяйств за небольшую плату, от 3 до 5 руб. в год. Осуществляли перевозку товаров на лошадях не только своих, но и бедняцких, трудом наемных возчиков. Таким образом оказывается, что сдавали лошадей в аренду бедняки, а брали зажиточные предприниматели, которые вели свое извозное хозяйство наемным трудом. Докапиталистические отношения *тер* (отдача лошади в «потение», т. е. под съезд) приобрели теперь новую, капиталистическую сущность. Если раньше бедняки брали лошадей под съезд за отработки, то теперь они стремились сами отдать под съезд последнюю лошадь. Тяжелый труд рабочего возчика (длинный, утомительный, почти месячный путь в одну поездку, проходимый в большей части пешком, ночевки под открытым небом, опасные дороги и т. д.) оплачивался чрезвычайно низко. Труд рабочего-извозчика при этом обесценивался еще системой расчета. С алтайцами как русские, так и свои предприниматели рассчитывались, по крайней мере на 50—75%, натурой — товарами, продуктами и т. п. При этом товары и продукты раздавались вперед, в кредит. Кабальный характер этих приемов совершенно очевиден.

Работников-алтайцев нанимали и русские кулаки, занимавшиеся земледелием. Например, в Нижнем Уймоне много батраков-алтайцев жило у кулаков старообрядцев. Целые семьи алтайцев жили в батраках на купеческих заимках в качестве пастухов купеческих стад, откармливаемых для продажи.

Не менее жестоко эксплоатировался и женский труд. Вот обычная картина эксплоатации женского наемного труда. Богач на летнее время, с апреля до половины октября, когда доился скот, нанимал доярок (*саанчы-кижи*) — по одной доярке на каждые 10—12 голов. Доярка не только доила все лето коров два раза в день, а кобылиц три-четыре раза в день, но и носила дрова, воду, ставила казаны, т. е. выкуривала араку (тяжелая работа, отнимающая много времени, особенно если хозяин «гулял» с гостями, т. е. пьянствовал, так как тогда нужно было гнать араку всю ночь), приготовляла сырчик (*курут*) и т. д. Когда корова переставала доиться, доярка получала расчет — одну корову (стоимость 15—20 руб.) за полгода работы, работы, начинающейся с рассветом и затягивающейся далеко за полночь.

Таким образом можно констатировать следующие характерные особенности наемного труда у алтайцев: 1) низкая оплата, 2) применение системы кабального кредита при найме, 3) плата частично в натураль-

ной форме. Последняя была выгодным способом присвоения прибавочного труда, так как, понижая оплату труда рабочего вообще, она еще обесценивала труд рабочего высокой расценкой товаров, которую назначал на них наниматель.

С упадком и разорением скотоводческих хозяйств для алтайцев все более и более вырастало значение лесных промыслов. В одном из прошений алтайцев на имя Кабинета от 1897 г. мы читаем: «Остался и еще один промысел — орешный, имеющий для нашего кочевого общества особенное значение, ибо с упадком скотоводства орех для бедняка-калмыка являлся не только главным, но и единственным источником существования. Скот преимущественно доставляет одежду и пищу калмыка, а орех за исчезновением зверя идет в уплату ясака и на удовлетворение всех других потребностей кочевника. Кочевник все ему необходимое, как порох, свинец, чай и прочее, забирает в долг под урожай ореха; почему после сбора и продажи ореха алтаец, уплативши причитающийся с него ясак, несет остальную выручку торговцу, рассчитывается за старое и должает вновь, и так из года в год. Благодаря чему сбор ореха есть наша „страда“, на которую в чернь, где произрастает лучший орех, собираются кочевники 4 черневых, 2 кумандинских, половина 2 чуйских и половина 6 алтайских дючин, т. е. более двух третей всего кочевого населения черни, и собирают столько, сколько может собрать каждый».[1] Таким образом «скотом кормится и одевается кочевник, а орехом уплачивает ясак, выполняет все обязательные расходы и повинности, приобретая все необходимое для жизни, б е д н я к ж е д а ж е п р о д у к т ы п и т а н и я» (разрядка моя, — *Л. П.*).[2]

Промысел сбора кедрового ореха развился у алтайцев после проникновения в стойбища русского торгового капитала. Мне рассказывали старики, что до прихода купцов они собирали орех понемногу, только для себя. В больших количествах орех собирать стали по заказу купцов и по примеру русских крестьян, приезжавших в чернь за орехом. То же самое мне сообщили и о промыслах — дегтекурении, серотоплении, дранье моха. Все эти промыслы получили развитие после проникновения в алтайские стойбища русских, под влиянием роста товарных отношений. До прихода русских у алтайцев существовал промысел пчелования (*адаруулу агаш бедряп-ят*) — разыскивание дупел с дикими пчелами. Мед из найденного дерева доставали, пчел губили. Наибольшего развития достигли промыслы зверовой, которым часть алтайцев занималась и до прихода русских, и ореховый, возникший сравнительно недавно. Эти отрасли в конце прошлого столетия носили товарный характер.

Из ремесел алтайцев не все виды были развиты одинаково. Некоторые ремесла уже обслуживали рынок. Таков был промысел шитья рукавиц в некоторых оседлых селениях. По сообщению миссионера, инородцы селения Мыюты за 1888 г. сшили две тысячи пар одних рукавиц.[3] В этом же селении алтайцы выделывали замшу и шили *чембары* (штаны). «Женщины ежегодно напрядают до 30 тыс. пасм ниток и продают алтайцам» (жителям урочищ, — *Л. П.*).

П. М. Юхнев, бывший в составе алтайской экспедиции 1897 г. и занимавшийся обследованием ремесел населения, отмечает наличие занятия

---

[1] Н. Б о г а т ы р е в. Об ореховом и зверовом промыслах кумандинских инородцев, Алтайский сборник, т. IX, 1908, стр. 18—19.

[2] Там же, стр. 18—19.

[3] Отчет Алтайской духовной миссии за 1888 г. Томск, 1889, стр. 31.

ремеслами только в 194 хозяйствах алтайцев, живущих урочищами.[1] Он выявил следующие ремесла: 1) выделка овчин и шкур, 2) выделка войлока, 3) выделка седел, 4) сапожный и шорный, 5) кузнечный, 6) плотничий, 7) бондарный, 8) смолокуренный. К сожалению, по ряду ремесел у Юхнева нельзя определить, какое количество алтайских хозяйств было занято этим ремеслом. Однако общее количество алтайских хозяйств показывает, что ремеслами занимались около 4% населения — процент весьма незначительный.

О производительности ремесел можно судить по следующим данным. Количество выделываемых хозяйством шкур, например, не превышало 30 штук в год. Годовой заработок от этого составлял около 20 руб. О выделке кошмы или войлока Юхнев пишет: «Сбивают шерсть исключительно женщины, в прокате принимает участие вся семья. Хороший войлок здесь оценивается в 80 копеек аршин, плохой в 60 копеек. Выделка аршина хорошей кошмы из материала заказчика 25 копеек». Кузнечное ремесло хотя давно известно алтайцам, но не развивалось в достаточной степени, так как этому мешал завоз русских кузнечных изделий. Юхнев определяет заработок кузнецов в 25—50 руб. в год. Нет нужды останавливаться на обзоре более мелких ремесел, например седельного, которым было занято 19 хозяйств, выделки решеток для войлочных юрт, отмеченной в 5 хозяйствах, и др.

Развитие мелкого ремесла не вызывалось экономической необходимостью, ибо развившаяся к концу XIX в. русская торговля доставляла соответствующий ассортимент товаров.

Подведем итог сказанному.

Совершенно ясно, что видеть в диференциации алтайцев простой факт имущественного неравенства было бы глубоко ошибочно. Возникающие в процессе этой диференциации новые социальные группы, характерные для южных алтайцев XX в., качественно представляют собой нечто совершенно иное, нежели старые скотоводы, кочевники и полукочевники, ведущие натуральное хозяйство. Старая, более или менее однородная скотоводческая масса крестьян-алтайцев изменялась, разрушалась, и на сцену алтайской жизни уже к началу XX в. выступили новые общественные типы. Это было, с одной стороны, новое байство, т. е. байство буржуазного типа, занимающееся торговлей, ростовщичеством, ведущее товарное хозяйство и прибегающее к эксплоатации чужого труда самыми разнообразными способами, начиная от пользования трудом сородичей под видом родовой, родственной «помощи» и различных кабальных сделок с отработками и кончая капиталистическим наймом годовых, сезонных, поденных и сдельных сельскохозяйственных рабочих. С другой стороны, появились сельскохозяйственные батраки.

Разложение алтайского натурального хозяйства означало процесс смены натурального хозяйства товарным.

К указанному времени, в связи с изменениями в скотоводческом хозяйстве, сопровождавшимися разорением мелких скотоводов, большое значение для последних приобретают лесные промыслы. Господствующей формой производства в последних постепенно становится товарная форма, которая распространяется и на скотоводческое хозяйство. Форму товара начинает приобретать и человеческий труд, рабочая сила. Продажа труда становится необходимым условием существования для одной

---

[1] П. М. Юхнев. Неземледельческие промыслы кочевников Бийского уезда. В кн.: Горный Алтай и его население, т. I, вып. II, стр. 145.

части алтайского населения, именно — беднейшей части, и необходимым условием ведения товарного хозяйства для другой — зажиточной и байской верхушки алтайского общества. Воспроизводство хозяйства происходит на все расширяющейся основе. Замечается тенденция разведения товарного, особенно молочного, скота, улучшается уход за скотом, возникает систематическая заготовка корма на зиму. Расширяется сеть покосов, появляются сеноуборочные сельскохозяйственные машины, сепаратор. Начинает развиваться маслоделие.

Все это дает возможность говорить об элементах капитализма у алтайцев, а не отрицать их наличие, аргументируя неразвитостью и отсталостью хозяйственного и культурного их уровня. Следует помнить, как высмеивал Ленин народников за непонимание ими того, что «в крестьянском промысле, при общей его мизерности, при ничтожной сравнительно величине заведений и крайне низкой производительности труда, при первобытной технике и небольшом числе наемных рабочих был *капитализм*»[1] (разрядка моя, — *Л. П.*). Концентрация средств производства в руках буржуазного байства и русской кулацкой верхушки, наличие свободных от средств производства батраков, «свободный» наем рабочей силы в зажиточных хозяйствах, появление скупщиков, монополизирующих сбыт продукции, — все это черты первоначального проявления капитализма в алтайском сельском хозяйстве.

Алтайцы переживали период «первоначального накопления», который, по Марксу, означает «процесс отделения производителя от средств производства». Первоначальное накопление «образует предисторию капитализма».

Рост капиталистических элементов у алтайцев задерживался царской колониальной политикой, тормозившей развитие производительных сил на Алтае.

Развитие и концентрация крупного сельскохозяйственного производства у алтайцев протекали медленно и отставали от развития второго полюса капиталистического производства, от роста сельскохозяйственного пролетариата. Освобождавшаяся в процессе развития мелких производителей рабочая сила не могла быть целиком поглощена капитализировавшейся верхушкой при мелких размерах производства и еще отсталой технике хозяйства.

Избыток рабочей силы создавал крайнюю дешевизну рабочих рук, что способствовало сохранению патриархально-феодальных форм эксплоатации. Бедняк прикреплялся к хозяйству бая и работал на бая целой семьей, получая за это кров, скудную пищу и поношенную одежду. Пойти продать свой труд в русские кулацкие хозяйства решались очень немногие. Для этого нужны были знание русского языка, навыки в земледельческом труде, чего у многих алтайцев не было. Наконец национальный антагонизм, боязнь крещения и вражда с русскими переселенцами на почве земельных отношений заставляли алтайскую бедноту вести голодное существование возле своих баев и реже наниматься к русским кулакам. Такое положение представляло собой самую благоприятную почву для широкого мошенничества, грабежа трудящихся со стороны байства. Эти же условия способствовали развитию торгово-ростовщической кабалы, превращавшей нередко производителей в полукрепостных рабов капиталистов.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 200.

При сохранении старых форм эксплоатации и непомерно возросшем бремени царских налогов развитие производительных сил у алтайцев весьма замедлялось. Возникающие капиталистические отношения, будучи опутаны докапиталистическими пережитками, выступали поэтому в очень примитивной, а следовательно еще более тягостной для производителя форме. В. И. Ленин указывал в полемике со Струве, что неразвитая примитивная капиталистическая эксплоатация «во-первых, вдесятеро ухудшает положение трудящегося, опутывая его сетью особых, добавочных прижимок, а, во-вторых, отнимает у него (и его идеолога — народника) возможность понять классовый характер совершаемых по отношению к нему „неприятностей“ и сообразовать свою деятельность с таковым их характером».[1]

Это глубоко справедливо. Неразвитые формы капиталистических отношений на Алтае тормозили процесс полной пролетаризации производителя. Бая-эксплоататора трудящийся алтаец нередко считал «благодетелем». Сугубо эксплоататорские приемы бая, облеченные в родовые формы помощи, он принимал за настоящую родовую, родственную помощь. Такая форма эксплоататорских отношений, маскируя классовую сущность этих отношений, замедляла рост классового самосознания трудящихся алтайцев, благодаря чему баям удавалось отводить недовольство трудящихся в русло национального антагонизма.

Отсталость и патриархальщина, господствовавшие на Алтае как в результате колониальной политики царизма, так и в силу удаленности от крупных рынков и отсутствия и неразвитости путей сообщения, также весьма замедляли процесс капитализации. Тем не менее, эти обстоятельства вовсе не служили для капитализма непреодолимым препятствием, как это казалось некоторым исследователям.

Зарождение капиталистических отношений у алтайцев означало только изменение форм эксплоатации. Старые патриархально-феодальные отношения начинали переплетаться с новыми отношениями капиталистического типа, и смешение их составляло основную черту общественного строя населения Алтая перед Великой Октябрьской социалистической революцией.

VIII. БУРХАНИЗМ

1. «Белая вера» как религиозно-политическое движение

В 1904—1905 гг. в скотоводческих районах Алтая возникло религиозно-политическое движение в форме перехода алтайцев в новую, «белую веру» — бурханизм.

Внешняя сторона бурханистского движения рисуется следующим образом. Некий алтаец-пастух Чот Челпанов, состоявший в родстве с крупными баями юго-западного Алтая, в мае 1904 г. объявил родственникам и знакомым, что к нему явился всадник на белом коне и в белом одеянии. Таинственный всадник возвестил о себе, что он хан Ойрот, некогда будто бы добровольно ушедший от своего народа, что он скоро вернется, и повелел Чоту объявить алтайцам через его приемную дочь, двенадцатилетнюю Чугул, ряд заповедей и наставлений. Он требовал отказаться от старых шаманских божеств, от шаманов и молиться по новой вере, новому божеству — Бурхану

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 464.

Приведем некоторые из этих наставлений, представляющие интерес ввиду их политической направленности.

«С христианами из одной посуды не ешьте. Дружбы с русскими не водите и не зовите их орус, а зовите чичке пут (тонконогие). Высокая северная белая гора. Долго вы склоняли голову перед ней. Но настало время, когда белая гора вам больше не владыка.

«Когда-то все мы были подданными Ойрота и теперь будем знать его одного. Будем смотреть на русских, как на своих врагов. Скоро им придет конец, земля не стерпит их, расступится, и они провалятся под землю. У кого есть русские деньги, расходуйте их скорее на покупку пороха, свинца, товара у русских же, а оставшиеся от покупки деньги принесите ко мне».[1]

С этого времени Чот Челпанов и его дочь стали горячо проповедывать «белую веру», призывая алтайцев отказаться от почитания шаманских божеств, уничтожить атрибуты шаманского культа, бойкотировать и даже изгонять камов, если последние не согласятся отказаться от своих верований.[2] Спустя несколько дней разосланные по всему Алтаю гонцы объявили о предстоящем молении новому божеству — Белому Бурхану — в долине Теренг (ныне Усть-Канский аймак). К концу мая на моление съехалось около 500 человек, в числе которых оказались знатные алтайцы: зайсаны, демичи и крупнейшие баи (Кыйтык, Елбадин, братья Кульджины и др.). Баи являлись посредниками между Чотом и народом, они же были преимущественно внешними исполнителями распоряжений Чота. Они говорили алтайцам, что Чот видит бога, что скоро у алтайцев будет новый царь. Они же распространяли угрозу, что не повинующиеся Чоту и его учению будут истреблены небесным огнем.

Весть о сборе алтайцев в долине Теренг дошла до бийского начальства и Алтайской миссии. 23 мая сюда прибыл становой пристав Бучинский с урядниками и крестьянами и предложил собравшимся разъехаться по домам. Последние отказались, а Чот Челпанов, согласно официальной версии (обвинительное заключение по делу Чота Челпанова), даже заявил, что алтайцы «молятся и будут молиться» новому богу, что русское начальство они теперь не признают, так как у них есть свой царь Ойрот-Япон. Не добившись цели, пристав возвратился.

30 мая в долину Теренг приехали помощник бийского уездного исправника Видавский и крестьянский начальник Оксенов. Их появление вызвало довольно сильное возбуждение среди алтайцев. Приехавшие направились к белой кошемной юрте Чота, но юрту окружила кольцом значительная толпа, и начальство не могло пройти в нее. Чот Челпанов оказался в середине толпы. С поднятыми кверху руками он сосредоточенно

---

[1] А. В. Анохин. Бурханизм в западном Алтае. Сибирские огни, № 5, 1927.

[2] Чот Челпанов несомненно был подготовлен к этой роли монгольскими ламами. Он, как указывает Верещагин в «Очерках Алтая» (Сибирский рассвет, № 3—4, 1919), долго жил в Монголии. На связь бурханизма с Монголией указывал и барон Бруннов, посланный на Алтай для расследования причин возникновения этого движения. В своем рапорте томскому губернатору Бруннов писал: «Сам Чот одевался и другим приказывал одеваться в одежду монгольского образца, в принятых в Монголии цветах. Наши бумажные деньги не принимаются простым населением Монголии, которое знает только русскую металлическую валюту. Чот поэтому изъял из обращения бумажные деньги, печать Чота — копия печати китайских сановников Монголии, наконец, коронационная шапка Чот Челпанова изображала из себя шапку высшего в Монголии китайского чиновника с отличительными шариками на верхушке». Наиболее убедительные данные об участии в подготовке этого движения монгольских лам привел А. В. Анохин в работе «Бурханизм в западном Алтае» (Сибирские огни, № 5, 1927, стр. 167).

бормотал: «О, царь Бурхан, Ойрот-Япон!» и не отвечал на задаваемые ему вопросы. Некоторые из толпы пояснили приехавшим должностным лицам, что Чот молится по той вере, которая была у алтайцев во время Ойрот-хана, что последний ушел за море, где ныне властвует царь Японии, сделался божеством — Бурханом, что он скоро появится на Алтае. И на этот раз царским чиновникам не удалось убедить собравшихся алтайцев разойтись по домам.

Тем временем агитация за переход в бурханизм, за сбор на моления в долину Теренг росла и ширилась. По алтайским стойбищам разъезжали посланцы руководителей этой религиозной демонстрации, которые не только прибегали к уговорам, угрозам, запугиваниям, но не останавливались и перед насильственными мерами. Сопротивляющихся алтайцев привозили насильно, привязывали их к столбам в особом здании, сложенном из камней близ юрты Чота Челпанова, и в течение нескольких дней держали без пищи, били, добиваясь согласия на отказ от шаманства и признания Бурхана-Япона. Различными способами руководящей верхушке бурханизма удалось собрать в долине Теренг к середине июня около четырех тысяч человек. Моление длилось несколько дней. Дочь Челпанова выступала в роли *ярлыкчы* (служителя бурханистского культа) и исполняла различные религиозные обряды.[1] На третий день к молящимся алтайцам явился с горы «молодой Бурхан» в сопровождении девицы. Он обратился с проповедью к народу и сказал: «Прежде всего выберите из своей среды князя, пусть он возьмет себе с вас клятву о беспрекословном послушании... Деньги и порох отдайте мне для уничтожения. Среди вас в обращении будут другие деньги...». По данному Бурханом знаку девица ударила трижды по камню и достала оттуда горсть серебряных денег с изображением дракона (т. е. китайских). Князем был избран крупнейший бай Кыйтык.

После этого в течение целой недели алтайцы наводняли русские села, сбывая в лавки русские деньги, как свои, так и главным образом полученные от баев.[2] Затем все алтайцы внезапно исчезли. Они снова собрались тысячной толпой слушать проповеди и молиться Бурхану. Проповеди эти далеко не ограничивались содержанием религиозного характера. В них ясно выступали моменты политические, отражающие намерения подлинных руководителей движения, скрывавшихся за подставной фигурой Чота Челпанова.

Царские уездные власти, информированные о разрастании сборищ алтайцев в долине Теренга, были сильно встревожены и посылали телеграммы в Томск, требуя военной силы для подавления движения. В одной из телеграмм губернатору бийский исправник Тукмачев писал: «Помощник Видавский доносит, что калмыки (алтайцы, — *Л. П.*) отказались признать русское правительство. Ждут своего царя Ойрота из Японии... Ходатайствую о высылке из Усть-Каменогорска сотни казаков или из Томска отряда солдат, желательно первых».[3] О событиях на Алтае было доложено Николаю II. 5 июня он получил копию телеграммы из Бийска, посланную ему в Царское Село. В ней говорилось, что ал-

---

[1] А. В. Анохин не без основания считал, что кадры первых служителей бурханистского культа (*ярлыкчы*) были приготовлены в Монголии ламами.

[2] В. И. Верещагин приводит факты раздачи богачами значительных сумм русских денег алтайцам. Только один бай Аднай роздал около 6000 рублей.

[3] Дело Бийского уездного полицейского управления о религиозном движении алтайских инородцев во главе с Чот Челпановым в 1904 г. Алтайское архивное бюро, опись № 30, л. 11.

тайцы «отказываются признавать русского царя, заявляя, что у них теперь есть свой царь Айрот (Ойрот, — *Л. П.*) из Японии».[1] Николай II немедленно распорядился «затребовать по телеграфу сведения об обстоятельствах, переживаемых в Бийске, с указанием губернскому начальнику о необходимости принятия решительных мер к прекращению брожения, если таковое действительно существует».[2] Об этом повелении царя министр внутренних дел Плеве немедленно сообщил генерал-губернаторам: туркестанскому, степному, иркутскому и томскому.[3]

9 июня томский губернатор Старынкевич в подробной телеграмме из Барнаула сообщил в Министерство внутренних дел, что брожение это у алтайцев с середины мая носит характер сборищ по 300—400 человек, необычных для образа жизни этого народа. Губернатор объяснил причину таких сборищ появлением у алтайцев нового пророка, объявившего новую веру, и указал, что «приступить к насильственным мерам прекращения сборища было невозможно, ввиду малочисленности чинов полиции, вызов же войск мог быть сделан лишь из Томска, причем пророк, несомненно, своевременно скрылся бы».[4] 13 июня на место молений приехал епископ бийский Макарий с благочинным и нарядом полиции. 18 июня бийский исправник распорядился собрать «ратников» из окрестных крестьян для подавления «бунта». После молебна, отслуженного Макарием, и его благословения ратники двинулись из Усть-Кана в ночь на 21 июня к месту «сборища». 21 июня «сборище» в долине Теренг было ликвидировано бийским исправником Тукмачевым силами вооруженных окрестных крестьян и частично алтайцев.[5] Чот Челпанов, его дочь Чугул, зайсаны 2-й и 3-й дючин, некоторые баи, в том числе и бай Кыйтык, а также монгольский лама были арестованы и отправлены в Бийск. Однако бóльшая часть тайных руководителей и организаторов моления сумела своевременно скрыться.

Чот Челпанов просидел около двух лет в бийской тюрьме и был судим в конце мая 1906 г. вместе с другими бурханистами в г. Бийске выездной сессией Томского окружного суда.

Процесс бурханистов вызвал большой общественный интерес. В нем принимали участие представители народников. Известный народник-этнограф Д. А. Клеменц выступил на суде экспертом и привлек к защите бурханистов столичных адвокатов. Это было возможно благодаря тому, что в процессе оказались замешанными крупнейшие баи, располагавшие большими средствами. Совместными усилиями эксперта и защитников удалось затушевать политическую сторону процесса и выиграть дело. Эксперты и защитники изобразили бурханизм как чисто религиозное, реформаторское движение. Обвиняемые были оправданы, и Чот Челпанов вернулся с дочерью на Алтай, где сделался служителем бурханистского культа *(ярлыкчы)*.

---

[1] Дело особого отдела Департамента полиции под названием «Национальные движения, имеющие характер политический. О брожении инородцев на Алтае». — Цитированные документы опубликованы в сборнике «Национальные движения в период первой революции в России». Изд. Чувашск. научно-исслед. инст., Чебоксары, 1935, стр. 59—76.

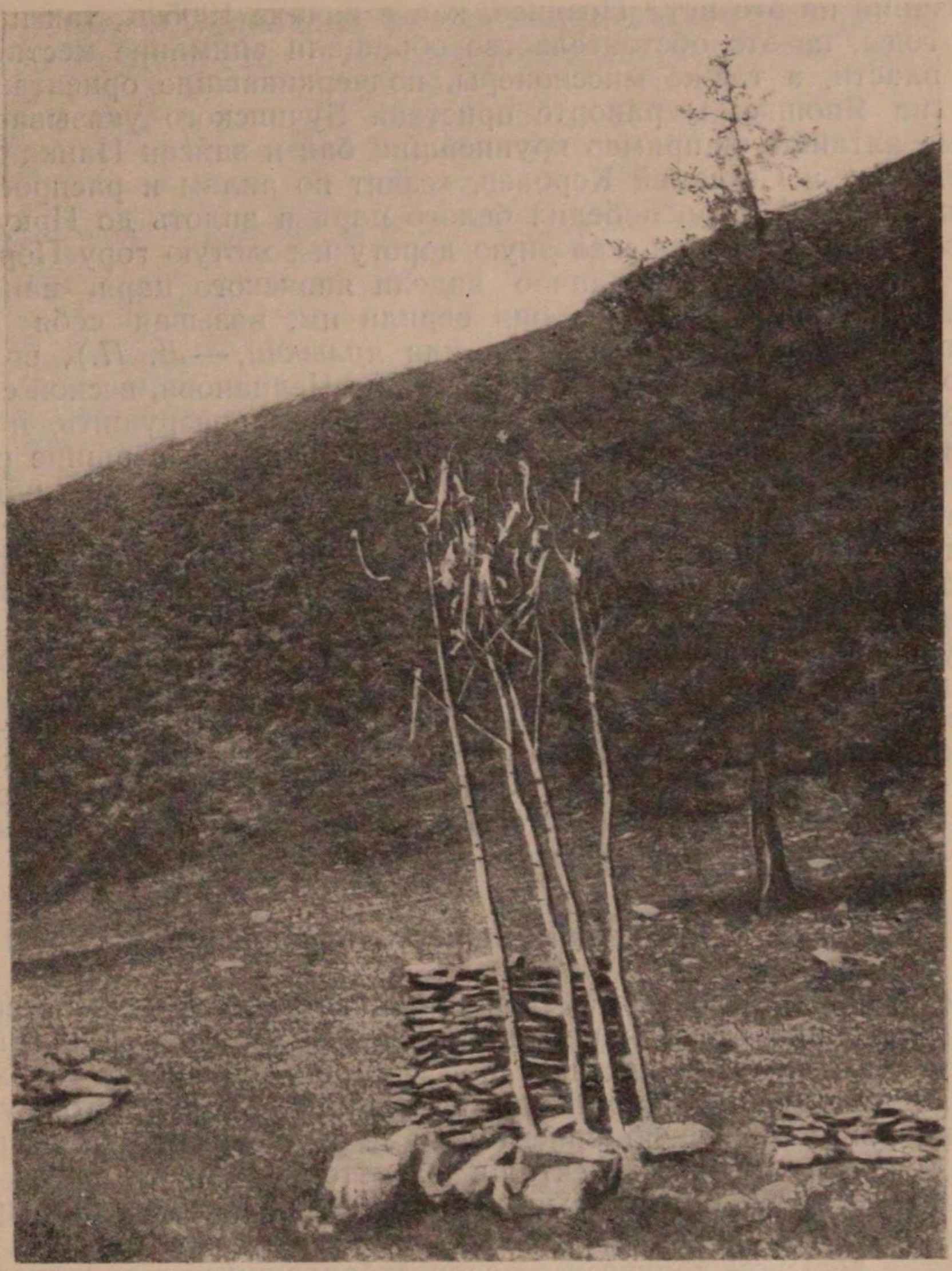
[2] Дело особого отдела. . ., № 11, ч. 3, 1904, л. 8.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Миссионер Кумандин, очевидец разгрома бурханистов в долине Теренг, сообщает об отряде в 150 алтайцев, преимущественно некрещеных, участвовавшем в этой операции. Все эти алтайцы имели на шапке красную ленту в качестве опознавательного знака.

Таким образом царский суд не выявил основной политической стороны этого движения.[1] Видимо, такую позицию суд занял не без влияния событий 1905 г. и манифеста 17 октября о свободе вероисповеданий, ибо политический характер бурханистского движения был несомненен и



Бурханистский жертвенник.

для царских властей. Это видно хотя бы из того, что материалы по бурханистскому движению находились в особом отделе Департамента полиции под названием «Национальные движения, имеющие характер политический». Это же явствует и из телеграммы министра внутренних дел

[1] Чота Челпанова судили по ст. 938 Уложения о наказаниях, которая начиналась так: «Кто, выдавая себя за лицо, одаренное чудесной силой, будет стараться произвести тревогу или уныние...» (А. Н. Вознесенский. Тени прошлого. Из воспоминаний политического защитника. М., 1928).

томскому губернатору, где высказывается предположение, что «очевидно ведется усиленная и деятельная среди инородцев агитация против русских приверженцами японцев, если не самими японцами».[1] В свою очередь и томский губернатор отмечал, что «возможность влияния извне на появление и проповедь Чота допустима», хотя и оговаривался, что прямых указаний на это нет.[2] Позднее, как в начале 1905 г., так и в последующие годы, на это обстоятельство обращали внимание местные полицейские власти, а также миссионеры, подчеркивавшие ориентацию бурханизма на Японию. В рапорте пристава Бучинского указывается, что некоторые алтайцы, например крупнейший бай и зайсан Нанка Лопасов, Баба Чемылов и Сексемей Кербаев, «ездят по аилам и распространяют слух, что японский царь победил белого царя и вплоть до Иркутска завоевал все города, забрал железную дорогу и золотую гору Порт-Артур, заявляя при этом, что они лично видели японского царя, напоминают калмыкам (алтайцам), чтобы они верили им, называя себя джирлыками — проповедниками (*ярлыками*, или *ярлыкчи*, — *Л. П.*), возвещают народу о том, что на том месте, где был аил Челпанова, весной спустится с неба железная молельня, которую русским не разрушить, и что все верующие моментально очутятся за тремя сопками в вершине реки Катуни, их передадут моментально в Японию, что у белого царя нет золота, почему и выпускает бумажные деньги».[3]

Служители бурханистского культа (ярлыкчи) продолжали вести политическую агитацию за отделение алтайцев от России и присоединение к Японии. Агитация велась в своеобразной форме, рассчитанной на отсталый уровень вчерашних шаманистов, глубоко верующих в различные чудеса, духов и т. д. В рапорте бийского уездного исправника на имя томского губернатора приводится ссылка на мнение миссионера-алтайца свящ. Стефана Борисова о политическом характере бурханистского движения, о влиянии на него Русско-японской войны.[4] В другом документе приводится сообщение свящ. Стефана Борисова о японских шпионах, действующих через бурханистов.[5]

2. Социальная сущность бурханизма

Несмотря на религиозную оболочку, бурханизм был политическим движением, носившим резко националистический характер и организованным японскими империалистами при помощи алтайских буржуазных националистов. Будучи направленным против всего русского, бурханизм пропагандировал японскую ориентацию и был связан с японской разведкой. Руководители его мечтали об отторжении Алтая от России, о переходе алтайцев под владычество Японии. Эту идею они пропагандировали как в бурханистских песнях — этих своеобразных устных листовках, в большом количестве распространявшихся в западном Алтае, так и в импровизированных молитвах, в проповедях Чота Челпанова и его помощников. Вот несколько образцов такой агитации в форме песен, распевавшихся при сборе на моления.

---

[1] Телеграмма датирована 19 августа 1904 г., № 1159. Подписана: «За министра внутренних дел Дурново». Дело особого отдела. . ., № 11, ч. 3, 1904, лл. 45—47.

[2] Телеграмма томского губернатора министру внутренних дел от 27 августа 1904 г., № 1598. Там же, лл. 52—53.

[3] Дело Бийского уездного полицейского управления. . ., лл. 231—234.

[4] Там же, л. 259.

[5] Там же, л. 261.

Наша обувь с нашивками, как густой Алтай на Иртыше — новом Токио,
Наши обутки с кантами, как у жителей Токио,
Наш шестиугольный Алтай не лишен прежней благодати,
Потому что наш драгоценный Ойрот-царь,
Наша радость и веселье, к нам возвращается...

В некоторых агитационных песнях мифический Ойрот-хан прямо отождествляется с Япон-, или Епон-ханом. Вот пример такой устной агитки:

Не в нашей земле найден Епон-царь — Ойрот-царь,
С древних времен [ты] не являлся.

Та же мысль выражена и в некоторых молитвах. Например:

Текст	Перевод
Йок полган Ойрот, Иок йерден табылды. Эртеги Ойродыбис кельди, Эне бурханыбис кельди, Япон кааныбис кельди, Япон каанан, Бурхан кельди.	Ойрот, которого не было, Ниоткуда явился. Прежний Ойрот явился, Мать нашего Бурхана явилась, Япон — наш царь — пришел, Япона царя Бурхан пришел.

И здесь совершенно недвусмысленно говорится о тождестве Ойрота-Япона, о теснейшей связи обоих с новым божеством Бурханом. Наконец, можно сослаться еще на отдельные места текста проповеди, которую произнес вожак движения для собравшихся алтайцев в 1904 г. в долине Теренг:

Текст	Перевод
Бурхан деп качан де мер гюзин.	Пусть Бурхану, как богу, всегда молятся.
Епон йок тебегер, Епон качан да келер.	Не говорите, что нет Япона. Япон когда-то придет.
Озого Ойрот кан ойто.	Прежний Ойрот-хан пришел назад.

В записях бурханистских текстов А. В. Анохина встречается такое выражение: «Вдруг (внезапно) явившемуся японскому царю, уважение!..».

Все это не оставляет сомнения в происхождении и политической ориентации бурханизма. Остается теперь сформулировать социальную сущность этого движения. Разумеется, при этом необходимо исходить из той конкретной исторической обстановки, в условиях которой бурханизм возник и принял описанные формы.

Необходимо учитывать, что движение началось в условиях колониального режима, что оно было окрашено в национальную окраску, что в нем, хотя и на короткое время, но все же приняли участие рядовые алтайцы скотоводческих районов.

В данной связи нужно ответить прежде всего на основной вопрос: является ли бурханизм национально-освободительным движением алтайцев? Этот вопрос может показаться праздным после тех материалов, которые мы только что изложили. Однако его приходится ставить, потому что в нашей советской литературе уже неоднократно высказывались взгляды на бурханизм как на национально-освободительное движение

алтайцев-скотоводов.[1] И именно потому, что такое определение бурханизма вошло в нашу литературу, необходимо решительно опровергнуть его как в корне неправильное.

Считать бурханизм национально-освободительным движением, рассматривать его как прогрессивное явление в истории алтайцев нельзя. Бурханизм вовсе не является движением за национальную свободу и за национальную независимость алтайцев, направленным будто бы против царского колониального режима. Напротив, бурханизм был реакционным националистическим движением, сфабрикованным японскими империалистами. Ориентация на отрыв Алтая от России, на переход алтайцев под протекторат Японии, в чем были заинтересованы японские империалистические круги, была выгодна также буржуазно-националистической байской верхушке, стремившейся к монопольной эксплоатации соплеменников, к положению монополистов на Алтае. В реальных исторических условиях того времени трудящиеся алтайцы не только не выиграли бы от этого в своем положении, а ухудшили бы его. Осуществление бурханистских стремлений означало бы разрыв культурных и экономических связей Алтая с Россией, отрыв алтайцев от более высокой культуры русского народа, оказавшей прогрессивное влияние на отсталую культуру алтайцев. Культурные и экономические связи алтайцев с русскими отнюдь не определялись только эксплоатацией алтайцев русскими торговцами, искусственной руссификацией, принудительной христианизацией, захватом земель и т. д. Наряду с этими колонизаторскими отношениями существовали естественно выросшие дружественные экономические и культурные отношения между алтайцами и трудовым русским населением как в пределах самого Горного Алтая, так и в районах, прилегающих к нему. В результате этого алтайцы сами, без всякого к тому принуждения, изучали русский разговорный язык, заимствовали различные культурные ценности от русских, например научились настоящему хлебопашеству, огородничеству, заимствовали русскую избу, русские сани, телегу, научились печь хлеб, шить, прясть, ткать. Некоторые из них даже усвоили грамотность.

Организаторы и вдохновители бурханизма, преследуя свои классовые эгоистические интересы, хотели оторвать трудящихся алтайцев от русского народа, лишить их исторически сложившихся связей, стремились закрепить такие «национальные» черты культуры, которые характеризовались исключительной отсталостью, можно сказать — первобытностью. Вот почему они агитировали даже против отдельных элементов русской материальной культуры.

Каменный дом с восьми комнатами — не есть дом,
Русская серянка [спичка] — не есть огонь,[2]—

говорилось, например, в одной из бурханистских песен, распространявшихся по Алтаю.

То обстоятельство, что трудящиеся алтайцы скотоводческих районов, угнетенные колониальным режимом, пошли на бурханистские моления

[1] Первым дал такое определение Л. Мамет в своей книге «Ойротия» (М., 1930). С ним согласился по этому вопросу ряд его рецензентов, в том числе и те, которые позднее развенчали эту книгу: М. Тайшин в газете «Правда» (№ 95, 6 мая 1931 г.), А. Шестаков в «Историке-марксисте» (№ 15, 1931) и др. Эту ошибку допустил и я в своих работах «Исторический путь Ойротии» (Сов. этнография, № 5—6, 1932) и в книге «Очерк истории Ойротии» (Новосибирск, 1933), о чем уже говорилось выше. Такую же точку зрения на бурханизм развивал и А. Данилин.

[2] Отчет Алтайской духовной миссии за 1910 г. Томск, 1911.

и тем самым на короткий период примкнули к националистическому движению, не меняет его реакционной сущности. При этом нельзя упускать из виду и момент принуждения. Известно, что рядовые алтайцы были в большой зависимости от зайсанов и баев. Последние же выступали организаторами бурханистских «сборищ» и молений. Рядовые алтайцы не знали подлинных путей национально-освободительного движения, чему способствовало и отсутствие пролетарских элементов в движении. Поэтому рядовые скотоводы и позволили увлечь себя на некоторое время на путь борьбы против всего русского, под сугубо националистическими лозунгами бурханизма, проповедуемого зайсанско-байской верхушкой. А эта в своих интересах подменяла практические задачи настоящей борьбы трудящихся алтайцев с царизмом реакционными задачами. При помощи бурханизма зайсанско-байская верхушка, связанная с империалистическими заграничными кругами через Монголию, пыталась оторвать Алтай от России. Стихийное недовольство трудящихся колониальной политикой зайсанско-байская верхушка отводила в сторону национального антагонизма, втискивала в религиозные рамки в расчете на то, что религиозный дурман сыграет свою обычную роль и поможет ей обеспечить идеологическое господство над массами.

3. Организаторы и руководители движения

Подлинными, но тайными организаторами бурханизма являлись японские империалисты и их буржуазно-националистические агенты — крупнейшие богачи, «некрещеные» зайсаны и баи скотоводческих районов Алтая. Не может быть сомнений в том, что руководители бурханизма действовали по заданию японской разведки. Упомянутые зайсаны и баи были весьма подходящим «материалом» для японских шпионов, осуществлявших подрывную деятельность против Русского государства. Баи-бурханисты имели свои счеты с царизмом, мешавшим им монопольно эксплоатировать соплеменников, ущемлявшим их экономические и политические интересы. Однако эта часть зайсанско-байской верхушки не решалась выступить открыто. Они предпочитали действовать через подставных лиц. Наиболее подходящей фигурой для этой цели оказался пастух Чот Челпанов с его приемной дочерью Чугул, связанный с баями родством. Вот почему только ему с дочерью явился таинственный всадник Ойрот, передавший заповеди с призывом к переходу в новую веру, к бойкоту всего русского. Становится понятно также и то, почему такие крупнейшие и самые влиятельные баи, как Манджи и Аргымай Кульджины, Кыйтык и др., с первых же дней оказались ярыми последователями нового учения, проповедуемого бедняком Чотом Челпановым, до этого никогда и ничем не выделявшимся. Как можно допустить мысль, что эти кочевые магнаты немедленно и безоговорочно санкционировали бы это движение своим личным участием в нем, своей активной помощью ему, если бы бурханизм не являлся их детищем, не служил бы их интересам? Трудно предположить, чтобы упомянутые кочевые аристократы и богачи бескорыстно отдали на службу укрепления и развития бурханизма свой огромный авторитет, основанный на постоянном страхе, на личной и экономической зависимости от них рядовых скотоводов и бедноты. Разве согласился бы бескорыстно, например, бай Кыйтык или бай Манджи, — эти почти неограниченные распорядители личностью и имуществом своих соплеменников, — прислуживать и выполнять приказания какого-то бедняка Чота Челпанова? Выше было показано, как

держали себя именитые баи «родовичи» и сиятельные зайсаны по отношению к рядовым алтайцам в обычной обстановке. Что же теперь могло их заставить публично играть роль прислужников и исполнителей повелений бедняка Чота Челпанова? Ответ на это может быть только один: их побуждала к этому кровная заинтересованность в бурханизме как в движении, созданном при их участии. Не случайно же некоторые из крупнейших фигур эксплоататорской верхушки Алтая, при всей осторожности их тактики, оказались в качестве подсудимых в процессе бурханистов, ибо их активное участие в этом движении было очевидно. Достаточно вспомнить, что, когда, «по велению» Бурхана, алтайцы избрали своего «князя», избранным оказался бай Кыйтык. Наконец после ареста ряда алтайцев в долине Теренг во время религиозной демонстрации, когда выяснилась неизбежность судебного процесса, якшилары Алтая охотно развязали кошельки и щедро назначили солидные гонорары для защиты подсудимых силами столичных адвокатов. Бай Кыйтык, например, уплатил 15 000 руб. гонорара защитникам, помогавшим ему выпутаться из процесса. И в этом случае выступает исключительная заинтересованность в бурханизме крупнейших баев западного Алтая.

Предварительная подготовка бурханизма по линии культа производилась тайными руководителями при помощи монгольских лам.[1] Напомним, что при аресте Чота был арестован и монгольский лама. Кроме того, здесь несомненна также роль некоего Тырыя Агымчи, сделавшегося после ареста Чота главой бурханистского духовенства. Тырый в прошлом, до выступления бурханистов, жил в Монголии в качестве переводчика русского правительственного агента. Тырый был грамотным человеком, владевшим, кроме алтайского языка, монгольским и русским. В Монголии он хорошо ознакомился с ламаизмом, был связан с монгольскими ламами и в то же время поддерживал связи с крупнейшими баями-алтайцами, особенно с имевшими торговые связи с Монголией. Видимо, Тырый явился первым тайным учителем догматики и культа новой белой веры. Только этим и можно объяснить то, что Тырый Агымчи после ареста бурханистов сделался главой всех ярлыкчи, в то время как вернувшийся после суда Чот Челпанов стал рядовым ярлыкчи. Теперь бурханистские служители культа ежегодно собирались по нескольку раз у Тырыя, который их обучал, проповедывал им. Чот Челпанов и его дочь были забыты, их роль оказалась сыгранной.

4. Причины возникновения бурханизма

Возникает ряд вопросов: для чего наиболее влиятельной части зайсанско-байской верхушки западного Алтая понадобился бурханизм? Разве она не могла поделить эксплоататорские интересы с царскими угнетателями и жить с ними в мире и союзе, совместно выжимая соки из соплеменников? Каким образом организаторам удалось привлечь на бурханистские моления массу рядовых скотоводов? Почему бурханизм возник и распространился только в западных скотоводческих районах Алтая и не имел никакого успеха в восточных и северных районах? Почему

---

[1] Ламаистского культа придерживались отдельные алтайские зайсаны и рядовые скотоводы еще в первой половине XIX в. в долине р. Чуи. Бунге отметил это в 1826 г., описывая жилище зайсана Монгола (A. Bunge. Reise im östlichen Theil des Altai-Gebirges, Bd. II, S. 94—100), а Ковригин — в 1846 г.

трудящиеся других районов Алтая, также испытавшие гнет колониальной политики, не примкнули, хотя бы на короткий период, к этому движению, протекавшему не только под религиозными, но и политическими, антирусскими лозунгами? Наконец, почему бурханизм возник именно весной 1904 г.?

Баи и зайсаны южного Алтая были заинтересованы в бурханизме потому, что колониальная политика царизма ущемляла их интересы.

Основной причиной недовольства зайсанско-байской верхушки царизмом в скотоводческих районах Алтая являлись земельный вопрос, руссификация алтайцев, а также рост культурно-экономических связей трудящихся алтайцев с русским трудовым населением.[1]

Земельный вопрос стал волновать зайсанов и баев уже с прошлого века, когда в пределах Алтая появились русские колонисты. С тех пор зайсаны и баи путем прошений и снаряжений делегаций в Петербург неустанно ставят его перед царским правительством, добиваясь предоставления им монопольного права на владение и распоряжение землями Алтая «по древним обычаям». Плановое переселение правительством в Алтайский округ крестьян из России весьма беспокоила зайсанов и баев. Закон 1899 г. о предполагаемом землеустройстве вызвал у них крайнюю тревогу. Закон наносил большой удар по экономическому положению зайсанско-байской верхушки скотоводческого Алтая, так как по этому закону они должны были получить 18-десятинный душевой надел наравне с прочим населением, в том числе и русским. Зайсаны и баи должны были либо лишиться огромных пастбищных и прочих территорий, собственниками которых они являлись, либо превратиться в капиталистических арендаторов земли у Кабинета и платить за аренду большие деньги. До издания закона о землеустройстве, занимая своими многотысячными стадами обширные пастбища, зайсаны и баи никому за них не платили и вообще распоряжались землями по своему усмотрению. Закон о землеустройстве еще более чувствительно бил по материальным интересам той части байства скотоводческих районов, которая к началу XX в. уже переходила от скотоводства к «скотопромышленности», как выразился один царский чиновник, и перестраивала свое хозяйство на торговый лад. Вот почему байство западного Алтая оказалось почти поголовно связанным с движением, в то время как баи северных и восточных районов Алтая совсем не принимали в нем участия. Именно здесь, в скотоводческих районах, особенно остро стояла опасность царской земельной политики для зайсанов и баев, у которых захватное частное пользование землей достигало колоссальных размеров. Вот почему в числе организаторов и главарей движения оказались крупнейшие скотовладельцы, владевшие громадными земельными территориями.

Такими же чувствительными оказались зайсаны и баи и в отношении руссификации зависимых от них алтайцев. В руссификации кочевая верхушка видела опасность лишиться не только монопольной, но и вообще всякой возможности эксплоатации соплеменников. Этого особенно опасалась та часть баев, которая при слабой товарности хозяйства могла существовать преймущественно на основе докапиталистических форм эксплоатации, среди которых личная зависимость и внеэкономическое принуждение играли главную роль. Руссификация подрывала основу существования байства скотоводческих районов, перебивала у него зависимого про-

---

[1] На значение земельного вопроса в возникновении бурханизма указал А. В. Анохин в статье «Бурханизм в западном Алтае».

изводителя. Байство западного Алтая не могло не видеть, что каждый шаг по пути руссификации означает постепенную потерю ими их эксплоататорских привилегий. Зайсаны и баи сознавали, что Алтайская духовная миссия стремится вмешиваться в дело административного управления алтайцев, подчинить своему идеологическому влиянию обращенных в христианство, как можно шире распространить устройство миссионерских селений, в которых алтайцы делались независимыми от своих некрещеных зайсанов и баев.

Вот почему последние всячески боролись против христианизации алтайцев, не останавливались перед самыми жестокими физическими мерами в отношении своих подчиненных, изъявлявших согласие на крещение. Вот почему миссия всегда упорно говорила о некрещеных зайсанах и баях как о врагах ее деятельности. Именно в скотоводческих районах Алтая, где сосредоточивалось шесть из семи алтайских дючин и две чуйские волости, населенные теленгитами, количественные результаты деятельности миссии были незначительны. «Западный Алтай, — справедливо отмечала миссия, — находится в вековой зависимости немногих богатых родовичей, которые, видя в христианстве опасного врага их исконному преобладанию над остальным населением, всегда упорно противодействовали проповеди Евангелия».[1] Миссионеры не только подчеркивали это, но они уже давно предлагали царским властям конкретные меры борьбы с оппозицией зайсанско-байской верхушки: «Зайсаны имеют для себя особенный интерес держать массы единоплеменников во мраке язычества и невежества, так как они опасаются в противном случае потерять свое обаяние власти и силы. Звание зайсанов у калмыков наследственно и сохраняется пожизненно, а потому власть почти не ограничена, и подчиненные относятся к ним с раболепством, боясь и думать о протесте на несправедливые действия своего начальства. Под влиянием зайсанов инородцы иногда оказывают упорное сопротивление проповеди христианской... Для устранения этого важного препятствия — явного противодействия и враждебного отношения зайсанов-язычников к проповеди Евангелия, желательно было бы, между прочим, чтобы должность зайсанов на всем Алтае была выборная на известный срок, при этом в тех волостях, где есть достаточное число инородцев, выбор начальника должен производиться непременно из крещеных. Можно с уверенностью сказать, что, пока не изменится порядок и образ местного инородческого управления на Алтае, миссия необходимо будет встречать великие препятствия со стороны тех самых инородцев, просвещение и обрусение которых составляет ее коренную задачу».[2]

Наконец известную, хотя и не определяющую, роль здесь сыграла и конкуренция русских торговцев, которой покровительствовало царское правительство.[3] Русский торговый капитал, конечно, мешал развитию байской торговли в этих районах. Поэтому алтайские баи ориентировались на укрепление своих связей с Монголией, где преобладающее влияние имели китайские и японские капиталисты, конкурировавшие с русскими. Но, кроме помехи в развитии торговли алтайских баев и зайсанов, русские торговцы отбивали у них эксплоатируемую массу, закабаляя рядовых алтайцев различными долговыми обязательствами, выкачивая

---

[1] Отчет Алтайской духовной миссии за 1909 г. Томск, 1910, стр. 37—38.
[2] Природа и население Алтая. Томск. епарх. ведомости, № 4, 1891, стр. 3—4.
[3] Роль конкуренции и рынка в национальном движении вскрыта исследованиями И. В. Сталина. См.: И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 305—306.

ценное сырье. Затем, не в меньшей степени алтайские баи и зайсаны и их заграничные покровители боялись развития естественных культурно-экономических связей между алтайским и русским трудящимся населением, ибо эти добровольные, естественно развивавшиеся связи вели к дружеским отношениям между последними. Эти дружеские отношения затрудняли националистическую пропаганду алтайских националистов и разжигание национальной розни между русским и алтайским трудящимся населением, которая была на руку эксплоататорским классам обоих народов. Особенно она была выгодна для алтайских зайсанов и баев, чтобы легче удерживать в своем политическом и экономическом подчинении рядовых алтайцев.

Вот перечень причин, которые вызвали оппозиционное отношение зайсанско-байской верхушки западного Алтая к царским властям. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы зайсаны и баи, ущемленные в своих интересах, вошли в контакт с агентурой японских капиталистов и заговорили о своем настоящем «отечестве», о своем «природном» царе «Ойроте», якобы ушедшем в свое время в Японию, и стали апеллировать к массе рядовых скотоводов, выдавая свое дело за общенародное.[1] Надо признать, что эта апелляция не осталась без отклика в массе рядовых скотоводов в ряде районов юго-западного Алтая, удаленных и изолированных от районов, населенных русскими крестьянами. И в этом нет ничего удивительного. Царская колониальная политика с ее земельными притеснениями и насильственной руссификацией основной своей тяжестью ложилась на плечи трудящихся алтайцев. В указанных районах, изолированных от положительного влияния русского трудового народа, ощущалась только русская кулацкая, чиновническая или торгашеская эксплоатация, выступавшая в откровенном грубом виде, порождавшая недоверие, иногда переходящее во враждебность ко всему русскому. Наоборот, зайсанско-байская эксплоатация, обычно прикрытая формами родовой, родственной взаимопомощи, не доходила до сознания рядового алтайца. Зайсаны и баи представляли себя в роли «защитников» своего народа, его материальных интересов, национальных обычаев и т. п. В такой общественной обстановке оказалось возможным в определенный момент и различными способами (от агитации до угроз и насилия включительно) вызвать массу на религиозную по форме, националистическую по существу демонстрацию, направленную не столько против царизма, сколько против «русских» вообще, и ориентированную не столько на национальную самостоятельность, сколько на протекторат Японии. Надвигающееся землеустройство заставило рядовых скотоводов откликнуться на призывы буржуазного национализма. Царское землеустройство с его душевым наделом грозило разорением хозяйству, основанному на пастбищном способе кормления скота в течение всего года и требовавшему больших территорий. Именно угроза лишения пастбищных территорий, а не пропаганда Ойрот-Япон-хана, которая не пользовалась популярностью среди трудящихся алтайцев, заставила последних на некоторый момент примкнуть к бурханизму.

Мы можем здесь сослаться на известное исследование И. В. Сталина, в котором он указал, что если репрессии затрагивают земельные инте-

---

[1] Распространенность среди алтайцев легенды об Ойрот-хане, отражающей период политического и экономического угнетения алтайцев западномонгольскими, или ойратскими, ханами, постоянно использовалась зайсанами, баями, монгольскими ламами, а позднее белогвардейцами и буржуазными националистами в реакционных целях.

ресы, то «широкие массы крестьян немедленно становятся под знамя национального движения».[1] На Алтае царская репрессия в виде предполагаемого землеустройства била по коренным интересам рядового скотовода. Мизерный надел, предлагаемый законом, безусловно должен был повлечь выколачивание из трудящихся алтайцев платы за аренду земли, необходимой для сохранения экстенсивного скотоводческого хозяйства. Кроме того, закон 1899 г. лишал рядовых алтайцев и тех льгот, которыми они пользовались как «инородцы». Этот закон уравнивал алтайцев в правах с русскими крестьянами, ломал коренным образом обычный образ жизни. В перспективе было отбывание солдатчины, насильственная руссификация.

Все изложенное вполне разъясняет, почему бурханизм возник в западном Алтае, точнее — в Усть-Канском и Онгудайском районах, центре сосредоточения некрещеной зайсанско-байской верхушки, и распространился только в скотоводческих районах, для которых душевой надел землеустройства по закону 1899 г. был разорительным.

Совсем другое положение было в северных и восточных районах Алтая, в основном промысловых. Население здесь жило оседло, занимаясь преимущественно промысловым хозяйством. Восемнадцатидесятинный душевой надел не представлял здесь опасности для сохранения хозяйства. Леса, с которыми была тесно связана хозяйственная деятельность трудящихся алтайцев, попрежнему оставались доступными для них. В этих районах было густое русское крестьянское население, превосходившее по численности алтайцев, жившее с последними вперемежку и смешанно. Русский язык здесь являлся языком большинства. Алтайцы учились ему сами, а не только через миссионерские школы, ибо знание русского языка вызывалось экономическими, бытовыми и прочими потребностями совместной жизни. Они сами охотно усваивали и более высокую материальную культуру русских крестьян. В этих районах были часты смешанные браки между русскими и алтайцами, являвшиеся редкостью в западном Алтае. Все это делало рядовых алтайцев указанных районов довольно равнодушными к идеям буржуазного национализма. Помимо того, влияние Алтайской миссии здесь было весьма большим. Ему не противопоставлялось влияние байства, зайсанов и паштыков, ибо здесь байство выросло на иной, не производственной основе. Оно выросло на базе посреднических, торгово-ростовщических операций, забрав в свои руки сбыт продуктов таежного хозяйства: пушнины, ореха и меда. Почти все без исключения баи таежных районов северного Алтая, развертывая свои посреднические операции, находились на положении приказчиков, агентов русских купцов. Они всецело зависели от своих патронов, и лишь немногие из них, например М. В. Тобоков, вели самостоятельно крупные торговые операции. Но и Тобоков был тесно связан с фирмой бийского купца Бодунова, от которого во многом зависел.

Байство северных районов Алтая, не носившее приставки *укту-*, почти не имело отношения к организации сельскохозяйственного производства. Здесь баи интересовались обменом и были заняты выкачиванием сельскохозяйственного сырья в виде ценной пушнины, кедрового ореха, меда воска и т. п.

Торгово-ростовщическое байство в северных районах, как уже сказано, было опорой, агентом и приказчиком русской торговой буржуазии. При помощи посредников русскому капиталу было легче пробираться в самые

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 307.

глухие, самые отдаленные и трудно доступные аилы, легче удавалось проникнуть во все поры алтайского хозяйства. Вместе с тем, благодаря связи с русскими купцами и торговыми фирмами, алтайские баи-торговцы укрепляли и расширяли свои дела. О том, какие выгоды приносило посредничество алтайским танышам, свидетельствуют их двухэтажные дома, выстроенные в селениях и улусах северного Алтая. Ведя свою деятельность при помощи купеческих, а впоследствии банковских ссуд, алтайское торгово-ростовщическое байство тесно срасталось с русским капиталом, царской властью, духовенством, быстро руссифицировалось, крестилось. Не случайно миссионеры отмечали, что все «лучшие люди» непременно крестятся; под «лучшими людьми» подразумевались богачи-алтайцы, поддерживавшие миссию. Можно привести много примеров материальной и идеологической помощи, оказанной миссионерам баями-торговцами, ростовщиками. Ограничимся хотя бы несколькими.

Бай-торговец зайсан Барабош выстроил церковь в теперешнем с. Александровском и заставил креститься живущих поблизости своих подчиненных. Бай-торговец и зайсан Комляжской волости М. В. Тобоков выстроил на свои средства церковь в селах Паспауле и Карасуке. Улаганский торговец бай Белей построил «великолепный храм» на устье р. Башкаус и был представлен миссией к серебряной медали для ношения на шее. Николай Токочаков, торговец-ростовщик, будучи некрещеным, выстроил храм в Бешпельтире (1-я Алтайская дючина). Жена зайсана Барабоша после смерти мужа построила церковь в с. Бирюле. Бай-ростовщик Тыдыков Павел жертвовал на постройку церкви в Куюме, и т. д.

Естественно, что миссионеры в свою очередь всячески покровительствовали своим «выдвиженцам», представляли их к серебряным медалям или к чину церковных старост, добивались выбора их в зайсаны. Не без помощи миссионеров и подкупа русского начальства Михаил Тобоков получил зайсанство. Происходя из бедных крестьян, после выборов в зайсаны он разбогател и тесно связался с бийской фирмой известного купца Бодунова. Благодаря крещению, последовавшему за ним личному свиданию с томским губернатором и поддержке миссионеров зайсанскую должность занимал и зайсан Барабош, крестник купца-миллионера Морозова.

Вот эта-то тесная связь с русским торговым капиталом, связь, от которой зависело самое существование многих баев, была причиной того, что зайсаны и баи этих районов не только не сопротивлялись христианизации, а, напротив, крестились сами и всячески способствовали миссионерам обращать в православие и соплеменников. Строили церкви и жертвовали деньги на постройку церквей главным образом зайсаны и баи северного, таежного Алтая, как правило, все торговцы-скупщики.

Остается еще объяснить, почему именно в это время зайсаны и баи западного Алтая решились выступить открыто с идеями буржуазного национализма, с идеей Ойрот-хана—Япон-хана, и устроить религиозную демонстрацию. Надо сказать, что попытки появления на Алтае пресловутого Ойрот-хана и пропаганда панмонгольских идей и отделения Алтая от России были известны и раньше. По документам Томского архива видно, что первый случай появления самозванца на Алтае в личине Ойрота относится к 70-м годам XIX в., второй — к 1900 г., когда за Ойрот-хана выдавал себя нищенствующий лама-монгол.[1] Тем не менее,

---

[1] Томское архивное бюро, дело № 44 за 1904 г. — См.: Н. Бакай. Легендарный Ойрот-хан. Сибирские огни, № 4, 1926. — В «Отчете Алтайской духовной миссии

в обоих этих случаях никакого сколько-либо заметного движения на Алтае не наблюдалось. Почему же теперь, т. е. в 1904 г., такое движение возникло? Едва ли можно сомневаться в том, что бурханистское движение было организовано в 1904 г. под влиянием Русско-японской войны, когда деятельность японской разведки была, видимо, наиболее интенсивной. Известно, что в начале февраля 1904 г. Япония напала на Россию. Вскоре на Алтае стали известны и первые военные неудачи царской армии в этой войне. Онгудайский миссионер в письме от 30 мая 1904 г. отметил, что ему пришлось слышать такие фразы агитаторов-калмыков: «Японский царь победил русского царя. Не стало русского царя, а настало царство Ойрот-хана». Обстановка войны с Японией была признана организаторами и руководителями бурханизма наиболее подходящей для выступления. Кроме того, была еще одна причина, заставившая не медлить с выступлением.

В 1904 г. 12 мая были утверждены так называемые «Правила устройства кочевых инородцев Бийского уезда», выработанные по соглашению министра Двора и министра внутренних дел, которые не отменяли, а временно только приостанавливали действие закона 1899 г. в отношении кочевых алтайцев. Землеустроительные работы на Алтае в это время уже шли, хотя касались пока лишь русского и алтайского населения миссионерских селений. Весть о неизбежности землеустройства встревожила не только баев и зайсанов, но резко обострила недовольство колониальной политикой царизма массы рядовых скотоводов, чем хотели воспользоваться для своих целей организаторы бурханизма.

5. Бурханизм после 1905 г.

Революция 1905 г. докатилась и до далекого Алтая. Осенью 1905 г. вспыхнуло и быстро распространилось по всему Алтайскому округу, входившему в ведомство Кабинета, сильное крестьянское движение. Оно являлось частью более широкого, общесибирского рабочего и крестьянского революционного движения, организованного и руководимого большевистской партией. Веками угнетавшиеся помещиками и капиталистами алтайские крестьяне громили конторы и дома крупных кабинетских чиновников, лавки и магазины купцов, прогоняли крестьянских начальников, волостных и сельских старшин и старост, прекращали уплату податей и объявили реквизицию кабинетского леса. Рубка и развозка заготовленного кабинетского леса приняла массовый характер. На очередь выдвигалось осуществление проектов изъятия и раздела кабинетских земель.[1] Эти большие общественные события нашли некоторое отражение и в миссионерских отчетах, в которых миссионеры, разумеется по-своему, характеризовали и истолковывали их. В отчете Алтайской духовной миссии за 1905 г. говорится: «Появились массы летучих листовок, брошюр, прокламаций с бесшабашным отрицанием всего святого,

---

за 1886 г.» сообщается еще один случай появления на Алтае Ойрот-хана в 1885 г., в долине Чуи. Им оказался кегень из Монголии, которого царские власти быстро ликвидировали. Миссионерам удалось добиться «сознания бывшими поклонниками кегеня всей преступности своих действий» и получить согласие «присоединиться к святой православной церкви, в чем и была дана ими в то время надлежащая подписка».

[1] Крестьянские волнения в Алтайском округе в 1905—1907 гг. Барнаул, 1951.

с осмеянием самых дорогих верующему сердцу истин... Эта чудовищная подпольная литература развозилась по всем деревням и местечкам целыми пудами, раздавалась открыто на улицах и по домам... Просто какой-то чад распространился в воздухе и его заразными миазмами было отравлено все население».[1]

Революционное движение охватило в основном только русские деревни, в том числе и миссионерские селения, предгорных и горных районов Алтая. Но алтайцы, проживавшие в этих селениях, не стояли в стороне от революционных выступлений русских крестьян, а действовали дружно вместе с ними. Наиболее активными очагами упомянутого крестьянского движения в Бийском уезде были села Алтайское и Улала, в которых алтайцы составляли весьма значительную часть населения.

Иная картина была в глухих горных районах, где алтайцы жили маленькими разбросанными аилами, изолированно от массы русского населения. Здесь, особенно в западном Алтае, оживилась деятельность алтайских баев и зайсанов, пытавшихся использовать революционную обстановку в крае и ослабление царских властей в своих корыстных целях.

Баи и зайсаны снова кое-где организовали бурханистские моления, но последние уже не носили массового характера. Баи и ярлыкчи продолжали вести националистическую, антирусскую пропаганду. В бурханистских песнях этот момент выступает довольно ясно.[2]

Однако тактика баев теперь резко меняется. Они теперь одновременно пытаются вступить в сделку с царизмом и приобрести доверие властей.

Баи западного Алтая, эти старые враги Алтайской миссии, начинают жертвовать деньги на постройку церквей... Баи и зайсаны, убедившись в провале ориентации на переход алтайцев в японское подданство, пытаются теперь использовать некоторые уступки во внутренней политике, сделанные царем в связи с революцией 1905 г. Опираясь на обещания, провозглашенные в манифесте 17 октября 1905 г., зайсанско-байская верхушка летом 1906 г. организовала собрание алтайцев в Ябагане, на котором постановила иметь своего депутата в Государственной Думе, послать делегацию в Петербург с ходатайством об удовлетворении этого желания, а также поставить вопрос об устранении земельных стеснений, об открытии на Алтае профессиональных школ и т. п.[3] Не известно, была ли осуществлена поездка такой делегации в том же году, но депутат алтайцев был забаллотирован уже в Томске. В следующем 1907 г. крупнейшие баи западного Алтая братья Аргымай и Манджи Кульджины устраивают большое собрание в Усть-Кане, где, ссылаясь на манифест 17 октября, обсуждают вопрос о возбуждении ходатайства перед властями об официальном разрешении алтайцам исповедовать новую, «белую веру». Результатом этого совещания было прошение царским властям, поданное от имени «512 аилохозяев» 2-й, 3-й, 4-й и 5-й алтайских дючин. В прошении в самых неприглядных красках описывается шаманизм и приводятся преимущества новой, «белой веры», которая в то же время, по выражению прошения, «спокойствию закона и начальства ничуть не препятствует».[4]

---

[1] Отчет Алтайской духовной миссии за 1905 г. Томск, 1906, стр. 32.
[2] Отчет Алтайской духовной миссии за 1910 г., стр. 95.
[3] Проблески пробуждения среди калмыков Алтая. Сибирская жизнь, № 163, 1905.
[4] Отчет Алтайской духовной миссии за 1907 г. Томск, 1908.

Баи западного Алтая крепко держались за бурханизм. Они, видимо, рассчитывали при его помощи успешно конкурировать с деятельностью Алтайской духовной миссии и удерживать свое влияние на рядовых алтайцев, а также поддерживать и развивать свои заграничные связи через Монголию. Это обстоятельство, разумеется, не укрылось от внимания миссии, которая рассматривала бурханизм как «воинствующее язычество» и печатно заявляла: «Доколе алтайские калмыки будут язычниками, их национальные симпатии всегда будут склоняться не к Москве или Петербургу, а к Пекину и Токио, как это показала минувшая японская война».[1]

Все сказанное выше только подтверждает, что бурханизм нельзя рассматривать как национально-освободительное движение, а организаторов и вдохновителей его как борцов за освобождение алтайцев от царского гнета. Следует помнить слова В. И. Ленина, писавшего о том, что «буржуазия угнетенных наций *только* болтает о национальном восстании, а на деле вступает в реакционные сделки с буржуазией угнетающей нации за спиной *и против* своего народа. . .».[2]

И. В. Сталин по этому вопросу говорит:

«Только теперь стало для всех очевидным, что национальная буржуазия стремится не к освобождению „своего народа“ от национального гнета, а к свободе выколачивания из него барышей, к свободе сохранения своих привилегий и капиталов».[3]

Как преломились события 1905 г. в сознании алтайцев северных районов Алтая, не известно. Однако, судя по одному из отчетов Алтайской духовной миссии, можно думать, что здесь это носило иной, нежели у населения западных районов, характер. В отчете сообщается: «Инородцы-кумандинцы вообще стали какие-то совсем другие. Узнали они, что царь дал свободу не платить податей. Это-де все уходит на начальников, а до царя ничего не доходит. Некоторых из этих агитаторов сослали в Нарымский край, но остальные все же не унимаются, и хотя втихомолку, а говорят: „Креститься не надо, это все выдумывают попы да архиереи“. Никаких убеждений они не слушают».[4]

Как ни наивны эти мысли, они все же говорят о пробуждении классового сознания у трудящихся кумандинцев, их активном недовольстве колониальным режимом, о первых попытках борьбы с этим режимом. В этом нельзя не видеть прямого влияния революции 1905 г., проникшего в этот глухой угол.

IX. ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕФОРМА

После 1904—1905 гг. положение трудящихся алтайцев продолжает непрерывно ухудшаться. «Августейший» помещик начинает перестраивать хозяйство своего горноалтайского имения, намечая развитие земельной аренды.

---

[1] Отчет Алтайской духовной миссии за 1909 г. Томск, 1910. — Ср. отчет миссии за 1910 г., где говорится: «Бурханизм и ламаизм взяли на себя задачу сплотить инородцев во враждебную к России массу и возбудить в них сильное тяготение к языческим странам — Японии и Китаю. Но местные власти, повидимому, находят это в порядке вещей, обнаруживая тем крайнюю политическую близорукость и отсутствие понимания, к какой пропасти ведет такое положение ту государственность, представителями которой они являются».

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 49.

[3] И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 162—163.

[4] Отчет Алтайской духовной миссии за 1907 г., стр. 50—51.

Правила 1904 г. отсрочили землеустройство алтайцев всего на несколько лет. В 1906 г. издается высочайший указ, предписывающий передачу на арендных условиях всех свободных и могущих быть свободными земель Алтайского округа в казну для переселенческого фонда. Легко понять, какие причины вызвали этот указ. Революция 1905 г., сопровождаемая аграрным движением, остро ставила вопрос перед царизмом о «крестьянской опасности».

Царское правительство пыталось смягчить назревшие противоречия аграрных отношений во внутренних губерниях России путем разгрузки этих губерний от крестьян, путем переселения маломощной и беднейшей части крестьянства в Сибирь. При наличии окраин капитализм разрешает частично и временно свои противоречия путем заселения окраин, указывал В. И. Ленин.[1] Вот почему после 1905 г. переселенческий вопрос приобретает для царского правительства особую актуальность. Переселенческое дело становится плановой задачей особой организации — Переселенческого управления. Кабинет решает «уступить» казне свободные земли Алтайского округа, разумеется на выгодных условиях, не отказываясь от них совершенно. Высочайше утвержденная мемория Совета Министров от 18 апреля 1906 г. следующим образом характеризует причину необходимости землеустройства и передачи кабинетских земель: «В настоящее время одной из главнейших забот правительства является устройство безземельных и малоземельных крестьян Европейской России и поэтому представляются особенно своевременными меры для скорейшего определения могущего быть им предоставленного земельного фонда. В Алтайском округе, земли которого издавна считаются крестьянами наиболее пригодными для водворения, одним из препятствий для отвода земель под новых выходцев из Европейской России является неустроенное положение ранее прибывших в округ самовольных переселенцев» (разрядка моя, — *Л. П.*).[2]

Число неустроенных «самовольных переселенцев» со времени устройства их на основании закона от 27 апреля 1896 г. к 1906 г. достигло 200 000 душ. Это заставляло Кабинет поспешить с передачей своих земель в переселенческий фонд. Передавая земли, Кабинет оставлял за собой «право на недра означенных земель... (пункт 1 Указа) ценные защитные и водоохранные лесные дачи, земли и леса, отведенные или необходимые для отвода кабинетским и частным горнозаводским предприятиям, фабрикам, заводам и другим промышленным заведениям, а также для разработки ископаемых, для сельскохозяйственных училищ, церквей, школ, опытных и показательных учреждений; земли, предназначенные под лесоразведения, земли, занятые целыми сооружениями и т. п.» (пункт 3).[3] Пункт 7 Указа гласил: «За передаваемые в казну переселенческие участки земли Алтайского округа государственное казначейство обязано уплачивать Кабинету вознаграждение в размере двадцати двух копеек с десятины удобной земли, ежегодно в течение 49 лет».

Условия передачи земли в переселенческий фонд делали Кабинет особенно заинтересованным в землеустройстве и по экономическим соображениям. По предварительным соображениям Кабинета, земле-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 519—523.
[2] Переселение в Алтайский округ, стр. 5.
[3] Там же, стр. 7.

устройство алтайцев обещало высвободить свыше шести миллионов десятин земли. Это давало Кабинету огромный доход, ради которого он не мог не поступиться интересами «диких кочевников». И царь сдал казне значительную часть своего обширного поместья. Участь алтайцев в земельном отношении была решена.

В 1907 г. начальник Алтайского округа, ссылаясь на Указ 1906 г., настаивал перед Томским губернским управлением на скорейшем проведении в жизнь землеустройства у алтайцев. Аргументируя данными алтайской статистико-экономической и этнографической экспедиции в 1897 г., руководимой С. П. Швецовым, начальник округа указывал, что алтайцы ведут оседлый образ жизни и поэтому могут быть устроены по закону 1899 г. Признание оседлости у алтайцев было нужно для того, чтобы опровергнуть Правила 1904 г.

Общее присутствие Томского губернского управления соглашалось с начальником округа, что провести землеустройство у алтайцев было бы хорошо, но напоминало, что если провести его по закону 1899 г., то 80% алтайцев пострадают от этого, ибо они находятся на низкой ступени развития и ведут кочевой образ жизни.[1] Смысл ответа был таков: придумайте что-нибудь другое, так как Правила 1904 г. затрудняют проведение закона 1899 г.

Так как после 1906 г. переселенческое дело находилось в ведении переселенческой организации Главного управления землеустройства и земледелия, то последняя в 1908 г. организовала статистико-экономическую экспедицию на Алтай, под руководством чиновника Безуглова, с целью выяснить, как можно устроить в земельном отношении алтайцев и сколько и каких земель можно получить после землеустройства. В этом же году от алтайцев выехала в Петербург депутация, чтобы оградить свои кочевья от грабежа, именуемого официально «землеустройством». Депутация представляла 1-ю, 5-ю, 6-ю и 7-ю дючины и черневые волости алтайцев.[2] Совещание при Кабинете вынесло решение в соответствии с некоторыми просьбами депутации, а именно: 1) образование оброчных статей в Алтае должно быть приостановлено; 2) защита кочевий возлагается на местную губернскую администрацию.

Но это очередное обещание Кабинета также оказалось невыполненным. В 1910 г. начальником Алтайского округа В. П. Михайловым по поручению управляющего Кабинетом была совершена поездка в Горный Алтай. Михайлов должен был ознакомиться «с положением и жизнью Горного Алтая на месте, высказать затем свои соображения и определенный взгляд на поставленные вопросы о землеустройстве инородцев, колонизации края и хозяйственном использовании земель, лесов и недр и наметить программу деятельности Кабинета его величества в Горном Алтае». Другими словами, в целях развития арендного хозяйства Кабинета, Михайлову нужно было доказать: 1) что алтайцы ведут оседлый образ жизни; 2) что по условиям жизни они подходят под действие закона 1899 г. Михайлов эту задачу выполнил и представил специальный отчет управляющему Кабинетом. Кабинет решил действовать.

---

[1] Отчет о поездке на Алтай начальника Алтайского округа В. П. Михайлова в 1910 г., стр. 82—83.

[2] Депутация состояла из священника-алтайца, известного националиста Стеф. Борисова и баев Даниила Тобокова, Аргымая Кульджина, Чылыкы Тордумова. Описание приема этой делегации у царя см.: «Православный благовестник», № 16, 1908, стр. 365—370. — С. Борисов произнес царю свои «верноподданнические» стихи.

Начальник Алтайского округа в своем обширном отчете изложил и программу экономической политики Кабинета. Программа предусматривала организацию хозяйства в округе на новых началах. Во главу угла ставилось развитие арендного дела. Рекомендовалось немедленно же произвести землеустройство по закону 1899 г. среди алтайцев и русских, живущих в горной части округа. Автор отчета утверждал, что алтайцы вполне созрели для землеустройства, считал введение правил 1904 г., приостановивших действие закона 1899 г., вредным заблуждением, которое отразилось на доходах Кабинета.

Михайлов категорически настаивал на землеустройстве, на внедрении в Горный Алтай подворно-участкового землевладения, взамен феодального владения и общинного землепользования, служившего интересам зайсанов. Он писал: «Пользование землями Горного Алтая сосредоточивается в конечном счете в руках сравнительно немногочисленной группы зажиточных инородцев и русских. Это обстоятельство влечет за собой последствие, которое может показаться даже парадоксальным: с заселением Горного Алтая ценность земли здесь не повысилась, а упала. Это потому, что территория его слишком велика и конкуренции в погоне за землей между сильными еще не создалось, слабые же от такой конкуренции силой вещей просто отброшены. Между тем в Горном Алтае как местности, слишком удаленной от рынков, ценность земли может быть повышена только мелким производителем сырья, который в условиях данного момента оказывается задолженным, подавленным и бессильным».[1] Михайлов обращал сугубое внимание на «до-нельзя экстенсивные, хищнические формы хозяйства не только земельного, но и промыслового», ведущегося на Алтае. Он указывал, что «правильное развитие скотопромышленности стесняется невозможностью для многих предпринимателей получить нужное для скотоводства количество земель. То же самое нужно сказать и о коневодстве, вопрос о развитии которого в Горном Алтае начинает принимать характер государственной задачи»[2] (имеется в виду поставка лошадей для армии). Михайлов жаловался, что «земли Горного Алтая используются крайне нерационально и непроизводительно. Леса уничтожаются беспорядочной рубкой и главным образом пожарами. Промысловые угодья обесцениваются понижением урожайности орехов и убылью зверей», между тем как «обильный естественными богатствами Горный Алтай пригоден к широкому хозяйственному использованию путем организации здесь скотоводческого, лесного и промыслового хозяйства».

Михайлов предлагал немедленно же изъять от алтайцев «лишние земли» в арендный фонд путем землеустройства. «Те $7^1/_2$ миллионов десятин, — писал он, — которые они считают своими, никакой закон не сохранит в их пользовании».[3] «Необходимо самое быстрое, но планомерное заселение горного Алтая элементом, наиболее приспособленным к условиям жизни и хозяйства в горной местности. Только таким путем эта отдаленная окраина может быть введена в хозяйственный оборот страны и тем же путем в крае создастся русский оплот».[4] Заселение должно производиться «главным образом на правах аренды для крестьян обширного района, прилегающего к горам... экономически силь-

---

[1] Отчет о поездке на Алтай начальника Алтайского округа В. П. Михайлова в 1910 г., стр. 77.
[2] Там же, стр. 182.
[3] Там же, стр. 147.
[4] Там же, стр. 220.

ных и вполне приспособленных к местным особенностям края. Уход их в горы освобождает земли в степном районе и по силе сложившихся условий земли эти переходят к переселенцам из Европейской России».[1]

Михайлов развивал программу кулацкой, буржуазной колонизации Алтая. Необходимо упомянуть еще одно мнение Михайлова, впоследствии принятое Кабинетом, о проведении землеустройства и сдаче высвобожденных земель в аренду силами Кабинета без участия и без вмешательства Переселенческого управления.

Программа Михайлова была одобрена и принята Кабинетом.

С 1911 по 1913 г. у алтайцев было проведено «землеустройство». Таким образом и новая земельная политика царского Кабинета также несла трудящимся алтайцам нищету и разорение. В основе ее лежал земельный захват, наглый грабеж. Вся тяжесть «землеустроительного» грабежа легла на плечи трудящихся алтайцев. Правда, землеустройство затрагивало интересы и зайсано-байской верхушки, последняя оказалась под угрозой лишиться обширных территорий, которыми она владела единолично, — но зайсанско-байская верхушка сумела обеспечить себя лучшими и просторными пастбищами уже в процессе работ по землеустройству. Только в 1931—1932 гг. стало известно, что зайсаны и баи широко использовали при производстве землеустроительных работ систему подкупов царских землемеров. Вот почему советские землемеры, работавшие по землеустройству Алтая, сплошь и рядом встречались с такими фактами, когда пышные и обширные луга лучших долин Алтая оказывались нанесенными на старые карты как «камень», «неудобные земли» и т. п.

Кроме того, как только совершилось землеустройство, зайсаны и баи стали сосредоточивать в своих руках душевые наделы соплеменников, пуская в ход меры экономического и внеэкономического принуждения. Таким образом оказалось, что земельные притеснения непосредственно ощущали на себе только трудящиеся алтайцы — мелкие скотоводы, охотники. Именно они выносили на своих плечах тяжесть земельной политики. Зайсаны и баи умели обеспечить себя пастбищами на лучших землях даже в условиях колониального режима, путем угнетения и стеснения своих же алтайцев.

Землеустройство алтайцев по закону 1899 г. по существу означало ставку на внедрение буржуазной собственности на землю и было направлено к разрушению феодального землевладения зайсанско-байской верхушки и общинного землепользования. Кабинет хотел превратить зайсанско-байскую верхушку и русских кулаков-заимочников в капиталистических арендаторов.

Одновременно с землеустройством у алтайцев было проведено и коренное переустройство форм административного управления. Зайсанат теперь оказался ненужным, противоречащим политике Кабинета. Царское правительство упразднило зайсанат в 1912 г. и заменило его точной копией русского волостного управления. Алтайские дючины с припиской к зайсанам тех или иных родов, независимо от местопребывания, реорганизовались в волости, образованные по территориальному принципу. Зайсанат отслужил свою службу царю. Он был хорош тогда, когда царю нужно было выкачивать из алтайцев пушнину-ясак или подати. При развитии арендного хозяйства Кабинета на капиталистических началах зай-

---

[1] Там же, стр. 224.

санат оказался тормозом проведения новой экономической политики Кабинета.

Как встретили эти реформы трудящиеся алтайцы? Если судить по миссионерским отчетам, то «спокойно, тихо, без конфликтов». «Алтайцы землею довольны, обиженных землеустройством почти не встречается. Довольны землеустройством и церковные причты. Самые лучшие участки отведены церквам».[1] Но по миссионерским сообщениям можно утверждать и то, что землеустроительная реформа протекала не совсем спокойно. Так, например, в ряде урочищ западного Алтая (Мендур-Сокон, Ябаган, Яконур, Карлык, Верх-Чарыш) вспыхнули «бунты», в которых принимало участие много алтайцев.[2] Часть трудящихся алтайцев открыто протестовала против царской землеустроительной реформы. Не остались алтайцы равнодушными и к административной реформе.

По рассказам очевидцев, административная реформа вызвала (особенно в южном и западном Алтае) всеобщую панику, глухое возмущение. Алтайцы целыми семьями бежали вглубь гор, опасаясь насильственного обращения в христианство, воинской повинности. Многие перешли границу Монголии. В северном Алтае реакция была слабее, ибо здесь местное байство помогало русской администрации в проведении реформы и, пользуясь большим влиянием на закабаленных алтайцев, старалось всячески «успокоить» соплеменников. Тем не менее и здесь «пытались» было сопротивляться этой реформе, не отдавая печатей своих паштыков, но потом, по совету местного миссионера, подчинились распоряжению начальства и подписались под приговором. Насколько не хотелось им расставаться с прежним укладом жизни, видно из следующего факта: «Когда все уже было кончено и крестьянский начальник уехал обратно, один из инородцев, представитель каларского племени, пришел в дом местного миссионера, получивши благословение, сел на лавку и, не говоря ни слова, залился горькими слезами. На тревожные вопросы: „Что с тобой, что ты плачешь?“ — смог ответить только одно: „Крестьянга кирип-пардыбис“ (крестьянами стали)».[3]

Остается сказать еще об отношении к реформам зайсанско-байской верхушки скотоводческого Алтая.

Воспрянув несколько духом, после неудач «белого царя» в войне с Японией и в связи с революцией 1905 г. (и последовавшего в этом году царского манифеста от 17 октября), алтайская аристократическая верхушка старалась использовать все легальные возможности для сохранения status quo, предшествующего изданию закона 1899 г. о землеустройстве в Алтайском округе. Зайсаны и крупные скотоводы западного Алтая, заявляя себя «представителями» и «выразителями интересов алтайского народа», неустанно хлопотали о выработке проекта, который передал бы в их исключительное владение территорию до 6 миллионов десятин. Миссионеры утверждали, что алтайские зайсаны тратили порой до 20 тысяч рублей на наем адвокатов, на снаряжение депутации в Петербург с целью поддержания своих прав. Начальник Алтайского округа Михайлов отметил в своем отчете по поводу инициаторов проектов передачи земель Горного Алтая в исключительное пользование алтайцев следующее: «Очень характерно, что представителями называют себя не рядовые хозяйства, а исключительно зажиточные и тем на весь Алтай из-

---

[1] Отчет Алтайской духовной миссии за 1911 г. Томск, 1912, стр. 49—50.
[2] Отчет Алтайской духовной миссии за 1913 г. Томск, 1914, стр. 77.
[3] Отчет Алтайской духовной миссии за 1912 г. Томск, 1913, стр. 60.

вестные люди, обладатели хозяйств, поставленных на торговый лад и совершенно не похожих на хозяйство богатых скотоводов-номадов».[1]

И вот, несмотря на все хлопоты алтайских зайсанов, в 1908—1909 гг. стали носиться упорные слухи о землеустройстве. Миссионеры следующим образом описывают настроение зайсанско-байской верхушки. В то время «как громом поразили их толки о землеустройстве. Это уже не проповедь миссионеров, а роковой закон, которому волей-неволей должны подчиняться все. Как всполошился западный Алтай! Тогда как в восточном Алтае землеустройство спокойно совершается, калмыки алтайских

Землемеры среди алтайцев.

дючин одну за другой снаряжают депутации в Петербург, тратят огромные деньги на адвокатов, всячески стараясь отдалить неумолимый закон о землеустройстве. Отлично понимают все эти сильные разъевшиеся кулаки, что с проведением закона о землеустройстве придет конец их благополучию и самовластью... придется иметь дело с русскими чиновниками, а не с зайсанами, которые за угощение и деньги готовы на всякое противозаконие».[2]

Когда появилось распоряжение об отмене зайсаната, некоторые зайсаны и демичи пытались сопротивляться реформе. Одни из них прятали в камнях и пещерах свои знаки, медали, печати, кафтаны, другие, как, например, зайсан 2-й дючины Белек, оказали даже вооруженное сопротивление.[3] Но сопротивление зайсанов, как и «бунты» алтайцев, быстро и решительно ликвидировалось.

---

[1] Отчет о поездке на Алтай начальника Алтайского округа В. П. Михайлова в 1910 г., стр. 86.

[2] Отчет Алтайской духовной миссии за 1909 г., стр. 39.

[3] Отчет Алтайской духовной миссии за 1913 г., стр. 73—76.

Землеустройство и реформа административного управления у алтайцев были сильнейшим ударом по экономической и политической мощи зайсанско-байской верхушки. После осуществления реформы некоторые из «благородных» баев и зайсанов, поняв, что, будучи открытыми противниками царского господства в крае, они могут быть окончательно уничтожены, стали демонстрировать свое благожелательное отношение, например, к деятельности миссии. Известный бай и зайсан Аргымай, один из незримых руководителей бурханистского движения, оставаясь некрещеным, жертвует миссии деньги на постройку церкви; он становится даже волостным старшиной.

Царские реформы все же не сделали алтайцев «истинными сынами русского народа». Это особенно проявилось во время империалистической войны. Алтайская миссия вынуждена была отметить в своем отчете: «Отношение алтайских язычников к вопросам военного времени представляется нам совершенно безучастным, как будто война идет не в России, а где-нибудь „за тридевять земель, в тридесятом государстве“. Более чем успехом русского оружия на поле брани интересуются алтайские язычники вопросом о том: почему астраханский „далай-лама“, выдававший себя за перерожденца (кубулгана) Амыр-Саны (Ойрот-хана), сдиравший кожу с живых людей и заключенный нашим правительством, после ареста в г. Кобдо, в Омский острог как важный политический преступник, почему он, способный совершать всякие чудеса, не сделается птицей, чтобы вылететь из ненавистной ему темницы и занять подобающее ему место среди будущих своих подданных».[1]

X. СОБЫТИЯ 1916 г.

Положение трудящихся алтайцев ухудшилось в связи с империалистической войной. Уровень экономической жизни населения резко снизился.

Осенью 1916 г. мужское население алтайцев было призвано на тыловые военные работы в прифронтовую полосу в связи с тем, что царское правительство 25 июня 1916 г. объявило «реквизицию инородцев», означавшую на деле настоящую мобилизацию. Опасаясь народных волнений, царское правительство не осмелилось открыто отменить одну из основных привилегий «инородцев», зафиксированную законодательством, согласно которой последние освобождались от несения воинской повинности. Отсюда в царском указе говорилось о «реквизиции», а не о мобилизации, причем реквизиция распространялась не на всех, а только на оседлых и кочевых «инородцев», не затрагивая «бродячих». Эта мобилизация, как бы официально она ни именовалась, была грубым нарушением прав «инородцев» со стороны царского правительства.

Объявление о мобилизации весьма взволновало большинство трудящихся алтайцев. Многие из них увидели в этом намерение царских властей превратить алтайцев из «инородцев» в крестьян, с вытекающими отсюда последствиями, а затем и принудительного обращения в православие, перевода на оседлость и руссификацию. Наиболее тяжелое впечатление приказ о мобилизации произвел на алтайцев, живших изолированно от русского крестьянского населения в горных районах Алтая. Большинство их никогда не выезжало за пределы Горного Алтая, не

[1] Из отчета Алтайской духовной миссии за 1915 г. (Томск, 1916).

знало русского языка. В указанных районах местами возникла паника. Рассказывают о случаях самоубийства среди подлежащих призыву. Баи, бывшие зайсаны, ярлыкчи, шаманы, пользуясь тревожной обстановкой, разжигали, хотя и безуспешно, националистические настроения и призывали к устройству молений. Миссионеры убеждали призывников безропотно подчиниться приказу, взывая к чувству патриотизма. Но чувство это было чуждо большинству трудящихся алтайцев, испытывавших тяжелый гнет эксплоатации царских колонизаторов. Колониальная политика царизма не только не вызывала такого чувства у трудящихся алтайцев, а, наоборот, порождала у них, особенно у живших изолированно от русского крестьянства, недоверие ко всему русскому.

Призыв на тыловые работы вызвал не только страх, но в большей степени стихийный подъем революционных настроений среди трудящихся алтайцев. Стихийно и быстро возникли сопротивление и даже открытая борьба, направленная против царизма и против своей байской эксплоататорской верхушки. В эти дни трудящиеся алтайцы уже не собирались на бурханистские моления, а перешли к более активным приемам борьбы непосредственно против местных царских властей. Мобилизация вызвала активные массовые выступления алтайцев против царских колонизаторов. Для иллюстрации этого положения позаимствуем некоторые описания А. Г. Данилина, специально изучавшего этот вопрос на месте. Вот что пишет он в своей рукописи «Бурханизм»: «После того как были получены приказы о явке мобилизованных по своим сборным пунктам, в течение нескольких дней у алтайцев-призывников происходили совещания и поездки по урочищам. Так, из Шебалинского аймака приезжали в Кеньгу алтаец Суйля и др. В Усть-Кане действовали бедняки Челекей Апоятов, Котлай Сарбачаков, Кымнев и др. Был дан лозунг уклоняться от мобилизации всеми способами. Многие рубили себе пальцы на правой руке, были случаи самоубийства». Данилин также пишет, что «отцы мобилизованных стали собираться и делиться своими сомнениями... Собравшиеся в аиле батраки Тюпкина Белькеша решили: надо протестовать. Наша литовка (коса, — *Л. П.*) острее шашек, будет бороться с ними. Батрак бая Сутуя Ойенова старик Кульчибай Чанышев, сын которого подлежал мобилизации, протестовал и кричал: „Надо брать литовки...“. Агитаторы также убеждали молодых батраков отказываться от работы у баев... Баи же упирали на закон, который „все должны исполнять“: работать, а потом итти на войну. Батраки с радостью восприняли лозунг отказа от работы: стали гнать араку из байского чегеня (раньше не решались даже попробовать), стали резать для себя байских баранов; испуганные баи стали скрепя сердце позволять все, давали даже верховых лошадей (небывалая и немыслимая раньше вещь), чтобы те ездили в гости по всем урочищам и т. д.».

Из этого описания видно, что протестующую силу представляли собой трудящиеся алтайцы, а из них особенно передовая часть — бедняки и батраки. Баи-бурханисты и ярлыкчи, напротив, теперь поддерживали царское правительство. Это видно и из другого отрывка описания данных событий Данилиным. В дни официального призыва мобилизованных в Онгудайском районе известный бай Аргымай Кульджин (бурханист) услужливо предоставил царскому начальству и полиции свой дом в Кеньге. Мобилизованных собралось около 1300 человек. «Все были настроены против мобилизации и против русского начальства. Мобилизованные из Усть-Кана и Уймона образовали ядро, вскоре к ним присоединились онгудайцы. Были выделены энергичные вожаки: из Уймона — Чу-

как, из Усть-Кана — Кымыев, из Онгудая — Санаа Сискин. Они, и с ними еще 5—6 человек, разъезжали среди мобилизованных, вели агитацию. „Надо нам выступить как один, — призывали они, — нас больше 1000 человек, не будем отступать, бояться нечего". Старшина — продажный бай — бурханист Сапок Кульджин (сын Аргымая) и с ним еще несколько русских начальников подъехали к толпе, долго уговаривали ее, но, не добившись ничего, повернули обратно. Все же человек 300 (из них человек 50 казахов) поддались уговорам и запугиваниям и на другой день явились на сборный пункт. Остальные еще два дня стояли на том же месте, затем наполнили камнями переметные сумы и все отправились к Кеньге. Они остановились в 3 километрах от двухэтажного дома Аргымая».

События развивались. Русское начальство послало к подъехавшим увещевателя Суртая Мамаева. Мобилизованные избили его камнями. Потом навстречу непокорным выехало на тройках само начальство с миссионером Серебренниковым и старшиной Сапоком, но мобилизованные напали на них и на воинского начальника, который при этом едва спасся. В результате этих событий мобилизация была на некоторое время сорвана. Разумеется, царские чиновники сумели ее провести несколько позже и репрессивными приемами.

Эти события показали, что против царизма выступили теперь исключительно трудящиеся, причем по своей инициативе.

В отличие от бурханистского выступления в 1904 г., организованного агентами иностранных капиталистов, трудящиеся алтайцы, выступая в 1916 г., не ставили задачи отделиться от России, не ориентировались на отрыв Алтая от русского народа. Характерно, что в этом выступлении не выдвигались и антирусские лозунги. Выступление это было направлено непосредственно против царских властей и против собственных угнетателей. Несмотря на стихийность этого кратковременного выступления, несмотря на его примитивные формы, на отсутствие единого четкого руководства, сформулированной программы, оно свидетельствовало о пробуждении классовых интересов среди алтайской бедноты.

События 1916 г. на Алтае при всей слабости и незрелости их форм нельзя рассматривать изолированно от всей общественно-политической обстановки того времени в царской России. Известно, что упомянутая мобилизация вызвала многочисленные выступления трудящихся и других национальностей, на которые она распространялась, особенно в Средней Азии. Все эти выступления, возникшие независимо друг от друга, но под влиянием одной и той же причины, отражали общий кризис старого общественного и государственного строя в России, отражали общий революционный подъем трудящихся масс под руководством большевистской партии, готовившей массы к свержению царизма. Конечно, не везде эти движения в 1916 г., даже в той же Средней Азии, были прогрессивными, революционными, одинаковыми по своему классовому содержанию. Местами этими событиями воспользовались реакционные, как светские, так и духовные буржуазно-националистические элементы. Играя на национальных чувствах и используя недовольство трудящихся политикой царских колонизаторов, буржуазные националисты, в угоду заграничным империалистическим кругам, пытались оторвать трудящиеся массы от русского народа. Однако на Алтае, как уже говорилось, зайсаны и баи хотя и пытались вначале завладеть движением, направляя его в религиозные рамки, но безуспешно. Зайсаны и баи, поняв классовую природу этого кратковременного движения, напротив, поспешили войти в союз

с царскими чиновниками. Следовательно, выступление алтайцев в 1916 г. объективно сливалось не только с аналогичными выступлениями против царизма других национальностей, но и с борьбой всего передового русского пролетариата и революционного крестьянства против самодержавия.

Возникает вопрос: какую же роль играл в этих событиях бурханизм, который все еще распространялся по Алтаю, преимущественно баями и их агентами проповедниками-ярлыкчами, как новая «белая вера»? На этот вопрос приходится ответить в смысле отрицательного влияния бурханизма на развитие революционных настроений трудящихся алтайцев. В бурханистских песнях попрежнему была выражена ориентация на Япон-хана. Авторами японской ориентации попрежнему являлись баи, как это следует из официальных донесений бийских исправников.[1] Дальше этих прояпонских агиток-молитв баи и ярлыкчи по пути борьбы с царизмом не пошли. На это пошли сами трудящиеся, которые хотя и не знали настоящих путей национально-освободительной борьбы, но все же взялись в известный момент за свое примитивное оружие. Бурханизм был новой, более утонченной, следовательно более опасной для трудящихся, формой религии. Он не только не был синонимом национально-освободительного движения алтайцев, а, напротив, играл реакционную роль, тормозя пробуждение классовых интересов у трудящихся алтайцев.

Такова была роль бурханизма и в данный период.

Баи, видимо, прекрасно понимали, во что могло вылиться революционное настроение трудящихся, если его не удержать в религиозных тисках. Это движение могло легко обернуться и против самих баев. Выше мы видели, что подлежащие мобилизации батраки бросали работу у баев, резали байских баранов и пили байский чегень. Здесь проглядывали и элементы понимания классовых задач батраков и бедноты алтайцев. И не удивительно, что бурханизм как религия являлся для баев тем спасительным средством, которое, с одной стороны, несколько помогало им оказывать сопротивление русским конкурентам-эксплоататорам, а с другой стороны, позволяло держать трудящихся алтайцев в узде, поводья которой находились в байских руках.

Что бурханизм распространялся и поддерживался именно баями, видно также из того факта, приведенного А. Г. Данилиным, что в 1915 г. в районе Кош-Агача бурханизм снова уступил место шаманизму после эпидемии, сразившей многих богачей-вожаков. Надо указать также, что в равной мере отрицательно относились к мобилизации и шаманисты, и крещеные алтайцы, и казахи, населяющие Алтай.

Отметим еще роль Алтайской духовной миссии во время мобилизации алтайцев на тыловые работы. Открытое сопротивление мобилизации трудящихся алтайцы оказали и в Кош-Агачском районе. Сопротивление здесь, как и везде на Алтае, было подавлено, и алтайцы должны были предстать перед судом. Но в это вмешалась миссия, которая, преследуя цели укрепления своего влияния среди алтайцев, за взятку взялась дело «уладить». Впоследствии епископ бийский Иннокентий писал по этому поводу: «Не забудьте напомнить девяти старшинам новокрещеных теленгитов об их обещании пожертвовать на построение церкви семь тысяч рублей, при освобождении их от суда за уклонение со своим народом от

---

[1] Эти донесения приводятся в рукописи А. Г. Данилина. Они извлечены им из архива Бийского полицейского управления.

тыловых военных работ. О результатах сообщите мне».[1] Надо сказать. что трудящиеся алтайцы Кош-Агачского района, видимо, понимали подлинную роль миссионеров в данных событиях и соответствующим образом реагировали. Чуйский миссионер Влад. Токпашев сообщает, что семьи призванных на тыловые работы враждебно относятся к нему и дважды покушались на его жизнь.[2]

В дальнейшем на формирование и развитие революционных настроений трудящихся алтайцев оказало сильное влияние пребывание их на тыловых военных работах. Возвращались с фронта алтайцы с революционной зарядкой. На это жаловались миссионеры. В записках за 1917 г.

Моление бурханиста.

миссионер Тимофей Петров писал: «До отчетного года... инородцы были лучше, но воротившиеся с военных работ переменили их к худшему».[3]

Отрицательная оценка поведения трудящихся алтайцев, вернувшихся с военных работ, со стороны миссионеров не может означать ничего другого, кроме того, что побывавшие в прифронтовой полосе алтайцы вернулись с определенными настроениями, неугодными царским колонизаторам. Есть все основания предполагать, что это явилось результатом большевистской пропаганды, широко организованной на фронте. Значение такого факта нельзя недооценивать. Значительная часть алтайцев, побывавшая на военных работах, расширила свой политический и культурный кругозор, еще теснее сблизилась с трудовой частью русского народа, еще более почувствовала единство интересов с русскими трудя-

[1] Отчет Алтайской духовной миссии за 1916 г.
[2] Записки Токпашева за 1917 г. хранятся в Бийском музее.
[3] Записки хранятся в Бийском музее.

щимися, стала более зрелой и сознательной в политическом отношении. Естественно, что это обстоятельство не могло укрыться от наблюдательных миссионеров, контролировавших мысли и чувства алтайцев в фискальных целях. К сожалению, отсутствие конкретного материала не позволяет нам более широко и глубоко осветить этот вопрос и вынуждает ограничиться сказанным.

Такова была обстановка в Алтае накануне Февральской революции.

Жестокая экономическая эксплоатация трудящихся алтайцев усугублялась национальным угнетением. Самодержавие несло трудящимся алтайцам политическое бесправие, административный произвол, насильственную руссификацию, культурную отсталость. Все это вызывало со стороны трудящихся алтайцев ненависть к царизму и недоверие ко всему русскому там, где алтайцы жили изолированно от трудового русского крестьянства.

Перед таким, ничем не прикрытым, жестоким и сильным угнетателем, каким являлось царское правительство с его колониальным полицейским режимом, угнетение баев, зайсанов, окрашенное в цвет заботливой родственной помощи, чувствовалось меньше. Позорнее и обиднее казался гнет русских эксплоататоров. Поэтому в тех районах, где алтайское население жило изолированно от русского трудового крестьянства, где трудящиеся алтайцы практически не испытывали благотворного влияния русской народной культуры на свой повседневный быт, в этих районах влияние зайсанов и баев было довольно сильным. Здесь ожесточенная националистическая пропаганда зайсанов и баев, направленная на разъединение алтайцев от русского народа, имела некоторый успех. Последствием этого являлось чувство недоверия ко всему русскому, проявлявшееся в стремлении алтайцев к обособленности.

XI. ЗНАЧЕНИЕ ПРЕБЫВАНИЯ АЛТАЙЦЕВ В СОСТАВЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ДЛЯ ИХ ИСТОРИИ

Период пребывания алтайцев в составе царской России, несмотря на гнет колониального режима, дополнявшегося еще угнетением собственной эксплоататорской верхушки, был для истории алтайцев все же прогрессивным по сравнению с прошлыми периодами.

Включение алтайцев в состав Русского государства не только спасло их от уничтожения в период падения раздираемой междоусобицей Джунгарии, но оказало решающее влияние на всю их дальнейшую судьбу. Под покровительством Русского государства алтайцы на протяжении всей их дальнейшей истории были защищены от различных восточных угнетателей и жили в мирной обстановке. Известно, что Алтай привлекал внимание и японских империалистов, свидетельством чего служит бурханизм. Однако нахождение Алтая в составе Русского государства избавило алтайцев от опасности оказаться под игом японских хищников. В Русском государстве алтайцы оказались в тесном общении с русским народом с его высокой культурой, народом с большими традициями революционной борьбы с помещиками и капиталистами, народом, в среде которого развилось и окрепло передовое в мире рабочее движение, возглавляемое единственно революционной партией большевиков. Алтайцам посчастливилось слить свою судьбу с историей этого великого народа, который в результате многовековой упорной борьбы с эксплоататорами первым сбросил иго капиталистов, первым прорвал цепь капиталистиче-

ских государств и заложил реальные основы переустройства человеческого общества на началах справедливости, на благо трудящихся.

Тесное общение алтайцев с русским народом оказало большое положительное влияние прежде всего на повышение их культурного уровня. Это проявилось в самых разнообразных формах и в различных областях жизни алтайцев.

Выше уже говорилось, что в этом отношении некоторую роль сыграли отдельные миссионеры. Культурно-просветительная деятельность их имела некоторое положительное значение, ибо миссионеры прививали обращаемым в православие более высокие приемы хозяйствования, более прогрессивные формы быта. Нельзя не признать положительного значения для алтайцев той большой борьбы с шаманством и шаманами, которую провели миссионеры. Шаманский культ с частыми жертвоприношениями лошадей, крупного рогатого и мелкого скота разорительно отражался на хозяйстве рядовых алтайцев.

Миссионеры успешно провели борьбу по искоренению и таких семейных обычаев, как похищение невесты, покупка ее за калым, принудительная выдача вдовы за младшего брата покойного мужа, различные многочисленные запреты, обременяющие жизнь женщины в доме мужа, и др. Наконец миссионеры принесли грамотность алтайцам, создали письменность на основе русского алфавита. Несмотря на то, что миссионерская грамотность носила узко церковный характер, преследовала определенные цели, поставленные миссией, положительное значение ее для культуры алтайцев не вызывает сомнения.

Но основным положительным фактором в подъеме культуры алтайцев на более высокий уровень являлась отнюдь не деятельность Алтайской миссии, а непосредственное широкое общение алтайцев с русским трудовым народом. Естественно выросшие, на основе взаимной практической заинтересованности, культурно-экономические связи трудящихся алтайцев и русского трудового крестьянства оказали глубоко положительное влияние на развитие культуры алтайцев. Именно в тех районах, где алтайцы не были изолированы от широких слоев русского населения, наиболее полно выражалось заимствование ими многих элементов более высокой русской народной культуры. Под влиянием культуры русского народа у алтайцев возникла оседлость. В конце XIX в., когда алтайцы составляли 76.2 проц. всего населения, оседло живущие алтайцы составляли 19.6 проц. всего населения. Половина населения алтайцев сеяла хлеб в среднем на 1 хозяйство — 1.1 га, в то время как русское крестьянское хозяйство сеяло в среднем 3.4 га. Однако у алтайцев, живущих в селениях, средний посев на 1 хозяйство был выше — 1.6 га, а у живущих в урочищах, напротив, ниже — 0.9 га. Однако и в этих размерах земледелие в целом у алтайцев играло важную (хотя и подсобную) роль.

Развитие плужного земледелия с улучшенной техникой обработки земли, с расширением посевов и сортов засеваемых культур (посевы пшеницы, ржи, овса), развитие огородничества, пчеловодства, птицеводства, заготовка сена при помощи косы-литовки делали хозяйство алтайцев более устойчивым, продуктивным и доходным, поднимали его в техническом и экономическом отношениях на более высокую ступень. Русский народ научил алтайцев более широкому и интенсивному использованию природных богатств через внедрение в их среду новых форм хозяйственной деятельности. Рядовые русские крестьяне научили алтайцев пасечному пчеловодству, получившему широкое распространение особенно

в северных и восточных районах Алтая, научили разводить маралов в неволе, ввели промыслы кедрового ореха, дегтекурения, серотопления, обучили плотницкому делу, запряганию лошади в телегу, сани и проч. Вот типичное описание культурного влияния русского трудового населения на алтайцев, данное одним из миссионеров Чемальского стана по поводу селения Эдиган, где недавно образовалось смешанное население: «Некоторые из новокрещеных уже оставляют свои дымные аилы и строят избы и, глядя на русских, засевают понемногу еще разного хлеба, начинают устраивать огороды. Общими усилиями русских и инородцев построена даже мукомольная мельница».[1]

Другой миссионер из Мыютинского стана сообщает: «Четыре дня мы жили в Актеле (алтайское селение, — *Л. П.*). Отрадное чувство мы вынесли отсюда. Теперь благодаря тому, что двое новокрещеных женились на русских женщинах, в Актеле появился квас, стали к посту покупать постное масло. Нас угощали пельменями из капусты, выращенной в их деревне. К чаю подавали каральки и пироги с черемухой. Жители стали держать кур, гусей, завели русских овец, потому что алтайские не так выгодны — шерсть плоха и сами не молочны. В домах полы вымыты, стены выбелены. Стали сеять всякий хлеб, стараться во всем походить на русских».[2] В этих маленьких сообщениях, которых так много поступало ежегодно в Алтайскую миссию, отражается культурная роль русского народа на Алтае.[3] В этой связи важно отметить большой вклад в дело улучшения быта алтайцев, внесенный простой русской женщиной. Русская женщина научила алтаек прясть, ткать, вязать. Научила кроить и шить одежду нового, русского образца, сеять муку, печь кислый хлеб, жить в домах, поддерживать чистоту и опрятность и т. д.

Культурное воздействие между алтайцами и русскими было взаимным. Многие русские, живущие совместно с алтайцами, уже с детства хорошо овладевали алтайским разговорным языком. Такое взаимное двуязычие весьма содействовало тесному общению русских и алтайцев. Затем, русские крестьяне усвоили от алтайцев некоторые приемы охоты на зверя, промысел разыскивания меда диких пчел, собирания и употребления в пищу ряда диких съедобных растений. Широко вошли в обиход у русского населения алтайские лыжи, подбитые камусом. Кому, побывавшему на Алтае, не известно, как охотно носит русское население алтайскую меховую обувь и круглую шапку.

Таким образом можно утверждать, что не насильственная руссификация алтайцев, а свободное общение их с русским народом принесло им значительные успехи в культурном развитии. В отличие от царских колонизаторов — чиновников, торговцев, миссионеров и кулаков, русский народ сыграл глубоко прогрессивную роль в деле развития и повышения культуры алтайцев в рассматриваемый период. Но это положительное влияние русского народа и естественное экономическое и культурное общение его с алтайцами тормозились колониальной политикой царизма.

Значение культурно-экономических связей алтайцев с русским трудовым крестьянством не исчерпывается только теми важными результа-

---

[1] Отчет Алтайской и Киргизской миссий Томской епархии за 1890 г. Томск. Епарх. ведомости, № 7, 1891, стр. 12.

[2] Отчет Алтайской духовной миссии за 1890 г.

[3] Ср. у Н. М. Ядринцева: «Оседлость прививается только благодаря русским крестьянам, живущим в деревнях миссионеров» (Сибирь как колония. СПб., 1892, стр. 177).

тами, которых достигли алтайцы в смысле повышения уровня своего культурного развития. Эти естественно сложившиеся связи положили начало дружественным отношениям между трудящимися алтайцами и русским народом еще в условиях царизма. В районах постоянного общения алтайцев с трудовым русским крестьянством дружеские отношения возникли вопреки колониальной политике царизма, направленной к разжиганию национальной розни между русскими и алтайцами. Трудящиеся алтайцы, жившие в течение ряда поколений в деревнях и селах совместно с русским трудовым крестьянством, обязаны последнему пробуждением своего классового самосознания, уроками борьбы против царского

Изба русского типа.

правительства капиталистов и помещиков. Наличие таких отношений, вытекавших из общности интересов трудящихся обоих народов, способствовало тому, что позже русские и алтайские трудящиеся вели совместную борьбу за установление и укрепление Советской власти в Горном Алтае, совместно боролись против зайсанско-байской эксплоататорской верхушки и русских кулаков, торговцев и прочих представителей эксплоататорских классов. Указанные исторически сложившиеся дружественные отношения между русским народом и трудящимися алтайцами развились и выросли в условиях Советского государства в тесную и прочную дружбу.

XII. АЛТАЙЦЫ В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В феврале 1917 г. в России совершилась буржуазно-демократическая революция. Весть о Февральской революции, свергнувшей самодержавие, была радостно встречена трудящимися алтайцами. «Белый» царь оказался свергнутым своим народом.

Но радость для трудового народа оказалась преждевременной.

Это крупное политическое событие было немедленно использовано алтайским байством. Оно стало пропагандировать надежды на приход «своего» освободителя и с этой целью распространяло всяческие легенды о «золотом веке» в истории алтайцев, связывая его с господством джунгарских, т. е. западномонгольских ханов. Баи и ярлыкчи, бывшие зайсаны и шаманы пропагандировали националистическую легенду, что к алтайцам должен вернуться свой хан, который якобы несколько веков жил где-то в изгнании. По информации барнаульской газеты «Голос труда», многие из алтайцев Урсульской волости (ныне Онгудайский аймак), где была сосредоточена наиболее богатая, влиятельная и многочисленная зайсано-байская верхушка, в феврале—марте 1917 г. стали получать письма из Монголии, в которых сообщалось, что у алтайцев будет ханом легендарный Амыр-Сана, который отвоюет алтайцев от России.

Приходу нового хана должно было предшествовать появление ламы, затем 17 проповедников-гэгэнов, затем 700 собак и уже за ними 7000 богатырей, которые должны были напасть на русских. Ко времени появления богатырей все алтайцы должны были подготовиться и иметь в запасе лошадей. Рекомендовалось в этом году «не сеять хлеб и отъехать подальше от тракта». В этих сообщениях, рассчитанных на отсталый уровень развития алтайцев, среди которых были распространены всякие суеверия, нельзя не видеть попытки иностранных капиталистических агентов возбудить алтайское население и подготовить его к мысли об отделении Алтая от России оторвать от русского народа. Подобные листовки-письма имели некоторое значение для разжигания националистических чувств алтайцев, национальной вражды.

В конце марта 1917 г. Временное правительство опубликовало заявление о самоопределении народов. На Алтае это заявление было подхвачено верхушкой буржуазно-националистической интеллигенции, тесно связанной с сибирскими областниками и эсерами. Но это заявление Временного правительства о самоопределении народов было чистейшей декларацией. Как известно, на деле буржуазное Временное правительство, несмотря на свои декларации, насыщенные «революционно-демократическими» фразами, в области национального вопроса продолжало политику царского правительства. Оно не было в состоянии разрешить национальный вопрос. Основной своей целью Временное правительство имело сохранение власти над национальными окраинами. Наличие такой власти для экономической мощи и классового господства буржуазии было столь же необходимо, как была необходима для той же цели и дальнейшая империалистическая экспансия. В своих классовых целях Временное правительство выдвинуло, пользуясь поддержкой эсеров и меньшевиков, старый царский лозунг «Единой и неделимой России». «Уничтожение царизма и появление у власти буржуазии не повело, однако, к уничтожению национального гнета. Старая грубая форма национального гнета сменилась новой, утонченной, но зато более опасной формой гнета».[1]

Вот почему национально-освободительное движение после Февральской революции значительно усилилось. Характер этого движения получил определение в работах И. В. Сталина.

«В эпоху буржуазной революции в России (в феврале 1917 года), — пишет И. В. Сталин, — национальное движение на окраинах носило

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 156.

характер буржуазно-освободительного движения. Веками угнетавшиеся и эксплуатировавшиеся „старым режимом“ национальности России впервые почувствовали в себе силу и ринулись в бой с угнетателями. „Ликвидация национального гнета“ — таков был лозунг движения. Окраины России мигом покрылись „общенациональными“ учреждениями. Во главе движения шла национальная, буржуазно-демократическая интеллигенция... Речь шла об освобождении от царизма как „основной причины“ национального гнета и образовании национальных буржуазных государств. Право наций на самоопределение толковалось как право национальной буржуазии на окраинах взять власть в свои руки и использовать Февральскую революцию для образования „своего“ национального государства. Дальнейшее развитие революции не входило и не могло входить в расчеты упомянутых выше буржуазных институтов. При этом упускалось из виду, что на смену царизма идет оголенный, лишенный маски, империализм, что он, этот империализм, является более сильным и более опасным врагом национальностей, что он представляет основу нового национального гнета».[1]

После Февральской революции, в июне 1917 г., Временное правительство ввело в Сибири земство. Введением земства усиленно занимались эсеры, которые рассчитывали противопоставить земство Советам. Эсеры прочно обосновались в земских учреждениях. При этом в соответствии с колониальной политикой, которую проводило по отношению к народам б. царской России Временное правительство, закон о земстве не предусматривал организацию национальных земств. Тем не менее, народы Сибири создали свои земства явочным путем (алтайцы, хакасы, буряты).

Волна национального движения, вызванного свержением самодержавия, захлестнула и Алтай. Во главе этого движения становится немногочисленная алтайская интеллигенция, воспитанная в миссионерской среде, в реакционном духе, тесно связанная с байской эксплоататорской верхушкой и сибирскими эсерами.[2] Вскоре все руководство национальным движением алтайцев оказалось целиком в руках эсеров-областников, которые направляли его вначале по пути земских реформ.

1 июля 1917 г. в Бийске открылся съезд представителей инородческих волостей Алтая. Первое заседание состоялось в составе 60 уполномоченных от волостей Бийского и Кузнецкого уездов Томской губернии. Председателем съезда был избран алтаец-художник Г. И. Гуркин. На съезде присутствовали представители хакасов.

Съезд провел шесть заседаний.[3] На первом же заседании был решен вопрос об учреждении местного самоуправления алтайцев.

Съезд постановил обратиться в надлежащие инстанции «о признании самоопределения инородцев Алтая», о выделении их «в самостоятельную земскую единицу», а пока, на переходное время, до признания, организовать центральный орган по местному управлению инородцев Бийского и Кузнецкого уездов, назвав его Алтайской горной думой.

---

[1] Там же, стр. 155—156.

[2] Художник Г. И. Черос-Гуркин, врач Тибер-Петров, учитель Токмашев и др.

[3] Протоколы съезда под названием «Протоколы заседаний съезда представителей инородческих волостей Алтая, состоявшегося по постановлению Томского Губернского Народного Собрания в г. Бийске 1, 2, 3, 4, 5 и 6 июля 1917 г.» напечатаны типографским способом в г. Бийске в типографии «Товарищество». Один экземпляр этого издания хранится в библиотеке Института этнографии Академии Наук СССР.

Состав Думы был установлен в пять человек. Таким образом, не получив от Временного правительства разрешения на самоопределение в законодательном порядке, главари национального движения алтайцев, подталкиваемые настроением трудящихся масс алтайцев, попытались сами разрешить национальный вопрос, однако под контролем и руководством эсеров. О стремлении трудящихся алтайцев самоопределиться свидетельствовали решения «волостных комитетов» и «народных собраний», которые выносились во многих районах Горного Алтая.

На втором заседании съезда рассматривался вопрос об изыскании средств на покрытие расходов по организации Алтайской горной думы. Было постановлено обратиться с ходатайством о предоставлении Думе права взимать сборы за прогон скота по Чуйскому тракту, доходы от бывших кабинетских земель, обложения подоходным налогом и т. д. Кроме этого, Дума самостоятельно установила ряд источников дохода (обложение продажи табака, скупки орехов, пасек, промысловых свидетельств, сборов с ярмарок и базаров, с калыма за невесту и т. п.). На третьем заседании обсуждались вопросы страхования имущества, статистики и народного образования (по докладу священника-алтайца С. Борисова). На этом заседании с приветствием к съезду в качестве товарища председателя Томского губисполкома обратился известный сибирский эсер М. Б. Шатилов. В президиум съезда были введены крупнейшие баи Алтая Манжи Кульджин и Давыд Тобоков. На четвертом заседании стоял вопрос о кооперативных товариществах, разумеется буржуазных, об организации инородческого кооперативного союза и производились выборы в Горную думу. Избранными оказались художник Г. И. Гуркин, свящ. С. С. Борисов, баи Д. М. Тобоков и К. Егусков. Почетным членом Горной думы избирается Г. Н. Потанин. На пятом заседании съезда обсуждался земельный вопрос. Докладчиком о положении земельного вопроса вообще был председатель Бийской уездной земельной управы подпоручик А. Лутохин, а по земельному вопросу у алтайцев — свящ. С. Борисов. На заключительном, шестом заседании съезда стоял вопрос об избрании кандидатов от алтайцев в Учредительное собрание и были приняты тексты приветствий. На этом же заседании была рассмотрена просьба митрополита московского Макария о разрешении ему приехать и поселиться на жительство на Алтае. По этому поводу съезд принял резолюцию, в которой говорилось: «Признавая прошлую миссионерскую и политическую деятельность бывшего митрополита московского вредной, съезд считает приезд его на Алтай нежелательным, а агитацию в его пользу недопустимой».

В памяти населения колонизаторская деятельность Макария 2-го была еще настолько жива, что руководители съезда, вообще не чуждавшиеся союза со священниками-миссионерами, свидетельством чего является то, что миссионер С. Борисов был одним из секретарей этого съезда, не решились поддержать его просьбу.

Такова была программа работ этого съезда. Центральным экономическим вопросом, стоявшим на этом съезде, был, конечно, вопрос о земле.

В решениях съезда байские интересы были вполне обеспечены, хотя в несколько замаскированной форме. Достаточно обратить внимание, например, на следующие места этих решений. Во-первых, в резолюции говорится о том, что земли поступают в неотъемлемое пользование «инородцев» вообще, т. е. всех алтайцев, стало быть и в пользование байской, эксплоататорской верхушки. Во-вторых, решение это требовало уста-

новления общинной формы землепользования, а это было выгодно баям. Мы уже знаем, что общинное землепользование у алтайцев служило ширмой, за которой скрывалось захватное, феодальное землепользование.

Таким образом, Горная дума оказалась не в состоянии разрешить коренной, земельный вопрос в интересах трудящихся. Если бы решения ее оказались проведенными в жизнь, то баи, кулаки заняли бы своими многотысячными стадами лучшие долины Алтая на том основании, что каждый может пасти скот, где хочет. Трудящиеся алтайцы снова оказались бы вынужденными пасти свой скот, где придется.

Стало быть, решения Алтайской горной думы были направлены к удовлетворению феодальной, байско-кулацкой эксплоататорской верхушки Алтая. Отсюда вполне ясно, почему зайсаны, баи, кулаки поддерживали Горную думу и оказывали ей материальную помощь. Крупнейшие баи и зайсаны северного и южного Алтая и русские кулаки, торговцы — вот кто поддерживал материально Алтайскую горную думу. Русские и собственные эксплоататоры алтайцев, несмотря на существовавшую между ними до революции конкуренцию и вражду, объединили свои силы, имея перед собой общую цель — не допустить установления советской власти и раскрепощения трудящихся алтайцев.

О социальной природе руководителей Алтайской горной думы можно судить еще и на основании того, что Горная дума сразу же бросилась в объятья эсеров. Вскоре после образования Думы Томский комитет партии социалистов-революционеров заявил алтайцам через того же М. Шатилова о своем решении «пойти навстречу в проведении их кандидата путем включения его в избирательный список партии социал-революционеров, если кандидат этот будет соответствовать требованиям партийной программы».[1] Вскоре оказалось, что на заседании 29 августа 1917 г. Алтайская горная дума постановила командировать Г. М. Токмашева и С. И. Гуркина в Кузнецкий и Бийский уезды «для агитации за кандидата от алтайцев в Учредительном собрании М. Б. Шатилова».[2] В результате Шатилов был избран в члены Учредительного собрания, а Алтайская горная дума официально признала программу партии социалистов-революционеров.

После выборов в Бийское уездное земство представители Алтайской горной думы поставили на чрезвычайном собрании бийских уездных земских гласных вопрос о выделении из Бийского уезда Горно-Алтайского уезда. Выделение алтайцев в порядке самоопределения проектировалось в рамках уездного земства. Алтайская горная дума все время предпринимает попытки узаконить, оформить это выделение, но безуспешно. Барнаульский губернский комитет эсеров, куда члены алтайской думы ездили в конце июля 1917 г., а также Бийское земское собрание оказали этому сильное сопротивление, что привело даже к временному разрыву между Алтайской горной думой и ее контрреволюционными покровителями. Но эти разногласия были разногласиями единомышленников и ни в коей мере не вызывались защитой подлинно народных интересов алтайских трудящихся. Все мероприятия Алтайской горной думы совершались без учета интересов и без участия широких

---

[1] Жизнь Алтая, № 165, 1917.

[2] Протокол № 10 заседания Алтайской горной думы. — С. И. Гуркин был родным братом художника Г. И. Гуркина, состоявшего председателем Думы.

масс алтайцев. Настоящее разрешение национального вопроса алтайские трудящиеся получили лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

Таким образом, в период Февральской буржуазно-демократической революции формируется алтайский буржуазный национализм как идеология алтайского байства. Активными представителями его в дальнейшем являлась прежде всего старая немногочисленная интеллигенция, тесно связанная с интересами эксплоататорских классов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После ознакомления с очерками по истории алтайцев в дореволюционный период естественно возникает вопрос о том, как сложилась судьба алтайцев в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, принесшей освобождение всем народам бывшей царской России. Великая Октябрьская революция не только освободила трудящихся алтайцев от гнета двойной эксплоатации и национального угнетения, но и возродила их для самостоятельной национальной жизни в братской семье советских народов.

«. . . пролетариат нашел в советском строе ключ к правильному разрешению национального вопроса, он открыл в нем путь организации устойчивого многонационального государства на начале национального равноправия и добровольности».[1] Национальная политика коммунистической партии стала осуществляться на практике с первых же дней советской власти и проводилась на основе полного раскрепощения трудящихся и сосредоточения всей власти в руках трудовых элементов отсталых окраинных наций и народностей. Русские коммунисты по отношению к отсталым нациям и народностям поставили задачу практической помощи в деле культурного и хозяйственного развития, чтобы обеспечить таким нациям и народностям возможность реального использования национального равноправия. Это имело место и в Горном Алтае. Была создана автономная область. Трудящиеся алтайцы под повседневным руководством коммунистической партии и при постоянной помощи русского народа быстро начали развивать свою экономику и культуру. Советский период явился таким историческим периодом, когда открылись богатые возможности творческого развития трудящихся масс Алтая. Научная характеристика и исторический анализ этого периода должны стать предметом специального исследования и самостоятельной монографии, о чем уже говорилось в предисловии. Однако хотя бы краткий обзор современного положения алтайцев Горно-Алтайской автономной области автор считает совершенно необходимым и в данной книге.

Само собой разумеется, что, имея иную целевую установку — дать общую краткую характеристику, а не монографическое исследование, — я не придерживаюсь в Заключении системы очерков, принятых для всей книги. Здесь дается лишь обобщенная характеристика современной социалистической культуры и быта алтайцев. Этой характеристике предпосылаются некоторые сведения по вопросу образования Горно-Алтайской автономной области, создание которой весьма способствовало быстрому развитию социалистической экономики и культуры трудящихся алтайцев.

Великая Октябрьская социалистическая революция поставила у власти рабочих и крестьян. Установление советской власти в Сибири

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 186.

несколько затянулось. В городах Новосибирске, Томске, Барнауле, Бийске Советы под руководством большевиков взяли власть в свои руки только в конце декабря 1917 г. Советской власти пришлось вести борьбу с реакционными силами, которые в середине декабря 1917 г. образовали белогвардейское «правительство», именовавшееся Сибирской областной думой. После разгона ее советской властью 27 января 1918 г. некоторые члены разогнанной думы пытались создать Временное сибирское правительство, в состав которого входил, например, эсер М. Г. Шатилов и алтаец-врач Тибер-Петров.

Алтайские буржуазные националисты не признали советской власти. Они были тесно связаны с сибирской контрреволюцией и действовали по ее указаниям. Находясь в горах Алтая и пользуясь удаленностью от городских рабочих центров Сибири, буржуазно-националистическая интеллигенция алтайцев, баи, зайсаны и прочие контрреволюционеры продолжали контрреволюционную деятельность, направленную на отрыв Алтая от Советского государства. Они организовали в феврале 1918 г. в с. Улале Горно-Алтайский учредительный съезд для провозглашения собственного буржуазного «государства». На нем было представлено 133 депутата. Состав депутатов был подобран таким образом, чтобы обеспечить контрреволюционные решения съезда. В числе депутатов оказались крупнейшие баи Алтая: Аргымай Кульджин, Тобоков, Чендеков, Тужелей, Чепкин и другие, среди депутатов находились и будущие руководители белых банд: Кайгородов, Товар-Чекураков, Штаноков, Темдек; русские кулаки: Параев, Щетинин, Суртаев и проч.; миссионеры: Борисов и Сорокин; эсеры и местные националисты: В. И. Анучин, Гуркин, Духанин, Сырысеп Конзычаков и т. п. Вот кто определял направление работ съезда. Поэтому не удивительно, что работа и решения съезда проходили под знаком контрреволюционных установок. В протоколе съезда нет даже упоминания о Великой Октябрьской социалистической революции, о советской власти. Буржуазные националисты скрывали от трудящихся алтайцев победу Великой Октябрьской революции и торопились разрешить национальный вопрос в Горном Алтае в чисто буржуазном контрреволюционном духе. Съезд открыл художник Гуркин. Председательствовал на съезде эсер и областник В. И. Анучин. 22 февраля (ст. ст.) съезд принял постановление о выделении Горного Алтая в самостоятельный округ. Съезд сопровождался религиозными церемониями (служением молебна, освящением знамени).

Буржуазные заправилы съезда открыто подчеркивали верность православию, одной из наиболее ненавистных для трудящихся алтайцев форм руссификации царских колонизаторов. Была организована подписка денежных взносов на образование алтайского национального банка. Характерно, что и ряд алтайских некрещеных баев, в том числе и Аргымай Кульджин, в свое время сопротивлявшихся христианизации, развязали свои кошельки и поддержали буржуазную форму организации самоопределения алтайцев, при которой вся политическая и экономическая власть была бы сосредоточена в руках баев, зайсанов и их агентуры — буржуазно-националистической интеллигенции.

В тот же вечер В. И. Анучин на заседании съезда сделал доклад о необходимости объединения земель бывшего «государства Ойрот» в самостоятельную республику. Анучин утверждал: «Осуществить это не трудно и вот почему. Население Русского Алтая, Монгольского Алтая, потом хакасы, урянхайцы, сойоты (т. е. тувинцы, — *Л. П.*) и жители Джунгарии составляют одно племя, один род; язык, нравы и

обычаи у них одни, все они „кижи“. Когда-то составляли все вместе великий народ Ойрот. Соединить их опять в одну семью, в одно государство тем более необходимо, что эти племена всеми заброшены и жаждут объединения. Из них образуется великая азиатская республика.

Стремясь разжечь националистические чувства участников съезда с целью мобилизовать их на борьбу с Советами, Анучин фальсифицировал науку, говоря заведомую чепуху насчет общности языка, нравов, обычаев перечисленных народов.[1] Он возвеличивал древнее государство «Ойрот», т. е. феодальную Джунгарию, где, как показано выше, свирепствовали жестокая эксплоатация и угнетение подвластных джунгарским феодалам народов.[2]

По этому докладу Анучина съезд принял решение организовать республику Ойрот. Для учреждения республики был намечен Курултай (съезд депутатов) в Кош-Агаче, пограничном с Монголией пункте.[3] Было признано необходимым:

«Для организации созыва и открытия учредительного Курултая народов, входивших в состав государства Ойрот,[4] а также для всех переговоров, могущих возникнуть по делам республики Ойрот, учреждается специальная комиссия в составе трех лиц: особоуполномоченный (каган) и два уполномоченных».

Тот же В. И. Анучин был избран каганом, т. е. особоуполномоченным. Уполномоченными были избраны известный эксплоататор бай Аргымай Кульджин и областник В. К. Тюкин.

Таким образом Горно-Алтайский учредительный съезд, руководимый контрреволюционерами-авантюристами, в соответствии с интересами эксплоататоров — кулаков, баев — поставил себе целью создание буржуазного государства, противостоящего Советской стране. Контрреволюционная и эксплоататорская сущность решений съезда ярко выявилась в области земельного вопроса. Контрреволюционные руководители и заправилы съезда, считая образование «своего государства» делом верным и обеспеченным, не находили нужным слишком маскировать себя. Они рассчитывали на то, что «национальные» интересы (по существу же — байские) победят классовые интересы трудящихся алтайцев, в силу слабого политического развития последних, их хозяйственной и культурной отсталости, недоверия части трудящихся алтайцев, живших изолированно от трудового русского крестьянства, ко всему русскому, порожденному колониальной политикой царизма. Землепользование определялось особым Положением, в котором пункт 16 гласил: «Предоставить, впредь до издания новых законов, всем имеющим недостаток корма возможность выпаса на свободных казенных землях, прилегающих к наделам отдельных обществ. Границы же надельных земель отдельных селений остаются в силе». Пункт 17 имел следующую редакцию: «Арендные угодья должны оставаться в пользовании отдельных лиц, в размере действительной потребности хозяйства, на общих основаниях, установленных для местного населения».[5]

---

[1] Газ. «Алтайский луч», № 26, 1918. См. также Барнаульскую газету «Голос труда» (21 марта 1918 г., № 54).

[2] Под жителями Джунгарии Анучин имел в виду калмыков, бежавших с Волги в 1771 г. в Китайский Туркестан.

[3] Протоколы съезда, стр. 16.

[4] Государством Ойрот здесь названа феодальная Джунгария, ядро которой составляли калмыки, или ойраты, т. е. западные монголы.

[5] Протоколы съезда, стр. 43—46.

Это означает, что Положение предусматривало в первую очередь обеспечение пастбищами, покосами и прочими угодьями кулаков и баев Алтая. Бедняки и рядовые мелкие скотоводы, жившие в селениях и не имевшие возможности совершать далекие перекочевки, оставались при надельных землях, отведенных царским землеустройством, границы которых оставались в силе. Предусмотрены также были интересы и частных арендаторов земель, разумеется крупных. Алтайские баи и русские кулаки, владевшие большими стадами скота, после землеустройства сосредоточили у себя под видом аренды огромные территории. Теперь эти территории оставались «в пользовании отдельных лиц» в неограниченном размере.

В этом же духе был составлен и пункт 19 Положения, который предусматривал образование земельного фонда для открытия «культурных хозяйств единоличного владения».

Культурное хозяйство единоличного владения — это иносказательная форма для обозначения капиталистического хозяйства. Не менее интересно и то, что пункт 18 предусматривал предоставление земельных угодий коммунистическим хозяйствам и сельскохозяйственным сотовариществам, сообразно числу членов, на общих основаниях, установленных для местного населения. Чтобы эта фраза не вызвала у читателя некоторого недоумения, надо пояснить, что подразумевали под коммунистическим хозяйством творцы Положения. Ответ на это находим в положении о Никольском женском монастыре, где сказано: «Признавая, что Никольский женский монастырь представляет собой хозяйственную коммуну, общине монастыря следует оставить земельный фонд в размере действительной потребности хозяйства». Здесь под революционным термином «коммуна» скрывалась забота об интересах наиболее ретивых царских колонизаторов — попов и монахов, которых особенно ненавидели трудящиеся алтайцы. Та же тенденция нашла отражение и в пункте 23 Положения, где сказано: «Причтам отдельных сел, из имеющейся церковной земли, должны быть отведены наделы наравне с остальными жителями».

Съезд избрал орган управления Алтаем, назвав его Каракорумской алтайской управой.[1] В состав управы вошли Гуркин, эсер Шатилов и др.

С самого начала и до конца своего существования деятельность алтайской Каракорумской управы была направлена на борьбу против советской власти. Каракорумская Управа была центром контрреволюции на Алтае.

В Управе под видом служащих и переписчиков укрылись бежавшие от Октябрьской революции отбросы разбитой буржуазии. Они впоследствии играли видную роль в агитации, в организации вооруженных действий против советской власти. Каракорумская управа упорно игнорировала декреты советской власти и искусственно разжигала национальную вражду. Контрреволюционные националисты в печатных и устных выступлениях призывали трудящихся алтайцев к борьбе против русского народа, провоцировали их, хотя и безуспешно, на столкновение с трудовым русским крестьянством. Трудящиеся алтайцы, особенно жившие в районах тесного общения с русским народом, отвергали эту контрреволюционную националистическую политику. Алтайцы с. Тарханского наотрез отказались признать Каракорумскую управу. Когда каракорумцы послали сюда карательный отряд, трудящиеся с. Тарханского обратились

---

[1] Название «Каракорумская» было дано управе в честь древней столицы Чингисхана — Каракорума, находившейся в Монголии по р. Орхону.

за помощью к Бийскому совету, красногвардейские отряды которого прогнали насильников.

В мае 1918 г. почти по всей железнодорожной магистрали от Урала до Маньчжурии произошло контрреволюционное выступление белогвардейцев, организованное иностранными интервентами. Вполне естественно, что это выступление было встречено с радостью контрреволюционными заправилами Управы, которые и занялись немедленно же формированием белогвардейских отрядов.

Известно, что после выступления белогвардейцев вновь образовалось Временное сибирское правительство. В новом составе этого правительства попрежнему фигурировал член Каракорумской управы М. Б. Шатилов в качестве министра туземных дел. Это «правительство», как и вскоре последовавшая за ним «директория», в состав которой входил в качестве военного и морского министра адмирал Колчак, усердно расчищало путь к диктатуре наймита интервентов Колчака. И действительно, Колчак захватил 18 ноября 1918 г. власть в свои руки и объявил себя «верховным правителем».

В жизни трудящихся Сибири наступила наиболее тяжелая пора. Эксплоатация, произвол и насилия над трудящимися достигли небывалой степени. «. . . Колчак, — писал В. И. Ленин, — это представитель диктатуры самой эксплуататорской, хищнической диктатуры помещиков и капиталистов, хуже царской. . .».[1] После колчаковского переворота Каракорумская управа оказалась в руках окончательно распоясавшейся белогвардейщины. Колчаковские офицеры сделались хозяевами Алтая. Офицеры Сатунин и Кайгородов получили почти неограниченную власть и зверски преследовали как русских рабочих и крестьян, так и трудящихся алтайцев. Их жестокости памятны трудовому населению Алтая и по сегодняшний день. Кайгородов занялся комплектованием «туземного дивизиона» и получил за это личную благодарность от Колчака. Одна сотня из этого дивизиона была отправлена в распоряжение ставки Колчака.

В туземном дивизионе оказались не только байские и зайсанские сынки и родственники. Нужно сказать, что некоторые из трудящихся алтайцев в начале колчаковщины поддались обману белогвардейцев, местных баев и националистов и пошли в туземный дивизион. Колчаковцы-каракорумцы искусно играли на национальных чувствах алтайского населения, умело разжигая эти чувства, используя в своих целях то недоверие и неприязнь, которые породили в них среди алтайцев русские колонизаторы, колониальная политика царизма. Они использовали ненависть трудящихся алтайцев к царским угнетателям для развития буржуазного национализма.

Каракорумцы выбросили лозунг «Алтай для алтайцев!». Этот лозунг некоторое время помогал каракорумцам обманывать часть трудящихся алтайцев, удерживая ее на своей стороне. Однако большинство трудящихся алтайцев, живших смешанно или в тесном общении с русским населением, не поддалось лживым буржуазным лозунгам. Вековые дружественные отношения с русским трудящимся крестьянством, доверие и симпатия большей части алтайцев к русскому народу, облегчавшему их жизнь в условиях царизма, сыграли положительную роль и в этот мрачный период истории алтайцев. Принесли пользу и первые политические уроки борьбы с угнетателями, которые русский народ, руководимый большевистской партией, преподал в 1905 г. Алтайцы в своей массе

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 194.

и в этот раз пошли за русскими рабочими и революционным крестьянством, поднявшимися по зову партии и ее руководства на борьбу за восстановление своей родной советской власти. В массе алтайцев быстро росла ненависть к белогвардейским насильникам, зрели новые боевые силы, способные победить и уничтожить предателей и врагов народа. Этого не могли не понимать и не видеть контрреволюционеры, которые пытались подавить нараставшее мощное движение народа террором.

Каракорумские белогвардейские отряды, руководимые офицерами, зайсанскими и байскими сынками или их агентами, местными националистами, вроде Кундия Шабуракова, чинили насилия, грабежи и порки трудящихся. Так, например, полковник белогвардеец Сокольский при подавлении партизанского восстания в с. Марушке повесил сразу 53 человека за сочувствие советской власти. Капитан Келлер при подавлении восстания в Кеньге и Ябагане расстрелял 9 человек, повесил 6 человек, а остальных крестьян выпорол, в Онгудае он устроил массовую порку населения за сочувствие большевизму, причем этой участи не избежала и 78-летняя старуха.

Естественно, что зверства колчаковцев-каракорумцев возбуждали в трудящихся алтайцах ненависть к белогвардейщине. Даже в самых отдаленных и глухих районах Алтая трудящиеся массы все больше и больше возлагали надежды на советскую власть, видя в ней свою освободительницу. Когда в верховьях Ябагана колчаковско-каракорумские карателя за сочувствие советской власти повесили алтайцев Боканаша и Кармана, их матери сложили следующую песню, которая явилась своеобразной устной листовкой:

Скошенная трава выгодна,
Оставшиеся в живых [в это тяжелое время] радуются,
Растущая трава плодотворна,
От смерти оставшиеся [в живых] радуются.
Хорошей масти лошади
Будут ли у нас выращены,
Пламенная наша советская власть
Будет ли острым мечом.
Бурой масти скот наш
Будет ли под солнцем круговращающимся расти,
Подобная лучам советская власть
Под охраной будет ли нас держать.
Кровопийцы каракорумцы
Будут ли попрежнему буйствовать,
Народная масса будет ли в покое жить.
Светлая наша советская власть
Будет ли дальше укрепляться,
Новое поколение народа
Будет ли спокойно жить.
Хорошие [веселые] песни
Пусть молодежи прививаются,
Пламенная наша советская власть
Пусть улучшается, крепнет.
Пламенную нашу советскую власть
Наша молодежь отстоит.[1]

Несмотря на репрессии белогвардейских карателей, на запугивание, угрозы и агитацию баев и зайсанов, ярлыков, шаманов и прочих эксплоататоров, трудящиеся алтайцы начали не только освобождаться от влияния местных националистов-каракорумцев, но и принимать активное участие в партизанском движении. Это движение вспыхнуло среди тру-

[1] Эта песня записана А. Г. Данилиным во время его научных поездок по Алтаю.

дящихся Сибири осенью 1918 г. Оно было организовано партией большевиков.[1]

На Алтай партизанское движение перекинулось в 1919 г.

После контрреволюционного переворота, совершившегося в мае 1918 г., большевики Сибири ушли в подполье, где развернули активную борьбу за восстановление советской власти. Уже на первой подпольной конференции, состоявшейся в августе 1918 г. в Томске, было решено: «Вооруженное восстание рабочих и солдатских масс в городах и крестьян в деревне, проводимое в Сибирском масштабе, — такова ближайшая задача партии в Сибири».[2] Работа сибирского большевистского подполья была тесно сязана с ЦК коммунистической партии и протекала под его руководством. В. И. Ленин, И. В. Сталин, Я. Свердлов, Ф. Дзержинский держали личную связь с сибирским большевистским подпольем и постоянно давали сибирским большевикам указания и поручения по налаживанию подпольной работы: учили подготовке рабоче-крестьянских масс к вооруженному восстанию за восстановление советской власти в Сибири, занимались подбором людей для постоянной связи сибиряков с ЦК.[3]

В борьбе против Колчака, против капиталистов и помещиков, пытавшихся продать нашу родину интервентам, нельзя забывать о роли угнетавшихся царизмом народов. Определение этой роли дано в работе И. В. Сталина, который пишет: «Не забывайте, что если бы мы в тылу у Колчака, Деникина, Врангеля и Юденича не имели так называемых „инородцев“, не имели ранее угнетенных народов, которые подрывали тыл этих генералов своим молчаливым сочувствием русским пролетариям, — товарищи, это особый фактор в нашем развитии: молчаливое сочувствие, его никто не видит и не слышит, но оно решает все, — если бы не это сочувствие, мы бы не сковырнули ни одного из этих генералов. В то время, когда мы шли на них, в тылу у них начался развал. Почему? Потому, что эти генералы опирались на колонизаторский элемент из казаков, они рисовали перед угнетенными народами перспективу их дальнейшего угнетения, и угнетенные народы вынуждены были итти к нам в объятия, между тем как мы развертывали знамя освобождения этих угнетенных народов».[4]

Это молчаливое сочувствие к победе советской власти над Колчаком было характерным и для алтайцев. Но они не ограничились только этим молчаливым сочувствием, они не остались в стороне и от той вооруженной борьбы, которая происходила за установление советской власти в горах Алтая. Необходимо только строго отличать: какие слои алтайцев, в какой степени и на чьей стороне принимали участие в этой решительной битве.

Алтайская масса как в районах совместной жизни с русским населением, так и в районах, изолированных и глухих, не была однородной, и различные социальные части ее по-разному относились к этой борьбе. Зайсанско-байская эксплоататорская верхушка алтайцев с ее агентурой, контрреволюционными националистами, ярлыкчами и шаманами была в этой борьбе на стороне Колчака, на стороне Каракорумской управы.

---

[1] Партизанское движение в западной Сибири. Сборник документов, изданных Западно-Сибирским крайкомом ВКП(б). Крайгиз, Новосибирск, 1936, стр. 9.

[2] Там же, стр. 8 и др.

[3] Там же, стр. 32.

[4] И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 246.

Крупнейшие баи и их сынки, буржуазные националисты, руководили вооруженными белогвардейскими отрядами, оказывали материальную помощь каракорумцам, расстреливали и пороли трудящихся алтайцев и русских за сочувствие большевизму. Трудящаяся же масса алтайцев была в основном на стороне советской власти. Это видно не только из молчаливого сочувствия алтайцев борьбе за установление советской власти, характерного более для глухих районов (вспомним, например, содержание некоторых песен, слагавшихся неграмотными женщинами алтайками, где советская власть рисовалась желанной, родной спасительницей). Это еще более видно из факта участия многих трудящихся алтайцев в партизанских отрядах.

Партизанская борьба за восстановление власти Советов на Алтае закончилась успешно. В декабре 1919 г. партизанские войска, разгромив белогвардейские отряды, соединились в районе Чуйского тракта с регулярными частями Красной Армии. На Алтае установилась советская власть.

Советская власть уничтожила Каракорумскую управу, уже одно имя которой было ненавистно трудящимся Алтая. Горный Алтай решением Алтайского губисполкома был подразделен на три района: Улалинский, Шебалинский и Уймонский, с подчинением их г. Бийску. Во главе каждого района учреждался ревком. В феврале 1920 г. в Улале возникла первая ячейка коммунистической партии и комсомольская ячейка. Этим было положено начало повседневного, систематического руководства местной организацией коммунистической партии на Алтае по укреплению советской власти, по борьбе с белобандитами, с голодом, разрухой, за восстановление разрушенного хозяйства, за строительство социализма. С переходом к мирной обстановке выявилась целесообразность объединения трех названных районов. Такое объединение диктовалось общностью национальных, экономических и бытовых особенностей районов, оно шло навстречу желанию населения.

В границах б. Каракорума был образован в начале 1921 г. Горно-Алтайский уезд с центром в с. Алтайском. Вновь созданному уездному ревкому и уездному комитету коммунистической партии пришлось развертывать работу по хозяйственному и культурному строительству Горно-Алтайского уезда в чрезвычайно тяжелых условиях. В это время Советская Россия переживала последствия империалистической войны и интервенции. Разруха и голод как результат империалистической бойни, в которую ввязалась отсталая во всех отношениях царская Россия, как результат хозяйничания Временного правительства, как результат нападения интервентов, саботажа и подрывной работы внутренних врагов советской власти требовали от рабочего класса, от его авангарда — Коммунистической партии, ее вождей, руководителей, правительства и всех трудящихся страны величайшего напряжения и мобилизации сил. Перед вновь учрежденным Горно-Алтайским уездом стояли в первую очередь общие государственные задачи, особенно задача борьбы с голодом в стране. Вот почему уезд бросил свои основные силы на продовольственную работу, на сбор продналога и т. п. Вместе с тем, несмотря на чрезвычайно тяжелые условия, Горно-Алтайский уревком и уком сумели проделать большую созидательную работу на культурном фронте. В обстановке свирепствовавшего бандитизма и голода для борьбы с эпидемией тифа было организовано пять врачебных участков и семь фельдшерских пунктов. Была широко организована массовая политико-воспитательная работа. В 1921 г. за четыре месяца были про-

ведены: 32 беспартийные конференции, на которых было 2115 делегатов, уездная женская конференция из 180 крестьянок, 49 лекций, привлекших 916 слушателей, 206 митингов с 25 686 слушателями, много бесед и т. п.

Все это, однако, далеко не покрывало потребности в культурных силах. Нехватало просто грамотных людей для административного аппарата. Немногочисленная старая интеллигенция из алтайцев была в основном тесно связана с каракорумским прошлым, настроена националистически и, разумеется, не симпатизировала советской власти.

Побежденное, но не сломленное русское кулачество Алтая, зайсанско-байская эксплоататорская верхушка и их агенты, эсеры, меньшевики, контрреволюционные националисты, замаскировавшиеся и притаившиеся по темным щелям остатки белогвардейщины стали организовывать банды в контакте и по указаниям колчаковских эмигрантов в Монголии, например барона Унгерна, Бакича, под руководством офицеров Сатунина и Кайгородова, состоявших на службе у интервентов. Банды появились в 1921 г. в различных районах Алтая. Кайгородов, снаряженный интервентами, перешел границу из Монголии. Он объединил бандитские шайки в более крупные соединения и развернул довольно широкий фронт. Кайгородов ставил целью отдать трудящихся алтайцев в колониальное рабство иностранным капиталистам, а баям и зайсанам дать возможность безнаказанно эксплоатировать свой народ.

Весной 1922 г. регулярные красноармейские части и эскадроны частей особого назначения (ЧОН) разгромили белобандитское движение. Кайгородов был уничтожен вместе со своим штабом. Истребление головки белобандитского движения на Алтае обязано исключительному героизму сводного отряда, совершившего под командой тов. И. Долгих знаменитый снежный поход через Яломанские белки. Местные жители и охотники указывали, что Яломанский хребет трудно проходим даже летом, что для зимнего перехода, да еще на лошадях, он совершенно недоступен. Однако бойцы ЧОН совершили это дело, казавшееся невозможным.

После разгрома Кайгородова белобандитское движение было ликвидировано. Население Алтая приступило к политическому, хозяйственному и культурному строительству. Теперь политическая обстановка в Горном Алтае, граничащем с Тувой и Монголией, и учет национального момента говорили о прямой необходимости выделения автономной области алтайцев. В соответствии с пожеланием трудящихся алтайцев ВЦИК РСФСР 1 июня 1922 г. издал постановление об образовании Ойротской автономной области. Таким образом трудящиеся алтайцы получили от советской власти полное разрешение национального вопроса на основе практического осуществления ленинско-сталинской национальной политики. Между тем враги алтайцев, местные буржуазные националисты, не сложили оружия и были готовы при первом удобном случае продать свой народ в рабство иностранным капиталистам. Одни из них надели на себя маску лойяльности к советской власти, пролезли в ряды коммунистической партии, пользуясь ротозейством и благодушием некоторых руководителей партийной организации; другие проникли в советский аппарат, где вели свою контрреволюционную работу. Когда необходимость выделения алтайцев в автономную область стала очевидной, националисты сделали попытку захватить в свои руки подготовку этого вопроса.

Президиум Алтайского исполкома постановлением от 11 декабря 1921 г. за № 58/2 создал комиссию для разработки вопроса о выделении «Алтайской автономной единицы». Комиссия составила доклад о выделении алтайцев в автономию, в которой националисты протащили свои установки. Так, в исторической справке они развели антинаучную болтовню о существовании некогда крупнейшего государства Ойрот, или Джунгарии, населенного калмыками, потомками которых, дескать, являются алтайцы. Другими словами, здесь повторялся тот же исторический вздор, что и в докладе В. Анучина на Учредительном съезде, когда была образована контрреволюционная Каракорумская управа.

Националисты мечтали не о настоящей советской автономной области, а о такой автономии, где советский строй был бы подменен буржуазным строем.

Контрреволюционная попытка буржуазных националистов при разрешении национального вопроса на Алтае, разумеется, потерпела крах. Трудящиеся алтайцы были выделены в автономную область, вошедшую в состав РСФСР. Однако область эта получила название Ойротской не без влияния местных буржуазных националистов. Протаскивая это наименование, являющееся по существу династийным именем западномонгольских, или калмыцких, ханов, буржуазные националисты пытались навязать трудящимся алтайцам идею исторического родства алтайцев с Джунгарским, или Ойратским, феодальным государством, в котором трудящиеся алтайцы подвергались особенно жестокому угнетению и насилию со стороны ойратских ханов. Естественно, что это чуждое и ненавистное трудящимся алтайцам наименование не вошло в их быт. Алтайцы продолжали именовать себя «алтай кижи», т. е. алтайцами. Учитывая многочисленные пожелания трудящихся алтайцев, область Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 января 1948 г. была переименована в Горно-Алтайскую. В этом исторически правильном наименовании нашло свое отражение самоназвание значительной части алтайцев.

Бандитизм нанес огромный урон хозяйству Горного Алтая, что было подчеркнуто на Первой областной конференции РКП(б) в феврале и на Первом областном съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Ойротской автономной области в мае 1923 г.[1] В докладе Областного земельного управления на Втором областном съезде Советов (декабрь 1923 г.) был приведен следующий цифровой материал, характеризующий катастрофическое положение хозяйства области как результат хозяйничания наемников иностранных интервентов — колчаковцев-белобандитов. По отношению к довоенному времени в Горном Алтае осталось: лошадей — 17%; рогатого скота — 14%; овец — 18%. Только за один 1922 г. в результате подрывной деятельности остатков колчаковских банд поголовье скота уменьшилось по лошадям на 13 086 гол., по крупному рогатому скоту — на 9143 гол.[2] Таким же печальным было положение с земледелием, хотя оно имело второстепенное значение по удельному весу в сельском хозяйстве Горного Алтая и до революции. В 1922 г. посев в области, по отношению к посеву 1916 г., составлял 71.1%.[3] Еще в 1923 г. хлебный дефицит области

---

[1] Материалы Первой областной Ойротской конференции РКП(б), Улала, 1923, стр. 4, Протоколы Первого областного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Улала, 1923, стр. 11, 12, 55, 58, 111 и др.

[2] Протоколы Второго областного съезда Советов. Улала, 1924, стр. 33.

[3] В кочевых районах, где засеваемые участки были карликовыми, обрабатывались мотыгой и засевались ячменем, посев 1922 г. составлял 83.3% к посеву 1916 г.

(включая хлеб, подлежащий в уплату сельхозналога) составлял 959 228 пудов.[1] Продукция охотничьего промысла составляла 190 тыс. беличьих единиц, вместо 390 тыс. беличьих единиц в 1909 г.[2] Это также означало упадок хозяйства, ибо 44% населения области занималось охотничьим промыслом. Валовая продукция промысла кедрового ореха по сравнению с 1909 г. составляла только 16.6%. Промышленность совершенно отсутствовала. Торговля находилась в зачаточном состоянии. Таким образом, в момент образования автономной области сельское хозяйство Горного Алтая переживало глубочайший упадок при полном отсутствии промышленности. Техническая база его была исключительно отсталой. В животноводстве царили самые примитивные приемы ухода за скотом, присущие отсталому, полукочевому экстенсивному хозяйству. Обработка продукции животноводства носила домашний характер. В земледелии, говорилось в докладе земельного управления на Втором областном съезде Советов, на каждое хозяйство в среднем приходится 4 лошади; на 4.5 хозяйства — 1 плуг; на 2.2 хозяйства — 1 борона и на 825 хозяйств — 1 сеялка.[3]

Способ ведения хозяйства был индивидуальным, единоличным.

В соответствии с низким уровнем экономики находилось и дело народного просвещения. В тезисах доклада, принятых на Первой областной конференции РКП(б), положение народного образования получило следующую характеристику: «бандитизм, страшная разоренность края, эпидемии и пр. больше чем в других местах республики повлияли самым разрушительным образом на дело просвещения в Ойротской Автономной области во всех сторонах, а в частности: а) на самые здания школ и учреждений, которые нередко служили штабами, казармами и пр.; б) на инвентарь школ, как-то: парты, шкафы, столы, а так же на учебники и учебные пособия; в) на педагогический и служебно-технический персонал, когда таковой, находясь под угрозой набегов, арестов и пр., не имея связи с Отделом народного образования, а также и не получая содержания, — оставляет культурную деятельность».[4]

Образование автономной области вызвало большой подъем среди трудящихся Горного Алтая. Об этом убедительно говорят выступления делегатов на Первом и Втором областных съездах Советов. Активно прошли выборы в волисполкомы и сельсоветы. Проявлялся интерес к поднятию и восстановлению разрушенного хозяйства, стремление к образованию. В сельсоветах выносились постановления об открытии школ. Население Улаганской волости (ныне аймака), получившее в порядке правительственной помощи 125 пудов высококачественного зерна в качестве семенного материала, постановило посеять зерно для школы путем общественной запашки. Население оставалось почти без хлеба, но стремилось обеспечить продовольствием школу.[5] Образование автономной области оказало большое влияние на развитие доверия и преданности советской власти трудящихся алтайцев. Последние убедились, что только советская власть может практически разрешить и обеспечить удовлетворение их интересов. Выделив алтайцев в автономную область, прави-

---

[1] Протоколы Второго областного съезда Советов, стр. 33.

[2] Экономический и статистический обзор Ойротской автономной области. Улала 1925, стр. 37.

[3] Протоколы Второго областного съезда Советов, стр. 33.

[4] Материалы Первой областной Ойротской конференции РКП(б), стр. 23; ср. также: Протоколы Первого областного съезда Советов, стр. 100—101.

[5] См.: Протоколы Первого и Второго областных съездов Советов (по докладам делегатов с мест).

тельство РСФСР, несмотря на трудное экономическое положение в стране, неизменно оказывало Горному Алтаю конкретную помощь в духе решений X и XII съездов РКП(б). Эта помощь способствовала установлению правильных взаимоотношений между русским пролетариатом и угнетенным при царизме алтайским крестьянством. Трудящиеся алтайцы получили прочную гарантию защиты от военного посягательства империалистов, получили возможность заняться устройством и развитием своей жизни на социалистической основе. С первых же дней существования области пролетарское государство оказывало ей и финансовую помощь. Трудящиеся алтайцы получили большие льготы по единому натуральному налогу. Беднейшее население области было совершенно освобождено от единого натурального налога (платили хозяйства, имеющие свыше 6 голов скота). Отменен был государственный налог на пасеки. Когда был введен в 1923 г. единый сельскохозяйственный денежный налог, алтайцы получили разрешение платить часть налога натурой. Несмотря на то, что область по количеству населения могла послать только одного депутата на Всероссийский Съезд Советов, ей было предоставлено место во ВЦИК РСФСР, и т. д.

Решающее значение в деле восстановления и развития экономики и культуры алтайцев имело создание областной партийной организации, которая, опираясь на решения съездов нашей коммунистической партии, руководствуясь постановлениями Центрального Комитета партии, с первых же дней своего существования обеспечивала на практике проведение в Горно-Алтайской автономной области ленинско-сталинской национальной политики. Это позволило алтайцам в короткий исторический срок не только ликвидировать политическую, экономическую и культурную отсталость, но достичь решающих успехов в деле строительства национальной социалистической культуры.

Советский государственный строй, практическое осуществление ленинско-сталинской национальной политики, братская помощь русского народа создали реальные условия для возникновения и развития единой культуры алтайских племен, национальной по форме и социалистической по содержанию. Животворная сила советского государственного строя оказалась способной вывести алтайцев из почти первобытного состояния и быстро двинуть вперед по пути развития к социализму, минуя капиталистический путь развития. Всего только тридцать лет длится процесс объединения алтайских племен в единую народность. Как ни мал этот срок с точки зрения исторического процесса, но в жизни алтайцев уже произошли огромные изменения. Они характеризуются формированием общей национальной культуры, единой для всех алтайцев Горно-Алтайской автономной области.

Общая национальная культура алтайцев возникла и развивается впервые в их истории, так как до революции культура алтайцев различалась как по содержанию (культура трудовой массы и культура эксплоататорского класса — баев и зайсанов), так и по форме (культура отдельных племенных и территориальных групп). Новая культура алтайцев возникла и развивается на основе советского государственного строя и по своему содержанию является культурой социалистической.

Социалистическая культура алтайцев представляет собой настолько сложный комплекс процессов, явлений, фактов, что научное описание и анализ его могут быть выполнены только соединенными усилиями различных специалистов. Поэтому я, как указывалось выше, попытаюсь дать только общий очерк социалистической культуры и быта алтайцев,

отнюдь не претендуя на полное и специальное разрешение этих вопросов.

Как известно, в настоящее время у алтайцев социалистический строй господствует безраздельно. Основой народного хозяйства является социалистическое животноводство. В колхозах и совхозах сосредоточены основное поголовье скота и все посевы. Роскошные земли Горного Алтая, его пышные луга и пастбища перешли в вечную собственность колхозов. Сотни тысяч гектаров пастбищ и сенокосов передано навечно и бесплатно колхозникам на основании статьи 8 советской Конституции. Миллионы центнеров сена и сотни тысяч центнеров силоса заготовляют

Колхозное стадо коров (с. Ело).

колхозы ежегодно с этой территории. Эту естественную кормовую базу для животноводства алтайцам предоставил советский государственный строй. До революции же, как было показано в ряде очерков выше, алтайцы скитались со своими стадами по малопригодным местам, так как лучшие пастбища и сенокосы составляли собственность Кабинета его величества, т. е. царя, а кроме того, были захвачены зайсанами и баями.

Современное социалистическое животноводство алтайцев резко отличается от первобытного кочевого скотоводства не только своей высокой товарностью. Его отличают прежде всего господство социалистических форм и методов труда, наличие высокой техники, применение научных методов и приемов хозяйствования. В большинстве районов алтайцы перешли, в основном, к стойловому содержанию скота, но на более высокой технической базе по сравнению с дореволюционным русским крестьянским хозяйством. Колхозный скот у алтайцев в зимнее время обычно содержится в теплых дворах, имеющих деревянный пол, окна, кормушки. В специальных теплых помещениях содержат с момента рождения телят и ягнят, которых раньше помещали у костра в жилой юрте, вместе с хозяевами, или в особых (для ягнят) ямах (*курке*), где ягнята согревались, прижавшись друг к другу.

Пастбищное содержание скота в течение круглого года сохранилось в настоящее время только в отдельных высокогорных районах, где обилие скота делает этот способ рациональным. Однако отгонное скотоводство современных алтайцев резко отличается от дореволюционного кочевого. Колхозное отгонное скотоводство, основанное на широком и правильном использовании пастбищного корма в течение всего года, застраховано от основных бедствий, каковыми в прошлом являлись гололедица, затянувшаяся весна, эпизоотии. Алтайские колхозы устраивают запас различных кормов для подкормки стада в случае исчезновения корма на естественных пастбищах. Это обстоятельство вместе с постоян-

Колхозные лошади.

ным ветеринарным надзором и помощью, а также изучение и плановое использование естественных пастбищ во все времена года создают современному отгонному скотоводству алтайцев необходимую устойчивость и большие хозяйственные перспективы. Нельзя не указать и на улучшения в технике и организации отгонного скотоводства. Важнейшими из них являются оборудование водопоев, мест укрытия скота от непогоды на зимних стоянках, улучшение бытовых условий пастухов, табунщиков, материальная заинтересованность их в деле увеличения и сохранности стада и т. д. Все это — новые черты алтайского отгонного скотоводства в условиях колхозного хозяйства.

В настоящее время, как указано выше, большинство алтайцев отказалось от кочевых и полукочевых форм скотоводства даже на местах древних, многовековых кочевий и перешло к заготовке естественных кормов в размерах, обеспечивающих потребность как колхозного скотоводства, так и скота, находящегося в личной собственности колхозников Техника и приемы заготовки сена отличаются от обычных крестьянских способов дореволюционного времени. Социалистический строй насытил хозяйство машинным инвентарем. Широкое применение сенокосно-убо-

рочных машин и силосование зеленых кормов — характерные черты современной техники заготовки сена у алтайцев. Первобытные способы вырывания травы руками или срезывания ее ножом с последующим свиванием в жгуты (*толгок*) теперь не наблюдаются совершенно. Они сохранились только в памяти населения.

Основное внимание алтайцев в их колхозном животноводстве направлено на улучшение продуктивности скота. Это достигается ими не только введением специального кормового рациона, но и путем улучшения породы местного скота, создания новых высокопродуктивных пород на местной основе. Алтайцы стремятся разводить высококачественные породы лошадей, овец, крупного рогатого скота, что в дореволюционное время было крайне редким явлением, характерным для отдельных байских хозяйств. Так, по данным областной печати, в период 1935—1948 гг. количество породистого скота увеличилось в 16 раз. Эти темпы в настоящее время уже не удовлетворяют колхозников, которые стремятся разводить только высокопродуктивный скот. Улучшению племенного состава стада весьма способствует скрещивание местных пород скота с известными своими выдающимися качествами породами (рысистыми лошадьми, коровами симменталами и овцами-мериносами и др.). Специальные учреждения области ведут научную исследовательскую и практическую работу по внедрению наилучших результатов исследования в животноводство.

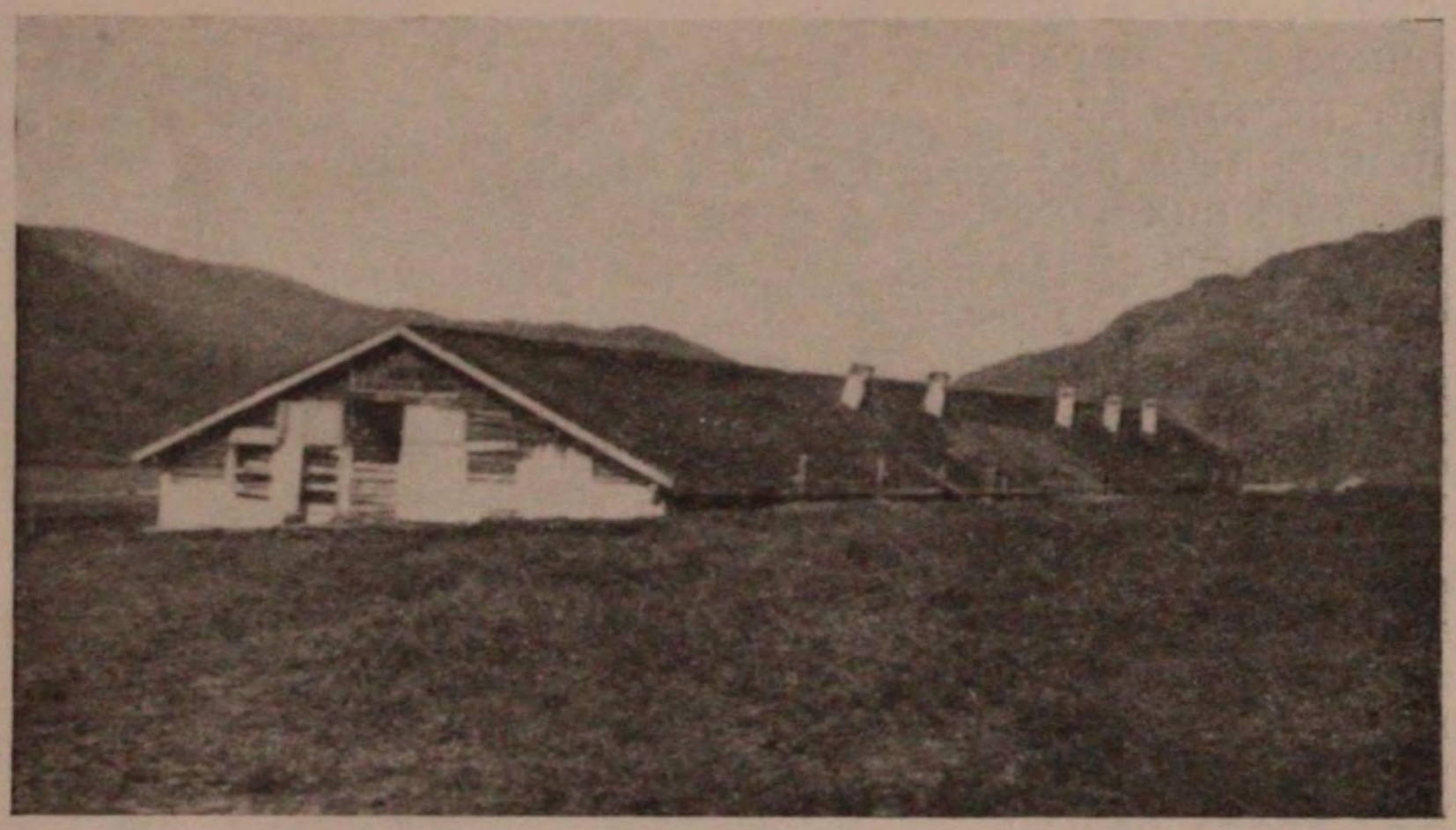
Колхозница-чабан.

К ним относится Областная комплексная сельскохозяйственная станция и Государственная Заводская конюшня, занимающаяся разведением племенных лошадей. Постоянная ветеринарная помощь и применение метода искусственного осеменения также должны быть отнесены к современной технике скотоводства на Алтае. Пункты искусственного осеменения имеются в ряде колхозов. Они служат проводниками научных приемов животноводства и пользуются большой популярностью.

Черты новой и улучшенной техники проявляются в отказе от подсосного способа доения, при котором теленок высасывает значительную часть молока, в применении электродойки, а также в приемах обработки молока. Сливки отделяют при помощи сепаратора. Масло и сыр домашним способом делают в небольшом количестве, только для своих

надобностей, основное же количество масла и высокосортного сыра, которым славится Алтай, выделывается на прекрасных механизированных заводах, построенных за последнюю четверть века. В некоторые алтайские колхозы, обладающие большим поголовьем крупного рогатого скота, но расположенные в глухих районах, удаленных от ближайших маслодельных и сыроваренных заводов, в летнее время посылаются передвижные сыроваренные заводы. С таким «кочевым» заводом мне пришлось встретиться летом 1949 г. в Онгудайском аймаке, в верховьях Урсула (по одному из его истоков — р. Каерлыку), где расположен колхоз Дьяны Дьел (Новый путь).

Молочно-товарная ферма этого колхоза в то время превышала тысячу голов скота. Ферма давала колхозу в дойный период 150—200 тысяч



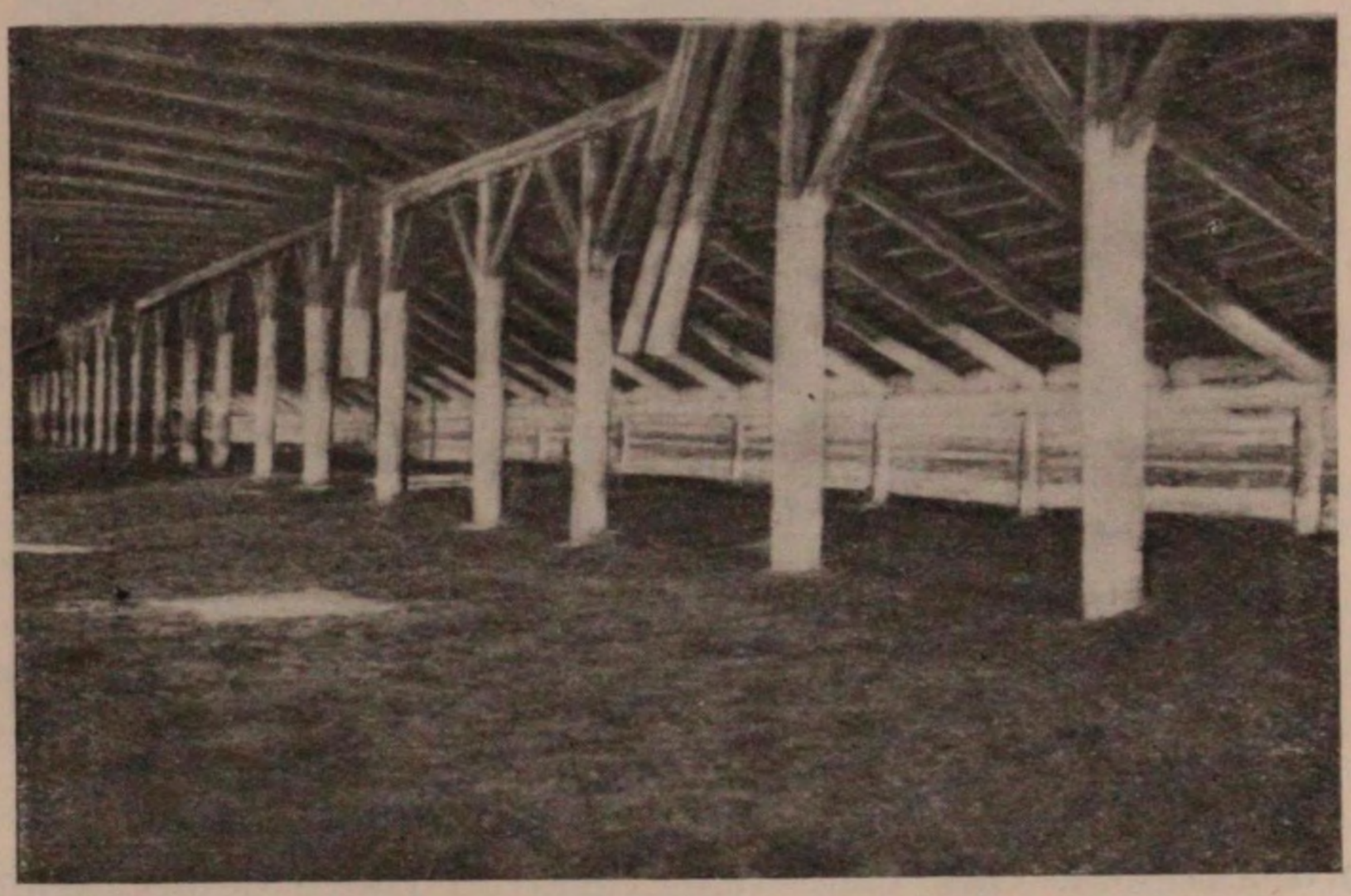
Колхозная кошара для овец.

литров молока. Ближайший маслозавод находится от колхоза на расстоянии 7 километров. Сыроваренный завод приехал в район летней стоянки молочно-товарной фермы на трехтонной машине (с прицепом) со всем оборудованием и персоналом, состоящим из четырех человек. На берегу ручья была раскинута большая палатка, в которой установили два котла для варки сыра, оборудовали приемный пункт для молока и лабораторию. На ручье был устроен простой срубный холодильник для готовой продукции. Завод с ежедневной производительностью до 20 тонн молока начал работу (на местном древесном топливе) в первый же день после прибытия.

Рабочий персонал «кочевого» завода располагается в трехтонной машине и прицепе, где ставятся походные кровати. На машину и прицеп натягивается тент, образующий крышу и стены походного жилища работников завода.

Социалистическое животноводство с его передовой техникой и приемами вызвало рост стада в Горном Алтае. С 1932 по 1946 г., например, поголовье скота всех категорий увеличилось на 30%, а в колхозах за это же время, несмотря на трудные военные годы, оно выросло вдвое. Социалистическое животноводство Горного Алтая выдержало испытания войны, практически доказав свою силу и преимущество. В первые же

послевоенные годы десятки алтайских колхозов исчисляют свои стада тысячами голов, некоторые насчитывают в своем стаде свыше 15 тысяч голов (колхоз Кызыл-Маны), а колхоз Мухор-Тархота — более 20 тысяч голов. Количественный и качественный рост колхозного стада у алтайцев



Внутренний вид кошары.

стал увеличиваться еще более быстрыми темпами в связи с включением колхозников, под руководством партийных и советских организаций,

Пункт искусственного осеменения лошадей.

в борьбу за выполнение государственного трехлетнего плана по животноводству. Эти важные успехи нельзя объяснить только заменою первобытной техники и способов ведения скотоводства современной научной техникой и приемами и плановым хозяйствованием, превратившими отсталое полукочевое скотоводство алтайцев в передовую отрасль сель-

ского хозяйства. Эти успехи отражают правильное сочетание личных и общественных интересов в развитии социалистического животноводства

Молодые колхозницы, доярки МТФ.

у рядового алтайца. Они свидетельствуют о росте общественной сознательности алтайцев, освобожденных от многовекового угнетения, об осо-

Передвижной сыроваренный завод.

знании факта, что рядовой колхозник-алтаец является распорядителем своей судьбы и строителем своей жизни.

Чувства свободы и независимости, благодарности к советской власти, к Коммунистической партии вдохновляют на труд колхозника-алтайца,

вызывают в нем прилив творческих сил, помогают преодолевать трудности быстрого роста колхозной экономики. Они нашли уже отражение в современном фольклоре:

Я — алтайский пастух, кланяюсь новой весне.
Свежему солнцу смеется птица.
Здравствуйте, горы! Здравствуйте, реки!
Здравствуй, белый огонь водопада!
Здравствуй, сосновая хвоя!
Открой свои красные ушки и слушай:
Я здесь проходил как ничтожный пастух богача,
Теперь я — хозяин-колхозник!

Само собой разумеется, что существенное значение в успехах алтайского социалистического животноводства имеет и материальная заинтересованность колхозника. Известно, что, например, только за 1947 г. в порядке дополнительной оплаты труда за выполнение планов развития животноводства и сохранения поголовья 1150 колхозников и колхозниц получили более 4 тысяч овец, телят и жеребят. Однако одной материальной заинтересованностью трудно было бы объяснить многочисленные примеры творческого, глубоко сознательного отношения к труду у колхозников-алтайцев самых различных возрастов и слоев; их лучшие представители удостоены правительственных наград.[1] Необходимо отметить формирование новой психологии трудящихся алтайцев, которой присуще такое сознательное отношение к общественно полезному труду.

Социалистическое животноводство алтайцев представляет собой высокотоварную и доходную отрасль сельского хозяйства, занимающую ведущее место в экономике Горно-Алтайской автономной области. Оно все больше требует высокой культуры и имеет прекрасные перспективы.

Животноводство у алтайцев идет по пути превращения его в такую современную отрасль сельского хозяйства, в которой внедрение научных приемов хозяйствования и высокой техники требует от работников, занятых в животноводстве, высокой культуры, где труд по разведению скота становится частью научного знания и предвидения.

Кроме животноводства, большие перспективы развития имеют и другие отрасли алтайского народного хозяйства, особенно промышленность.

Весьма существенную роль в народном хозяйстве современных алтайцев стало играть земледелие. Развитие его было вызвано как потребностью животноводства, для которого оно является необходимым условием интенсивного развития, так и большим потребительским значением земледелия для населения Горного Алтая, еще не связанного железнодорожными путями с хлебопроизводящими районами Сибири. Не вдаваясь в анализ его экономики и в описание агротехники, отметим ряд фактов, имеющих важное значение для характеристики развития культуры у алтайцев.

Земледелие у алтайцев в настоящее время механизированное, отражающее достижения передовой советской техники, в то время как еще 25—30 лет назад простое плужное земледелие существовало здесь в ограниченных размерах, главным образом в районах, где алтайцы постоянно общались с русской народной культурой. Мотыжное земледелие с его карликовыми посевами, с его первобытной техникой совершенно исчезло. Мотыга (*абыл*) кое-где еще употребляется в качестве огородного орудия труда. Прогресс культуры алтайцев в этом направ-

[1] См. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1947 г.

лении заключается не только в том, что механизированное земледелие стало здесь господствующим типом земледелия. Прогресс заключается в том, что эта более высокая форма заняла важное место в народном хозяйстве алтайцев. За годы существования области посевная площадь в Горном Алтае выросла по сравнению с дореволюционной в пять раз и исчисляется уже десятками тысяч гектаров. Современное плужное земледелие алтайцев качественно отлично от старого земледелия, усвоенного от русских крестьян. Благодаря колхозному строю земледелие современных алтайцев основано на высокой технике, на применении системы передовых агротехнических приемов. Широкое применение сельскохозяй-

Приемка шерсти.

ственных машин, начиная от плуга, жатки, простой молотилки и кончая трактором, сложной молотилкой или комбайном, применение различных удобрений, введение соответствующего севооборота и т. п. резко повысили производительность труда алтайцев в земледелии и подняли урожайность. Сборы урожая таких зерновых культур, как пшеница, овес и ячмень, превышающие сто пудов с гектара, вовсе не редкость в Горном Алтае. Чтобы показать масштаб этих изменений, я приведу несколько цифр и сравнений.

При мотыжном характере земледелия семья алтайца в два-три человека могла вскопать абылом в течение всей весны не более гектара. Теперь же алтаец на тракторе вспахивает во время посевного сезона несколько сотен гектаров. При первобытных приемах уборки урожая, когда колосья срезали ножом или выдергивали руками, на жатву с одного гектара алтаец, работая семьей, тратил неделю. На молотьбу урожая он тратил свыше 10 дней, так как колосья молотили толстой короткой палкой, предварительно обжигая их на костре. Наконец при ручном алтайском способе веяния, подбрасывая зерно на берестяном или деревянном лотке, опытный взрослый работник мог провеять в течение дня

немного больше центнера. Если теперь сопоставить с этим общеизвестные колхозные нормы уборки урожая, хотя бы при помощи простейших сельскохозяйственных машин, не говоря уже о комбайне, то представить масштаб происшедших изменений в земледелии алтайцев, бывшем еще в недавнем прошлом живым остатком древнейшей первобытной культуры, будет нетрудно.

Вполне естественно, что алтайцы из потребителей хлеба превратились в его производителей. Это относится и к таким животноводческим районам, как Онгудайский и Улаганский аймаки, где роль земледелия в животноводческих колхозах достаточно велика.

Маралы в совхозном маральнике.

Необходимо отметить большое положительное влияние земледелия как наиболее передовой отрасли сельского хозяйства, оснащенной высокой современной техникой, на общее повышение культурного уровня алтайцев. Осваивая технику социалистического земледелия, алтаец-колхозник изучает сложные сельскохозяйственные машины и приемы земледелия, не только управляет машиной, но знает ее детали, умеет собрать и разобрать ее, обогащает свой ум множеством новых понятий и связей, обогащает свой язык новыми словами, убеждается в силе человеческого разума. Это весьма революционизирует его сознание, в прошлом забитое различными ложными религиозными представлениями как о природе в целом, так и об отдельных вещах и явлениях.

Я не рассматриваю здесь различные виды ремесленного или промыслового труда, столь широко распространившиеся на Алтае за два последние десятилетия, где развитие социалистических элементов происходит весьма интенсивно. Отмечу только, в заключение краткого обзора современного сельского хозяйства алтайцев, сохранение в нем исторически сложившейся комплексности. В дореволюционное время эта комплексность была выражением слабого развития производительных

сил алтайцев. Рядовой алтаец разводил скот, промышлял зверя, иногда немножко сеял, т. е. вел комплексное хозяйство из-за нужды, чтобы как-нибудь прокормиться. Ни одна из указанных отраслей труда, взятая отдельно, не была в состоянии обеспечить его существование. Так, вынужденным путем сложилась комплексность старого хозяйства.

Современная комплексность хозяйства алтайцев развивается из стремления полнее и всестороннее поставить на службу социалистической культуре, на укрепление всего Советского государства в целом всех возможностей и даров природы, которыми так богат Горный Алтай. Современная комплексность хозяйства алтайцев не выражает больше слабости экономики, а, напротив, отражает силу этой экономики и основана на высокой технической базе, резко изменившей общий облик алтайского хозяйства.

Трактористы-алтайцы.

Как новое явление в истории культуры алтайцев следует отметить наличие местной промышленности. Последняя представлена здесь сотнями маслодельных, сыроваренных, кожевенных, лесопильных и других предприятий. Многие из них — союзного и республиканского значения.

Все это, вместе с Чемальской ГЭС, десятками электростанций в аймаках и на отдельных предприятиях, а также развернувшееся строительство колхозных электростанций свидетельствуют о больших успехах в развитии промышленности в Горном Алтае.

Добывающая промышленность дает золото, ртуть, мрамор, украшающий станции Московского метрополитена, и т. д. Промышленность области обслуживается рабочими, русскими и алтайцами. При ведущем значении русских рабочих нельзя не отметить появление рабочих-алтайцев. Оно относится к началу 30-х годов. Уже в начале 1932 г., по данным Горно-Алтайского облплана, среди малочисленного, правда, рабочего класса области алтайцы все-таки составляли 6.3%. Несмотря на то что в отношении численности рабочие составляют еще небольшой процент по сравнению с другими социальными категориями алтайцев, факт появления рабочих имеет большое общественно-политическое и культурное значение в жизни этой социалистической народности. Рабочие

из алтайцев — новая общественная группа алтайского народа, которая, наряду с сельской и городской интеллигенцией, представляет весьма важное явление, порожденное советским государственным строем. Обе эти общественные группы алтайцев вместе с колхозным крестьянством, резко отличным от старых кочевников скотоводов или охотников, представляют собой новую, мощную культурную силу. Совместные усилия перечисленных групп обеспечивают поразительно быстрое продвижение алтайцев по пути культурного прогресса.

В результате небывалого еще в истории алтайцев развития экономики в Горном Алтае возникли экономические и культурные центры, объединяющие районы области между собой и связывающие их с экономикой всего Советского государства. Главным таким экономическим и

Колхозная электростанция.

культурным центром области является город Горно-Алтайск, расположенный на месте некогда грязного и убогого дореволюционного села Улалы, основанного в 1830 г. как миссионерский пункт в одном из алтайских стойбищ. Этот город с десятками различных промышленных предприятий, транспортной базой, большим колхозным рынком, большим количеством магазинов, учебными заведениями (в том числе и учительским и научно-исследовательским институтами), библиотеками, музеем, театром, большой больницей и поликлиникой, рядом научных опытных учреждений, расположенных в пригороде, и т. д. является также и административным центром области. Более мелкими экономическими и культурными центрами являются районные административные, или аймачные, центры. В этих довольно крупных населенных пунктах находятся средние и неполные средние учебные заведения, дома культуры, библиотеки, кинотеатры, районные больницы, амбулатории, аптеки. Здесь же имеются различные промышленные предприятия, районные электростанции, почтово-телеграфные конторы, радиоузлы, автотранспортные, заготовительные и торговые базы и магазины, колхозные рынки и др. Через эти центры идет снабжение алтайцев разно-

образными промышленными и продовольственными товарами из различных городов и предприятий нашей страны, и через них же поступает продукция сельскохозяйственного и промышленного производства алтайцев в общий товарооборот нашего государства.

Также впервые появились на Алтае и отдельные промышленные рабочие поселки, где алтайцы живут и работают вместе с русскими рабочими.

В области числится свыше сотни алтайских национальных колхозов, а кроме того, алтайцы живут и работают свыше чем в 30 колхозах совместно с русским населением. Остановлюсь на краткой характеристике некоторых национальных колхозов, посещенных мною.[1]

Рабочий бурильщик на руднике.

Колхоз имени 13 лет Октября находится у самого Чуйского тракта, в 8 км от районного центра Онгудая, при впадении речки Улеты в Урсул. Колхоз организован в 1930 г. Он объединяет около 100 хозяйств. Колхоз этот, как вообще все алтайские колхозы, по своему хозяйственному профилю животноводческий. Накануне Великой Отечественной войны чистый годовой доход колхоза несколько превышал 200 тысяч рублей. Его гордостью была коневодческая ферма, благодаря превосходной работе которой колхоз в течение двух лет (1939 и 1940 гг.) был участником Всесоюзной Сельскохозяйственной выставки. Во время Великой Отечественной войны колхоз сдал государству для нужд фронта и тыла два собственных трактора, две грузовые машины и много скота, общее поголовье которого у колхоза превышало 2000 голов. Суровые военные годы сказались на всем хозяйстве колхоза, но в настоящее время этот рядовой алтайский колхоз снова растет и крепнет в экономическом и культурном отношении. Его хозяйственная основа, животноводство, уже летом 1949 г. почти достигла довоенного уровня по поголовью стада в целом и особенно по овцам. Будучи по направлению своего хозяйства животноводческим, колхоз засевает свыше 300 гектаров зерновых, главным образом овса, пшеницы, ячменя и озимой ржи. Производительность труда алтайских колхозников довольно высокая как в силу его коллективного характера, так и вследствие машинизации наиболее трудоемких сельскохозяйственных работ.

Вспашку колхозу производит Онгудайская машинотракторная станция. Уборка урожая, недоступная по условиям горной местности для комбайна, производится с помощью жаток-самосбросок, принадлежащих колхозу, а молотьба — колхозной сложной молотилкой, работающей на

[1] По материалам моей экспедиции к алтайцам летом 1949 г.

электрической энергии, подаваемой с собственной колхозной электростанции. Бóльшая часть покоса выкашивается сенокосилками, и высушенное сено сгребается конными граблями. Большинство колхозного скота в зимнее время находится в основном на стойловом содержании, хотя широко практикуется выпас (особенно лошадей) и на зимних пастбищах. Колхоз имеет собственный пункт по искусственному осеменению овец и лошадей. Уход за скотом производится по режиму, рекомендуемому советским научным животноводством. Удои молока пропускаются через колхозные сепараторы, и колхоз продает маслозаводам сливки.

В 1949 г. собственными силами колхоз построил на р. Урсуле и пустил в ход свою электростанцию мощностью 85 киловатт. Это позволило

Дом Советов в Горно-Алтайске.

дать электрический свет во все дома колхозников, осветить хозяйственные и служебные помещения колхоза, до скотных дворов включительно. Кроме того, пуск электростанции позволил провести радиофикацию колхоза. В настоящее время колхоз построил собственную мельницу и установил лесопильную раму, работающие также на электроэнергии. Радио и электричество резко улучшили домашний быт алтайцев этого колхоза, которые живут теперь в срубных деревянных домах под тесовой крышей. Однако почти во всех хозяйствах рядом с деревянным домом еще стоит коническая юрта, покрытая корой лиственницы, в которую хозяева перебираются жить летом в жаркую погоду, не покидая при этом дома. Юрта служит также местом приготовления пищи на костре и хозяйственным помещением.

Внутреннее убранство домов у колхозников описываемого колхоза весьма приближается к городскому. Появилось много мебели (столы, стулья, кровати, шкафы и т. д.) и посуды, как правило, покупной. Одежду носят в большинстве случаев, особенно мужчины, тоже покупную, готовую. Покупательная способность алтайцев-колхозников достаточно высока, чтобы приобретать готовые вещи домашнего обихода, включая и дорогие. В этом колхозе, помимо обобществленного скота,

каждый колхозник имеет и скот в личной собственности: одну-две, а некоторые и три, дойных коровы и 10—15 овец. Весьма развилось и птицеводство.

Однако самое характерное для данного алтайского колхоза, как и для всех других, — это новый тип людей, представляющий собой новое поколение алтайцев, выросшее в условиях свободного национального развития. Прежде всего все колхозники колхоза имени 13 лет Октября грамотные. Во главе колхоза стоит алтаец Александр Николаевич Каташев — своего рода «алтайский Мересьев». Он родился в семье бедняка в 1908 г. и с молодых лет работал батраком у бая Байталова в с. Онгудае. С момента организации колхоза Каташев вступил в него и вскоре стал во главе молочно-товарной фермы. В 1941—1942 гг. Каташев работал председателем своего колхоза и затем ушел на фронт, где участвовал в обороне Сталинграда и особенно отличился в бою близ Мамаева Кургана. В армии Каташев получил звание старшего лейтенанта. Он был участником освобождения городов Николаева, Одессы, Днепропетровска, Харькова, Бухареста, Белграда. В 1944 г. в битве за Будапешт потерял обе ноги, после чего вернулся в родной колхоз, награжденный двумя боевыми орденами и шестью медалями. Тяжелое увечье не сломило воли коммуниста. Он горел желанием быть полезным своему народу. Научившись передвигаться на низких костылях, Каташев стал работать в колхозе, где был избран сначала секретарем партийной организации, а затем председателем своего колхоза. Энергия этого советского патриота поразительна. В этом колхозе, как и во многих других, большую роль в работе и повседневной жизни играют бывшие заслуженные фронтовики. Участвовавшие во взятии Кенигсберга и Берлина, в освобождении Будапешта, эти алтайцы вернулись с войны политически и культурно выросшими, с большим запасом общих знаний и опыта, который они получили в Советской Армии. Энергичные, деловые люди, дисциплинированные, всегда подтянутые и опрятно одетые, свободно владеющие русским языком, они бесконечно далеки от тех неграмотных, забитых, неуклюжих и оборванных алтайцев-кочевников, какими были жители Улеты до революции.

Не имея возможности остановиться на биографии многих других алтайцев этого колхоза, укажу только, что из этого рядового алтайского колхоза уже вышло не мало культурных, образованных людей, ныне работающих за пределами своего колхоза. Среди них есть учащиеся и сотрудники научных институтов, начинающие писатели, люди, занимающие значительные посты. Из этих примеров видно, как неузнаваемо растут и изменяются в условиях советского государственного строя рядовые алтайцы, эти отсталые, бесправные и угнетенные в прошлом кочевники.

Второй посещенный мною алтайский колхоз — имени 12 лет Октября — находится при слиянии рек Тоботоя и Каерлыка (образующих Урсул, правый приток Катуни). В нем около 150 хозяйств. Уже до войны это был колхоз-миллионер.

Основное богатство этого колхоза заключается в обобществленном стаде, общее поголовье которого уже к июлю 1949 г. составляло 7.5 тысяч голов различного скота, причем подавляющее большинство скота здесь образует племенное стадо. В 1949 г. в колхозных табунах паслось свыше 500 голов породистых лошадей (орловские рысаки, дончаки, английские скаковые и др.), свыше 600 голов племенного крупного рогатого скота, отличающегося высокой удойностью, и более 5 тысяч племен-

ных овец, преимущественно мериносов. На молочно-товарной ферме колхоза доилось 492 коровы, из которых 260 коров симменталы. Племенной крупный рогатый скот выделен в отдельную молочно-товарную ферму. Посев колхоза не велик (100 гектаров); сеют преимущественно овес.

С 1949 г. этот высокогорный колхоз в виде опыта приступил к разведению огородных культур — картофеля и моркови. Бóльшая часть колхозников работает здесь в животноводческих бригадах и добивается в своей работе существенных успехов. Это видно уже из того, что из 119 колхозников, занятых в животноводстве, 48 человек получило в 1948 г. дополнительную оплату за свой труд. В производственном инвентаре колхоза имеются грузовые автомашины, плуги и бороны «Зигзаг», культиваторы, сеялки, триеры, сложные молотилки, веялки, сенокосилки, конные грабли, сепараторы, центрифуги, маслоизготовители и т. д.

Колхоз представляет собой довольно большое селение, в котором насчитывается более 150 срубных домов и при них еще значительное количество летних конических юрт-аилов. При колхозе имеются школа, общественная баня, медицинский пункт, детские ясли. Из хозяйственных построек колхоза можно указать на зернохранилища, склады и амбары, гараж, 14 теплых коровников, телятник, 14 овчарен, случной пункт, зерносушилку, 70 силосных ям. Колхоз связан с аймачным центром телефоном. На территории колхоза находятся сельский совет и маслозавод. Многие алтайцы из этого колхоза были участниками Великой Отечественной войны, освобождавшими от блокады Ленинград, участвовавшими в освобождении Польши, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Австрии, во взятии Берлина.

Среди вернувшихся из армии свыше 20 человек награждены боевыми орденами и медалями. Нет возможности перечислить здесь персонально исчисляемые десятками кадры алтайской советской интеллигенции, которые дал этот колхоз.

Касаясь бытовых условий алтайцев, нужно сказать прежде всего о жилище. Из предшествующего изложения было видно, что, несмотря на распространение русской крестьянской избы среди алтайцев, значительная часть их накануне Великой Октябрьской социалистической революции продолжала жить в жилищах первобытного типа. В настоящее время на наших глазах происходит быстрое вытеснение этих жилищ И хотя в южных скотоводческих районах конические шалаши, покрываемые берестой или корой лиственницы (Онгудайский, Усть-Канский, Усть-Коксинский аймаки), еще сохраняются, но значение их в повседневной жизни алтайца отошло на задний план: они стали летним жилищем. Иногда такой шалаш летом служит только кухней, где семья готовит себе пищу на костре и по старой привычке проводит вечер у огня, иногда он выполняет функции хозяйственной постройки (амбар, сарай и т. д.). Теперь, как правило, рядом со старым жилищем выстроен деревянный дом с окнами, деревянным полом и печью. Подавляющее большинство южных алтайцев зимой живет в таких домах. Нередко стоящие рядом дом и шалаш не обнесены изгородью, не имеют приусадебного участка и расположены без всякого плана: либо вразброс, либо довольно скученно. Но наряду с этим выросли поселки алтайцев с улицами. Дома, стоящие вперемежку с шалашами, и разные общественные учреждения — школы, здания сельсовета, больницы, клубы, ветеринарный или врачебный пункты, магазины сельского потребительского общества, маслозаводы, колхозные амбары, склады, скотные дворы и другие новые по-

стройки — придают современному алтайскому селению новый вид, не имеющий ничего общего со старыми аилами, растянутыми на несколько километров, с одинокими, стоящими на большом расстоянии друг от друга, юртами.

Современный срубный дом, непосредственно вытесняющий старое жилище, в указанных районах порою имеет еще несовершенный вид. Отсутствие сеней, а иногда и тесовой крыши и некоторые другие недостатки снижают его качества по сравнению с тем типом избы, который распространился в районах давнего и непосредственного общения алтайцев с русским народом. Это обстоятельство имеет свои причины. Главными из них нужно признать массовость и одновременность перехода алтайцев к избе в короткий срок. При таких условиях возникают раз-

Председатель колхоза.

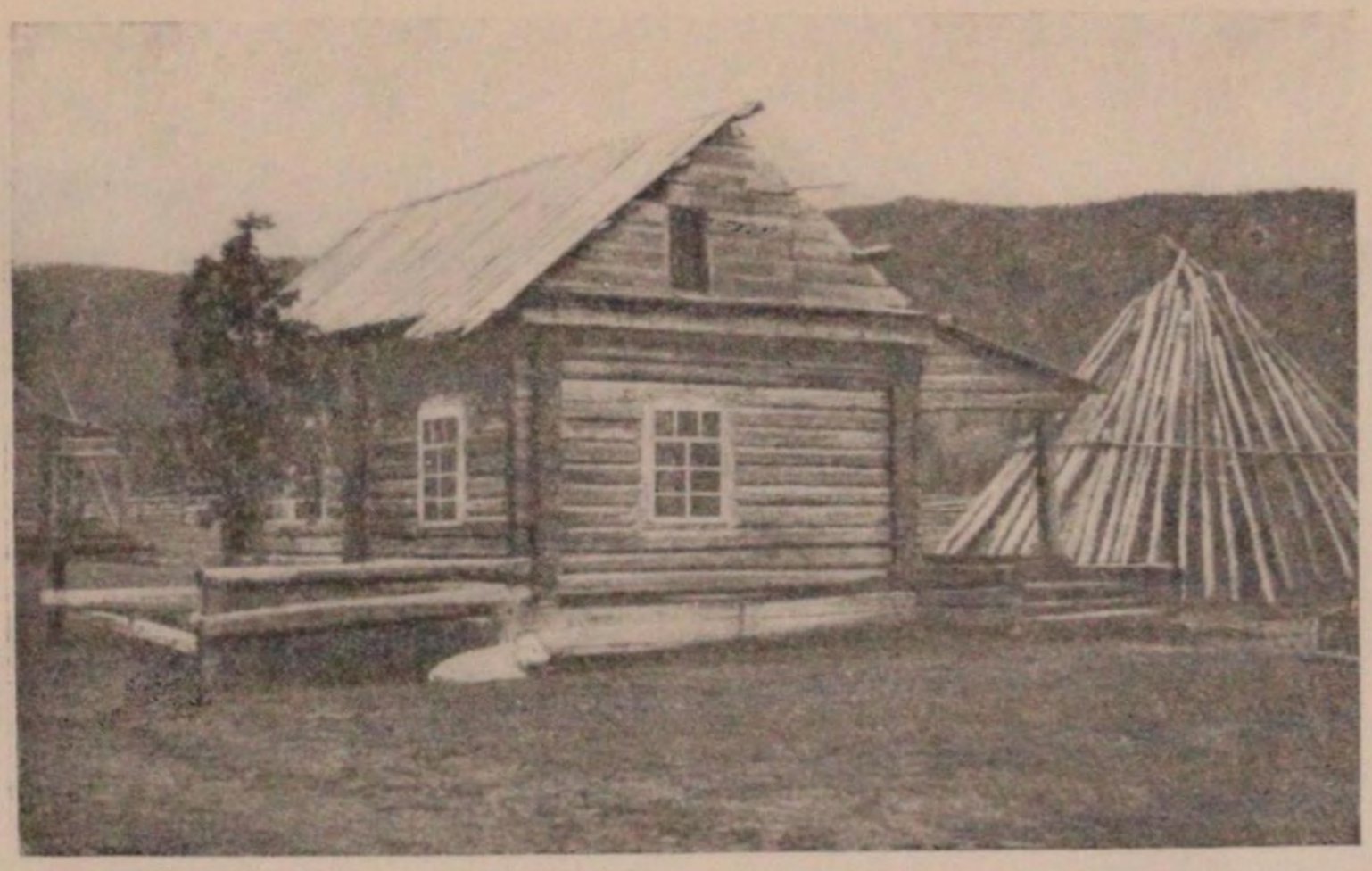
личные трудности (недостаток квалифицированных плотников, пиленого леса и т. п.), преодоление которых требует известного времени. Характерной особенностью упомянутого дома является отсутствие русской печи. Ее заменяет маленькая переносная печь из листового железа.

О силе еще не изжитой традиции, связанной с многовековым обитанием ряда поколений в юрте, говорит также малое пока количество мебели, которой алтайцы обставляют новое жилище. Тем не менее, переход алтайцев из холодной дымной юрты в срубный дом, хотя бы только на зимнее время, является важным улучшением быта алтайцев, так как обитание в нем влечет за собой быстрое восприятие все новых и новых элементов быта. Этому весьма содействует сила примера, исходящего от сельской и районной интеллигенции, вызывающая у рядовых алтайцев желание перенять и освоить удобства нового домашнего быта.

Формированию нового быта, кроме постоянного общения алтайцев — жителей аилов с районными центрами и городом, весьма помогает различная просветительная работа. Достаточно сослаться в этом отношении на «дома алтайки».

Дом алтайки возник еще задолго до Великой Отечественной войны как чисто местное оригинальное учреждение по первоначальному ком-

плексному обучению женщин-алтаек. Здесь в течение трех месяцев алтайки-колхозницы, живя в специальных бытовых условиях, обучались не только грамоте, но — что особенно важно — современным приемам ведения домашнего хозяйства: печению хлеба, шитью одежды нового покроя, стирке белья и т. п. Здесь женщинам преподавались основные правила личной, семейной и общественной гигиены, правила ухода за ребенком и т. д. И теперь алтайские колхозы, особенно отдаленных и глухих районов, посылают сюда женщин отдыхать и учиться. Колхозницы-алтайки учатся шить на швейной и вязать на вязальных машинах, готовить вкусную, разнообразную пищу. Они читают газеты и журналы, слушают интересные лекции, обмениваются опытом своей колхозной работы, ходят в кино и т. д.

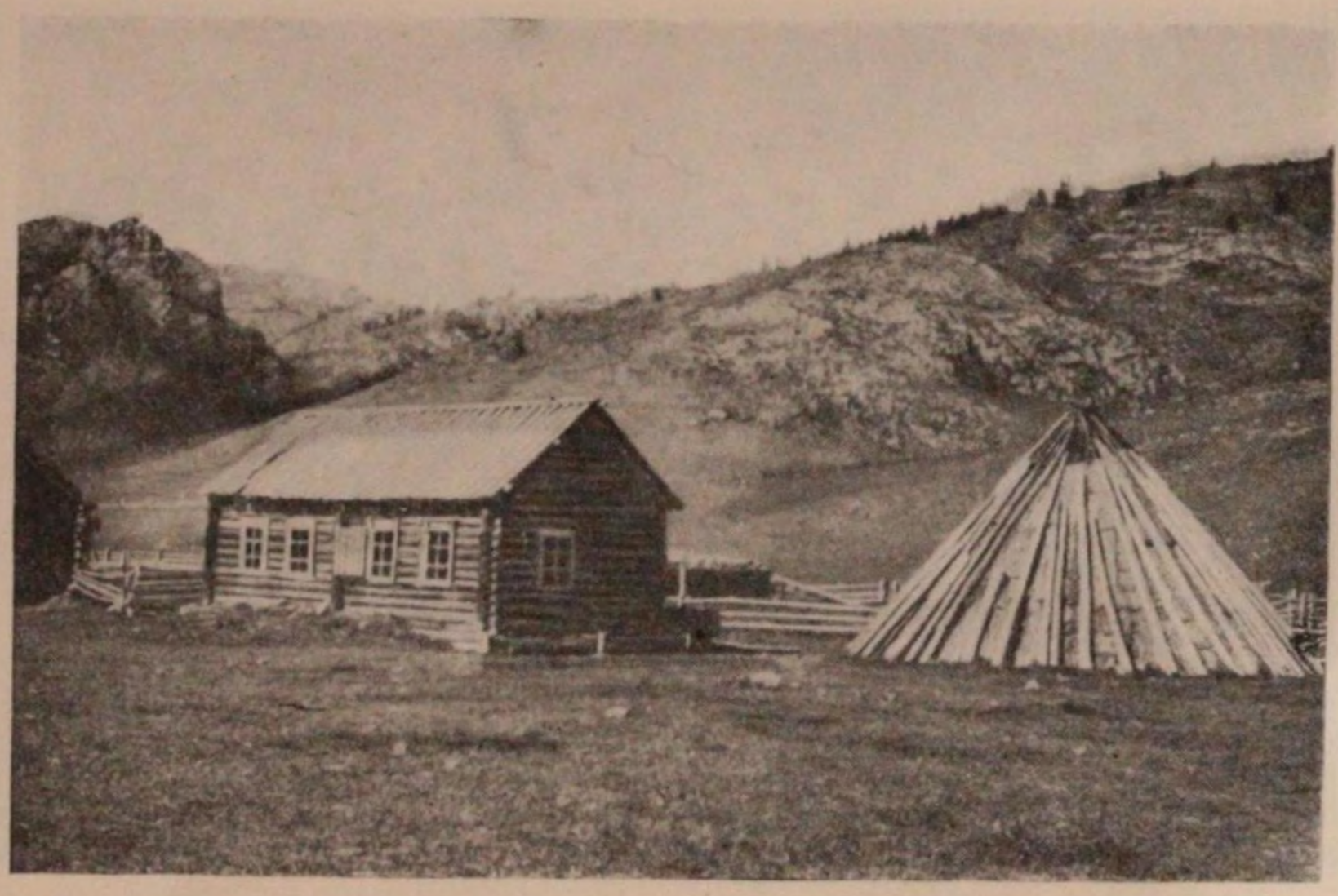


Юрта во дворе колхозников.

Если к сказанному прибавить работу юрт-передвижек, клубов, избчитален, домов культуры, где живой инструктаж, популярная литература и кино в большой мере выполняют просветительные функции, направленные к улучшению быта, то этим можно пополнить, но не исчерпать перечень факторов, под влиянием которых формируется социалистический быт алтайцев. Однако главной причиной, фундаментом всего переустройства домашнего быта алтайцев является практическое осуществление ряда важнейших постановлений нашей партии и правительства, направленных к повышению материального благосостояния населения, отражающих основные принципы советской национальной политики.

Все сказанное далеко не исчерпывает сложности и разнообразия процесса формирования нового типа жилья и его внутренней обстановки. В каждом алтайском селении можно встретить не только обычные русские пятистенные дома, состоящие из комнаты и кухни, но и благоустроенные новые домики стандартного образца. Последние покрыты двухскатной тесовой крышей, состоят из одной или двух комнат, имеют небольшую веранду, снабжены кладовой. Подобный тип сельского домика особенно распространен в колхозах Онгудайского и Усть-Канского аймаков. Как правило, его строят алтайские колхозы для своих

лучших членов. Обогревается такой домик, кроме русской печи, плитой или камельком. Меблировка его более разнообразна. Обитатели его обязательно обзаводятся железными кроватями, стульями, шкафами. Обеденный и рабочий столы, сундуки, картины или фотографии в рамках на стенах, занавески на окнах, цветы на подоконниках составляют внутреннее убранство такого дома. На стенах, сундуках и на полу часто расстелены войлочные ковры, украшенные аппликацией, характерные для старого кочевого быта, особенно южных алтайцев. Черты этнографических особенностей старого алтайского быта проявляются как в отдельных предметах (войлочные ковры, кожаные сумины и т. д.), так и в их размещении. В этой связи особенно следует отметить внедрение в быт современных алтайцев железной кровати и постельного белья.



Дом с юртой.

Об этом приходится говорить потому, что предшествующие поколения алтайцев всегда спали, не раздеваясь, у костра или на деревянных нарах, на войлочной подстилке, кожаной подушке (из войлока или набитой шерстью) и покрывались шубой вместо одеяла. Также быстро и широко вошла в быт алтайцев покупная посуда: кухонная, чайная, столовая. Новую посуду после употребления сразу же стали мыть, чего никогда не делали по отношению к старой (деревянной и кожаной).

Мне не приходилось наблюдать у колхозников-алтайцев привязанности к старой примитивной домашней утвари, изготовленной из дерева и кожи. Я смог отметить только сохранение больших кожаных сосудов для приготовления чегеня и кожаных бутылок (*ташаур*) для араки, которые украшены орнаментом, выполненным при помощи тиснения. В обоих случаях предпочтение старых сосудов мотивировалось их свойством лучше сохранять вкусовые качества продукта.

Характерной особенностью современной одежды алтайцев является, во-первых, изготовление ее из тканей фабричного производства, как хлопчатобумажных, так и шерстяных и шелковых, во-вторых, широкое распространение готового платья. Объясняется это тем, что то и другое

теперь стало доступно рядовому алтайцу. До революции трудящийся алтаец, испытывая острую нужду в тканях, приобретал их в весьма ограниченном количестве, так как экономическое положение его было крайне тяжелым, а продажа тканей находилась в руках китайских, монгольских или русских торговцев, продававших ткани по высоким ценам. Поэтому, например, многие алтайцы обычно не носили рубах, а ходили летом обнаженными, а вечером или в зимнее время надевали на голое тело баранью шубу. По той же причине рубаху, сшитую из ткани, носили до тех пор, пока она от ветхости не сваливалась с плеч. Штаны шили обычно из выделанной маралины. Готового платья алтайцам в прежнее время не завозили.

Колхозное селение.

В настоящее время доходы алтайцев, благодаря колхозному способу хозяйства, очень выросли. Сельские и районные магазины завозят к алтайцам большое количество готового платья, которое продается по государственным и кооперативным ценам и поэтому доступно каждому. Отсюда стало проще, выгоднее и удобнее носить готовое платье, а не шить его на руках, как это делалось раньше, ибо швейная машина в быту алтайцев отсутствовала и начинает появляться только теперь.

Интересно отметить следующее обстоятельство. На Алтай завозится много мужского готового платья. Покупают и носят его не только мужчины, но и женщины. (Я имею в виду мужской пиджак, жилет, пальто). Это вовсе не курьез и не связано с экономической необходимостью, как это может показаться на первый взгляд. Женщины покупают и носят эти предметы мужского платья вовсе не потому, что им больше нечего носить. Объясняется это прежде всего особенностями старого быта алтайцев, при котором мужская и женская одежда не были полностью дифференцированы. Достаточно сказать, что короткая женская рубашка здесь не отличалась по покрою от мужской; мужской летний халат (*чокпень*) был совершенно таким же, как и девичий, а женскую шубу можно было отличить только по четырехугольному выступу по середине

левой полы, который в мужской шубе имел ступенчатую форму. Поэтому и мужской пиджак и жилет не воспринимаются многими алтайцами-колхозниками как чисто мужская одежда, и девушки и женщины охотно их носят.

В отношении жилета можно добавить, что он чаще носится как самостоятельная верхняя одежда именно женщинами, вероятно, потому, что имеет элементы сходства со старинным чегедеком, верхней безрукавной одеждой замужней женщины.

Следует подчеркнуть еще одну общую особенность современной мужской и женской одежды алтайцев. Речь идет об оригинальных шубах, которые, по условиям климата Алтая, являются здесь главным видом верхней одежды. Эти шубы, сшитые из овчин, сохраняют в основном

Улица в алтайском колхозе.

алтайскую форму. Они попрежнему старинного покроя, запахиваются, как у всех кочевников, левой полой наверх. Однако вид алтайской шубы несколько изменился. Шубы алтайцы-колхозники Онгудайского и Усть-Канского районов шьют теперь из добротного материала, с более короткими полами, а выступ левой полы расшивают шелковыми и шерстяными нитками. Укорочение шубы находит свое объяснение в изменении образа жизни южных алтайцев. Раньше алтайцы бóльшую часть времени проводили верхом на лошади, и тогда длиннополая одежда для них была более удобной. Теперь, с развитием оседлости, с расширением круга сельскохозяйственных работ, связанных с необходимостью много ходить, длиннополая одежда сделалась неудобной, мешающей ходьбе и работе. Стремление сделать шубу более нарядной и удобной отражает повышение материального уровня рядового алтайца.

Среди мужского населения наблюдаются массовый переход к ношению легкой верхней одежды и пристрастие к одежде военного образца (гимнастерки, брюки галифе и т. п.). Старый алтайский покрой мужской рубахи теперь встречается уже редко, преимущественно в тех случаях,

когда одежду шьют дома. Это же отмечается и для детской одежды. Однако если взять мужской костюм в целом, то в нем сразу можно

Дом колхозника.

увидеть сохранение национальных особенностей, вошедших в новый быт. Это относится не только к шубе, но к шапке и обуви. Кроме того, старые

Дом колхозника.

формы мужской одежды еще сохранились в промысловом костюме, как наиболее приспособленном к условиям охотничьего и орехового промыслов.

Женская одежда в большей степени сохраняет национальные черты, несмотря на внедрение в быт фабричных тканей и готового платья обычного городского покроя. Это относится не только к шубе, но и к легкому верхнему платью.

Наиболее характерной особенностью современного костюма алтайки является отсутствие чегедека, который до революции замужняя женщина не снимала всю жизнь и без которого она не могла показаться на глаза свекру или старшему брату мужа. Теперь женщины носят довольно длинную широкую юбку, передняя часть которой немного короче задней, и короткую кофту. Казалось бы, отсутствие чегедека должно было лишить костюм алтайки его специфики, настолько чегедек был характерен для старого женского костюма. На деле этого не случилось. Кофта и юбка хотя и скроены по русскому образцу, но манера носить их, а кроме того, своеобразный воротник и его украшения, шапка и обувь придают легкому верхнему костюму современной алтайки национальный колорит. Алтайка-колхозница не просто заимствовала русскую кофту и юбку, а изменила их, в результате чего появилась новая национальная форма костюма.

Окно с наличником в доме колхозника.

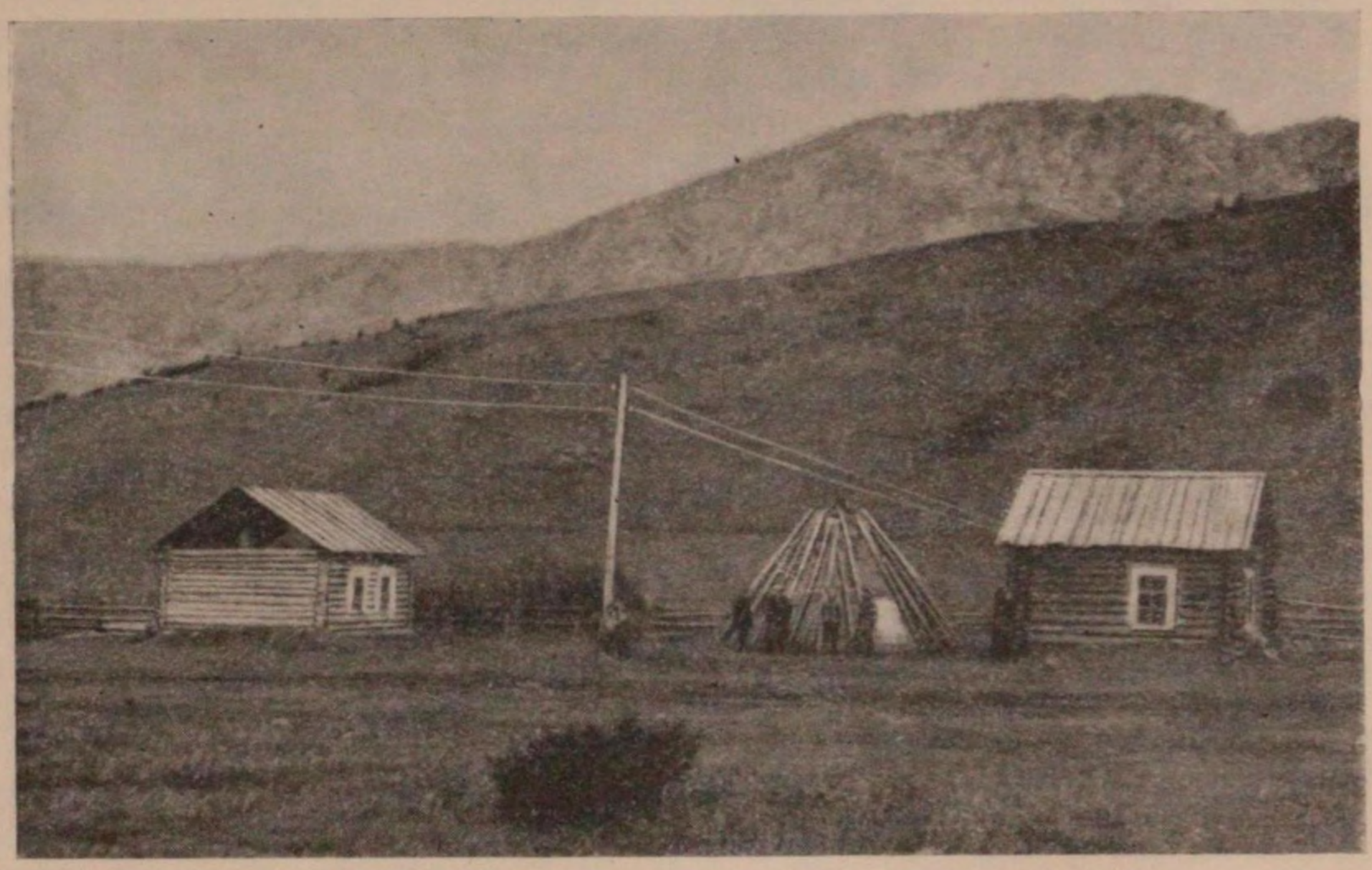
Заканчивая краткое рассмотрение одежды алтайцев, отмечу еще как совершенно новое явление для их культуры ношение нижнего белья и стирку с кипячением и применением мыла. Как ни обычно это явление для нас, о нем все же приходится специально сказать, потому что у алтайцев оно возникло недавно в результате формирования нового социалистического быта.

Переходя к вопросу о пище, следует начать с того, что в питании алтайцев почетное место занял теперь печеный хлеб. Употребление хлеба — это крупное изменение в жизни алтайцев, особенно южных, у которых до революции главным продуктом питания было молоко. Мясо и толкан в питании рядового алтайца играли роль подспорья к сырчику и различным видам кислого молока. В настоящее время даже в чисто скотоводческих колхозах, где попрежнему распространено приготовление пищи из кислого молока и толкана, печеный хлеб вошел в ежедневный рацион алтайца.

Для пищи алтайцев скотоводческих районов все чаще отмечаются сезонные различия. Так, с весны до поздней осени здесь преобладает молочная пища, потребление же мяса возрастает зимой. Однако хлеб едят в течение круглого года. Объясняется это прежде всего развитием земледелия и кооперативной и государственной торговли, благодаря которому обеспечивается хлебоснабжение даже самых отдаленных районов Алтая. Материальная обеспеченность современного алтайца и уровень

цен на хлеб совершенно сняли затруднения с покупкой хлеба даже для тех районов, где земледелие отсутствует. Переход алтайцев из юрт в избы, распространение у них русской печи и хлебопечения разрешили проблему питания повсеместно на Алтае.

Характерно и появление разнообразия в пище, которое обусловлено внедрением мучных блюд, круп, овощей, яиц, сахара, конфет, употреблением новых сортов мяса (кура, свинина), а также изменением способа приготовления мяса. Как известно, кочевники едят мясо преимущественно в вареном виде и без приправы. Переход к жарению мяса и употребление приправ к нему расширили меню алтайцев. В повседневную пищу вошло большое количество молочных, овощных, мясных и мучных блюд, которые обычно приняты в быту русского населения Алтая. К числу



Дома колхозников с электропроводкой.

таких блюд относятся мясной суп с приправой, жареное мясо с картофелем, лапша, пельмени, различные жареные и печеные пироги, ватрушки, блины, лепешки, разные каши. Некоторые виды круп (манную, рис, перловую) алтайцы узнали впервые и приобретают их через сельские магазины. Алтайцы научились солить огурцы, капусту, черемшу (колбу) и варить варенье из ягод, в изобилии произрастающих на Алтае в диком виде.

Но наряду со всеми нововведениями у алтайцев сохранился ряд специфических алтайских блюд, напитков и древних способов приготовления пищи, вошедших в их современный быт как наследство кочевой культуры, выработанной многими веками. К ним относятся некоторые виды молочной пищи и прежде всего чегень, кислый и пресный сыр (*курут* и *пыштак*), сливки (*каймак*) с вареного молока, полученные отстаиванием. Употребление чегеня составляет прямо-таки органическую потребность у южных алтайцев, по крайней мере у среднего и старшего поколений. Приходилось наблюдать, как некоторые алтайцы, работники аймачного центра в Усть-Кане, специально выезжали периодически в ближайшие

колхозы, чтобы попить чегеня. Они объясняли его потребностью организма в кислом, достигающей такой степени, что если ее не удавалось удовлетворить, то пропадал аппетит, плохо работал желудок, словом, появлялись признаки, сопутствующие понижению кислотности желудка. После «зарядки» чегенем все эти явления исчезают, но повторяются через известное время, если не пить чегеня или не есть кислого сыра. В этом нет ничего удивительного, ибо современное среднее и старшее поколения алтайцев все-таки выросли на пище, принятой у кочевников, в которой продукты из кислого молока преобладали. Эти алтайцы с детства приучили к ежедневному введению в организм продуктов, содержащих большое количество молочной кислоты. Поэтому резкое изменение пищевого режима в зрелом возрасте на первых порах дает себя чувствовать, что и выражается в повелительной потребности организма в кислой пище.

Современные дороги — автомобильный тракт.

Из возбуждающих напитков у алтайцев попрежнему остаются кумыс и арака (водка).

Из старой мясной пищи, вошедшей в современный быт не только алтайцев, но и русского населения, назову кровяную колбасу, затем шашлык из почек. Сохранился старый способ варки бараньего мяса.

Из других видов пищи к типично алтайской относятся толкан и ячменная крупа, полученная алтайским способом, идущая на приготовление похлебки (*кочо*).

Следует назвать еще несколько новых алтайских блюд. В Онгудайском аймаке мне пришлось попробовать *ааρчысардю*. Это название представляет соединение двух слов: масло (*сардю*) и высушенный на солнце творог (*ааρчы*), полученный после перегонки чегеня на араку. Блюдо приготовляют смешиванием масла и сыра (*ааρчы*) с добавлением к ним сахара; эту вкусную массу мажут на хлеб. В Усть-Канском

районе мы встретили новое блюдо — *кожине*. Оно представляет собой подобие мусса, сваренного на сахаре из сушеных стеблей дягиля.

Я не касаюсь в этом очерке вопроса общественного питания в селениях, колхозах, полевых станах, являющегося существенным фактором в современной жизни алтайцев. Без учета его нельзя составить правильного представления о питании алтайцев в целом и особенно о том новом и прогрессивном, что внес в эту область быта советский государственный строй. Но я не буду удлинять очерка его описанием, поскольку общественное питание носит здесь общие советские формы.

Для полноты характеристики материального быта алтайцев необходимо сообщить о современных средствах и способах передвижения и связи.

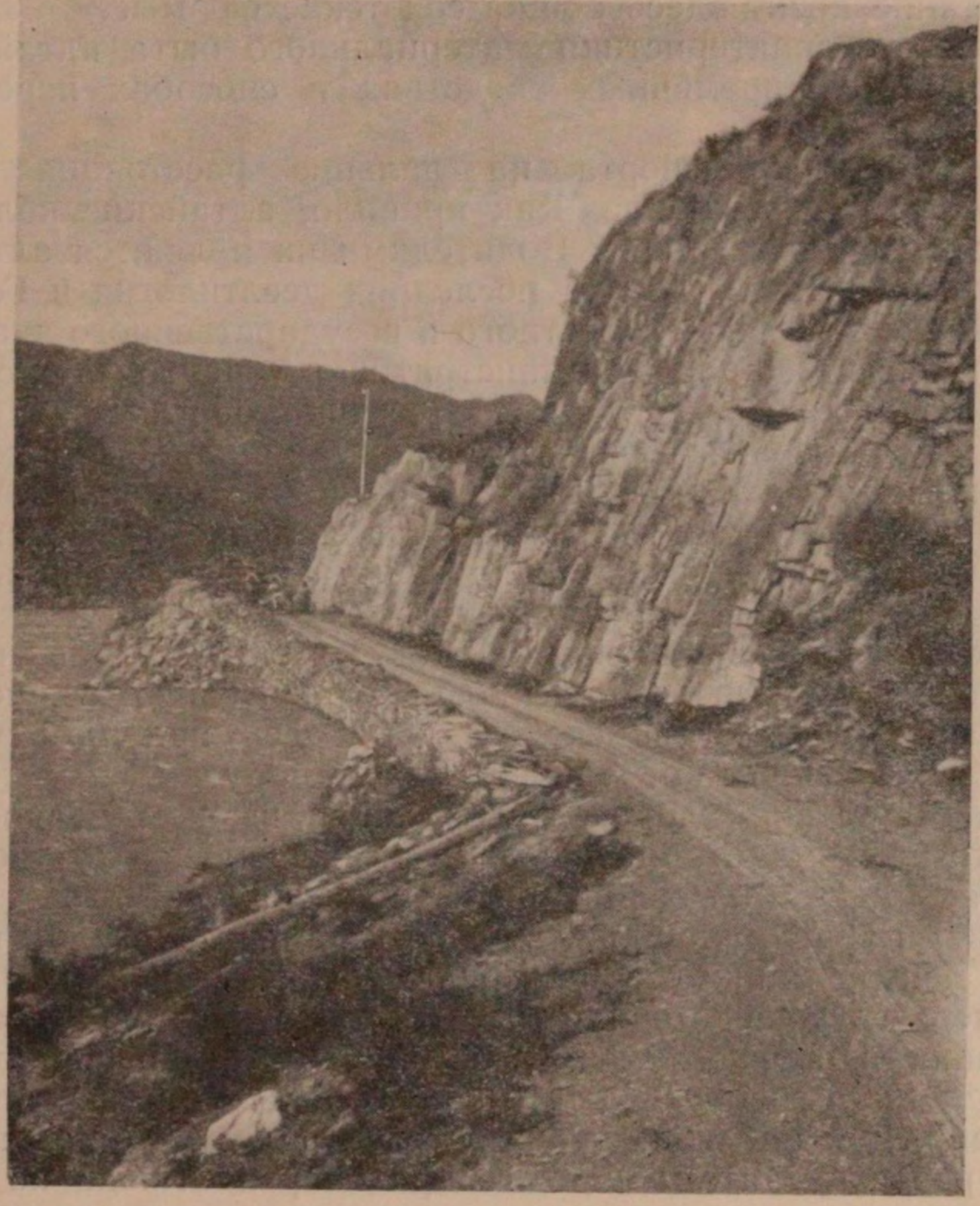
Основным видом транспорта на дальние расстояния у алтайцев является грузовой автомобиль. Как правило, алтайские колхозы имеют собственные грузовые машины. Водителями их являются алтайцы, среди которых есть и девушки. За два последних десятилетия в Горном Алтае построены шоссейные дороги местного и государственного значения (Чуйский тракт), связывающие административный центр Горно-Алтайск со всеми районными центрами области. По этим дорогам ежедневно, зимой и летом, идет движение грузовых машин, принадлежащих различным государственным учреждениям, организациям и колхозам. Местное население, как алтайское, так и русское, на дальние расстояния широко пользуется для своих личных нужд попутным автомобильным транспортом.

Значение этого вида транспорта для Алтая, где нет ни железных дорог, ни водных путей сообщения, исключительно велико. Еще лет двадцать назад все грузы перевозились здесь при помощи гужевого транспорта по довольно ограниченным маршрутам, а в большинстве районов, за отсутствием дорог, груз возили вьюком. Такое положение с транспортом весьма отрицательно отражалось на хозяйстве и быте алтайцев, так как тормозило развитие необходимого грузооборота. Обычно ранее караван лошадей затрачивал на дорогу от г. Горно-Алтайска до центра наиболее удаленного Кош-Агачского района около месяца. Теперь грузовая машина проходит это расстояние за сутки и по грузоподъемности вполне заменяет бывший алтайский караван. Едва ли есть необходимость говорить о том, какую роль играет новый вид транспорта в снабжении алтайцев товарами и в сбыте их продукции.

Однако развитие автомобильного транспорта отнюдь не уничтожило значения местного гужевого и верхового передвижения. Верховая и вьючная лошадь продолжают играть большую роль в жизни населения Горного Алтая, что в значительной мере диктуется природными условиями. Для ближайших поездок, особенно в трудно доступные горные местности, для охотничьего и орехового промыслов, для связи населения, живущего в местах, отдаленных от шоссейных дорог, лошадь у алтайцев и по сей день является главным средством передвижения. И здесь, на примере лошади, выступают этнографические особенности быта алтайцев, сложившиеся в результате долгой жизни в горных условиях, зафиксировавшие опыт многих поколений кочевников. Эти особенности выражаются в способе заседлывания и вьючения лошади, устройстве верхового и вьючного седел, наилучшим образом приспособленных к горным условиям. Русское старожильческое население Алтая уже давно оценило преимущество этой техники и усвоило ее от алтайцев.

Широко распространились за последние десятилетия телеги и сани, для обозначения которых в языке южных алтайцев не было собственных слов. Количество саней и телег в алтайских колхозах исчисляется уже во много тысяч.

Для современного быта алтайцев характерно употребление лыж. Лыжи подбивают шкурой, снятой с ног лошади, козули, марала. Такие лыжи собственно не составляют исключительной принадлежности алтайцев. Они свойственны культуре более широкого круга племен и народностей Сибири и являются одним из значительных достижений народной техники, так как хорошо приспособлены для хождения по горной местности. Русское население Горного Алтая до сего времени пользуется именно такими лыжами.



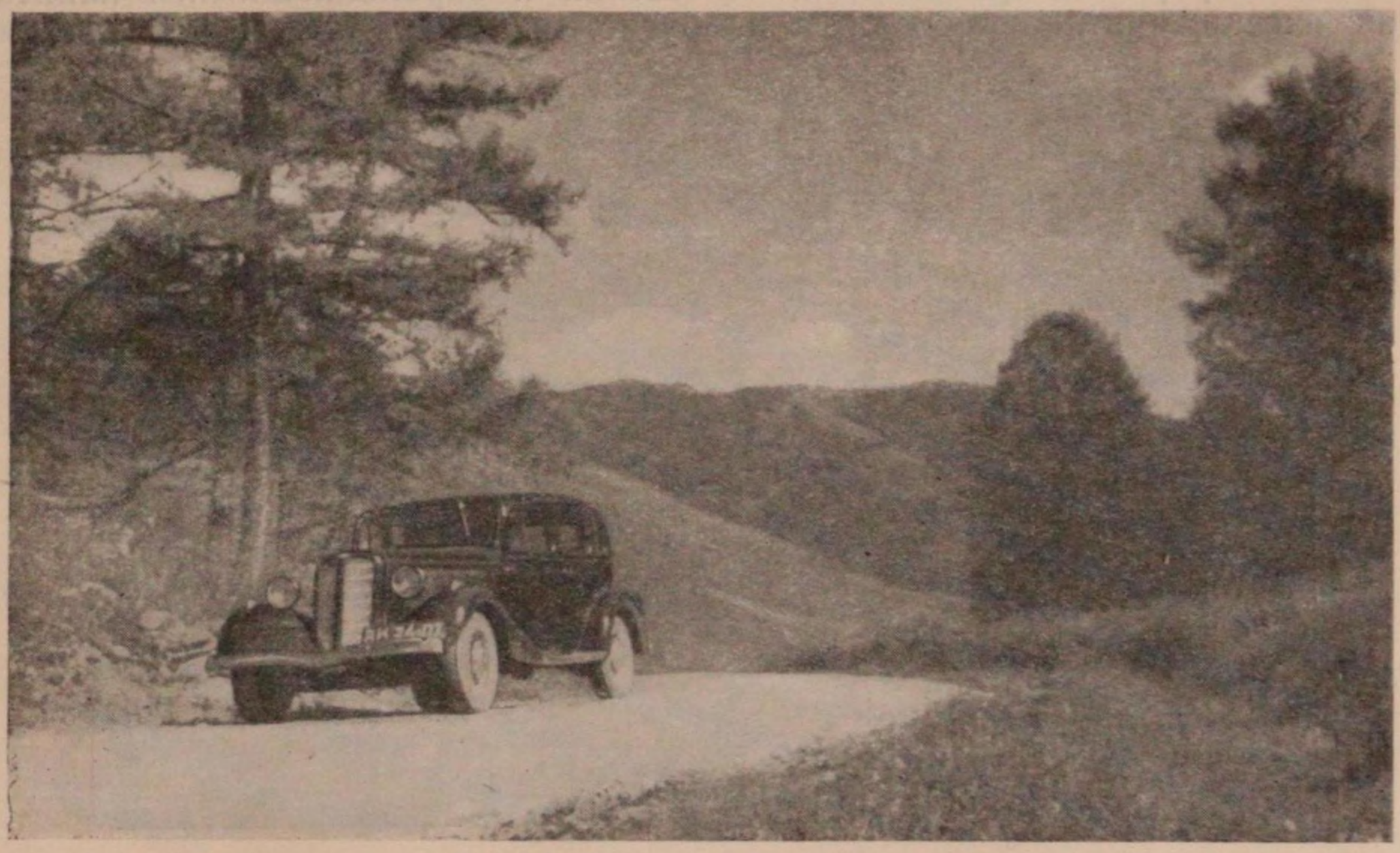
Чуйский тракт.

Национальные формы в современных средствах передвижения алтайцев исчерпываются сказанным. Развитие и усовершенствование средств передвижения происходит в общераспространенных формах. Распространяется не только автомобиль, но и все более проникающий в быт алтайцев велосипед и даже самолет.

То же можно сказать и о средствах связи. Радио, телефон, телеграф, сеть почтовых отделений стали обычным явлением в жизни

алтайцев, как и всего населения Горного Алтая. Свыше 70 почтовых отделений, телеграф, имеющийся в каждом аймачном центре, десятки трансляционных радиоузлов связывают Алтай со всеми районами и областями нашей страны. Алтаец узнает новости по радио одновременно с жителем Москвы. Все это существует здесь и составляет совершенно новый и важный элемент социалистической культуры алтайцев.

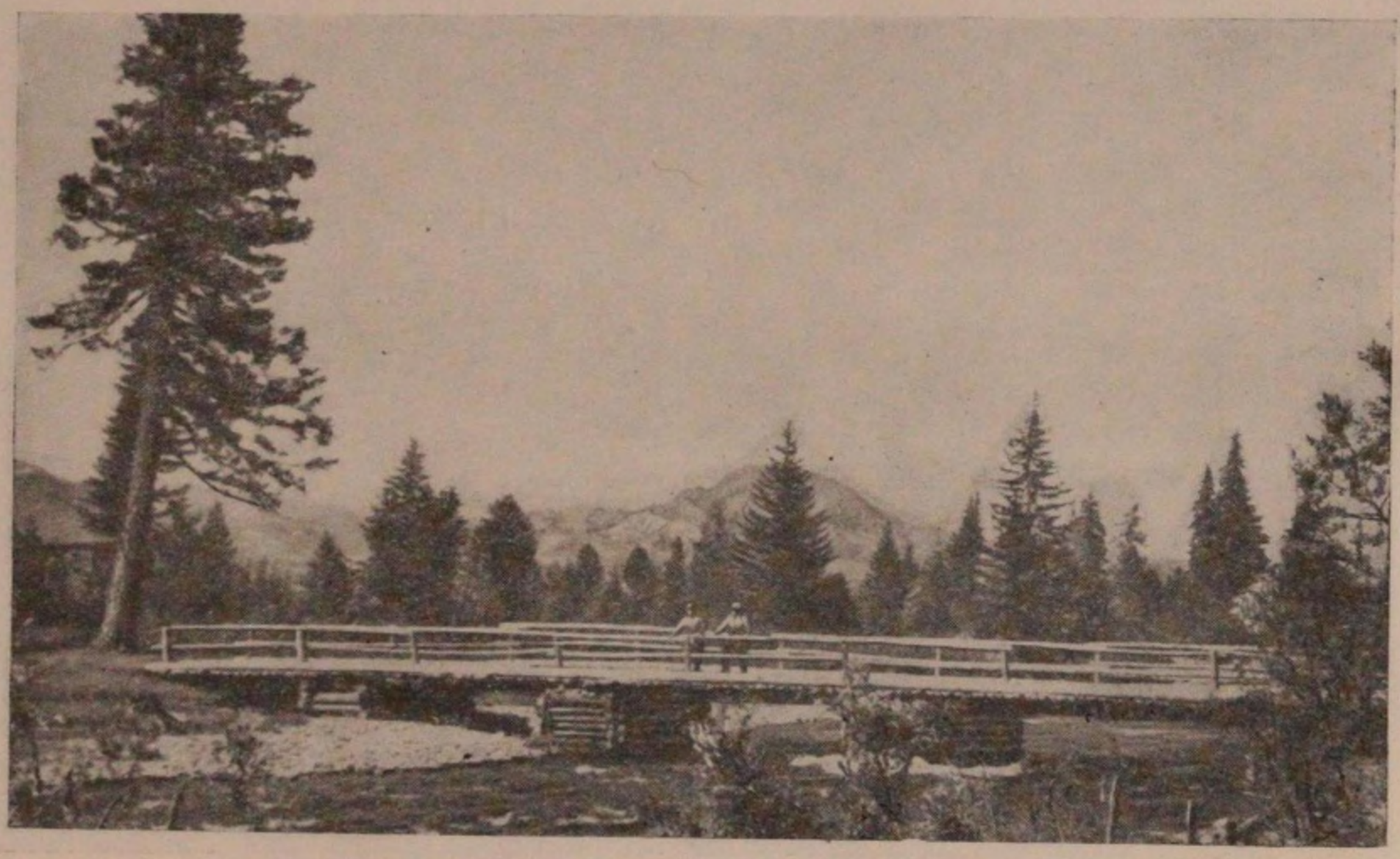
Я должен также сказать несколько слов о современных семейных отношениях алтайцев, которые не только подверглись коренным изменениям, но и сами оказывают влияние на формирование новых элементов домашнего материального быта алтайцев. Основным моментом в этих



Чуйский тракт.

изменениях выступает фактическое уравнение женщины в правах с мужчиной. По обычному праву алтайка не могла наследовать имущества, не имела права голоса на съездах родовичей, в зайсанском суде ей разрешалось выступать в качестве истца или свидетеля только при отсутствии мужчины, который мог бы заменить ее в этой роли. Она была лишена даже права на выбор себе мужа, права на собственных детей, считавшихся принадлежащими мужу и его родственникам. Советское законодательство оказало огромное влияние на семью у алтайцев, разрушив патриархальное обычное право, обычаи, отражавшие подчиненное положение алтайки в обществе и семье. По наблюдениям, проведенным мной накануне Великой Отечественной войны, в различных районах Алтая совершенно отмерли такие старые семейные установления или обычаи, как многоженство, брак девушки с малолетним мальчиком, брак с похищением невесты, калым, левират (принудительная выдача замуж вдовы за младшего брата умершего мужа), запрет называть по имени мужа и его старших родственников (по мужской линии), запрет всякого общения между невесткой и свекром и мужскими старшими родственниками

мужа.[1] Потеряли практическое значение и встречаются только в виде пережитков такие родовые признаки, как экзогамия (запрет браков между лицами, принадлежащими к одному сеоку или роду), родовое имя, обозначающее принадлежность к определенному сеоку (роду). Эти нормы и обычаи советские исследователи изучали и описывали у алтайцев еще в конце 20-х годов и не по расспросам, а непосредственно в быту. Патриархальные семейные обычаи, веками существовавшие у алтайцев, разумеется, не как национальные особенности быта, а как явления стадиального порядка, как живые остатки первобытно-общинного строя, не были уничтожены господствовавшими на Алтае до революции ранними формами феодальных отношений и зарождающимися капиталистическими отношениями. Те и другие, напротив, включили в свою



Мост у селения.

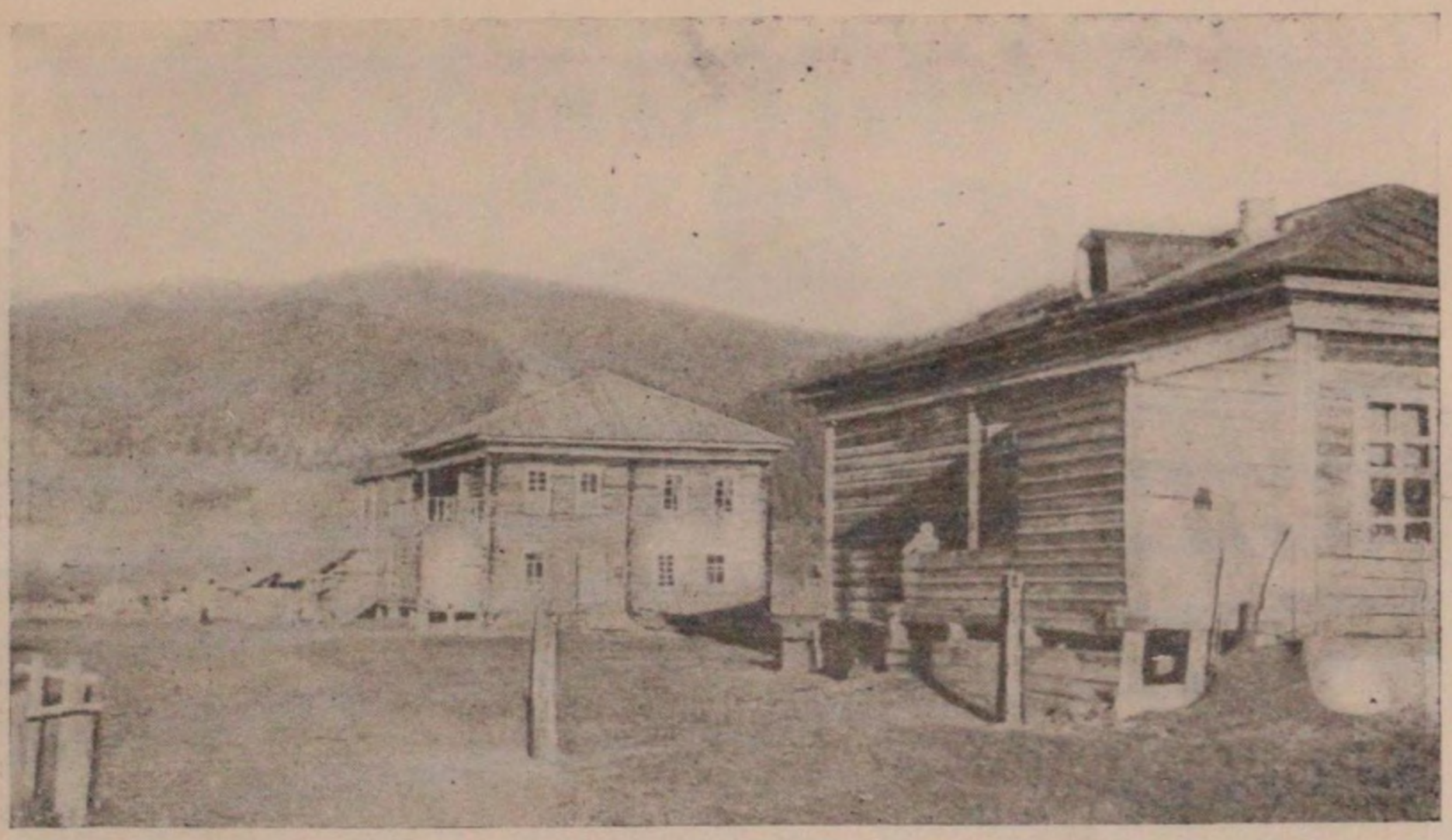
систему эти патриархальные обычаи и использовали их в целях эксплоатации трудящихся алтайцев. Сохранение родовых традиций весьма тормозило общественное развитие алтайцев. Быстрое разрушение этих традиций и освобождение личности, особенно женщины, из патриархальных родовых пут принадлежат социалистическому строю. Как ни живы у старшего поколения алтайцев представления о ранних патриархальных формах семьи и семейного быта, нужно признать, что изучать их в настоящее время этнограф может только путем расспросов. Современная семья у алтайцев — это новая, социалистическая семья, основанная на чувстве взаимной симпатии, добровольности брачного союза и экономической независимости супругов друг от друга. Советское законодательство весьма способствует укреплению этой формы семьи у алтайцев.

Следствием новых семейных отношений и резкого улучшения материального быта, облегчившего алтайке ее домашнюю работу, явились

---

[1] По данным обследования 1897 г. у алтайцев было 2% полигамных браков и столько же браков малолетних мальчиков со взрослыми девушками.

массовое включение женщины в сельскохозяйственное производство, в общественную и государственную работу и широкое распространение образования среди женщин. Сейчас алтайка не только ухаживает за скотом, доит коров, стрижет шерсть, сеет и убирает хлеб, косит сено. Ее можно видеть за рулем автомобиля, на сенокосилке или жатке-самосброске, у сложной молотилки. Алтайка ныне учится в школе, на курсах, в вузе, ее можно встретить в должности председателя сельсовета, в составе работников советского и партийного аппарата районов и области, наконец, в качестве депутата Верховного Совета СССР. В среде алтаек появились лица, получившие высшее образование, ученые, педагоги, работающие преподавателями родного языка, литературы и других пред-



Вид улицы в колхозном селении Ело.

метов, преподаваемых в средних школах, имеются врачи, зоотехники, агрономы. Среди формирующейся алтайской интеллигенции женщина занимает видное место. Это факт большого культурного значения.

Наиболее показательным и характерным явлением социалистической культуры у алтайцев является развитие народного просвещения. Для культуры алтайцев это явление новое, несмотря на то, что зачатки школьного образования зародились еще в период пребывания алтайцев в составе царской России. Дело в том, что при всем своем положительном характере для того времени школьное дело ни по масштабу, ни по значению и содержанию не может быть признано за явление, характерное для дореволюционной культуры алтайцев. О грамотности алтайцев можно говорить только теперь, когда она вошла в быт и сделалась массовым явлением. В области имеется свыше 100 алтайских и смешанных школ. Для детей алтайцев, живущих в труднодоступных или малонаселенных местностях, где еще нет школ, при ближайших к таким местам школах устроены интернаты, в которых содержится и обучается за счет государства свыше 1500 детей алтайцев. Ежегодно область затрачивает на дело народного просвещения более половины своего бюджета, который непрерывно растет. Это можно видеть из сопоставления следующих цифр. Если в 1922 г., в год образования автономной области, на народное

образование было ассигновано 177 тыс. рублей, то в 1946 г., накануне 25-летия области, эта цифра выросла до 20 миллионов рублей, увеличившись более чем в 100 раз. Но и приведенные выше цифры уже устарели.

Особенно важно, что начальная школа у алтайцев работает на родном языке. К юбилейной дате 25-летия области на родном языке обучалось 7500 детей алтайцев. Преподавание на алтайском языке ведется также в ряде неполных средних школ, которые впервые появились на Алтае только в советское время. Это означает, что у алтайцев созданы учительские кадры. К настоящему времени насчитывается уже свыше 300 учителей-алтайцев. Это большая культурная сила для маленького народа, численностью всего в несколько десятков тысяч человек. Среди

Сельсовет и почта.

учителей имеются десятки педагогов с высшим образованием, полученным в одном из лучших педагогических институтов нашей страны.[1] Подготовка национальных кадров ведется в Областном центре, где работает Учительский институт, национальный рабфак, педучилище, зооветтехникум, фельдшерско-акушерская и торгово-кооперативная школы. В аспирантуре некоторых высших учебных заведений и Академии Наук СССР в Москве и Ленинграде подготовлен и продолжает готовиться к научной деятельности по различным специальностям ряд алтайцев.

Надо сказать, что в системе народного просвещения школьное дело в наше время представляет одну из важнейших отраслей социалистической культуры алтайцев, национальной по форме. Национальная школа играет исключительно важную роль в формировании социалистической культуры и быта этого народа. Значение школы у алтайцев нельзя свести только к тому, что она дает преимущественно основы грамотности

---

[1] Имеются в виду четыре выпуска алтайцев, окончивших Московский Государственный педагогический институт им. В. И. Ленина по Отделению алтайского языка и литературы.

и воспитывает элементарные правила общественного и личного поведения учащихся в духе социалистической этики, как это можно сказать в отношении народов с богатым культурным наследием. Просветительное и воспитательное значение школы у алтайцев неизмеримо выше хотя бы уже потому, что этих функций у них в должной мере не может выполнять семья. Нельзя забывать, что еще несколько десятков лет назад семья у алтайцев представляла наиболее консервативный элемент. В настоящее время, когда эта семья претерпевает коренные изменения и переходит в высшую фазу развития, формируясь на новой материальной и моральной основе, она сама нуждается в большой помощи со стороны школы. И школа у алтайцев, как мы наблюдали, действительно оказывает просветительное и воспитательное влияние на семью через уча-

Школа в колхозе.

щихся, через просветительную работу педагогов, через устройство школьного хозяйства и т. д.

Таким образом школа у алтайцев, если иметь в виду ее в соотношении с семьей, несет на себе основные просветительные и воспитательные функции и вынуждена преодолевать отрицательное влияние религиозных и бытовых пережитков, еще сохраняющихся в семье.

Культурно-просветительное значение школы у алтайцев состоит прежде всего в том, что она необычайно расширяет умственный кругозор алтайца, замкнутый в прошлом в узкий круг ложных представлений. Школа дает сведения о местной природе и ее явлениях, знакомит с жизнью людей, помогает формировать эту жизнь. Школа первая открывает алтайцу глаза на правду о мире, его законах, приучает к отвлеченному мышлению. Наконец, — что особенно важно, — современная школа развивает у алтайцев потребность в высокой культуре.

Трудно преуменьшить культурное и воспитательное значение для алтайцев и сети политико-просветительных учреждений. Десять домов культуры, тридцать клубов, около сотни изб-читален, дома алтайки, свыше десятка библиотек, свыше тридцати киноустановок, наконец,

краеведческий музей охватывают своим влиянием все население области. Эта большая сеть политико-просветительных учреждений, приносит своей ежедневной массовой работой огромную помощь росту социалистической культуры алтайцев. Даже та часть алтайцев-колхозников, которая зимой и летом находится со стадами на отгонных пастбищах, не забыта в отношении культурно-просветительной работы. Здесь передвигаются просторные войлочные юрты-передвижки со штатом специальных работников, которые проводят читки газет и устраивают слушание по радио передач областной радиовещательной станции на алтайском и русском языках — последних известий, статей и бесед, лекций и обзоров по международным событиям, концертов и т. д. Работники юрты-передвижки читают популярные лекции и доклады, проводят политические беседы, дают различные консультации и советы по юридическим, производственным и быто-

Школа в колхозе бывших кочевников.

вым вопросам, организуют художественную самодеятельность среди обслуживаемых ими колхозников. При юрте-передвижке имеется библиотечка, газеты и журналы, плакаты, лозунги, радиоприемник, набор алтайских и русских народных музыкальных инструментов. Юрта-передвижка помогает колхозникам выпускать стенную газету.

Ведется важная работа по развитию художественной самодеятельности алтайцев. Последнее обстоятельство хотелось бы специально подчеркнуть, ибо нередко можно наблюдать, как недооценивают развитие художественной самодеятельности даже в тех учреждениях, в задачу которых входит развитие этой стороны просветительной работы в широких слоях того или иного народа. Между тем, хорошо организованная художественная самодеятельность может оказать большую услугу в деле развития культуры народа. Алтайцы в этом отношении особенно показательны. У них из художественной самодеятельности зародился и вырос национальный театр, сыгравший большую роль в развитии алтайской культуры. Народные мелодии и музыкальные инструменты (топшур, икили, комыс), фольклор широко используются группами художественной народной самодеятельности.

Характерным признаком становления единой по форме национальной культуры алтайцев является возникновение единого алтайского литературного языка и зарождение алтайской национальной литературы.

Здание банка.

Однако алтайский литературный язык, как и национальная литература алтайцев, находится еще на ранней стадии своего становления. Так,

Школа (зооветтехникум).

в алтайской литературе до сих пор наблюдается почти полное отсутствие прозы. Исключение в этом отношении составляют только произведения зачинателя национальной литературы — одаренного писателя и поэта П. В. Кучияка (1897—1943).

Талант этого крупного писателя-самородка вырос на основе устного народного творчества, неутомимым собирателем которого был сам П. В. Кучияк. Отсылая читателя для ознакомления с жизнью и творчеством Павла Кучияка к специальным работам,[1] укажу здесь, что П. Кучияк начал свою творческую деятельность как поэт, позднее стал выступать с художественной прозой, а за последние годы своей жизни проявил себя как талантливый драматург и актер. За свою недолгую жизнь он написал значительное количество оригинальных произведений. Свыше десятка книг на алтайском языке и пять — на русском, таков количественный вклад П. Кучияка в родную литературу, не считая его еще не опубликованного наследства и ряда драматических произведений.

Соревнования в беге.

Развитие алтайской национальной литературы не прекратилось со смертью Кучияка. Ряд писателей и поэтов алтайцев — В. Кучияк, Г. Кокуев, Ч. Чунижеков и другие — своими произведениями показали, что национальная литература алтайцев не случайное, а закономерное явление, которое имеет будущее и связано своими корнями с современной социалистической действительностью, с богатым устным творчеством алтайского народа и с лучшими произведениями мировой, в первую очередь русской, литературы. Притом очень важно, что доступ к сокровищнице мировой литературы алтайцы получают как на родном языке, так и на русском. Молодая национальная литература алтайцев зародилась и развивается на почве социалистической действительности, отражает ее и ей принадлежит.

Переводческая и издательская деятельность, сосредоточенная в алтайском национальном издательстве, играет исключительно важную культурную роль. Издание политической, научной, художественной и массовой

---

[1] Лучшим биографом и знатоком творчества П. Кучияка является писатель А. Л. Коптелов. См. его работы: «Айдыйок» Павла Кучияка. Сибирские огни, № 4, 1944; Путь через века. Там же, № 1, 1947. См. также вводную статью С. Кожевникова в книге П. Кучияка «В родных долинах» (Новосибирск, 1939).

литературы, областной и районных газет на алтайском языке является фактом огромного значения. Алтайцы начали издавать в переводе такие выдающиеся произведения классиков марксизма, как некоторые труды Ленина и Сталина, отдельные произведения классиков художественной литературы — Пушкина, Горького, Чехова и других, произведения лучших советских писателей и поэтов — М. Шолохова, Н. Островского, В. Маяковского и других.

Наряду с национальной письменной литературой продолжает развиваться и устное народное творчество. Алтайский фольклор, снискавший себе заслуженную известность в нашей стране как по отдельным образцам, изданным в наше время,[1] так и по имени знаменитого сказителя,

Кинотеатр.

орденоносца Николая Улагашева (1861—1946), пополняется новыми талантливыми произведениями. Отличительная черта этих новых произведений состоит в обращении к современным темам, волнующим народ. Так, например, от молодого сказителя В. Ябыкова записано сказание о Темире-Беке, повествующее в обычных народных поэтических образах о гражданской войне на Алтае, о партизанах, о борьбе за Советскую власть. Появились произведения, посвященные Великой Отечественной войне. Алтайские народные поэты-сказители имеются в каждом районе. Они обогащают и развивают свое творчество новыми, современными сюжетами, что способствует их популярности у алтайцев. Устные народные произведения теперь уже широко включаются в репертуар и программы концертов, устраиваемых силами театра и кружками художественной самодеятельности в районах и колхозах.

В современном фольклоре алтайцев, в развитии которого преобладающее значение принадлежит народной песне, выдающееся место за-

---

[1] Когутэй. Алтайский эпос. 1935; Н. Улагашев. Алтай-Бучай; он же. Мальчы-Мерген.

нимают произведения, посвященные Ленину и Сталину. Они отличаются трогательной любовью к этим великим творцам человеческого счастья и глубокой поэтической силой.

В них, как в зеркале, отражены все крупнейшие политические и общественные события Советской страны, все этапы развития социалистического строительства у алтайцев. Современный фольклор алтайцев представляет настоящую народную летопись советской эпохи в горах Алтая. Это — не только памятник народного творчества, но и ценный исторический источник.

В Горно-Алтайской автономной области развивается и наука. Алтайский плодоягодный питомник, опытная зональная станция по изучению животноводства работают много лет и получили известность далеко за пределами области. В 1952 г. создан Алтайский научно-исследовательский институт по изучению языка, литературы и истории. Все научные дисциплины, представленные в этом институте, возглавляются учеными из среды алтайцев, подготовленными через аспирантуру центральных научных учреждений. Наличие ученых из алтайцев — факт исключительного значения. Он показывает, какой большой путь прошли алтайцы за несколько десятков лет в своем культурном развитии. Нужно сопоставить этот факт с тем, что было сказано о культуре алтайцев в предшествующих главах книги, чтобы представить животворную силу ленинско-сталинской национальной политики в условиях советского государственного строя.

Научная работа ведется также при некоторых кафедрах Алтайского учительского института, при Краеведческом музее и т. д.

Остановимся еще на одной, весьма важной и характерной особенности современной культуры алтайцев — на широком развитии медицинской помощи.

Медицинская помощь у алтайцев налажена в общесоветских формах (бесплатное лечение в медицинских пунктах, амбулаториях, больницах, поликлиниках и т. п.). Она быстро и прочно вошла в их быт и пользуется большой популярностью. За медицинской помощью охотно обращаются даже старики и старухи, т. е. наиболее консервативный по отношению к новому быту слой алтайцев. Писать об этом приходится потому, что подлинная медицина представляет совершенно новое явление в жизни алтайцев, да к тому же такое, которое затрагивает область религиозных представлений. До революции в с. Улале (ныне г. Горно-Алтайск) хотя и была миссионерская больница, находившаяся в ведении фельдшера, но практическое значение ее для алтайцев было ничтожным, ибо она была единственной на всем Горном Алтае, на территории которого свободно может поместиться ряд западноевропейских государств. Естественно, что подавляющее большинство алтайцев не имело понятия о медицинской помощи. Народная медицина у алтайцев была развита крайне слабо, и массовым методом лечения было обращение к шаману. Шаманы ограничивали диагностику и лечебные сеансы принесением умилостивительной кровавой жертвы. Следовательно тот факт, что современные алтайцы, до стариков включительно, верят в научную медицину и охотно обращаются к ее услугам, свидетельствует о большом прогрессе в их сознании. Это говорит о вытеснении из мировоззрения алтайца древних религиозных представлений, согласно которым в основе объяснения любой болезни лежало две идеи: либо вселение в больного злого духа, либо уход души из человека. Научная медицина нанесла сильный удар вере в шаманов и органически вошла в жизнь и быт

алтайцев, в их национальную советскую культуру. Современное молодое поколение алтайцев уже не знает шаманов и даже не видело их. На Алтае появились национальные кадры медицинских работников.

Наша партия и правительство и местные руководящие органы власти всемерно развивают дело медицинской помощи у алтайцев. Советское государство отпускает на это большие средства, о чем наглядно свидетельствует интенсивный рост бюджета по здравоохранению, который за 25 лет существования области увеличился в 208 раз и выражается десятками миллионов рублей.[1] К юбилейной дате 25-летия области здесь работало 24 больницы, поликлиника, 23 амбулатории, 5 диспансеров, 36 фельдшерских пунктов, 7 пунктов специального назначения, 4 зубопротезных кабинета, рентгеновский кабинет и т. д. Мне нет нужды перечислять подробно все эти цифры, дополняя их еще рядом других, как, например, о сотнях врачей, пришедших на смену единственному дореволюционному фельдшеру, о количестве родильных домов, консультаций, детских яслей и т. п. Читатель может найти все это в точном цифровом выражении в ряде статей, часть которых цитируется в настоящей работе. Вместо этих цифр, которые, надо сказать, быстро стареют в силу непрерывного развития медицинского дела на Алтае, я предпочитаю подчеркнуть социалистический характер медицинского дела на Алтае.

Социалистический характер медицинского дела на Алтае проявляется не только в бесплатном лечении, но и в стремлении сделать это лечение наиболее доступным и эффективным для населения. На это указывает сама топография медицинских учреждений по области, предусматривающая оказание медицинской помощи на месте даже в наиболее отдаленных и глухих районах. Больше того, предусмотрены и такие случаи, когда больной не в состоянии сам приехать в лечебный пункт. Для этого в распоряжении областного и аймачных отделов здравоохранения имеются санитарный самолет и автомашины. Снабжение медицинских учреждений современным оборудованием и лекарствами и многие другие мероприятия показывают, что советская медицина у алтайцев преследует большие, благородные цели и представляет собой уже сложившийся весьма существенный элемент национальной культуры алтайцев. Советская медицина уже сделала самое трудное и самое важное дело среди алтайцев. Она сумела завоевать их полное доверие, сумела помочь им преодолеть многовековые суеверия и тем самым внесла свой огромный вклад в дело формирования социалистической культуры алтайцев.

Хотелось бы еще поделиться некоторыми результатами изучения и наблюдениями отдельных черт нового мировоззрения алтайцев, которое неизбежно и закономерно формируется на основе социалистического переустройства их жизни. Сознавая, что эта тема должна быть предметом специальной работы, я отмечу здесь только некоторые моменты. К числу таких моментов относится вопрос национального самосознания, независимо от племенных и родовых различий, господствовавших в прошлом. Сознание национального единства весьма явственно сказывается у тех племен, которые до образования автономной области сами себя алтайцами не называли. Я имею в виду тубаларов, а по самоназванию

---

[1] И. Коломин. Дела и люди социалистической Ойротии. Сборник очерков. Ойрот-Тура, 1947, стр. 10.

ши кижи, т. е. лесные люди или люди черни (тайги), населяющих в основном Чойский аймак. То же относится и к жителям Майминского и частично Эликмонарского аймаков, где население обычно именовало себя по названию рек (*Майма кижи*, или маймалары) или родов. Теперь же в указанных районах очень часто можно слышать фразу: «*бис ончозы алтай кижи*» (мы все алтайцы). Следовательно, сознание национального единства проявляется в общности национального самосознания. Оно проявляется и в том, что при выдаче паспортов, при заполнении различных анкет, при составлении биографий и при различных местных статистических сводках население указанных аймаков называет себя также алтайцами.

Алаяков Пархат.
(Колхозник-орденоносец).

Рост и укрепление национального самосознания алтайцев происходит на основе дружбы и братства народов, что исключает всякий национализм. Националистические течения, время от времени появлявшиеся в узких кругах алтайской интеллигенции, как это было в свое время установлено, специально выращивались и питались элементами, враждебными советскому строю. Эти течения не нашли подходящей почвы ни в широкой среде алтайцев, ни у передовой части интеллигенции. Напротив, наиболее жизнеспособными у алтайцев оказались идеи советского патриотизма, чуждого национальной ограниченности. Это обстоятельство выявилось исключительно ярко в Великую Отечественную войну. С первых же дней войны алтайский народ выразил свои новые высокие моральные качества в массовом наплыве в армию добровольцев-алтайцев, хотя в течение двух предшествовавших столетий алтайцы не знали, что такое война или военные столкновения. Только советским патриотизмом можно объяснить, что так легко, четко и бесперебойно работали призывные пункты среди алтайцев. Чувство патриотизма сказалось и в исключительно высоких качествах бойца-алтайца: среди сравнительно небольшого количества бойцов, которые мог дать фронту этот маленький народ, насчитываются тысячи человек, награжденных боевыми орденами и медалями.

Черты советского патриотизма оказались в равной мере присущими и алтайскому населению, оставшемуся в тылу. Они выразились в массовой добровольной помощи армии в виде различных подарков фронтовикам (десятки тысяч посылок), добровольных денежных взносов в фонд победы (десятки миллионов рублей). Среди последователей патриотического почина Ферапонта Головатого мы находим и имя алтайца Модорова Теке, внесшего крупную сумму на постройку танковой колонны «Колхозник Алтая». Но еще более ценным оказался тот трудовой подъем алтайцев в тылу, который обеспечил значительную помощь фронту со стороны народного хозяйства области, который помог удержать

уровень алтайского народного хозяйства на необходимой высоте. Горно-Алтайская автономная область дала фронту и стране за годы войны 800 тыс. пудов мяса, 160 тыс. пудов масла, 140 тыс пудов сыра, 80 тыс. пудов шерсти.[1]

Для того чтобы должным образом оценить перечисленные явления, нужно вспомнить, каково было отношение алтайцев к империалистической войне 1914 г.

Материалом для сравнения может послужить сообщение официальных миссионерских отчетов, приведенных выше. Положиться на эти данные можно не только потому, что без наличия соответствующих фактов миссионеры не стали бы печатать в своих официальных изданиях вещи, свидетельствующие о слабости их влияния в среде алтайцев. В достоверности этих сведений можно не сомневаться еще и потому, что миссионеры в самом деле хорошо знали подлинные настроения алтайцев, ибо постоянно вращались среди них. Вспомним, как писали миссионеры: «Отношение алтайских язычников к вопросам военного времени представляется нам совершенно безучастным, как будто война идет не в России, а где-нибудь „за тридевять земель в тридесятом государстве“».[2] Выше уже сказано, что царское правительство в 1916 г. объявило мобилизацию их на тыловые работы в прифронтовую полосу и что алтайцы не только не поддержали этого мероприятия царского правительства, но, наоборот, были против него, уклоняясь от явки на мобилизационные пункты, а кое-где выступая против царских властей, вооруженные камнями и косами (Онгудайский, Усть-Канский районы). Что же касается пожертвований, то, как указывают миссионеры, инициатива в этом случае «исходила не от самих жертвователей, а от русской администрации».[3] Как непохоже это на тот настоящий патриотический подъем, который царил на Алтае в годы Великой Отечественной войны!

Следовательно, в мировоззрении алтайцев произошел коренной перелом. Господствующим мотивом в нем звучит советский патриотизм.

Идейный патриотизм, любовь к свободе, уважение к другим национальностям, умение сочетать общественные и личные интересы, новое отношение к женщине, стремление к знанию и культуре — все это черты нового, социалистического мировоззрения, которые постепенно возникают и укрепляются у алтайцев. Этот перечень далеко не полный. В нем не упомянуто, например, о распространении атеизма и др. Социалистическая действительность, социалистическая практика жизни, советская школа, медицина сыграли решающую роль в этом изменении мировоззрения.

Обобщая изложенный материал, прежде всего необходимо констатировать, что у алтайцев идет процесс образования национальной культуры. О национальной культуре алтайцев в строго научном смысле можно говорить только теперь. До революции культура алтайцев не носила национального характера. Племена и территориальные группы алтайцев жили и управлялись изолированно друг от друга, в экономическом и культурном отношениях были разобщены, что весьма сказалось на различии их языка и быта. Каждое племя или территориальная группа говорила на своем местном диалекте. Почти первобытная культура и быт этих племен отличались местными этнографическими особен-

---

[1] Письмо от рабочих, колхозников и интеллигенции Ойротской автономной области товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу. Правда, 15 июня 1947 г.,
[2] Отчет Алтайской духовной миссии за 1915 г. Томск, 1916, стр. 73—76.
[3] Там же, стр. 75.

ностями. Правда, в них, главным образом в материальной культуре, были элементы, общие для более широкого круга племен и народов Сибири, различных по языку и происхождению. Но такая своеобразная общность не являлась общностью национальной, общностью, сложившейся в результате длительной совместной жизни. Она была только выражением одинаково низкого уровня развития труда разнородных племен и народов, живших в сходных географических условиях, хотя и весьма удаленных друг от друга и лишенных всяких фактических связей. Следовательно, подобная общность культуры не имела ничего общего с национальной культурой, развивающейся на базе общности территории, языка, экономической жизни. Для возникновения и развития национальной культуры алтайцев до революции не было необходимых условий. Эти условия появились только при советском государственном строе. Советский государственный строй с его ленинско-сталинской национальной политикой создал фактические условия для быстрого развития алтайских племен в единую народность, для создания национальной культуры алтайцев.

Развитие национальной культуры у алтайцев происходит под руководством коммунистической партии, на базе господства социалистической собственности на основные средства производства и ликвидации эксплоатации и эксплоататорских классов (как собственных баев и зайсанов, так и русских капиталистов и помещиков), на базе ликвидации нищеты рядовых скотоводов и охотников, роскоши и богатства зайсанско-байской верхушки. Алтайцы как граждане СССР практически обеспечены правом на труд, отдых и образование. Это обстоятельство является одним из важнейших условий для развития культуры. Алтайцы как национальность равноправны во всех сферах хозяйственной, культурной и национальной жизни. Представляя до Октябрьской социалистической революции группу племен, известную преимущественно этнографам, алтайцы ныне имеют своих равноправных представителей в высшем органе государственной власти страны — Верховном Совете СССР. Все это делает национальную культуру алтайцев культурой широких слоев трудящихся всей алтайской народности, сложившейся в рамках автономной области. Алтайский народ является не только создателем новой культуры, но ее обладателем и распорядителем. Следовательно, национальная культура алтайцев развивается как культура социалистическая. Ее развитие протекает довольно сложным путем. Оно происходит преимущественно в национальной форме (литературный язык, письменная литература, школа, пресса и т. д.). При этом социалистическая культура алтайцев включает в себя ценные и полезные элементы старой культуры, созданной многовековым опытом ряда поколений отдельных алтайских племен (техника и некоторые приемы пастбищного скотоводства, лесных промыслов, верхового и вьючного транспорта, способы переработки молока и т. п.). Национальная по форме и социалистическая по содержанию культура алтайцев является ярким выражением движения алтайцев по пути прогресса. Национальная форма культуры является для них наиболее верным и быстрым средством, наилучшим способом поднятия отсталой в прошлом культуры отдельных племен к наиболее высокому современному уровню, т. е. к культуре социалистической. Причина этого кроется в том, что развитие ее происходит на основе советского государственного строя, т. е. высшей формы демократии, обеспечивающей вовлечение в процесс творчества культуры широких слоев алтайцев, порождающей кровную заинтересованность в нем всего

населения. Советский государственный строй избавил алтайцев от пути консервации отсталых форм и элементов старой племенной культуры. Советская национальная политика спасла их от буржуазной практики решения национальной судьбы, подобной, например, судьбе североамериканских индейцев, для которых государство Соединенных Штатов Америки устроило особые резервации.[1]

Развитие национальной социалистической культуры у алтайцев необходимо оценить и с точки зрения процесса национальной консолидации алтайцев, начало которого связано с моментом объединения алтайцев в советскую автономную область. Процесс этот представляет не только теоретический, но и большой практический интерес.

Вопросы эти в отношении того или иного народа могут быть поставлены и правильно разрешены только на основе учения И. В. Сталина о нациях. И. В. Сталин создал и разработал научную теорию о происхождении нации, выяснил условия и факторы, определяющие процессы национальной консолидации народностей и наций, исследовал и установил законы образования наций в капиталистических и социалистических условиях и т. д. И. В. Сталин внес этим, как и разработкой многих других вопросов, гениальный вклад в историческую науку. Он создал незыблемые теоретические и методологические основы для исследования вопросов национальной консолидации у любой народности, в любых исторических условиях. И. В. Сталин пишет: «Русские марксисты давно уже имеют свою теорию нации. По этой теории нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры».[2]

Руководствуясь этим общим классическим определением нации, попытаемся выяснить вопрос — сложились ли современные алтайцы в нацию, разумеется, в нацию социалистическую.

До Великой Октябрьской социалистической революции алтайцы не успели сложиться в нацию в силу исторических условий, описанных и проанализированных выше. Алтайцы не представляли собой исторически сложившейся общности людей, возникшей на базе четырех упомянутых выше признаков наций. Уже отмечалось, что только в этнографической литературе они именовались общим термином «алтайцы» по признаку проживания их в Горном Алтае. В действительности же они жили довольно замкнутыми и изолированными родо-племенными или территориальными группами, различными по языку и своему этническому происхождению, именовавшими себя родо-племенными или территориальными терминами (теленгит, телес, алтай-кижи, маймалар и т. д.). Стало быть, для дореволюционного периода можно и нужно говорить о племенной или расовой общности отдельных групп алтайцев, но нет никаких оснований признать их за нацию, являющуюся исторически сложившейся общностью людей; нельзя признать их за нацию в силу отсутствия у них четырех упомянутых признаков, характеризующих нацию. Прежде всего алтайцы не составляли нации вследствие отсутствия у них

---

[1] Резервации представляют собой своеобразные музейные заповедники для угасающих индейских племен, культура которых сведена к значению экспоната и обречена на полное исчезновение.

[2] И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 333.

необходимых экономических условий. Так, у них отсутствовал такой определяющий признак нации, как экономическая общность; у них не было ни национального рынка, ни экономических центров, т. е. не было факторов, ликвидирующих раздробленность и стягивающих различные, разобщенные территориальные и племенные группы в единое целое. Напротив, дореволюционные алтайцы были раздроблены в хозяйственном отношении на мелкие замкнутые районы, большинство населения которых жило изолированной от других районов хозяйственной жизнью, ведя преимущественно натуральное хозяйство. Уже отсутствие одного этого признака у дореволюционных алтайцев решает вопрос о нации у них в отрицательном смысле, ибо, как показал И. В. Сталин, достаточно отсутствия хотя бы одного из признаков, определяющих нацию, чтобы нация перестала быть нацией.[1]

У алтайцев отсутствовали также и другие признаки, необходимые для существования нации. К ним относится, например, отсутствие общности языка и общности национальной культуры. До революции южные алтайцы (сюда относятся алтай-кижи, теленгиты и телеуты) и северные алтайцы (тубалары, челканцы, кумандинцы) говорили на двух тюркских языках: североалтайском и южноалтайском, различных в такой степени, что тубалар, например, не мог свободно говорить с теленгитом, а алтаец из Усть-Канского или Онгудайского района — с кумандинцем. Они не понимали друг друга. Оба эти языка, как отмечено выше, в существующих классификациях относятся к разным группам. Кроме того, как северные, так и южные алтайцы внутри своих языков говорили еще внутри каждой группы на разных, хотя и близких друг другу, диалектах. Следовательно, ни о каком едином языке, не только литературном, которого тогда вообще не было, но и разговорном народном языке, у алтайцев до революции не может быть и речи. Это вполне понятно и естественно, так как отсутствие экономической, да и политической концентрации у алтайцев обусловливали и отсутствие концентрации упомянутых двух алтайских языков в единый национальный язык. Стало быть, нельзя считать дореволюционных алтайцев сложившимися в нацию и в силу отсутствия у них общности языка.

Но и это не все. Не было у алтайцев и общности культуры, отражающей общность психического склада. Культура и быт южных алтайцев, скотоводов-полукочевников, и культура и быт северных алтайцев, преимущественно охотников, как было показано выше, резко отличались.

Таким образом вопрос о существовании нации алтайцев до революции решается вполне отрицательно. Различные племенные или территориальные группы алтайцев не имели общего национального сознания. Каждая из этих групп именовала себя различно по племенному или территориальному признаку (например телес, алтай-кижи, теленгет, улаан, или чуй-кижи, и т. д.).

Советский государственный строй с его ленинско-сталинской национальной политикой, социалистический общественный строй с его социалистической экономикой, не знающей кризисов и безработицы, дающей возможность зажиточной и культурной жизни трудящимся, с отсутствием эксплоататорских классов, создали исключительно благоприятные условия для национальной консолидации алтайцев, как и других ранее отсталых народностей. Повседневная забота и руководство нашей партии и правительства в области ликвидации политической, экономической и

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 297.

культурной отсталости алтайцев, предоставление им специальной формы государственного устройства — советской административной автономии, огромная практическая помощь русского народа коренным образом изменили хозяйство, культуру и быт алтайцев и дали выход и простор творческой энергии широких трудовых масс алтайцев. В этих конкретных исторических условиях на базе социалистических порядков у них возник и развивается процесс национальной консолидации. У алтайцев возникают такие признаки нации, как, например, общность территории, экономическая и культурная общность. Упомянутые признаки нации формируются у них впервые, а не на базе старой разрушенной буржуазной нации, как это происходило у многих наших социалистических наций. В этом состоит своеобразие упомянутого процесса у алтайцев.

Чтобы определить, как далеко зашел этот процесс у алтайцев, нужно рассмотреть, имеются ли у них все признаки, характеризующие нацию. Из них отсутствует территориальная общность, хотя большинство алтайцев проживает на территории Горно-Алтайской автономной области, все десять районов которой (за исключением Турочакского) связаны между собой хорошими путями сообщения. Дело в том, что алтайцы составляют меньшинство населения области и живут группами между русских.

Теперь обратимся к общности экономической жизни алтайцев как признаку нации, полностью отсутствовавшему в прошлом. Наличие этого признака у алтайцев в настоящее время сомнения также не вызывает.

Экономическая общность у алтайцев порождена социалистическим характером их народного хозяйства и выросла на базе общественного производства, общественной собственности на основные средства производства, на основе социалистического планирования. Выражением этого в главной отрасли народного хозяйства алтайцев, именно в сельском хозяйстве, является колхозная система с ее высокотоварным планируемым производством сельскохозяйственной продукции как в области животноводства, так и в области земледелия.

Коллективизация сельского хозяйства сыграла важную роль в создании общности экономической жизни алтайцев.

Благодаря социалистическому планированию народного хозяйства, быстро растут и развиваются производительные силы Горно-Алтайской автономной области. Различие естественно-исторических, природных условий используется для наиболее эффективного развития разнообразных отраслей сельского хозяйства и промышленности. Районы области со специализацией сельскохозяйственного или промышленного труда, благодаря социалистическому планированию, оказываются тесно связанными как между собой, так и с другими экономическими центрами нашей страны постоянными, плановыми, а не стихийными связями. В процессе развития экономической общности алтайцев огромная роль принадлежит и местной промышленности, впервые возникшей в Горном Алтае лишь после образования автономной области. Высокая товарность сельского хозяйства, важнейшим показателем которой является, например, объем заготовок, служит важным условием для развития товарооборота в области в форме государственной и кооперативной торговли.

Таким образом в результате практического осуществления ленинско-сталинской национальной политики алтайцы не только ликвидировали прошлую почти первобытную экономическую отсталость, но развили различные отрасли народного хозяйства. Это обстоятельство в условиях социалистического общественного строя, в условиях господства новых

экономических отношений, основанных на тесном сотрудничестве рабочих и крестьян и советской интеллигенции, на дружбе народов, закономерно привело к возникновению общности экономической жизни алтайцев, являющейся одним из необходимых и важнейших признаков нации.

Следует, однако, оговориться, что Турочакский аймак, населенный челканцами и кумандинцами, до сего времени говорящими на диалектах североалтайского языка, является в экономическом отношении, как и во многих других, в значительной степени изолированным. Но это объясняется его окраинным положением, тем, что он отделен от остальных районов области р. Бией и не связан благоустроенными путями сообщения с экономическим и культурным центром области — г. Горно-Алтайском. Вследствие этого население Турочакского аймака мало общается с населением других районов области, в которых живут алтайцы, и более тесно связано с русским населением Алтайского края.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с другими признаками нации и прежде всего с языком. Единого национального языка, закрепленного в литературе, у алтайцев еще нет. Если диалекты южноалтайского языка довольно быстро успели перемолоться в едином южноалтайском языке, то этого нельзя сказать о североалтайских диалектах (Турочакский район), которые продолжают сохранять свою самостоятельность. Исключение составляет только диалект тубаларов (Чойский район), который уже, можно сказать, также перемололся в южноалтайском языке.

В этом нет ничего удивительного, так как процесс образования единого языка из двух старых алтайских языков даже в порядке сотрудничества и взаимного обогащения их не может не быть длительным. Поэтому различия между северным и южным алтайским языками продолжают существовать и в настоящее время. Эти различия весьма тормозят развитие алтайского литературного языка, возникающего на базе южных диалектов. Северные алтайцы (челканцы, кумандинцы) постоянно указывают на трудность понимания учебников и областной газеты, издаваемых на алтайском литературном языке, и предпочитают читать их на русском языке. Однако тубалары этих трудностей уже не испытывают.

Развитие единого литературного (южноалтайского) языка связано с преодолением серьезных затруднений. Эти затруднения вытекают прежде всего и главным образом из низкого уровня развития обоих алтайских языков, на котором застала их Октябрьская социалистическая революция. Об этом говорит их бывший весьма бедным словарный состав. «Словарный состав, — пишет И. В. Сталин, — отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык».[1]

Северный и южный алтайские языки жили и развивались в условиях крайне отсталого уровня общественно-экономической и культурной жизни, близкого к первобытности, и обслуживали потребности населения с весьма отсталой культурой. Поэтому-то словарный состав их был весьма ограниченным. Это положение изменила Октябрьская социалистическая революция, возродившая к самостоятельной национальной жизни алтайцев. В исключительно короткий исторический срок — всего тридцать лет — благодаря руководству Всесоюзной Коммунистической партии, благодаря повседневной заботе об алтайцах Советского правительства, при постоянной братской помощи русского народа, алтайцы

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.

добились больших успехов в своем развитии. Они успешно ликвидируют политическую, экономическую и культурную отсталость.

Возникает вопрос: как, каким образом старые алтайские языки, сложившиеся в описанных выше условиях, смогли обслуживать новую быстро растущую социалистическую культуру алтайцев?

Нужно сказать, что старый язык как северных, так и южных алтайцев самостоятельно с этой задачей не справился и не мог справиться. Достаточно сказать, что в обоих языках нет собственной терминологии для выражения понятий и обозначения слов в области различных наук, как естественных, так и общественно-исторических, нет политической, сельскохозяйственной, технической терминологии, отражающей современный высокий уровень общественного развития социалистического общества, его передовых идей, его высокоразвитого и многообразного искусства, его высокоразвитых сельского хозяйства, промышленности, науки и техники. В алтайских языках не оказалось слов и для выражения нового государственного устройства, новой социалистической культуры, новой общественности, морали. В алтайских языках нехватает словарного состава для того, чтобы обеспечить школьные учебники не только в объеме десятилетки, но и в объеме семилетки. И это вполне понятно. Это не вина алтайских языков, а их беда, поскольку они возникли и развивались в условиях крайне отсталого уровня общественно-экономической и культурной жизни.

Однако, несмотря на то что оба старых языка алтайцев оказались не в состоянии обслужить потребности общения населения в новых условиях, алтайцы не только не остановились в культурном развитии, а, наоборот, быстро двинулись вперед по пути развития экономики и культуры. Это произошло потому, что на помощь алтайцам пришел русский язык, который помог и продолжает помогать им двигаться по пути прогресса, по пути к коммунизму. В алтайский язык хлынул огромный поток русских и интернациональных слов, русской терминологии, которая тем охотнее воспринималась и не требовала искусственного создания алтайских терминов, что одновременно с развитием национального языка шел процесс широкого овладения алтайцев русским языком. Алтайцы параллельно с изучением родного языка стали охотно и добровольно учиться говорить, читать и писать на русском языке, ибо быстро убедились на практике в преимуществе русского языка и увидели в нем мощный источник быстрого культурного развития. Поэтому русский язык без всякого к тому принуждения, без каких бы то ни было специальных мер так быстро распространился и продолжает распространяться в среде современных алтайцев.

Известно, что и до революции русский язык распространялся среди алтайцев. Процесс этот шел двумя путями. С одной стороны, алтайцы, в районах соприкосновения с русским населением, по своей инициативе изучали русский язык в силу естественно возникавших тесных культурно-экономических связей с русским народом, с русским крестьянством, причем и многие русские крестьяне также добровольно изучали алтайский разговорный язык. С другой стороны, русский язык насаждался у алтайцев принудительно, сверху, в порядке ассимиляторской политики царского правительства, в порядке руссификации, причем родной язык алтайцев запрещался, изгонялся. Однако народные массы алтайцев при этом продолжали оставаться в темноте и невежестве, так как царские колонизаторы были далеки от мысли использовать русский язык как могучий источник повышения культуры алтайцев. Напротив, русский

язык насаждался колонизаторами для того, чтобы убить, уничтожить алтайцев как «инородцев», заставить их «обрусеть», для того, чтобы было легче и удобнее эксплоатировать трудящиеся массы алтайцев. Вот почему в то время насильственное насаждение русского языка было для многих алтайцев своего рода пугалом, вызывающим недоверие и даже враждебное отношение ко всему русскому.

В советских условиях, т. е. в условиях ленинско-сталинской национальной политики, родной язык алтайцев не только не изгоняется, но ему оказывается всяческая помощь в смысле его развития как важнейшего средства приобщения этой народности к высокой социалистической культуре. Вместе с тем русский язык, по мере культурного роста алтайцев, не только не встречает недоверия и тем более враждебного отношения, а его изучают, как уже неоднократно отмечено, добровольно и с охотой, ибо видят в нем могучее средство овладения высотами современной социалистической культуры. В наших советских условиях изучение русского языка не несет обрусения, ибо овладение русским языком идет параллельно с существованием и постепенным развитием родного языка алтайцев и вовсе не отменяет последний. Овладение русским языком лишь убыстряет развитие национальной культуры алтайцев. Напротив, искусственная изоляция алтайцев в рамках словарного состава своего языка от русского может оказать тормозящее влияние на развитие их национальной социалистической культуры. Русский язык в нашу эпоху уже перестал быть языком только русского населения, он является языком общения социалистических наций и народностей СССР, и широкое распространение его имеет большое общегосударственное значение. Отсюда вопрос изучения русского языка как общесоюзного государственного языка, на котором общаются между собой все социалистические нации, приобретает для алтайцев, как и для многих других народностей Сибири, большое практическое значение.

Фактически современные алтайцы говорят на трех языках. Северные алтайцы (Турочакский аймак), составляющие меньшинство алтайцев, говорят на североалтайском, южные (их большинство) — на южноалтайском, те и другие — на русском. Русский язык в настоящее время в Горно-Алтайской автономной области является наиболее распространенным и общим языком, хотя и не единственным.[1] За годы строительства социализма он сделался достоянием широких масс алтайского населения, которые считают его родным и близким. Вполне понятно отсюда, что делопроизводство в учреждениях области, обучение во всех средних учебных заведениях, а также в учительском институте ведется на русском языке. На нем же издается большинство газет. Таким образом русский язык играет ведущую роль в развитии социалистической культуры алтайцев, ибо последние убедились в практическом преимуществе его перед своим языком. Однако родной язык как у северных, так и у южных алтайцев был и остается важнейшим средством первоначального приобщения алтайцев к современной социалистической культуре, овладеть высотами которой алтайцы могут только при помощи русского языка.

Все изложенное по поводу языка дает основание утверждать, что у современных алтайцев процесс языкового строительства еще не закончен и говорить об общности и господстве национального языка, за-

---

[1] Численность алтайского населения в области в несколько раз меньше численности русского населения.

крепленного в литературе, у алтайцев еще рано. Поэтому объяснять те многочисленные неудачи, трудности, ошибки и неполадки в переводах на алтайский язык с русского языка только плохой работой переводчиков, их неподготовленностью и т. п., как это пытаются делать отдельные представители алтайской интеллигенции, неправильно. Это значит закрывать глаза на основную причину этих неудач, заключающуюся еще в слабом развитии алтайского литературного языка.

Таким образом рассмотрение вопроса об общности языка показывает, что этот признак нации еще отсутствует у современных алтайцев.

Остается сказать об общности психического склада у алтайцев, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры. Этот признак нации исследовать более трудно и сложно, нежели остальные. Однако, как было показано выше, в основных чертах он уже сложился за истекшие 30 лет жизни алтайцев в условиях советской автономной области. Политическая концентрация алтайцев в рамках советской административной автономии — развитие экономических связей, экономических центров, общей экономики Горно-Алтайской автономной области — естественно способствовали созданию общности культуры алтайцев.

Приведенные выше факты вполне достаточны для подтверждения наличия общности специфических особенностей алтайской национальной культуры, отражающих общность психического склада современных алтайцев. Таким образом этот признак нации у алтайцев в основном наметился, хотя процесс его развития еще далеко нельзя считать завершенным.

Подытоживая сказанное, следует заключить, что процесс национальной консолидации алтайцев идет по всем основным признакам, совокупность которых образует социалистическую нацию, хотя в нацию алтайцы, конечно, еще не сложились. Процесс национальной консолидации у них достиг фазы развития, когда произошло превращение алтайцев из разрозненных мелких и обособленных племенных и территориальных групп в прошлом в единую социалистическую народность. Формирование признаков социалистической нации у алтайцев идет под руководством Коммунистической партии Советского Союза, на основе Советской Конституции, в порядке полной ликвидации политической, экономической и культурной отсталости при повседневной братской помощи русского народа. Последняя в совокупности условий, обеспечивающих алтайцам возможность миновать капиталистический путь развития, играла и продолжает играть большую роль. Нет никакого сомнения в том, что самое развитие национальной культуры алтайцев происходит при большой помощи и участии русского народа. Русское население играет важную роль в народном хозяйстве и культуре Горного Алтая. Русские рабочие, крестьяне, техническая интеллигенция, работники науки и искусства, работники советского и партийного аппарата оказывают большую помощь в формировании алтайской культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, что весьма содействует укреплению дружеских отношений между алтайцами и русскими.

Русское население Горного Алтая оказывает прогрессивное влияние не только на развитие хозяйства алтайцев, но и на формирование их нового домашнего быта. Современное историческое развитие алтайцев определяется действием основного экономического закона социализма, открытого И. В. Сталиным. Закон этот сформулирован, как известно, следующим образом: «обеспечение максимального удовлетворения мате-

риальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники».[1] В соответствии с требованиями основного экономического закона социализма, у алтайцев успешно действует и социалистический закон планомерного развития народного хозяйства.

Итак, практическое осуществление советской национальной политики среди алтайцев, опирающейся на законы экономического развития социалистического общества, дало блестящие результаты. За тридцать лет в условиях советской автономии алтайцы совершили скачок, беспримерный в их истории, который приблизил их к передовым народам Советской страны. За это короткое время в горах Алтая возникла высокая культура, уровень которой неизмеримо превосходит все то, что было достигнуто здесь в течение нескольких тысячелетий.

Культурные достижения алтайских племен, приобретенные ими в древности, были уничтожены владычеством разных азиатских поработителей алтайцев, особенно Чингис-хана и его потомков. Позднее, в XV—XVIII вв., низкий культурный уровень алтайцев не имел условий для своего развития в результате политики грабежа и насилия ойратских, или джунгарских, ханов. И только в период нахождения племен Алтая в составе царской России уровень культуры у них поднялся, что явилось результатом непосредственного общения их с русским народом. Но в это время рост культуры алтайцев тормозился колониальной политикой царизма. Лишь советский период истории алтайцев создал условия для быстрого культурного прогресса их и привел в активное творческое движение материальные и духовные силы алтайцев, угнетенные в прошлом то различными азиатскими завоевателями, то русскими и китайскими капиталистами. В этом проявилась исключительная жизнеспособность и плодотворность советского государственного строя в применении даже к таким племенам и народностям, которые еще недавно находились на ранних ступенях общественного развития.

---

[1] И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 40.

ГОРНО-АЛТАЙСКАЯ АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ

- Границы государственные
- Границы союзных республик
- Границы краев и областей
- Границы Горно-Алтайской автономной области
- Границы районов
- ◉ Центр Горно-Алтайской автономной области
- ⊙ Центры районов
- ○ Прочие населенные пункты
- Шоссе

1-Майминский район
2-Чойский район
3-Турочакский район
4-Усть-Канский район
5-Шебалинский район
6-Элекмонарский район
7-Онгудайский район
8-Улаганский район
9-Усть-Коксинский район
10-Кош-Агачский район

ри
но
вы
ск
ск

ср
ли
в
ны
ск
ку
до

в
ти
XV
св
ил
в
ре
вр
ца
бы
ж
то
ка
и
к
ра

19

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие ко второму изданию 1

Введение

1. Расселение алтайцев 5
2. Источники для изучения алтайцев 13
3. Изучение истории Алтая 28
4. Изучение археологии Алтая 28
5. Этнографическое изучение алтайцев 30
6. Изучение алтайцев за советский период 42

Часть первая. Алтайцы до включения в состав Русского государства

I. Древнейшие обитатели Алтая 55
II. Ранние кочевники Алтая 60
III. Алтай в составе временных объединений кочевников Центральной Азии . 79
1. Древние тюрки Алтая 79
2. Уйгурское ханство 95
3. Енисейские кыргызы 97
4. Кидане и найманы 99
5. Алтайцы в составе империи Чингис-хана 104
6. Алтайцы в составе Улуса Джучия 110
IV. Алтай в период господства западномонгольских, или ойратских, ханов 111
V. Происхождение алтайцев 133

Часть вторая. Алтайцы в составе Русского государства

I. Включение алтайцев в состав Русского государства 165
II. Ясак и администрация 182
III. Возникновение русской торговли 192
IV. Начало освоения Горного Алтая русским народом и возникновение Алтайской духовной миссии 197
V. Хозяйство алтайцев в XIX в. 205
VI. Колониальная политика царизма на Алтае 229
1. Налоги 229
2. Земельная политика 233
3. Торгово-ростовщическая эксплоатация 238
4. Алтайская духовная миссия в пореформенный период 242
VII. Общественный строй 249
1. Пережитки родового быта 249
2. Собственность на основные средства производства 263
3. Кулы и айбычи. Беднота и эксплоатация ее 277
4. Рядовые скотоводы 291
5. Зайсаны и баи 296
6. Характеристика общественных отношений 310
7. Элементы капитализма 321
VIII. Бурханизм 343
1. «Белая вера» как религиозно-политическое движение 343
2. Социальная сущность бурханизма 348

Стр.

3. Организаторы и руководители движения 351
4. Причины возникновения бурханизма 352
5. Бурханизм после 1905 г. 358
IX. Землеустройство и административная реформа 360
X. События 1916 г. 367
XI. Значение пребывания алтайцев в составе Русского государства для их истории 372
XII. Алтайцы в период Февральской буржуазно-демократической революции 375

Заключение 383

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Оформление художника *М. Л. Эбера*. Редактор издательства *А. И. Соболева*. Технический редактор *Р. С. Певзнер*. Корректоры *Н. П. Ракова* и *Л. А. Ратнер*.

РИСО АН СССР № 5087. Пл. № 20—58 В. Подписано к печати 18/VII 1953 г. М-37464. Бумага 70×108/16. Бум. л. 13⅞. Печ. л. 38.01. Уч.-изд. л. 36.87. + 2 вкл. (0.24 уч.-изд. л.). Тираж 4000. Зак. № 387. Номинал по прейскуранту 24 р. 30 к. в переплете.

1-я типография Изд. Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9-я линия, д. 12.

ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
119	19 снизу	1836 г.	1936 г.
224	21 сверху	отметил	отметила
224	21 »	Ему сообщили	Ей сообщили
298	13 »	А. А. Анохина	А. В. Анохина

С 6.I.1961
Цена 2р 43к

241.30K